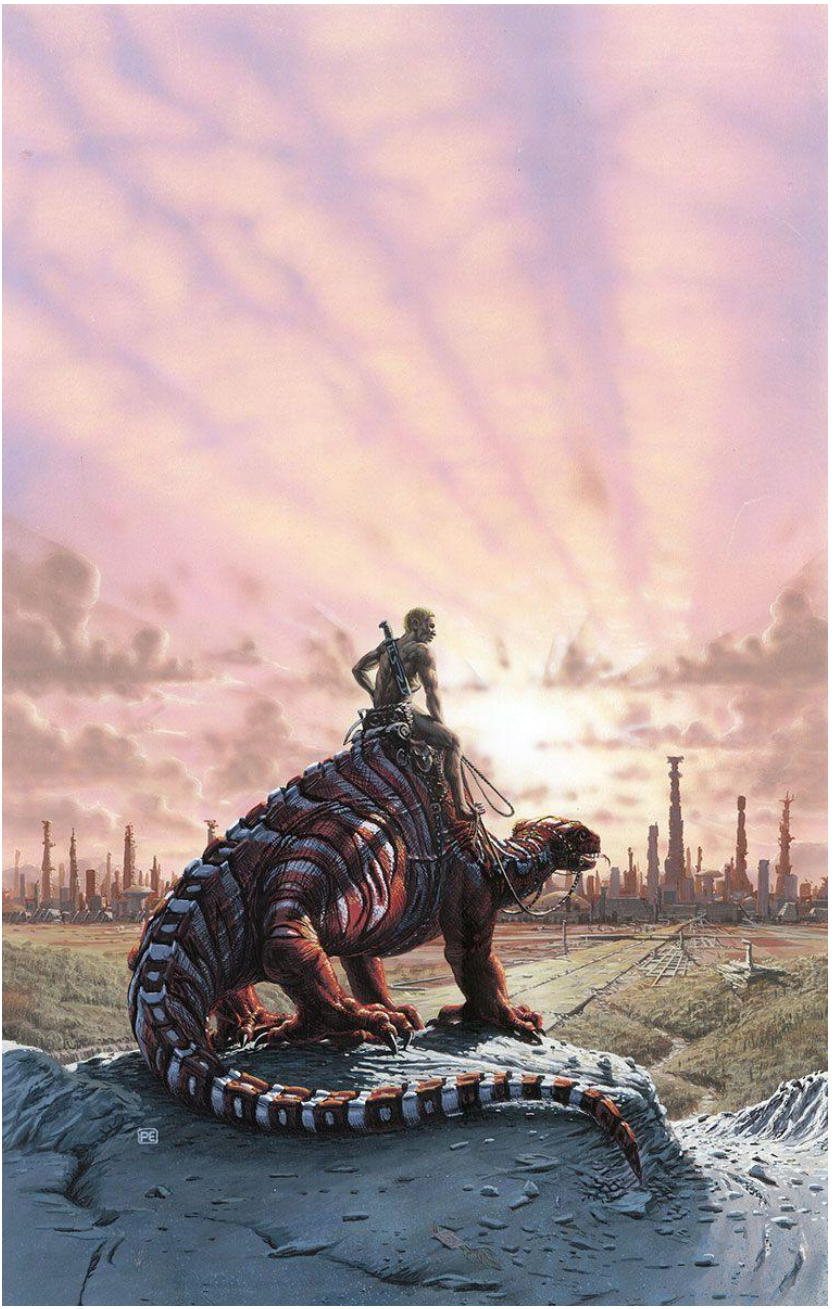


ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Клиффорд Саймак

МОГИЛЬНИК

**Сборник фантастики,
дополненный иллюстрациями,
из первых журнальных публикаций**

выпуск 6

**серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2020 год**

2

Публикации и иллюстрации:

Analog Science Fiction, November 1972-January 1973
Cemetery World •
Cover, interior artwork by John Schoenherr

Worlds of Fantasy, Spring 1971
Reality Doll •
Cover, interior artwork by Jack Gaughan

Analog Science Fiction, October-December 1979
The Visitors •
Cover, interior artwork by Vincent Di Fate

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.

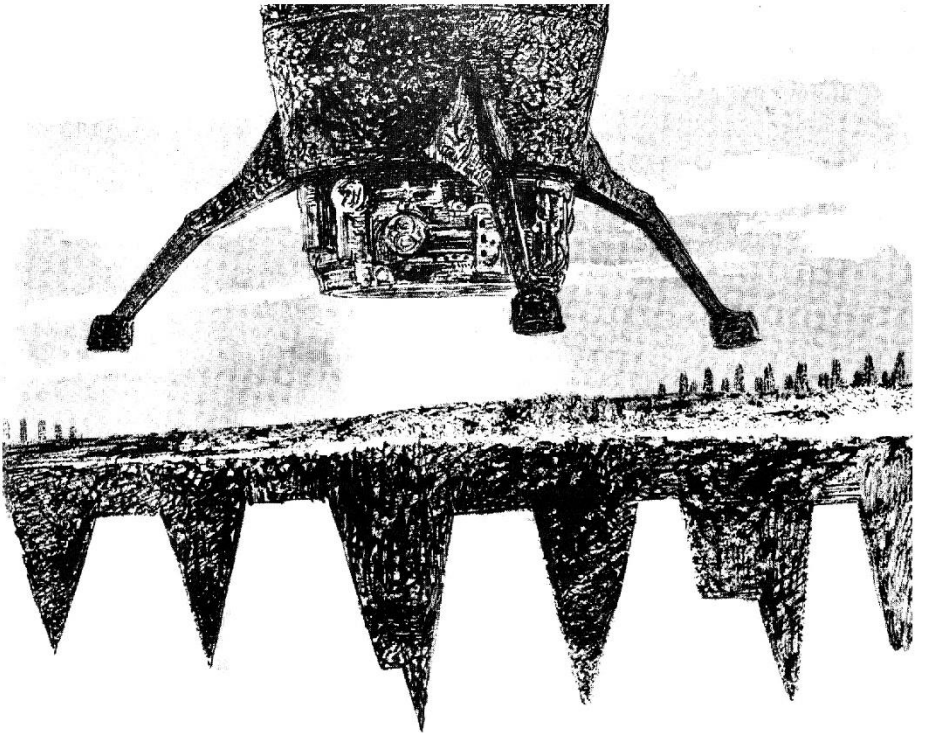
Работа с текстом by Petr.

Идея и работа с иллюстрациями: by formally.

МОГИЛЬНИК

Глава 1

Впервые я увидел Кладбище при свете дня. От его красоты захватывало дух. Сверкающие надгробные памятники рядами тянулись по долине и покрывали склоны близлежащих холмов. Аккуратно подстриженная, нигде не вытоптанная трава изумрудным ковром устилала землю. Величественные сосны, которые отделяли одну аллею могил от другой, тихо и заунывно шелестели.



— Прямо за душу берет, — проговорил капитан звездолета похоронной службы.

Он постучал себя по груди, очевидно, показывая мне, где у него находится душа. У меня сложилось впечатление, что человек он не очень далекий.

— Сколько бы ты ни шатался по космосу, сколько бы планет ни перевидал, Мать-Земля тебя не отпускает, — продолжал он, — Ты всегда помнишь о ней. Но стоит лишь приземлиться здесь и выйти из корабля, как обнаруживаешь, что подзабылось-то, оказывается, куда как много. Мать-Земля слишком велика и прекрасна, чтобы ее можно было удержать в памяти целиком.

Корпус звездолета, разогревшийся при посадке, теперь, потрескивая, отдавал тепло. Экипаж, не дожидаясь, пока корабль остынет окончательно, приступил к разгрузке.

Распахнулись черные бортовые люки; оттуда, позвякивая и лязгая цепями, высунулись стрелы кранов. От длинного приземистого здания, которое, судя по всему, исполняло роль этапного ангара, к звездолету устремились автомобили.

Капитана, похоже, все это нисколько не заботило. Он по-прежнему зачарованно разглядывал Кладбище! Вдруг он величаво повел рукой.

— Какие просторы! — сказал он, — А ведь сейчас мы видим только крохотный его кусочек. Оно давно переросло Северную Америку.

Он не сообщил мне ничего нового. Я прочитал гору книг о Земле, просмотрел и прослушал сотни кинопленок и магнитных лент. Я бредил Землей с детства. Наконец-то сбылась моя мечта, а этот придурок капитан вещает с таким видом, будто планета принадлежит ему одному. Хотя, быть может, тому есть основания: ведь он работает на Кладбище.

Он ничуть не преувеличивал, говоря о крохотном кусочке. Ряды памятников, бархатное покрывало травы, величественные сосны — подобная картина являлась, пожалуй, неотъемлемой частью пейзажа как в Северной Америке, так и на древнем острове Британия, на европейском континенте, в Северной Африке и в Китае.

— И каждый его дюйм, — не унимался капитан, — так же тих, покоен, торжествен и содержится в таком же порядке, что и уголок, который мы видим перед собой.

— А остальное? — спросил я.

Капитан обернулся ко мне.

— Что остальное? — раздраженно бросил он.

— Остальная территория планеты. Как с ней? Насколько мне известно, Кладбище владеет не всей Землей.

— Помнится, — заметил капитан ядовито, — вы меня об этом уже спрашивали. И что вам неймется? Поймите, кроме Кладбища, тут нет ничего, заслуживающего внимания.

Так оно, в общем-то, и было. Во всех современных, то есть менее чем тысячелетней давности книгах о свободной от

захоронений территории едва упоминалось. Земля была Кладбищем, если не считать немногих мест, которые представляли интерес с точки зрения истории или культуры. Эти места широко рекламировались, для их посещения организовывались специальные паломничества. Однако у тех, кто побывал там, неизбежно возникало впечатление, что существуют они лишь до поры до времени — пока Кладбищу не надоест ломать комедию. Так вот, по книгам выходило, что, помимо тех мест, Земля представляет собой всего лишь площадку для захоронений, на которой так давно ничего не строилось, что всякая память о былых днях успела улетучиться.

Капитан, по-видимому, не собирался сменить гнев на милость.

— Мы выгрузим ваши вещи и переправим их в ангар, — сказал он, — Там вы без труда их найдете. Я прикажу ребятам быть повнимательнее и не перепутать с гробами ваши ящики.

— Вы очень добры, — отозвался я.

Он утомил меня до последней степени. Уже на третий день полета я не чаял, как от него избавиться. Я как мог избегал его — без особого, впрочем, успеха, ибо, летя пассажиром на корабле похоронной службы, я тем самым становился на время перелета гостем капитана. Надо сказать, эта привилегия обошлась мне недешево.

— Надеюсь, — в его голосе все еще слышались раздраженные нотки, — ваш груз не содержит ничего запрещенного к ввозу.

— А я и не подозревал, что фирма «Мать-Земля, Инк.» опасается крамолы.

— Вы напросились ко мне в пассажиры, и я взял вас потому, что вы показались мне благородным человеком.

— О благородстве у нас не было и речи, — напомнил я ему, — Разговор шел только о деньгах.

Быть может, подумалось мне, не стоило упоминать о свободных пространствах Земли. Мы с капитаном не раз

касались этой темы, и, как я мог заметить, он всегда реагировал на нее весьма болезненно. Мне следовало бы получше помнить прочитанное и держать рот на замке. Однако я не в силах был смириться с мыслью, что старушка Земля за десять тысяч лет превратилась в совершенно безликую планету. Во мне жила уверенность, что, если поискать, можно обнаружить старые шрамы и извлечь из-под пыли веков запечатленную в камне летопись былых времен.

Капитан повернулся, чтобы уйти, но я остановил его вопросом:

— Тот человек, к которому я должен обратиться, управляющий. Где я могу с ним встретиться?

— Его зовут Максуэлл Питер Белл, — бросил капитан, — Вы найдете его вон там, в административном корпусе.

Он показал на высокое серебристое здание в дальнем конце космодрома, к которому бежала дорога. Прикинув на глаз расстояние, я решил, что путь мне предстоит неблизкий. Никаких средств передвижения видно не было, если не считать выстроившихся в ряд у грузового люка корабля автомобилей— катафалков. Ну и ладно, прогуляемся по свежему воздуху.

— В соседнем здании, — продолжал капитан, — располагается гостиница, где останавливаются те, кто совершает паломничество. Возможно, вам повезет получить там номер.

Выполнив свои обязательства по отношению ко мне до конца, капитан развернулся и пошел прочь.

До гостиницы, приземистого сооружения в три этажа высотой, было гораздо дальше, чем до административного корпуса. Космодром выглядел чуть ли не заброшенным. На поле не было ни одного звездолета, помимо того, на котором я сюда прибыл, и, если забыть про катафалки, ни одного автомобиля.

Я направился к административному корпусу, думая о том, как хорошо размять мышцы, как хорошо снова чувствовать под ногами твердый грунт и дышать свежим воздухом.

Как хорошо очутиться на Земле, особенно после того, как неоднократно отчаивался сюда попасть.

Элмер, должно быть, бесится в своем ящике, гадая, почему я не распаковал его сразу после посадки. Это было бы разумное решение, ибо за то время, которое уйдет у меня на посещение Белла, он мог бы привести в порядок Бронко. Но тогда пришлось бы дожидаться, пока мои вещи выгрузят и переправят в ангар, а мне не терпелось сделать ну хоть что-нибудь.

Откровенно говоря, меня заинтриговало, с какой стати я должен отмечаться у этого самого Максуэлла Питера Белла? Капитан выразился в том смысле, что того, мол, требует простая вежливость, но я ему не поверил. Его поведение в полете, на который ушли без остатка все сбережения Элмера, отнюдь нельзя было назвать образцом любезности. Походило на то, что Кладбище считает себя чем-то вроде правительства и ожидает соответствующего уважения со стороны гостей планеты. На деле же оно было не чем иным, как преуспевающей фирмой, которую мало интересовали моральные проблемы. За годы, посвященные изучению Земли, у меня выработалось весьма определенное мнение о компании «Мать-Земля, Инк.».

Глава 2

Максуэлл Питер Белл, управляющий североамериканским отделением фирмы «Мать-Земля, Инк.», оказался пухленьким коротышкой с претензиями на роль всеобщего любимца. Когда я вошел в его офис, занимающий особняк на крыше административного корпуса, он встретил меня, восседая в громоздком зачехленном кресле за большим сверкающим столом. Потерев руки, он приветливо, если не сказать нежно, улыбнулся мне. Начни его карие глаза таять и сбегать ручейками по щекам, оставляя на них следы, как от шоколада, я бы ничуть не удивился.

— Вы довольны перелетом? — спросил он. — У вас нет претензий к капитану Андерсону?

Я покачал головой:

— Никаких. Я ему очень признателен. Мне не хватило бы денег, чтобы заплатить за место на корабле для паломников.

— Ну что вы, что вы, — проговорил он. — Это мы должны быть вам признательны. В наши дни мало кто из людей искусства проявляет интерес к Матери-Земле.

Тут он, разыгрывая из себя радушного хозяина, пожалуй, слегка переборщил. Мне было известно, что Земля вовсе не обделена вниманием, как он выразился, «людей искусства»; причем любой из них, прилетев сюда, незамедлительно попадал под «материнское» крылышко фирмы. Об опеке со стороны компании мог не догадаться разве что полный недотепа. Потому-то многое из того, что было здесь написано или снято, выглядело как состряпанная высокооплачиваемыми мастерами своего дела кладбищенская реклама.

— У вас тут хорошо, — сказал я лишь для того, чтобы поддержать разговор.

Получилось так, что я сам напросился на лекцию. Белл завозился, поудобнее устраиваясь в кресле, — точь-в-точь наседка, распускающая перья над гнездом с яйцами.

— Вы, разумеется, слышали сосны, — начал он, — Они поют. Даже отсюда, если распахнуть окно, можно услышать их пение. Я слушаю их вот уже тридцать лет и никак не наслушаюсь. Они поют о вечном покое, который нельзя обрести нигде, кроме как на Земле. Порой мне кажется, что это песня не только сосен и ветра, но разбросанного по космосу человечества, которое наконец возвращается домой.

— Ничего такого я не слышал, — признался я, — Наверное, прошло слишком мало времени. Но вообще-то я для того и прилетел, чтобы слушать.

С тем же успехом я мог бы не раскрывать рта. Он меня не слышал. Он не желал меня слышать. Он был поглощен исполнением давным-давно заученного монолога.

— Тридцать с лишним лет, — вещал он, — я забочусь об Окончательно Вернувшихся. За такую работу берутся, лишь хорошенько все взвесив. У меня было много предшественников; в этом кресле сиживали многие управляющие, и все они были людьми благородными и возвышенными. И моя обязанность — продолжать их дело. Еще я считаю своим долгом поддерживать великие традиции, которые зародились в далеком прошлом Матери-Земли.

Он откинулся на спинку кресла. В уголках его карих глаз выступила влага.

— Временами, — сообщил он, — мне приходится нелегко. Сами понимаете, обстоятельства бывают разные. Порочащие измышления, всякие слухи, обвинения, которые никогда не высказываются открыто. Полагаю, вам они известны.

— Да, я кое-что слышал.

— Вы верите им?

— Не всем.

— Давайте не будем ходить вокруг да около, — предложил он, пожалуй, чуть резковато. — Давайте поговорим начистоту. Во-первых, фирма «Мать-Земля Инкорпорейтед» есть ассоциация похоронных услуг, а Земля — кладбище. Далее, наша компания — отнюдь не мыльный пузырь, созданный ради легкой наживы, не ловушка для простаков и не какая-нибудь там посредническая контора, которая распродает за бешеные деньги лакомые кусочки бесценных угодий. Разумеется, мы в своей работе пользуемся существующими деловыми каналами. А как же иначе? Только этим путем мы можем предложить свои услуги населенной людьми Галактике. Отсюда возникает необходимость создания организации настолько крупной, что подобное трудно себе вообразить. Но у каждой медали есть оборотная сторона. В силу грандиозности предприятия практически невозможно говорить об осуществлении надлежащего контроля за ходом всей деятельности организации. Другими словами, вполне вероятно, что мы, руководители, зачастую остаемся в неведении относительно событий, которым, знай мы о них, вряд

ли позволили бы произойти. Мы нанимаем бесчисленных специалистов по рекламе. Мы вынуждены рекламировать свои товары в самых отдаленных уголках обжитого космоса. Мы с готовностью признаем, что на всех планетах, колонизованных людьми, находятся наши торговые агенты.

Для делового мира все это в порядке вещей. Учтите также, что, навязывая свои услуги, мы тем самым проявляем заботу о благе человека. В нашей деятельности можно выделить по меньшей мере два аспекта.

— Два? — переспросил я ошарашенно. Меня поразила не столько та лавина сведений, которую обрушил мне на голову Белл, сколько личность моего собеседника, — Я думал...

— Первый из них — индивидуальный подход, — перебил он. — О нем-то вы, без сомнения, и подумали. Разумеется, мы ставим индивида во главу угла. Поверьте мне: зная, что твои усопшие родственники покоятся в священной землице материнской планеты, ощущаешь в душе радость и умиротворение. И как приятно сознавать, что, окончив все счеты с жизнью, ты тоже окажешься тут — на планете, которая была колыбелью человечества!

Я повел плечами. Мне стало за него стыдно. Он поставил меня в неловкое положение, и потому я слегка рассердился. Должно быть, подумалось мне, он считает меня круглым дураком, если рассчитывает сладкими речами успокоить мои подозрения насчет истинного лица фирмы «Мать-Земля, Инк.» и обратить меня в свою веру.

— Второй аспект, — продолжал он, — является, пожалуй, еще более значимым. Мы, то есть наша фирма, сохраняем человечество как единое целое. Позабыв о Матери-Земле, человек превратился бы в перекати-поле. Он потерял бы всякую память и всякие связи с этим относительно небольшим кусочком материи, который кружит вокруг ничем не примечательной звезды. А так — пускай связь неимоверно хрупка, но она объединяет людей. Земля — вот то, что принадлежит всем нам без исключения. Лишившись ее, человек обратится в бродягу, не помнящего родства.

Белл сделал паузу и поглядел на меня. Мне показалось, он ожидает с моей стороны одобрительного замечания. Если так оно и было на самом деле, то ему пришлось разочароваться.

— Итак, Земля представляет собой огромное галактическое кладбище, — произнес он, сообразив, видно, что я не намерен раскрывать рот, — Однако это отнюдь не просто могильник. Она — памятник, она — нить, которая связывает человечество воедино. Без нас люди бы давным-давно предали Землю забвению. Сложись обстоятельства иначе, и планета, которая дала жизнь человеку, вполне вероятно, превратилась бы в предмет академического интереса и пустых споров. Изредка в поисках туманных свидетельств о временах юности галактической расы сюда заглядывали бы археологические экспедиции — и все.

Он подался вперед и оперся локтями на стол.

— Я утомил вас, мистер Карсон?

— Нисколько, — отозвался я, ничуть не покривив душой. Он вовсе меня не утомил, скорее, зачаровал. Неужели он и вправду верит всему тому, что наговорил мне?

— Мистер Карсон, — повторил он, — А имя? Боюсь, я его запамятовал.

— Флетчер, — подсказал я.

— Ну конечно! Флетчер Карсон. Значит, вы слышали все эти россказни. Что мы дерем с клиентов три шкуры, что мы облапошиваем их, что мы...

— Слышал, но не все, — заметил я.

— И принимаете их за чистую монету, не так ли?

— Послушайте, мистер Белл, — сказал я, — мне непонятно...

Он перебил меня.

— Надо признать, некоторые наши представители излишне усердны, — проговорил он, — А рекламщики, преисполнясь творческого пыла, забывают порой о хорошем вкусе. Но в общем и целом мы прилагаем немалые усилия, чтобы поддержать лицо фирмы, которая взялась за такое,

прямо скажем, нелегкое дело. Любой из паломников, побывавших на Матери-Земле, подтвердит, что на планете не найти ничего краше участков, к которым мы приложили руку. Благоустроенные, обсаженные вечнозеленым кустарником и тисом... трава бархатистая и аккуратно подстрижена... великолепные цветочные клумбы... да ведь вы видели все своими глазами, мистер Карсон.

— Лишь мельком, — сказал я.

— Что касается проблем, с которыми мы сталкиваемся, позвольте привести вам маленький пример, — он словно вдруг проникся доверием ко мне. — Несколько лет назад одному нашему агенту в дальнем секторе Галактики вздумалось распустить слух, что на Земле почти не осталось места и что тем семьям, которые хотели бы похоронить там своих покойников, настоятельно рекомендуется заблаговременно приобрести пока еще свободные территории.

— Разумеется, это была «утка», — закончил я, — Не так ли, мистер Белл?

Мой вопрос был чисто риторическим. Просто мне захотелось подколоть Белла. Однако он если и уловил насмешку в моем голосе, то не подал вида.

Он вздохнул.

— Естественно. Приведись мне услышать такое, я бы, откровенно говоря, не поверил. Я бы пожал плечами и посмеялся в лицо тому, кто мне это рассказал. Но многие поверили и побежали жаловаться, а власти затеяли расследование. Короче, нам пришлось несладко во всех отношениях. Хуже всего то, что слух не умер, что к нему до сих пор некоторые относятся вполне серьезно. Мы стараемся искоренить его. Мы тратим на борьбу с ним силы и деньги. Мы опубликовали не одно опровержение, но пока безрезультатно.

— Мне кажется, этот слух в какой-то степени вам на пользу, — заметил я, — На вашем месте я бы не особенно боролся с ним.

Белл надул пухлые щеки.

— Вы не понимаете, — сказал он, — Наши отношения с клиентами всегда строились на основе честности и взаимного доверия. Именно поэтому мы считаем, что фирма не должна нести ответственность за опрометчивый поступок одного из агентов. Если принять во внимание грандиозный масштаб нашей деятельности и трудности поддержания связи, то неудивительно, что такое иногда может произойти.

— Не могли бы вы рассказать мне об остальной Земле, — попросил я, — о той ее части, которая не является Кладбищем. Было бы весьма...

Взмахом пухленькой ручки Белл отмел мой вопрос и остальную Землю вместе с ним.

— Ничего там нет, — ответил он, — Дикая природа. Совершенно дикая. Интерес на планете представляет лишь Кладбище. С практической точки зрения, Земля — это могильник и ничего больше.

— Тем не менее, — не отступался я, — мне бы...

Не дав мне договорить, он возобновил свою лекцию:

— Нам никуда не деться от вопроса о наших доходах. Почему-то считается, что они у нас колоссальные. Но давайте прикинем с вами издержки. Во-первых, затраты на обеспечение существования фирмы — от них одних волосы дыбом встают. Прибавьте сюда расходы на содержание флота похоронной службы: ведь наши корабли привозят на Землю покойников со всей Галактики. Приплюсуйте еще деньги, которые тратятся на приведение в порядок участков на планете, и вы получите сумму, по сравнению с которой расценки на наши услуги покажутся мизерными.

Немногие из родственников соглашаются сопровождать умерших на борту корабля похоронной службы. А потом, мы сами зачастую не разрешаем им этого. Вы провели несколько месяцев на одном из кораблей и знаете теперь, что до комфорта туристских лайнеров нашим звездолетам далеко. Зафрахтовать корабль могут позволить себе лишь те, у кого денег куры не клюют, а прибытие звездолетов с

паломниками, путешествие на которых, кстати сказать, тоже обходится недешево, как правило, не совпадает по времени с посадкой кораблей похоронной службы. Таким образом, поскольку родственники обычно не в состоянии наблюдать за преданием усопшего земле, на нашу долю выпадает позаботиться о соблюдении традиций. Невозможно представить себе, чтобы человека погребли в священной почве Матери-Земли, не проронив над ним ни слезинки! Поэтому мы содержим большой штат плакальщиц и тех, кто несет гробы до могилы. Кого у нас только нет: цветочницы и могильщики, скульпторы и садовники, не говоря уже о священниках. Со священниками вопрос особый. Их у нас видимо-невидимо. Вера в божественное, которую люди понесли с собой к звездам, неоднократно видоизменялась, и на сегодняшний день мы имеем тысячи культов и сект. Однако наша фирма по праву гордится тем, что тело опускается в могилу лишь после того, как над ним прочитают заупокойную молитву, которая предписывается его вероисповеданием. Отсюда — невообразимое количество священников, причем кое—кому из них приходится отправлять свои обязанности не чаще, чем раз или два в год. Но, чтобы они всегда были под рукой, мы платим им жалованье круглогодично.

Разумеется, мы смогли бы сэкономить известные средства, воспользовавшись, к примеру, механическими экскаваторами для рытья могил. Но мы не хотим нарушать традиции, и потому у нас служит не одна тысяча могильщиков. Другой пример: значительно дешевле было бы устанавливать на могилах металлические таблички. Но опять-таки — традиция есть традиция. Все надгробные памятники на кладбищах вырезаны вручную из камней Матери-Земли.

Кроме того, существует еще вот какая проблема. Наступит день — не завтра, но тем не менее, — когда на Земле не останется свободного места. Источник нашего дохода иссякнет, но кому-то ведь надо будет заботиться о захоронениях и тратить деньги на их содержание. По этой причине мы

ежегодно отчисляем определенную сумму в страховой фонд, гарантируя клиентам, что, пока Земля кружит по своей орбите, могилам их близких ничто не угрожает.

— Очень интересно, — сказал я, — Спасибо за доставленное удовольствие. Однако не откажите в любезности объяснить, зачем вы все это мне рассказали.

— Как зачем? — удивился Белл. — Чтобы прояснить ситуацию. Чтобы не допустить извращения истины. Чтобы вы осознали, с какими трудностями мы сталкиваемся.

— И чтобы я заметил вдобавок, как развито у вас чувство долга и насколько вы преданы делу.

— А почему бы и нет? — спросил он, ничуть не смутившись. — Мы хотим показать вам все, что тут есть интересного. Прелестные деревушки, где живут наши рабочие, удивительно красивые часовни, мастерские, в которых изготавливают памятники.

— Мистер Белл, — сказал я, — мне не нужны экскурсоводы. Я прибыл сюда не как паломник.

— Но ведь вы не откажетесь от нашей помощи, которую мы вам с удовольствием предоставим?

Я покачал головой, надеясь, что Белл не обидится.

— Извините, но это не входит в мои планы. Нам надо работать — мне, Элмеру и Бронко.

— Вам, Элмеру и кому?

— Бронко.

— Бронко? Что-то я вас не пойму.

— Мистер Белл, — сказал я, — чтобы как следует понять меня, вам придется изучить историю Земли и познакомиться кое с какими древними легендами.

— А при чем здесь Бронко?

— Так раньше на Земле называли лошадей. Не всех, правда, а особой породы[1].

— Значит, ваш Бронко — лошадь?

— Нет, — ответил я.

---

[1] Бронко (амер.) — полудикая лошадь американских прерий. (Здесь и далее примеч. переводника.)

— Мистер Карсон, я не уверен, что понимаю, кто вы такой и что намереваетесь делать на Земле.

— Я специалист по композиции, мистер Белл. Я собираюсь сочинить композицию о планете Земля.

Он величественно кивнул, избавившись, как видно, от всяческих подозрений на мой счет.

— Вот оно что. И как я сразу не догадался! Ведь в вас с первого взгляда чувствуется что-то этакое... Вы сделали великолепный выбор. Мать-Земля подарит вам вдохновение. Ей присуще какое-то неуловимое очарование. Музыка переполняет ее...

— Дело не в музыке, — перебил я. — Вернее, не только в музыке.

— Вы хотите сказать, что музыка не имеет ничего общего с композицией?

— Конечно нет. Просто музыка — лишь часть композиции. Композиция есть абсолютная форма искусства. Она включает в себя музыку, письмо и устную речь, скульптуру, живопись и пение.

— И вы все это умеете делать?

Я покачал головой:

— По правде сказать, я мало что умею. А вот Бронко — да.

Он хлопнул в ладоши.

— Боюсь, я слегка запутался.

— Бронко — композитор, — объяснил я, — Он впитывает в себя настроение, внешние впечатления, малозаметные нюансы, звуки, формы и очертания. Он поглощает все это и выдает полуфабрикат — пленки и рисунки. Тогда наступает моя очередь. На время я как бы становлюсь придатком Бронко. Он подбирает материал, а я располагаю его в гармоническом порядке, но не весь, а только часть. Остальное доделывает тоже Бронко. Похоже, я ничего не сумел объяснить.

Белл покачал головой:

— Никогда ни о чем таком не слышал. Ну и дела!

— Теория композиции возникла на планете Олден лишь пару столетий назад, — сказал я, — и с тех пор ее непрерывно развивают. Двух одинаковых инструментов для композиции просто не существует. Как бы ни был хорош тот или иной экземпляр, всегда найдется какая-нибудь деталька, которая требует доработки. Поэтому, когда садишься конструировать композитор (неудачное название, но лучшего пока не придумали), трудно сказать заранее, что получится.

— Вы назвали свой аппарат Бронко. Наверное, на то была какая-то причина?

— Понимаете, — ответил я, — композитор — штука довольно громоздкая. У него сложный механизм со множеством хрупких деталей, для защиты которых от повреждений требуется прочный корпус. Иными словами, на себе его не потаскаешь. Следовательно, он должен двигаться самостоятельно. Вдобавок мы приделали к нему седло для тех, кто захочет на нем прокатиться.

— Если мне не изменяет память, вы упомянули Элмера. Почему вы пришли без него?

— Элмер находится в ящике, потому что он — робот, — пояснил я. — Он совершил перелет до Земли в качестве груза.

Белл беспокойно зашевелился.

— Мистер Карсон, — заявил он, — вам наверняка известно, что роботам запрещено ступать на Землю. Боюсь, нам придется...

— У вас ничего не выйдет, — сказал я. — Вы не вправе прогнать его с планеты. Он — коренной житель Земли, на что мы с вами явно не в силах претендовать.

— Коренной житель? Невероятно! Должно быть, вы шутите, мистер Карсон?

— Ни в коей мере. Его изготовили здесь в дни Решающей Войны. Он участвовал в создании последней из огромных боевых машин. С наступлением мирных дней он стал свободным роботом и, согласно галактическому закону, за

очень небольшим исключением обладает теми же правами, что и любой человек.

Белл снова покачал головой.

— Не знаю, — протянул он, — не знаю...

— Знать тут нечего, — сказал я, — Между прочим, я внимательно изучил свод галактических законов. Из них следует, что Элмер, ко всему прочему, считается уроженцем Земли. Не изготовленным на Земле, а рожденным на ней. Я прихватил с собой копию документа, который все это подтверждает. Сам документ остался на Олдене. Копию предъявить меня не попросили. По существу, — заключил я, — Элмер все равно что человек.

— Но капитан должен был поинтересоваться...

— Капитану было все равно, — ответил я, — Его вполне устроила взятка, которую я ему дал. А на случай, если вам окажется мало законных оснований, учтите: в Элмере восемь футов роста, и нрав у него далеко не покладистый. А еще он весьма чувствителен. Когда я запаковывал его в ящик, он запретил мне выключать себя. Скажу вам откровенно, мне не хочется думать о том, что может случиться, если его ящик открою не я, а кто-то другой.

Глазки Белла сонно сощурились, но взгляд у него был настороженный.

— Почему вы такого плохого мнения о нас, мистер Карсон? — поинтересовался он, — Мы рады вашему приезду, рады, что вы решили навестить старушку Землю. Стоит вам только попросить, и мы тут же придем вам на помощь. Если у вас возникнут трудности с финансами...

— Уже возникли. Но никакой помощи мне не надо.

— Бывали случаи, — гнул свое Белл, — когда мы субсидировали людей искусства. Писатели, художники...

— Я и так и этак старался дать вам понять, что мы не хотим связываться ни с вашей фирмой, ни с Кладбищем. Однако вы упорно не желаете ничего замечать. Нужно ли мне сказать об этом напрямик?

— Думаю, ни к чему, — отозвался он, — У вас сложилось в корне ошибочное представление, будто на Земле есть что-то еще, кроме Кладбища. Поверьте мне, милейший, ничего на ней больше нет. Земля — никудышная планета. Десять тысяч лет назад люди изгадили ее и бежали в космос, и если бы не мы, кто бы сейчас про нее помнил? Поразмыслите хорошенько. Мы можем договориться к взаимному удовольствию. Меня заинтересовала та новая форма искусства, о которой вы говорили.

— Послушайте, — сказал я, — давайте заканчивать. Я не собираюсь пахать на Кладбище. И должность штатного писаки в вашей фирме меня не устраивает. Я вам ничего не должен. Более того, я заплатил вашему драгоценному капитану пять тысяч кредиток, чтобы он доставил нас сюда...

— А на звездолете паломников, — перебил Белл раздраженно, — вам пришлось бы заплатить куда больше. Да и груз ваш сократили бы вполовину.

— По-моему, — бросил я, — заплачено было достаточно.

Я повернулся и вышел не попрощавшись. Спускаясь по ступенькам крыльца, я увидел автомобиль красного цвета, припаркованный у подъезда административного корпуса, на отведенном для стоянки месте. Сидевшая в нем женщина глядела прямо на меня с таким видом, как будто мы с ней были знакомы.

Цвет машины неожиданно напомнил мне об Олдене, где все и началось.

Глава 3

Дело было под вечер. Я сидел в саду, разглядывая пурпурное облако на розовом горизонте (небеса Олдена розового цвета) и слушая пение птиц, которое доносилось из небольшой рощицы у подножия садового холма. Я наслаждался их песнями, и тут на пыльной дороге, что бежала через песчаную равнину, показалось это чудище восьми футов ростом. Двигалось оно неуклюжей походкой пьяного

бегемота. Наблюдая за ним, я мысленно умолял его пройти мимо и оставить меня наедине с чудесным вечером и пением птиц. Я пребывал в глубокой депрессии и больше всего на свете хотел остаться один, рассчитывая найти в одиночестве исцеление. Ибо в тот день я столкнулся лицом к лицу с жестокой реальностью и вынужден был признать, что у меня нет ни малейшей возможности попасть на Землю, пока я не раздобуду где-нибудь еще денег. А раздобыть их мне было негде. Что-то я наскреб сам, что-то одолжил, но сумма оказалась крохотной. Будь у меня надежда на успех, я бы, наверное, отправился воровать. Будущее виделось мне окутанным беспросветным мраком. Я твердил себе, что хватит предаваться бесплодным мечтаниям, ведь построить такого композитора, как мне хочется, я все равно не в состоянии.

Сидя в саду, я наблюдал за восьмифутовым чудищем и желал всей душой, чтобы оно прошло мимо. Но надеяться на это было бессмысленно, поскольку, кроме моего сада, вокруг ничего не было.

Судя по всему, чудище было рабочим роботом, быть может, роботом-строителем. Хотя что делать роботу-строителю на Олдене? Никакого активного строительства тут не ведется.

Подковыляв к калитке, робот остановился.

— С вашего разрешения, сэр, — сказал он.

— Добро пожаловать, — проговорил я сквозь зубы.

Он отодвинул щеколду, прошел в калитку и аккуратно запер ее снова. Приблизившись ко мне, он медленно опустился на землю и прошипел что-то вежливое. Вы слышали, как шипит трехтонный робот? Уверяю вас, впечатление остается жуткое.

— Хорошо поют птички, — произнесла гора металла, сидя на корточках рядом со мной.

— Да, неплохо, — согласился я.

— Позвольте представиться, — сказал робот.

— Прошу, — ответил я.

— Меня зовут Элмер, — сказал робот, — Я свободный робот. Меня отпустили на свободу много веков назад, и с тех пор я принадлежу самому себе.

— Поздравляю, — хмыкнул я, — И как жизнь?

— Неплохо, — ответил Элмер, — Брожу, знаете, туда-сюда.

Я кивнул. Мне доводилось встречать свободных роботов-бродяг. После многих лет рабства закон наконец уравнял их в правах с людьми.

— Я слышал, — продолжал Элмер, — что вы собираетесь вернуться на Землю.

Именно так он и сказал: «вернуться на Землю». Минуло десять тысячелетий, и какой-то робот надумал вернуться на Землю. Как будто человечество покинуло ее только вчера!

— Тебя неправильно информировали, — сказал я.

— Но у вас есть композитор...

— Всего лишь каркас, с которым придется немало повозиться, прежде чем он окажется на что-либо способным. Такой хлам на Землю тащить не стоит.

— Плохо, — вздохнул Элмер. — Где же еще сочинять композиции, как не на Земле! Правда, тут есть одно «но»...

Неизвестно почему, он замялся. Я терпеливо ждал, не желая смущать его вопросами.

— Я вот что хочу сказать, сэр... не знаю, имею ли я право так говорить... в общем, не дайте Кладбищу поймать себя на удочку. Кладбище — чужое. Оно присосалось к Земле. Присосалось, понимаете ли, как пиявка.

Услышав такие слова, я навострил уши. Гляди-ка, сказал я себе с изрядной долей удивления, не ты один не доверяешь Кладбищу.

Я внимательнее пригляделся к роботу. Ничего особенного в нем не было. Тело его, по крайней мере по олденским меркам, было старомодным и топорно сработанным, но сильным и крепким. Что касается головы, то изготовителям Элмера, как видно, некогда было думать о такой чепухе, как приятное выражение лица. Выглядел он довольно

неряшливо, но по манере говорить никак не напоминал устаревшего неповоротливого рабочего робота.

— Нечасто встретишь робота, который интересуется искусством, — промолвил я, — да еще таким трудным для понимания. Ты порадовал меня.

— Я пытался стать человеком, — объяснил Элмер, — Я ведь им никогда не был. Вот почему, наверное, я так старался. Сначала я получил документы об освобождении, а потом вышел закон о правах роботов; ну и я решил, что мой долг — попробовать стать человеком. Конечно, это невозможно. Во мне до сих пор много чего от машины...

— Однако вернемся ко мне, — сказал я, — Откуда ты узнал, что я собираю композитор?

— Понимаете, я механик, — ответил Элмер. — Я был механиком всю жизнь. Я так устроен, что достаточно мне поглядеть на прибор, и я уже знаю, как он работает и что в нем сломалось. Скажите мне, какая вам нужна машина, и я построю ее для вас. А что до композитора, он — чрезвычайно сложный аппарат, и разработка его далека от завершения. Я вижу, вы смотрите на мои руки. Наверняка вы думаете, как такие лапы могут управляться с композитором. А ответ простой: у меня много рук. Когда требуется, я отворачиваю свои, так сказать, повседневные руки и привинчиваю вместо них другие. Вы, конечно, о таком слышали?

Я кивнул:

— Да. И глаз, надо полагать, у тебя тоже не одна пара?

— Разумеется, — отозвался Элмер.

— Так что, композитор бросил вызов твоим способностям механика?

— Какой там вызов, — отмахнулся Элмер. — Предурацкое словечко! Мне нравится работать со сложными механизмами. Я словно оживаю и начинаю чувствовать себя на что-то годным. Вы спрашивали, откуда я узнал про вас. По-моему, кто-то обронил невзначай, что вы строите композитор и хотите вернуться на Землю. Я услышал, навел о вас справки, узнал, что вы учились в университете, сходил туда

и поговорил с народом. Один профессор сказал мне, что верит в вас. Он сказал, что вы рождены для больших дел, что у вас талант от природы. Кажется, его зовут Адамс.

— Доктор Адамс, — поправил я, — Он всегда был добр ко мне, а теперь постарел и стал очень рассеянным.

Я хихикнул, представив себе, как огромный Элмер заявляется в университет, расхаживает по исполненным академического духа коридорам моей альма-матер и пристает к профессорам с глупыми вопросами о бывшем студенте, которого многие из них, несомненно, давным-давно забыли.

— Там был еще один профессор, — продолжал Элмер, — который произвел на меня сильное впечатление. Мы долго с ним разговаривали. Он профессор не гуманитарных наук, а археологии. По его словам, он близко знаком с вами.

— Должно быть, Торндайк. Он мой старый и верный друг.

— Именно так его и звали, — сказал Элмер.

Я слегка развеселился и в то же время ощутил нарастающее раздражение. С какой стати этот детина сует нос в мои дела?

— Теперь ты убедился, что мне по силам построить композитор? — спросил я.

— Совершенно верно, — отозвался он.

— Если ты пришел наниматься ко мне в помощники, то только зря потерял время, — сказал я, — Помощник мне нужен, да и парень ты вроде ничего, но вот денег у меня нет.

— Понимаете, сэр, — пробормотал Элмер, — конечно, я был бы рад работать с вами. Но пришел я к вам по другой причине. Я хочу вернуться на Землю. Я родился на ней. Меня там изготовили.

— Что? — воскликнул я.

— Меня создали на Земле, — сказал Элмер. — Я уроженец Земли. Мне хотелось бы снова увидеть родную планету. И я подумал, что раз вы летите...

— Еще раз, — попросил я, — и помедленнее. Ты что, в самом деле с Земли?

— Я видел последние дни Земли, — ответил Элмер, — Я работал над последней боевой машиной и был руководителем проекта.

— Как же ты до сих пор не рассыпался? — удивился я, — Разумеется, роботы — машины долговечные, однако...

— Я был ценным работником, — заметил Элмер. — Когда люди собрались улетать к звездам, для меня нашли место на корабле. Я был не просто роботом. Я был механиком, инженером. Людям нужны были роботы вроде меня, чтобы обжиться на далеких планетах. Они заботились обо мне, меняли детали, которые изнашивались, и вообще следили за мной. А получив свободу, я стал заботиться о себе сам. Мне и в голову никогда не приходило поменять тело. Я не давал ему ржаветь да время от времени плакировал, но о замене не помышлял. Главное то, что внутри, а не то, что снаружи. И потом, сегодня туловище так запросто не поменяешь. Их нет в наличии. Значит, надо оформлять специальный заказ.

Похоже, он если и привирал, то совсем чуть-чуть. Когда люди бежали с Земли — ибо их уже ничто не удерживало на разрушенной и поруганной планете, — они действительно могли захватить с собой роботов типа Элмера. Да и вид у него был внушающий доверие.

Вот он сидит рядом со мной, и, если я его попрошу, он расскажет мне о Земле. Он помнит ее, помнит все, что видел, слышал и знал, ибо роботы, в отличие от живых существ, никогда и ничего не забывают. Воспоминания о древней Земле хранятся в его памяти, отчетливые и незамутненные, как будто он приобрел их лишь накануне.

Я понял, что дрожу — не физически, а внутренне. Многие годы я изучал историю Земли; по правде сказать, изучать было почти нечего. Записи и книги сохранились в лучшем случае в виде фрагментов и обрывков. Убегая с Земли, люди слишком торопились, чтобы задумываться о сохранении наследия планеты. И где оно теперь? Разбросано по тысячам планет, позабытое и потому сохраненное, спрятано в самых невообразимых местах. Чтобы разыскать его, никакой

жизни не хватит. Причем наверняка большая часть его не заслуживает внимания исследователя.

А тут нате вам, пожалуйста, — робот, который видел Землю и может рассказать о ней; быть может, не так полно, как хотелось бы, поскольку находился он там в тяжелое время, когда многое из былой красоты Земли уже исчезло.

Я попытался сформулировать вопрос, но не смог придумать ничего такого, на что, как мне казалось, мог бы ответить Элмер. Я отвергал вопросы один за другим, потому что они не годились для робота, который строил боевые машины.

И вдруг он сказал такое, от чего я в первый момент обомлел.

— Я бродяжничал не один год, — проговорил он, — поменял не одну работу, и платили мне всюду прилично. Деньги я откладывал про запас, потому как, сами понимаете, на что роботу их тратить? Но, кажется, я наконец-то дождался подходящего случая. Если вы, сэр, не обидитесь...

— На что? — спросил я, не вполне уловив, куда он клонит.

— Да я хотел предложить вам истратить их на композитор, — ответил он. — По-моему, их должно хватить на то, чтобы закончить его.

Наверное, мне следовало— ошалеть от радости, встать на голову и заболтать в воздухе ногами. А я сидел, боясь пошевелиться, боясь неосторожным движением согнать улыбку с лица фортуны.

— Я бы не советовал тебе этого, — выдавил я из себя, с трудом разжав губы. — Невыгодно.

В его голосе послышались просительные нотки:

— Ну пожалуйста, сэр! Деньги — дело десятое. Я ведь хороший механик. Вдвоем с вами мы сможем построить аппарат, какого свет еще не видывал.

Глава 4

Когда я спустился с крыльца, женщина, сидевшая за рулем красного автомобиля, обратилась ко мне: — Вас зовут Флетчер Карсон, не так ли?

— Да, — ответил я озадаченно, — но откуда вы узнали о том, что я здесь? Я вроде бы никому об этом не сообщал.

— Я поджидала вас, — сказала она. — Я знала, что вы прилетите на корабле похоронной службы, но немного запоздала: слишком далеко ехать. Меня зовут Синтия Лансинг, и мне надо с вами поговорить.

— У меня мало времени, — сказал я, — Давайте в другой раз.

Красавицей ее никто бы не назвал, однако в ней было что-то такое, что притягивало взгляд. Приятное кругловатое лицо, черные волосы до плеч, невозмутимый взор. Когда она улыбалась, впечатление было такое, словно вам дарит улыбку каждая черточка ее лица.

— Вы направляетесь в ангар распаковывать Бронко с Элмером, — проговорила она. — Могу вас подбросить.

— Похоже, вам известно обо мне больше моего, — съязвил я.

Она улыбнулась:

— Я знала, что сразу после посадки вы отправитесь наносить визит Максуэллу Питеру Беллу. Как он, кстати, прошел?

— Максуэлл Питер записал меня в отщепенцы.

— Значит, заарканить ему вас не удалось?

Я покачал головой, решив из осторожности промолчать. Откуда, черт побери, она все это узнала? Должно быть, тоже побывала в олденском университете. Да, хорошие ребята мои друзья, но нельзя же настолько распускать языки!

— Садитесь, — пригласила она, — Мы можем продолжить разговор по дороге. Мне очень хочется увидеть вашего чудесного Элмера.

Я забрался в машину. На коленях у женщины лежал конверт. Она протянула его мне.

— Для вас, — сказала она.

На лицевой стороне конверта было накорябано мое имя. Я знал только одного человека с таким безобразным почерком. «Торни, — сказал я себе. — Что общего может быть у Торни с Синтией Лансинг, которая пристала ко мне как репей в первый же час моего пребывания на Земле?»

Синтия выжала сцепление; автомобиль тронулся с места. Я разорвал конверт. Внутри оказался официальный бланк олденского университета. В левом верхнем углу было напечатано: «Уильям Дж. Торндайк, доктор философии, археологический факультет».

Письмо было написано тем же самым почерком, что и адрес на конверте. Оно гласило:

Дорогой Флетч!

Ты должен верить всему, что расскажет тебе податель сего письма, мисс Синтия Лансинг. Я проверил факты и готов поручиться за их достоверность собственной репутацией. Она желает сопровождать тебя; если ты примиришься с этим, то окажешь мне большую услугу. Она отправится на Землю кораблем для паломников и будет встречать тебя на космодроме. Я предоставил в ее распоряжение определенную сумму из средств факультета; если тебе понадобятся деньги, можешь ими воспользоваться. Что касается мисс Синтии, у нее на Земле есть дело, связанное с тем, о чем мы с тобой говорили в последний раз, когда ты заглянул ко мне попрощаться перед отлетом.

Сжимая письмо в руке, я закрыл глаза и представил себе Торндайка — такого, каким я видел его в последний раз. Мы были в захламленной комнате, которую он именовал кабинетом. Книжные полки до потолка, невзрачного вида мебель; в камине, перед которым на коврике клубком свернулся пес, горел огонь; неподалеку возлежала на своей подушечке кошка. Сидя на пуфике, Торндайк перекатывал в ладонях стакан с бренди. «Флетч, — сказал он, — я уверен,

что моя теория верна. Те мои коллеги, которые считают анахрониан галактическими торговцами, серьезно заблуждаются. Они — наблюдатели, разведчики, если хочешь. И это вовсе не безумное предположение. Допустим, что существует некая великая цивилизация, которая уже проторила дорогу к звездам. Допустим, что они обнаружили планету, на которой ожидается всплеск интеллектуальной культуры. Они посылают туда наблюдателя с заданием сообщать обо всем, что может представлять маломальский интерес. Как тебе известно, двух одинаковых культур не бывает. Возьми, к примеру, колонии, основанные покинувшими Землю людьми. Потребовалось совсем немного времени, чтобы выявились значительные отличия. А что уж говорить о тех мирах, культуры которых по сути своей являются чуждыми человечеству? Разумные существа двух разных видов никогда не повторяют друг друга в развитии. Они могут добиться одинаковых или похожих результатов, но воспользуются ими по-разному, и у каждого вида со временем проявится какая-нибудь отличительная особенность. Таков путь развития любой галактической цивилизации, малой или великой; поэтому многое остается незамеченным или пропускается. Раз так, даже великим цивилизациям стоило бы заняться изучением достижений других культур — достижений, которые они сами упустили из виду. Быть может, полезным окажется лишь одно из десятка этих достижений, но что, если именно оно откроет новые горизонты познания? Предположим, любопытства ради, что до колеса додумались только на Земле. Все великие цивилизации прошли мимо колеса, сделав упор на иной принцип движения. Но так ли невероятно, что, узнав о колесе, они заинтересуются им? Ведь колесо — штука весьма и весьма полезная».

Я открыл глаза. Письмо по-прежнему было зажато у меня в руке. Мы приближались к ангару. Звездолет одиноко возвышался над посадочной площадкой; никаких автомобилей рядом не было. Должно быть, разгрузка закончилась.

— Если верить Торни, вы собираетесь присоединиться к нам, — сказал я Синтии Лансинг. — Не уверен, стоит ли. Мы будем жить походной жизнью.

— Ну и что? Походная жизнь меня не пугает.

Я покачал головой.

— Послушайте, — заявила она, — я отдала все, что имела, чтобы встретиться с вами. Я кое-как наскребла денег на билет на звездолет для паломников...

— Да, Торни упомянул о какой-то субсидии.

— Мне не хватало на билет, — призналась она, — поэтому пришлось воспользоваться любезностью Торндайка. Поджидая вас, я сняла номер в гостинице для паломников, что тоже обошлось в кругленькую сумму. Короче говоря, денег осталось кот наплакал...

— Плохо, — сказал я. — Но вы, похоже, знали, на что шли. Не думали же вы, в самом деле...

— Думала, — перебила она, — Мы с вами — два сапога пара.

— То есть?

— Когда вы закончите свою композицию, вам не на что будет возвращаться на Олден, правильно?

— Правильно, — согласился я, — но если композиция...

— Денег нет, — пробормотала она, — и у «Матери-Земли» вы не в фаворе.

— Ну да, однако я не понимаю, при чем тут вы...

— Тогда выслушайте меня. Наверное, вы посмеетесь...

Она замолчала и посмотрела на меня. Улыбка сошла с ее лица.

— Черт возьми, — воскликнула она, — вы что, в рот воды набрали? Помогите же мне. Спросите меня, что я хочу вам рассказать.

— Ладно. Что вы хотите мне рассказать?

— Я знаю, где лежит клад.

— Святое небо! Какой клад?

— Анахронианский.

— Торни убежден, что анахрониане побывали на Земле, — сказал я. — Он просил меня поискать следы их пребывания. Судя по его словам, игра не стоит свеч. Археологи сомневаются, существовал ли такой народ вообще. Планету их обнаружить не удалось. Всего и доказательств, что фрагменты надписей, найденные в нескольких мирах. Отсюда заключили, что некогда представители этой таинственной расы жили на многих планетах. Большинство археологов считает их торговцами. По мнению Торни, они были наблюдателями, а может быть, ни теми и ни другими. Он мог рассуждать о них часами, однако ни о каком кладе не упоминал.

— Но клад тем не менее существует, — возразила она. — Его перевезли из Греции в Америку в дни Решающей Войны. Я узнала про него, а профессор Торндайк...

— Давайте разберемся, — остановил я ее, — Если Торни прав, они прилетали сюда не за сокровищами. Они наблюдали, собирали данные...

— Разумеется, — согласилась она, — Наблюдатель должен был быть профессионалом, не правда ли? Историком, даже больше, чем просто историком. Он мог оценить культурное значение известных артефактов — скажем, церемониального ручного топора доисторической эпохи, греческой вазы, египетских украшений...

Сунув письмо в карман куртки, я выбрался из машины.

— Пора заниматься делом, — объявил я, — Надо выпустить Элмера и распаковать Бронко.

— Вы берете меня с собой?

— Посмотрим.

Интересно, как я могу ее не взять? У нее рекомендация от Торни; она кое-что знает об анахронианах, да и клады на дороге не валяются. И потом, она окончательно разорится, если останется в гостинице для паломников, а другого жилья тут нет. Вообще-то мне она ни к чему. Наверняка будет мешаться под ногами. Я вовсе не охотник за кладами. Я прилетел на Землю, чтобы сочинить композицию. Я надеялся

уловить очарование Земли — той Земли, которая избежала пока щупалец Кладбища. На кой мне сдались анахронианские сокровища? Мы с Торни ни о чем подобном не договаривались.

Я направился к раскрытой двери ангара. Синтия шагала за мной по пятам. Внутри ангара было темно, и я остановился, давая глазам привыкнуть к темноте. Что-то шевельнулось во мраке, и я различил троих мужчин. Судя по одежде, это были рабочие.

— Тут должны быть мои ящики, — сказал я.

Ящиков в ангаре было много, поскольку сюда свезли весь груз звездолета.

— Вон они, мистер Карсон, — ответил один из рабочих, махнув рукой. Присмотревшись, я разглядел большой ящик, в котором томился Элмер, и четыре ящика поменьше — в них помещался разобранный Бронко.

— Спасибо, что поставили их в сторону, — поблагодарил я. — Я, правда, просил капитана, но...

— Надо бы уладить один вопросик, мистер Карсон, — сказал тот же рабочий, — Как насчет транспортировки и хранения?

— В смысле? Что-то я вас не пойму.

— В смысле оплаты. Мои ребята работают не за просто так.

— Вы бригадир?

— Точно. Фамилия Рейли.

— И сколько с меня?

Рейли залез в задний карман комбинезона и вытащил листок бумаги. Он внимательно просмотрел его, как будто проверяя правильность подсчетов.

— Получается четыреста двадцать семь кредиток, — сказал он, — но, пожалуй, хватит и четырехсот.

— Вы, наверное, ошиблись, — проговорил я, стараясь сдержать гнев, — Вы всего-то и сделали, что сгрузили ящики с корабля и доставили их сюда, а хранятся они здесь не больше часа.

Рейли печально покачал головой:

— Извините, но у нас такие расценки. Если вы не заплатите, мы не выдадим вам груз. Никуда не денешься, правила.

— Что за чушь! — воскликнул я. — Ну и шуточки у вас!

— Мистер, — сказал бригадир, — а шутить никто и не собирался.

Четырехсот кредиток у меня не было, да если бы и были, я бы все равно не стал их выкладывать. Однако с бригадиром и двумя дюжими грузчиками мне явно было не справиться.

— Разберемся, — пробормотал я, пытаясь сохранить лицо и не имея ни малейшего представления о том, как мне быть. Они приперли меня к стенке, вернее, не они, а Максуэлл Питер Белл.

— Так что давайте-ка, мистер, — заключил Рейли, — гоните монету.

Конечно, можно было бы потребовать разъяснений от Белла, но он наверняка именно на это и рассчитывал. Он ожидал, что я приду к нему, и если я покаюсь, приму предложенные деньги и соглашусь работать на Кладбище, то все моментально будет улажено. Однако ничего подобного я делать не собирался.

За моей спиной раздался голос Синтии:

— Флетчер, они вот-вот кинутся на вас!

Повернув голову, я увидел в дверном проеме новые фигуры в комбинезонах.

— Ничуть не бывало, — возразил Рейли, — Хотя вашего приятеля надо бы проучить: в другой раз поостережется указывать землянам, что им делать.

Внезапно послышался слабый, приглушенный звук. Похоже, из всех присутствующих один лишь я понял, что он означал, — это заскрежетал выдираемый из дерева гвоздь.

Рейли и его подручные обернулись.

— А ну, Элмер! — завопил я, — Задай им жару!

Большой ящик словно взорвался. Верхняя крышка разлетелась в щепы, и из ящика, выпрямляясь во весь рост, поднялся Элмер.

Он перемахнул через борт, и надо отметить, вышло у него это довольно грациозно.

— Что случилось, Флетч?

— Разберись с ними, Элмер, — приказал я. — Но не убивай, а так, изувечь немножко.

Робот сделал шаг вперед. Рейли с грузчиками отшатнулись.

— Я их не трону, — пообещал Элмер. — Просто выгоню, и все. А кто это с тобой, Флетч?

— Синтия, — ответил я, — Она составит нам компанию.

— Правда? — спросила Синтия.

— Эй, Карсон, — крикнул Рейли, — не стоит нам угрожать...

— Марш отсюда! — бросил Элмер, делая шаг по направлению к нему и отводя руку для замаха.

Грузчики мигом выскочили за дверь.

— Ну нет! — воскликнул Элмер и рванулся следом.

Дверь уже готова была захлопнуться, но он просунул руку в щель, напрягся, и дверь снова оказалась открытой. Потом он ударил в нее плечом. Дверь сорвалась с петель.

— Так-то лучше, — проговорил Элмер, — Теперь дверь не закроется. Они ведь хотели нас тут запереть. Будь добр, Флетч, объясни, что происходит?

— Мы пришлись не по нраву Максуэллу Питеру Беллу, — сказал я, — Давай займемся Бронко. Чем скорее мы отсюда уберемся...

— Мне нужно добраться до машины, — проговорила Синтия. — Там припасы и моя одежда.

— Припасы? — переспросил я.

— Еда и кое-что другое, что может нам пригодиться. Вы же прилетели налегке, правильно? Вот, кстати, одна из причин, почему я истратила столько денег.

— Идите к машине, — сказал Элмер, — а я постою на страже. Они не посмеют к вам привязаться.

— Вы все предусмотрели, — заметил я, — Значит, вы были уверены...

Но Синтия, не дослушав, выбежала из ангара. Запрыгнув в машину, она запустила двигатель и загнала автомобиль внутрь. Рейли и его людей нигде не было видно.

Элмер подошел к куче ящиков и постучал по самому маленькому из них.

— Бронко? — позвал он, — Ты тут?

— Да, — ответил глухой голос. — Это ты, Элмер? Мы долетели до Земли?

— Я и не знала, что Бронко может разговаривать и чувствовать, — сказала Синтия, — Профессор Торндайк меня не предупредил.

— Он чувствует все, но интеллект у него слабоват, — отозвался Элмер, — Гигантом мысли его не назовешь. Ты в порядке? — спросил он у Бронко.

— В полном, — откликнулся тот.

— Чтобы открыть ящики, нам понадобится лом, — сказал я.

— Зачем? — удивился Элмер и с размаху стукнул кулаком по одному из углов ящика.

Дерево хрустнуло. Робот просунул в образовавшуюся дыру пальцы и оторвал доску.

— Все очень просто, — пробормотал он, — Со мной было хуже. Мне было тесно и не за что было ухватиться. Но когда я услышал, что творится снаружи...

— А Флетч здесь? — спросил Бронко.

— Флетч у нас парень не промах, — ответил Элмер, — Он тут и уже подцепил себе девчонку.

Доски отлетали от ящика одна за другой.

— За дело, — сказал Элмер.

И мы с ним принялись за работу.

Собрать Бронко играючи было невозможно. В его конструкции было неимоверное количество деталей, каждую из

которых надлежало так подогнать к соседней, чтобы зазор между ними был минимальным. Но мы возились с Бронко на протяжении двух лет и потому знали его как облупленного. На первых порах мы пользовались инструкцией, но теперь необходимость в ней отпала. Мы выкинули инструкцию, когда она совершенно истрепалась, а Бронко, собранный по винтику заново, превратился в аппарат, который ничем не напоминал модель, описанную в инструкции. Мы знали Бронко наизусть. Мы могли настраивать его с завязанными глазами. Никаких лишних движений, никаких затруднений. Действуя как два автомата, мы с Элмером собрали Бронко за час.

В собранном виде он являл собой нелепое и потешное зрелище. У него было восемь суставчатых ног, которые могли изгибаться практически под любым углом и придавали ему насекомоподобный вид. На ногах, для удобства захвата, имелись мощные когти. Бронко мог передвигаться по любой местности. Он мог чуть ли не залезать на отвесные стены. Его бочкообразный, увенчанный седлом корпус хорошо защищал хрупкие приборы внутри. На спине Бронко располагался ряд колец, за которые можно было закрепить груз. Еще у него был выдвижной хвост, в котором насчитывалось до сотни различных датчиков. Голову его венчало причудливое сенсорное устройство.

— Ладно, — сказал он, — Когда отправляемся?

Синтия выгружала из автомобиля припасы.

— Туристское снаряжение, — бормотала она. — Пищевые концентраты. Одеяла, дождевики и тому подобное. Ничего лишнего. На лишнее у меня не было денег.

Элмер принялся навьючивать Бронко.

— Как, усидите на нем? — спросил я Синтию, показывая на Бронко.

— Конечно. А вы?

— Он поедет на мне, — ответил Элмер.

— Ну нет, — возразил я.

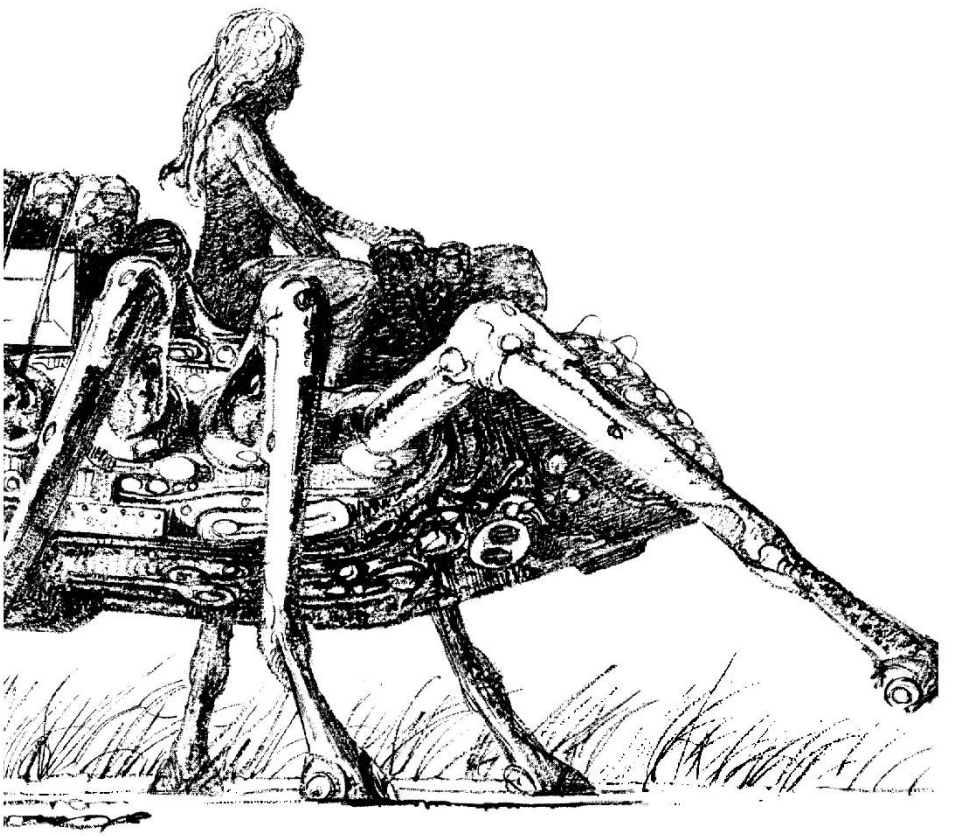
— Не будь дураком, — оборвал меня Элмер. — А если нам придется улепетывать? Вдруг они нас поджидают?

Синтия подошла к двери и выглянула наружу.

— Никого не видно, — сказала она.

— Куда направляемся? — поинтересовался Элмер, — Как быстрее всего выбраться с Кладбища?

— По дороге на запад, — сказала Синтия, — Мимо административного корпуса. Кладбище заканчивается миль через двадцать пять.



Закончив утрамбовывать груз на спине Бронко, Элмер огляделся.

— По-моему, все, — сказал он, — Забирайтесь.

Он подсадил Синтию на Бронко.

— Держитесь крепче, — предостерег он, — а то в два счета вылетите из седла. Бронко у нас такой.

— Ладно, — пообещала она. В глазах ее мелькнул испуг.

— Теперь ты, — Элмер повернулся ко мне.

Я хотел было запротестовать, но передумал, поняв, что слушать меня не станут. И потом, оседлать Элмера было весьма толковой идеей. Он бегает раз в десять быстрее моего. Его Длинные металлические ноги буквально пожирают расстояния.

Он поднял меня и усадил себе на плечи.

— Держись за мою голову, — сказал он, — а я возьму тебя за ноги. Не бойся, не упадешь.

Я грустно кивнул, чувствуя себя выставленным на всеобщее посмешище.

Бежать нам не пришлось. Если не считать одинокой фигуры путника вдалеке, на глаза нам никто не попался. Однако за нами следили; я всей кожей ощущал обращенные на нас взгляды. Синтия среди тюков и ящиков на спине у насекомоподобного Бронко и я, вознесенный над землей на могучих плечах Элмера, — должно быть, вид у нас был еще тот.

Мы продвигались не спеша, но и даром времени тоже не теряли. Бронко с Элмером были хорошими ходоками. Даже когда они шли обычным шагом, человек с трудом мог поспеть за ними.

Мы выбрались на дорогу, миновали административный корпус, и вскоре перед нами во всей своей красе раскинулось Кладбище. Дорога была пустынной, а пейзаж — мирным. Изредка мелькали вдали укрывшиеся в распадках деревеньки, устремленный в небо шпиль церкви да яркие пятна крыш. Наверное, в этих деревеньках живут те, кто работает на Кладбище.

Раскачиваясь и подпрыгивая в лад размашистой походке Элмера, я глядел по сторонам, и мне показалось, что Кладбище, при всей его хваленой живописности, на самом деле гнетущее и зловещее место. В его ухоженности таилось однообразие; над ним витал дух смерти и бесповоротности.

Раньше мне беспокоиться было некогда, а теперь я ощутил нарастающую тревогу. Сильнее всего меня беспокоило то, что Кладбище, как ни странно, по сути не попыталось остановить нас. Хотя, поправил я себя, не выберись Элмер из ящика, Рейли с подручными навили бы из меня веревок. Но все равно складывалось такое впечатление, что Белл сознательно дал нам уйти, зная, что в любой момент сможет нас отыскать. Да, насчет Максуэлла Питера Белла иллюзий я не питал.

Попробуют ли они задержать нас? Пока что не похоже; вполне возможно, что Беллу с Кладбищем давным-давно не до нас. Они махнули на нас рукой, и мы можем отправляться, куда захотим. Ведь куда бы мы ни пошли и что бы мы ни сделали, нам не покинуть Землю без содействия Кладбища.

Ну, подумалось мне, и натворил же я дел. Самоуверенно посмеявшись над напыщенностью Белла, я лишил себя возможности какого-либо сотрудничества с ним или с Кладбищем. Правда, от моего поведения вряд ли что зависело. Я должен был понимать, что на Земле без Кладбища — никуда. Вся моя затея была изначально обречена на провал.

Мне почудилось, что прошло совсем немного времени: я с головой ушел в свои мысли и не замечал ничего вокруг. Дорога взбежала на холм и оборвалась, а вместе с ней закончилось и Кладбище.

Моему восхищенному взгляду открылись долина внизу и уходящие вдаль гряды холмов. Местность была лесистой, и листва многих деревьев под лучами полуденного солнца была странного багряного цвета — оттенка тлеющих угольев.

— Осень, — проговорил Элмер. — Я успел забыть, что на Земле бывает осень. А там, сзади, все зеленое.

— Осень? — переспросил я.

— Время года, — пояснил Элмер. — В эту пору леса меняют цвет. И как я мог забыть?

Он повернул голову и поглядел на меня в упор. Если бы я не знал, что роботы не умеют плакать, я бы подумал, что заметил в его глазах слезы.

— Сколько мы забываем... — проронил он.

Глава 5

Это был прекрасный мир. Но красота его была зловещей и вызывающей и ничуть не напоминала нежную, почти хрупкую красоту моего родного Олдена. От нее исходило впечатление силы, она была торжественной и подавляющей, и в ней сплелись воедино изумление и страх.

Я сидел на мшистом валуне на берегу журчащего бурого потока и следил за тем, как течение уносит прочь волшебные ало-золотистые лодочки опавших листьев. Если прислушаться, то можно было на фоне клекота бурой воды различить приглушенный шелест, с каким слетали на землю все новые и новые листья. Но несмотря на буйство красок, чудилось, что в воздухе разлита печаль былых лет. Я сидел и слушал журчание воды и шелест листвы и поглядывал на деревья. У них были мощные стволы, которые, вероятно, перевидали на своем веку немало, и они словно обещали безопасность, покой и домашний уют. Здесь было все: цвет, настроение и звук, образ и структура и ткань — все, что можно постигнуть рассудком.

Солнце садилось. Над водой и над деревьями повисла сумеречная дымка. Стало прохладно. Самое время возвращаться в лагерь. Однако мне не хотелось уходить. У меня возникло странное ощущение, что такие вот места нельзя увидеть дважды. Уйдя и вернувшись, я обнаружу, что все переменилось; и сколько бы я ни уходил и ни возвращался,

чувство ни за что не повторится: что-то прибавится, что-то исчезнет, но воссоздать этот восхитительный момент в точности не удастся никому и никогда.

За моей спиной послышались шаги. Обернувшись, я увидел Элмера. Молча он подошел ко мне и опустился на корточки. Говорить было нечего и незачем. Я припомнил, сколько раз бывало так, когда мы сидели с Элмером вдвоем, понимая друг друга без слов. Сумерки сгущались; издалека донеслось чье-то уханье, а следом — приглушенный расстоянием лай. В темноте неумолчно журчала речка.

— Я развел костер, — сказал наконец Элмер. — Я развел бы его, даже если бы нам не нужно было готовить еду. Земля просит огня. Они неразделимы. Благодаря огню человек перестал быть дикарем и потому постоянно поддерживал его в очаге.

— Запомнилось? — спросил я.

Он покачал головой.

— Нет, не запомнилось. Что-то подсказывает мне, что все было именно так, хотя я не помню ни деревьев, ни речушек вроде этой. Но стоит мне увидеть дерево, листва которого пламенеет в свете осеннего солнца, как я представляю себе рощу таких деревьев. Стоит мне приблизиться к речке, вода в которой побурела от грязи, и я вижу ее чистой и светлой.

От вновь раздавшегося в сумерках лая у меня по коже побежали мурашки.

— Собаки, — проговорил Элмер, — верно, кого-нибудь гонят. Или волки.

— Ты был здесь в дни Решающей Войны, — сказал я, — тогда все было иначе, правда?

— Да, — подтвердил Элмер, — Земля умирала. Но иногда попадались места, где притаилась жизнь. Лощины, куда не проникли ни отрава, ни радиация, укромные местечки, которые оказались лишь вскользь затронутыми ударной волной. Они сохранили первоначальное обличье Земли. Люди в большинстве своем жили под землей, а я работал на поверхности. Я строил боевую машину — вероятно, последнюю из

их числа. Если бы не назначение этой машины, ее можно было бы назвать изумительным творением. Внешне она ничем не отличалась от других боевых машин. Однако ее наделили интеллектом. Ее искусственный мозг находился в контакте с сознанием нескольких людей. Их имен я не знал. Кому-то они, без сомнения, были известны, но не мне. Понимаешь, войну можно было вести только так, устранив человека с поля боя. За людей сражались машины — их слуги и помощники. Я часто задавался вопросом, почему они не бросят это дело, — ведь все, из-за чего стоило бы сражаться, было давным-давно уничтожено.

Оборвав рассказ, он поднялся.

— Пошли в лагерь, — сказал он. — Ты, должно быть, голоден, как и молодая леди. Извини, конечно, Флетч, но я никак не пойму, чего ради она за нами увязалась.

— Хочет отыскать клад.

— Какой еще клад?

— По правде говоря, не знаю. Ей некогда было объясниться.

С того места, где мы стояли, пламя костра было видно очень хорошо. Мы двинулись на огонь.

Синтия, стоя на коленях, держала над углями котелок и помешивала ложкой его содержимое.

— Надеюсь, похлебка из тушенки получилась, — сказала она.

— Вам вовсе не надо было этим заниматься, — проговорил Элмер, слегка, как мне показалось, обиженный, — Когда требуется, я прекрасно готовлю.

— Я тоже, — парировала Синтия.

— Завтра, — заявил Элмер, — я раздобуду вам мясо. Мне уже попадались на глаза белки и пара кроликов.

— А с чем ты собираешься охотиться? — спросил я. — Мы же не захватили с собой ружей.

— Можно сделать лук, — предложила Синтия.

— Не нужно мне ни ружья, ни лука, — отмахнулся Элмер, — Обойдусь камнями. Вот наберу голышей...

— Кто же охотится с голышами? — удивилась Синтия, — Все равно что палить из пушки по воробьям.

— Я робот, — возразил Элмер, — Поэтому ни человеческие мышцы, ни человеческий глазомер, пускай он и чудо природы...

— Где Бронко? — перебил я.

Элмер ткнул пальцем во мрак:

— Он в трансе.

Чтобы рассмотреть Бронко, мне понадобилось обойти костер. Дело обстояло именно так, как сказал Элмер. Бронко стоял, накренившись на один бок и выставив все свои сенсоры. Он впитывал в себя окружающее.

— Лучшего композитора еще не было, — заметил Элмер с гордостью, — Чувствителен до невозможности.

Синтия положила похлебку в две тарелки и протянула одну мне.

— Горячее, не обожгитесь, — предупредила она.

Я сел рядом с девушкой, зачерпнул из тарелки и с опаской поднес ложку ко рту. Похлебка оказалась довольно вкусной, но жутко горячей, так что, перед тем как отправить ложку в рот, мне приходилось всякий раз на нее дуть.

Снова послышался лай — теперь значительно ближе.

— Точно собаки, — сказал Элмер. — Гонят дичь. Наверное, и люди с ними.

— Может, дикая стая, — предположил я.

Синтия покачала головой.

— Нет. Живя в гостинице, я кое-что узнала. Тут, как выражаются на Кладбище, в захолустье, есть люди. О них мало что известно, вернее, их существование предпочитают обходить молчанием, как будто они и не люди вовсе. В общем, обычное отношение Кладбища и паломников. Насколько я понимаю, Флетчер, вы испытали подобное отношение на себе во время разговора с Максуэллом Питером Беллом. Кстати, вы так и не сказали мне, что у вас с ним произошло.

— Он попытался завербовать меня. Я был настолько нелюбезен, что отшил его. Я знаю, что должен был вести себя повежливее, но он меня достал.

— Вы бы ничего не выгадали, — заметила Синтия. — Кладбище не привыкло к отказам — даже к вежливым.

— Чего тебя к нему понесло? — осведомился Элмер.

— Так принято, — ответил я. — Капитан просветил меня насчет здешних обычаев. Визит вежливости, словно Белл король, или премьер-министр, или какой-нибудь удельный князь. А раболепствовать я не умею.

— Поймите меня правильно, — сказал Элмер, обращаясь к Синтии, — я ничуть не против вашего присутствия в нашей компании. Но каким образом вы оказались замешаны в это дело?

Синтия поглядела на меня.

— Разве Флетчер тебе не сказал?

— Он упомянул про какой-то клад...

— Пожалуй, — проговорила Синтия, — будет лучше, если я расскажу все с самого начала. Я не хочу, чтобы вы считали меня искательницей приключений. В этом есть что-то не то. Вы согласны меня выслушать?

— Почему бы и нет? — вопросом на вопрос ответил Элмер.

Синтия помолчала, прежде чем продолжить. Чувствовалось, что она собирается с мыслями, так сказать, настраивается, словно ей предстоит решать трудную задачу и она намерена с честью выйти из положения.

— Я родилась на Олдене, — начала она, — Мои предки входили в число первых колонистов. История семейства — легендарная история, поскольку она не задокументирована — восходит к моменту их прибытия на Олден. Однако вы не отыщете имени Дансингов в перечне Первых Семейств — с большой буквы. Первые Семейства — это те, кому удалось разбогатеть. А мы не разбогатели. Я не знаю, что тому причиной — неумение вести дела, леность, отсутствие амбиций или простое невезение, но мои предки были беднее церковных мышей. В сельской местности, правда, есть местечко

под названием Лансингова Глушь; вот единственный след, оставленный моим семейством в истории Олдена. Мои родичи были фермерами, лавочниками, рабочими, совершенно не интересовались политикой и не породили ни одной гениальной личности. Они довольствовались малым: выполняли свою работу, а вечера проводили, сидя на крылечке, попивая пиво и болтая с соседями или любуясь в одиночестве знаменитыми олденскими закатами. Они были обычными людьми. Некоторые — мне кажется, таких было много — с годами покидали планету и отправлялись в космос на поиски счастья, которое, по-моему, никому из них так и не улыбнулось. Ведь если бы случилось иначе, оставшиеся на Олдене Лансинги непременно узнали бы об этом; однако в семейных преданиях ни о чем подобном не сообщается. Я думаю, те, кто остался, попросту не испытывали тяги к перемене мест: не то чтобы их что-то удерживало, но сам по себе Олден — прелестная планета.

— Да, — согласился я, — Я прилетел туда поступать в университет, да так и застрял. До сих пор у меня не хватало решимости покинуть его.

— Откуда вы прилетели, Флетчер?

— С Гремучей Змеи, — ответил я, — Слышали?

Она покачала головой.

— Считайте, что вам повезло, — заключил я, — Не спрашивайте почему и, пожалуйста, продолжайте.

— Расскажу немного о себе, — сказала она. — Мне всегда хотелось чего-то добиться в жизни. Наверное, о том же мечтало не одно поколение Лансингов, но мечты их оказались бесплодными. Быть может, и я не избегну общей участи, ведь на Лансингов ныне никто не ставит. Я была совсем маленькой, когда умер мой отец. Принадлежавшая ему ферма давала приличный доход; то есть после необходимых расходов у нас еще оставалась на руках энная сумма. Мать, к которой перешло владение фермой, сумела набрать денег и отправить меня в университет. Я интересовалась историей. В мечтах я видела себя профессором истории, который

проводит глубокие исследования и выдвигает ошеломляющие гипотезы. Училась я хорошо, ибо отступать мне было некуда. Я посвящала учебе все свое время и потому пропустила многое другое из того, что может дать человеку университет. Теперь я это понимаю, но тем не менее не жалею. Ничто не могло оторвать меня от занятий историей. Я буквально упивалась ею. По ночам, лежа в постели, я воображала, будто у меня есть машина времени, и путешествовала на ней в далекое прошлое. Я воображала, что лежу не в кровати, а в машине времени и что снаружи моего аппарата происходят события, которые вошли в историю человечества, что там живут, дышат и двигаются люди, о которых я читала. Когда настало время выбора какой-то узкой специализации, я обнаружила, что меня неудержимо влечет к себе древняя Земля. Мой консультант отговаривал меня от этой темы. Он говорил, что тема слишком узкая, а исходного материала крайне мало. Я знала, что он прав, и старалась переубедить себя, но безуспешно. Я была одержима Землей.

Моя одержимость, я уверена, частично объяснялась любовью к прошлому, стремлением отыскать начало начал. Ферма моего отца, как утверждали легенды, находилась всего лишь в нескольких милях от того места, где высадились на Олден первые Лансинги. В неглубоком скалистом ущелье, там, где оно выходило в некогда плодородную долину, стоял старый каменный дом — вернее, то, что от него осталось. Незначительные колебания почвы, которые сказываются только по истечении долгого времени, разрушили его. Никаких преданий о привидениях, которые бы его населяли, я не слышала. Он был слишком старым даже для того, чтобы в нем обитали привидения. Он просто стоял, где стоял, превратившись со временем в неотъемлемую часть пейзажа. Его не замечали. Он был слишком старым и неприметным, чтобы люди обращали на него внимание, хотя, как я обнаружила, заглянув туда однажды, в нем поселилось множество диких зверушек. Почва, на которой он стоял, была истощенной и никому не нужной, так что он счастливо

избежал доли других старинных домов: его не снесли и не сровняли с землей. Местность эта, погубленная веками хищнического землепользования, ни на что не годилась, и люди редко показывались там. Если верить одной весьма, кстати сказать, неправдоподобной легенде, когда-то в том доме жили первые Лансинги.

Я зашла в него, как мне кажется, потому, что от него исходил дух былого. Мне было все равно, чей он, — Лансингов или нет; меня привлекала его древность. Я не предполагала что-либо в нем найти. Я забрела туда из праздного любопытства, чтобы не пропал впустую выходной. Разумеется, мне было известно о его существовании, но я, как и все остальные, относилась к нему совершенно равнодушно. Многие люди воспринимали его как деталь ландшафта, словно он ничем не отличался от дерева или от валуна. В нем не было ничего примечательного. Наверное, если бы не мое все возраставшее стремление познать прошлое, я бы никогда не заглянула в него. Вам не трудно следить за моим лепетом?

— Напротив, — сказал я, — я понимаю вас гораздо лучше, чем вы думаете. Симптомы мне знакомы, сам переболел.

— Я пошла туда, — продолжала Синтия, — Я гладила древние, грубо отесанные камни и думала о руках давно умерших людей, которые придавали им форму и водружали один на другой, чтобы построить на чужой планете убежище от непогоды и мрака. Поставив себя на место древних каменщиков, я поняла, почему они решили строить дом именно здесь. Стены ущелья защищали от ветра, неподалеку из скалы бил родник; стоило только переступить порог, чтобы оказаться в широкой плодородной долине, — правда, теперь она вовсе не такая. И потом, участок, на котором стоял дом, был красив тихой и неброской красотой. Я чувствовала то, что когда-то переживали они. И не имело никакого значения, были ли они Лансингами или кем-то еще. Они были людьми, они принадлежали к человеческой расе. Если бы я сразу ушла оттуда, то и тогда я ушла бы с

ощущением, что не зря потратила время. Прикосновения к древним камням и чувства близости к прошлому было вполне достаточно, однако я зашла в дом...

Она помолчала немного, словно собираясь с силами для того, чтобы закончить рассказ.

— Я зашла в дом, не сознавая, что поступаю опрометчиво: ведь стены грозили обрушиться в любой момент. Впечатление было такое, что дом ходит ходуном. Но, помнится, тогда я об этом не думала. Я ступала осторожно не потому, что боялась обвала, но потому, что опасалась осквернить святыню. Я испытывала странные, противоречивые чувства. Я ощущала себя посторонним человеком, у которого нет права тут находиться. Я посягала на древние воспоминания, на призраки эмоций, которые следовало оставить в покое, которые заслужили, чтобы их оставили в покое. Я вошла в довольно большую комнату, служившую, судя по ее размерам, гостиной. На полу толстым слоем лежала пыль, в которой отпечатались следы мелких животных. В комнате витали запахи существ, обитавших в ней на протяжении тысячелетия. По углам поблескивала паутина; некоторые паучьи сети были такими же пыльными, как пол. Я остановилась на пороге, и со мной случилось нечто неожиданное: я почувствовала, что имею право быть здесь, что это мой дом, что я вернулась после долгого отсутствия туда, где мне рады. Тут некогда жили те, для кого я — плоть от плоти и кровь от крови, а право плоти и крови неподвластно времени. В углу я заметила очаг. Дымоход давным-давно рухнул вместе с трубой, но очаг сохранился. Я приблизилась к нему, опустилась на колени и коснулась пальцами камней. Я видела черную дыру дымохода, опаленную пламенем очага. Там была сажа, и на какой-то миг мне почудилось, что в очаге потрескивает огонь. И тогда я сказала — не знаю, вслух или про себя, — я сказала: «Все в порядке. Я вернулась, чтобы ты узнал: Лансинги живы». Если бы меня спросили, кому я это говорю, я бы затруднилась с ответом. Я не ждала, что

ктонибудь отзовется. Отзываться было некому. Но я чувствовала себя так, словно исполнила свой долг.

Синтия поглядела на меня, во взгляде ее мелькнул испуг.

— Зачем я вам это рассказываю? — пробормотала она, — Я ведь не собиралась говорить ничего такого. Вам незачем знать о моих ощущениях. Факты я могла бы раскрыть в нескольких предложениях, но мне почему-то кажется, что голыми фактами нам не обойтись.

Я погладил ее по руке.

— Бывают случаи, когда голые факты ничего не объясняют, — сказал я. — Вы чудесно рассказываете.

— Вам не скучно?

— Ни капельки, — ответил за меня Элмер, — Мне очень интересно.

— Осталось чуть-чуть, — проговорила она, — В другом конце гостиной была дверь, самая настоящая, и открывалась она, как я обнаружила, в полуразрушенное помещение, которое в незапамятные времена было кухней. В доме имелся второй этаж, и он был частично цел, несмотря на то что крыша обрушилась и погребла под собой большинство комнат. Но над кухней второго этажа не было. По всей видимости, сразу над кухонным потолком располагалась крыша. Рядом с тем, что когда-то было наружной стеной кухни, были навалены обломки — скорее всего, обломки карниза. Не знаю, как я ухитрилась заметить это, но часть обломков лежала как-то слишком правильно. В их правильности было что-то не то, они не выглядели обломками. Как и все в доме, они были покрыты пылью. Догадаться, что там находится предмет из металла, было невозможно. Думается, меня заинтриговала его прямоугольная форма. Я вытащила предмет из-под обломков. Это был изъеденный ржавчиной ящичек; если не считать ржавчины, абсолютно неповрежденный. Я села и задумалась, как он мог тут оказаться. Я решила, что, должно быть, его в свое время засунули под карниз, а потом забыли. Когда карниз обрушился,

он упал вниз, пробив потолок кухни, если, конечно, потолок к тому времени еще был цел.

— Значит, вот оно что, — подытожил я, — Ящичек с запиской о кладе...

— В общем, да, — подтвердила Синтия, — но не совсем так. Я не смогла его открыть и потому захватила с собой. Вернувшись домой, я взломала его с помощью инструментов. Внутри лежали грамота на владение кусочком земли, долговая расписка с отметкой об уплате, пара пустых конвертов, один или два опротестованных чека и документ о передаче семейных архивов отделу рукописей университета. Вернее, не о передаче, а о предоставлении во временное пользование. На следующее утро я отправилась в отдел рукописей. Вам наверняка известно, как они там работают...

— Да уж, — согласился я.

— Пришлось попереживать, но в конце концов то, что я — студентка-дипломница со специализацией по истории Земли, и то, что бумаги принадлежат моей семье, сыграло свою роль. Они думали, что я хочу лишь просмотреть документы, но к тому времени, когда мне их выдали, — должно быть, они хранились не там, куда помещал их каталог, — я была сыта по горло всей этой волокитой, а потому заполнила требование о возвращении бумаг и вышла на улицу уже вместе с ними. Вот вам и тихоня-отличница, не правда ли? В отделе мне угрожали судебным преследованием, и, если бы они выполнили свою угрозу, я не знаю, чем бы все закончилось. Но что-то им помешало. Быть может, они решили, что бумаги не представляют никакой ценности, хотя с чего — не смею догадываться. Все документы уместились в один конверт. Очевидно, к ним никто не прикасался, поскольку они не были ни рассортированы, ни проштампованы, и даже печать на конверте не имела следов повреждений. Наверное, их зарегистрировали под одним номером и благополучно про них забыли.

Синтия прервалась и пристально поглядела на меня. Я промолчал. Потихоньку она доберется до сути дела. Как

знать, вдруг у нее есть причины рассказывать именно так и никак иначе? Быть может, она хочет перепроверить себя и убедиться (снова, в который раз), что не совершила ошибки, что поступила правильно? Я не собирался подгонять ее, хотя, видит Бог, она могла бы и не тянуть кота за хвост.

— Документов было немного, — заговорила Синтия, выдержав паузу. — Подборка писем, которые проливали свет на историю колонизации Олдена землянами, — характерные образчики эпистолярного жанра той эпохи. Они не содержали ни единого неизвестного прежде факта. Несколько стихотворений, явно сочиненных молоденькой девицей. Счета-фактуры какой-то фирмы, которые, пожалуй, могли бы заинтересовать историка-экономиста, а еще — памятная записка, в каковой пожилой человек в довольно-таки вычурных выражениях излагал историю, услышанную им от деда, причем дед его был одним из первых колонистов на Олдене.

— И что же это за записка?

— В ней говорилось о невероятных событиях, — ответила Синтия, — Я отнесла ее профессору Торндайку, рассказала ему то, что вы только что слышали, и попросила прочесть. Окончив чтение, он уселся, устремив взгляд в никуда, а потом произнес одно-единственное слово: «Анахрон».

— Что такое Анахрон? — спросил Элмер.

— Мифическая планета, — отозвался я, — мир, которого на самом деле не существовало. Предмет мечтаний археологов, вызванный ими из небытия...

— Придуманный мир, — проговорила Синтия, — Я не спрашивала об этом профессора Торндайка, но мне кажется, что название его образовано от слова «анахронизм», то есть что—либо сильно устаревшее. Понимаете, археологи многократно наталкивались на следы, оставленные неведомой расой. Как ни странно, анахронианские надписи находили только на артефактах аборигенов той или иной планеты и никогда — отдельно.

— Как будто они, то бишь анахрониане, случайно заглянули на огонек, — присовокупил я, — а уходя, оставили хозяевам в знак благодарности пару безделушек. Они могли побывать на многих планетах, а их безделушки обнаруживаются лишь на некоторых, да и то по воле случая.

— Так что там с памятной запиской? — спросил Элмер.

— Она при мне, — ответила Синтия, доставая из внутреннего кармана куртки объемистое портмоне и извлекая оттуда пачку сложенных пополам бумаг, — Это копия. Оригинал был слишком хрупким и не выдержал бы подобного обращения.

Она протянула бумаги Элмеру. Тот развернул их, просмотрел и передал мне.

— Я подброшу дров, чтобы было посветлее, — сказал он. — А ты читай вслух.

Записка была написана корявым почерком пожилого и немощного человека. Местами попадались кляксы, но они не мешали уловить смысл. Наверху первой страницы была цифра — 2305.

Синтия следила за мной.

— Должно быть, год, — заметила она. — Тут у нас с профессором Торндайком не было разногласий. Если ее написал именно тот человек, на которого я думаю, то в дате нет ничего удивительного.

Элмер подбросил в костер хвороста, и пламя весело загудело.

— Порядок, Флетч, — сказал робот, — Чего ты ждешь, начинай.

И я начал.

Глава 6

«2305

Моему внуку Говарду Лансингу

В мою бытность юношей мой дед рассказал мне о том, что ему довелось пережить, когда он был молодым

человеком примерно моего возраста, а теперь, когда мне столько же лет, сколько было ему в момент нашего разговора, или даже больше, я передаю услышанное тебе; но поскольку ты еще зеленый юнец, я решил доверить эту историю бумаге, чтобы ты, став старше, смог прочитать ее и понять, в чем тут дело.

Беседуя со мной, мой дед пребывал в твердом уме и здравом рассудке, который не повредили многочисленные старческие немощи. Ты можешь счесть историю неправдоподобной, однако, как мне всегда казалось, в ней есть своя логика, из-за которой она обретает истинность.

Мой дед, как тебе, без сомнения, известно, родился на Земле, а на Олден прилетел уже далеко не юношей. Он родился в начальную пору Решающей Войны, когда народы Земли, разбившись на два блока, терзали и опустошали планету. В дни своей юности он участвовал в боях, если я вправе так выразиться, ибо то была война не людей, а машин, которые сражались друг с другом с бессмысленной яростью, позаимствованной у тех, кто их создал. Поскольку все члены его семьи и большинство друзей то ли погибли, то ли пропали без вести (по-моему, он сам не знал, что вернее), он с легким сердцем присоединился к группе людей, крохотной частице некогда громадного населения Земли, которые вошли в космические корабли и покинули Землю, дабы основать колонии на других планетах.

Но история, которую он мне поведал, относится не к войне и не к бегству с Земли. Она связана с происшествием, которое случилось неизвестно когда и, как говорил дед, почти неизвестно где. Мне кажется, что это событие произошло, когда он был молод, хотя я не помню, почему я так решил. Я с готовностью признаю, что многие подробности его истории успели подзабыться, но основную канву событий я помню отчетливо.

Благодаря какому-то стечению обстоятельств (какому именно, я забыл, если он вообще о том упоминал) мой дед очутился в безопасной, как он ее именовал, зоне: на

небольшой территории, где в силу ее местоположения, а также топографических и метеорологических особенностей почва была менее ядовитой, чем в иных местах, и где человек мог жить в сравнительной безопасности, не пользуясь или почти не пользуясь средствами защиты. Он не помнил в точности, где находится то место, но уверял, что неподалеку от него текущая с севера речушка впадает в Огайо.

У меня сложилось впечатление (хотя он не говорил мне ничего подобного, а я его об этом не расспрашивал), что мой дед, будучи свободным от каких-либо обязанностей по службе и волею судеб оказавшись в том месте, попросту решил остаться там, чтобы насладиться сравнительной безопасностью, которую оно предлагало. Решение его, принимая во внимание тогдашнюю ситуацию, было чрезвычайно разумным.

Я не знаю ни того, сколько он там пробыл, ни когда произошло то самое событие, ни того, почему он в конце концов оттуда ушел. Впрочем, все это не имеет никакого отношения к тому, что с ним случилось.

Однажды он увидел, что поблизости совершил посадку корабль. В то время еще существовали корабли для перелетов по воздуху; правда, многие из них были уничтожены, а те, что остались, совершенно не годились для ведения военных действий. Но такого корабля дед никогда не видел. Он рассказал мне, чем именно тот корабль отличался от остальных, однако я помню подробности весьма смутно и, если начну излагать, наверняка что-нибудь напутаю.

Из осторожности — без нее тогда было не выжить — дед спрятался в укрытие и принялся внимательно следить за происходящим.

Корабль приземлился на вершине одного из холмов над рекой. Едва он сел, из него вышли пять роботов и с ними существо, похожее на человека, но деду показалось, что сходство здесь чисто внешнее. Когда я спросил его, почему он так подумал, он затруднился с ответом. Дело заключалось не в том, как существо ходило, двигалось или говорило,

а в подсознательном ощущении чужеродности, которое подсказало деду, что это существо — не робот и не человек.

Два робота, отойдя от корабля на несколько шагов, остановились. Должно быть, их назначили часовыми, потому что они то и дело поворачивались в разные стороны, словно кого—то высматривая. Остальные принялись сгружать на землю ящики и оборудование.

Дед был уверен, что спрятался надежно. Он укрылся в зарослях на берегу речушки и лег на живот, чтобы ветки загородили его от часовых. Помимо всего прочего, стояло лето, и можно было уповать на то, что листва сделает его незаметным.

Однако в скором времени один из роботов, трудившихся на разгрузке, бросил работу и направился туда, где прятался мой дед. Поначалу дед решил, что робот пройдет мимо, а потому замер и затаил дыхание.

Но у робота, очевидно, были четкие инструкции. Дед считал, что, скорее всего, кто-то из часовых засек его по тепловому излучению и сообщил своему хозяину о том, что за ними наблюдают.

Приблизившись к зарослям, робот наклонился, схватил деда за руку, извлек из кустарника и потащил на холм.

По словам деда, все, что было дальше, он помнит довольно смутно. Хотя хронологическая последовательность воспоминаний не нарушена, в них случаются пробелы, объяснить которые он не в силах. Он был уверен в том, что, прежде чем его отпустили или ему удалось бежать (правда, как он признавался, у него не возникало ощущения, что его удерживают насильно), была предпринята попытка стереть в его мозгу память о происшедшем. На какое-то время эта мера подействовала; лишь с прибытием деда на Олден память начала потихоньку возвращаться, словно воспоминаниям был поставлен заслон, который они сумели преодолеть только с течением лет.

Дед помнил, что разговаривал с человеком, который человеком не был. Ему запомнилось, что существо говорило с

ним по-доброму, но вот о чем шла речь, он позабыл начисто, если не считать нескольких фраз. Существо сообщило деду, что прибыло из Греции (на Земле когда-то существовала такая страна), где жило долгие времена. Дед ясно запомнил это выражение — "долгие времена" — и подивился, как можно так коверкать язык. Существо сказало также, что искало место, где ничто не угрожало бы его жизни, и после ряда измерений, сути которых дед не понял, остановило свой выбор на площадке, где приземлился его корабль.

Дед припомнил еще, что роботы использовали часть сгруженного с корабля оборудования для того, чтобы пробить в скале глубокий колодец и вырезать под землей обширную пещеру. Покончив с этим, они воздвигли над колодцем деревянную хижину самого затрапезного вида снаружи, но прекрасно обставленную внутри. Вырубленные в стенах колодца ступени уводили к подземной пещере, а отверстие ствола закрывалось крышкой, причем, когда она находилась на месте, заподозрить, что за ней начинается туннель, было невозможно.

Ящики, которые сгрузили с корабля, снесли в подземелье. На поверхности остались лишь те из них, в которых была мебель для хижины.

Один из роботов, спускаясь под землю, уронил свой ящик. Дед, который неизвестно почему очутился внизу, увидел, что тот летит прямо на него, и поспешно отпрыгнул в сторону. Уже пересчитывая ступеньки, ящик начал разваливаться, а достигнув дна колодца, разлетелся на мелкие кусочки, так что все его содержимое раскатилось по полу пещеры.

Как утверждал дед, ящик был битком набит сокровищами: там были подвески, браслеты и кольца с драгоценными камнями, золотые обручи со странными узорами на них (дед уверял, что обручи были золотые, однако я не понимаю, как ему удалось распознать золото на глаз), выкованные из драгоценных металлов и отделанные самоцветами статуэтки животных и птиц, с полдюжины

королевских венцов, сумки с монетами и многое другое, в том числе — две или три вазы. Вазы, естественно, разбились.

Тут же примчались роботы и принялись подбирать сокровища, а следом спустился их хозяин. Ступив на пол пещеры, он, не удостоив взглядом драгоценности, наклонился и подобрал обломки одной из ваз и попробовал соединить их заново, но у него ничего не получилось, потому что ваза раскололась на множество мелких кусочков. Однако, посмотрев на обломки, которые незнакомцу удалось-таки собрать вместе, дед увидел, что на вазе имелись покрытые глазурью рисунки, которые изображали странного вида людей в момент охоты на еще более странных зверей. Странность рисунков заключалась в их неумелости, в полном отсутствии у художника представления о перспективе и каких-либо познаний в анатомии.

Существо поникло головой над обломками вазы. Лицо его было печальным, а по щеке скатилась слеза. Моему деду показалось нелепым проливать слезы над разбитой вазой.

К тому времени роботы сложили рассыпавшиеся сокровища в кучу. Потом один из них принес корзину, и они ссыпали туда драгоценности и отволокли корзину к ящикам в глубине пещеры.

Но они были не слишком внимательны. Дед заметил на полу монетку. Он спрятал ее в карман и вынес из пещеры, а впоследствии передал мне, и теперь я кладу ее в этот конверт...»

Глава 7

Я прервал чтение и взглянул на Синтию Лансинг.

— Монета?

Девушка кивнула.

— Да. Она была завернута в фольгу. Такой фольгой не пользуются давным-давно. Я отдала монету на сохранение профессору Торндайку...

— Но он сказал вам, что она собой представляет?

— Он колебался и потому обратился за советом к эксперту по монетным системам Земли. Тот утверждает, что это неходовая афинская монета с изображением совы, которую отчеканили, скорее всего, спустя несколько лет после битвы у местечка под названием Марафон.

— Неходовая? — переспросил Элмер.

— Которая не была в обращении. Металл ходовой монеты гладкий и тусклый оттого, что она перебывала во многих руках. А наша монетка выглядела новехонькой.

— И никаких сомнений? — справился я.

— Профессор Торндайк говорит, что нет.

Из-за гребня холма, у подножия которого мы разбили лагерь, вновь послышался собачий лай. Он звучал тоскливо и страшно. Я вздрогнул и придвинулся поближе к костру.

— Кого-то ловят, — сказал Элмер. — Наверное, енота или опоссума. Охотники идут следом, ориентируясь на лай.

— Но зачем они охотятся? — спросила Синтия, — Я про людей, не про собак.

— Чтобы добыть мясо и поразвлечься, — ответил Элмер.

Синтия моргнула.

— Мы не на Олдене, — продолжал Элмер, — Здесь не приходится рассчитывать на мягкость нравов розовой планеты. Люди, которые обитают вон в тех лесах, вполне могут оказаться полудикарями.

Мы сидели и слушали, и нам показалось, что лай отдаляется.

— Что касается клада, — нарушил молчание Элмер. — Давайте прикинем, что нам известно. Где-то на территории этой страны, к западу от того места, где мы сейчас находимся, некто, прилетев из Греции, припрятал добрый десяток ящиков, предположительно с сокровищами. Мы знаем, что в одном из них сокровища были на самом деле, и заключаем отсюда о содержимом остальных. Но местоположение клада определить будет нелегко. Нет четких ориентиров. Река, которая течет с севера и впадает в старушку Огайо. Да таких рек не перечесть...

— Хижина, — напомнила ему Синтия.

— Ее построили десять тысяч лет назад, так что она давно уже развалилась. Нам придется искать колодец, а его могло засыпать.

— А с какой стати, — вмешался я, — Торни решил, что тот странный тип из Греции — анахронианин?

— Я спросила его об этом, — ответила Синтия, — и он сказал, что инопланетный наблюдатель, вероятнее всего, должен был поселиться где-то в том районе. Ведь на земле бывшей Турции обитали первые оседлые человеческие племена. Наблюдатель вряд ли стал бы обосновываться в непосредственной близости от объектов наблюдения. И Греция тут, по мнению профессора Торндайка, подходит со всех точек зрения. У такого наблюдателя наверняка имелись средства скоростного передвижения, поэтому расстояние между Грецией и Турцией не было для него помехой.

— Не вижу логики, — заявил Элмер упрямо, — Почему именно Греция, а не Синайский полуостров, не Каспийское побережье и не дюжина других мест?

— Торни доверяет интуиции ничуть не меньше, чем фактам или логике, — сказал я, — Интуиция у него великолепная, и зачастую он оказывается прав. Если он говорит «Греция», значит, так оно и есть, хотя, как мне кажется, этот наш гипотетический наблюдатель мог время от времени менять место проживания.

— Вовсе нет, — возразил Элмер, — в особенности если он только и делал, что рыскал вокруг в поисках добычи. Она наверняка оттягивала ему карманы. Переместить такую гору добра — это тебе не раз плюнуть. Судя по рассказу, он укрыл на Огайо несколько тонн поживы.

— Да нет же, не поживы! — воскликнула Синтия. — Ну как ты не поймешь! Ему нужны были не деньги и не предметы роскоши. Он собирал артефакты.

— Какой, однако, разборчивый, — хмыкнул Элмер, — Все артефакты из золота да из самоцветов.

— Не преувеличивай, — осадил я Элмера. — Золото и самоцветы могли быть лишь в том ящике, который разбился, а в других хранились, скажем, наконечники стрел и копий, образцы древних тканей, ступки и пестики...

— Доктор Торндайк считает, — сказала Синтия, — что ящики, которые довелось увидеть моему предку, содержали в себе лишь незначительную часть того, что удалось собрать наблюдателю. Быть может, в них он упаковал самые ценные предметы. А в других пещерах, где-нибудь в Греции, может находиться в сотни раз больше ящиков.

— Как бы то ни было, — заключил Элмер, — клад есть клад. Люди гоняются за любыми артефактами, а то, что они с Земли, я думаю, набавляет им цену. Артефакты распродают направо и налево. Многие богачи — ибо нужно быть богатым, чтобы платить такие деньги, — коллекционируют их. И потом, в парочке артефактов на каминной полке или на журнальном столике в кабинете есть свой шик.

Я кивнул, вспомнив, как Торни расхаживал по комнате, ударяя кулаком по ладони и метая громы и молнии. «Дошло до того, — восклицал он, — что археологи остались не у дел! Ты знаешь, сколько ограбленных городов мы обнаружили за последнюю сотню лет? Их раскопали и ограбили прежде, чем там появились мы! Различные археологические общества при поддержке некоторых правительств проводили одно расследование за другим — и ничего. Неизвестно ни кто совершал набеги, ни куда подевались артефакты. Их где-то складируют, а потом перепродают коллекционерам. Дело это прибыльное и потому хорошо организованное. Мы пытались добиться принятия закона о запрещении частного владения артефактами, но остались с носом. В правительстве слишком много таких, у кого рыльце в пушку, кто и сам коллекционирует. Кроме того, кто-то финансирует их противодействие принятию такого закона. В итоге мы попросту остались с носом. А из—за разгула вандализма теряем единственную возможность понять, как развивались те или иные галактические культуры».

Собачий лай сменился вдруг восторженным тявканьем.

— Загнали, — констатировал Элмер. — Загнали жертву на дерево.

Я дотянулся до кучки хвороста, принесенного Элмером, подбросил сучьев в огонь и помешал палкой угли. Язычки голубого пламени из разворошенных угольев потянулись к сучьям, вспыхнула, разбрасывая искры, сухая кора. Пламя словно обрело второе дыхание.

— Хорошая штука костер, — проговорила Синтия.

— Возможно ли, чтобы столь хилое пламя согревало даже таких, как я? — спросил Элмер. — Сидя рядом с ним, я ощущаю тепло, клянусь.

— Почему бы и нет? — ответил я. — Ты постепенно превращаешься в человека.

— Я человек, — сказал Элмер. — По крайней мере по закону. А если по закону, значит, и во всем остальном.

— Как там Бронко? — подумал я вслух. — Надо бы его позвать.

— Он занят делом, — сказал Элмер. — Создает лесную фантазию из темных теней деревьев, шороха ночного ветра в листве, бормотания воды, мерцания звезд и трех черных фигур у костра. Картина, ноктюрн, стихотворение, быть может, скульптура — он творит все это одновременно.

— Бедняжка, — вздохнула Синтия, — он не знает отдыха.

— Бронко живет работой, — сказал Элмер. — Он мастер своего дела.

В темноте послышался сухой треск. Через несколько секунд звук повторился. Собаки, которые было замолчали, снова разразились лаем.

— Охотник выстрелил в того, кто спасался на дереве от собак, — пояснил Элмер.

Над лагерем воцарилось молчание. Мы сидели, представляя себе — я, во всяком случае, представлял — сцену в ночном лесу: собаки, скачущие вокруг дерева, наведенное ружье, вырвавшееся из ствола пламя и — темный силуэт, который падает к ногам охотника.

Внезапно мне показалось, что я слышу иной звук. Издалека донесся слабый хруст. Налетевший ветерок промчался по лощине и увлек звук за собой, но вскоре он возвратился, став громче и назойливее.

Элмер вскочил на ноги. Блики пламени засверкали на его металлическом теле.

— Что это? — спросила Синтия.

Элмер не ответил. Звук приближался. Он надвигался на нас, нарастая с каждым мигом.

— Бронко! — крикнул Элмер. — Скорее сюда. К костру!

Бронко тут же примчался, по-паучьи перебирая ногами.

— Мисс Синтия, — приказал Элмер, — забирайтесь.

— Что?

— Забирайтесь на Бронко и держитесь крепче. Если он побежит, пригибайтесь пониже, чтобы не удариться о сук.

— Что происходит? — спросил Бронко, — Что за шум?

— Не знаю, — отозвался Элмер.

— Рассказывай сказки, — проворчал я, но он не услышал, а если и услышал, то не подал вида.

Звук приближался. Он не шел ни в какое сравнение со всем слышанным мною до сих пор. Впечатление было такое,

словно кто-то разрывает лес на кусочки: рев, скрежет, визг раздираемой древесины. Земля задрожала у меня под ногами, будто по ней колотили увесистым молотом.

Я огляделся. Бронко с Синтией на спине отступал от костра в темноту, готовый в любой момент припустить бегом.

Оглушительный и душераздирающий шум обрушился на нас. Я отпрыгнул в сторону и побежал бы, если бы знал куда; и тут я различил на гребне холма нечто громадное, заслонившее от меня звезды. Деревья задрожали мелкой дрожью; черная махина слетела с холма, сокрушая все на своем пути, едва не разнесла лагерь и устремилась дальше по лощине. Шум быстро затихал. Деревья на холме тихонько постанывали.

Я стоял, прислушиваясь к удаляющемуся шуму, который вскоре пропал, словно его и не было вовсе. Я стоял загипнотизированный тем, что произошло; не понимая, что произошло; гадая, что произошло. Элмер, судя по его позе, пребывал не в лучшем состоянии.

Я плюхнулся на землю рядом с костром; Элмер оглянулся и направился ко мне. Синтия соскочила с Бронко.

— Элмер, — выдохнул я.

Он замотал головой.

— Не может быть, — пробормотал он, обращаясь скорее к себе, чем ко мне. — Не может быть. Сколько лет прошло...

— Боевая машина? — спросил я.

Он поднял голову и посмотрел на меня.

— Такого не бывает, Флетч, — сказал он.

Я подбросил в огонь хвороста. Я не жалел дров, я отчаянно нуждался в огне. Пламя вспыхнуло с новой силой.

Синтия подсела ко мне.

— Боевые машины, — продолжал разговаривать сам с собой Элмер, — строились для того, чтобы нападать на людей, брать города, сражаться с другими машинами. Они дрались до конца, до тех пор, пока в них оставалась хоть крупица энергии. Их не предназначали для выживания. И они, и мы, те, кто создавал их, знали это. Их единственным заданием

было — уничтожить. Мы готовили их к смерти и посылали их на смерть...

Его голос был голосом далекого прошлого; он вещал о древней морали, о старинной вражде, о первобытной ненависти.

— Те, кто был в них, не имели желания жить. Они были все равно что мертвы. Они умирали, но согласились потерпеть...

— Элмер, Элмер, — перебила Синтия, — Те, кто был в них? А кто был в них? Я не знала, что в них кто-то был. В них же не было экипажей. Они...

— Мисс, — сказал Элмер, — они были не до конца машинами. По крайней мере, это можно сказать про нашу модель. У нее был искусственный мозг, который находился в контакте с мозгом человека. В мозг машины, которую создавал я, было заключено сознание нескольких людей. Я не знаю ни кто они, ни сколько их было, хотя всем на стройплощадке было известно, что они — быть может, самые крупные военные специалисты, пожелавшие продлить себе жизнь для того, чтобы нанести врагу последний удар. Искусственный мозг в союзе с человеческим мозгом...

— В нечестивом союзе, — бросила Синтия.

Элмер метнул на нее быстрый взгляд и опять уставился на костер.

— Пожалуй, вы правы, мисс. Однако вы не представляете, что такое война. Война — возвышенное безумие, греховная ненависть, которая рождает неоправданное чувство собственной правоты...

— Давайте не будем об этом, — предложил я, — В конце концов, это могла быть не боевая машина, а что-нибудь еще.

— Что, например? — поинтересовалась Синтия.

— Не знаю, но ведь прошло десять тысяч лет.

— Да, — протянула она, — за такой срок мало ли что может случиться.

Элмер промолчал.

На гребне холма раздался крик. Мы вскочили. Наверху мелькал огонек; слышно было, как кто-то пробирается через поваленные деревья.

Крик повторился.

— Эй, у костра!

— Эй, там! — отозвался Элмер.

Огонек мелькал по-прежнему.

— Фонарь, — сказал Элмер, — Должно быть, те люди, которые охотились с собаками.

Мы следили за фонарем. Окликать нас больше не окликали. Наконец огонек перестал мелькать и поплыл вниз по склону холма.

Людей оказалось трое: высокие, одетые в тряпье мужчины с ружьями за плечами. Один из них тащил что-то на закорках. Они улыбались, и зубы их сверкали в бликах пламени костра. Вокруг них прыгали собаки.

Остановившись на краю освещенного круга, они бесцеремонно вытаращились на нас.

— Вы кто? — подал голос один из охотников.

— Путники, — ответил Элмер. — Путешественники.

— А ты? Ты ведь не человек, — последнее слово он произнес как «чолвик».

— Я робот, — сказал Элмер, — Я уроженец Земли. Меня изготовили на ней.

— Ну и дела, — заметил другой охотник, — Прямо ночь больших дел.

— Вы знаете, что это было? — спросил Элмер.

— Разорительница, — отозвался первый, — Про нее много чего толкуют. Моему прадедушке еще его папаша о ней рассказывал.

— Коль она вам показалась, — вступил в разговор третий, — можно перед ней не дрожать. Никому пока не удавалось повстречать ее дважды. Она возвращается только через много лет.

— И вам неизвестно, что она такое?

— Разорительница. (Как будто это слово все объясняло.)

— Мы углядели ваш костер, — сказал первый охотник, — ну и решили перекинуться словцом.

— Присаживайтесь, — пригласил Элмер.

Они уселись на корточки у костра, уперев приклады ружей в землю, а стволы выставив в воздух. Тот из них, который тащил что-то на спине, сбросил свою ношу с плеч.

— Енот, — сказал Элмер, — Хорошая добыча.

Собаки, тяжело дыша, улеглись у ног хозяев, время от времени принимаясь вилять хвостами.

Охотники ухмыльнулись, и один из них проговорил:

— Меня зовут Лютер, это Зик, а это Том.

— Очень приятно, — ответил Элмер вежливо, — Меня зовут Элмер, молодую леди — Синтия, а джентльмена — Флетчер.

Они кивнули в знак приветствия.

— А что у вас за животное? — спросил Том.

— Его зовут Бронко, — сказал Элмер. — Он механический.

— Рад познакомиться с вами, — сообщил Бронко.

Они уставились на него во все глаза.

— Наверное, мы кажемся вам странноватыми, — хмыкнул Элмер. — Мы прилетели с другой планеты.

— Да нам, в общем-то, без разницы, — сказал Зик, — Мы увидели ваш костер и решили заглянуть на огонек.

Лютер сунул руку в задний карман брюк и вытащил оттуда бутылку. Он помахал ею, предлагая выпить.

Элмер покачал головой.

— Не пью, — объяснил он.

Я сделал шаг вперед и взял у Лютера бутылку. Пришло время выйти на сцену и мне; до сих пор в разговоре с нашей стороны участвовал только Элмер.

— Шикарная штука, — подмигнул Зик, — Старик Тимоти муры не гонит.

Вышибив пробку, я поднес бутылку к губам и отхлебнул. Я чуть не задохнулся и с трудом удержался от кашля. Самогонка обожгла мне внутренности. Ноги мои стали ватными.

Охотники, ухмыляясь во весь рот, внимательно наблюдали за мной.

— Знатная вещь, — похвалил я, сделал еще глоток и вернул бутылку хозяину.

— Леди? — осведомился Зик.

— Для нее будет слишком крепко, — сказал я.

Тогда они принялись за дело сами. Я не спускал с них глаз. Они снова протянули бутылку мне, и я не стал отказываться.

В голове у меня зашумело, но я твердил себе, что страдаю на благо общества. Ведь кому-то же из нас надо перенять язык охотников.

— Повторим? — спросил Том.

— Попозже, — сказал я, — Попозже. Мне не хочется оставить вас без «горючего».

— Оно у нас не последнее, — усмехнулся Лютер, похлопав себя по карману.

Зик отцепил от пояса нож и пододвинул поближе тушку енота.

— Лютер, — распорядился он, — набери-ка прутьев для жаркого. Мясо у нас есть, выпивка тоже, и костерок славный. Гуляем, ребята!

Я искоса поглядел на Синтию. Побледнев, она широко раскрытыми от ужаса глазами следила за тем, как нож Зика вспарывает белое брюшко енота.

— Эй, — окликнул я ее, — не берите в голову.

Она одарила меня вымученной улыбкой.

— А утречком, — проговорил Том, — потопаем домой. Чего зазря в темноте ноги ломать? Завтра у нас большой праздник. Вам обрадуются, вот увидите. Ведь вы идете с нами, верно?

— Конечно, — сказала Синтия.

Я посмотрел на Бронко. Он застыл в напряженной позе, выставив напоказ все свои сенсоры.

Глава 8

Он провел меня по полям, где пригибались к земле колосья и золотились на солнце тыквы; он продемонстрировал мне сад с немногими необобранными еще плодовыми деревьями, готовую к работе коптильню, сарай, в котором хранили всякого рода металлический утиль, курятник, помещение для инструментов, кузницу и амбары; я увидел жирных свиней, которых откармливали лесными желудями на убой; я полюбовался на коров и овец, что паслись на высокой луговой траве; вдосталь нагулявшись, мы уселись на верхнюю перекладину шаткой изгороди.

— Сколько вы тут живете? — спросил я, — Не лично вы, а люди вообще.

Он повернулся ко мне. Морщинистое лицо, кроткие голубые глаза, благообразная седая борода до груди — ни дать ни взять деревенский патриарх.

— Глупости спрашиваете, — сказал он. — Мы тут всегда жили. По всей долине люди селились с незапамятных времен. Живем мы вместе, семьями. Иногда попадаются бирюки, но таких раз-два и обчелся. Кое-кто уходит — от добра добра искать. Нас немного, но так оно и было искони. То женки не рожают, то детишки не выживают. Говорят, кровь у нас дурная. Не знаю: слухов ходит без числа, досужие языки чего только не болтают, а вот как правду от лжи отличить?

Он уперся пятками в нижнюю перекладину изгороди и обхватил руками колени. Пальцы у него были по-стариковски скрюченные, острые костяшки, казалось, вот-вот прорвут кожу. На тыльных сторонах ладоней отчетливо проступали синие вены.

— А с Кладбищем вы уживаетесь? — поинтересовался я.

Он ответил не сразу; он с первых слов произвел на меня впечатление человека, который сначала думает, а потом говорит.

— Да вроде бы, — отозвался он наконец. Они, черти, все ближе подбираются. Ходил я туда пару раз, толковал с этим... ну как его...

Он нетерпеливо прищелкнул пальцами.

— С Беллом, — подсказал я, — Его зовут Максуэлл Питер Белл.

— Точно, с ним самым. Толковал я с ним, да ни до чего мы не договорились. Он скользкий как угорь. Улыбается, а чего — кто его разберет? Он хозяин, а мы — так, мелкота. Я ему говорю: вы наседаете на нас, сгоняете с насиженных мест, а в округе полным-полно заброшенных земель. А он мне: мол, своей землей вы тоже не пользуетесь. Ну, я отвечаю, что, дескать, пускай мы не пашем, но жить-то нам надо; к тесноте мы непривычные, нам простор подавай. А он меня спрашивает, есть ли у нас право на землю. Я говорю: какое такое право? Вы мне ваше право докажите. Мекал он, мекал, да так ничего путевого и не сказал. Вот вы, мистер, вы человек пришлый; может, вам известно, есть ли у него право на нашу землицу?

— Сильно сомневаюсь, — фыркнул я.

— Уживаться мы с ними уживаемся, — продолжал он, — Некоторые наши подрабатывают у них: ну там, копают могилы, траву подстригают, деревья с кустами подрезают. Они порой зовут нас, когда не могут обойтись своими силами. Сами понимаете, могильник требует ухода. Если б мы того захотели, мы могли бы делать куда больше, да какой от работы прок? У нас есть все, что нам нужно, и им попросту нечего нам предложить. Одежда? Овцы дают нам довольно шерсти, чтобы прикрыть срам и не замерзнуть в холода. Выпивка? Мы гоним самогон, и кладбищенскому пойлу до него, пожалуй, далеко. Если самогон настоящий, после него и нектар отравой покажется. Что еще? Кастрюли со сковородками? Да много ли их надо?

Мы вовсе не лентяи, мистер. Мы трудимся как пчелки: рыбачим, охотимся, роемся в земле, раскапываем железо. В окрестностях хватает холмов с железом внутри; правда,

путь до них неблизкий. Из железа мы делаем инструменты и ружья. К нам частенько заглядывают торговцы с запада и с юга. Мы выменяваем у них порох и свинец за продукты, шерсть и самогон — конечно, не только это, но в основном порох и свинец.

Он оборвал рассказ. Мы сидели рядышком на верхней перекладине изгороди и нежились на солнышке. Деревья представлялись мне застывшими в неподвижности кострами; рыжевато-коричневые поля пестрели золотистыми тыквами. У подножия холма, в кузнице, размеренно стучал молот; из трубы тянулся к небу дымок, догоняя клубы дыма из труб стоящих по соседству домов. Хлопнула дверь, и я увидел Синтию. Она была в фартуке и держала в руке сковородку. Выйдя во двор, она вывалила содержимое сковородки в пузатый бочонок. Я помахал ей; она махнула мне в ответ и скрылась в доме.

Старик заметил, что я разглядываю бочонок.

— Помойный, — сказал он, — Мы бросаем в него картофельные очистки, капустные листья и прочую дрянь, сливаем молоко, если оно скисло, и отдаем свиньям. Вы что, никогда в жизни не видели помойного бака?

— Честно говоря, нет, — признался я.

— Что-то я запамятовал, откуда вы прибыли и чем там занимались, — буркнул он.

Я рассказал ему про Олден и постарался объяснить, что мы задумали. Кажется, он меня не понял.

Он мотнул головой в сторону амбара, около которого с самого утра пристроился Бронко.

— Значит, вон та штуковина работает на вас?

— Изо всех сил, — ответил я, — и куда как толково. Он очень восприимчивый. Он впитывает в себя образы амбара и сеновала, голубей на крыше, телят в стойлах, лошадей, что пасутся на лугу. Потом из этого возникнет музыка и...

— Музыка? Как если играют на скрипке, что ли?

— Можно и на скрипке, — сказал я.

Он недоверчиво и вместе с тем ошарашенно покрутил головой.

— Я вот о чем хотел вас спросить, — переменил я тему разговора, — Что это за штука — Разорительница?

— Точно не знаю, — сказал он, — Ее называют так, а почему — непонятно. Мне не доводилось слышать, чтобы она кого—нибудь разорила. Опасно только оказаться у нее на дороге. Она — редкая гостья в наших краях. Мы не видим ее десятилетиями. Прошлой ночью она впервые прокатилась так близко от нас. По-моему, никому не взбрело в голову попробовать выследить ее. Она из тех, кого лучше не трогать.

Я видел, что он что-то скрывает, и потому решил на него надавить, не рассчитывая, впрочем, на удачу.

— А что говорит молва? Разве о Разорительнице не сложено никаких легенд? Вы не слышали, чтобы ее называли боевой машиной?

Он со страхом посмотрел на меня.

— Какой машиной? — переспросил он, — Да с кем ей биться-то?

— Вы хотите сказать, что вам ничего не известно о войне, которая чуть было не уничтожила Землю? О войне, после которой люди покинули планету?

По его ответу я понял, что он не лукавит, — просто время стерло воспоминания о тяжелой године.

— Народ болтает всякое, — проговорил он. — Коль ты парень с головой, то особо слухам доверять не станешь. Есть тут у нас переписчик душ — ну, тот, кто знается с призраками; мы зовем его Душелюбом. Я в него не верил до тех пор, пока нос к носу не столкнулся. А есть еще бессмертный человек, но его я ни разу не встречал, хотя если кое-кого послушать, так он — их лучший друг. На свете существуют и магия, и колдовство, однако в нашей округе ничего такого не замечалось, да оно и славно. Мы — люди тихие, живем скромно и к сплетням не прислушиваемся.

— А книги? — воскликнул я.

— Были, да сплыли, — ответил он. — Я про них слышал, но ни одной в глаза не видел, да и другие тоже, кого ни спроси. Тут у нас книг нет и, верно, никогда и не было. К слову, мистер, что такое книга?

Я попытался объяснить. Вряд ли он понял меня как следует, но вид у него был ошеломленный. Он ловко перевел разговор на другую тему, чтобы, как мне показалось, скрыть замешательство.

— Ваш аппарат придет на праздник? — спросил он. — И будет смотреть и слушать?

— Да, — сказал я, — Спасибо вам, кстати, за гостеприимство.

— Народ начнет подходить, лишь солнце сядет. Будут музыка и танцы, а на улицу выставят столы с угощением. У вас на вашем Олдене бывают такие гулянки?

— Отчего же нет, — сказал я, — только гулянками их не называют.

Не сговариваясь, мы замолчали. Мне подумалось, что день вроде бы выдался неплохой. Мы прошлись по полям, и старик с гордостью показал мне, какое у них уродилось зерно; мы заглянули в свинарник и понаблюдали, как поросята с хрюканьем роются в отбросах; мы полюбовались на работу кузнеца, который при нас докрасна раскалил лемех плуга, ухватил его щипцами, бросил на наковальню и пошел стучать по нему молотом так, что во все стороны полетели искры; мы насладились прохладой амбара и воркованием голубей на сеновале; беседа наша была неторопливой, потому что нам некуда было спешить. Да, денек выдался хоть куда.

В одном из домов распахнулась дверь, и наружу выглянула женщина.

— Генри! — позвала она, — Где ты, Генри?

Старик медленно слез с изгороди.

— Это они меня ищут, — проворчал он. — Нет чтобы объяснить, что случилось. Решили, видно, что я сижу без дела. Пойду узнаю, чего им надо.

Я смотрел, как он лениво спускается по склону холма. Солнышко согревало мне спину. Пойти, что ли, поискать чем заняться? Должно быть, выгляжу я как петух на насесте; и потом, неудобно бездельничать, когда кругом все работают. Однако я испытывал странное нежелание что-либо делать. Впервые в жизни мне не нужно было ни над чем ломать голову. И я не без стыда признался самому себе, что такое положение вещей меня вполне устраивает.

Бронко по-прежнему стоял у амбара, а Синтии не было видно с тех пор, как она выплеснула что-то в помойный бак. Интересно, где это целый день пропадает Элмер?

Он словно подслушал мои мысли: вышел из-за амбара и направился прямиком ко мне. Он не проронил ни слова, пока не приблизился вплотную. Я заметил, что ему явно не по себе.

— Я ходил посмотреть на следы, — сказал он негромко. — Сомневаться не приходится: прошлой ночью мы видели боевую машину. Я обнаружил отпечатки протекторов: такие могла оставить только она. Я прошелся по колее: она умчалась на запад. В горах найдется немало таких уголков, где она сможет укрыться.

— От кого ей прятаться?

— Не знаю, — ответил Элмер, — Поведение боевой машины непредсказуемо. Десять тысяч лет она была предоставлена самой себе. Скажи мне, Флетч, чего можно ожидать от ее комбинированного интеллекта после стольких лет одиночества?

— Либо ничего, либо всего сразу, — хмыкнул я, — Во что превратилась боевая машина, которая уцелела в чудовищной бойне? Что побуждает ее к жизни? Как воспринимает она окружающее, столь отличное от того, для которого ее изготавливали? И вот что странно, Элмер: похоже, люди совершенно не боятся ее. Она для них — нечто непостижимое, а, как я успел убедиться, постигнуть они не в силах очень и очень многого.

— Чудные они какие-то, — проговорил Элмер, — Мне здесь не нравится. Я чувствую себя не в своей тарелке. Сомневаюсь, чтобы та троица с енотом заявилась к нашему костру без причины. Ведь им по пути надо было преодолеть колею боевой машины.

— Ими двигало любопытство, — сказал я, — У них тут тишь да гладь, поэтому, когда что-нибудь происходит, их разбирает любознательность. Так было и с нами.

— Естественно, — согласился Элмер. — И все же...

— Факты?

— Да нет, ничего конкретного. Но что-то меня тревожит. Давай сматывать удочки, Флетч.

— Я хочу, чтобы Бронко записал праздник. Едва он закончит, мы сразу уйдем.

Глава 9

Как и предрекал старик Генри, люди начали собираться вскоре после захода солнца. Они приходили поодиночке, парами и троицами, а иногда — целыми компаниями. Все толпились во дворе, у столов с едой. Кто-то пока отсиживался в доме; часть мужчин удалилась в амбар, и оттуда послышался звон посуды.

Столы вытащили во двор ближе к вечеру. Парни приволокли из плотницкой козлы, на которые положили доски, — так получились лавочки и платформа для музыкантов. Последние уже расселись по местам и теперь настраивали инструменты: с платформы доносилось пиликанье скрипок и треньканье гитар.

Луна еще не взошла, но небо на востоке отливало серебром, и черные стволы деревьев отчетливо выделялись на фоне светлой полоски в небесах. Собака подвернулась кому-то под ноги и с воем исчезла во мраке. Мужчины, что стояли у одного из столов, вдруг громко расхохотались, очевидно, над отпущенной кем-то шуткой. Костер, в который то и дело

подбрасывали хворост, стрелял искрами; пламя жадно лизало сухие ветки.

Бронко расположился на опушке леса, и его металлический корпус мерцал в бликах костра. Элмер, присоединившись к какой-то компании у столов, судя по всему, оказался втянутым в оживленную дискуссию. Я поискал глазами Синтию, но ее нигде не было.

Кто-то тронул меня за руку. Обернувшись, я увидел рядом с собой старика Генри. Зазвучала музыка, по двору закружились пары.

— Не скучно одному? — спросил старик. Легкий ветерок шевелил его бакенбарды.

— Хочется спокойно понаблюдать, — ответил я, — Никогда не присутствовал на таких сборищах.

Я не кривил душой. В этом празднике было что-то от первобытной дикости и варварства; его необузданное веселье возвращало память к юности человечества. Как будто ожили древние обычаи и обряды — настолько древние, что на ум почему-то приходили кремневые топоры и обглоданные бедренные кости.

— Оставайтесь с нами, — пригласил старик, — Вы же знаете, наши все обрадуются. Оставайтесь; никто не помешает вам заниматься вашей работой.

Я покачал головой.

— Надо поговорить с другими, что скажут они. Но все равно спасибо.

На платформе надрывался певец; музыканты наяривали что—то немыслимое, однако движения танцоров были плавными и даже изящными.

Старик хихикнул.

— Это называется танцем престарелых. Слыхали?

— Нет, — признался я.

— Хлопну еще стаканчик, — проговорил он, — чтобы косточки не скрипели, да тоже пойду попляшу. К слову...

Он извлек из кармана бутылку, вышиб пробку и протянул мне. Бутылка приятно холодила руку; я поднес ее к

губам и сделал глоток. Против моих ожиданий в бутылке оказалось неплохое виски. Оно ни капельки не напоминало ту отраву, которой меня угощали накануне.

Я вернул бутылку старику, но он оттолкнул мою руку.

— Мало, — сказал он, — Добавьте-ка.

Я снова приложился к бутылке. Мне стало хорошо и радостно.

Старик последовал моему примеру.

— Кладбищенское виски, — сказал он, — Малость повкуснее нашего будет. Ребята смотались нынче утром на Кладбище и выменяли у них пару ящиков.

Не успел закончиться первый танец, как музыканты тут же заиграли следующий. Я заметил среди танцующих Синтию. Меня поразила грациозность ее движений, хотя с чего я взял, будто она не умеет танцевать, честно говоря, не знаю.

Луна наконец поднялась над лесом. Мне было безумно хорошо.

— Еще, — предложил старик, вручая мне бутылку.

Теплая ночь, веселая компания, темный лес, яркое пламя костра. Я посматривал на Синтию, и мне вдруг отчаянно захотелось потанцевать с ней.

Музыка смолкла, и я сделал шаг вперед, намереваясь подойти к Синтии и пригласить ее на очередной танец. Однако меня опередил Элмер. Встав посреди двора, он неожиданно пустился отплясывать джигу; какой-то скрипач вскочил с места и принялся аккомпанировать ему, и вскоре к Элмеру присоединились все остальные.

Я не верил своим глазам. Элмер, который всегда казался мне тяжеловесным и неповоротливым роботом, теперь чуть ли не порхал над землей, извиваясь всем телом. Люди образовали вокруг него хоровод; они подбадривали его громкими криками и хлопаньем в ладоши. Бронко покинул свой пост на опушке и приблизился к танцорам. Кто-то увидел его; хоровод разомкнулся, пропуская Бронко внутрь. Он

остановился перед Элмером, а потом запрыгал и завертелся, одновременно притопывая всеми восемью ногами.

Музыканты убыстряли и убыстряли темп, но Бронко с Элмером это было нипочем. Ноги Бронко летали вверх-вниз, точно помешавшиеся поршни, а между ними вихлялось набитое приборами тело. Земля гудела от дружного топота, и мне почудилось, что я ощущаю ее дрожь. Люди вопили и улюлюкали. Танец двух машин никого не оставил равнодушным.

Я скосил глаза на старика Генри. Он вертелся юлой, седые волосы его растрепались, борода трепыхалась в лад заковыристым коленцам.

— Танцуй! — гаркнул он, тяжело дыша. — Чего не танцуешь?

Не переставая дергаться, он выудил из кармана бутылку и протянул ее мне. Я схватил ее и пустился в пляс. Я запрокинул голову, и горлышко бутылки застучало по моим зубам; немного виски пролилось мне на лицо, но большая его часть попала туда, куда следовало. Я танцевал, размахивал бутылкой; по-моему, я издавал какие-то звуки — просто так, радуясь жизни.

Должно быть, все мы слегка ошалели — ошалели от ночи, от костра, от музыки. Мы отплясывали, не думая ни о чем. Мы плясали потому, что все кругом делали то же самое, равно люди и машины, потому, что мы были живы и знали в глубине души, что жизнь не бесконечна.

Луна перемешалась по небу; дым от костра белым столбом уходил в поднебесье. Визгливые скрипки и гнусавые гитары стонали, рыдали и пели.

Внезапно, словно по приказу, музыка смолкла. Увидев, что все остановились, застыл на месте и я — с бутылкой в поднятой руке.

Кто-то дернул меня за локоть.

— Бутылка, приятель. Давай ее сюда.

Это был старик Генри. Я отдал ему бутылку. Он ткнул ею куда-то в сторону, а потом поднес к губам. В бутылке

забулькало; кадык на шее старика гулял, отмечая каждый новый глоток.

Поглядев туда, куда показал Генри, я различил в полумраке человека в черной робе до пят. Лицо его смутно белело в тени капюшона.

Старик поперхнулся и оторвался от бутылки.

— Душелюб, — сказал он, указывая на пришельца.

Люди медленно отступали от Душелюба. Музыканты отдыхали, вытирая лица рукавами рубашек.

Постояв немного, провожаемый изумленными взглядами, Душелюб поплыл — не пошел, а именно поплыл — внутрь хоровода. Послышались звуки свирели — это заиграл один из музыкантов. Сначала пение дудочки походило на шелест ветра в луговой траве, но постепенно делалось громче. Вдруг свирель испустила руладу, которая словно повисла в воздухе. Тихонько вступили скрипки, как будто вдалеке прозвучал гитарный перебор; скрипки зарыдали, свирель точно обезумела, гитары неистово загремели.

Душелюб танцевал. Ног его не было видно из-под длинной робы, но он раскачивался всем телом, и движения его были настолько необычными и неуклюжими, что казалось, мы наблюдаем танец марионетки.

Он был не один. Вокруг него кружились какие-то тени, которые возникли неизвестно откуда. Сквозь призрачное мерцание их нематериальных тел можно было разглядеть пламя костра. Сперва они были просто безликими тенями, но, приглядевшись, я с изумлением заметил, что они начинают обретать форму, не становясь при этом, правда, материальнее. В них по-прежнему ощущалось нечто призрачное, но они были уже не тени, а люди. Я ужаснулся, рассмотрев, как они одеты. На них были традиционные одежды многих народностей Галактики. Один из них нарядился в килт и шапочку разбойника с далекой планеты под любопытным названием Конец Пустоты, другой — в величественную тогу купца с веселой планеты Денежка, а между ними, не обращая ни на что внимания, отплясывала девица в лохмотьях,

но с ниткой самоцветов на шее; судя по ее виду, она явилась сюда с планеты развлечений Вегас.

Она не дотрагивалась до меня, и как она подошла, я не слышал, но что-то подсказало мне, что Синтия стоит рядом со мной. Я взглянул в ее глаза и прочел в них испуг и изумление. Губы ее шевелились, но из-за громыхания музыки я не разобрал ни словечка.

— Что вы говорите? — крикнул я, однако ответить она не успела: нечто обрушилось на меня, и я рухнул как подкошенный, ударившись о землю с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Перекатившись на спину, я страшно удивился: по воздуху, гротескно растопырив ноги, летел Бронко, окруженный пламенеющими бревнами и ветками. Клубы дыма на мгновение заслонили луну.

JOHN SCHOENHERR

Я попытался вздохнуть — и не смог. Меня охватила паника: а что, если я разучился дышать? Но дыхание вернулось ко мне. Я жадно глотал воздух, и каждый глоток отдавался в легких чудовищной болью, но я никак не мог остановиться.

Брошенным на землю оказался не я один. Кое-кто поднимался, кое-кто силился подняться, а некоторые, и таких было много, лежали не шевелясь.

С немалым трудом я встал на четвереньки и, увидев, что рядом беспомощно ворочается Синтия, помог ей принять сидячее положение. Бронко отчаянно елозил по земле. Наконец ему удалось перевернуться и встать, но с двумя его ногами, причем на одной и той же стороне, что-то случилось, и он неуверенно покачивался на оставшихся шести.

Элмер вихрем пронесся мимо меня, подскочил к Бронко и поддержал его. Я поднялся и поставил на ноги Синтию. Элмер с Бронко ковыляли к нам.

— Прочь отсюда! — крикнул робот. — На холм, бегом!

Мы повернулись и побежали. Дорогу нам преградила изгородь, на которой днем мы сидели со стариком Генри. Поврежденному Бронко было через нее не перебраться. Я ухватился обеими руками за столб и попробовал повалить его. Он заходил ходуном, но выдернуть его у меня не получилось.

— Пусти, — бросил Элмер. Ударом ноги он опрокинул столб. Фигурка Синтии мелькала далеко впереди. Я устремился за ней.

На бегу я обернулся: поблизости от амбара полыхал сеновал, в который, должно быть, угодила одна из веток, подброшенных к небу взрывом, повредившим Бронко. У сеновала бестолково суетились люди.

Забыв, что надо смотреть вперед, а не назад, я споткнулся обо что-то в темноте и кубарем покатился по земле.

Кое-как поднявшись, я различил силуэты Элмера и Бронко на гребне освещенного луной холма. Я рванулся следом. Мое лицо и руки после неудачного приземления

покрылись болезненными ссадинами; проведя ладонью по щеке, я почувствовал на пальцах липкую влагу.

Преодолев гребень холма, я заметил внизу, почти на опушке леса, белое пятно — куртку Синтии. Бронко с Элмером не отставали от девушки. Бронко освоился с поддержкой Элмера и двигался теперь довольно быстро.

Набившиеся за пазуху сухие стебли трав царапали мне кожу. Из селения доносились невнятные вопли.

Я добежал до изгороди, что отделяла поле от леса, и увидел, что Элмер проломил в ней проход. Промчавшись сквозь него, я очутился в лесу, и мне пришлось сбавить прыть, чтобы сослепу не налететь на какое-нибудь дерево.

Кто-то шепотом окликнул меня. Замерев, я огляделся. Все трое моих спутников укрылись под сенью разлапистого дуба. Бронко в целом выглядел неплохо. Элмер спустился с дерева, держа в руке какие-то узелки.

— Я припрятал их тут с наступлением темноты, — сказал он. — Меня не отпускало ощущение, что что-нибудь обязательно произойдет.

— Тебе известно, что случилось?

— Кто-то бросил на двор гранату, — ответил робот.

— Кладбище, — проговорил я, — Вот на что выменяли виски.

— Расплатились, значит, — сказал Элмер.

— Похоже. А я все гадал, с какой стати они расщедрились.

— А призраки, если они, конечно, призраки? — спросила Синтия.

— Отвлекающий маневр, — предположил Элмер.

Я покачал головой:

— Слишком сложно. Не думаю, чтобы в этом были замешаны все без исключения.

— Ты недооцениваешь наших друзей, — возразил Элмер, — Что ты наговорил Беллу?

— Да ничего такого. Я лишь отказался работать на них.

Элмер фыркнул.

— Все ясно. Lese-majeste [2].

— Что же нам теперь делать? — спросила Синтия.

— Ты без меня пока обойдешься? — поинтересовался Элмер у Бронко.

— Если не спешить, да.

— Флетч будет сопровождать тебя. Поддержки от него не жди, но, если ты свалишься, он поможет тебе встать. А мне надо раздобыть инструменты.

— Тебе что, своих мало? — сказал я. Ведь у него в специальном отделении груди хранились запасные руки и многое— многое другое.

— Мне понадобится молоток и кое-что еще. Ноги Бронко просто так не починишь. Я знаю, где у них в деревне сарай с инструментом. Он, правда, заперт, но это ерунда.

— Мне казалось, мы торопимся унести ноги, а ты хочешь вернуться...

— Им будет не до меня: того и гляди, загорится амбар. Никто меня и не заметит.

— Возвращайся скорей, — попросила Синтия.

Он кивнул.

— Постараюсь. Вы никуда не сворачивайте, пока не доберетесь до долины, а там поверните направо и двигайтесь вниз по течению реки. Бери мешок, Флетч, а Синтия возьмет тот, что поменьше. Остальное я захвачу на обратном пути. Бронко сейчас не в состоянии ничего тащить.

— Один момент, — сказал я.

— Ну?

— Почему мы должны поворачивать направо и идти вниз по течению?

— Потому что, пока ты трепался со своим лохматым приятелем, а Синтия чистила картошку для праздника, я пробежался по окрестностям. Жизнь научила меня не пренебрегать осмотром местности.

— Но куда мы направляемся? — справилась Синтия.

---

[2] Оскорбление величества (фр.).

— Подальше от Кладбища, — ответил Элмер. — Как можно дальше.

Глава 10

Бронко еле держался на ногах. Склон холма был крутым и неровным, и Бронко трижды падал, прежде чем мы спустились в долину. Всякий раз я ухитрялся его поднять, но при этом едва не падал сам.

Позади нас какое-то время в небе мерцали багряные отблески. Должно быть, занялся амбар, ибо сеновал гореть так долго попросту не мог. Однако, когда мы достигли долины, зарево погасло. То ли амбар выгорел полностью, то ли пламя удалось потушить.

Идти по долине было значительно легче. Земля была удивительно ровной, хотя иногда попадались неглубокие рытвины. Лес поредел, и луна худо-бедно освещала нам путь. Слева по ходу нашего движения журчала река. Близко мы к ней не подходили, но то и дело слышали плеск воды у каменистых перекатов.

Нас окружала серебристая дымка; порой издалека доносилось конское ржание или иные звуки. Раз над нами, неслышно взмахивая крыльями, пролетела большая птица. Покружившись, она скрылась из глаз.

— Если бы ноги у меня были сломаны с разных сторон, — проговорил Бронко, — я бы ничего не заметил. А так — остается две с одной стороны, четыре — с другой; вот и приходится ковылять.

— Все хорошо, — утешила его Синтия, — Не болит?

— Нет, — ответил Бронко, — Я не способен испытывать боль.

— По-вашему, в случившемся виновато Кладбище, — повернулась ко мне Синтия, — Элмер согласен с вами и я, пожалуй, тоже. Но ведь мы не представляем для них угрозы...

— Любой человек, если он не гнет перед Кладбищем спину, воспринимается ими как угроза, — сказал я, — Они

обосновались на Земле давным-давно и потому не терпят ни малейшего вмешательства в свои дела.

— Но мы же ни во что не вмешиваемся!

— Можем. Исполнив то, за чем мы сюда прилетели, и вернувшись на Олден, мы можем все им испортить. Мы расскажем о Земле без Кладбища. А вдруг наша работа получит признание у зрителей? Люди перестанут считать Землю всего лишь галактическим могильником.

— Но им от этого не станет хуже, — недоумевала Синтия. — Ничего же не изменится. Никто не покушается на их способ зарабатывать деньги.

— Вы забываете о самолюбии, — заметил я.

— При чем здесь оно? И потом, чье самолюбие окажется ущемленным? Максуэлла Питера Белла и других князьков вроде него. Но не самолюбие Кладбища — это гигантская корпорация, которую интересуют доходы, объем ежегодного прироста прибыли, себестоимость услуг и тому подобное. В ее гроссбухах нет места самолюбию. Дело не в нем, Флетч. Должна быть иная причина.

Может, она и права, сказал я себе. Может, дело действительно не только в самолюбии. Но в чем тогда?

— Они привыкли править, — буркнул я, — Они могут купить все, что им взбредет в голову. Они наняли кого-то швырнуть гранату в Бронко. Их не остановило даже то, что при взрыве могут пострадать другие. Им наплевать, понимаете? Им наплевать, потому что они привыкли добиваться того, чего им хочется. И, кстати сказать, задешево. Они тут хозяева, поэтому с ними никто не осмеливается торговаться. Мы знаем, чем они расплатились за гранату — ящиком виски. Смехотворно низкая плата! Мне думается, чтобы поддержать свою репутацию, им приходится сурово наказывать тех, кто ускользает из их объятий.

— Вы все время говорите «они», — перебила Синтия, — Но вы же знаете, что нет ни «их», ни «Кладбища». А есть один— единственный человек.

— Верно, — согласился я, — и вот почему я упомянул о самолюбии. Уязвлено не самолюбие Кладбища, а собственное достоинство Максуэлла Питера Белла.

Долина раскинулась перед нами во всей красе — огромный луг, окруженный лесистыми холмами, оживляемый лишь редкими группками деревьев. Река бежала где-то слева от нас, но журчания воды не было слышно уже давненько. Земля была ровной, и Бронко двигался без особого напряжения, хотя при взгляде на него у меня сердце обливалось кровью. Но в общем он держался молодцом.

Об Элмере не было ни слуху ни духу. Поднеся руку к глазам, я посмотрел на часы. Почти два часа. Я не имел ни малейшего понятия о том, сколько было времени, когда мы обратились в бегство, но почему-то в глубине души был уверен, что взрыв произошел около десяти вечера, а это означало, что мы находимся в пути уже четыре часа. Может, с ним что случилось? Разумеется, он должен был подобрать мешки, что остались на том месте, где мы расстались, однако вряд ли они задержат его надолго.

Если он не нагонит нас к утру, надо будет выбрать местечко поукромнее и дождаться его. Я не сомкнул глаз с тех самых пор, как распрощался с капитаном Андерсоном, а что касается Синтии, она буквально валилась с ног от усталости. Спрячемся понадежнее и немножко вздремнем, а Бронко, который не нуждается в сне, поручим нести дозор.

— Флетчер, — проговорила Синтия, остановившись столь внезапно, что я налетел на нее. Бронко застыл как вкопанный.

— Дым, — сказала она. — Я чувствую запах дыма.

Я принюхался.

— Почудилось, — буркнул я, — Кому тут быть?

В долине ничто не напоминало о людях. Лунный свет на траве, деревья и холмы, свежий ночной воздух, черные тени птиц — и ни намека на людей.

И вдруг я уловил запах дыма. Он пощекотал мне ноздри и почти мгновенно улетучился.

— Вы правы, — сказал я, — Где-то неподалеку жгут костер.

— Раз костер, значит, люди, — заметил Бронко.

— Людьми я сыта по горло, — бросила Синтия. — Не хочу никого видеть в ближайшие пару дней.

— Я тоже, — поддержал ее Бронко.

Горьковатый запах дыма словно растворился в ночи.

— Может, и не костер, — сказал я. — Может, несколько дней назад в дерево ударила молния и оно все тлеет и тлеет. Или костер, но давнишний: все ушли, а его залить не потрудились.

— Пойдемте отсюда, — проговорила Синтия, — Мы стоим тут у всех на виду.

— Слева от нас рошица, — подал голос Бронко, — До нее мы доберемся без труда.

Мы повернули влево и крадучись направились к рощице. Утром, подумалось мне, мы посмеемся над своими страхами. Вполне возможно, что напугавший нас дым принес издалека ночной ветерок. Вполне возможно, в конце концов, что мы совершенно напрасно опасаемся тех, кто развел в ночи костер.

На опушке рощицы мы остановились и прислушались. Впереди журчала вода. Вот и славно, подумал я, будет чем утолить жажду. Рощица, похоже, поднялась на берегу реки, что бежит через долину.

Мы двинулись дальше. Переход от яркого лунного света к глубоким теням под деревьями был настолько резким, что я на какое-то время полуослеп. Неожиданно одна из теней метнулась мне навстречу и ударом дубинки повергла меня на землю.

Глава 11

Я упал в озеро и сразу, в третий и последний раз, пошел ко дну. Вода заливала мне уши и нос, и я не в силах был

сделать вдох. Я дернулся и судорожно глотнул, и струйки воды с мокрых волос потекли по моему лицу.

Тут я обнаружил, что нахожусь вовсе не в озере, что подо мной — твердая земля; при свете горевшего неподалеку костра я разглядел темную мужскую фигуру, которая держала в руках деревянное ведро. Я понял, что из этого ведра мне только что плеснули в лицо водой.

Мужчина стоял спиной к огню, поэтому его черты я толком не разглядел; лишь сверкнули белизной зубы, когда он сердито крикнул что-то, чего я не разобрал.

По правую руку от меня послышались вопли и проклятия. Повернув голову, я увидел лежащего на спине Бронко, вокруг которого, норовя подобраться поближе, толпились люди. Им приходилось туго: Бронко отбивался от них шестью неповрежденными ногами.

Я поискал взглядом Синтию. Она сидела у костра в довольно неестественной позе, зачем-то подняв над головой руку. И тут я заметил рядом с ней верзилу, который сжимал кисть девушки в своих лапищах. Когда Синтия попыталась встать, он заломил ей руку, и она вынуждена была опуститься обратно.

Я приподнялся, и человек с ведром кинулся ко мне с таким видом, словно намеревался раскроить мне череп. Увидев летящее мне в голову ведро, я перекатился на бок и резко выбросил руку. Ведро просвистело в сантиметре от моего виска, а его владелец споткнулся о мою руку и повалился на меня. Я принял его на плечо; он перекувырнулся через меня и с размаху грохнулся оземь. Я не стал дожидаться, пока он поднимется, если поднимется вообще. Прыжком я преодолел расстояние, которое отделяло меня от верзилы, что держал за руку Синтию.

Он разгадал мой замысел и потянулся было за ножом, но действовал слишком медленно, и я успел нанести ему сокрушительный удар в челюсть. Клянусь, его подбросило в воздух на добрый фут! Я помог Синтии подняться, хотя, похоже, помощи ей не требовалось.

За моей спиной раздался вопль. Обернувшись, я увидел, что те, кто сражался с Бронко, решили поживиться более легкой добычей.

С того момента, когда ведро воды привело меня в чувство после удара по голове, и до сих пор мне было некогда оценить ситуацию, в которой мы оказались. Но теперь, используя короткую передышку, я присмотрелся к нападавшим. Иначе как сбродом назвать их было нельзя: грязные, нечесаные, в лохмотьях из оленьих шкур и меховых шапках. У некоторых из них были ружья, у большинства, без сомнения, — ножи. Короче говоря, шансов уцелеть у меня было ничтожно мало.

— Уходите, — проговорил я, обращаясь к Синтии, — Постарайтесь где-нибудь спрятаться.

Она не ответила. Я оглянулся, чтобы узнать, почему она молчит, и увидел, что она шарит руками по земле. Когда она выпрямилась, в руках у нее были дубинки — длинные палки, которые она, должно быть, отломила

от приготовленных для костра дров. Кинув одну дубинку мне, она сжала другую в кулаке и встала плечом к плечу со мной.

Вооружившись дубинками, мы ожидали нападения. Сторонний наблюдатель, вероятно, восхитился бы нашим мужеством, но я знал, что долго нам не выстоять.

Заметив дубинки, оборванцы остановились. Впрочем, даже так им ничего не стоило справиться с нами. Одному-двоим, быть может, и достанется, но они попросту задавят нас числом.

Здоровенный детина, стоявший чуть впереди остальных, сказал:

— Что стряслось? Зачем вам дубинки?

— Чтобы вы на нас не набросились, — ответил я.

— Нечего было подсматривать за нами.

— Мы почувствовали запах дыма, — проговорила Синтия, — и ни за кем подсматривать не собирались.

Среди деревьев слева послышалось фырканье. Очевидно, там паслись какие-то животные.

— Вы подсматривали, — гнул свое детина. — Вы и ваша зверюга.

Пока он занимал нас беседой, его дружки потихоньку начали обходить нас с флангов.

— Давайте не будем горячиться, — сказал я. — Мы путники. Мы не подозревали о вашем присутствии...

Они рванулись было к нам, и тут из леса донесся заунывный вопль — дикий и воинственный боевой клич, от которого встали дыбом волосы и застыла в жилах кровь. Из-за деревьев показалась массивная металлическая фигура; завидев ее, оборванцы пустились наутек.

— Элмер! — воскликнула Синтия.

Робот не обратил на нас внимания. Один из беглецов споткнулся и упал; Элмер подхватил его, раскрутил и швырнул в темноту. Раздался выстрел; пуля глухо звякнула, стукнувшись о металлическое тело Элмера. Больше выстрелов не было. Элмер загнал оборванцев в лес. Судя по плеску воды,

они перебрались на другой берег реки. Вскоре их испуганные крики затихли в отдалении.

Синтия подбежала к трепыхающемуся Бронко. Я поспешил ей на подмогу. Вдвоем мы поставили Бронко на ноги.

— Вот вам и Элмер, — сказал он, — Задай им жару, дружище! Они удрали не все. В лесу привязаны те, в ком нет зла.

— Лошади, — догадалась Синтия, — Их должно быть много. Наверное, мы повстречались с торговцами.

— Вы можете рассказать мне в точности, как все произошло? — спросил я, — Мы вошли в лес, в котором было темным-темно. А потом этот тип плеснул мне водой в лицо.

— Они оглушили вас, — ответила Синтия, — схватили меня и поволокли нас к костру. Они тащили вас за ноги, и вид у вас был препотешный.

— Ну разумеется, вы помирали со смеху.

— Нет, — возразила она, — я не смеялась, но выглядели вы шикарно.

— А ты что скажешь, Бронко?

— Я поскакал к вам на выручку, — проговорил Бронко, — но оступился и упал. Но я показал им, с кем они имеют дело, верно, Флетч? Пока они вокруг меня крутились, мне удалось кое-кому как следует врезать.

— Они появились неожиданно, — сказала Синтия, — Похоже, они заметили нас издалека и устроили засаду. Костер мы увидеть не могли, потому что они развели его в глубокой лощине...

— Они наверняка выставили часовых, — буркнул я. — В общем, нам повезло, что все закончилось так, а не как-нибудь иначе.

Мы вернулись к костру. Он почти погас, но мы не стали разжигать его заново. Нам почему-то казалось, что в темноте безопаснее. У костра в беспорядке валялись всякие ящики и тюки; чуть поодаль возвышалась куча хвороста. По всей стоянке были разбросаны тарелки, чашки, ложки, оружие и одеяла. Нечто с громким плеском пересекло реку и

двинулось напролом через кусты. Я нагнулся было за ружьем, но Бронко сказал:

— Это Элмер.

Я выпрямился. Сам не знаю, отчего я потянулся за ружьем: ведь я совершенно не представляю, как с ним обращаться.

Элмер вывалился из кустов на лужайку.

— Удрали, — сообщил он. — Я хотел поймать одного и послушать, что у него найдется нам сказать, но они улепетывали так, что только пятки сверкали.

— Испугались, — фыркнул Бронко.

— Как наши дела? — спросил Элмер, — Вы в порядке, мисс?

— Мы все в порядке, — ответила Синтия, — Флетчера, правда, огрели дубинкой, но, по-моему, он уже оправился.

— Будет шишка, — проговорил я, — и голова, если честно, слегка побаливает. Но это пустяки.

— Флетч, — укорил Элмер, — почему ты не разводишь костер? Вам с мисс Синтией не мешало бы перекусить и вздремнуть часок-другой. А я пойду за вещами, которые бросил в лесу.

— А не лучше ли нам убраться отсюда, и поскорее? — поинтересовался я.

— Они не вернутся, — успокоил меня Элмер, — Точнее, вернутся, но не при дневном свете. Солнце-то вот-вот встанет. Они вернутся завтрашней ночью, однако мы к тому времени будем далеко.

— В лесу привязаны их животные, — сказал Бронко, — Судя по всем этим тюкам, животные должны быть вьючными. Они могут нам пригодиться.

— Заберем их с собой, — решил Элмер, — пусть наши друзья потопают ножками. И кроме того, мне не терпится заглянуть хотя бы в один из мешков. Быть может, их содержимое объяснит негостеприимность хозяев.

— А может, и нет, — возразил Бронко, — Вдруг они набиты под завязку всякой дрянью?

Однако он ошибался.

У встреченных нами головорезов были все основания опасаться за свою поклажу.

В первом мешке, который мы развязали, находились металлические пластины, вырубленные, по всей видимости, долотом из цельного листа.

Элмер подобрал две пластины и с силой стукнул друг о друга, так что они загудели.

— Сталь, покрытая бронзой, — определил он, — Интересно, где они ее раздобыли?

Похоже, он догадался об этом, еще не закончив фразы. Взглянув на меня, он понял, что мне в голову пришла та же мысль, и констатировал:

— То, из чего изготавливают гробы. Правильно, Флетч?

Мы сгрудились вокруг мешка. Бронко переминался с ноги на ногу за нашими спинами. Элмер уронил пластины, которые держал в руках.

— Сейчас принесу инструменты, — сказал он, — и мы займемся тобой, Бронко. У нас в запасе меньше времени, чем я предполагал.

Мы взялись за дело, пользуясь инструментами, которые Элмер позаимствовал в деревне. С одной ногой мы управились быстро: выпрямили ее, простучали, так что она стала как новенькая, и поставили на место. А вот со второй пришлось повозиться.

— Как долго, по-твоему, это продолжается? — спросил я Элмера, — Неужели Кладбище не подозревает о том, что его грабят?

— Даже если и знают, что они могут поделать? — откликнулся робот, — И вообще, какая им разница? Подумаешь, пару-тройку могил раскопали.

— Но их обязательно заметят! Ведь за Кладбищем ухаживают и...

— Заметят, если они на виду, — перебил Элмер, — Я готов побиться об заклад, что на Кладбище есть уголки, за которыми никто не следит и посетителей туда не пускают.

— Но если мне нужна конкретная могила?

— Они узнают о подобных вещах заранее. Они заблаговременно знакомятся со списком пассажиров очередного звездолета для паломников и, если требуется, быстренько приводят в порядок тот или иной сектор Кладбища. Или и того не делают, а просто меняют таблички на могилах, и вся недолга.

Синтия бросила готовку и подошла к нам.

— Можно взять? — справилась она, берясь за лом.

— Конечно, — ответил Элмер, — нам он ни к чему. Старина Бронко в полном порядке. А зачем он вам понадобился?

— Хочу открыть какой-нибудь ящик.

— Стоит ли? Там наверняка такие же пластины.

— Все равно, — сказала Синтия, — Хочется мне.

Понемногу светлело. Солнце позолотило небо на востоке и скоро должно было взойти. Среди деревьев порхали птицы, которые запели, едва начала отступать ночная тьма. Большая синяя птица с хохолком на голове кружилась над нами, возбужденно крича.

— Голубая сойка, — проговорил Элмер, — Шумливая птаха. Ее помню и кое-кого еще, вот только названия подзабылись. Вон малиновка, а вон дрозд — если мне не изменяет память, краснокрылый. Нахал, каких мало.

— Флетчер, — позвала Синтия сдавленным голосом.

Я сидел на корточках, наблюдая, как Элмер вправляет Бронко сустав.

— Да, — сказал я, не оборачиваясь, — чего?

— Можно вас на минуточку?

Я встал. Она ухитрилась оторвать край одной из досок крышки ящика. На меня она не глядела. Ее взгляд был устремлен внутрь ящика. Она стояла неподвижно, словно загипнотизированная тем, что увидела.

Ее вид заставил меня насторожиться. Сделав три быстрых шага, я очутился рядом с ней.

Первое, что я заметил, был изысканно украшенный сосуд — маленький, изящной формы, изготовленный, похоже, из яшмы. Нет, вряд ли это яшма: на сосуде цвета незрелого яблока черной, золотистой и темно-зеленой красками были изображены грациозные фигуры, а ни одно здравомыслящее существо яшму расписывать не будет. Рядом с сосудом лежала, если я ничего не перепутал, фарфоровая чашка ало-голубой раскраски, а дальше — причудливая скульптура, грубо вырезанная из камня кремового цвета. Из-под скульптуры виднелся кувшин с вычурным узором на боку.

Неслышно подошедший Элмер забрал у Синтии лом и двумя сильными ударами сбил с ящика крышку. Нашим глазам предстало поразительное зрелище: ящик оказался доверху набитым кувшинами, сосудами, статуэтками, фарфоровой посудой, искусной работы металлическими вещицами, поясами и браслетами с драгоценными камнями, самоцветными ожерельями и брошами, предметами культа (ничем иным они быть просто не могли), шкатулками из дерева и из металла и многим-многим другим.

Я взял в руки отшлифованный камень со множеством граней, на каждой из которых были выгравированы таинственные, наполовину стершиеся символы. Я повертел его в ладонях, недоумевая, почему он такой тяжелый, будто внутри у него не тот же камень, а металл. И тут меня словно осенило: мне ведь доводилось уже видеть нечто подобное — на каминной полке в кабинете Торни. Однажды он продемонстрировал мне, для чего этот булыжник предназначался. Его бросали как игральную кость, чтобы узнать, как поступить в том или ином случае. Божественный камень, очень древний и чрезвычайно ценный, — один из немногих артефактов, которые с уверенностью можно было отнести к творениям загадочной расы с далекой планеты — планеты, обитатели которой исчезли в никуда задолго до того, как люди натолкнулись на их мир.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил Элмер.

— Да вроде бы, — отозвался я, — Старинная штучка. У Торни есть похожая. Он называл мне планету, на которой их делали, но я, признаться, подзабыл.

— Послушайте, почему бы вам не продолжить разговор за едой? — вмешалась Синтия, — Все того и гляди остынет.

Я понял вдруг, что зверски голоден. Со вчерашнего дня у меня во рту не было и маковой росинки.

Синтия разлила по тарелкам густой, наваристый суп из тушенки с овощами. Торопясь попробовать, я первой же ложкой обжег себе небо.

Элмер примостился рядышком, подобрал палку и принялся ворошить угли.

— Мне кажется, — сказал он, — обнаруженные нами предметы имеют отношение к тому, о чем, по твоим словам, частенько говаривал профессор Торндайк. Сокровища, которые похитили с мест археологических раскопок и припрятали, с тем чтобы позже за бешеные деньги продать коллекционерам.

— Думается, ты прав, — ответил я, — и теперь нам известно, где хранится хотя бы часть их.

— На Кладбище, — сказала Синтия.

— Совершенно верно, — согласился я, — В гробу можно спрятать все, что угодно. Кому придет в голову раскапывать могилу? Да никому, за исключением шайки пришлых добытчиков металла, которые, очевидно, решили, что куда выгоднее извлечь из земли парочку гробов, чем без толку рыскать по округе.

— Они разрывали могилы ради металла, — вступила в разговор Синтия, — а как-то раз нашли гроб, в котором вместо скелета лежала груда сокровищ. Быть может, такие могилы особым образом помечены. Быть может, на памятник или на указатель ставится какой-нибудь значок, который, если не знать, куда смотреть, ни за что не заметишь.

— Вряд ли они ориентируются по значкам, — возразил Элмер. — Прикиньте, сколько уйдет времени на поиски по крайней мере одного из них.

— Я думаю, времени у них было достаточно, — парировала Синтия, — Скорее всего, промышлять воровством они начали не вчера, а несколько столетий назад.

— Однако наличие меток ничем не доказано, — сказал я.

— Как это ничем? — воскликнула Синтия, — Откуда же им тогда известно, где копать?

— Вполне возможно, что у них на Кладбище есть свой человек, который наводит их на могилы.

— Вы оба вот о чем забываете, — вмешался Элмер, — Что, если наших ночных знакомцев все эти безделушки в ящиках интересуют постольку-поскольку?

— Но они прихватили их с собой, — проговорила Синтия.

— Да, прихватили. Сообразили, должно быть, что за них можно выручить кое-какие деньги. Но нужен им был, я уверен, в первую очередь металл. Сегодня с металлом на Земле туговато. Когда-то его собирали в городах, но на открытом воздухе он быстро ржавел, и потому пришлось искать его под землей. А на Кладбище он не такой старый и гораздо лучшего качества. Артефакты, которые попались грабителям в одной — двух могилах, имеют ценность для нас, поскольку профессор Торндайк просветил нас на их счет, однако мне сомнительно, чтобы кладбищенские воришки разбирались в предметах искусства. Им нужен металл, а все остальное — так, игрушки детям, побрякушки женщинам.

— Как бы то ни было, — сказал я, — теперь понятно, почему Кладбище норовит присмотреть за всеми, кто прилетает на Землю. Им вовсе ни к чему, чтобы кто-нибудь узнал про артефакты.

— В этом нет ничего противозаконного, — заметила Синтия.

— Увы, да. Археологи много лет пытаются пробить закон, который запретил бы торговлю артефактами, но пока безуспешно.

— Грязное это дело, — буркнул Элмер, — неблаговидное. Если правда выплывет наружу, она здорово подпортит Кладбищу фасад.

— И все же они позволили нам уйти, — проговорила Синтия.

— Они просто оказались не готовы, — объяснил я, — Им нечем было остановить нас.

— Потом они попробовали отыграться, — прибавил Элмер. — На Бронко.

— Они полагали, что, уничтожив Бронко, сумеют нас запугать, — подумала Синтия вслух.

— Скорее всего, — согласился я. — Хотя, быть может, они ко взрыву и не причастны.

— Ну да, — фыркнул Элмер.

— Вот что меня настораживает, — сказал я. — Не прилагая к тому усилий, мы умудрились нажить себе кучу врагов. Во-первых, Кладбище, во-вторых, шайка грабителей, а в-третьих, мне кажется, жители деревни. Едва ли они вспоминают нас добрым словом. Из-за нас у них сгорели сеновал и амбар; наверняка кто-то из них пострадал при взрыве. Поэтому...

— Сами виноваты, — перебил Элмер.

— Иди и скажи им это.

— Не пойду.

— Думаю, нам пора трогаться в путь, — закончил я.

— Вам с мисс Синтией надо поспать.

Я посмотрел на девушку:

— Пару часов мы как-нибудь выдержим, верно?

Она уныло кивнула.

— Возьмем лошадей, — предложил Элмер. — Погрузим на них мешки...

— Зачем? — спросил я. — Оставь все здесь. К чему нам лишняя поклажа?

— И как я сам не додумался? — воскликнул Элмер. — Когда они вернутся, кому-то из них придется остаться тут, чтобы караулить добро, а значит, нам будет легче.

— Они погонятся за нами, — проговорила Синтия. — Без лошадей они как без рук.

— Разумеется, — ответил Элмер, — но когда они в конце концов обнаружат лошадей, нас уже и след простынет.

— Ты забываешь людей, — неожиданно подал голос Бронко. — Они не способны обходиться без сна и не могут шагать сутки напролет.

— Что-нибудь придумаем, — отмахнулся Элмер, — Давайте собираться.

— А как быть с Душелюбом и его призраками? — спросила Синтия без всякого, как мне показалось, повода.

— Пусть они вас не волнуют, — сказал я.

Она спрашивала о них не в первый раз. Все-таки женщина есть женщина: человек в затруднительном положении, а она пристает к нему с дурацкими вопросами!

Глава 13

Я проснулся посреди ночи и растерялся было, но тут же вспомнил, где мы и что с нами произошло. Сев и оглядевшись, я различил в темноте крепко спящую Синтию. Скоро уже должны вернуться Бронко с Элмером, и тогда мы продолжим наш путь. Все-таки, сказал я себе, мы поступили поглупому; нам не следовало разлучаться. Да, конечно, я был в полусонном состоянии, и первая в жизни прогулка верхом порядком меня утомила, а Синтия вообще выдохлась окончательно, однако мы могли бы пересадить ее на Бронко и привязать к седлу, чтобы она не свалилась во сне. Но Элмер настоял на том, чтобы мы оставались здесь, пока они с Бронко отгонят лошадей в маячившие на горизонте горы.

— Не беспокойся, — убеждал он, — Пещера эта удобная и хорошо замаскирована, а к тому времени, как вы проснетесь, мы вернемся.

Зачем мы его послушались, корил я себя. Зачем? Нам надо было держаться вместе; что бы ни случилось, нам надо было держаться вместе.

У входа в пещеру промелькнула тень. Послышался тихий голос:

— Друг, будь добр, не шуми. Тебе нечего опасаться.

Я вскочил, чувствуя, как волосы на моей голове встают дыбом.

— Кто там, черт побери?

— Тише, тише, — попросил меня голос, — Поблизости ходят те, кому слышать нас вовсе не обязательно.

Синтия взвизгнула.

— Замолчите! — прикрикнул я на нее.

— Не волнуйтесь, — произнес некто, — Вы не узнали меня, но мы виделись на празднике.

Синтия, подавив крик, судорожно сглотнула.

— Это Душелюб, — выдавила она, — Что ему нужно?

— Я пришел к вам, красавица, — ответил Душелюб, — чтобы предупредить вас о большой опасности.

— Выкладывай, — сказал я негромко, поддавшись на его уговоры не повышать голоса.

— Волки, — объяснил он. — По вашему следу пустили механических волков.

— И что же нам делать?

— Сидеть тихо, — ответил Душелюб, — и надеяться, что они пробегут мимо.

— А где твои приятели? — поинтересовался я.

— Где-то тут. Они частенько сопровождают меня, но прячутся, впервые встречаясь с людьми. Они слегка робеют, но, если вы им понравитесь, они объявятся.

— Прошлой ночью они ничуть не робели, — заметила Синтия.

— Они были среди старых друзей, с которыми знакомы не один год.

— Ты говорил про волков, — перебил я, — Если я не ослышался, про механических волков.

— Подобравшись к входу, вы, наверное, сможете их разглядеть. Только, пожалуйста, старайтесь не шуметь.

Я протянул Синтии руку, и она крепко вцепилась в нее.

— Механические волки, — проговорила она.

— Должно быть, роботы, — сказал я.

Не знаю почему, но я оставался абсолютно спокойным. За последние два дня нам столько привелось увидеть, что механические волки отнюдь не воспринимались как нечто из ряда вон выходящее. Подумаешь, эка невидаль!

Снаружи пещеры ярко светила луна. Деревья были видны как на ладони, крохотные лужайки, валуны — дикий, неприветливый, суровый край. Я невольно вздрогнул.

Мы притаились у самого входа в пещеру. Взгляд различал лишь деревья, лужайки, валуны и темные очертания холмов вдалеке.

— Я не... — начала было Синтия, но Душелюб цыкнул на нее, и она замолчала.

Мы лежали бок о бок, с каждой секундой все острее ощущая нелепость своего положения. Ничто не нарушало ночного покоя; в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка.

Внезапно в тени дерева что-то шевельнулось. Мгновение спустя на открытом месте показалась отвратительная тварь. Она поблескивала в лунном свете и производила впечатление чудовищной силы и злобы. Расстояние и неверный свет луны скрадывали ее размеры, однако ростом она была явно не ниже теленка. Движения ее были быстрыми, ловкими и, я бы даже сказал, немного нервными; но мощь, заключенную в ее металлическом теле, можно было угадать за несколько сотен миль. Тварь кружила по поляне, будто к чему-то принюхиваясь, а потом вдруг замерла и уставилась прямо на нас. Застыв в напряженной позе, она рвалась к нам — словно кто-то удерживал ее на поводке.

Так же неожиданно она отвернулась и возвратилась к прежнему занятию, и тут я заметил, что их уже трое. Обследовав поляну, они устремились в лес.

Один из волков на бегу оскалил пасть — вернее, то, что называется пастью у живых существ, — продемонстрировав

сдвоенный ряд металлических клыков. Зубы его клацнули, и нас бросило в дрожь.

Синтия прижалась ко мне. Высвободив руку, я обнял девушку; в тот момент я думал о ней не как о женщине, но как о человеке, в плоть которого могут вонзиться металлические клыки. Прильнув друг к другу, мы наблюдали, как волки рыщут среди деревьев, настороженно поводя носами и — не знаю, может, мне померещилось? — пуская слюну. Постепенно я проникался уверенностью, что им известно наше местонахождение.

И вдруг они исчезли, пропали без следа, так что мы даже не успели ничего разглядеть. Их исчезновение ошеломило нас; мы лежали у входа в пещеру, боясь открыть рот, боясь пошевелиться. Сколько продолжалось наше оцепенение, я не знаю.

Кто-то постучал по моему плечу.

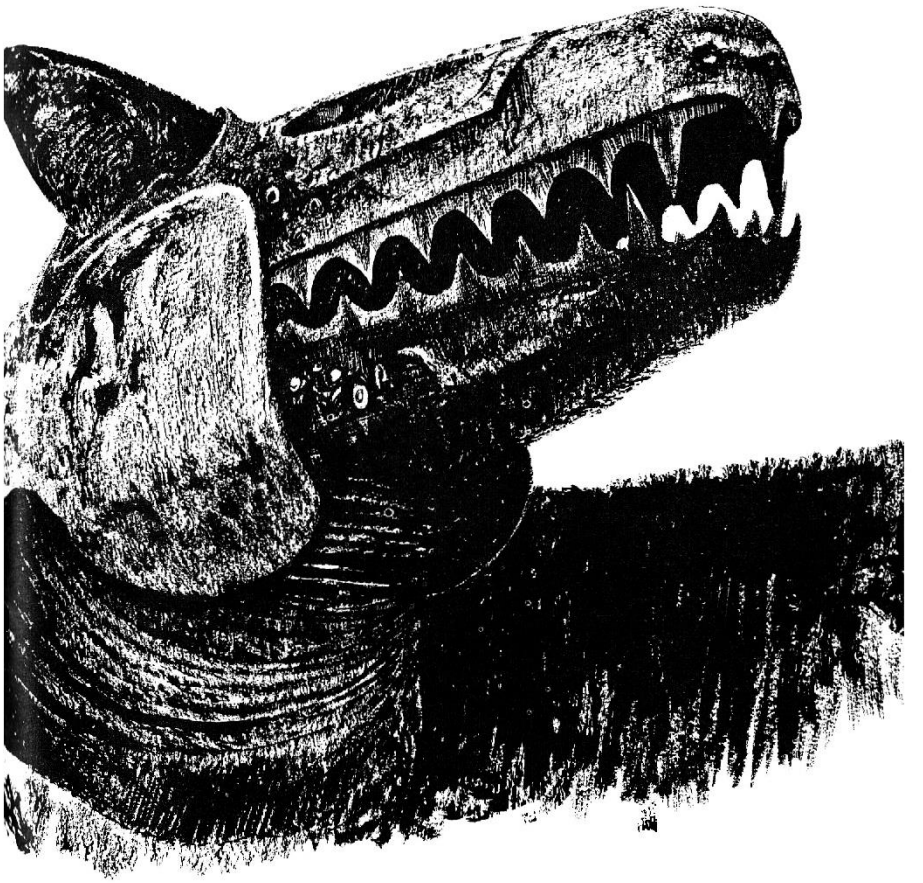
— Они ушли, — сказал Душелюб.

Признаться, я совершенно позабыл о его присутствии.

— Они растерялись, — сказал он. — Их сбил с толку лошадиный запах. Что ж, пускай побегают.

Синтия поперхнулась, будучи, видно, не в силах произнести ни слова. Я сочувствовал ей: мое горло пересохло до такой степени, что непонятно было, обрету ли я когда-нибудь дар речи.

— Я думала, они искали нас, — запинаясь выговорила Синтия, — По-моему, они догадывались, что мы где-то рядом.



— Все может быть, — ответил Душелюб, — однако непосредственная опасность миновала. Почему бы нам не вернуться в пещеру?

Я поднялся на ноги и помог встать Синтии. Мышцы мои после долгого пребывания в неподвижности затекли, и я потянулся всем телом. В пещере было темно, хоть глаз выколи, но, ощупывая рукой стену, я с грехом пополам добрался до сложенных в кучу мешков и сел, прислонившись к ним. Синтия последовала моему примеру.

Душелюб расположился Перед нами. Его черная роба сливалась с мраком пещеры, и потому мы видели только белое пятно его лица — размытое пятно, лишенное каких бы то ни было черт.

— Наверное, — сказал я, — нам нужно поблагодарить тебя.

Он передернул плечами.

— Друзья нынче встречаются редко, — сказал он. — Поэтому их надо всячески оберегать.

В пещере засеребрились тени. То ли они появились всего лишь мгновение назад, то ли я попросту не замечал их раньше, но теперь они окружали нас со всех сторон.

— Ты созвал своих? — спросила Синтия, и по напряженности ее голоса я понял, каких усилий стоило девушке совладать с испугом.

— Они были здесь все время, — объяснил Душелюб, — Они возникают медленно, чтобы никого не перепугать.

— Тут не захочешь, а испугаешься, — возразила Синтия. — Я ужасно боюсь призраков. Или ты называешь их по-другому?

— Лучше будет, — ответил Душелюб, — называть их тенями.

— Почему? — справился я.

— Семантика причины, — заявил Душелюб, — требует для объяснения вечерних сумерек. Честно говоря, я сам в некотором затруднении. Но они предпочитают именоваться так.

— А ты? — спросил я, — Что ты такое?

— Не понимаю, — ответил Душелюб.

— Ну как же? Мы люди. Твои спутники — тени. Существа, за которыми мы следили, были роботами — механическими волками. А к кому отнести тебя?

— Ах вот ты про что, — догадался Душелюб, — Ну, это несложно. Я переписчик душ.

— Что касается волков, — вмешалась Синтия, — Они, должно быть, кладбищенские?

— Да, — подтвердил Душелюб. — Теперь их почти не используют, не то что прежде. В былые дни у них было много работы.

— Какой же? — удивился я.

— Чудовища, — ответил Душелюб, и я заметил, что ему не хочется развивать эту тему.

Беспрерывное колыхание теней прекратилось. Друг за дружкой они опускались на пол пещеры, постепенно приобретая все более четкие очертания.

— Вы им нравитесь, — сказал Душелюб, — Они знают, что вы на их стороне.

— Мы ни на чьей стороне, — запротестовал я, — Наоборот, мы бежим сломя голову, чтобы нас не сцапали. Едва мы очутились на Земле, как нас тут же попытались взять в оборот.

Одна из теней подсела к Душелюбу. Мне показалось, она утратила часть своей облакоподобной субстанции и не то чтобы затвердела, но стала плотнее. Она осталась прозрачной, но размытость формы исчезла; силуэт приобрел завершенность. Тень напоминала сейчас рисунок мелком на грифельной доске.

— Если вы не возражаете, — заявил рисунок, — я хотел бы представиться. Мое имя в далеком прошлом на планете Прерия наводило ужас на ее обитателей. Странное название для планеты, не правда ли? Однако объясняется оно очень просто: это была огромная планета, пожалуй даже больше Земли, территория суши на которой намного превосходила площадь океана. На суше не было ни гор, ни

возвышенностей, и на все четыре стороны простиралась прерия. Там не было зимы, потому что тепло звезды, вокруг которой обращалась планета, ветры распределяли равномерно по всей поверхности. Так что мы, обитатели Прерии, наслаждались вечным летом. Разумеется, мы были людьми. Наши предки покинули Землю с третьей волной эмиграции. В поисках наилучшего места жительства они перелетали от планеты к планете, пока не очутились на Прерии. Вероятно, наш образ жизни покажется вам необычным. Мы не строили городов. Причину тому я, быть может, открою вам позднее, ибо рассказывать придется долго. Мы стали бродячими пастухами, и, на мой взгляд, это занятие куда достойнее любого другого. На Прерии кроме нас обитали аборигены — гнусные, злобные проныры. Они отказывались от всякого сотрудничества с нами и то и дело вставляли нам палки в колеса. Помнится, я начал с того, что просил позволения представиться, но забыл назвать свое имя. Это доброе земное имечко, ибо мое семейство и весь мой клан бережно хранили наследие Земли, и...

— Его зовут, — перебил Душелюб, — Рамсей О'Гилликадди. Откровенно говоря, имя в самом деле неплохое. Я вмешался потому, что он наверняка не скоро бы добрался до сути.

— А теперь, — сообщила тень Рамсея О'Гилликадди, — поскольку меня любезно представили, я поведаю вам историю своей жизни.

— Не стоит, — возразил Душелюб, — У нас нет времени. Нам многое нужно обсудить.

— Тогда историю моей смерти.

— Хорошо, — уступил Душелюб, — но только покороче.

— Они поймали меня, — начала тень Рамсея О'Гилликадди, — и посадили под замок. Грязные, мерзкие аборигенишки! Я не буду описывать обстоятельства, которые привели к столь плачевному для меня исходу, ибо иначе мне придется излагать все в подробностях, на что, по словам Душелюба, времени нет. Так вот, они поймали меня и в моем

присутствии завели спор о том, как им лучше меня прикончить. Сами понимаете, с каким настроением я все это слушал. И способы, надо отметить, предлагались самые кровожадные. Отнюдь не удар по голове и не перерезание горла, но долгие, выматывающие, замысловатые процедуры. В конце концов после многих часов обсуждения, в течение которых они не раз интересовались моим мнением насчет очередного способа, решено было содрать с меня живьем кожу. Они объяснили мне, что не хотят меня убивать, и что поэтому мне не следует держать на них зла, и что, если, лишившись кожи, я все-таки выживу, они с радостью меня отпустят. Что касается моей кожи, сказали они, то они высушат ее и изготовят из нее там-там, грохот которого известит мой клан о позоре их родича.

— Учитывая, что среди нас леди... — произнес я, но он не обратил на меня внимания.

— Обнаружив мой труп, — продолжал он, — мои родичи решились на немыслимое дело. До тех пор мы погребали своих мертвецов в прерии, не ставя над могилами никаких памятников, потому что человек должен довольствоваться тем, что стал единым целым с землей, по которой ходил. Несколько лет назад нам довелось услышать о земном Кладбище; тогда мы пропустили эти сведения мимо ушей, ибо они нам были ни к чему. Но после моей смерти на совете клана было решено удостоить меня чести быть похороненным в почве Матери-Земли. Мои бренные останки, погруженные в спирт и запаянные в большой бочонок, доставили в захудалый космопорт — единственный на планете. Там бочонок хранился многие месяцы, ожидая прибытия звездолета, на котором его доставили в ближайший порт, где регулярно совершали посадки корабли похоронной службы.

— Вы вряд ли понимаете, — прибавил Душелюб, — чего это стоило его клану. Все богатство обитателей Прерии заключается в их стадах. Им потребовался не один год, чтобы вырастить поголовье, стоимость которого равнялась бы стоимости услуг Кладбища. Они пожертвовали всем, и жаль,

что их старания пошли насмарку. Рамсей, как вы, видимо, догадываетесь, остается пока одним-единственным обитателем Прерии, чей прах погребен на Кладбище; точнее сказать, он не то чтобы погребен там, то есть погребен, но не так, как предполагалось. Давным-давно чиновникам Кладбища потребовался гроб, чтобы кое-что в нем припрятать...

— Артефакты, — перебил я.

— Вам про это известно? — спросил Душелюб.

— Мы это подозревали.

— Вы были правы в своих подозрениях, — сказал Душелюб, — Наш бедный друг оказался одной из жертв их жадности и подлости. Его гроб использовали под артефакты, а останки Рамсея выкинули в глубокий овраг на окраине Кладбища. С тех пор его тень, как и тени его товарищей по несчастью, бродит по Земле, не зная приюта.

— Хорошо сказано, — заметил О'Гилликадди, — и все чистая правда.

— Давайте на этом остановимся, — попросила Синтия, — Вы нас вполне убедили.

— У нас больше нет времени на разговоры, — ответил Душелюб, — Вам предстоит решить, что делать дальше. Едва волки нагонят ваших друзей, они сообразят, что вас с ними нет; поскольку же Кладбищу наплевать на роботов, то...

— Волки вернутся за нами, — с дрожью в голосе докончила Синтия.

При мысли о преследующих нас металлических тварях мне тоже стало не по себе.

— Как они нас найдут? — спросил я.

— Они обладают нюхом, — сказал Душелюб, — Их нюх устроен иначе, чем у людей: они различают химические компоненты запаха. А еще у них острое зрение. Если вы будете держаться скалистых возвышенностей, где запах быстро выветривается и где на камнях не остается следов, у вас появится шанс ускользнуть. Я боялся, что они почуют вас в пещере, но вы находились над ними, а

благожелательный воздушный поток, должно быть, отнес ваш запах в сторону.

— Они пойдут по лошадиному следу, — проговорил я. — Он свежий, а они бегут быстро. Им понадобится немного времени, чтобы обнаружить наше отсутствие.

— Время у вас есть, — успокоил Душелюб. — Вы не можете трогаться в путь, пока не рассветет, а до рассвета еще несколько часов. Вам придется поспешать, поэтому идите налегке.

— Мы возьмем с собой еду, — сказала Синтия, — и одеяла...

— Много еды не берите, — предупредил Душелюб. — Только то, что необходимо. Вы найдете ее по дороге. У вас ведь есть рыболовные снасти?

— Да, — ответила Синтия, — я купила их целую упаковку. Причем в последний момент — меня словно что-то подтолкнуло. Но мы не можем питаться только рыбой.

— А коренья? А ягоды?

— Но мы в них не разбираемся.

— А вам и не нужно, — возразил Душелюб. — Хватит того, что в них разбираюсь я.

— Ты идешь с нами?

— Мы идем с вами, — сказал Душелюб.

— Конечно! — воскликнул О'Гилликадди. — Все как один! Правда, пользы от нас маловато, но кое-что мы умеем. Мы будем высматривать погоню...

— Однако призраки... — пробормотал я.

— Тени, — поправил О'Гилликадди.

— Однако тени не путешествуют при свете дня.

— Человеческий предрассудок, — заявил О'Гилликадди, — Нас нельзя увидеть днем, это факт, но и ночью тоже, если мы того не захотим.

Остальные тени одобрительно загудели.

— Соберем рюкзаки, — предложила Синтия, — а мешки оставим тут. Элмер с Бронко будут нас разыскивать.

Напишем им записку и приколем к какому-нибудь мешку. Они наверняка ее заметят.

— Надо сообщить им, куда мы направляемся, — добавил я. — У кого какие мысли насчет конечного пункта?

— Мы пойдем в горы, — сказал Душелюб.

— Вы знаете реку под названием Огайо? — спросила Синтия.

— Знаю, и очень хорошо, — ответил Душелюб, — Вы хотите отправиться туда?

— Послушайте, — сказал я, — нам некогда рыскать...

— Почему? — удивилась Синтия, — Нам же все равно, куда идти, правда?

— Я думал, что мы договорились...

— Знаю, — сказала Синтия, — Вы высказались весьма недвусмысленно. Первым делом ваша композиция; но ведь вам безразлично, где ее сочинять, верно?

— Верно-то верно...

— Вот и отлично, — заключила Синтия, — Значит, идем на Огайо. Если, разумеется, вы не возражаете, — прибавила она, обращаясь к Душелюбу.

— Ничуть, — сказал тот, — Чтобы добраться до реки, нам придется перевалить через горы. Надеюсь, мы собьем волков со следа. Но если позволите...

— Долгая история, — отрезал я. — Мы расскажем вам все потом.

— А вам не доводилось слышать, — поинтересовалась Синтия, — о бессмертном человеке, который ведет жизнь отшельника?

— По-моему, доводилось, — ответил Душелюб, — Много лет назад. Мне он представляется мифом. На Земле существовало столько мифов!

— Они все в прошлом, — сказал я.

Он печально покачал головой:

— Увы. Мифы Земли мертвы.

Глава 14

На небе собрались облака. Ветер, изменив направление на северное, стал холодным и пронизывающим. В воздухе ощущался странный сыроватый запах. Сосны, что росли на холме, раскачивались и постанывали.

Мои часы остановились, но я ни капельки не огорчился. Начиная с того момента, как я покинул Олден, они мне были практически не нужны. На борту корабля похоронной службы действовало галактическое время, а земное время не совпадало с олденским, хотя, повычисляв немного, их можно было сопоставить. Я справлялся о времени в той деревне, где нас пригласили на праздник, но там этого никто не знал и не желал знать. Насколько мне удалось выяснить, в деревне имелись одни-единственные часы, изготовленные вручную из дерева, да и те ничем не могли мне помочь, поскольку их никто не заводил. Я решил установить часы по солнцу, но прозевал тот миг, когда оно было прямо над головой, и потому вынужден был прикидывать, как давно светило начало клониться к западу. Теперь же часы остановились окончательно, ибо запустить их я не сумел. Но, по правде сказать, я приучился обходиться без них.

Душелюб возглавлял наш отряд, за ним двигалась Синтия, а я замыкал шествие. С рассвета мы покрыли значительное расстояние, однако я не имел ни малейшего представления о том, сколько мы уже идем. Солнце скрылось в облаках, мои часы остановились — так что определить, который час, было невозможно.

Призраков нигде не было видно, однако я нутром ощущал их незримое присутствие. Душелюб тревожил меня ничуть не меньше своих приятелей. Дело заключалось в том, что при свете дня он напоминал человека не больше, чем тряпичная кукла. У него было лицо тряпичной куклы: узкий, слегка перекошенный рот, глаза чуть ли не крестиком, нос и подбородок начисто отсутствовали. Сразу ниже рта лицо переходило в шею. Капюшон и роба, которые я на

первых порах принял за одежду, казались частями его карикатурного тела. Если бы не невероятность подобного предположения, я бы поручился чем угодно, что так оно и есть. Ног его я не видел, потому что его роба (или тело) опускалась до самой земли. Передвигался он таким образом, словно ноги у него были; я еще подумал, что, будь он безногим, ему навряд ли удалось бы все время опережать нас на несколько шагов.

Он молча вел нас за собой, а мы следовали за ним — тоже молча, ибо при столь быстрой ходьбе дыхания на разговоры не хватало.

Наш путь пролегал глухими местами, где не было никаких следов того, что когда-то тут жили люди. Мы шли по холмам, время от времени пересекая крохотные долины. С вершин холмов нам открывались бескрайние просторы, лишенные даже намека на человеческую деятельность: ни обломков строений, ни разросшихся изгородей. Кругом был лес; он густой стеной вставал в долинах и немного редел на холмах. Почва была каменистой; повсюду встречались огромные валуны, на склонах холмов серели выходы пород. Почти ничто не оживляло безрадостную картину. Изредка раздавались птичьи трели, мелькали порой среди деревьев какие-то зверушки. Я решил, что это кролики или белки.

В долинах мы останавливались, чтобы напиться из мелководных речушек, но привалы были кратковременными. Мы с Синтией ложились на живот и жадно пили, а Душелюб, который, по всей видимости, не нуждался в питье, нетерпеливо поджидал нас, чтобы двигаться дальше.

Наконец, впервые с момента выхода в путь, мы устроили настоящий привал. Гребень холма, вдоль которого мы шли, круто забирал вверх, а потом нырял в распадок; самую верхнюю его точку образовывала широкая площадка, на которой громоздились друг на дружку камни, каждый размером с хороший амбар. Навалены они были так, словно с ними играл какой-нибудь древний великан: они наскучили ему, и он бросил их лежать там, где они лежат до сих пор. На камнях

росли чахлые сосенки, кривые корни которых алчно цеплялись за любую опору.

Душелюб, который по-прежнему опережал нас, исчез среди камней. Достигнув того места, где он пропал из вида, мы обнаружили, что наш вожатый удобно устроился в расселине, образованной массивными каменными глыбами. Расселина защищала от ветра, и из нее можно было наблюдать за тропой, по которой мы пришли.

Душелюб помахал рукой, подзывая нас.

— Передохнём, — сказал он, — Если хотите, перекусите, но без огня. Огонь, быть может, разведем вечером. Там поглядим.

Мне хотелось только одного: сесть и больше не вставать.

— Не рано ли мы остановились? — спросила Синтия, — Они, наверное, уже пустились в погоню.

Вид у нее был такой, будто колени ее вот-вот подломятся и она рухнет навзничь, чтобы никогда не подняться.

Тонкие губы на лице тряпичной куклы разошлись в усмешке:

— Они еще не вернулись в пещеру.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— От теней, — ответил Душелюб. — Они бы известили меня о возвращении волков.

— А не может быть, — поинтересовался я, — чтобы твои тени сбежали, бросив нас на произвол судьбы?

Он покачал головой.

— Не думаю, — сказал он, — Куда они денутся?

— Ну мало ли, — смешался я. По совести говоря, я понятия не имел, куда могут деться призраки.

Синтия устало опустилась на землю и оперлась спиной на громадный валун.

— Что ж, — проговорила она, — значит, можно перевести дух.

Порывшись в рюкзаке, который скинула с плеч, перед тем как сесть, она достала из него что-то и протянула мне. Я

присмотрелся: какие-то непонятные красные с черным плитки.

— Что это за отрава? — осведомился я.

— Вяленое мясо, — сказала она, — Отломите от плитки кусочек, положите в рот и начинайте жевать. Очень питательно.

Она предложила мясо Душелюбу, но тот отказался.

— Я крайне редко поглощаю пищу, — объяснил он.

Избавившись от своего рюкзака, я подсел к Синтии, отломил кусочек вяленого мяса и сунул его в рот. Мне показалось, что даже картон был бы, пожалуй, помягче и повкуснее.

Усевшись лицом к тропинке, по которой мы сюда добрались, и меланхолично двигая челюстями, я думал о том, насколько суровее жизнь на Земле по сравнению с нашим милым Олденом. Вряд ли я действительно сожалел о том, что покинул Олден, но был к этому близок. Однако воспоминания о прочитанных книгах о Земле, о моих мечтаниях и томлениях укрепили мой дух. Я размышлял о том, что, будучи восторженным поклонником первобытной красоты земных лесов, тем не менее ни физически, ни по складу характера решительно не годился на роль этакого первопроходца, покорителя девственной природы. Я прилетел на Землю вовсе не за этим; но, с другой стороны, в теперешних обстоятельствах мне выбирать не приходится.

Синтия, торопливо дожевывая свой кусок, спросила:

— Мы идем к Огайо?

— Разумеется, — отозвался Душелюб, — но до реки еще далеко.

— А как насчет бессмертного отшельника?

— О бессмертном отшельнике мне ничего не известно, — сказал Душелюб. — До меня доходили только слухи о нем, а слухи бывают всякие.

— Про чудовищ, например? — справился я.

— Не понимаю.

— Ты как-то упомянул чудовищ и сказал, что волков использовали для борьбы с ними. Ты заинтриговал меня.

— Это было очень давно.

— Но было же.

— Да.

— Наверное, генетические выродки...

— Слово, которое ты употребил...

— Послушай, — перебил я, — когда-то Земля представляла собой радиоактивное пекло. Многие формы жизни исчезли. А у тех, кто выжил, должен был измениться генетический код.

— Не знаю, — сказал он.

«Так я тебе и поверил», — усмехнулся я мысленно. И тут у меня мелькнуло подозрение, что он потому разыгрывает из себя незнайку, что сам является одним из генетических выродков и прекрасно об этом осведомлен. Интересно, как я не сообразил раньше?

— Зачем Кладбищу было возиться с ними? — продолжал я допрос. — Зачем было изготавливать волков для охоты на них? Правильно? Ведь волки предназначались именно для охоты?

— Да, — кивнул Душелюб, — Волков были тысячи и тысячи. Они собирались в огромные стаи и были запрограммированы на охоту за чудовищами.

— Не за людьми, — уточнил я, — только за чудовищами?

— Совершенно верно. Только за чудовищами.

— Наверное, иногда они ошибались и нападали на людей. Не так-то просто запрограммировать робота на охоту только за чудовищами.

— Да, ошибки бывали, — признал Душелюб.

— По-моему, — заметила Синтия горько, — Кладбище из-за них не убивалось. Подумаешь, несчастный случай!

— Не могу знать, — сказал Душелюб.

— Чего я не понимаю, — проговорила Синтия, — так это того, зачем им понадобилось отлавливать чудовищ. Вряд ли их было слишком много.

— Нет, их в самом деле было слишком много.

— Ладно, пускай. Ну и что из того?

— Думается, — сказал Душелюб, — причина здесь в паломниках. Едва Кладбище встало на ноги, его чиновники осознали, что организация паломничеств принесет им немалую прибыль. А всякие чудища могли напугать паломников до смерти. Вернувшись домой, паломники рассказали бы о том, что им пришлось пережить, и количество желающих посетить Землю наверняка значительно снизилось бы.

— Чудесно! — воскликнула Синтия, — Геноцид, да и только. Чудовищ, должно быть, начисто стерли с лица планеты.

— Да, — согласился Душелюб, — от них постарались избавиться.

— Но некоторые уцелели, — прибавил я, — и время от времени попадаются на глаза.

Он смерил меня взглядом, и я пожалел о словах, что сорвались у меня с языка. И что мне неймется? Мы ведь полностью зависим от Душелюба, а я донимаю его дурацкими намеками!

Оборвав разговор, я принялся энергично пережевывать мясо. Оно частично утратило первоначальную жесткость и приобрело горьковатый вкус; голод оно не утоляло, но, по крайней мере, приятно было ощущать, что во рту что-то есть.

Мы с Синтией молча жевали; Душелюб, казалось, погрузился в размышления.

Я повернулся к Синтии:

— Как вы себя чувствуете?

— Отлично, — ответила она язвительно.

— Извините меня, — попросил я, — Я вовсе не предполагал, что все так обернется.

— Ну конечно, — подхватила она, — вы воображали себе увеселительную прогулку по романтическим местам! Начитались книжек, навыдумывали невесть...

— Я прилетел сюда сочинять композицию, — перебил я, — а не играть в кошки-мышки с гранатометчиками, кладбищенскими ворами и стаей механических волков!

— И вините во всем меня, да?! Если бы я не увязалась за вами, если бы я не напросилась...

— Ничего подобного, — возразил я, — Мне это и в голову не приходило.

— Разумеется, вы всего лишь выполняли просьбу милашки Торни...

— Прекратите! — рявкнул я. Мое терпение истощилось, — Какая муха вас укусила?

Прежде чем Синтия успела открыть рот, Душелюб поднялся.

— Пора, — объявил он, — Вы поели и отдохнули, и теперь мы можем продолжать путь.

Ветер стал холоднее и задул резкими порывами. Когда мы выбрались из расселины на гребень холма, он обрушился на нас и швырнул нам в лицо первые капли приближающегося Дождя.

Мы побрели навстречу дождю. Его отвесная стена преградила нам дорогу и толкнула обратно. Душелюб продвигался вперед, не обращая на дождь никакого внимания. Роба его, как ни терзал ее ветер, оставалась неподвижной и ни разу даже не шелохнулась. Удивительное, доложу я вам, было зрелище!

Я хотел было поделиться своим наблюдением с Синтией и окликнул ее, но налетевший шквал заставил меня поперхнуться собственным криком.

Деревья в распадке клонились к земле и стонали под напором вихря. Птицы беспомощно размахивали крыльями, будучи не в силах противостоять мощи ветра. При взгляде на тучи почему-то возникало впечатление, что они опускаются все ниже и ниже.

Мы упорно тащились вперед. Ледяной, колючий ливень хлестал нам в лицо. Я утратил всякую способность ориентироваться и потому старался не терять из вида согбенную

фигуру Синтии. Как-то девушка споткнулась. Не говоря ни слова, я помог ей подняться. Не поблагодарив, она поплелась дальше.

Подстегиваемый ветром, дождь зарядил не на шутку. Порой он превращался в град и барабанил по веткам деревьев, а потом снова становился самим собой и был, по-моему, холоднее града.

Мы шли целую вечность, и неожиданно я обнаружил, что мы оставили гребень холма и спускаемся по его склону. Внизу бежал ручей; мы перепрыгнули его, выбрав местечко пouже, и полезли на следующий холм. Внезапно почва у меня под ногами сделалась ровной. Я услышал бормотание Душелюба:

— Ну вот, теперь мы достаточно далеко.

Едва разобрав, что он там бормочет, я без сил плюхнулся на мокрый валун. На какой-то миг я совершенно отключился и сознавал лишь то, что больше никуда идти не надо. Постепенно напряжение спало, и я осмотрелся.

Мы остановились на широкой каменистой площадке. Футах в тридцати или выше над ней нависала скала, образуя глубокую нишу в поверхности утеса. Чуть ниже площадки прыгал по камням ручей — маленький и стремительный горный поток. Он то бурлил и пенился на порогах, то разливался заводями и отдыхал перед очередным прыжком. За ручьем возвышался холм, гребень которого и привел нас сюда.

— Добрались, — весело проговорил Душелюб. — Теперь ни ночь, ни погода нам не помеха. Разведем костер, наловим в ручье форели и пожелаем волку сбиться со следа.

— Волку? — переспросила Синтия, — Но ведь их было трое. Что случилось с двумя другими?

— У меня есть подозрение, — ответил Душелюб, — что двум другим волкам немножко не повезло.

Глава 15

Снаружи бушевала гроза. Но нам около костра было тепло и уютно, и одежда наша наконец просохла. В ручье и в самом деле водилась рыба. Мы поймали чудесную крапчатую форель и с удовольствием ею поужинали. Не знаю, как Синтию, а меня уже начинало воротить при одном упоминании о консервах или вяленом мясе.

Судя по всему, не мы первые укрывались в этой пещерке от непогоды. Свой костер мы развели на том месте, где камень почернел и потрескался от пламени, которое разжигали тут прежде (хотя как давно, определить было невозможно). Черные круги кострищ, наполовину прикрытые слоем опавших листьев, были разбросаны по всей площадке.

В куче листьев, наметенной ветром в углу пещерки, там, где крыша ныряла навстречу полу, Синтия обнаружила еще одно доказательство того, что здесь бывали люди, — едва тронутый ржавчиной металлический прут примерно четырех футов длиной и около дюйма в диаметре.

Я сидел у костра, глядел на огонь, вспоминал пройденный нами путь и пытался понять, почему столь хорошо продуманный план, как наш, пошел насмарку. Ответ напрашивался сам собой: происки Кладбища. Правда, в стычке с шайкой разорителей могил Кладбище винить не приходится. Нам следовало быть поосмотрительнее.

Как ни верти, положение у нас просто никудышное. Нас вынудили бежать из деревни, нас опять же вынудили разлучиться с Элмером и Бронко, а в итоге мы с Синтией оказались во власти загадочного существа, которое ведет себя весьма, скажем так, странно.

И вдобавок волк — один из трех, если Душелюб не ошибся. Я знал наверняка, что произошло с двумя другими. Троица схватилась с Элмером и Бронко, и это была с их стороны непростительная глупость. Однако, пока Элмер разбирался с двумя из них, третьему удалось ускользнуть, и теперь, быть может, он идет по нашему следу, если, конечно,

таковой остался. Во-первых, мы двигались по каменистым гребням, на которых ничто не росло; во-вторых, дул ураганный ветер, и он должен был развеять наш запах. Ветер и дождь — наверное, следа попросту не существует.

— Флетч, — сказала Синтия, — о чем вы думаете?

— Прикидываю, где могут сейчас быть Бронко с Элмером, — ответил я.

— Возвращаются в пещеру, — предположила она. — А там их ждет записка.

— Записка, — повторил я, — По совести говоря, пользы от нее... В ней говорится, что мы направляемся на северо-запад и что если они не нагонят нас по дороге, то встретимся на Огайо. Вы представляете, какое расстояние отделяет нас от реки? И на сколько миль она протянулась от истока до устья?

— Мы сделали что могли, — сердито бросила Синтия.

— Утром, — вмешался в разговор Душелюб, — мы разведем на холме костер, чтобы они знали, где нас искать.

— Ну да, — сказал я, — и все остальные тоже, и волк — в том числе. Или их все-таки трое?

— Один, — уверил меня Душелюб, — Поодиночке волки не такие уж храбрецы. Они набираются смелости, лишь сбившись в стаю.

— Откровенно говоря, — заметил я, — я не горю желанием повстречаться пускай даже с одним волком, каким бы трусоватым он ни был.

— Их осталось немного, — сказал Душелюб, — Они давным— давно не охотились; быть может, долгие годы бездействия отразились на их характере.

— Интересно, — проговорил я, — почему Кладбище сразу не отправило их за нами в погоню? Ведь их могли бы спустить с привязи в самый момент нашего побега.

— Должно быть, — ответил Душелюб, — им пришлось послать за волками. Я не знаю точно, где их логово, но оно довольно далеко от Кладбища.

Ветер с воем гулял по долине; проливной дождь глухо шумел у входа в пещерку. Отдельные его капли порой долетали до костра.

— Где твои приятели? — поинтересовался я, — Я имею в виду теней.

— В такую ночь, — сказал Душелюб, — они покидают меня и спешат по делам.

Я не стал спрашивать, какие у призраков могут быть дела. Меня это не заботило.

— Вы как хотите, — сказала Синтия, — а я намерена завернуться в одеяло и подремать.

— Ложитесь оба, — предложил Душелюб. — День был долгим и трудным. Я покараулю. Мне сон почти не нужен.

— Ты не спишь, — проговорил я, — и редко когда ешь. Ветер не раздувает твою робу. Что же ты, черт побери, за существо?

Он не ответил. Я был уверен, что он не ответит.

Последнее, что я увидел, перед тем как заснуть, был сидящий поодаль от костра Душелюб. Его силуэт до странности напоминал поставленный на основание конус.

Пробудился я оттого, что замерз. Костер потух; снаружи пещерки разгорался рассвет. Ночная гроза отбушевала, и на видимом мне кусочке неба не было ни облачка.

На площадке у входа в пещерку сидел металлический волк. Он внимательно глядел на меня; его стальные челюсти крепко сжимали бессильно обвисшую тушку кролика.

Отбросив одеяло, я сел и зашарил рукой вокруг в поисках палки поувесистей, хотя на что годится палка против этакого чудища, я не представлял. Однако я нашел кое-что получше. Я шарил рукой вслепую, не осмеливаясь отвести глаз от волка, но когда мои пальцы наконец нащупали твердый предмет, я моментально догадался, что это такое, — металлический прут, обнаруженный Синтией в куче опавшей листвы. Пробормотав нечто вроде благодарственной молитвы, я обхватил пальцами прут и поднялся, сжимая его в кулаке с такой силой, что руке стало больно.

Волк сидел не шевелясь, не делая попыток броситься на меня, по-прежнему держа в зубах кроличью тушку. Его хвост задвигался и застучал по камню площадки — точь-в-точь как хвост собаки, которая рада встрече с вами.

Я рискнул оглядеться. Душелюба нигде не было видно. Синтия сидела, закутавшись в одеяло, и глаза у нее были каждый размером с плошку. Она не замечала, что я смотрю на нее; ее взгляд был устремлен на волка.

Я сделал шаг в сторону, чтобы обойти костер, и взял прут наизготовку. Если мне повезет огреть его по этой дурацкой металлической башке, подумал я, мы еще посмотрим, кто кого.

Однако волк не собирался нападать. Когда я сделал следующий шаг, он перевернулся на спину, выставив все четыре лапы в воздух; его хвост заходил ходуном. Звон металла о камень казался оглушительным в утренней тишине.

— Он хочет подружиться с нами, — подала голос Синтия, — Он просит вас не бить его.

Я медленно приближался к волку.

— Он принес нам кролика, — гнула свое девушка.

Я опустил прут. Волк перевернулся на брюхо и пополз ко мне. Я поджидал его с прутом в руке. Он уронил кролика к моим ногам.

— Возьмите, — сказала Синтия.

— Ну да, чтобы он откусил мне руку, — хмыкнул я.

— Возьмите, — повторила она, — Он принес кролика вам. Он вам его отдает.

Я наклонился и поднял кроличью тушку. Волк вскочил, подбежал ко мне и потерся о колено, едва не свалив меня с ног.

Глава 16

Мы сидели у костра и обгладывали кроличьи косточки, а волк лежал в стороне и пристально разглядывал нас, время от времени принимаясь вилять хвостом.

— Что, по-вашему, могло с ним случиться? — спросила Синтия.

— Наверное, сошел с ума, — предположил я. — А быть может, участь собратьев сделала из него пуганую ворону. Или он задабривает нас, чтобы успокоить наши подозрения, а когда ему представится возможность, он живо прикончит нас.

Я придвинул металлический прут поближе.

— Вряд ли, — возразила Синтия. — Вы знаете, о чем я. Он просто не хочет возвращаться.

— Возвращаться куда?

— Туда, где его держало Кладбище. Подумайте. Ему и другим волкам, сколько бы их ни было, пришлось многие годы просидеть на привязи...

— Ну уж не на привязи, — сказал я, — Скорее всего, когда в них отпала надобность, их взяли и выключили.

— Пускай так, — ответила она. — Значит, он не хочет возвращаться туда потому, что боится, что его выключат снова.

Я фыркнул. Что за глупости она говорит! Пожалуй, правильнее всего было бы схватить прут и отколошматить им волка до смерти. И удерживало меня от этого только то, что в одиночной схватке с противником, у которого, судя по всему, весьма богатый опыт в подобного рода делах, я вряд ли выйду победителем.

— Интересно, куда подевался Душелюб? — проговорил я.

— Волк напугал его, — ответила Синтия, — Он не вернется.

— Мог бы, по крайней мере, разбудить нас. Или предостеречь.

— Все и так получилось нормально.

— Откуда ему было это знать?

— Что мы будем делать?

— Понятия не имею, — сказал я.

И это была чистая правда. Никогда в жизни не доводилось мне испытывать такой растерянности и неуверенности в себе. Я не знал, где мы находимся; с моей точки зрения, мы заблудились в безлюдной глуши. Нас разлучили с двумя

нашими спутниками, наш проводник удрал. Правда, к нам в друзья набился металлический волк, но у меня были достаточно серьезные основания сомневаться в его искренности.

Краем глаза я уловил какое-то движение и вскочил на ноги, но было уже поздно. На меня уставились два ружейных ствола. В человеке, который держал одно из ружей, я узнал того детину, который предводительствовал толпой гробокопателей, что собирались напасть на нас с Синтией, но разбежались, устрашенные появлением Элмера. Меня слегка удивило то, что я узнал его, поскольку тогда мне было вовсе не до запоминания лиц. Однако, как видно, в памяти моей отпечатались эта гнусная ухмылка, мрачный взгляд и рваный шрам через всю щеку. Напарник верзилы был мне незнаком.

Должно быть, они подкрались к входу в пещерку, и теперь мы всецело в их руках.

Услышав изумленное восклицание Синтии, я проговорил:

— Замрите!

Зацокал по камням металл. Что-то подошло ко мне, потерлось о мою ногу и встало рядом. Мне не нужно было смотреть вниз, чтобы сказать, кто это. Присутствие волка придало мне смелости.

Пока он лежал у стены, бандиты его, по-видимому, не замечали. Едва он появился, с лица Детины, как я мысленно его окрестил, сползла ухмылка, и челюсть у него слегка отвисла. Физиономия другого исказилась в нервической гримасе. Однако ружей они не опустили.

— Джентльмены, — заговорил я, — мне кажется, силы у нас равные. Вы можете убить нас, но за ваши жизни я не поручусь.

Детина, помедлив, поставил ружье прикладом на землю.

— Джед, — приказал он, — убери пушку. Они нас перехитрили.

Джед опустил ружье.

— Надо бы обмозговать, — продолжал Детина, — как бы нам разойтись так, чтобы ничья шкура не пострадала.

— Идите сюда, — пригласил я, — только уговоримся сразу: с ружьями не баловаться.

Неторопливой, где-то даже сонной походкой они приблизились к костру.

Я метнул взгляд на Синтию. Она по-прежнему лежала, но страха в ее глазах не было. Она была тверда как кремень.

— Флетч, — сказала она, — джентльмены, должно быть, голодны. Ведь они пришли издалека. Пригласи их сесть, а я тем временем открою что-нибудь из консервов. Деликатесов не обещаю, поскольку мы путешествуем налегке, но тушенка у нас найдется.

Бандиты посмотрели на меня. Я довольно нелюбезно кивнул:

— Садитесь.

Они уселись прямо на камень, положив ружья рядом с собой.

Волк не шелохнулся. Он неотрывно глядел на непрошеных гостей.

Детина вопросительно указал на него.

— Он нам не помешает, — сказал я, — Однако резких движений делать не советую.

Я старался говорить уверенно, а в глубине души терзался сомнениями.

Синтия вынула из рюкзака сковородку. Я поворошил дрова, и пламя вспыхнуло с новой силой.

— Ну а теперь, — проговорил я, — будьте добры объясниться. Что вам от нас нужно?

— Вы угнали наших лошадей, — ответил Детина.

— Мы искали их, — добавил Джед.

Я покачал головой:

— Не верю. Вы бы выследили их с завязанными глазами, а значит, должны были бы разыскать их давным-давно. Табун лошадей — отнюдь не иголка в стоге сена.

— Ладно, — проворчал Детина, — Мы нашли нору, где вы прятались; там была записка. Джед, он разобрался, о чем в ней речь. И потом, мы знали про это место.

— Мы сами тут, бывало, останавливались, — поддержал Джед.

Я не удовлетворился объяснением, однако надавливать не стал. Впрочем, Детина еще не закончил:

— Мы догадались, что вы не одни. С вами должен был быть кто-то, кто знает дорогу. Людям вроде вас в одиночку сюда не дойти.

— А вот насчет волка я не сообразил, — перебил Джед. — Мы про него и думать не думали — решили, что он без оглядки мчится к себе в логово.

— Вы знали про волков?

— Мы видели следы. Их было трое. А потом мы нашли то, что осталось от двоих.

— Не обманывайте, — сказал я. — Вы прочитали записку и бросились в погоню. У вас просто не было времени...

— У нас — да, — ответил Джед. — Своими глазами мы волков не видели, зато их видели другие. Они дали нам знать.

— Они дали вам знать?

— Точно, — подтвердил Детина, — Мы всегда друг друга так извещаем.

— Телепатия, — проговорила Синтия, — Иной разгадки быть не может.

— Но телепатия...

— Фактор выживания, — перебила она, — Люди, которые остались на Земле после войны, должны были как-то приспособиться к окружающей среде. Мутации и тому подобное. Если ты мутировал и выжил, постепенно начинаешь наслаждаться своими новыми способностями. Телепатия — удобная штука, и она не разрушает человека.

— Скажите мне, — спросил я у Детины, — что сталось с Элмером? Какова судьба наших товарищей?

— Металлических штуковин, что ли? — справился Джед.

— Именно их.

Детина помотал головой.

— Другими словами, вам ничего о них не известно?

— Нет, но мы можем узнать.

— Сделайте одолжение, узнайте.

— Послушайте, мистер, — вмешался Джед, — Вы нас совсем оседлали. Давайте так: мы вам узнаем, а вы нам, баш на баш...

— У нас есть волк, — напомнил я. — Вот он, рядом со мной.

— Чего нам попусту препираться? — сказал Детина, — Что мы, враги какие, что ли?

— И на мушку вы нас, разумеется, взяли только из дружеских чувств?

— Правда ваша, — отозвался Джед, — Сперва мы жаждали крови. Вы разорили наш лагерь, прогнали нас и забрали наших лошадей. Нет ничего подлее, чем забрать у человека его лошадей. Так что в любви мы вам, конечно, объясняться не собирались.

— А теперь передумали и хотите с нами подружиться?

— Слушайте, мистер, — проговорил Детина, — На вас напустили волков, правильно? Это могло сделать только Кладбище. А мы всех, кто не ладит с Кладбищем, записываем в друзья.

— Вам-то чем Кладбище насолило? — спросила Синтия. Обойдя костер, она остановилась перед Детиной, держа в руке сковороду, — Вы его грабите, раскапываете могилы. Если бы не Кладбище, вы бы остались не у дел.

— Они жульничают, — пожаловался Джед. — Они ставят на нас ловушки, самые разные. Они здорово донимают нас.

Детина никак не мог опомниться.

— Чем вы приманили волка? — справился он, — Они ни с кем не заводят дружбы. Они ведь людоеды, все до одного.

Синтия по-прежнему стояла рядом с Детиной, но глядела не на него, а на холм за ручьем. Что она там заметила? — подумалось мне.

— Если хотите войти в нашу компанию, — сказал я, — то почему бы вам для начала не поведать нам, где мы можем найти наших товарищей?

Я не доверял им; я знал, что доверять им чревато неприятностями. Однако я решил, что, если они откроют нам местонахождение Элмера и Бронко, можно будет взять их с собой.

— Не знаю, — ответил Детина, — Честное слово, не знаю, получится у нас или нет.

Краем глаза я уловил движение Синтии. Она взмахнула рукой, и я догадался, что она задумала, правда, не понял, с какой стати. Я был бессилен остановить ее, однако даже если бы у меня была возможность сделать это, я бы не стал вмешиваться, потому что у Синтии наверняка были веские основания поступить именно так. Мне оставалось только одно. Я прыжком метнул свое тело туда, где лежала на камнях винтовка Джеда, успев заметить, как сковорода обрушилась на голову Детины.

Джед схватился было за ружье, но тут на него упал я. Мы тянули оружие каждый в свою сторону, мы боролись, стараясь вырвать его друг у друга.

События развивались слишком быстро, чтобы за ними можно было уследить. Я увидел Синтию с винтовкой Детины наизготовку. Детина ползал по полу пещерки на четвереньках, тряся головой, словно пытаясь таким способом привести в порядок расплющенные ударом мозги. Неподалеку валялась потерявшая всякую форму сковородка. Волк серебристой молнией рванулся наружу; на склоне холма за ручьем показались темные фигуры. Послышались глухие хлопки, и по стенам застучали пули.

Лицо Джеда исказила гримаса то ли страха, то ли ярости (как ни странно, в разгаре поднявшейся суматохи у меня нашлось время подметить выражение его лица). Рот его был широко раскрыт, как будто он что-то кричал. У него были желтоватые зубы и зловонное дыхание. Он уступал мне в

росте и весе, но был очень верток, и я пришел к неутешительному выводу, что ружье в конце концов достанется не мне.

Детина кое-как поднялся и теперь шаг за шагом отступал от костра, зачарованно глядя на Синтию, которая наставила на него его же винтовку.

Схватка, по моим подсчетам, продолжалась чуть ли не целую вечность, хотя я твердо знал, что она не могла занять больше чем несколько секунд. Внезапно Джед словно переломился пополам. Ослабив хватку и дернувшись всем телом, он рухнул на каменный пол пещеры. На спине его медленно расплывалось кровавое пятно.

— Бежим, Флетч! — закричала Синтия. — Они стреляют по нам!

Но они уже не стреляли, они улепетывали во весь дух. Маленькие черные фигуры торопливо взбирались на холм. Двое или трое залезли на деревья. За ними по пятам мчалась стальная машина. Я увидел, как она поймала одного из бандитов, на мгновение стиснула свои массивные челюсти и отшвырнула бездыханное тело прочь.

Детина исчез, словно его и не было.

— Флетч, нам нельзя здесь оставаться! — воскликнула Синтия, и я от души согласился с ней. В пещерке мы у бандитов, как на ладони. Пока их помыслы сосредоточены на волке, самое время улизнуть.

Синтия опередила меня. Я поспешил за ней, оступился на крутом склоне и съехал на заду чуть ли не прямо в ручей. Споткнувшись, я выронил ружье; я хотел было вернуться за ним, но что-то просвистело над моим ухом и вонзилось в склон холма не далее чем в трех футах от меня. В воздух взметнулся небольшой фонтанчик земли и камней. Я быстро откатился в сторону и бросил взгляд на гребень холма. Над деревом, на ветвях которого примостилась чучелоподобная фигура, плавал клуб голубого дыма.

Я не стал искушать судьбу.

Синтия скрылась в узком овраге, по дну которого бежал ручей; я кинулся за ней. За моей спиной дважды громыхнули ружья, но пули, должно быть, ушли в «молоко», потому что я не слышал их свиста. Скоро, успокоил я себя, мы окажемся вне их досягаемости. Самодельные ружья с пулями, набитыми самодельным порохом, не могут бить на большое расстояние.

Продвижение по оврагу напоминало бег с препятствиями. Крутые склоны холмов с обеих сторон, здоровенные валуны, что когда-то скатились с них, прихотливые изгибы ручья — словом, все возможные удовольствия. О тропинке приходилось только мечтать. На путешествие по этому оврагу можно было отважиться лишь в случае

крайней необходимости. Поэтому я бежал, не разбирая дороги, уворачиваясь от деревьев и валунов и перескакивая через ручей, когда тот преграждал мне путь.

Я нагнал Синтию у огромной каменной кучи, которую с ходу было не перевалить. Дальше мы двинулись уже вместе. Я заметил, что она идет с пустыми руками.

— Я бросила его, — сказала она, имея в виду ружье Детины. Оно было такое тяжелое и очень мне мешало.

— Ничего страшного, — утешил ее я. В самом деле, страшного ничего не произошло. Обе винтовки были однозарядными, а у нас при себе не было ни пуль, ни пороха, не говоря уж о том, что мы совершенно не представляли, как эти ружья заряжать. Они были весьма неудобными в обращении, и у меня сложилось впечатление, что надо было извести немало пороха и пуль, прежде чем научиться из них стрелять более— менее метко.

Мы добрались до места, где овраг, по которому мы шли, соединялся с другим — такой же V-образной формы.

— Пойдем по нему вверх, — предложила Синтия. — Они знают, что до сих пор мы спускались.

Я кивнул. Если они погонятся за нами, то, может быть, решат, что мы выбрали дорогу полегче и двинулись дальше вниз по оврагу, который начинался у скалистой пещерки.

— Флетч, — сказала девушка, — мы все оставили там. Мы позабыли взять рюкзаки.

Я заколебался.

— Пойду вернусь, — решил я наконец. — Ты иди, я тебя догоню.

— Нам нельзя разлучаться, — сказала она, — Мы должны держаться друг друга. Если бы Элмер был с нами, всего этого не случилось бы.

— Волк загнал их на деревья, — проговорил я, — А тех, кто удрал, давно и след простыл.

— Все равно не пущу, — ответила она, — Они вооружены. И потом, их слишком много. Волку просто не под силу справиться с ними со всеми.

— Ты увидела их, — пробормотал я, — и потому стукнула нашего приятеля сковородкой.

— Да, — подтвердила она, — я увидела, как они крадутся по склону холма. Сказать по правде, я бы и так его огрела. Мы не могли довериться им, Флетч. И никуда ты не пойдешь. Иначе мне придется идти с тобой, а я боюсь.

Я отступился. Честно говоря, не знаю, что на меня подействовало сильнее: доводы Синтии или мое собственное нежелание возвращаться.

— Ладно, — согласился я, — Потом, когда переполох уляжется, мы вернемся и заберем наши пожитки.

Я отчетливо сознавал, что у нас в избытке возможностей не вернуться никогда. Впрочем, бандиты наверняка позаимствуют наши вещи.

Мы начали утомительный подъем по оврагу, который оказался ничуть не лучше спуска, а где-то даже хуже.

Пропустив Синтию вперед, я задумался. Должно быть, мы с ней ударились в панику. Собрать рюкзаки, перед тем как покинуть пещерку, было минутным делом. Однако мы занервничали, а в итоге остались без еды и без одеял — без всего вообще. Меня слегка утешило то, что в кармане я нащупал зажигалку. Значит, хотя бы костер нам обеспечен.

Дорога была изнурительной, и нам время от времени приходилось устраивать привал. Я настороженно прислушивался, ожидая в любой момент услышать шум погони, но все было тихо. Я даже засомневался, а не приснилась ли мне стычка с бандитами. Правда, сомневаться было глупо.

Мы приближались к вершине холма; овраг постепенно сужался. Мы забрались на гребень. Он густо порос лесом, и мы, достигнув вершины, словно очутились в сказочном краю. Массивные стволы величественных лесных гигантов отливали красным и желтым. По некоторым из них вились золотистые и ослепительно алые стебли ползучих растений. День выдался ясным и теплым. Разглядывая деревья, я припомнил свой первый день на Земле; казалось, с тех пор прошла уже не одна неделя, хотя миновало всего лишь

несколько дней, как мы покинули территорию Кладбища и спустились по склону холма к лесу, который поразил меня своим осенним нарядом.

Мы повернулись в ту сторону, откуда пришли.

— Почему они преследуют нас? — спросила Синтия, — Разумеется, мы забрали их лошадей, но если причина в этом, тогда почему они гонятся за нами, а не за теми, кто увел животных?

— Быть может, из мести, — ответил я, — Решили, наверное, посчитаться с нами. Возможно, банда разделилась пополам. Одни преследуют нас, а другие отправились за лошадьми.

— Пожалуй, — согласилась она, — однако мне кажется, что все далеко не так просто.

— Кладбище, — проговорил я.

Сам не знаю, что я имел в виду; правда, Кладбище все время каким-то боком оказывалось замешанным в происходящем. Но едва я произнес это слово, как меня будто осенило.

— Слушай, — сказал я, — Кладбище так или иначе причастно ко всему, что происходит с нами. Оно везде. В деревне они наняли кого-то из жителей за ящик виски кинуть гранату в Бронко. А что касается гробокопателей...

— Они враждуют с Кладбищем, — перебила Синтия, — Они обкрадывают Кладбище, а Кладбище расставляет на них ловушки.

— Скорее всего, — сказал я, — они заигрывают с Кладбищем. Они узнали, что за нами гонятся волки, которых могло послать в погоню только оно. Волки остались с носом, верно? И бандиты тут же поняли, какая перед ними открывается возможность. Раз волки осрамились, они сами нас отловят; быть может, им за это что-нибудь перепадет. Все очень просто.

— Наверное, — сказала Синтия. — Наверное, ты прав.

— В таком случае, — заключил я, — нам лучше здесь не задерживаться.

По склону холма мы спустились в очередную каменистую лощину и шли по ней, пока она не влилась в довольно широкую долину, идти по которой было уже полегче.

По дороге нам попалось дерево, от корней до макушки увитое виноградными лозами. Я взобрался на него. Большую часть плодов склевали птицы, однако мне повезло обнаружить парочку увесистых гроздей. Я сбросил их вниз. Виноград оказался кисловатым, но мы не привередничали. Мы были голодны, а посему с жадностью на него накинулись; однако я понимал, что рано или поздно наши желудки запросят чего-нибудь посущественней. Рыболовные снасти остались в рюкзаках, правда, у меня с собой был перочинный нож; можно будет нарезать ивовых прутьев и сплести из них невод. Мне вспомнилось, что соли у нас тоже нет, но это не беда, — голод поможет нам не заметить ее отсутствие.

— Как по-твоему, Флетч, — спросила Синтия, — отыщем ли мы Элмера?

— Думаю, он сам разыщет нас, — ответил я, — У него не тот характер, чтобы забыть про друзей.

— В записке сказано, куда мы направились, — проговорила она.

— Записки нет, — напомнил ей я, — Записку нашли бандиты. Скорее всего, они уничтожили ее.

Эта долина была пошире оврага, который начинался от пещерки, но холмы с обеих ее сторон поднимались все выше и как будто надвигались на нас. Ландшафт изменился: на смену лесистым холмам пришли скалистые утесы футов ста с лишним высотой. Каждый следующий шаг давался нам тяжелее предыдущего, потому что пейзаж вселял в наши души суеверный страх. В долине стояла леденящая сердце тишина. По дну долины протекала полноводная речка, напрочь забывшая о том, что когда-то была ручейком, и весело прыгала по камням. Она неторопливо и неслышно катила свои воды, и в ее молчании ощущалась грозная сила.

Солнце клонилось к западу; я сообразил, что мы провели в пути целый день, и немало тому удивился. Разумеется, я

устал, но отнюдь не так сильно, как, по идее, должен был бы устать.

Я заметил впереди глубокую расщелину. Вершину утеса, в тело которого она вонзалась, венчала роща высоких деревьев, а к трещинам на его склоне лепились чахлые кедры.

— Пойдем посмотрим, — предложил я, — Нам надо выбрать место для ночевки.

— Мы замерзнем, — сказала Синтия, — У нас нет одеял.

— Разведем костер, — ответил я.

Она вздрогнула:

— А это не опасно? Ведь костер видно издалека.

— Без огня нам не обойтись, — сказал я.

В расщелине было темно. Разглядеть, где она кончается, мы не смогли, поскольку чем дальше от входа, тем гуще становилась темнота. Дно расщелины было усыпано камнями, однако поблизости от входа, около одной из стен, мы натолкнулись на большой и плоский валун.

— Пошел за дровами, — сказал я.

— Флетч!

— Нам нужно развести огонь, — проговорил я. — Без костра мы к утру превратимся в ледышки.

— Мне страшно, — призналась Синтия.

Я посмотрел на нее. Лицо девушки смутно белело в темноте.

— Мне страшно, — повторила она. — Я думала, что я выдержу. Я твердила себе, что бояться нечего. Я уговаривала себя потерпеть. Пока мы шли и пока светило солнышко, все было в порядке. Но, Флетч, надвигается ночь, а у нас нет еды, и мы не знаем, где находимся...

Я обнял Синтию. Она не сопротивлялась. Она обвила меня руками за шею и прижалась ко мне. И впервые с тех пор, как, выходя из административного корпуса Кладбища, я увидел ее сидящей в автомобиле, я подумал о ней как о женщине и, по совести говоря, удивился самому себе. Поначалу она была для меня непредвиденной помехой нашим планам: явилась, понимаете ли, неизвестно откуда, да еще с

этим смехотворным рекомендательным письмом от Торни. Потом нас закрутила череда событий, и воспринимать Синтию как женщину было попросту некогда. Она была всего лишь хорошим товарищем: не скулила, не ныла, терпеливо сносила все тяготы пути. Мысленно я обругал себя олухом. От меня вовсе бы не убыло, если бы я по дороге оказывал ей маленькие любезности; насколько я мог припомнить, ничего подобного мне и в голову не приходило.

— Мы с тобою как младенцы в лесу, — пробормотала она, — Помнишь ту старую земную сказку?

— Конечно помню, — ответил я, — Птицы принесли листьев...

Я не докончил фразу. Сказка эта, если задуматься, очень грустная. Помнится, птицы укрыли детей листвой потому, что те умерли. Так что эту сказку, как, впрочем, и многие другие, правильнее было бы назвать страшной историей.

Синтия подняла голову.

— Извини, — сказала она. — Все нормально.

Я взял ее за подбородок, наклонился и поцеловал в губы.

— А теперь пошли за дровами, — сказала она.

Солнце вот-вот должно было скрыться за горизонтом, но света пока было достаточно. Далеко за дровами идти не пришлось. У подножия утеса во множестве валялись сухие кедровые ветки, которые, видимо, время от времени сбрасывали лепившиеся к скалистой поверхности деревья.

— Наш костер можно будет заметить, только подойдя вплотную к расщелине, — проговорил я.

— А дым? — спросила Синтия.

— Дрова сухие, — буркнул я, — и дымить они не должны.

Я оказался прав. Пламя костра было ярким и чистым, а дым тянулся к выходу из расщелины едва различимой струйкой. Ночной холод еще не вступил в свои права, однако мы уселись поближе к огню. Он успокаивал, он отгонял мрак и сближал нас, он согревал нас и окружал магическим кругом.

Солнце закатилось; снаружи сгустились сумерки. Мы остались наедине с темнотой.

Что-то шевельнулось во тьме, за пределами освещенного пространства. Что-то звякнуло по камням.

Вскочив, я разглядел во мраке белое пятно. Волк подполз к костру. По его металлическому телу бегали блики пламени. В зубах он держал кроличью тушку. Волк, без сомнения, был грозой кроликов.

Глава 17

Когда мы доедали кролика, неожиданно появился О'Гилликадди в сопровождении остальных призраков. Несоленое кроличье мясо было довольно безвкусным, однако за весь день мы съели лишь несколько виноградин, а потому даже сам факт того, что мы жевали что-то плотное, придал нам уверенности в завтрашнем дне.

Волк растянулся у костра, положив голову на могучие лапы.

— Если бы он мог говорить, — сказала Синтия, — быть может, он поведал бы нам, что творится вокруг.

— Волки не разговаривают, — пробормотал я, обсасывая берцовую кость кролика.

— Зато роботы говорят, — возразила Синтия. — Элмер говорит, и Бронко — тоже. А волк — такой же робот. Ведь он не животное, а только подобие животного.

Волк скосил глаза сначала на Синтию, потом на меня. Он ничего не сказал, но застучал хвостом по камню. Я подавил желание заткнуть уши.

— Волки не виляют хвостами, — продолжала девушка.

— Откуда ты знаешь?

— Читала где-то. В отличие от собак волки хвостами не виляют. Значит, в нашем приятеле больше от собаки, чем от волка.

— Он беспокоит меня, — признался я, — То он гонится за нами, чтобы перегрызть нам горло, то набивается к нам в друзья. Бессмыслица какая-то! Так не бывает.

— Я начинаю думать, — сказала Синтия, — что на Земле все идет шиворот-навыворот.

Мы сидели у костра, внутри очерченного пламенем волшебного круга. Огонь замерцал; у меня возникло странное ощущение, будто воздух наполнен движением.

— У нас гости, — заметила Синтия.

— Это О'Гилликадди, — успокоил ее я. — О'Гилликадди, вы тут?

— Мы здесь, — отозвался О'Гилликадди. — Нас много. Мы пришли составить вам компанию.

— И, я надеюсь, принесли нам новости?

— Да. Нам есть о чем вам рассказать.

— Мы рады вам, — сказала Синтия, — Я хочу, чтобы вы об этом знали.

Волк дернул ухом, словно отгоняя комара или муху, хотя никаких мух не было и в помине, а если бы и были, навряд ли бы они его потревожили.

Призраки, подумал я. Множество призраков, главный из которых величает себя О'Гилликадди. Призраки навестили наш приют, и мы принимаем их так, словно они — люди. Безумие чистейшей воды. Обычно рассказы о привидениях выслушиваются со снисходительной усмешкой, но на Земле, похоже, призраки успели стать вполне заурядным явлением.

Мне стало страшно. В какое же нелепое положение мы угодили, если реальность настолько неправдоподобна, что знакомые места — вроде Олдена с его тихой красотой или Кладбища с его напыщенной величавостью — утеряли с ней всякую связь!

— Боюсь, вам пока не удалось вырваться из когтей гробокопателей, — сообщил О'Гилликадди. — Они преследуют вас, пылая жаждой мщения.

— Иными словами, — сказал я, — они намерены предъявить Кладбищу наши скальпы.

— Именно так, досточтимый сэр.

— Но почему? — удивилась Синтия, — Они же враждуют с Кладбищем.

— Да, враждуют, — подтвердил О'Гилликадди, — На этой планете у Кладбища вообще нет друзей. Однако любой житель Земли с готовностью окажет Кладбищу услугу, рассчитывая на вознаграждение. Деньги и власть развращают людей.

— Но ведь им от Кладбища ничего не нужно! — воскликнула Синтия.

— На данный момент, может быть. Но если вознаграждение получить не сразу, если явиться за ним через некоторое время, оно же не перестанет быть таковым, не правда ли?

— Вы сказали, что Кладбищу согласится помочь любой житель Земли, — проговорил я. — А как насчет вас самих?

— О, мы — другое дело, — ответил О'Гилликадди, — Кладбище не в состоянии отблагодарить нас, и, что гораздо важнее, оно не в состоянии навредить нам. Мы не ждем вознаграждения и не испытываем страха.

— Значит, мы в опасности?

— Они гонятся за вами, — сказал О'Гилликадди. — Они ни за что не откажутся от погони. Вы одолели их сегодня утром, и воспоминание об этом не дает им покоя. Одного из них загрыз стальной волк, другой умер...

— Мы тут ни при чем, — вмешалась Синтия. — Они стреляли в нас, а попали в него.

— Тем не менее они винят в его смерти вас и хотят рассчитаться. Они винят вас во всем, что с ними случилось.

— Им придется попотеть, прежде чем они нас найдут, — проворчал я.

— Может быть, — согласился О'Гилликадди. — Но в конце концов они вас настигнут. Они знают лес, как свои пять пальцев. У них нюх охотничьих собак. Они замечают

буквально все. Перевернутый камень, потревоженный лист, примятая трава — ничто не ускользнет от их внимания.

— Наша единственная надежда, — сказала Синтия, — найти Элмера и Бронко. Если они будут с нами...

— Мы знаем, где они, — сообщил О'Гилликадди, — но, поспешив к ним, вы прямиком угодите в руки разъяренных бандитов. Мы всячески старались явиться вашим товарищам, но они упорно нас не замечали. Чтобы ощутить наше присутствие, нужно обладать чувствительностью более обостренной, чем у робота.

— Мы пропали, — констатировала Синтия; голос ее слегка дрожал, — Вы не можете привести к нам Элмера с Бронко, а бандиты, по вашим словам, скоро нас нагонят.

— И это еще не все, — заявил О'Гилликадди, чуть ли не лучась от удовольствия, — На охоту вышли Разорительницы.

— Разорительницы? — переспросил я, — Разве их несколько?

— Их две.

— Вы говорите про боевые машины?

— Вы называете их так?

— Так называл их Элмер.

— Ну, они нам не страшны, — сказала Синтия, — Ведь боевые машины никак не связаны с Кладбищем.

— Вы уверены? — осведомился О'Гилликадди.

— То есть? — не понял я. — Им-то зачем Кладбище?

— Смазочные материалы, — лаконично пояснил О'Гилликадди.

Кажется, я застонал. Просто до невероятности и вполне логично. И в самом деле: источники питания у машин автономные, скорее всего атомные; необходимый ремонт они наверняка выполняют самостоятельно. Единственное, что им требуется и чего у них нет, — смазка.

Конечно, Кладбище не могло пройти мимо такой возможности. Оно не упускало ничего, ревниво оберегая свое монопольное владение Землей.

— А Душелюб? — спросил я, — По-моему, он тоже тут замешан. Где он, кстати?

— Исчез, — сказал О'Гилликадди. — Он появляется, когда ему вздумается, и не всегда сопутствует нам. Он — иной, чем мы. Мы не знаем, где он.

— А кто он?

— Как кто? Душелюб.

— Я не о том спрашиваю. Он человек или не человек? Может, он мутант? Земля в свое время, должно быть, кишела мутантами. Большей частью мутации сказывались на людях отрицательно; правда, судя по всему, такие мутанты со временем вымерли. Ну так вот: гробокопатели обладают способностями к телепатии и бог знает к чему еще; деревенские жители — наверное, тоже, хотя мы ничего особенного в их поведении не заметили. Даже вы, призраки...

— Тени, — поправил О'Гилликадди.

— Разумеется, разумеется. Быть тенью — вовсе не естественное человеческое состояние. Пожалуй, теней не встретишь нигде, кроме Земли. Никто понятия не имеет, что творилось тут после того, как люди бежали в космос. Нынешняя Земля ничуть не похожа на прежнюю.

— Не увлекайся, — остановила меня Синтия, — Ты хотел узнать, связан ли Душелюб с Кладбищем.

— Уверен, что нет, — сказал О'Гилликадди. — Кто он, я не знаю. Я всегда считал его человеком. Он во многом напоминает вас, хотя, конечно, появился на свет иначе, и таких, как он, больше нет...

— Послушайте, — перебил я, — вы пришли к нам не просто так, а с какой-то целью. Вы бы не стали утруждать себя ради плохих вестей. Ну-ка, выкладывайте.

— Нас много, — сказала тень, — Мы нарочно собрались все вместе. Мы созвали весь клан, потому что испытываем к вам странную привязанность. Еще никому за всю историю Земли не удавалось так ловко прищемить Кладбищу хвост.

— И вы этим довольны?

— Весьма и весьма.

— И явились нас повеселить?

— Нет, не повеселить, — возразил О'Гилликадди, — хотя мы с радостью бы вас потешили. По нашему убеждению, мы сможем оказать вам маленькую услугу.

— Мы примем любую помощь, — сказала Синтия.

— К сожалению, объяснение будет довольно путаным, — предостерег О'Гилликадди, — а из-за отсутствия соответствующей информации вы можете мне не поверить. Дело вот в чем: будучи теми, кто мы есть, мы не имеем никаких контактов с материальной Вселенной. Однако, как выяснилось, нам до известной степени подвластны пространство и время, которые не то чтобы составные части материальной Вселенной и не то чтобы наоборот.

— Подождите, подождите, — не выдержал я. — Вы говорите о...

— Поверьте, — продолжал О'Гилликадди, — мы не нашли иного решения. Ничем иным мы вам помочь не в силах, но...

— Вы предлагаете, — уточнила Синтия, — переместить нас во времени.

— Буквально на чуть-чуть, — ответил О'Гилликадди. — На долю секунды, но этого будет достаточно.

— Но перемещения во времени неосуществимы, — возразила Синтия, — Как над ними ни бились, результаты оказывались совершенно неудовлетворительными.

— Вы это уже делали? — требовательно спросил я.

— По правде говоря, нет, — сказал О'Гилликадди, — однако мы поразмыслили, все прикинули и теперь почти уверены...

— Но не до конца?

— Увы, — ответил О'Гилликадди, — Не до конца.

— А вернуться мы сможем? — справился я, — Мне вовсе не улыбается провести остаток жизни в мире, который на долю секунды отстает от Вселенной.

— Об этом мы тоже подумали, — беспечно отозвалась тень. — У входа в расщелину мы установим временную ловушку. Ступив в нее...

— А в ней вы уверены? Или опять не до конца?

— Она не подведет, — заверил О'Гилликадди.

Перспектива вырисовывалась довольно безрадостная, и потом, сказал я себе, откуда мы знаем, что он не лжет? Быть может, О'Гилликадди хочет использовать нас в качестве подопытных кроликов для какого-нибудь паршивого эксперимента. Кстати, а существуют ли тени вообще? Мы видели их, или нам почудилось, что мы их видели там, у костра, на деревенском празднике. Но где доказательства? Всего-то и есть, что слова Душелюба да голос, который именует себя О'Гилликадди.

Вот именно, голос О'Гилликадди. Может, он такая же галлюцинация, как хоровод теней у костра в деревне или группа тех же теней в пещере, где состоялся наш первый разговор с Душелюбом? Да, но ведь слышу его не я один. Синтия тоже его слышит, по крайней мере ведет себя так, словно слышит. А может, мне померещилось? Черт те что, выругался я мысленно; поневоле начнешь сомневаться не только в реальности окружающего мира, но и в своей собственной.

— Синтия, — позвал я, — ты действительно слышала...

Ослепительная вспышка больно ударила по глазам. Взрыв разметал костер. Пепел поднялся к верху расщелины; во все стороны полетели искры и пылающие ветки. Снаружи донесся приглушенный хлопок, за ним — другой; что-то чиркнуло о камень за нашими спинами.

Мы, все трое, вскочили на ноги. В узком проходе между скалами клубилась какая-то завеса. Не знаю, что это было, но она накатила на нас приливной волной, затопила пещеру и захлестнула с головой.

Потом она схлынула, но, как ни странно, мы ничего не почувствовали. Она как-то ухитрилась избежать соприкосновения с нами. Мы двое стояли там, где стояли.

Однако костер пропал, исчез без следа. А снаружи расщелины ярко светило солнце.

Глава 18

Долина изменилась. На первый взгляд она осталась прежней, но все же чувствовалось, что она уже не та. Она изменилась, и постепенно мы, стоя у входа в расщелину, начали замечать конкретные отличия.

Во-первых, в ней стало меньше деревьев, и они будто слегка съежились. И листва на них была зеленой, еще не тронутой багрянцем осени. Даже трава была другой — не такая бархатная и не сочно-зеленая, а скорее желтоватая.

— Они сделали это, — прошептала Синтия, — Они сделали это без нашего согласия.

Не сон ли мне снится, подумал я, и не пригрезился ли мне О'Гилликадди со своей призрачной шайкой? Хорошо, если так, ибо если приснилось одно, значит, другое не может быть явью ни под каким видом.

— Но он говорил о доле секунды, — бормотала Синтия, — и утверждал, что ее вполне хватит. Он обещал сдвинуть время ровно на столько, чтобы защитить нас от настоящего. Речь шла о мгновении, о едином миге...

— Они напортачили, — сказал я. — И напортачили здорово.

Я понял, что это не сон, что нас в самом деле переместили во времени, правда, на промежуток значительно больший, чем доля секунды, о которой говорил О'Гилликадди.

— Они впервые попробовали применить свои способности, — сказал я, — Они не знали, получится у них или нет. Они провели испытание на нас и опростоволосились.

Мы вышли из расщелины на солнышко. Я оглядел утес: на его отвесном склоне не было никаких кедров.

Я ощутил нарастающий гнев. Кто знает, как далеко мы оказались отброшенными в прошлое? По крайней мере, кедры еще не пустили корни, а если я ничего не напутал, кедр вырастает не за год и не за два. Некоторым из тех

деревьев, что лепились к поверхности утеса, должно быть как минимум несколько сотен лет.

Ну и дела, подумалось мне. Там, в настоящем, мы заблудились в пространстве, а теперь вдобавок и во времени. И где гарантия, что мы сможем вернуться? О'Гилликадди обещал установить временную ловушку, но если ему о временных ловушках известно столько же, сколько о перемещении людей во времени... Повезло, нечего сказать.

— Мы в далеком прошлом, да? — спросила Синтия.

— Ты попала в самое яблочко, — сказал я, — Один Бог знает, в каком далеком. Во всяком случае, наши призраки вряд ли об этом догадываются.

— Но там были бандиты, Флетч.

— Ну и что? — буркнул я. — Волк разогнал бы их в три секунды. Совершенно незачем было нас трогать. О'Гилликадди зря устроил панику.

— Волк остался там, — проговорила Синтия, — Бедняжка. Они не смогли перебросить его вместе с нами. Кто теперь будет ловить нам кроликов?

— Мы сами, — буркнул я.

— Мне его не хватает, — сказала она, — Я так быстро к нему привыкла.

— Они были бессильны, — объяснил я, — Волк всего лишь робот...

— Робот-мутант, — поправила Синтия.

— Роботов-мутантов не бывает.

— Бывают, — возразила она, — Вернее, были. Волк переменился. Что заставило его перемениться?

— Элмер нагнал на него страху, расколошматив двух его приятелей. Он сообразил, что к чему, и живенько переметнулся на сторону победителя.

— Нет, не думаю. Конечно, он испугался, однако слишком уж разительна перемена, которая с ним произошла. Ты знаешь, что мне кажется, Флетч?

— Не имею ни малейшего представления.

— Он эволюционировал, — заявила Синтия, — Робот может эволюционировать.

— Пожалуй, — пробормотал я. Она меня ничуть не убедила, но надо было что-нибудь сказать, чтобы остановить ее, — Давай осмотримся. Может, определим, где мы.

— И когда.

— И это тоже, — согласился я, — если удастся.

Мы спустились в долину, двигаясь медленно и, я бы сказал, нерешительно. Торопиться было некуда: на пятки нам никто не наступал. А потом, в нашей медлительности и нерешительности крылось нежелание входить в новый мир, крылся страх перед неизведанным и осознание того, что мы очутились в прошлом, где быть не имели права. Этот мир был иным, и непохожесть его проявлялась не только в желтоватом оттенке травы или в меньшей высоте деревьев: разница между двумя мирами была, скорее всего, не физическая, а чисто психологическая.

Мы шли по долине, сами не зная, куда направляемся. Холмы слегка расступились, и долина словно распахнулась. Впереди в голубоватой дымке маячила очередная гряда холмов. Наша долина плавно переходила в другую; через милю с небольшим мы вышли к реке; в нее впадал ручей, течения которого мы все время придерживались. Река была широкой и быстрой. Вода в ней казалась темной и маслянистой и неумолчно клокотала. При взгляде на нее становилось немного не по себе.

— Смотри, там что-то есть, — сказала Синтия.

Я взглянул туда, куда она показывала.

— Похоже на дом, — продолжала она.

— Не вижу.

— Я различила крышу. По крайней мере, мне так показалось. Деревья мешают.

— Пошли, — сказал я.

Дом мы увидели, только выйдя к полю. Впрочем, небольшой участок земли, на котором неровными рядами росла чахлая, заглушаемая сорняками, едва ли по колено высотой

пшеница, полем назвать было трудно. Изгородь отсутствовала. Поле, расположенное на крохотном уступе над рекой, огораживали деревья. Среди колосьев виднелись пни. На одном краю поля лежали кучи сухих веток. Видно, в свое время кто-то расчистил участок земли, вырубив мешавшие деревья.

Дом стоял за полем, на невысоком бугре. Даже издалека вид у него был весьма непрезентабельный. Рядом с ним был когда-то разбит теперь совершенно заросший сад; из-за дома выглядывало сооружение, которое я принял за амбар. На дворе никого не было видно. Дом оставлял впечатление заброшенности, словно тот, кто жил в нем, давно уже тут не живет. У крыльца стояла покосившаяся скамейка, а рядом с настежь распахнутой дверью — колченогий стул. Передние его ножки были длиннее задних, и всякий, кому вздумалось бы на него усесться, рисковал сломать себе шею. Посреди двора валялось на боку ведро; легкий ветерок забавлялся с ним, перекатывая его из стороны в сторону. Еще во дворе был деревянный чурбан, на котором, по-видимому, кололи дрова: его поверхность была испещрена оставленными топором отметинами. На стене дома висела на двух крючках или гвоздях поперечная пила. Под ней приткнулась к стене мотыга.

Подойдя к чурбану, мы почувствовали запах — сладковатый, страшный запах, брошенный нам в лицо порывом ветра или случайным завихрением воздуха. Мы отступили, и запах стал слабее, а потом исчез так же внезапно, как и появился. Однако какой-то своей частью он словно приклеился к нам, словно проник в поры нашей кожи.

— В доме, — проговорила Синтия, — в доме кто-то есть.

Я кивнул. Я знал наверняка, какое ужасное зрелище нас ожидает.

— Оставайся здесь, — сказал я.

Впервые она не возразила. Она была рада остаться снаружи.

Я был у двери, когда запах снова обрушился на меня. Прикрыв руками нос и рот, чтобы хоть как-то защититься от зловония, я перешагнул порог.

Внутри дома было темно. Я остановился у двери, давая глазам привыкнуть к темноте и борясь с приступами рвоты. Колени у меня подгибались; запах как будто лишил меня всех и всяческих сил. Но я держался. Мне надо было узнать, почему в доме так омерзительно воняет.

Я догадывался почему, но хотел увериться в своем предположении; и потом, бедняга, который лежит где-то в темной комнате, вправе рассчитывать на сострадание соплеменника даже в подобных условиях.

Я начал различать очертания предметов. Рядом с грубым очагом из местного камня стоял самодельный хромоногий стол с двумя кастрюлями и сковородой с длинной ручкой. Посреди комнаты валялся перевернутый стул. В углу виднелась куча тряпья; на стене висела одежда.

Еще в комнате была кровать. И на кровати кто-то лежал.

Я заставил себя приблизиться к кровати. Два глаза уставились на меня из черной, расползшейся массы. Но что-то было не так; я заметил нечто ужаснее омерзительного зловония, нечто отвратительнее черной разбухшей плоти.

На подушке покоились две головы. Не одна, а две!

Я принудил себя нагнуться над постелью и удостовериться в увиденном — в том, что обе головы принадлежат одному существу и сидят на одной шее.

Отшатнувшись, я согнулся пополам, и меня вырвало.

Я побрел было к двери, но краем глаза углядел хромоногий стол с кухонной утварью. Пытаясь схватить кастрюли и сковородку, я налетел на стол и перевернул его. Сжимая в одной руке сковородку, а в другой — кастрюли, я вывалился на улицу.

Колени мои подломились, и я плюхнулся на землю. Лицо мое было словно заляпано грязью. Я провел по нему рукой, но ощущение не исчезло. Меня будто всего облили грязью с ног до головы.

— Где ты раздобыл кастрюли? — спросила Синтия.

Что за идиотский вопрос! Интересно, где я мог их раздобыть?!

— Есть где их вымыть? — сказал я, — Колодец или что-нибудь в этом роде.

— В саду протекает ручей. Быть может, найдется и родник.

Я остался сидеть. Тронув рукой подбородок, я стер с него рвоту и вытер руку о траву.

— Флетч!

— Да?

— Там мертвец?

— Мертвец, — подтвердил я, — И умер он давным-давно.

— Что мы будем делать?

— В смысле?

— Ну, надо, наверное, похоронить его...

Я покачал головой.

— Не здесь и не сейчас. И вообще, с какой стати? Он от нас этого не ждет.

— Что с ним случилось? Ты не смог определить?

— Нет, — ответил я коротко.

Она смотрела, как я неуверенно поднимаюсь на ноги.

— Пошли мыть кастрюли, — сказал я. — И сам заодно умоюсь. Потом нарвем в саду овощей...

— Что-то тут не так, — проговорила Синтия. — Мертвец мертвецом, но что-то тут не так.

— Помнишь, ты хотела узнать, в какое время мы попали? Кажется, я знаю.

— Мертвец натолкнул тебя на мысль?

— Он урод, — буркнул я. — Мутант. У него две головы.

— Но при чем...

— Это означает, что нас забросило в прошлое на несколько тысячелетий. Впрочем, нам следовало догадаться раньше. Низкорослые деревца. Трава желтого цвета. Земля только—только начала отходить от войны. Мутанты вроде двухголового урода там, в доме, были обречены. В

послевоенные годы таких, как он, должно быть, было много. Физические мутанты. Через тысячелетие-другое они вымрут. Однако один из них уже умер.

— Ты ошибаешься, Флетч.

— Хотелось бы надеяться, — сказал я, — но абсолютно уверен, что нет.

Не знаю: то ли я случайно взглянул на склон холма, то ли меня насторожило едва заметное движение, но, бросив взгляд на холм, я заметил некий предмет конусообразной формы, который быстро перемещался — вернее будет сказать, плыл — вдоль гребня. В следующее мгновение он пропал из вида, но я узнал его. Ошибки быть не могло.

— Ты видела его, Синтия?

— Нет, — ответила она, — Там никого не было.

— Там был Душелюб.

— Не может быть! — воскликнула она. — Ты же сам утверждал, что мы в далеком прошлом. Хотя...

— Вот то-то и оно, — сказал я.

— По-твоему, мы думаем об одном и том же?

— Я не удивлюсь, если окажется, что это так. Должно быть, Душелюб и есть твой бессмертный человек.

— Но в письме говорится про Огайо...

— Я помню. Но послушай. Когда твой предок писал письмо, он находился в весьма почтенном возрасте, правильно? Он полагался на память, а она — штука капризная. Где-то он услышал про Огайо; вполне возможно, старик, что рассказывал ему обо всем, упомянул Огайо, но не как ту реку, на которой произошла его встреча с анахронианином, а просто как реку в окрестностях. Естественно, с годами ему начало казаться, что все случилось именно на Огайо.

Синтия шумно вздохнула. Глаза ее горели.

— Подходит, — проговорила она, — Подходит! Вот река, вот холмы. Значит, мы стоим на том самом месте!

— Но если он ошибался насчет Огайо, — охладил я ее пыл, — то клад могли спрятать где угодно. Рек и холмов на Земле не перечесть. Тебя это не обескураживает?

— Однако он называет анахронианина человеком.

— Вовсе нет. Он говорит, что тот выглядел как человек, но в нем было что-то нечеловеческое. Таково было первое впечатление. А потом твой предок и думать забыл про свои ощущения.

— Ты полагаешь?..

— Да.

— Если ты видел в самом деле Душелюба, почему он убежал? Неужели он не узнал нас? Ой, что я говорю! Конечно нет — мы же еще не встретились! Наше знакомство состоится через много-много лет. Как ты думаешь, мы его найдем?

— Попробуем, — сказал я.

Бросив кастрюли и забыв об овощах к обеду, мы кинулись следом за Душелюбом. Я совсем забыл, что лицо у меня испачкано блевотиной. Подъем на холм был тяжелым. Деревья, густые заросли кустарника, каменистые выступы, которые приходилось обходить; местами мы буквально ползли на карачках, цепляясь за корни и ветки.

Лихорадочно карабкаясь по склону, я спрашивал себя, зачем мы так торопимся. Если дом бессмертного человека стоит поблизости от вершины холма, можно не спешить, потому что в ближайшее время его хозяин наверняка никуда не денется. А если дома поблизости нет, тогда эта сумасшедшая гонка вообще ни к чему. Если тот, кого мы преследуем, и в самом деле Душелюб, он давно уже спрятался в укромном местечке или постарался оторваться от нас.

Однако мы лезли все выше и выше, и наконец деревья и кусты расступились и нашим глазам предстала лысая вершина холма, на которой возвышался дом — видавший виды старинный дом, ничуть не похожий на тот, где я обнаружил двуглавого мертвеца. Дом был обнесен аккуратным частоколом, который, видно, только на днях выкрасили в белый цвет. У крыльца росло дерево, усыпанное розовыми цветками; вдоль забора были посажены розы.

Окончательно запыхавшись, мы упали на землю. Наша взяла: вот он, дом анахронианина!

Отдышавшись, мы сели и оглядели друг друга.

— Да, — протянула Синтия. — Ну у тебя и видок.

Достав из кармана своей куртки носовой платок, она вытерла мне лицо.

— Спасибо, — поблагодарил я.

Мы встали и неторопливо направились к дому, как если бы нас пригласили туда в гости.

Войдя в ворота, мы увидели на крыльце человека.

— Я опасался, что вы передумали, — сказал он, — и уже не придете.

— Извините нас, пожалуйста, — попросила Синтия, — Мы слегка задержались.

— Ничего страшного, — успокоил нас хозяин. — Вы как раз к ленчу.

Это был высокий худощавый мужчина в черных брюках и темной куртке. Из-под куртки виднелась белая рубашка с расстегнутым воротом. У него было бронзовое от загара лицо, волнистые седые волосы и коротко подстриженные, с проседью усики.

Втроем мы вошли в дом. Комната, где мы очутились, была маленькой, но обстановка ее поражала неожиданной изысканностью. У стены стоял буфет, на нем — кувшин. Середину комнаты занимал покрытый белой скатертью стол. Он был уставлен серебряной и хрустальной посудой. К столу были придвинуты три стула, на стенах висели картины; ноги утопали в пушистом ковре.

— Мисс Лансинг, пожалуйста, садитесь сюда, — пригласил наш хозяин. — А мистер Карсон сядет напротив. Приступим к еде. Суп, я уверен, еще не успел остыть.

Нам никто не прислуживал. Невольно складывалось впечатление, что в доме, кроме нас троих, никого нет, хотя, подумалось мне, наш хозяин вряд ли готовил кушанья самостоятельно. Мысль мелькнула и исчезла, ибо она никак не

соответствовала изысканности комнаты и богатству сервировки.

Суп был превосходным, свежий салат приятно похрустывал на зубах, отбивные таяли во рту. Вино удовлетворило бы самый утонченный вкус.

— Быть может, это вас заинтересует, — сказал наш радушный хозяин, — Дело в том, что предположение, которое вы выдвинули — надеюсь, не для красного словца — при нашей последней встрече, показалось мне весьма любопытным, и я тщательно его обдумал. Как было бы здорово, если бы человеку вдруг представилась возможность собирать не только свои собственные впечатления, но и впечатления других людей. Вообразите, какое богатство ожидало бы его в преклонном возрасте. Он одинок, старые друзья умерли, а познавать новое он не способен чисто физически. Но он протягивает руку и снимает с полки шкатулку, в которой, если можно так выразиться, заключены впечатления прежних дней; открыв ее, он переживает тот или иной случай заново, причем ничуть не менее остро, чем в первый раз.

Я удивился услышанному, но не особенно. Я ощущал себя человеком, которому снится сон и который сознает, что видит сон, но никак не может проснуться.

— Я попытался представить, — продолжал наш хозяин, — каким должно быть содержимое такой шкатулки. Помимо голых фактов, то бишь опыта как такового, человек наверняка сохранил бы, скажем так, фоновые впечатления — иначе говоря, звук, дуновение ветра, солнечный свет, бег облаков по небу, цвета и запахи. Ибо, чтобы достичь результата, о котором мы упомянули, воспоминание должно быть насколько возможно полным. Оно должно содержать в себе все элементы, необходимые для пробуждения памяти о каком-нибудь событии многолетней давности. Вы согласны со мной, мистер Карсон?

— Да, — сказал я, — целиком и полностью.

— Кроме того, я попробовал определить критерии отбора впечатлений. Разумно ли будет выбирать лишь радостные

воспоминания или все-таки не следует пренебрегать и печальными? Пожалуй, стоило бы сохранить воспоминания о постигших человека разочарованиях хотя бы ради того, чтобы мы не забывали о смирении.

— По-моему, — вставила Синтия, — не надо ограничивать себя в выборе. Однако я бы все же отдала предпочтение радостным переживаниям. Печальные, разумеется, тоже нужны, но я бы положила их в укромный уголок, где они не бросались бы в глаза и откуда, если потребуется, их было бы легко извлечь.

— По правде говоря, — ответил наш хозяин, — я пришел точно к такому же выводу.

Я отдыхал душой, наслаждаясь дружеской атмосферой просвещенной беседы. Пускай мне все это только снится, я не хочу иной реальности. Я даже затаил дыхание, словно опасаясь, что колебания воздуха разрушат чудесную иллюзию.

— Нам следует принять во внимание еще один фактор, — говорил между тем хозяин, — Обладая способностью, о которой идет речь, удовлетворится ли человек лишь сбором впечатлений в естественном течении жизни или попытается создать переживания, которые, по его мнению, могут сослужить ему службу в будущем?

— Мне кажется, — сказал я, — что удобнее всего собирать впечатления по ходу дела, не прилагая к тому особых усилий. Так, позвольте заметить, будет честнее.

— Стараясь проникнуть в суть проблемы, — ответил хозяин, — я вообразил себе мир, в котором дети не взрослеют. Разумеется, вы можете упрекнуть меня в неорганизованности мышления, которое перескакивает с одного предмета на другой; я с готовностью принимаю ваш упрек. Так вот, в мире, где человек в состоянии сохранять свои впечатления, он в любой момент в будущем сможет заново пережить прошлое. Но в мире вечной юности у него нет необходимости в сборе воспоминаний, поскольку каждый новый день будет для него таким же удивительным, как предыдущий. Вы

знаете, детям присуща радость жизни. В их мире не будет страха ни перед смертью, ни перед будущим. Жизнь там будет вечной и неизменной. Люди окажутся как бы заключенными в постоянную матрицу, и незначительные ежедневные колебания, которые будут в ней происходить, минуют их внимание. Если вы думаете, что они начнут скучать, то глубоко заблуждаетесь. Однако, боюсь, я утомил вас своими рассуждениями. Позвольте мне кое-что вам показать. Одно из моих недавних приобретений.

Он поднялся из-за стола, подошел к буфету, снял с него кувшин и протянул Синтии.

— Гидрия, — пояснил он, — Сосуд для воды из Афин. Шестой век, прекрасный образчик стиля «черных фигур». Горшечник брал красную глину, добавлял к ней немного желтой и лепил кувшин, а выдавленные изображения покрывал слоем черной глазури. Кстати, взглянув на дно, вы увидите клеймо горшечника.

Синтия перевернула кувшин.

— Вот оно, — проговорила она.

— Перевод, — заметил хозяин, — звучит так: «Никостенес изготовил меня».

Синтия передала кувшин мне. Он был тяжелее, чем я думал. Глазурованный рисунок на его боку изображал поверженного воина со щитом в одной руке и копьем в другой. Древко копья упиралось в землю, наконечник был устремлен в небо. Повернув кувшин, я обнаружил иной рисунок: воин стоял, опершись на щит, и удрученно глядел на сломанное копье у своих ног. Видно было, что он неимоверно устал и проиграл сражение; об этом говорила его подавленная поза.

— Вы сказали, из Афин?

Хозяин кивнул:

— Мне повезло найти его. Чудесный образчик лучшей греческой керамики той поры. Видите, фигуры стилизованы? Тогда горшечники совершенно не заботились о

реалистичности изображений. Их интересовал орнамент, а никак не форма.

Он забрал у меня кувшин и поставил его обратно на буфет.

— К сожалению, — сказала Синтия, — нам пора. Большое вам спасибо; все было просто замечательно.

Если мне и прежде чудилось, что я грежу наяву, то теперь это ощущение усилилось. Комната словно поплыла у меня перед глазами. Я не помнил, как мы вышли из дома, и очнулся лишь у ворот изгороди.

Я резко обернулся. Дом стоял на прежнем месте, но выглядел куда более дряхлым, чем раньше. Дверь была приоткрыта, и гулявший по гребню холма ветер норовил распахнуть ее пошире. Покосившийся коньковый брус придавал дому довольно странный вид. Стекла в оконных рамах отсутствовали. Не было ни частокола, ни роз, ни цветущего дерева у крыльца.

— Нас одурачили, — проговорил я.

Синтия судорожно сглотнула.

— Не может быть, — пробормотала она.

Зачем? — спрашивал я себя. Зачем он, кто бы он там ни был, сделал это? Зачем ему было утруждать себя колдовством?

Если ему не хотелось встречаться с нами, то почему он так настойчиво зазывал нас в гости? Мог бы, в конце концов, оставить все как есть: мы осмотрели бы старинный дом, в котором явно никто не жил в течение многих лет, и ушли своей дорогой.

Сопровождаемый Синтией, я вернулся в дом. С первого взгляда комната показалась мне той же самой, но потом я заметил, что она утратила былую изысканность. Со стен исчезли картины, с пола пропал ковер. Стол посреди комнаты, три стула, придвинутые к нему нашими руками... Стол был пуст. Буфет никуда не делся, и на нем возвышался знакомый кувшин.

Я взял его в руки и подошел к двери, где было светлее. Судя по всему, наш хозяин показывал нам именно его.

— Ты разбираешься в греческой керамике? — справился я у Синтии.

— Я знаю лишь, что-у них была посуда с черными рисунками и посуда с красными рисунками. Черные рисунки появились раньше.

Я потер пальцем клеймо горшечника.

— Значит, надпись прочесть ты не сможешь?

Девушка покачала головой:

— Нет. Мне известно, что горшечники пользовались подобными клеймами, но по-гречески я не понимаю. Кстати сказать, этот кувшин слишком новый, как будто его достали из печи для обжига только вчера. На нем нет никаких следов возраста. Обычно такие горшки находят при раскопках, и по ним сразу видно, что они пролежали в земле сотни лет. А этот выглядит так, словно никогда в земле и не был.

— Скорее всего, он в самом деле там не был, — сказал я, — Анахронианин, должно быть, позаимствовал его вскоре после изготовления как чудесный образчик тогдашней керамики. Естественно, что он с него чуть ли не пылинки сдувал.

— Ты считаешь, мы видели анахронианина?

— А кого же еще? Кому еще в послевоенную пору могло быть дело до греческой посуды?

— Но у него так много личин! Он и Душелюб, и тот аристократ, который угощал нас ленчем, и тот человек, с которым разговаривал мой предок.

— Мне кажется, — ответил я, — он может быть кем угодно. Или, по крайней мере, может внушить людям, что он тот-то и тот-то. Я подозреваю, что, приняв облик Душелюба, он открылся нам в своем настоящем образе.

— Но тогда, — сказала Синтия, — нам с тобой надо лишь отыскать вход в колодец, что ведет в подземную пещеру, и клад наш!

— Да, — согласился я, — однако что ты собираешься с ним делать? Любоваться на сокровища до конца жизни? Или выбрать украшение себе на платье?

— Но теперь мы знаем, где он находится!

— Ну и что? Если мы сможем вернуться в настоящее, если тени соображают, что творят, если они установят временную ловушку и если она не забросит нас на несколько тысячелетий в будущее относительно нашего всамделишного настоящего...

— Ты веришь в то, что говоришь?

— Скажем так: я не отрицаю ни одной из возможностей.

— Флетч, а если временной ловушки в расщелине не окажется? Если нам не удастся вернуться?

— Как-нибудь проживем.

Мы вышли из двери и направились вниз по склону холма. Впереди, за пшеничным полем, сверкала река; вдалеке виднелся окруженный садом дом, в котором лежал двуглавый мертвец.

— Я не надеюсь на временную ловушку, — сказала Синтия. — Тени — не ученые, с ними каши не сваришь. Обещали переместить нас во времени на долю секунды, а забросили вон куда.

Я чуть было не выругался. Нашла время для таких рассуждений, черт бы ее побрал!

Синтия схватила меня за руку. Я обернулся.

— Флетч, — пробормотала она, — но как же нам быть, если временная ловушка не сработает?

— Сработает, — ответил я.

— А если нет?

— Тогда, — сказал я, — мы вычистим вон тот дом внизу и поселимся в нем. Там есть инструменты. Мы соберем в саду семена и посадим другие сады. Мы будем рыбачить, охотиться — словом, жить.

— И ты полюбишь меня, Флетч?

— Да, — сказал я, — полюблю. Вернее, уже полюбил.

Шагая через пшеничное поле, я думал о том, что страхи Синтии могут оказаться не напрасными. Вдруг О'Гилликадди и его приятели действовали по указке Кладбища? Когда я впрямую спросил О'Гилликадди, он уклончиво ответил, что Кладбище не в состоянии ни подкупить их, ни причинить им вред. Как будто он говорил правду, но где тому доказательства? О'Гилликадди с его способностью манипулировать временем был бы для Кладбища сущей находкой. Ведь перекинув нас во времени и отрезав нам все пути к возвращению, никакого постороннего вмешательства можно больше не опасаться.

Я вспомнил розовый мир Олдена — нашего с Синтией Олдена. Я представил себе Торни, как он рассуждает о сгинувших в никуда анахронианах и проклинает недостойных искателей сокровищ, которые грабят древние поселения и лишают археологов возможности изучать былые культуры. С горечью в душе я припомнил свои собственные планы, припомнил, как хотел сочинить композицию о Земле. Синтия занимала в моих мыслях особое место. Она пострадала сильнее любого из нас. Вызвавшись передать мне письмо от старины Торни, она в итоге угодила в такой переплет, о котором не думала и не гадала.

Если временной ловушки в расщелине не будет, нам придется поступить именно так, как я сказал. Иного выхода у нас нет. Однако мы с Синтией не приспособлены к такой жизни. А скоро вдобавок наступит зима, и, если мы хотим выжить, нам надо к ней подготовиться. Дождавшись весны, мы, быть может, что-нибудь придумаем.

Я постарался отогнать эти мысли, не желая падать духом раньше времени, но они упорно возвращались. Ужасная перспектива словно зачаровывала меня.

Мы спустились к реке и, двигаясь по ее берегу, дошли до оврага, что вел к расщелине, в которой мы прятались от бандитов. Никто из нас не проронил ни слова. По-моему, мы боялись заговорить.

Миновав поворот, мы увидим желанный утес. Ждать осталось недолго. Скоро мы все узнаем.

Мы миновали поворот — и остановились как вкопанные. У подножия утеса стояли две боевые машины. Ошибиться было невозможно. Мне кажется, я догадался бы о том, что они такое, в любом случае, даже если бы я в свое время не прислушивался к рассказам Элмера.

Их размеры поражали воображение. Впрочем, будь они меньше, в них не уместилось бы все то вооружение, которым их напичкали. Они были футов по меньшей мере ста длиной, примерно вполовину этого расстояния шириной и футов двадцати или около того высотой. Они стояли бок о бок и выглядели весьма внушительно. В их уродстве ощущалась могучая сила. От одного взгляда на них по спине пробегала дрожь.

Мы смотрели на них, а они разглядывали нас. Мы чувствовали на себе их взгляды.

Одна из машин подала голос — определить, какая именно, было невозможно.

— Не убегайте, — сказала она, — Вам не нужно нас бояться. Мы хотим поговорить с вами.

— Мы не убежим, — ответил я, подумав, что бежать было бы бессмысленно. Они моментально догонят нас, в этом я не сомневался.

— Никто не хочет нас выслушать, — чуть ли не жалобно продолжала машина. — Все убегают от нас. А мы хотим подружиться с людьми, потому что мы сами — люди.

— Мы вас выслушаем, — пообещала Синтия, — Что вы собираетесь нам рассказать?

— Давайте сначала познакомимся, — предложила машина, — Меня зовут Джо, а его — Иван.

— Меня зовут Синтия, — ответила Синтия, — а моего спутника — Флетчер.

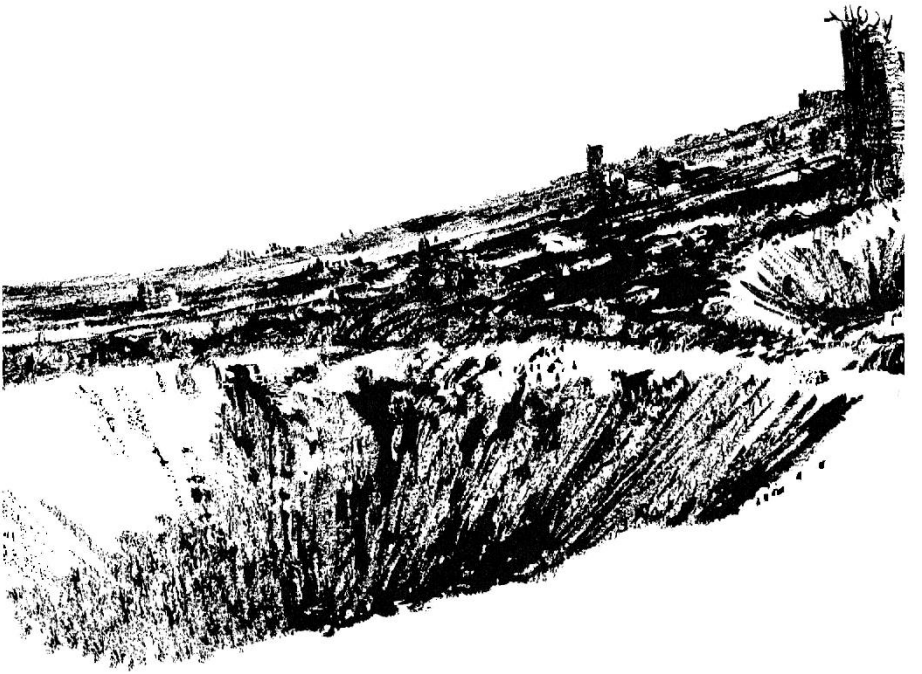
— Почему вы не убежали от нас?

— Потому что мы не испугались, — сказала Синтия.

Я мысленно усмехнулся: на последних словах голос девушки предательски задрожал.

— Потому что, — добавил я, — бежать не имеет смысла.

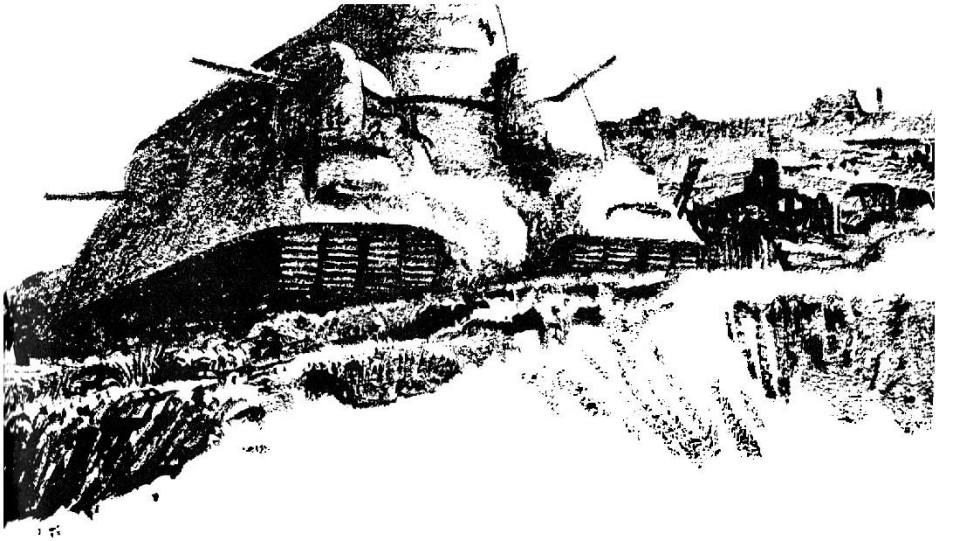
— Мы — боевые ветераны, — заявил Джо, — Наша служба давно окончилась, и мы горим желанием помочь людям вос-



становить планету. Мы много странствовали. Те несколько человек, которых мы встретили, отказались от нашей помощи. Честно говоря, нам показалось, что они питают к нам отвращение.

— Их можно понять, — сказал я. — Вы крепко насолили им в дни войны.

— Мы никому не насолили, — возразил Джо. — Мы не сделали ни единого выстрела — ни он, ни я. Война подошла к концу прежде, чем мы успели повоевать.



— Как давно это случилось?

— По нашим собственным подсчетам, немногим больше полутора тысяч лет назад.

— Вы уверены? — спросил я.

— Абсолютно, — ответил Джо. — Если потребуется, мы можем вычислить дату с точностью до дня.

— Не стоит, — сказал я. — Полторы тысячи лет меня вполне устраивают. — Значит, добавил я про себя, доля секунды О'Гилликадди обернулась восемьюдесятью с хвостиком столетиями!

— Скажите, — спросила Синтия, — помнит ли кто-нибудь из вас робота по имени Элмер?

— Элмер?

— Да, Элмер. Он говорил нам, что руководил строительством последней из боевых машин.

— Откуда вы знаете Элмера? Где он?

— Мы познакомились с ним в будущем, — ответил я.

— Так не бывает, — возразил Джо. — Нельзя знакомиться в будущем.

— Это долгая история, — сказал я. — Мы расскажем ее вам как-нибудь в другой раз.

— Нет, сейчас, — уперся Джо. — Элмер — мой старинный друг. Он работал надо мной, не над Иваном. Иван — русский.

Мне стало ясно, что обещаниями от него не отделаешься. Иван до сих пор не издал ни звука, зато Джо тараторил за двоих. Отыскав тех, кто наконец-то согласился его выслушать, он, как видно, намерен был выговориться за все годы вынужденного молчания.

— Вы там, мы тут; так не годится, — проговорил Джо, — Заходите-ка.

В лобовой части одной из машин открылся люк, из которого выехала лесенка. В проеме люка виднелось небольшое освещенное помещение.

— Каюта механиков, — сообщил Джо. — Находясь в ней, они могли спокойно заниматься ремонтом под защитой моей брони. По совести говоря, механикам с нами делать было нечего. Во всяком случае, ко мне они уж точно не прикасались. Когда в боевой машине что-нибудь разлаживалось, можно было с ходу утверждать, что поломка серьезная. Несерьезные мы исправляли сами. Те из нас, кто соглашался на ремонт, обычно представляли собой груду металла. Домой возвращались немногие; такова была традиция. Поднимайтесь на борт.

— Думаю, все будет в порядке, — сказала Синтия.

Я не разделял ее уверенности.

— Конечно в порядке, — прогудел Джо. — Каюта маленькая, но удобная. Если вы голодны, я могу вас накормить. Не очень, правда, вкусно, зато питательно. Меня оборудовали всем необходимым для приготовления легкой закуски — на случай, если механики проголодаются.

— Нет, спасибо, — ответила Синтия, — Мы только недавно пообедали.

По лесенке мы поднялись в каюту. В углу ее стоял столик, у стены примостилась кушетка, напротив нее возвышалась

двухъярусная кровать. Мы уселись на кушетку. Джо не преувеличивал: каюта была тесная, но удобная.

— Приветствую вас на борту, — сказал Джо. — Очень рад вашему присутствию.

— Меня заинтересовала одна вещь, — проговорила Синтия, — Вы сказали, что Иван — русский.

— Так оно и есть. Вы, наверное, думаете, раз русский — значит, враг. Когда-то он был моим врагом, а потом мы подружились. Когда меня проверили, загрузили оборудованием и боеприпасами, я через Канаду и Аляску направился к Берингову проливу, пересек его под водой и покатил в Сибирь. На связь с базой я выходил редко, чтобы меня не обнаружил противник. Мне поручено было уничтожить несколько объектов, но, как выяснилось, все они были нейтрализованы без моего участия. Вскоре после того, как я достиг первого объекта, связь с базой прервалась и уже не возобновлялась. Прервалась, и все. Сначала я решил, что произошло временное нарушение связи, а затем пришел к выводу, что причина куда серьезнее. Быть может, моя страна потерпела поражение; быть может, военные центры зарылись еще глубже под землю. Как бы то ни было, сказал я себе, свой долг я исполню до конца. Я был патриотом, натуральным ура-патриотом. Вы понимаете меня?

— Я изучала историю, — ответила Синтия, — Поэтому я вполне понимаю вас.

— Я двинулся дальше. Все мои цели оказались уничтоженными, так что я занялся поиском, как тогда выражались, вероятного противника. Я прослушивал эфир, надеясь уловить сигналы секретных военных баз. Но сигналов не было — ни наших, ни вражеских. И вероятного противника тоже не было. По пути мне попадались группки людей; завидев меня, они бросались врассыпную. Я не преследовал их. На роль противника они не годились. Не станешь же тратить ядерный заряд на то, чтобы поразить горстку людей, — в особенности если их смерть не обеспечит тебе тактического преимущества. Я проезжал по разрушенным городам,

в которых обитали остатки человечества. Я видел огромные воронки в несколько миль в поперечнике; меня окутывали клубы ядовитого тумана; под мои колеса стелилась выжженная до основания земля, на которой не росло ни травинки и лишь кое-где мелькали чахлые деревца. Я не могу передать вам своих чувств, не могу описать, как это все выглядело. Наконец я повернул обратно и не спеша направился домой. Торопиться теперь было некуда, и мне о многом надо было поразмыслить. Я не стану излагать вам своих мыслей. Скажу только, что патриот во мне умер. Я излечился от патриотизма.

— Мне вот что непонятно, — сказал я. — Я знаю, что в вашем мозгу заключено сознание нескольких людей. Вы же все время говорите о себе в единственном числе.

— Когда-то, — ответил Джо, — нас было пятеро. Пятеро тех, кто согласился пожертвовать телом и статусом человека ради того, чтобы наделить сознанием боевую машину. Среди нас был весьма известный ученый, профессор математики; среди нас был военный, генерал и опытный полководец. Остальные трое были: астроном с хорошей репутацией, биржевой брокер на покое и, как ни странно, поэт.

— Значит, вы поэт?

— Нет, — возразил Джо. — Я не знаю, кто я. Впятером мы составили единое целое. Наши сознания нераздельны. Порой я отождествляю себя с одним или с другим членом пятерки, но это все равно получается отождествление с самим собой.

Я — единое целое и в то же время — каждый из пяти. Правда, чаще всего я — один. В мозгу Ивана заключены четыре человеческих сознания, но большей частью он, подобно мне, ощущает себя единым целым.

— Мы совсем забыли про Ивана, — спохватилась Синтия. — Ему, наверное, обидно, что мы не даем ему вставить ни словечка.

— Ничуть, — сказал Джо, — Он нас очень внимательно слушает. Если бы он захотел, он бы заговорил — сам или через мои динамики. Верно, Иван?

— Ты хорошо рассказываешь, Джо, — прогудел низкий, басовитый голос. — Не отвлекайся.

— Ну вот, — продолжил рассказ Джо, — я повернул домой. Каким-то образом меня занесло в прерию, которая тянулась на многие мили. Кажется, ее называют степью. Она была неприветливой и однообразной, и ей не было видно ни конца ни края. Там мы и встретились со стариной Иваном. Сперва я различил черное пятнышко на горизонте, а телескопическая оптика сообщила мне, что приближается враг. Правда, к тому времени я начал воспринимать термин «враг» как бессмысленный набор звуков. Я испытал не ненависть, а радость оттого, что в степи нашелся кто-то, похожий на меня. По словам Ивана, он почувствовал то же самое. Но ни один из нас не мог проникнуть в мысли другого. Мы принялись маневрировать, используя все известные нам уловки. Пару раз я мог подстрелить Ивана, но что-то удержало меня от этого. Иван, будучи по-русски скрытным, упорно не желает признавать того, что он не единожды пощадил меня, но я уверен, что так оно и было. Боевая машина его класса обязана была перехитрить противника. Ну да ладно; мы кружили по степи день или два, пока не сообразили, что пора кончать валять дурака. И я сказал: «Слушай, давай прекратим тянуть волынку. Мы прекрасно понимаем, что никому из нас не хочется сражаться. Мы с тобой, быть может, единственные уцелевшие в войне боевые машины. Война закончилась, нам нечего делить, так почему бы нам не подружиться?» Старина Иван не стал возражать и согласился — не сразу, правда, но согласился. Мы покатили навстречу друг другу, и наши носы соприкоснулись. Не знаю, сколько времени мы провели в степи — дни, месяцы, а может быть, годы. Ничто нас не отвлекало.

Мир не нуждался в боевых машинах. Уткнувшись друг в дружку носами, мы застыли посреди этой богом забытой

степи. Мы были единственными живыми существами на много миль вокруг. Мы вели долгие разговоры и под конец сошлись настолько, что научились понимать один другого без слов.

Мне было хорошо в степи рядом с Иваном. Мы ничего не делали, ни о чем не думали и ничего не говорили. Нам хватало того, что мы вместе, что мы больше не одиноки. Вам, должно быть, покажется странным, что две неуклюжие, уродливые боевые машины подружились между собой, но ведь мы были машинами и одновременно — человеческими существами. Тогда нас как единых целых еще не существовало. Пять сознаний в моем мозгу, четыре сознания в мозгу Ивана, и все они принадлежали интеллигентным и высокообразованным людям, которым было о чем поговорить.

Однако в конце концов безделье нам наскучило. Нам захотелось приносить пользу. Мы подумали, что, если люди оправились от войны, им потребуется самая разнообразная помощь. Мы обладали достаточной смекалкой, и каждый из нас девятерых был источником знаний, которым требовалось всего лишь найти выход.

Иван сказал, что на запад ехать бесполезно. С Азией покончено, сказал он, и с Европой, которую он исколесил вдоль и поперек, — тоже. Люди, которые там остались, опустились до уровня дикарей, и их было слишком мало для того, чтобы всерьез заводить речь о воссоздании экономической базы общества. Поэтому мы направились на восток, в Америку. Здесь мы обнаружили несколько малочисленных общин, члены которых понемногу набирались умения и знаний; им вот-вот могла понадобиться наша помощь. Однако до сих пор мы так никому и не помогли. Люди не желали нас слушать. Стоило нам показаться, как они с воплями разбегались в разные стороны и, как мы их ни увещевали, не соглашались принять нашу помощь. Вы первые, кто выслушал нас.

— Вся беда в том, — проговорил я, — что с нами говорить без толку. Мы не из этого времени. Мы из будущего.

— Припоминаю, — сказал Джо. — Вы утверждали, что познакомились с Элмером в будущем. А где Элмер сейчас?

— Сейчас он путешествует среди звезд.

— Среди звезд? И чего старине Элмеру не сидится...

— Послушайте, — перебил я. — Я попробую вам объяснить. Когда люди поняли, что Земля умирает, многие из них покинули планету. Они отправились в космос. Экипажи и пассажиры звездолетов были основателями бесчисленного множества колоний. В колонисты набирали образованных, умелых, знающих людей — людей, способных основать колонию на другой планете. А необразованные и неумехи остались на Земле. Вот почему им столь необходима ваша помощь, и вот почему они, скорее всего, от нее отказываются. На Земле остались лоботрясы и те, у кого вечно все валится из рук...

— Но старина Элмер не человек...

— Зато отличный механик. Колонистам нужны были роботы вроде него, поэтому они забрали Элмера с собой.

— Элмер очутился в будущем, люди бежали в космос, — пробормотал Джо, — Чрезвычайно любопытно. Однако как попали сюда вы? Вы обещали рассказать нам об этом. Мы слушаем.

Ни дать ни взять — вечер в семейном кругу. Все друг друга знают, все друг друга любят. Джо — чудесный парень, да и Иван тоже ничего. В первый раз за все время пребывания на Земле мне было по-настоящему хорошо.

Мы рассказали машинам о наших приключениях. Сначала говорил я, потом Синтия, потом снова я. Мы рассказали им все как на духу.

— Кладбище — дело будущего, — проговорил Джо. — Пока на Земле нет ни намека на Кладбище.

— Оно обязательно появится, — сказал я. — К сожалению, я не знаю даты его основания. Быть может, не узнаю никогда.

Синтия покачала головой.

— Я тоже, — сказала она.

— Что меня радует, — заметил Джо, — так это смазка. Наша в скором времени выйдет. Мы надеялись отыскать людей, которые смогли бы достать нам смазки, пускай даже неочищенной, — мы бы рафинировали ее и использовали. Но с людьми нам не везло.

— Вы получите смазку от Кладбища, рафинированную и готовую к употреблению, — ответил я, — Она будет того сорта, который вам требуется. Однако я прошу вас: не соглашайтесь на цену, которую они запросят.

— Мы не согласимся, — пообещал Джо. — Они кажутся мне отъявленными мошенниками.

— Точно, — подтвердил я, — А теперь нам пора идти.

— На встречу с будущим?

— Да, — отозвался я, — Если все получится, было бы просто здорово встретить вас там. Как по-вашему?

— Назовите нам год и день, — сказал Джо.

Я исполнил его просьбу.

— Мы будем вас ждать, — проговорил он.

Едва мы подошли к лестнице, он сказал:

— Послушайте, если временная ловушка не сработает или если ее там нет, зачем вам возвращаться в ту хижину? Куча грязи, мертвец опять же, ну и все остальное. Приходите к нам. Условия, конечно, не ахти, но мы будем вам рады. Зимой мы можем отправиться на юг...

— Спасибо, — поблагодарила Синтия. — Мы не откажемся.

Спустившись по лестнице, мы направились прямиком к заветной расщелине. У входа в нее мы остановились и оглянулись. Наши друзья развернулись к нам лицом. Мы помахали им и вошли в расщелину.

Знакомая приливная волна нахлынула на нас, а когда она спала, мы испытали настоящий шок.

Ибо мы очутились не в каменистом овраге, а на Кладбище.

Глава 19

Утес был точно таким, каким он нам запомнился, и все так же лепились к его поверхности чахлые кедры. Все было на месте — и холмы, и равнина между ними. Однако естественность исчезла. Берега ручья оделись каменными плитами; трава у подножия утеса была аккуратнейшим образом подстрижена. Повсюду виднелись ряды надгробных памятников; тут и там были посажены вечнозеленые кустарники и тис.

Синтия прижалась ко мне, но я даже не взглянул на нее. В тот момент мне меньше всего хотелось на нее смотреть.

— Тени снова напортачили, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо.

Сколько времени потребовалось Кладбищу, чтобы разрастись от своих прежних границ до этого оврага? Несколько столетий, не иначе; быть может, нас перебросило в будущее на столько, на сколько раньше отшвырнуло в прошлое.

— Неужели они в самом деле такие простофили? — проговорила Синтия, — Один раз можно было ошибиться, но не дважды же подряд!

— Они продали нас, — заявил я.

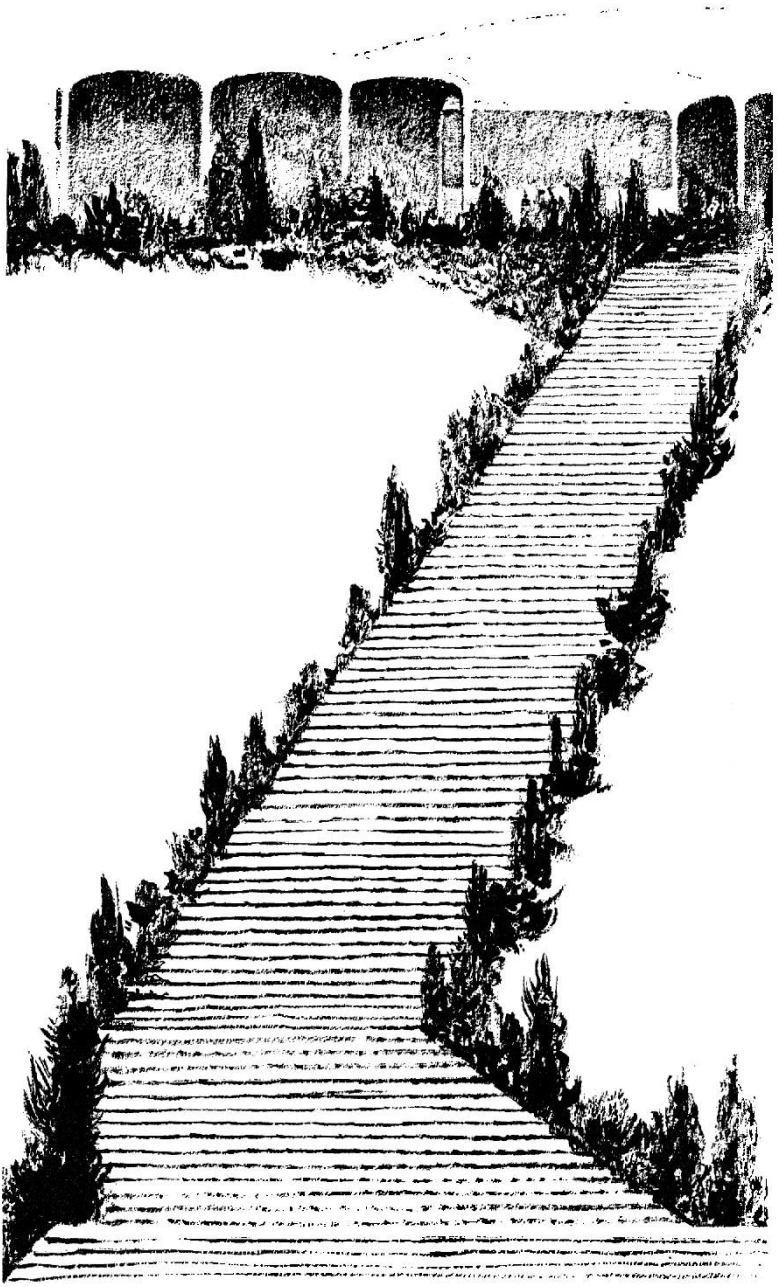
— Они могли продать нас, отправляя в прошлое, — возразила Синтия, — Или теперь по второму разу? Нет, если бы они хотели избавиться от нас, они бы оставили нас там. И никакой временной ловушки в расщелине бы не было. Нет, Флетч, ты не прав.

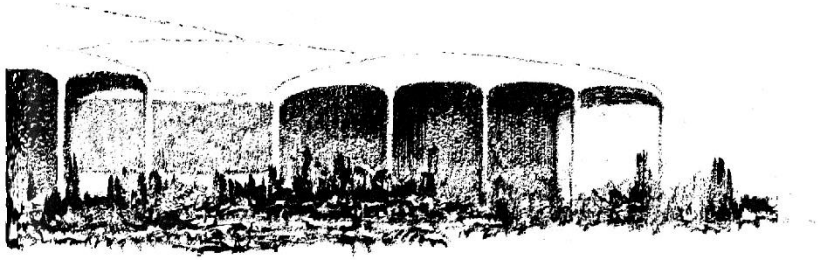
Поразмыслив немного, я вынужден был с ней согласиться.

— Значит, всему виной их бестолковость, — проворчал я.

Мы осмотрелись.

— Лучше бы мы остались с Иваном и Джо, — буркнул я, — У нас было бы где жить, и мы могли бы вволю поездить по свету. Ребята они неплохие. Понятия не имею, чего нас сюда потянуло.





— Я не заплачу, — проговорила Синтия, — Ни за что не заплачу. Но мне хочется разрыдаться.

Меня подмывало заключить ее в объятия, однако я не стал этого делать. Если я прикоснусь к ней, она наверняка ударится в слезы.

— Пойдем прогуляемся к домику Душелюба, — предложил я, — Вряд ли, конечно, он сохранился. Должно быть, Кладбище попросту снесло его.

Идти по оврагу было легко. Впечатление было такое, словно ступаешь по ворсистому ковру. Земля под ногами была ровной, и ни через какие валуны перелезать не надо. Куда ни посмотри — ряды могил, кустарник и тисовые деревья.

Я мимоходом пригляделся к датам на надгробиях. Определить, свежая передо мной могила или нет, было, разумеется, невозможно, однако даты свидетельствовали

о том, что нас забросило в будущее столетий на тридцать позже того времени, в которое мы рассчитывали попасть. Синтия почему—то не обратила на даты внимания, а я решил ничего ей не говорить. Хотя кто знает? Быть может, она молчала, чтобы в свою очередь не расстраивать меня?

Мы вышли к реке. Она ничуть не изменилась, за исключением того, что деревья, которые раньше росли на ее берегах, уступили место торжественному однообразию кладбищенских монументов.

Я смотрел на реку и размышлял о том, как природа, несмотря на все ухищрения человека, умудряется сохранить самое себя. Река величаво катила свои воды по равнине между холмами, и никто не в силах был замедлить ее бег...

Синтия сжала мою ладонь.

— Флетч, — воскликнула она радостно, — разве не там мы обнаружили домик Душелюба?

Она указывала рукой на небольшую возвышенность на берегу реки. Поглядев туда, я невольно присвистнул. Откровенно говоря, в открывшемся мне пейзаже не было ничего особенного, если не считать его удивительной красоты.

Картина переменилась настолько, что у меня захватило дух. С тех пор, как мы побывали тут, прошло (для нас) лишь несколько часов. Тогда здесь была самая настоящая глушь. Густой лес спускался к реке, из-за деревьев едва виднелась крыша дома, где лежал двуглавый мертвец, да возвышались над речной долиной лысые вершины холмов. Теперь же местность приобрела благородный и цивилизованный вид, а там, где стоял когда-то невзрачный домик, хозяин которого накормил нас вкусным обедом, я увидел здание, напоминавшее воплотившуюся в реальность мечту. Его белокаменные стены казались буквально невесомыми. Оно было невысоким, но никак не приземистым. Каждое из трех крылец поддерживали изящные колонны, которые на расстоянии выглядели тонкими, как карандаши. Сверкающие в лучах солнца окна опоясывали здание по всему периметру. С холма вниз к реке сбегала длинная лестница.

— Ты думаешь... — проговорила Синтия, запнувшись на середине фразы.

— Нет, не Душелюб, — ответил я, — Он бы никогда такого не построил.

Душелюб предпочитал осторожность, скрытность, осмотрительность. Он шнырял по округе, прилагая все силы к тому, чтобы остаться незамеченным, и похищая из-под носа у людей артефакты (вернее, предметы, что станут впоследствии артефактами), которые расскажут потом о жизни тех, от кого он прятался.

— Но дом его стоял именно там.

— Стоял, — подтвердил я, не зная, что еще сказать.

Неторопливо, не сводя глаз со здания на холме, мы подошли к началу лестницы. На речном берегу находилась обнесенная камнями площадка, вокруг которой посажены были, разумеется, вечнозеленый кустарник и тис.

Взявшись за руки, точно пара испуганных детишек перед поразившей их воображение вещью, мы разглядывали белокаменную лестницу, что вела к чудесному зданию на холме.

— Знаешь, что она мне напоминает? — спросила Синтия, — Лестницу в небеса.

— Как это? — не понял я. — Разве ты видела лестницу в небеса?

— Нет, но она очень похожа на описания в древних книгах. Только вот что-то ангельских труб не слышно[3].

— Ты без них как-нибудь обойдешься?

— Попробую, — ответила она.

Интересно, подумалось мне, что привело ее в столь легкомысленное настроение? Что касается меня, то я был зол на призраков и пребывал в некоторой растерянности. Красота пейзажа радовала глаз, но мне не понравилось, что

---

[3] Имеется в виду следующее место из Ветхого Завета: «Иаков же вышел из Вирсавии и пошел в Харран. И пришел на одно место, и остался там ночевать, потому что зашло солнце... И увидел во сне: лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней...» (Бытие 28:10–12).

здание со сверкающими окнами построили на том месте, где стоял раньше домик Душелюба. Правда, вполне логично было бы заключить, что между ними существует какая-то связь, но, как я ни напрягал мозги, никакой связи мне обнаружить не удалось.

Лестница оказалась длинной и довольно крутой. Мы поднимались по ней в гордом одиночестве. За нами никто не наблюдал, хотя несколько минут назад на одном из крылец дома я заметил группу из трех или четырех человек.

Закончилась лестница еще одной площадкой, намного больше той, которая была внизу. Мы пересекли ее и направились к центральному крыльцу. Если издалека здание выглядело прекрасным, то вблизи оно ошеломляло своей красотой. Белоснежный камень, изящные обводы стен; при взгляде на него возникало своеобразное, я бы сказал, благоговейное впечатление. Надписи над входом, которая объясняла бы назначение здания, не было. Помнится, я без особого интереса подумал о том, чем же оно может быть.

Входная дверь открывалась в фойе, где царила та звонкая тишина, которая обычно встречает посетителей музеев и картинных галерей. Посреди залы, залитый ярким светом ламп, помещался под стеклянным колпаком какой-то предмет. У двери во внутренние помещения здания застыли в карауле двое охранников; я принял их за охранников потому, что они были в форме. Из глубины дома доносилось шарканье ног и слышались приглушенные голоса.

Мы приблизились к колпаку. Под ним находился тот самый кувшин, который показывал нам за обедом анахронианин! Я узнал его сразу: никакой другой воин не мог столь удрученно опираться на щит, никакое другое сломанное копье не могло выразить такого отчаяния от проигранной битвы.

Синтия, которая нагнулась к колпаку, чтобы получше рассмотреть кувшин, выпрямилась.

— То же самое клеймо, — проговорила она. — Взгляни.

— Ты уверена? Ведь ты не понимаешь по-гречески. Или понимаешь?

— Нет, не понимаю. Однако на клейме можно разобрать имя, Никостенес. Значит, клеймо должно читаться так: «Никостенес изготовил меня».

— Он мог наделать таких кувшинов без счета, — возразил я. В меня словно вселился бес противоречия; я отказывался признать очевидное — что именно этот кувшин мы видели на буфете в доме Душелюба.

— Конечно мог, — согласилась Синтия. — Наверное, он был прославленным мастером. Мне кажется, его кувшин был в своем роде шедевром. Потому-то Душелюб и позаимствовал его для коллекции. Шедевры же неповторимы. Быть может, наш горшечник вылепил его для кого-то из великих современников...

— Например, для Душелюба.

— Может, и для него, — сказала Синтия.

Я так увлекся созерцанием кувшина, что не заметил подошедшего к нам охранника.

— Прошу прощения, — отчеканил он, — Вы, должно быть, Флетчер Карсон?

Расправив плечи, я поглядел на него.

— Да, — сказал я, — но откуда вам...

— А ваша спутница — мисс Лансинг?

— Верно.

— Соблаговолите следовать за мной.

— Подождите, — запротестовал я. — С какой стати?

— С вами хочет поговорить ваш старый друг.

— Что за чушь! — воскликнула Синтия. — У нас тут нет никаких друзей.

— Я вынужден повторить приглашение, — негромко произнес охранник.

— Не Душелюб же? — пробормотала Синтия.

— Человечек с лицом тряпичной куклы и перекошенным ртом? — справился я у охранника.

— Нет, — ответил он. — Ничуть не похоже.

Нам не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Он повел нас по длинному коридору, вдоль стен которого расставлены были столики с экспонатами, причем рядом с каждым из предметов лежала пояснительная табличка. Однако охранник шел быстрым шагом, так что возможности задержаться и оглядеться у меня не было. Подведя нас к ничем не примечательной двери, он постучал. Чей-то голос пригласил зайти.

Он распахнул дверь, пропустил нас и закрыл ее за нами, сам оставшись снаружи. Стоя у порога, мы разглядывали сидевшее за столом существо — не человека, а именно существо.

— Вот и вы, — сказало оно. — Долгонько же вы добирались. Я уже начал было опасаться, что вы не придете, что наш план пошел насмарку.

У существа была металлическая голова, прикрепленная к слабому, металлическому же подобию человеческого тела. С нами разговаривал робот, который при всем при том был ни капельки не похож на прежде виденных мною роботов. Он разительно отличался от Элмера да и от любого другого нормального робота. Он представлял собой металлическую пародию на человека.

— Хватит морочить нам голову, — не выдержал я, — Охранник обещал нам встречу со старым другом. Позвольте спросить...

— Разумеется, — перебил меня робот. — Мы знакомы с вами давным-давно. Вам трудно узнать меня, поскольку я существенно изменил свой внешний вид, но для вас я — все тот же Рамсей О'Гилликадди.

Я чуть было не расхохотался ему в лицо.

— Мистер О'Гилликадди, — проговорила Синтия, — ответьте, пожалуйста, на один вопрос. Сколько было металлических волков?

— Ну, это просто, — заявил О'Гилликадди. — Их было трое. Элмер расправился с двумя, так что уцелел лишь один.

— Он указал на кресла перед столом. — Присаживайтесь. Вы убедились, что я — это я, и нам пора приступить к делу.

Мы сели.

— Я от души рад приветствовать вас, — сказал он. — Мы тщательно все продумали, и ошибки как будто быть не могло, но в темпоральных вопросах не застрахован никто. При мысли о том, что могло бы произойти, если бы вы не появились здесь, меня начинает бить дрожь. Хорошо, что вы не знаете того, что известно мне. Короче говоря, тут ничего бы не было, хотя, если рассуждать здраво...

— Под «тут» вы имеете в виду ваш музей? — спросил я. — Музей, в котором хранится коллекция Душелюба?

— Так вы знаете про Душелюба?

— Скорее, догадываемся.

— Ну да, ну да, — проговорил О'Гилликадди. — Вы очень сообразительны.

— А где Душелюб сейчас? — поинтересовалась Синтия, — Мы надеялись встретить его здесь.

— Убедившись в том, что его собрание артефактов, в том числе и богатейшая коллекция, хранившаяся в балканских пещерах, передано в музей, — сообщил О'Гилликадди, — он отбыл на планету Олден, с тем чтобы возглавить археологическую экспедицию на свою родную планету. Не получив за много лет ни единой весточки с родины, он пришел к выводу, что его раса прекратила существование по одной из тех причин, которые обычно приводят к исчезновению расы. Пока никаких сообщений об экспедиции не поступало. Мы ожидаем их с нетерпением.

— Мы?

— Я и мои собратья-тени.

— Вы что, все теперь такие?

— Разумеется, — ответил он, — Это входило в условия соглашения. Однако я забыл, что вам ничего не известно о договоре. Позвольте мне рассказать вам.

Естественно, мы не возражали.

— Дело обстоит следующим образом, — заговорил он, — Мы отправим вас в ваше настоящее, в тот темпоральный момент, в который вы рассчитывали прибыть, войдя во временную ловушку...

— Вы напортачили тогда, — перебил я, — и наверняка напортачите снова, и...

Он поднял металлическую ладонь.

— Мы не напортачили, — сказал он. — Мы сделали то, что намеревались сделать. Мы перебросили вас сюда потому, что иначе наш план не сработал бы. Не очутившись здесь и не получив необходимых сведений, вы бы не имели представления о том, как вам надлежит себя вести. А теперь вы вернетесь во всеоружии.

— Подождите-ка! — воскликнул я, — Вы все запутали. Я не вижу смысла...

— Смысл есть, — заверил меня О'Гилликадди. — Он заключается в том, что мы перекинули вас из далекого прошлого в наше сегодня для того, чтобы вы ознакомились с планом; затем мы отошлем вас в ваше настоящее, где вы осуществите задуманное, что приведет к тому будущему, в котором вы сейчас находитесь.

Я вскочил и стукнул кулаком по столу.

— Хватит пудрить нам мозги! — гаркнул я, — Что вы тут плетете насчет времени? Каким это образом мы очутились в будущем, которое не наступит, пока мы чего-то там не сделаем в нашем настоящем?

О'Гилликадди, казалось, излучал самодовольство.

— Разумеется, вам трудно уловить суть идеи с ходу, — великодушно признал он, — Но, поразмыслив, вы поймете, что к чему. Мы собираемся переместить вас обратно во времени...

— Промахнувшись на пару тысячелетий, — съязвил я.

— Вовсе нет, — возразил О'Гилликадди. — Мы больше не полагаемся на свои способности. Попадание в яблочко гарантируется, поскольку в наше распоряжение, согласно одному из пунктов договора, предоставили темпоральный

селектор, который выполняет переброску во времени с точностью до доли секунды.

— Вы часто упоминаете о плане и о договоре, — сказала Синтия, — Объясните нам, пожалуйста, что вы имеете в виду.

— Охотно, — ответил О'Гилликадди, — Мы отправим вас в ваше темпоральное настоящее, где вы встретитесь с Максуэллом Питером Беллом и...

— И Максуэлл Питер Белл вышвырнет меня из окошка, — докончил я.

— Он не посмеет, — сказал О'Гилликадди, — если вас будут сопровождать две боевые машины с полным боезапасом. Их присутствие в корне изменит ситуацию.

— Но откуда вы знаете, что боевые машины...

— Вы ведь назначили им встречу в определенном месте в определенный день, не так ли?

— Так, — ответил я.

— Ну вот. Вы зайдете к Максуэллу Питеру Беллу и скажете ему, что у вас есть доказательства того, что он прячет на Кладбище контрабандные артефакты и что...

— Но контрабанда артефактами не преследуется законом.

— К сожалению, вы правы. Однако представьте себе, какое пятно будет посажено на безупречную репутацию «Матери-Земли»! Речь идет не просто о непорядочности чиновников, а о нечистоплотности фирмы как таковой. Сокровища вместо покойников — это вам не шутка. От подобного удара они вряд ли оправятся.

— Пожалуй, — нехотя признал я.

— Вы объясните ему, причем убедитесь, что он понял вас как надо, что вы, быть может, воздержитесь от обнародования фактов, если он согласится выполнить следующие условия.

И О'Гилликадди принялся загибать пальцы.

— Кладбище передает Олденскому университету все имеющиеся у него артефакты, не утаив ни единого из них, и

обязуется в дальнейшем не заниматься контрабандой. Кладбище осуществляет доставку артефактов на Олден и открывает регулярное пассажирское сообщение с Землей, устанавливая цены на билеты в соответствии с принятыми на других галактических линиях расценками и обеспечивая сравнительно недорогое проживание туристам и паломникам, которые пожелают посетить Землю. Кладбище основывает и обязуется поддерживать в порядке музей для хранения коллекции артефактов историка Ронекса с планеты Абернакс, каковую коллекцию он собирал в течение многих веков. Кладбище...

— Душелюб, — проговорила Синтия.

— Душелюб, — подтвердил О'Гилликадди. — Продолжая перечень...

— Мне вот что не дает покоя, — перебила Синтия, — Почему волк сначала гнался за нами, а потом...

— Потому, — ответил О'Гилликадди, — что волк — один из роботов Душелюба, которого тому удалось внедрить в кладбищенскую стаю. По совести говоря, Душелюб приложил руку ко всему, что происходило на Земле. Вы позволите мне продолжить?

— Пожалуйста, пожалуйста, — отозвалась Синтия.

О'Гилликадди вернулся к загибанию пальцев.

— Кладбище финансирует исследовательскую программу и изыскивает материалы, необходимые для создания надежной системы темпоральных перемещений. Кладбище также финансирует другую программу, а именно по разработке метода переселения человеческой сущности в мозг робота; первыми переселению должны подвергнуться обитатели Земли, известные под именем теней...

— Вот как вы... — заметила Синтия.

— Вот как я приобрел свой нынешний вид. Но пойдем дальше. Кладбище соглашается на создание галактической контрольной комиссии, которая не только будет следить за соблюдением условий данного договора, но и получит право

проверять отчетность Кладбища и в случае необходимости вмешиваться в его деятельность.

Он закончил.

— Все? — спросил я.

— Вроде бы да, — ответил он. — Вроде бы мы ничего не забыли.

— Надеюсь, — сказал я, — Дело за малым: добиться согласия Кладбища.

— Я думаю, они согласятся, — заявил О'Гилликадди. — Вы же тут, не правда ли? И я тут, и музей, и темпоральный селектор ожидает вас.

— Вы позаботились обо всем, — в голосе Синтии слышались презрение и гнев, — И забыли только о композиции Флетчера! Как вы могли о ней забыть? Ведь если бы не его мечта, ничего бы не случилось! Вы и представить себе не можете, как он ждал...

— Я предвидел ваш вопрос, — сообщил О'Гилликадди, — Если вы ничего не имеете против того, чтобы пройти в просмотровый зал...

— Вы хотите сказать...

— Да-да. Вы с Бронко поработали на славу, мистер Карсон. Вы создали шедевр, который пережил века.

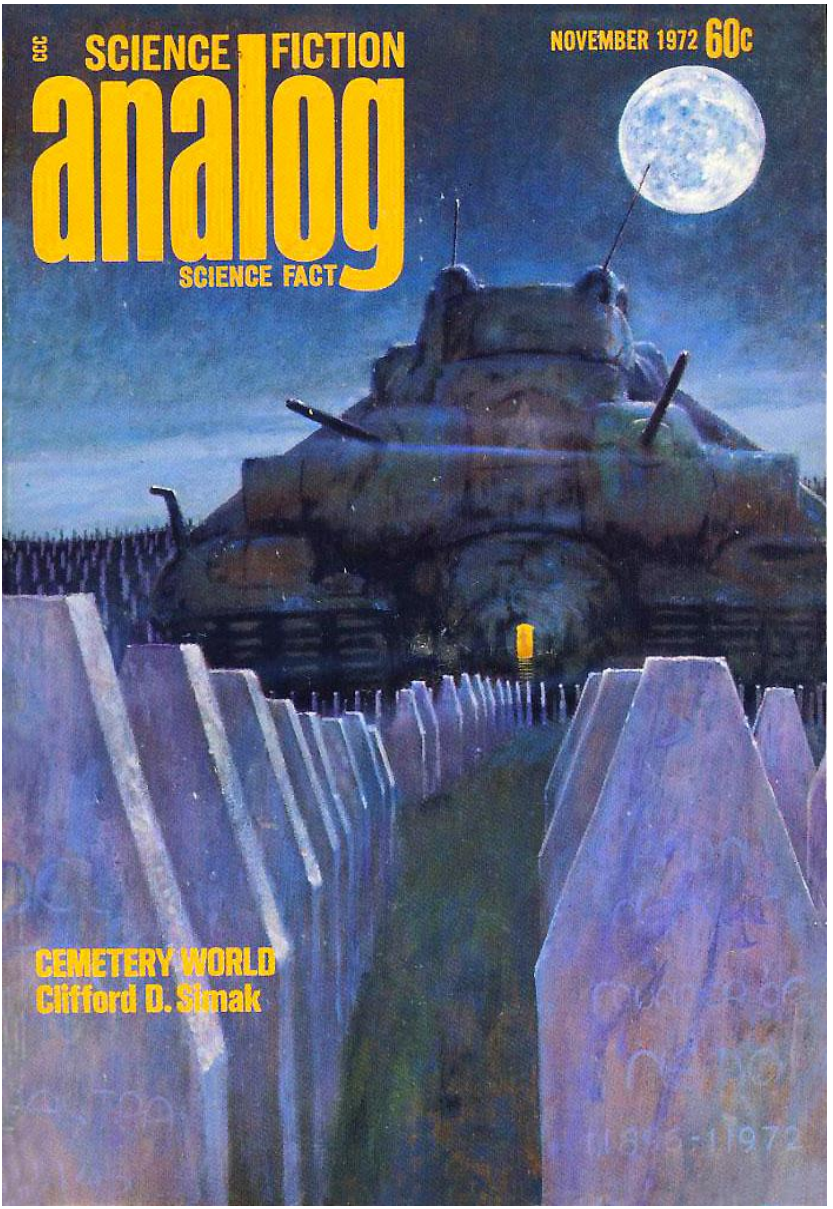
Я смятенно покрутил головой.

— Что с вами, мистер Карсон? — встревожился О'Гилликадди, — Разве вы не рады?

— Да как вы можете такое ему предлагать? — вскричала Синтия; в глазах ее сверкали слезы, — Вы же все испортите! Неужели вы хотите, чтобы он увидел, услышал и почувствовал то, чего еще не успел создать? Зачем, зачем вы ему сказали? Теперь он все время будет помнить о том, что должен сочинить шедевр! Он же об этом и не думал, он надеялся, что у него получится не хуже, чем у других, и все, а вы...

Я взял ее за руку.

— Не переживай так, — проговорил я, — Забыть я, конечно, не забуду, но со мной будет Бронко. Он не даст мне бездельничать.


SCIENCE FICTION
analog
SCIENCE FACT
NOVEMBER 1972 60c
CEMETERY WORLD
Clifford D. Simak

— Ну что ж, — заметил О'Гилликадди, поднимаясь, — прежде чем вы вернетесь в свое время, вас хотели бы повидать ваши друзья.

Карикатурно покачиваясь, он вышел из комнаты. Следом за ним мы миновали коридор и пересекли фойе.

Они дожидались нас, выстроившись в ряд перед крыльцом, все пятеро: боевые машины, Элмер, Бронко и волк.

В неловком молчании мы глядели на них, а они — на нас.

— Мы будем ждать вас там, — подал наконец голос Элмер. — Мы все будем ждать вас там.

— Что касается боевых машин, мы сами просили их встретить нас, — сказала Синтия. — Однако вы...

— Нас привел волк, — перебил Бронко.

— Волк? — удивился я. — Как это ему удалось? Вы расправились с двумя его товарищами, а его, значит, не тронули?

— Он хитер как лиса, — ответил Бронко, — Он начал играть с нами. То вертелся вокруг, то падал на спину и болтал лапами в воздухе, то скалил зубы. Мы решили, что он добивается того, чтобы мы пошли за ним. Он был так настойчив!

Волк оскалил зубы.

— Пора, — сказал О'Гилликадди. — Нам только хотелось, чтобы вы убедились, что они будут ждать вас.

Он повел нас обратно в дом.

— Для тебя скоро все закончится, — заметил я, обращаясь к Синтии. — Ты вернешься на Олден и обрадуешь Торни...

— Я не собираюсь возвращаться, — отрезала она.

— То есть как?

— Разве вам с Бронко не требуется подмастерье?

— Пожалуй, требуется, — кивнул я.

— Флетч, ты помнишь свои слова, сказанные там, в прошлом? Ты обещал полюбить меня. Так вот, я заставлю тебя сдержать обещание.

Я сжал ее ладонь.

Заставлять меня было ни к чему.

ИГРУШКА СУДЬБЫ

Глава 1

Город был белым. Пуританским холодом и отрешенностью, недосягаемой для суетной жизни, отдавала эта белизна.

И над всем высились деревья — я увидел их, когда мы, скользя по наводящему лучу, пойманному далеко в космосе, приблизились к посадочному полю. Именно деревья поначалу навели меня на мысль, что тут — сельская местность. Возможно, сказал я себе, это такая же беленькая деревушка, какие встречаются в Новой Англии, на Земле, — уютно расположившаяся в долине, с весело журчащим ручьем и осенним пламенем рассыпанных по холмам кленов.

Я смотрел на нее благодарно и немного удивленно. Вот где, думал я, славное место! Тихое, мирное... Существа, построившие такую деревушечку, наверняка уж не подвержены особым вывертам и бзикам, которыми так часто поражают обитатели неизвестных планет...

Но деревушкой, о которой я размечтался, тут даже не пахло. Деревья — кто мог ожидать такого? — возвышались над башнями, охватить взглядом которые можно было, лишь задрав голову!

Город вздымался к небу могучим хребтом, не имеющим предгорий. Он окружал посадочное поле стадионным овалом непомерно высоких трибун и уже не сверкал, как совсем недавно, до того, как мы сели, — а источал тихое мерцание, напоминавшее игру пламени свечи в дорогом фарфоре.

И город был белым, и посадочное поле, и даже небо в своей линялой голубизне — почти белело. Белым было все, кроме гигантских деревьев.

Моя шея устала поддерживать голову в неестественно запрокинутом положении, и только теперь, оглядевшись, я увидел вокруг удивительное множество кораблей. Их была

уйма — во всяком случае, больше, чем обычно бывает даже на самых крупных космодромах Галактики. Корабли всевозможных форм и размеров роднил цвет, из-за которого-то я и не разглядел их сразу. Белизна кораблей была почти идеальным камуфляжем.

Все сплошь белое, подумал я. Вся чертова планета — белая... Мерцающий город и поле с кораблями выглядели так, словно их из единой глыбы вырезал некий усердный мастер.

И не было никаких признаков жизни. Ни намека на деятельность. Никто не спешил нам навстречу. Все вокруг было мертвым...

Внезапно налетевший ветерок потрепал меня за куртку и тут же утих. Совершенно не было пыли. Ни пыли, которую мог бы поднять ветер, ни какого бы то ни было мусора вообще. Носком ботинка я потер грунт и не увидел следа. Поверхность была такой чистой, будто ее помыли всего час назад.

Сзади послышался шум. Это со своим идиотским баллистическим ружьем спускалась по трапу Сара Фостер. Ружье билось о каждую ступеньку, норовя зацепиться.

Опершись о мою протянутую руку, она ступила на грунт и принялась озираться. Я разглядывал классические черты ее лица, обрамленного роскошной копной рыжих волос, и в который раз поражался полному отсутствию тепла в этом совершенстве.

Сара Фостер подняла руку, чтобы отбросить со лба прядь, вечно падающую — с тех пор, во всяком случае, как мы познакомились.

— Чувствуешь себя букашкой... — тревожно произнесла она. — Как будто кто-то очень большой рассматривает тебя... Вы не ощущаете на себе взгляда?

Я помотал головой. Никаких взглядов не ощущалось.

— В любой момент, — продолжала Сара, — он может поднять свою ножищу и раздавить нас.

— А что наша парочка? — спросил я.

— Тук собирается, а Джордж сидит с блаженным выражением лица и говорит, что он дома.

— Ах ты боже мой!

— Вы, я вижу, недолюбливаете его.

— Да нет, тут другое... Я не в восторге от всей этой бессмысленной затеи. Джорджа можно и не замечать.

— Тем не менее мы попали сюда именно благодаря ему.

— Да-да... Надеюсь, хоть ему-то здесь понравится.

А вот мне здесь не нравилось. Что-то подозрительное было в этой безмолвной белизне, что-то таилось в этой огромности. Почему никто так и не встретил нас? Ведь наводящий луч усадил корабль именно на это поле! И вдруг — никого... А деревья? Где это видано, чтоб деревья достигали такой высоты?

Наверху что-то брякнуло, и, подняв голову, я увидел монаха Тука, уже спускающегося, и Джорджа Смита, который, отдуваясь, проталкивал в люк свои пышные телеса.

— Как поскользнется сейчас — и как свернет себе шею! — сказал я без особой тревоги.

— Не должен, — отозвалась Сара. — Он крепко держится, и ему помогает Тук.

Я зачарованно наблюдал, как монах заботливо направляет ноги слепого Смита.

Итак, слепец и бродяга, корчащий из себя монаха, а также баба-охотник решили отправиться на поиски человека, существование которого, возможно, не более чем вымысел. И я поступил крайне мудро, связавшись с этими сумасшедшими...

Спуск наконец-то счастливо завершился, и Тук, взяв Джорджа за руку, развернул его таким образом, чтобы лицо было обращено к городу. Сара сказала истинную правду насчет блаженного выражения. Счастливая улыбка Смита, словно приклеенная к лицу, выглядела нелепо.

— Это именно то место, Джордж? Вы не ошиблись? — спросила Сара, легко дотронувшись до него.

Блаженное состояние сменилось экстазом, наблюдать который было жутковато.

— Какие ошибки?! — исступленно взвизгнул Смит, — Мой друг здесь! Я слышу его и почти вижу! Я могу дотянуться до него!

Он выбросил вперед свою короткую пухлую руку и принялся ею что-то искать. «Что-то», однако, существовало лишь в его воображении.

Да, это было чистейшим безумием — полагать, что слепой человек, пусть даже слышащий некий голос, способен провести корабль через тысячи световых лет, за галактический центр, к заранее им определенной планете. Слышит он — и пускай себе слышит! Подобных индивидов всегда хватало, но разве кто-то принимал их всерьез?..

— Там город, — сказала Сара, — Огромный белый город и деревья, вытянувшиеся на высоту нескольких миль. Вы видите это?

— Нет... — обескураженно пробормотал Джордж. — Я вижу другое... Никакого города и никаких деревьев... Я вижу... — Он судорожно сглотнул слюну, лицо его напряглось, а руки возбужденно задвигались. — Не могу вам сказать. Нет таких слов, чтобы передать это.

— Что-то приближается к нам! — воскликнул Тук, указывая пальцем в сторону города. — Непонятно, что именно... Какое-то поблескивание... Но оно явно приближается!

Я посмотрел туда, куда указывал монах, и увидел не больше, чем видел он. То есть почти ничего. Едва уловимые искорки у самого основания городской стены.

Сара отняла бинокль от глаз и передала его мне:

— Что скажете, капитан?

Мой вооруженный глаз поймал плывущее пятно, которое, увеличившись, распалось вдруг на части. Лошади?! Казалось совершенно невероятным, что там могут быть лошади, но ни на что другое это не походило! Белые — а какие же еще? — лошади скакали к нам во весь опор! Очень странные, однако, это были лошадки, смешные... Они бежали как-

то не так, не по правилам, совершенно несуразным аллюром, качаясь взад— вперед.

Вскоре я уже мог различать детали… Эти лошади были лошадьми лишь условно! Уши торчком, раздутые ноздри, изогнутые шеи, гривы — все это присутствовало, но в каком-то застывшем виде! Будто нарисованное бездарным художником для календаря! А ноги отсутствовали вовсе. Вместо ног были качалки, передняя и задняя. Передняя чуть поуже. Качалки, не ударяясь одна о другую, поочередно выкидывались вперед — и лошадь танцевала туда же.

Потрясенный, я вернул бинокль Саре:

— Что-то невероятное… Вы не поверите…

Лошади между тем приближались. Восемь совершенно одинаковых лошадей белой масти.

— Карусель, — бросила Сара.

— Карусель?

— Ну да! Механическое устройство, которое можно встретить в парках, на базарах — везде, где есть аттракционы…

— Вообще-то, — сказал я, несколько смутившись, — мне приходилось сталкиваться с увеселениями иного рода, но конь-качалка был в детстве и у меня.

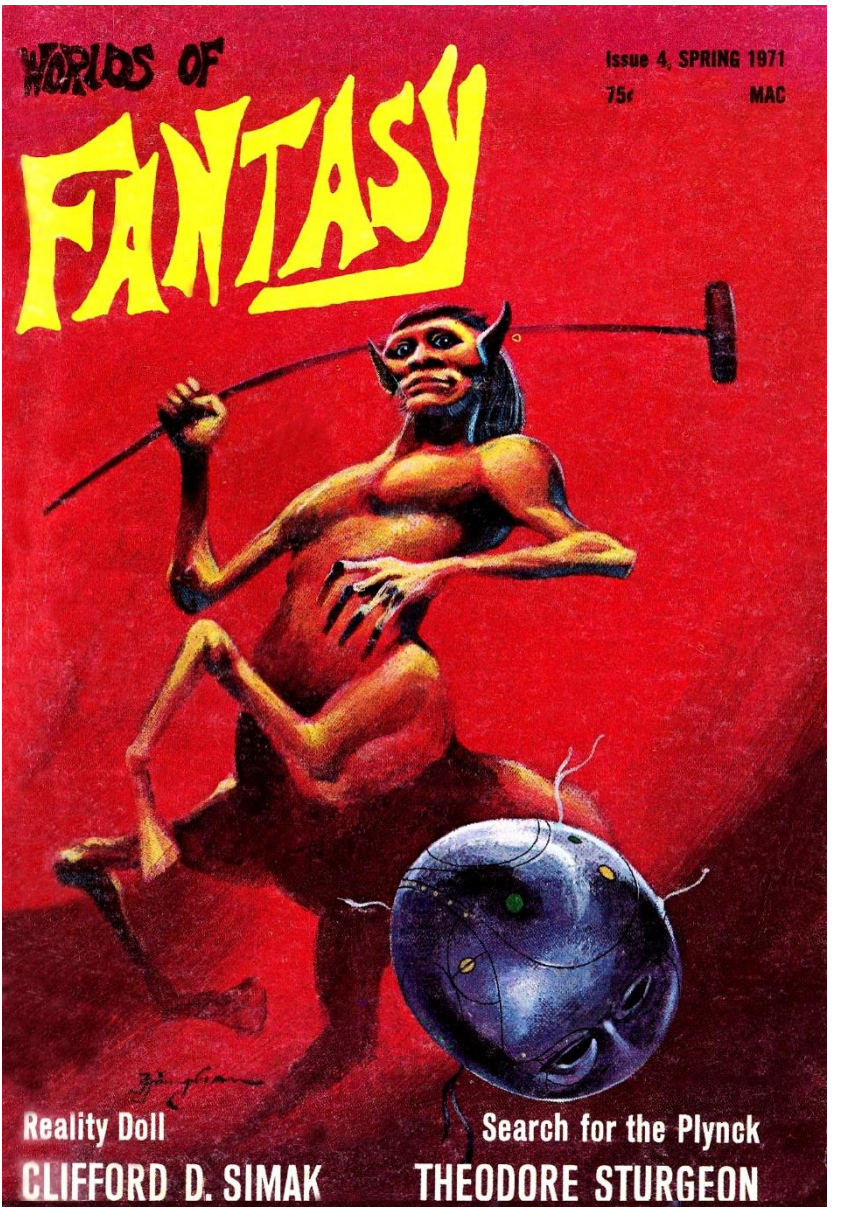
Восьмерка наконец остановилась перед нами как… нет, не как вкопанная, а продолжая раскачиваться. Одно из этих странных созданий заговорило с нами на универсальном языке, сложившемся еще до того, как человечество две тысячи лет назад проклюнулось в космос.

— Мы быть лошадки, — сообщило оно. — Явились принять вас. Меня зовут Доббин.

Говоря это, лошадка продолжала раскачиваться, но все члены ее по-прежнему были неподвижны. Уши бодро торчали, и казалось, именно из них вылетают слова; резные ноздри пребывали в раздутом состоянии, а гриву будто сфотографировали при сильном ветре.

— Какие они славные! — громко умилилась Сара.

Другой реакции я и не ждал. Она непременно должна была найти их славными.


WORLDS OF
FANTASY
Issue 4, SPRING 1971
75¢
MAC
Reality Doll
CLIFFORD D. SIMAK
Search for the Plynck
THEODORE STURGEON

Доббин, никак не прореагировав на такое проявление чувств, продолжил свою речь:

— Настоятельно рекомендуем поторопиться. Времени очень мало. Для каждого из вас есть верховая лошадка. Остальные четыре повезут поклажу.

Не найдя чем восхититься в этой информации, я перебил кобылу:

— А мы, между прочим, не любим, когда подгоняют. И если вас так поджимает время — переночуем на корабле. А в гости отправимся утречком.

— Нет! — вскричал Доббин чуть ли не яростно. — Это исключено. С заходом солнца возникает большая опасность. Вы должны непременно находиться в укрытии.

— Не понимаю, почему нужно упрямиться, — пробормотал Тук, одергивая сутану. — Я лично против того, чтобы торчать здесь всю ночь. Мы даже можем не брать наши вещи, если такая спешка. Вернемся за ними позже.

— Багаж берем сразу, — возразил Доббин, — Утром не будет времени.

— По-моему, — сказал я, разозлившись, — вы просто ужасно торопитесь. Если такое дело — поворачивайте оглобли и убирайтесь. Мы уж как-нибудь позаботимся о себе сами.

— Капитан Росс, — отчеканила Сара Фостер. — Почему я должна топать в такую даль, когда мне предлагают нечто более приятное? Потому что вам под хвост попала вожжа?

— Возможно, и вожжа, — огрызнулся я. — Но я не потерплю, чтобы всякие сопливые роботы мною командовали.

— Мы быть лошадки, — вежливо поправил Доббин, — Мы не быть никакие роботы.

— А чьи лошадки вы быть? Человеческие?

— Я не понимаю вопроса.

— Вас изготовили существа, похожие на нас, да?

— Не знаю.

— Черта с два ты не знаешь, — сказал я и повернулся к Смиту, — Джордж!

— В чем дело, капитан? — Слепой повернулся ко мне своим одутловатым, еще не утратившим экстатического выражения лицом.

— В беседах с вашим другом когда-нибудь затрагивалась тема лошадок?

— Лошадок? Вы, вероятно, имеете в виду непарнокопытных, которые...

— Да нет, других. Тех, на которых качаются. Так вы говорили о них?

— Впервые слышу о таких лошадках.

— Ну как же! Ведь были у вас в детстве игрушки!

— Были конечно, — вздохнул Смит, — Но не те, что вы думаете. Я ведь уже родился слепым, и потому игрушки мои были особого рода.

— Капитан! — сердито встряла Сара. — Ваше поведение нелепо! К чему вся эта подозрительность?

— К чему? — вскипел я, — Вам растолковать? Могу.

— Знаю, знаю, знаю, — упредила она мои объяснения, — Подозрительность и еще раз подозрительность — вот что спасало вас не раз.

— О благородная леди! — воскликнул вдруг Доббин, — Поверьте мне, прошу вас! То, что появляется после захода солнца, действительно крайне опасно! Умоляю и заклинаю! Вы должны отправиться с нами! Чем скорее, тем лучше! Я категорически настаиваю на этом!

— Тук! — решительно сказала Сара. — Полезайте наверх и начинайте сгружать вещи.

Распорядившись, она повернулась ко мне с воинственным видом:

— Не будет ли каких-то возражений, капитан?

— Нет, мисс. Это ведь ваш корабль, и деньги — тоже ваши. Кому, как не вам, заказывать музыку.

— Потешаетесь?! — свирепо вскричала она. — Вы только и знаете, что потешаться надо мной! И не считаться с моим мнением!

— Вас сюда доставили? — холодно осведомился я, — Доставили. И так же доставят обратно, согласно условиям сделки. Если, конечно, вы не ухитритесь сделать эту работу невыполнимой.

Сказав так, я тут же пожалел об этом. Все-таки мы были далеко от дома, на неведомой планете. Тут нужно держаться вместе, а не затевать свар. Тем более, она действительно права — мое поведение было нелепым... Выглядело нелепым, поправил я себя. Было же — абсолютно логичным по сути. Потому что, когда попадаешь в такое местечко, нужно быть начеку. Я перебывал на множестве незнакомых планет, и нюх мой не раз спасал мою голову. Сара, конечно, тоже кой-чего повидала, но при ней всегда было целое экспедиционное войско — я же был сам по себе...

Тук уже вскарабкался наверх, предварительно подоткнув свою сутану, и теперь подавал Саре многочисленные сумки и тюки. Стоя на одной из ступенек, она осторожно скидывала все к основанию трапа. В чем, в чем, а в лености упрекнуть эту особу было невозможно. Если она не работала наравне с другими, то работала больше их.

— Ладно, — сказал я лошадкам, — Вьючные — ко мне. Принимай поклажу. Как вы это делаете, кстати?

— К сожалению, — виновато ответил Доббин, — у нас нет рук. И всю работу придется сделать вам. Уложите груз на спины лошадок — тех, что без седла, и для надежности прихватите ремнями.

— Просто гениально, — мягко съязвил я.

Польщенный Доббин, качнувшись чуть посильней вперед, изобразил поклон:

— Всегда к вашим услугам.

Ко мне приблизились четыре лошадки, и я тут же — с помощью Сары, к этому времени освободившейся, — принялся их нагружать. Когда спустился Тук, все было готово.

Солнечный диск, уже надкушенный самыми высокими башнями, опускался за город. Оно было чуть желтее земного, здешнее солнце, и, вероятно, представляло собой

обычную звезду класса К. Бортовой компьютер наверняка уже исследовал этот объект, как и саму планету, вдоль и поперек. И недоумевал теперь, отчего же никто не интересуется данными об атмосфере, химическими характеристиками и многим прочим. Я интересовался, конечно. Я давно изучал бы все это, если бы не нахрапистость местных жеребцов. Несколько успокаивала мысль о том, что, вернувшись сюда утром, я заполучу наконец вожделенный листочек с данными, — но успокаивала она недостаточно. Не нравилось мне все это; не нравилось...

— Доббин! — сказал я. — О какой такой опасности, собственно, речь? Чего конкретно нам следует остерегаться?

— Этого я не могу сказать, поскольку сам не понимаю. Но уверяю вас, что...

— Да ладно уж... — Я досадливо махнул рукой.

Тук, пыхтя и отдуваясь, помогал Смиту взгромоздиться на одну из лошадок. Сара уже была в седле и, демонстрируя свою безупречную осанку, привычно предвкушала очередное захватывающее приключение — амазонка с берданкой.

Я скользнул взглядом по арене посадочного поля — к городу, по-прежнему не подававшему признаков жизни. Солнце медленно съезжало вниз, и полоса тени, отбрасываемой его стенами, становилась все шире. Некоторые из зданий уже стали черными, но ни в одном из них не было видно зажженных окон. Куда же подевались обитатели города? А также гости, между прочим... Ведь прилетел же кто-то на этих кораблях, белеющих, словно призрачные надгробия!

— Не соблаговолит ли сэр оседлать меня? — подал голос Доббин, — Наше время на исходе!

В воздухе все явственней ощущалась прохлада, а в сердце закрадывался страх. И я не понимал его причины. То ли он был связан с самой неуютностью места, похожего на западню, — то ли пугало это полное отсутствие жизни... Правда, лошадок никак нельзя было рассматривать в качестве неодушевленных предметов...

Сняв с плеча лазерное ружье и крепко сжав его в руке, я вспрыгнул на Доббина.

— Оружие вам здесь не понадобится, — неодобрительно заметил тот.

Я оставил реплику без ответа. Каждый тут будет соваться в мои дела, черт побери.

Кавалькада двинулась в сторону города. Это была удивительная езда. Нас не качало и не подбрасывало. Мы просто скользили по некой синусоиде.

А город все не приближался. Деталей, во всяком случае, по-прежнему нельзя было рассмотреть. Мы находились, как я понял, в гораздо большем удалении от него, чем это виделось поначалу. Куда внушительней оказались и размеры посадочного поля.

— Капитан!! — послышался отчаянный крик.

Я обернулся.

— Корабль! — вопил Тук, — Наш корабль! Они что-то с ним делают!

Эти неведомые «они» действительно что-то делали. Рядом с кораблем стоял несуразной формы механизм. Он был похож на пухлую букашку с длинной и тонкой шеей, увенчанной головкой — с булавочную. Струйка не то дыма, не то тумана тянулась изо рта букашки к кораблю, который малопомалу превращался в еще один белый памятник.

Истошно закричав, я изо всех сил натянул поводья, но Доббин как ни в чем не бывало несся вперед. Будто осаживали не его, а скалу.

— А ну-ка, стой! — взревел я, — Возвращаемся!

— Нельзя, сэр, — ответил Доббин ровным голосом. — Некогда. Нам нужно поскорей укрыться в городе.

— Да есть же время, есть, черт побери!

Вскинув ружье и направив дуло между кончиками ушей моей норовистой лошадки, я крикнул спутникам, чтоб зажмурились, и нажал курок.

Яркий лазерный луч, отраженный грунтом, ослепил даже сквозь веки. Доббин вздыбился подо мной, закрутился

волчком, едва не касаясь мордой хвоста, и когда я открыл глаза, мы уже направлялись назад к кораблю.

— Теперь мы все умрем, — стонал Доббин, — И виноваты в этом будете вы, безумное создание.

Я оглянулся. Лошадки покорно следовали за нами. Доббин, видно, был у них за главного. Они не раздумывая бросались за ним, куда бы тот ни повернул... То место, куда ударил луч, не было отмечено дымящейся лункой, обычной в таких случаях. Выстрел не оставил на грунте даже царапины!

Сара ехала, закрыв рукою глаза.

— С вами все в порядке? — спросил я ее.

— Вы ненормальный дурак!

— Но я же предупредил вас! Нужно было всего лишь зажмуриться!

— Предупредил он... Крикнул и сразу стрелять... Мы даже не успели ничего понять!

Она наконец опустила руку, и глазки ее вполне исправно метнули в меня заряд злости. Ничего с ней не случилось, просто она не могла упустить такую прекрасную возможность поскулить.

Букашка между тем, бросив опрыскивать корабль, уже неслась прочь. У нее наверняка были колеса или что-то вроде — уж очень резво она улепетывала, вытянув вперед свою непомерно длинную шею.

— Умоляю, сэр! — заныл Доббин, — Не теряйте понапрасну времени! Здесь вы ничего не поправите!

— Еще одно слово — и я выстрелю уже не поверх твоих ушек, — был мой ответ.

Мы почти добрались до корабля, и, не дожидаясь, когда Доббин закончит свое плавное торможение, я спрыгнул с него и побежал вперед — без единой, впрочем, мысли относительно дальнейших своих действий.

Корабль, каждый дюйм его, был покрыт каким-то странным веществом и напоминал стеклянную безделушку вроде тех, что пылятся на каминных полках.

Я потянулся рукой к корпусу. Поверхность была гладкой и твердой. Покрытие не выглядело металлическим и, скорее всего, не было таковым. Когда я осторожно стукнул по нему прикладом, по всему полю прокатился колокольный звон, самый настоящий. Городские стены швырнули в нас эхо.

— Что это, капитан? — дрожащим голосом спросила Сара. Ей не терпелось узнать, какая такая напасть приключилась с ее собственностью.

— Глазурь, — ответил я. — Причем крепенькая на удивление... Запечатан наш кораблик — вот что!

— То есть теперь мы не сможем попасть внутрь?

— Трудно сказать... Будь у нас кувалда, мы бы, конечно, справились с этой скорлупкой, но...

Тут Сара решительно схватилась за ружье и...

Своей нелепой аркебузой, как обнаружилось, воительница пользоваться умела. Грамотно стреляла, что да — то да.

Звук получился таким откровенно громким, что все лошадки одновременно поднялись на дыбы. Но едва ли не громче самого выстрела было пронзительное жужжание срикошетировавшей пули, тут же сменившееся раскатистым гулом белого, как молоко, корабля.

Шумом, однако, и ограничилось. Корпус как был безупречно гладким, таким и остался. Ни малейшей вмятины. Словно и не было чудовищного удара в пару тысяч футофунтов.

Я медленно поднял свое лазерное ружье.

— Бесполезно, — равнодушно сказал Доббин. — Глупые люди. Оставаться здесь нет никакого смысла. Вы ничего не можете сделать.

— Тебя же предупредили, кажется! — закричал я, круто повернувшись, — Одно слово — и дырка в башке!

— Насилием вы ничего не добьетесь, — кротко ответил наглец, — А вот дождавшись захода солнца, обеспечите себе немедленную смерть.

— Но наш корабль!!!

— Он запечатан. Как и все остальные. И то, что вы при этом находитесь снаружи, можно считать удачей.

Я не мог согласиться с ним во всем, поскольку кое в чем эта кляча была-таки права. Тут действительно ничего нельзя было сделать. Как не пробился лазерный луч сквозь грунт, так не пробьется он и сквозь этот футляр. Потому что все вокруг — и поле, и город, и корабли, включая свежеоблитый наш, — все покрыто одним и тем же невинно белеющим веществом неимоверной структурной прочности.

— Я глубоко сочувствую вам, — равнодушно сообщил Доббин, — И предполагал, что вы будете шокированы... Оказавшийся на этой планете остается здесь навсегда. Улететь еще никому не удавалось. Но это не значит, что нужно искать смерти! Убедительно прошу вас проявить благоразумие и отправиться в безопасное место!

Я вопросительно посмотрел на Сару, и она кивнула. Она кивнула, потому что торчать здесь действительно не имело смысла. Корабль запечатан с неведомой нам целью. Поразмышлять над этим можно будет и утром, вновь вернувшись сюда. Пока же лучше прислушаться к увещеваниям Доббина. Этой опасности, о которой он талдычит, возможно, и не существует — однако осторожность не помешает.

Рассудив так, я вскочил в седло. Доббин, не дав мне даже как следует усесться, круто развернулся и, условно говоря, поскакал.

— Потеряно слишком много драгоценного времени, — объяснил он чуть позже. — Теперь придется наверстывать упущенное. Мы должны успеть добраться до города.

Значительная часть посадочного поля уже погрузилась во мрак, но небо оставалось светлым. Сквозь стены сочилась копоть сумерек.

Итак, если верить Доббину, покинуть планету не удавалось еще никому. Так, во всяком случае, он изволил выразиться... Но не исключено, что нас просто хотят удержать здесь и корабль запечатан именно с этой целью! А значит, нужно найти способ убраться отсюда, как только возникнет

такая потребность. Должна же быть какая-то лазейка! Каждая на первый взгляд безвыходная ситуация обязательно имеет выход!..

Город — по мере того как мы приближались к нему — увеличивался. От однородной массы, только что напоминавшей скалу, стали отделяться здания. Они казались неправдоподобно высокими и раньше, с середины поля, — но теперь взметнулись в запределье, уже не охватываемое взором.

Он выглядел по-прежнему мертвым, этот город. Ни в одном из окон не горел свет — если эти здания вообще имели окна. Внизу не наблюдалось никакого движения. И еще: отсутствовала перспектива, удаленное. Все громоздилось непосредственно у самого поля...

А лошадки жарили во весь опор. Казалось, они бежали от страшной бури, вот-вот могущей разразиться.

К своеобразию их хода нужно было, конечно, приспособиться. Причудливая синусоида требовала совершенно раскованной посадки — и только в обмен на таковую доставляла удовольствие.

Городские стены, образуемые огромными каменными плитами, грозно нависли над нами. Я уже мог разглядеть улицы — что-то, во всяком случае, весьма на них похожее. Они были как узкие черные щели, как трещины громадного утеса.

Скакуны наши метнулись к одной из таких трещин, в полумрак. Солнце пробилось бы сюда, лишь зависнув прямо над головой, — а сейчас можно было с трудом разглядеть только стены, поднимающиеся слева, справа и, как казалось, впереди, там, где улочка сужалась в точку.

Одно из зданий, встретившихся нам, стояло чуть глубже, и потому дорога здесь была пошире. От множества широких дверей тянулся общий скат, взлетев по которому лошадки, а вместе с ними и мы исчезли в зияющем проеме.

Комната была скупо освещена. Свет — что сразу бросалось в глаза — шел от прямоугольных каменных плит,

вставленных в стену. Лошадки дотанцевали до одной из плит и остановились. У самой стены я увидел карлика, а может быть, гнома — во всяком случае, существо хоть и слегка, но человекоподобное. Низкорослое и горбатое, оно крутило некий диск, расположенный рядом со «светильником».

— Смотрите, капитан! — крикнула Сара.

Она испустила этот вопль совершенно зря, потому что я смотрел и без указчиков.

То, что появилось на светящемся камне, поначалу показалось сказочным подводным царством, как оно должно видеться сквозь толщу вод, зыбящихся у поверхности.

Дикий, словно кровоточащий ландшафт, с ярко-красной землей и фиолетовым небом, вспышками молний и цветами, внезапно сменился самыми настоящими джунглями, с буйством всевозможной растительности и, казалось даже, с притаившимся в засаде зверьем. Едва по моей коже пробежали мурашки — джунгли исчезли тоже. Вместо них теперь демонстрировалась освещенная луной и звездами желтая пустыня. Барханы с изогнутыми гребнями были похожи на застывшие волны.

Пустыня не исчезла, как все ей предшествовавшее. Более чем не исчезла. Она свалилась, обрушилась на нас. Взорвалась прямо перед моими глазами.

Какое-то время я отчаянно пытался удержаться в седле вздыбившегося Доббина, но потом меня швырнуло вперед и закрутило в воздухе.

Я упал на плечо, после чего долго кувыркался по песчаному склону, пока наконец не остановился. Осторожно приподнявшись, я попробовал выругаться, но сил не было даже на это.

Сара лежала рядом со мною. Чуть поодаль пытался встать, путаясь в своей сутане, Тук. Рядом с ним ползал на четвереньках Джордж — ползал и жалобно скулил, как щенок, выставленный среди ночи за дверь.

Вокруг нас была пустыня — мертвая, без клочка растительности, залитая светом огромной белой луны и

множества звезд, сиявших как новенькие лампочки в этом совершенно безоблачном небе.

— Он пропал! — скулил Джордж, ползая по кругу, — Я больше не слышу его! Я потерял своего друга!

То была не единственная потеря. Заодно исчезли город и планета, на которой он находился. Мы попали в совершенно другое место...

Да, не следовало мне пускаться в это путешествие, не следовало. И ведь с самого начала не верил! А разве можно добиться успеха без веры, не видя ни малейшего смысла в том, чем ты занят?.. Впрочем, нюанс: у меня не было выбора. Я потерял способность выбирать в тот самый момент, когда на космодроме Земли был ошеломлен красотой этого корабля.

Глава 2

На Землю я вернулся втихаря. Хотя, надо сказать, это не вполне подходящее слово — «вернулся». Потому что мне никогда не приходилось бывать там. Но на Земле находились мои денежки, и самое главное — эта планета была заповедником. А что еще нужно дичи, которую всякий — попадись она ему в космосе — не только может, но и обязан подстрелить? Если бы хоть совершенное мной было действительно таким ужасным и на мне лежал бы тяжкий груз вины! Нет же! Многим людям тем не менее лишь поимка злодея могла вернуть покой и сон. Вот они и принялись ловить меня. И поймали бы, не укройся я на Земле.

Корабль, на котором я летел, был, образно говоря, со свалки, а точнее — оттуда же. Кое-как залатанный, схваченный едва ли не шпагатом и проволокой, он, по моим расчетам, должен быть развалиться уже по прибытии на Землю и, стало быть, отвечал самым высоким требованиям.

Я знал, что могу напороться на Земной Патруль, который уж постарается уберечь планету от вторжения столь

нежелательной персоны. Нежелательной, впрочем, только для Патруля — Земле от нас одна радость...

Итак, корабль вошел в Солнечную систему, и огненный шар был теперь между ним и Землей. Моя верная логарифмическая линейка еще никогда меня не обманывала, и в правильности вычислений сомневаться не приходилось.

Выжав из своей развалины среднюю космическую скорость, в чем очень помогла гравитация, я несся мимо Солнца, как летучая мышь над геенной огненной. В какой-то момент, довольно неприятный, мне показалось, что полет становится опасно бреющим, — но радиационные экраны, к счастью, выдержали. Перед кораблем, потерявшим изрядную часть своей скорости, уже маячила Земля.

Выключив двигатели и все, что выключается, я проплыл мимо Венеры — в каких-то пяти миллионах миль — и устремился к цели.

Патруль не засек меня, и это было большой удачей. Впрочем, я ведь шел без малейших энергетических всплесков и с отключенной электроникой. Если они и могли что-то обнаружить, так лишь бесшумно падающую металлическую конструкцию. Чему находившееся у меня в хвосте Солнце препятствовало всей мощью своей радиации. Я имел богатый опыт таких безумных решений. Не однажды они помогали мне выбраться из, казалось бы, безнадежных космических переплетов. Вот и теперь...

На Земле имелся один-единственный космодром, всего лишь. Больше — из-за почти отсутствующего движения — тут и не требовалось. Земляне уже давно разлетелись по космосу, и на планете осталась горстка безнадежно сентиментальных чудаков, вменивших себе в обязанность жить там, откуда пошел род человеческий. Благодаря им, а также гостям вроде меня на Земле еще теплилась какая-то жизнь.

По слухам, упомянутые мною «сентименталисты» были компанией заносчивых типов, корчивших из себя

аристократов. Но все это меня не касалось. Я не собирался общаться с ними.

Экскурсионные корабли время от времени доставляли сюда паломников, жаждущих припасть к колыбели цивилизации, — а корабли грузовые привозили, как им и положено, всяческие грузы. И это было все...

Приземлившись, я быстро выбрался из корабля и, не дожидаясь появления хищников, с двумя сумками на плечах зашагал прочь.

Мой чудом не развалившийся корабль имел самый несчастный вид, какой только можно представить, а через две площадки от него расположилось чудо...

Оно поблескивало, сияло и ослепляло совершенством! Изящная космическая яхта, казалось, нетерпеливо рвется со своей привязи в небо! Снаружи, конечно, я не мог разглядеть ее начинку, но по внешнему виду нетрудно было догадаться: тут уж не скряжничали, нет.

Я пялился на корабль, и мои руки чесались. Еще б им не чесаться, когда ясно было, что космоса мне больше не видать! Оставалось тихо дожить то, что оставалось, — здесь, на Земле, не высовываясь, иначе сожрут...

Покинув поле, я прошел досмотр — вернее, то место, где он когда-то проводился. Нет, официально таможня еще существовала, но она уже давно не проявляла интереса к кому бы то ни было. И — что было для меня особенно дорого — ни к кому не питала недобрых чувств.

Потом я направился в ближайшую гостиницу и, устроившись, вскоре спустился в бар.

Когда я допивал третий или четвертый стакан, в зале появился робот-слуга. Подойдя ко мне, он спросил:

— Вы капитан Росс?

Я чуть не поперхнулся с перепугу. Что за черт?! Ведь ни одна душа не могла знать о моем прибытии! У меня и знакомых-то здесь не было! Я имел дело лишь с таможенниками и гостиничным клерком!

— Вам письмо, — продолжил гонец и вытянул вперед руку.

Вскрыв ненадписанный конверт, я вынул из него листок и прочитал следующее:

Капитану Майклу Россу,
отель Хилтон

Буду очень рада видеть Вас в числе своих гостей на сегодняшнем ужине. Моя машина подъедет к отелю в 8 часов. Добро пожаловать на Землю, капитан!

Сара Фостер

Когда ко мне подплыл робот-бармен, я все еще разглядывал записку.

— Еще один? — спросил он, подхватывая пустой стакан.

— Пожалуй...

Итак, кто же такая Сара Фостер и каким образом это создание уже через час пронюхало о моем появлении?.. Можно было бы кого-нибудь расспросить — но кого? И стоит ли привлекать к себе чье-то внимание? А что, если это ловушка? Нельзя забывать о том, что на свете есть люди, которые охотно умыкнули бы меня отсюда! Они наверняка знают о том, что я раздобыл корабль. Но неужели кто-то из них мог предположить — разгадав, предположим, мои планы, — что я уже достиг Земли!..

Я все сидел и пил, пытаясь привести в порядок свои мысли, — и наконец решил рискнуть.

Расположенный на холме огромный дом Сары Фостер был окружен запущенным садом с газонами и тропинками. Вдоль кирпичной стены тянулась широкая галерея, а крыша была утыкана множеством труб.

Я предполагал, что меня встретит робот, но в дверях появилась Сара Фостер собственной персоной. Она была в зеленом вечернем платье, волочившемся по полу и выгодно

оттенявшем пламя ее непокорных волос. Капризный локон то и дело падал ей на глаза.

— О! Капитан Росс! — воскликнула она, подавая руку. — Как это мило, что вы пришли! Вероятно, мое послание было не совсем сдержанным — но мне так не терпелось увидеть вас!

Мы стояли в прохладном холле. Сверкающий паркет отражал деревянные панели стен и массивную хрустальную люстру. Все дышало богатством и особой, традиционной для Земли претензией на элегантность — претензией милой, не раздражающей.

— Мои гости в библиотеке, — сказала Сара Фостер, — Присоединимся к ним, если не возражаете...

Она взяла меня под руку и увлекла к самой дальней из дверей.

Помещение, в которое мы вошли, разительно отличалось от холла. О библиотеке здесь напоминали лишь несколько книжных полок. Скорее, это была комната охотничьих трофеев. Головы, висевшие на стенах, целый арсенал ружей под стеклом — во всю стену, звериные шкуры на полу — некоторые при головах, с застывшим оскалом...

Двое мужчин сидели в креслах у огромного камина, и в момент нашего появления один из них встал.

Он был высокого роста и выглядел изможденным. Лицо его было смуглым и, как мне показалось, не от длительного пребывания на солнце, а от мрачных мыслей. Этот человек был одет в темно-коричневую сутану, свободно подпоясанную четками, на ногах крепкие сандалии.

— Позвольте вам представить монаха Тука, капитан, — сказала Сара.

— Вообще-то мое настоящее имя Хьюберт. Хьюберт Джексон, — уточнил этот тип, протянув мне костлявую руку. — Но я предпочитаю, чтобы меня называли именно так... В скитаниях мне часто приходилось слышать о вас, капитан!

— И много вам пришлось скитаться? — холодно спросил я, не чувствуя ни малейшего интереса к этому человеку, пополнившему ряды моих неприятных знакомцев.

Он смиренно склонил свой обтянутый кожей череп:

— Достаточно... И всегда в поисках истины...

— Истины? Иногда до нее не так-то просто добраться...

— А это Джордж Смит, капитан! — бодро вмешалась Сара.

Из глубокого кресла неуклюже поднялся второй мужчина, и его рука вяло потянулась в мою сторону. Это был толстый коротышка весьма, надо сказать, неряшливого вида, с молочно-белыми глазами.

— Как видите, — сказал Смит, — я совершенно слеп и только потому не встал, как только вы вошли. Прошу прощения.

Несколько смущенный такой ненужной декларацией, я пожал его безвольную, почти неживую руку, и он тут же тяжело рухнул в кресло.

— Присаживайтесь! — радушно воскликнула Сара, — Сейчас подадут напитки. Что вы предпочтете, капитан?

— Скотч, если можно, — сказал я и уселся в определенное мне кресло.

Хозяйка тоже села, и теперь мы все четверо пребывали в одинаковом положении, перед величественным камином, окруженные головами инопланетных существ.

Заметив, что я разглядываю эти диковинки, Сара встрепенулась.

— Простите! — всплеснула она руками. — Я совершенно забыла! Вы же ничего не знаете обо мне!

— Увы...

— Я баллистический охотник! — сообщила Сара с излишней, по-моему, для такого заявления гордостью.

Видя, очевидно, мое недоумение, она принялась терпеливо объяснять:

— Я пользуюсь только баллистическим ружьем. Таким, которое стреляет пулей, приводимой в движение взрывчатым веществом. Только этот вид охоты сопряжен с

настоящим риском. Он требует значительного мастерства в обращении с оружием и зачастую — незаурядного самообладания. Если вы не попали в жизненно важную точку — объект охоты может растерзать вас.

— Понятно, — кивнул я. — Что-то вроде спортивной игры. И у вас первая подача.

— Не всегда...

Робот принес напитки, и какое-то время мы рассматривали содержимое наших бокалов.

— У меня такое чувство, капитан, — продолжила Сара, — что вы решительно против такого рода увлечений.

— Ваше чувство ошибочно. У меня нет никакого мнения на этот счет. Я не располагаю необходимым объемом информации...

— Но ведь вам приходилось убивать диких существ?

— Приходилось, — согласился я. — Когда иссякали запасы пищи или когда нужно было спасать свою жизнь. Азарт при этом отсутствовал начисто. Я не рисковал, а просто жег их лучом своего лазерного ружья — жег столько, сколько требовалось в каждом отдельном случае.

— Да, вы не спортсмен...

— Совершенно верно, — согласился я, — Ни с какой стороны. Я просто охочусь за планетами — вернее, охотился, потому что отныне с этим покончено...

Для чего меня сюда заманили — оставалось по-прежнему непонятным. Не захотелось же этой спортсменке просто поболтать со мной! Я не вписывался ни в эту комнату, ни в этот дом — как, кстати, и те двое, что сидели рядом со мной. Вот уж с кем не хотелось бы иметь никаких дел!

— Вам, капитан, очевидно, не терпится узнать, для чего же мы тут собрались? — спросила Сара.

— Да, мэм. Вы просто читаете мои мысли.

— Скажите, доводилось ли вам слышать что-либо о Лоуренсе Арлене Найте?

— О Страннике? Да, конечно. Массу историй о нем и тех далеких временах.

— Каких историй?

— Обычнейших космических баек. Людей, подобных Найту, хватало и будет хватать всегда. И неизвестно, почему рассказчики так набросились именно на него. Возможно, их привлекла звучность его имени. Что-то вроде Джонни Яблочного Семечка или Ланцелота.

— Значит, вы знаете...

— Что он за кем-то охотился? Конечно. Все они за кем-то да охотятся.

— А его исчезновение?

— Если вы задержитесь в космосе на достаточно продолжительное время и будете углубляться все в новые и новые неизведанные пространства — вам обеспечено такое же исчезновение. Рано или поздно вы напоретесь на то, что вас уничтожит, — объяснил я.

— Но вы-то...

— Я вовремя завязал и, кроме того, был всегда достаточно осторожен. Мои интересы ограничивались лишь новыми планетами. Таинственное Эльдорадо и экстатические поиски высшего Духа не занимали меня никогда.

— По-моему, вы издеваетесь над нами, — пробурчал Тук. — Не люблю насмешников.

— Да не издеваюсь вовсе! — с досадой воскликнул я, по-прежнему глядя на Сару Фостер. — Поймите — космос нашпигован выдумками, подобными той, что вас так взволновала! Слушать их — довольно приятное развлечение, но не более того! И еще... Не терплю, когда липовые монахи с грязными ногтями учат меня хорошему тону, — Поставив бокал на столик, я резко поднялся, — Спасибо за угощение, мэм. Возможно, когда-нибудь мы еще...

— Подождите! — испуганно перебила она. — И сядьте, прошу вас! Если угодно, я даже могу извиниться за Тука! Но выслушайте же мое предложение! Думаю, оно заинтересует вас.

— Я отошел от дел, мэм!

— Вероятно, вы видели корабль, стоящий на поле, — как ни в чем не бывало продолжала она. — Рядом с вашим.

— Да, видел. Даже любовался. Он ваш?

Сара кивнула:

— Капитан, мне нужен человек, способный управлять этим кораблем. Может быть, согласитесь?

— Но почему я? Неужели нет других кандидатур?

Она посмотрела на меня с сочувствием:

— Сколько, по-вашему, на Земле квалифицированных астронавтов?

— Думаю, что немного.

— Их нет вообще! Во всяком случае, таких, которым можно доверить мой корабль.

— Так, — решительно сказал я и бухнулся в кресло. — Только давайте начистоту. С чего вы взяли, что этот драгоценный кораблик можно доверить мне? Как вы узнали, что я прибыл на Землю? Что еще вам известно о моей персоне?

Она смотрела на меня, слегка прищурившись, будто целилась.

— Доверяю, потому что вы никуда не улизнете. Потому что в космосе вы — дичь, и корабль будет вашим единственным убежищем.

— Достаточно откровенно, — заметил я, — Ну, а как мы выберемся в космос? Патруль...

— Перестаньте, капитан! Догнать мой корабль совершенно невозможно! Если они даже попробуют это сделать, то вымотаются в два счета. И мы продолжим свой путь — неблизкий, между прочим, — уже без сопровождения... Можно даже сделать так, что о нашем полете не узнает ни одна живая душа.

— Все это крайне любопытно, — сказал я, — но нельзя ли наконец узнать, куда вы собрались?

— Мы не знаем, — ответствовала она.

Вот это уж была самая настоящая чушь собачья. Никто не отправляется в полет, не выяснив предварительно, куда

же он отправляется. Если тут какая-то тайна — так и нужно говорить.

— Мистер Смит — вот кто знает об этом, — добавила Сара.

Повернувшись к Смиту, который расплылся в кресле всей своей нешуточной массой, я снова увидел его белые глаза и одутловатое лицо.

— В моей голове — голос, — изрек Смит, — Я контактирую.

Ну просто прелесть, подумал я. Контактируем мы. Голос у нас в голове.

— Осмелюсь предположить, — нежно сказал я Саре, — что мистера Смита привел к вам присутствующий здесь глубоко религиозный джентльмен.

Ее лицо побелело от внезапной ярости, а голубые глаза превратились в сверкающие льдом щелки.

— Вы правы, — отчеканила она. — Но это еще не все... Вам, конечно, известно, что Найта сопровождал робот?

— Да, — кивнул я. — И звали его Роско.

— А знаете ли вы, что Роско был телепатическим роботом?

— Таких не существует.

— Существует. Существовали, во всяком случае. Я тут не сидела сложа руки и потому располагаю спецификациями данного типа роботов. Спецификации эти были у меня задолго до того, как появился мистер Смит. Я заполучила также письма Найта некоторым из его друзей. У меня есть уникальные документы, касающиеся предмета его поисков. Все, повторяю, было собрано до появления этих двух джентльменов! Источники, которыми я пользовалась, были недоступны для них — вне всяких сомнений!

— Они могли просто от кого-то услышать.

— Никто не знал об этом! — горячо воскликнула Сара, — То, что начиналось для меня как увлечение, со временем превратилось в едва ли не навязчивую идею. Все собиралось по кусочкам, по крупицам. Это казалось мне какой-то завораживающей легендой!

— Вот-вот, — сказал я, — Правильно казалось. Мы имеем дело с легендой, созданной безобидными, равно как и безнадежными фантазерами. К вывернутым наизнанку фактам добавляется вымысел, все как следует перемешивается — и в этой каше уже никто никогда ничего не поймет.

— А письма? А спецификации?

— Возможно, вы ошибаетесь в их толковании... Если они подлинные, кстати.

— Их подлинность не подлежит сомнению — я убедилась в этом.

— И о чем же говорится в его письмах?

— О том, что он занят некими поисками.

— Ну, это мы знаем. Все они ищут. Одни — поверив, что доберутся до искомого, другие — поверив, что верят. Так было раньше, так будет и позже. Подобные люди просто-напросто ищут повод для своих бесконечных странствий. Им хочется видеть смысл в своем бессмысленном существовании. Они просто влюблены в космос, во все неизведанные миры, которые манят их непреодолимо. А так как не существует уважительных причин для такого рода блужданий — причины приходится выдумывать.

— Значит, вы не верите, капитан?

— Значит.

Я ответил так, потому что был в своем уме и бредовые идеи не увлекали меня, как эту особу, связавшуюся с жуликами. Хотя — при мысли о корабле, томящемся на площадке, — некоторое искушение возникло. Но я старался думать о другом — о том, например, что Земля — совсем неплохое убежище...

— Я вам не нравлюсь, — сказал мне Тук, монах, — И вы мне тоже не нравитесь. Но позвольте сказать следующее. Вовсе не корыстные побуждения заставили меня привести моего друга к мисс Фостер. Я выше таких вещей. Истина — вот к чему устремлены все мои помыслы.

Я промолчал. А что тут скажешь? Видали таких...

— Я не могу видеть, — заговорил вдруг Смит, как будто с кем-то отсутствующим. — И не видел никогда. Я не знаю форм, кроме тех, которых коснулись мои руки. Я могу вообразить предметы, но эти образы будут неверными, так как мне непонятно, что такое цвет, хотя известно о его существовании. Слово «красный» что-то означает для вас, но абсолютно бессмысленно для меня. Невозможно описать цвет так, чтобы тебя понял слепой. Структуру — тоже... Питьевая вода — как она выглядит? А как это — виски со льдом? Лед твердый и гладкий. Он вызывает чувство холода. Он — вода, превратившаяся в кристаллы, и он белый. Но что такое кристалл и что такое белый?.. У меня нет ничего от мира, кроме пространства, которое он мне дает, и мыслей, которыми делятся со мной другие люди. Но как узнать, безупречна ли интерпретация этих мыслей? Верны ли построения?.. Этот мир почти недосягаем для меня, но он не единственный... — Смит поднял руку и легонько постучал пальцем по лбу. — Вот где размещается другой. Не воображаемый, а именно другой. Мир, данный мне неким существом. Я не знаю, где находится это существо, — могу лишь утверждать, что очень далеко от нас. И еще мне известно, в какую сторону направлено это «далеко»...

— Если так, — прошептал я, взглянув на Сару, — то он может быть компасом. Мы полетим в направлении, которое он укажет, и будем лететь до тех пор, пока...

— Да, — сказала она. — Именно так был использован Роско.

— Робот Найта?

— Робот Найта. О чем упоминается в письмах... Найт тоже обладал этим даром — но, так сказать, в легкой форме. Он чувствовал, однако, что там кто-то есть, и поэтому создал робота.

— Телепатического робота? Именно для этой цели?

Сара кивнула.

Я ошеломленно молчал. Потому что порция была не по зубам. Потому что речь шла о вещах, совершенно невероятных.

— Там — истина! — возвестил Тук. — Та, о которой мы даже не подозреваем! Я готов жизнь положить ради того, чтобы узреть ее свет!

— Положите, положите... — пообещал я, — Как только доберетесь до истины.

— Если она там, — деловито рассуждала Сара, — то ведь кто—то должен ее найти? Почему не мы?..

Я оглядел комнату. На нас по-прежнему смотрели головы причудливых и свирепых инопланетных существ. Некоторые из них были мне знакомы, о других я слышал, но тут имелись и такие, о которых не упоминалось даже в пьяной болтовне одиноких, измотанных космосом людей, время от времени слетающихся в занюханный бар никому не известно как именуемой планеты... Итак, стены увешаны. Для новых голов места не осталось. Все связанное с охотой в один прекрасный день может утратить свой аромат. И не только для Сары Фостер, грозы окрестных планет, но и для тех людей, которые в восторге от этого ее знака отличия! Пора, значит, подыскивать что-то новенькое, не менее забавное?..

— Никто и никогда, капитан, не узнает, что вы покинули Землю, — убеждала меня между тем Сара. — Здесь останется ваш двойник, который исчезнет, как только вы вернетесь — когда бы это ни произошло.

— Двойник? Вы в состоянии оплатить его преданность?

Она улыбнулась:

— Я в состоянии оплатить все, что угодно... И кроме того, когда мы будем уже далеко отсюда, — его разоблачение, даже если оно произойдет, не очень-то нас встревожит.

— Да, если не считать, что мне хотелось бы вернуться назад.

— Вы вернетесь. Я все улажу.

— А если с этим человеком произойдет несчастный случай и он погибнет?

— А вот это ни к чему. Его идентифицируют, и проделка не сойдет нам с рук.

Сару явно огорчила подобная перспектива — так явно, что мне стало не по себе и от ее реакции, и от намечаемой сделки. Я с неприязнью смотрел на этих людей и с отвращением думал об их затее. Но желание добраться до корабля и рвануть на нем в космос не пропало, а наоборот — стало непреодолимым. Земля уже стремительно утрачивала свою прелесть. На ней теперь можно было лишь гостить, но никак не жить. Я задыхался здесь и почти умирал. Насквозь пропитанный космосом, я не мог находиться вне его. Усыпанное звездами одиночество, тишина, возможность отправиться куда угодно в любой момент — все это было там. И что-то еще, невыразимое...

— Подумайте о вознаграждении, — наседала Сара Фостер, — а затем удвойте свою сумму. Заранее согласна.

— Но почему?! — изумился я, — Неужели деньги ничего для вас не значат?

— Значат. Но у меня выработалась привычка платить за то, что я хотела бы получить. В данном случае мне нужны вы, капитан Росс. Как человек, никогда не следовавший безопасными маршрутами — с разметкой и указателями, и потому всегда опережавший других. Вы как никто подходите нам, капитан.

В дверях показался робот:

— Можно ли подавать обед, мисс Фостер?

Она смотрела на меня с вызовом.

— Надо подумать... — сказал я.

Глава 3

Подумать мне действительно следовало. Только чуть подольше. Чтобы не лететь куда попало. И не стоять теперь посреди этой пустыни, залитой лунным светом...

Смит по-прежнему ползал на четвереньках и хныкал. Его белые глаза светились, как у кота. К нему торопливо, путаясь в сутане, ковылял Тук.

Что же притягивает этих двоих друг к другу? Гомосексуализм отпадает: в походной тесноте он давно обнаружил бы себя. Вероятно, какая-то иная связь... Смит, конечно, признателен за то, что его опекают. Тук, возможно, рассматривает приятеля, а вернее, голос в его голове, как своего рода ценную бумагу... И все же они связаны чем-то более прочным. Может быть, двух беспомощных недотеп сблизили их слабости, вызвавшие взаимное сострадание и понимание?..

Было светло, как днем. Кроме луны на небосводе светилось бесчисленное множество звезд, крупных и необычайно ярких. Казалось, их можно сорвать, как яблоки с дерева, лишь протянув руку...

Сара уже поднялась и стояла теперь с ружьем наизготовку.

— Я удержала его дулом вверх! — гордо сообщила она.

— Я горжусь вами, — сказал я.

— Ружье в таких случаях нужно держать дулом вверх, чтобы не засорилось. Это первое правило. Если б я не последовала ему — ствол был бы полон песка.

Джордж все еще стонал, но его междометия уже переросли в слова.

— Что происходит, Тук?.. — надрывисто выкрикивал он, — Где мы?.. Что случилось с моим другом?.. Он исчез!.. Я не слышу его голоса!..

— Ради всего святого! — заорал я на Тука. — Поднимите его, отряхните, утрите ему нос и объясните, что тут происходит!

— Я не смогу объяснить, — пробурчал Тук, — Пока кто-нибудь не объяснит этого мне.

— Тогда слушайте... — сказал я, — Нас обвели вокруг пальца, мой друг! Как котят!

— Они вернутся! — истошно закричал Джордж. — Они вернутся за нами! Они не оставят нас здесь!

— Конечно! — Тук поднял его на ноги и отряхнул, — Они непременно вернутся! Как только взойдет солнце.

— А оно уже всходит, да?

— Нет. Сейчас на небе только луна и звезды...

Так здорово влипнуть! — подумал я. Угодить неизвестно во что, причем в компании двух чокнутых и рыжей Дианы, только и знающей, что держать дуло кверху!..

Я огляделся. Вокруг нас к небу тянулись величественные барханы. А в небе, кроме луны со звездами, не было ничего. Ни даже крохотного облачка. Как не было ни деревьев, ни кустов, ни живой былинки — внизу. Песок, песок, песок... Легкая прохлада должна была исчезнуть с первыми лучами солнца. Нас, скорее всего, ожидал долгий и жаркий день. У нас ни капли воды...

Борозды от наших тел шли по склону вниз. Нас, получалось, сбросили прямо над соседним барханом. Я быстро взобрался на него и прикладом начертил на песке глубокую линию, а также несколько идущих от нее стрелок.

Сара, внимательно следившая за моими действиями, спросила:

— Вы полагаете, что можно будет вернуться назад?

— Держать пари не рискнул бы, — сухо ответил я.

— Там был проем, вроде дверного. Он исчез, как только мы сквозь него пролетели.

— Пролетели мы уже тогда, когда сели на эту планету! С той самой минуты с нами выкидывают фокусы! И не спрашивают — хотим мы этого или не очень!

— Так или иначе, — сказала она, — но теперь нужно как-то выбраться отсюда...

— Если вы присмотрите за этими клоунами, чтоб они ничего не натворили, — я немного пройдусь...

Она хмуро посмотрела на меня:

— Вы что-то задумали, капитан? У вас уже есть конкретный план?

— Нет... Просто не мешает ознакомиться с местностью. Было бы также неплохо обнаружить воду. Днем без нее придется туго.

— А если заблудитесь?

— Я вернусь по своим же следам. Если только не поднимется ветер и их не занесет... В таком случае я выстрелю вверх, чтобы вы видели луч, — и приду на звук вашего ответного выстрела.

— Вы не думаете, капитан, что эти лошадки вернутся за нами?

— А вы — думаете?

— Кажется, нет... — тихо сказала она. — И все же мне непонятно... Мне непонятно, для чего это сделано! Наши вещи не могут представлять для них особой ценности!

— Они просто избавились от нас.

— Но ведь был наводящий луч! Если бы не луч, то...

— Не исключено, что все дело в корабле. Что их интересовал только он. Ведь там, на поле, до черта кораблей, заманенных, скорей всего, тем же манером!

— А люди? Они тоже здесь? Или на других планетах?

— Не знаю... Пока что нам следует поискать местечко поприятней, чем эта песочница. И если таковое существует — немедленно туда перебраться. У нас нет ни пищи, ни воды.

Поправив на плече ружейный ремень, я двинулся по бархану вверх.

— Что я могла бы сделать? — крикнула Сара вслед.

— Следите, чтобы эти двое не затоптали мою черту. И чтоб ее не засыпало.

— Вы придаете ей такое значение?

— Ориентир какой-никакой...

— Сомнительный ориентир, — сказала она, — Нас, по-моему, зашвырнули сюда через некую пространственно-временную дыру, весьма условную. И вряд ли существенно — где мы шлепнулись...

— Да, но это единственное, за что мы можем ухватиться.

Увязая ногами в песке, то и дело съезжая по склону, я наконец добрался до гребня и, отдышавшись, посмотрел вниз. Все трое стояли, задрав головы… И тут, к собственному великому удивлению, я почувствовал нежность к этой троице! К беспомощному, тихо помешанному Смиту, к липовому монаху Туку, к Саре, черт бы ее побрал вместе с ниспадающими локонами и допотопной пищалью! При всех своих нелепостях, они были сейчас просто человеческими существами, которые надеялись, что я смогу вытащить их отсюда. Они видели во мне человека бывалого, избороздившего космос вдоль и поперек, способного выпутаться из любых передряг. Они полагали, что с таким мудрым капитаном не пропадешь ни в жизнь… Бедные доверчивые дурачки! Я сам ни черта не понимал в происходившем! У меня не было никакого плана действий! Я был озадачен и пришиблен ничуть не меньше, чем они! Только не обнаруживал этого, продолжая вести себя так, словно имел в запасе какой-то безотказный трюк…

Я помахал им рукой, не слишком удачно изобразив свое бодрое состояние, и влез на гребень.

Вокруг простиралась пустыня. Во все четыре стороны, до самого горизонта, тянулись огромные волны песка — причем каждая последующая строго копировала предыдущую. Деревьев — а значит, и воды — не было и в помине. Не было ничего. Только песок, песок, песок…

Я съехал по склону и поднялся на соседний бархан. Пустыня за это время отнюдь не преобразилась. Я мог продолжать свою прогулку вечно — с тем же результатом. Пустыня могла занимать всю поверхность этой планеты.

Лошадки знали, что делали, сбрасывая в ту дыру своих седоков. Лучшего способа избавиться от нас не придумаешь. Они или те, кого они представляют, не упустили своей добычи. Завлекли лучиком, вытащили из корабля, тут же залив его какой-то гадостью, и, не дав опомниться, определили сюда. Спустили. По традиции, очевидно…

Я поднялся на следующий холм, слабо надеясь обнаружить в одной из небольших долин что-то стоящее. Воду, лучше всего. В ней мы нуждались теперь как ни в чем. Или тропинку, которая вела бы в иные пределы, получше этих. Или местных жителей, готовых помочь. Представлялось маловероятным, правда, чтобы кто-то захотел тут поселиться...

В общем-то, я разуверился. Ландшафт был безнадежно однообразным и неожиданностей не обещал. И вдруг мне в глаза бросилось это!

Конструкция, похожая на птичью клетку, стояла на самом верху ближайшего бархана, полузарытая в песок, и поблескивала металлическими прутьями! Кроме птичьей клетки она напоминала еще и капкан, поставленный на гигантского доисторического зверя, — причем уже умертвивший свою жертву.

Я снял с плеча ружье, крепко сжал его обеими руками и съехал вниз. Клетка исчезла из поля зрения.

Вскарабкавшись снова, теперь уже чуть левее, вкрутив носки ботинок в песок и осторожно высунувшись из-за гребня, я мог теперь наблюдать.

От клетки вниз шла глубокая песчаная борозда, не успевшая как следует затянуться. Клетка, следовательно, была всажена сюда недавно, только что. Почему я решил, что она именно всажена, а не поставлена кем-то на этот гребень? Потому что так говорил мне мой рассудок. Потому что походило на то.

Клетка, возможно, являлась особого вида кораблем — весьма странным, в виде каркаса без оболочки. И если это был в самом деле корабль, то его живая начинка либо погибла — либо отправилась прогуляться...

Я внимательно оглядел весь склон и в правой его части, довольно далеко от клетки, заметил тянувшийся от самого гребня след, похожий на санный. Он исчезал в непроглядной темени долины и явно заслуживал внимания.

Я сполз чуть пониже и переместился вправо, быстро и почти бесшумно, каким-то паучьим ходом. Моя ловкость утраивалась от мысли, что на противоположной стороне, быть может, притаился и навострил уши — некто.

Осторожно выглянув, я увидел след вновь. Он был теперь гораздо ближе, хотя и по-прежнему справа от меня.

Из черной пустоты взлетел странный скрипящий звук — словно кто-то царапнулся. Вскоре звук повторился — сопровожденный все тем же динамическим намеком, и я, изготовившись на всякий случай к стрельбе, замер.

Возобновившийся шорох на этот раз сопровождался звуками, напоминавшими жалобные стоны. Что-то там шевелилось, в этой черноте, что-то, вне сомнений, барахталось! И ждать, пока все объяснится само собой, не стоило.

— Эй! — крикнул я.

Ответа не последовало.

— Эй, внизу!

Похоже было, что существо, с которым я пытался установить контакт, совершенно не владеет жаргоном нашего галактического сектора. Оно откуда-то издалека. И поболтать нам не придется...

И вдруг я услышал совиное уханье, в котором не так-то просто было различить многократно повторенный вопрос.

«Друг? Друг? Друг?..» — без конца ухало внизу.

— Друг! — ответил я.

— Нуждаюсь в друге, — сообщил голос, — Приблизьтесь, пожалуйста. Это безопасно. Я безоружен.

— В отличие от меня, — довольно мрачно ответил я.

— Оружие не понадобится, — донеслось из темноты. — Я в ловушке и беспомощен.

— Что там у вас наверху? Корабль?

— Корабль?

— Ну-у... средство передвижения?

— Совершенно верно, дорогой друг. Средство. Развалившееся. Недействующее.

— Ладно, я спускаюсь. Но учтите: мое ружье направлено на вас. Малейшее движение, и...

— Спускайтесь, спускайтесь, — подбодрил голос, интонационно приблизившись к сигналу сирены. — Буду в распростертом и неподвижном состоянии...

Я перешагнул через гребень и бросился по крутому склону вниз, стараясь быть не слишком удобной мишенью и потому сжимаясь всем телом.

Закончив и настороженно оглядевшись, я заметил черный застывший холмик.

— Ага, — сказал я. — Ну-ка, ко мне!

Холмик приподнялся, побарахтался и улегся снова.

— Лучше вы, — сказал он. — У меня не получается.

— Ну хорошо, лежи...

Подбежав к холмику совсем близко, я принялся его рассматривать.

Массивную голову этого красавца венчало множество щупалец, безвольно раскиданных на песке. Тело, длиною фута четыре, сужалось от головы и заканчивалось тупым обрубком. Руки-ноги отсутствовали. Вероятно, он вполне обходился щупальцами. Одежды, снаряжения, оружия — не было.

— В чем дело? — поинтересовался я. — Может быть, нужна помощь?

Щупальца подпрыгнули и стали беспокойно извиваться — как змеи в корзине. Изо рта, окруженного этой прелестью, вырвался хриплый ответ:

— Мои ноги слишком коротки. Они тонут и не несут меня. Я могу только разгребать этот песок. И закапываться все глубже.

Пара щупалец с глазами на кончиках вытянулись и подвергли меня беглому осмотру.

— А если я помогу тебе выбраться?

— Бесполезно. Опять увязну.

Щупальца, теперь уже не спеша, скользили по мне своим взглядом, сверху вниз, словно измеряя.

— Вы крупный, — изрекло существо, — И наверное, достаточно сильный?

— Ты хочешь знать, смогу ли я нести тебя?

— Лишь до того места, где подо мной будет что-то твердое, — торопливо заверило оно.

— Не знаю таких мест...

— Не знаете? В таком случае, вы не с этой планеты.

— Точно. Ты, значит, тоже?

— Я?! Да ни один уважающий себя представитель моей расы не опустился бы до того, чтоб освободить здесь свой кишечник, сэр!

— А не отнести ли тебя к твоему кораблю? — спросил я, присев на корточки.

— Нет. Потому что там ничего нет.

— Так уж и ничего. А пища? А вода? — Последняя, надо сказать, интересовала меня все больше и больше.

— Я не нуждаюсь в них, так как нахожусь в своем втором «я». Его потребности ограничены легкой защитой от космического вакуума и небольшим количеством тепла, необходимого для живой ткани...

Вот так, сказал я себе. Второе «я» у нас — и все тут. Удивляйтесь, но расспрашивать не торопитесь. Потому что реакция предопределена. Сначала удивление или даже ужас, вызванный вашей дремучестью, затем безуспешная попытка что-то вам объяснить, и наконец — полный текст диссертации, доказывающей превосходство изложенной концепции над всеми прочими... Может случиться и так, что вы коснулись жуткого табу. И ваши вопросы оскорбительны... Нет, как небрежно была упомянута живая ткань! Словно что-то третьестепенное!.. Да ладно. Ничего особенного. Со всякими странностями столкнешься в космосе. Обычно, правда, не сталкиваешься, а обходишь их или вообще игнорируешь...

Итак, я должен был вызволить это создание из неприятности. Но понятия не имел — как. Можно было доставить его туда, где меня дожидались те трое и где ему было бы ничуть не лучше... Развернуться и уйти, плюнув при этом, было

нельзя. Лежавшее передо мной заслуживало и учтивости, и сострадания...

С того самого момента, когда я увидел клетку и понял, что она — разбившийся корабль, мысль о запасах провианта, оставшихся на борту, придавала мне силы. А теперь вот выяснилось, что никаких запасов нет. И существо, перед которым я сидел, не в силах было помочь нам. Оно само нуждалось в помощи, которую я не мог оказать. От всего этого трещала голова...

— Ничего хорошего предложить тебе не могу... — сказал я, — Мы тут вчетвером, и у нас нет ни пищи, ни воды.

— Как вы попали сюда?

Я начал объяснять ему, но вскоре понял, что напрасно теряю время, пытаясь найти нужные слова. И разве, в конце концов, это имело значение — как мы сюда попали? Но меня, кажется, поняли.

— Ах вот так, — сказало существо.

— Мы ничего не можем для тебя сделать — ясно?

— Но ведь вы можете отнести меня на свою стоянку?

— Да, могу.

— Или у вас другие планы?

— Нет-нет... Если ты хочешь...

Конечно, я не горел желанием тащить его через барханы. Но послать бедолагу к черту, холодно просчитав все «за» и «против», было бы еще тяжелее...

— Я очень хочу, — сказало существо. — Когда кто-то рядом — спокойнее. Одному — плохо... К тому же в числе — сила. А в ней может возникнуть надобность.

— Между прочим, меня зовут Майк, — представился я, — Моя планета называется Земля. Она между Килем и Лебедем...

— Майк, — повторило оно, вернее, тщетно попыталось. — Это приятно щекочет голосовые связки... Местоположение вашей Земли мне неизвестно. Слышу впервые это название. Вы будете в том же недоумении, если я обозначу координаты своей планеты. С именем дело обстоит еще сложней.

Эта конструкция, включающая в себя идентификационные данные, вряд ли усвоится вами. Назовите меня как-то по-своему, коротко и просто.

Заводить разговор о наших именах было, конечно, самое время. А ведь я не намеревался делать этого! Мое «Майк» вырвалось совершенно ни с того ни с сего, почти инстинктивно! И ситуация удивительным образом изменилась. Мы больнице не были абстрактными чужаками, столкнувшимися по воле случая. Мы были двумя индивидами.

— Как насчет имени Хух? — спросил я и тут же пожалел о своей поспешности.

Имечко было не шедевр. От таких отказываются.

Но мой собеседник придерживался другого мнения. Задумчиво покачав щупальцами и повторив это имя несколько раз, он сказал:

— Хорошо. Замечательно. Очень подходит... Привет, Майк!

— Здорово, Хух, — отозвался я и, обхватив его обеими руками, вскинул на плечо.

Он оказался тяжелее, чем я думал, а округлости его тела были уж совсем некстати. Уложив наконец этот бурдюк более—менее устойчиво, я стал взбираться по склону.

Тяжелая ноша вынуждала меня двигаться по бесконечной диагонали, ноги по щиколотку уходили в песок, и каждый дюйм стоил немалых усилий. Честно говоря, я не предполагал, что это будет так скверно.

Добравшись наконец до гребня, я опустился на колени и, осторожно сняв Хуха с плеча, лег.

— Я причиняю вам много хлопот, Майк, — сказал Хух. — Я обуза для вас.

— Дай отдышаться... Тут уже недалеко...

Перевернувшись на спину, я стал разглядывать небо. Оно сияло. Прямо над головой висел голубой гигант, похожий на драгоценный камень. Чуть в стороне тлел уголек сверхгиганта. Терпеливая рука неведомого художника оживила черноту мириадами звезд.

— Где мы, Хух? — спросил я. — В какой части Галактики?

— Это одно из сферических скоплений. Разве вы не знали?

Я предполагал. Потому что планета, к которой привел нас этот редкий идиот Смит, располагалась вдали от плоскости Галактики, в сферической ее подсистеме...

— Твой дом где-то здесь?

— Нет, — ответил он. — Далеко.

По тону, каким это было сказано, я понял, что продолжать расспросы не стоит. Хух явно не хотел откровенничать со мною, и явно неспроста. Он мог находиться в бегах, быть выдворенным или просто беженцем. Такие вещи время от времени происходят. Космос полон скитальцев, не имеющих возможности вернуться домой...

Я смотрел на звезды и размышлял о том, куда же именно мы попали. Нас, конечно, могли швырнуть к любому из сферических скоплений. В транспортировках такого рода расстояние вряд ли что-то значит. Координаты, собственно, тоже не имеют значения. Если мы не обнаружим воды, то продержимся очень недолго. Перекусить, конечно, тоже не мешает, но главное — вода... Я вяло удивился собственному спокойствию. Бесчисленные переделки, в которые приходилось попадать, сделали меня достаточно хладнокровным. А что, если запас везения исчерпался и на этот раз уже не выпутаться? Если подкралось то, чего так долго удавалось избегать? И либо сама планета, либо какая-то некоммуникабельная скотина прикончит меня? Ну, прикончит — так прикончит, если судьба. А заранее нечего терзаться...

Я уже почти представил, каким образом это стрясется, но тут что-то ткнулось в плечо.

— Майк! — квакнул Хух, деликатно прикоснувшись ко мне одним из щупалец. — Посмотрите! Мы не одни!

Вскочив, я крепко сжал свое ружье...

Из-за бархана, в том месте, где стоял потерпевший аварию корабль Хуха, выкатывалось колесо. Его зеленая ступица ярко блестела в лунных лучах. Видимая часть колеса

возвышалась над гребнем футов на сто. Десятифутовой ширины обод сверкал, как хромированный, и был соединен со ступицей множеством серебристых спиц.

Теперь колесо не двигалось. Оно нависало над клеткой, которая в сравнении с ним казалась разбитой игрушкой.

— Оно живое? — спросил Хух.

— Возможно.

— Тогда будет лучше, если мы подготовимся к защите.

— Будет лучше, если мы будем вести себя смирно, — прошипел я.

Оно наблюдало за нами, вне всяких сомнений. И возможно, появилось здесь для того, чтобы исследовать обломки корабля. На вид в этом колесе не присутствовало ничего живого, однако, как мне казалось, зеленоватая ступица вполне могла быть этим живым.

Колесико могло в любой момент убраться — так же неожиданно, как появилось. Но даже если это не входило в его планы, нам не следовало лупить по таким странным мишеням...

— Съезжай-ка ты вниз, Хух... Если придется драпать, я прихвачу тебя.

Он помахал щупальцем, энергично выражая свое несогласие.

— Вам может понадобиться мое оружие.

— Ты ж сказал, что у тебя его нет!

— Грязная ложь! — радостно крикнул он.

— Значит, ты мог сделать со мной все, что угодно? — возмутился я. — И в любой момент?

— Да нет же! Ведь вы пришли мне на помощь! А скажи я правду, могли и не приблизиться.

Я не стал развивать тему. Пока эта хитрая бестия Хух был на моей стороне, не стоило придираться...

Вдруг кто-то окликнул меня, и, обернувшись, я увидел Сару, которая стояла на соседнем бархане. Слева от нее из-за гребня торчали еще две головы.

Она воинственно сжимала в руках свое дурацкое ружье, и у нее вполне могло хватить ума, чтобы этим ружьем тут же и воспользоваться.

— Как дела, капитан? — крикнула Сара.

— В порядке, — спокойно ответил я.

— Не нужна ли наша помощь?

— Помощь? Пожалуй... Вы можете доставить моего приятеля на стоянку.

Я сказал «на стоянку» — потому что нужно было как-то назвать это место, не имевшее названия, а сквозь зубы тихо процедил:

— Выброс из головы все свои глупости, Хух, и быстренько съезжай вниз...

Колесо пока оставалось на прежнем месте. Оно явно меня рассматривало. И я уставился на него исподлобья, приняв бравый вид, готовый в любую секунду ретироваться.

Было слышно, как Хух прошуршал по склону. И немедленно раздался вопль Сары:

— Что это за гадость? Где вы ее откопали?

Я оглянулся вновь и, увидев ее стоявшей над Хухом, заорал в свою очередь:

— Тук! Спуститесь и помогите мисс Фостер! Только предупредите Смита, чтоб оставался на месте, а не разгуливал!

Этому чокнутому слепому ничего не стоило побежать за своим дружком. Возись потом с ним...

— Но капитан... — В голосе Сары было раздражение, недоумение и многое другое.

— Он в таком же положении, как и мы! Он не отсюда, и ему нужна помощь! Так что оттащите-ка его, куда вас просят!..

Колесо вдруг ожило. Величаво вращаясь, оно поднималось вверх.

— Шуруйте отсюда! — не оборачиваясь, крикнул я Туку с Сарой.

Почти полностью выползшая из-за бархана, эта чертова штуковина замерла. Самым странным было то, что в небе

висело действительно колесо, самое настоящее колесо, а не какая-то конструкция, похожая на него.

Широкий и толстый — примерно в фут — обод неведомым образом сочетал в себе массивность и изящество. Зеленоватая ступица плавала — иначе не скажешь. Спицы, при всем их количестве, не могли удержать ее на месте... Кроме спиц между ободом и ступицей — я заметил это только сейчас — протянулось множество тончайших проводков, напоминающих паутину. Ступица на паука не походила. Она была просто шаром...

Быстро оглянувшись, я уже никого не увидел. На склоне осталось множество глубоких следов.

Съехав вниз и поднявшись по этим следам, я посмотрел на колесо. Оно висело на прежнем месте.

За следующим барханом уже находилась стоянка. Вся компания была там.

Колесо висело. Наверное, это вся его программа, подумал я. Прикатилось, посмотрело и теперь, удовлетворив свой интерес, думает о других делах...

Я уже собрался спуститься, когда ко мне вдруг вскарабкалась сияющая Сара:

— У нас появился шанс, капитан!

— Шанс выбраться отсюда?!

— Вы ведь рассказали своему Хуху о происшедшем с нами? Так вот, он, кажется, знает толк в таких вещах.

— Но, по-моему, он даже не понял, о чем я веду разговор!

— Да, кое-что было ему действительно непонятно. Но он тут кое о чем нас расспросил, и теперь они занимаются этим...

— Они?

— Да. Джордж с Туком помогают. И особенно кстати пришлась помощь Джорджа. Кажется, он уже различает дверь...

— Ну, этот нам наразличает, — усмехнулся я.

— Мне бы очень хотелось, капитан, чтобы вы оставили свои наскоки.

Я не хотел ругаться с ней и молча скользнул вниз.

Двое на корточках и один полузарывшийся в песок — расположились шеренгой. Тук пристально вглядывался куда-то прямо перед собой. Лицо Смита выражало крайнее напряжение. Щупальца Хуха, подрагивая кончиками, тянулись вперед.

Я посмотрел туда, куда был устремлен взгляд Тука, и ничего не увидел — ничего, кроме бархана, уходившего к небу.

Подошла Сара, и мы вдвоем встали позади этих жрецов. Было совершенно непонятно, что происходит, но я решил не вмешиваться. Если есть даже ничтожный шанс открыть дверь, рассуждал я, то почему бы им не воспользоваться...

Внезапно щупальца Хуха обмякли, а Тук со Смитом сгорбились. По всему было видно, что их постигла неудача.

— Требуется больше энергии, — сказал Хух. — Если бы все мы...

— Все? — переспросил я, — Боюсь, что не подойду для такой работы. Кстати, в чем она заключается?

— Мы сосредотачиваемся на двери, — ответил он, — Пытаемся открыть ее...

— Она по-прежнему здесь! — воскликнул Джордж. — Я чувствую это!

— Мы с вами должны попробовать, — решительно заявила Сара. — Это будет наш скромный вклад.

Она опустилась на корточки рядом с Хухом и спросила:

— Что нужно делать?

— Вы должны представить дверь, — сказал Тук.

— А затем потянуть ее на себя, — добавил Хух.

— Чем — потянуть? — поинтересовался я.

— Мыслью! — ядовито ответствовал Тук, — Это тот самый случай, когда длинный язык и тугие мышцы совершенно ни к чему!

— Весьма неуместное замечание, — приструнила его Сара.

— А чем, спрашивается, он был занят все это время? — не утихал Тук, — Орал и дрался!

— Брат мой! — мягко сказал я, — Если ты действительно так считаешь, то, как только мы выпутаемся из...

— Успокойтесь оба! — крикнула Сара, — Капитан! Прошу вас...

Она разровняла песок рядом с собой, и я тоже присел на корточки, чувствуя себя идиотом.

Впервые в жизни я сталкивался с такой концентрированной тупостью! Нет, я не сомневался, что кто-то при помощи своей психической энергии может творить подобные чудеса... Но мы, человеческие существа, ни в чем подобном до сих пор замечены не были! Впрочем, от уникумов вроде Тука с Джорджем жди чего угодно...

— А теперь, — сказал Хух, — все вместе представим дверь.

Его щупальца выстрелили вперед и тихонько задрожали...

Я сосредотачивался изо всех сил. Я старался увидеть дверь и... действительно увидел! Призрачную дверь со слабо светящимся ореолом! Мне захотелось открыть ее, но не за что было ухватиться! И все же я пытался. Я даже чувствовал, как пальцы мои скользят по гладкой поверхности этой чертовой двери.

Очень скоро мне стало ясно, что мы ничего не добьемся. Дверь вроде бы начала приоткрываться — но щель была слишком узка, чтобы можно было проникнуть в нее. Открыть же дверь пошире нам не хватало времени — то есть сил.

На меня навалилась усталость, и я понимал, что остальные тоже не в лучшем состоянии. Я знал, что мы будем пробовать еще и еще раз, пока не выбьемся из сил окончательно... Неудача при первых попытках будет означать гибель...

Я напрягся сильнее и, как мне показалось, ухватился за дверь. Я потянул ее и почувствовал, что другие тянут тоже. Дверь поддавалась! Она качнулась в нашу сторону на невидимых петлях, и уже казалось, можно просунуть в щель

руку!.. Впрочем, хотя я потел наравне с остальными, знание того, что дверь наша ирреальна, не улетучивалось...

А потом, когда дверь приоткрылась еще чуть-чуть, мы не выдержали. Все одновременно... И двери не стало. Перед нами был только песок.

Что-то скрипнуло за нашими спинами. Я вскочил и развернулся. Над нами висело колесо.

Из зеленой массы, по-прежнему расположенной в центре, выдавился комок и, качаясь на серебристой паутине, стал спускаться. Комок не был пауком, хотя в очертаниях и способе его передвижения проглядывало что-то паучье. Милейшим существом показался бы паук рядом с этим чудовищем, неотвратимо скользившим вниз, — колышущейся мерзостью, слизью с дюжиной не то рук, не то ног, с тем, что могло бы быть лицом, если б не внушало такого нечеловеческого ужаса и гадливости, не оскорбляло своим видом все ваше существо.

По мере приближения к нам комок издавал все более громкие звуки. У него не было рта, но шум, порождаемый им, был нестерпимым. В этом шуме слышались и хруст костей, разгрызаемых огромными зубами, и урчание зверя, исходящего слюной при виде падали, и сердитое бормотание безумца, и многое другое.

Добравшись до обода и спрыгнув — уже без паутины — на бархан, комок возвышался теперь перед нами. С его тела без конца что-то капало на песок, темнеющий от этой гадости.

Комок стоял, едва не лопаясь от злости, и шум, производимый им, наполнял всю пустыню.

В этом шуме мне слышалось — вернее, я чувствовал — слово. «Прочь! Прочь! Прочь!» — вот что пыталось вырваться из хаоса звуков.

Неизвестно откуда налетел ветер — очень странный ветер: он сбил нас с ног и потащил неизвестно куда, не подняв

при этом ни песчинки. Пышущий злобой комок, стоя враскорячку, наблюдал...

Казалось, что под нами уже нет песка и мы катимся по мостовой... А потом исчезли барханы и воцарилась совершенная тишина. Мы уткнулись в глухую стену.

Тишина, впрочем, была вскоре нарушена чокнутым Смитом:

— Он вернулся! Мой друг вернулся! Он опять в моей голове! Он вернулся ко мне!

— Заткнись! — рявкнул я.

Смит притих, но бормотать продолжал, восседая с выставленными вперед ногами и глупейшим выражением экстаза на лице...

Оглядевшись, я понял, что мы вернулись туда, откуда нас так бесцеремонно выбросили, — в комнату с каменными плитами, демонстрирующими образцы других миров. Вернулись благополучно, но совершенно неожиданным способом... Будь у нас достаточно времени, чтобы открыть ту дверь, мы, возможно, попали бы сюда и без посторонней помощи, но нетерпеливая пустынная тварь решила ускорить процесс...

Ночь здесь уже сменилась днем. Сквозь широкий дверной проем слабо струился желтый солнечный свет.

Славные лошадки вместе с гномообразным гуманоидом, определившим нас в пустыню, отсутствовали.

Подтянув брюки, я снял с плеча ружье. Мне не терпелось кое с кем рассчитаться.

Глава 4

Мы обнаружили их в большой комнате, напоминавшей склад.

Гномоподобное существо, согнувшись, исследовало наш багаж, разложенный на полу. Часть вещей была, похоже, осмотрена, другая — дожидалась этой процедуры.

Гнома, увлеченно копавшегося в очередной сумке, окружали лошадки. Они тихонько раскачивались, наблюдая за работой, и хотя резные их морды не могли иметь никакого выражения — я видел: трофеи пришлись по вкусу...

Они были настолько поглощены своим занятием, что нам удалось войти незамеченными. Тут лошадки испуганно вздыбились, и гном стал медленно — очевидно, у него затекла спина — разгибаться.

Выпрямившись наполовину, он посмотрел на нас сквозь неопрятные лохмы, похожий в эту минуту на английскую овчарку.

Мы остановились и стали молча ждать.

Гном наконец распрямился и, окруженный все еще вздыбленными лошадками, стал потирать свои узловатые пальцы.

— Мы намеревались отправиться за вами, мой повелитель, — сказал он.

Я указал ружьем на наши раскиданные по полу вещи. Он понял мой жест и замотал головой:

— Не более чем формальность. Таможенный досмотр.

— Хотите обложить все это пошлиной?

— О нет! Просто некоторые из ваших вещей не подлежат ввозу на нашу планету. Никаких пошлин! Впрочем, если вам захочется сделать небольшой подарочек... Так редко подворачивается случай приобрести что-то действительно стоящее! Мы, кстати, можем оказать вам ряд очень ценных услуг. Укрытие от опасности, а также...

Я обвел взглядом помещение. Склад был забит ящиками, корзинами и менее традиционными контейнерами. Уйма самых разнообразных предметов была свалена в одну огромную кучу.

— Похоже, — сказал я, — что дела у вас идут не так уж плохо! Если бы меня кто-то спросил, верю ли я, что вы действительно думали о нашем возвращении, я ответил бы отрицательно. Будь ваша воля — мы торчали бы в пустыне до конца своих дней.

— Клянусь! — поклялся гном. — Мы собирались открыть дверь! Но ваши вещи оказались столь восхитительными, что чувство времени покинуло нас!

— Скажите-ка лучше, зачем мы были заброшены в эту пустыню?

— Чтобы защитить вас от смертельных вибраций, — объяснил гном, — Мы, кстати, тоже спрятались... Эти вибрации возникают всякий раз, когда на планету садится корабль, — и возникают они ночью...

— Это землетрясение? — спросил я, — Я хотел сказать, внутрипланетные толчки?

— Нет. Сотрясение всего вашего существа. Оно разрушает мозг и разрывает тело в куски. Все живое уничтожается им. Поместив вас в другой мир, мы спасли ваши жизни...

Он врал. Ему ничего другого не оставалось. Он нагло заливал о своих намерениях вернуть нас обратно, крыса такая! Печься о нашем возвращении было ему совершенно ни к чему. Он получил от нас все, что хотел.

— Ты, урод! — сказал я. — Брось вкручивать! С чего это вдруг посадка корабля вызовет такие вибрации?

Он поднес скрюченный палец к картошкоообразному носу:

— Этот мир закрыт. Никого никогда сюда не приглашают. Гости, которые время от времени появляются, должны остаться здесь навсегда. Планета запечатывает все корабли, и побег делается невозможным. А с ним и утечка информации.

— Сюда не приглашают, говоришь? — заорал я, — А наводящий луч? Вы заманили нас сюда, чтобы просто-напросто выкинуть в пустыню и завладеть всем нашим багажом! Вы уже прибрали к рукам все, кроме нашего корабля, который запечатан, как и все прочие! Не случайно лошадки настаивали на том, чтобы мы взяли с собой вещи! Они знали, какая участь ожидает корабль! Видно, вы просто не знаете, как избежать этого запечатывания!..

Он кивнул:

— Да, сэр. Это одно из характерных свойств закрытой планеты. Пока что мы бессильны против него...

Теперь, подумал я, гном будет соглашаться со всем, что бы я ни сказал, напустив на себя самый искренний вид. Еще один подленький среди встреченных мной приматов...

— Я не могу понять вот еще чего... — продолжил гном. — Каким образом вам удалось вернуться? Ведь никто не возвращается из этих миров без нашей помощи!

— Вы по-прежнему будете говорить, что собирались нас вызволить?

— Да, клянусь. И вы сейчас же можете получить все свои вещи. У нас даже в мыслях не было что-то присвоить!

— Замечательно! — сказал я, — Весьма разумное решение! Но нас интересуют также и другие вещи...

— Какие? — спросил он немного раздраженно.

— Нас интересует информация об одном человеке. О гуманоиде, очень похожем на нас. С ним был робот.

Глаза гнома забегали — он явно собирался с мыслями. Я шевельнул дулом ружья — и небезрезультатно.

— Было, — сказал гном, — Давно. Очень давно.

— Это был единственный человек, прилетевший к вам?

— Нет. Прилетали и другие из ваших... До него... Шесть или семь... Они покинули город, и больше я их не видел...

— Вы не отправляли их в другой мир?

— Почему же... Мы отправляем туда всех! Это необходимо, потому что каждое новое прибытие вызывает смертоносную волну. После того как волна проходит — мы снова в безопасности, и прибывшие извлекаются нами из своих убежищ.

Возможно, подумал я, он говорит правду. Или какую-то ее часть. А может быть, он имеет иную точку зрения на эти вещи, только не спешит ознакомить нас с ней? Или не решается, будучи однажды схваченным за руку?..

— И как только прилетит новый корабль, снова поднимется эта волна, да?

— Да, но лишь в городе, — уточнил гном, — За его пределами вы в безопасности.

— А что, никто из прибывших не остается в городе?

— Нет. Они идут охотиться за кем-то, находящимся, по их мнению, вне города. Все они за кем-то охотятся.

Господи! — подумал я. Все они действительно вдут по чьему-то следу! Кто знает, в скольких головах уже звучал голос, услышанный Смитом, и сколько самых разнообразных существ на этот голос устремилось...

— Они не рассказывали вам об объекте своей охоты? — спросила Сара.

Гном криво усмехнулся:

— Скрывали.

— Ну, а тот гуманоид, что прилетел к вам с роботом, — он...

— С роботом? Вы имеете в виду очень похожего на него металлического гуманоида?

— Не прикидывайтесь! — не выдержал я. — Вы прекрасно знаете, что такое робот! Эти ваши лошадки — тоже роботы!

— Мы не роботы, — возразил Доббин, — Мы самые настоящие лошадки.

— А ты заткнись!

— Ах, да... — сказал гном, — Вспомнил. Гуманоид с роботом тоже ушел и не вернулся. Правда, спустя какое-то время вернулся робот. Но он ничего не говорил мне. Ни слова.

— И этот робот все еще здесь?! — воскликнула Сара.

— У меня имеется только часть. А вот другая — та, что приводит его в действие, — к сожалению, отсутствует. Кажется, вы называете это мозгом... Я продал мозг диким лошадкам, обитающим в здешней пустыне. Они очень хотели его заполучить и хорошо заплатили. К тому же отказать им было опасно для моей жизни.

— Где нам искать этих диких лошадок? — поинтересовался я.

Гном пожал плечами:

— Кто знает... Они могут оказаться где угодно. Хотя чаще всего — к северу отсюда... Дикие, совершенно дикие...

— Если лошадки такие дикие, то зачем им понадобился мозг Роско? — спросила Сара, — Каким образом они могли его использовать?

Плечи гнома приподнялись снова.

— Понятия не имею. У этих существ не очень-то спросишь. Грубые и необузданные... Да, туловище у них лошадиное, но головы такие, как ваши. И еще руки. Эти твари к тому же имеют привычку вопить как безумные.

— Кентавры! — вскричал Тук, — Насколько мне известно, в пределах Галактики их едва ли не больше, чем гуманоидов!

И они, как справедливо заметил этот джентльмен, весьма строптивы! Впрочем, мне не доводилось встречаться ни с одним из них...

— Значит, вы продали только черепную коробку... — вернулся я к теме. — А все остальное — у вас.

— Да. От туловища они отказались. Оно здесь.

Оставив ненадолго космическое арго, я, уже по-английски, обратился к Саре:

— Что вы обо всем этом думаете? Может быть, пора заняться поисками Найта?

— Это было бы здорово, если...

— Если Найт еще жив, то он сейчас глубокий старик. Но скорее всего, он умер. Не забывайте, что робот, который не смог бы бросить его просто так, вернулся!

— Нужно выяснить, куда и зачем он шел. Мы должны найти мозг Роско и вернуть этот мозг на прежнее место. Робот нам все расскажет.

— Гному, между прочим, он не сказал ни слова.

— Гном есть гном. А мы люди, и очень похожие на тех, кто сделал Роско. Если в него заложена преданность — она должна распространяться и на нас.

— Так вот... — сказал я, повернувшись к гному. — Нам понадобятся тело робота и карты этой планеты. Запас воды,

разумеется, тоже. Лошадки, которые повезут нас, наши вещи и...

Вскинув руки, он в ужасе отпрянул от меня и энергично замотал головой:

— Придется обойтись без лошадок! Они нужны мне самому!

— Дайте же закончить! Дело в том, что мы берем с собой и вас!

— Это невозможно!!! — душераздирающе крикнул Доббин, — Кто будет предупреждать вновь прибывших об опасности и помещать их в укрытие? Сэр! Вы должны понять, что...

— Все учтено, — успокоил я Доббина. — Мы просто уберем луч. Не будет приманки — не будет и гостей.

— Вы не сможете его убрать! — заверещал теперь уже гном, — Никто не может сделать этого! Потому что местонахождение трансмиттера никому из нас не известно! Я пытался найти его! И до меня тоже искали! Бесполезно.

Вид его был крайне подавленный.

— Пр-роклятье... — выдавил я из себя.

— Я так и знала, — сказала Сара, — И, откровенно говоря, была озадачена этим с самого начала... Наш дохлый дружочек явно не из тех, кто построил город и позаботился о луче. Он просто живет здесь, в этой каменной пустыне. Дикарь, пробавляющийся случайными объедками...

Мне, конечно, следовало раскусить его самостоятельно. Но злость на этого гнома, который мало того, что швырнул нас черт знает куда, так еще и копался в нашем багаже, — злость эта мне помешала. Я жаждал крови. Я был в таком состоянии, что мог просто прибить этого маленького поганца, сделай он еще хоть один неверный шаг...

— Ну-ка, выкладывайте все начистоту! — строго крикнула гному Сара. — Ведь это не вы и вам подобные построили город — не так ли?

— Вы не вправе допрашивать меня! — взвизгнул гном, и лицо его гневно перекосилось, — Мне тошно и без этого!

— Мы вправе, — сказал я, — Потому что хотим разобраться в происходящем. Даю вам пять секунд на размышление...

Он не воспользовался этими секундами. Ноги его подкосились, и он тяжело опустился на пол — после чего, ухватившись за живот, принялся раскачиваться взад-вперед.

— Я скажу... — простонал этот страдалец. — Я все скажу — не стреляйте... Но как мне стыдно! Какой позор!..

Он поднял на меня горестный взор и продолжил:

— Я не могу лгать... Если б мог, то солгал бы... Но кое—кто из присутствующих немедленно меня разоблачит...

— Кто? — спросил я удивленно.

— Я, — сказал Хух.

— Как ты это делаешь?! Вживленный детектор лжи?

— Это одна из моих скромных способностей. Вряд ли я смогу объяснить вам, как это происходит. Радиус действия не слишком велик, но в данном случае достаточен. Особа, с которой вы беседуете, учитывает этот фактор и потому говорит вам правду, хотя и не всю.

— По-моему, — сказал гном, все еще глядя на меня, — в такие вот моменты мы, гуманоиды, должны держаться вместе. Узы, которые нас...

— Никакими узами я с вами не связан, — отрезал я.

— Вы слишком суровы, капитан, — заметила Сара.

— Это только начало, мисс Фостер! Мне нужно, чтобы он ответил!

— Но, может быть, у него какая-то причина...

— Нет у него никакой причины!.. Ты, вонючка! У тебя есть причина не отвечать?

Выдержав долгую паузу, он решительно тряхнул головой и сказал следующее:

— Моя честь оскорблена. Память моих предков поругана... Это тянулось так долго — наше притворство, что иногда нам начинало казаться, будто город и в самом деле создан нами. Если бы вы не растормошили меня, а еще лучше — вовсе не появились бы здесь, я и умер бы, согреваемый

этим сладким обманом. И никого не волновало бы потом — узнай хоть вся Вселенная, что архитекторами были не мы. Потому что я последний из тех, кого это может волновать. Потому что я последний из нас... Мои обязанности будут унаследованы вот этими лошадками, которые возложат их когда-нибудь на кого-то другого... Кто-то должен быть здесь всегда, чтобы предупреждать обитателей планеты об опасности и укрывать вновь прибывших...

Я посмотрел на Доббина:

— Ну, а ты что скажешь обо всем этом?

— Ничего, сэр. Я не скажу вам ничего. Вы несправедливы по отношению к нам. Мы спасли вашу жизнь, поместив на время в другой мир, а вы говорите, что вас не собирались возвращать. Вы очень разгневались, увидев своего благодетеля в момент удовлетворения обычного любопытства, которое вызвали ваши вещи. Вы угрожаете ему, даете какие-то секунды на размышление, ведете себя крайне развязно и...

— Хватит! — крикнул я. — Он еще будет меня воспитывать, робот несчастный!

— Мы не быть роботы! Говорю вам еще раз: мы быть только обыкновенные лошадки!..

Итак, снова эта нелепица, все в том же гордом исполнении. Если б меня не душила злость, я наверняка расхохотался бы... Да, разобраться в происходящем будет не так-то просто...

Я нагнулся, решительно ухватил гнома за край просторной мантии, висевшем на нем, как на вешалке, и поднял высоко вверх.

Он отчаянно извивался и очень быстро перебирал ножками, словно пытаясь убежать.

— С меня довольно, — сказал я, — Мне наплевать на ваши секреты. Ты сейчас дашь нам все, что мы требуем. А станешь хитрить — откручу голову.

— Осторожно!! — крикнула Сара, и, резко обернувшись, я увидел атакующих нас лошадок. Их передние качалки были угрожающе подняты...

Гном был немедленно отброшен в сторону. Даже не посмотрев, куда он упадет, я схватился за ружье и — почувствовал внезапную слабость, вспомнив, что лазерный луч не оставил на посадочном поле даже легкой отметины. Если лошадки сделаны из того же материала — а выглядит именно так, — то я с тем же успехом могу в них плевать!..

Но как только я вскинул ружье, Хух проворно выбежал вперед и... сверкнул — скажем так, за неимением другого слова. В общем, после того как он выбежал, тихо процокав по полу, его тело вдруг мелко-мелко завибрировало и обволоклось голубоватой дымкой — как если бы он был только что сгоревшим электротрансформатором... А потом задрожал сам воздух и все находившееся в комнате запрыгало в какой-то странной жиге — быстро, впрочем, оборвавшейся...

Все стояло на прежних местах как ни в чем не бывало. Все — кроме лошадок. Они валялись в дальнем углу, вперемешку, задрав качалки. И ведь я не видел, чтоб они туда бежали или пятились! Тем не менее... Лошадки переместились как бы помимо пространства. Вот они нападают на нас — а вот уже свалены в кучу...

— С ними все в порядке, — извиняющимся тоном сказал Хух, — Никаких повреждений. Так только, кратковременная стесненность движений... Извините меня за внезапность, но ситуация требовала немедленных действий.

Среди бочек, ящиков и корзин копошился, пытаясь выбраться, гном. Задора в нем наблюдалось не больше, чем в лошадках.

— Тук! — сказал я, — Пошевеливайтесь! Нужно собрать все вещи! Как только эти чистокровки будут навьючены — трогаем...

Глава 5

Город подавлял. Он нависал отовсюду. Его стены уходили в самое небо, и там, где они заканчивались — если они вообще заканчивались, — виден был лишь выцветший голубой лоскуток, почти сливавшийся с их белизной.

Узкая улица не шла прямо — она прыгала и изгибалась. Она была ручейком, бежавшим между валунами зданий. А здания почти не отличались одно от другого — так, чуть-чуть. Архитектурой здесь не пахло. Однообразие прямых линий и гнетущая массивность исключали этот запах.

Все было белым, даже покрытие дороги, по которой мы следовали. Улицы не были вымощены в обычном понимании этого слова, но залиты каким-то веществом, подступавшим к зданиям вплотную и казавшимся их продолжением. Этому покрытию без швов и без стыков не виделось — как и всему городу — конца. Казалось, будто находишься в безнадежной западне...

— Капитан, — сказала Сара, шедшая со мной рядом, — Я не вполне уверена, что одобряю ваши действия.

Я не счел нужным отвечать. Недовольство мною начало грызть ее еще на корабле — и продолжало после посадки. Теперь ей, видимо, понадобилось излить свое чувство. Мой ответ ничего бы не изменил...

Бросив взгляд через плечо, я увидел, что Смит и Тук по-прежнему едут верхом, за ними движутся съестные припасы и фляги с водой, и позади процессии, подбегая время от времени чуть поближе, как собака, погоняющая овец, следует Хух. Он энергично семенил своими короткими ножками — по паре дюжин с обеих сторон, — и можно было не сомневаться, что лошадки побоятся выкинуть при нем фортель...

— Вы нахраписты, — помолчав, продолжила Сара, — Вы просто ломитесь вперед и совершенно не способны на тонкий маневр. В конце концов это может привести к неприятностям.

— Вы о гноме?

— О гноме. С ним можно было договориться.

— Договориться? После того, как он едва не погубил нас?

— Но ведь он объяснил, что мы были бы возвращены из пустыни! И я очень склонна верить этому! Сюда прилетали и до нас. Думаю, что все они вернулись из этих миров благодаря ему. И всем им было позволено идти дальше.

— В таком случае не объясните ли вы, как так получилось, что весь его склад набит чужим добром?

— Наверное, он что-то украл, — согласилась Сара. — Или выудил обманным путем. А может быть, подобрал все это на месте гибели каких-то экспедиций.

Такие варианты были, конечно, возможны. Но для меня — сомнительны... Гном сказал, что мы первые, кому удалось выбраться оттуда без его помощи. Но это могло быть ложью, рассчитанной на то, чтобы мы успокоились, почувствовав себя великими умниками. А ведь нас просто выбросили оттуда! И не исключено, что с нашими предшественниками поступали точно так же! Обитателям тех миров просто надоело, что на них без конца вываливают непонятно кого! Однако если они, обитатели, отшвыривают не всех — у гнома с лошадиной компанией есть хорошая возможность поживиться. Неясно, правда, что толку от такого изобилия, когда нет возможности вести торговлю за пределами планеты. Гном, скорее всего, торговал — ведь купили же кентавры мозг Роско?.. Но такой домашний бизнес не может приносить хорошего дохода...

— Кстати, о гноме, — сказала Сара. — Что ж вы — грозились взять его с собой и не взяли? Лично я, пустившись в такое дело, чувствовала бы себя куда спокойнее — будь он под боком.

— Во-первых, я не вынес бы его криков и стонов. А во-вторых, именно от того, что его оставили в покое, бедолага преподнес нам и воду, и карты, и туловище Роско, не пикнув при этом...

Некоторое время мы продолжали свой путь в полном молчании, но я чувствовал, что Сара еще не выговорилась.

Я раздражал ее. Ей не нравились мои действия. Она хотела выплеснуть на меня свое негодование, но что-то у нее не получалось...

— Не нравится мне этот ваш Хух. Тварь ползучая.

— Он спас нам жизнь, защитив от лошадок, — сказал я, — А злитесь вы оттого, что не понимаете, каким образом он это сделал. Меня же данный вопрос не волнует. Главное, что Хух может повторить свой номер, если понадобится. Ползучий он или не ползучий — не важно. Он с нами заодно и вообще — славный малый...

Сара сверкнула глазами.

— Это пощечина всем остальным! И Джордж вам не нравится, и Тук не по вкусу, и со мной вы вежливы не без усилий!.. И все для вас уроды и вонючки!.. А вот мне не нравятся типы, которые называют людей вонючками!..

Я сделал глубокий вдох и принялся медленно считать до десяти. Но не досчитал.

— Мисс Фостер! — сказал я, — Вы, конечно, не могли забыть о кругленькой сумме, переведенной вами на мой счет на Земле. Так вот... Единственное, что я сейчас пытаюсь сделать, — это заработать вышеупомянутые денежки. И я заработаю их, что бы вы ни говорили и ни делали. Меня совершенно не заботит, нравлюсь я вам или не очень. Я не нуждаюсь в вашем восхищении моими поступками. Но!.. Пока я отвечаю за эту безумную экспедицию, в которую, кстати, вы все так рвались, ни одна собака не смеет мне перечить. Вот когда вернемся на Землю — пожалуйста.

Что после моих слов может предпринять Сара — меня не волновало. Я должен был сказать это, пока все не полетело к чертям. Хотя вроде бы уже собиралось... Эта планета делала человека дерганым, беспокойным. Она таила в себе некую порочность, холод, какой бывает в недобром взгляде. Разгадка ее тайны заранее ужасала. Ко всему прочему наш корабль был залеплен, и распрощаться в случае надобности с этим райским уголком не представлялось пока возможным...

Вообще-то я думал, что она тут же остановится и даст волю своей ярости. Попытается размозжить прикладом мою голову или просто пристрелить. Однако ничего подобного не произошло. Сара по-прежнему шла рядом, будто ничего и не случилось. Правда, чуть позже она тихо, но проникновенно сказала:

— Вы образцовый сукин сын...

Некоторые основания для такой аттестации у нее, конечно, имелись. Хотя грубость моя была все же спровоцирована, и это следовало учесть... Да ладно. Обзывали и почище...

Мы находились в пути уже более четверти суток, как показывали мои часы. Показывали, впрочем, впустую, так как продолжительность дня на этой планете была нам неизвестна.

Я старался все время быть начеку и понятия не имел, чего именно мне остерегаться. Город казался необитаемым, но это не означало, что какая-нибудь притаившаяся мерзость не может вдруг броситься на нас. Уж слишком все выглядело тихо и невинно.

Улицы были узкими — и та, по которой мы следовали, и ответвлявшиеся. Слепые белые стены кое-где разнообразились отверстиями, не похожими на окна. Небольшие двери, скромные донельзя, по нескольку в каждом здании, выходили прямо на дорогу. Иногда, правда, к ним — в этом случае массивным и расположенным на значительной высоте — вел скат. Редкая из дверей была закрыта. Казалось, отсюда ушли, даже не оглянувшись...

Внезапно дорога юркнула в сторону, и, свернув за угол, мы увидели узкий проход, который тянулся, никуда не отклоняясь, довольно далеко. Вдали же виднелось дерево — одно из огромных деревьев, возвышающихся над городом.

Я остановился. Последовала моему примеру и Сара. Позади зашаркали лошадки, и как только стук их качалок прекратился, я расслышал звуки тихого пения. Вообще-то оно

едва слышалось уже давно, приглушаемое шумом все тех же качалок и потому не привлекавшее особого внимания...

Итак, лошадки стояли, а пение продолжалось. Повернувшись, я увидел, что оно исходит от Смита. Он сидел в седле, безмятежно раскачиваясь взад-вперед, и по-младенчески ворковал.

— Ну, смелее! — сказала Сара, — Выскажитесь по этому поводу!

— Не собираюсь, — буркнул я, — Но если он не закроет хлеборезку — надену намордник.

— Это всего лишь радость, — сказал Тук. — Не стоит злиться, капитан. Мы, похоже, находимся невдалеке от того, кто разговаривал со Смитом все эти годы. Смит, естественно, вне себя от счастья.

Сгорбившийся в седле счастливец продолжал тянуть свою бесконечную песню, не обращая внимания ни на что.

— Тронулись, — сказал я, хотя собирался объявить привал. Что-то во мне воспротивилось этому, каким-то подозрительным и неподходящим для остановки показалось место. Или я просто хотел, чтобы лошадки своим стуком побыстрее заглушили идиотское пение?..

Сара, не сказав ни слова о моем жестоком обращении с людьми, послушно двинулась вперед.

Дерево все росло и становилось все более различимым. И вот уже можно было видеть, что оно стоит в некотором удалении от стен и что оно вдвое выше любого из равновысоких зданий этого города.

Солнце клонилось к западу, когда мы достигли конца прохода. И это был действительно конец. Город здесь кончался. Начиналась дикая местность с желто-красной почвой — не совсем пустыня, но что-то в этом роде. Холмистая земля с голубизной гор вдали и деревьями то тут, то там... Была и кой-какая другая растительность — низкорослая, теряющаяся в соседстве с великанами. Одно из деревьев стояло рядом с нами, милях в трех или около того...

Узкая улочка переходила в тропу — именно в тропу, а не в дорогу. Видно было, что тропа протоптана парой ног, ходивших здесь в течение многих лет, — или же многими ногами, ступавшими след в след.

Она петляла и извивалась, уводя в желто-красный край — туда, где примерно в миле от города стояло одинокое здание, совсем не такое высокое, как городские, но все же приличных размеров.

Здание это не было скучной прямоугольной массой. Оно отличалось основательностью и в то же время воздушностью. Кроме того, оно было сложено из красного материала — что после городской белизны радовало глаз.

Оно было при шпилях и башенках, а также с чем-то, напоминающим окна. От трех распахнутых дверей тянулся величественный скат.

— Капитан Росс, — сказала Сара. — Не сделать ли нам привал? День все-таки был длинным и тяжелым...

Может быть, она хотела, чтобы я стал с ней спорить, но я не стал. День оказался действительно длинным и тяжелым. Привал был необходим уже давно, но непреодолимое желание выбраться из города гнало меня все дальше и дальше.

Итак, мы прошагали без остановки больше восьми часов, а день и не думал кончаться... Долог же он здесь...

— Давайте там, у здания, — предложил я, — Заодно и осмотрим его, после того как устроимся.

Она кивнула, и мы поспешили к цели. Смит все еще напевал, но в движении меня это почти не беспокоило. Главное, чтобы он не продолжил потом, когда мы разобьем лагерь, — будет очень трудно удержаться от умиротворяющего рукоприкладства. Позволить же испускать губительные звуки и дальше будет еще трудней...

В городе мы были недосягаемы для солнца, а теперь его лучи — не горячие, а по-весеннему ласковые — радовали. Было приятно идти, чувствуя на себе их тепло. Воздух был свеж и напоен каким-то пряным ароматом, щекочущим ноздри.

Башни и шпили красного здания тянулись вверх. Казалось, что они хотят проткнуть это безоблачное небо... Теперь, когда мы выбрались наконец из города и могли видеть ничем не заслоненное солнце, — теперь казалось, что мы на правильном пути и он останется правильным, куда бы мы ни пошли.

Удивившись собственному безумию, я подумал о том, что на змеящейся перед нами тропе мы вполне могли бы наткнуться на кентавров, купивших мозг Роско, и если этот мозг еще существует — вернуть его и всунуть в пустую голову робота, с тем чтобы тот немедленно нам все объяснил... В свое время мне приходилось гоняться за недостижимым, но для успеха не хватало, вероятно, бабы-охотника, слепого мечтателя и подлого монаха с грязными ногтями. Не предельно, но достаточно грозная команда...

Мы были примерно на полдороге к зданию, когда за спиной послышались удивленно-испуганные крики, и, повернувшись, я увидел несущихся лошадок.

Не раздумывая, я бросился в сторону от тропы, увлекая за собой Сару. Едва мы откатились, мимо грозно прогремели качалки, двигавшиеся с такой скоростью, что казались размытым пятном. Смит еле держался в своем седле, а коричневая сутана Тука хлопала на ветру.

Лошадки стремительно приближались к скату, ведшему в здание, и визжали так, что мороз подирал по коже.

Едва я приподнялся, как что-то негромко разорвалось над головой и темно-красные шарики, просвистев, запрыгали по земле.

Было непонятно, что же происходит, но понятно, что надо уносить ноги. Больше всего хотелось последовать за лошадками, которые, получалось, обо всем знали заранее — оттого и побежали. Я рывком поднял Сару на ноги, и мы бросились к скату.

Справа снова хлопнуло, и еще больше темно-красных дробинок, подымая клубы пыли, заскакало перед нами.

— Дерево! — задыхаясь, крикнула Сара. — Это бросает дерево!

Я вскинул голову и увидел множество темных шаров, летящих вниз. Казалось, что они действительно летят с дерева!

— Осторожно! — крикнул я Саре и, толчком повалив ее на землю, упал и сам. Над нами беспорядочно хлопали темные шары, и казалось, весь воздух был наполнен отвратительно свистящими дробинками. Одна из них ударила меня по ребру, и ощущение было такое, будто меня хлестнули кнутом; другая — чиркнула по щеке.

— Быстрей! — крикнул я, поднимая Сару на ноги.

Она оттолкнула мою руку и, выказав необычайную резвость, добежала до ската первой.

Глухие хлопки вокруг не прекращались, и весь грунт плясал под бесчисленными дробинками. Однако мы ухитрились, ни разу не споткнувшись, взбежать наверх и скрыться наконец в дверях целыми и невредимыми.

Вся компания была там. Перед испуганно теснящимися лошадками бегал туда-сюда Хух, суетясь, как встревоженная овчарка. Тук сутулился в седле, а коротконогий бочонок Смит сидел невозможно прямо и пугающе сиял.

Снаружи все еще продолжались взрывы шаров, набитых дробинками, которые бились о грунт и прыгали, прыгали, прыгали.

Я посмотрел на Сару и нашел ее несколько изменившейся. Всегда безупречный костюм был помят и испачкан. Грязь была даже на щеке. Заметив, что она все еще сжимает свое ружье, я не мог не усмехнуться.

Что-то маленькое метнулось мимо ног, затем еще раз — и я увидел спешивших к двери крысоподобных существ. Каждое из них схватило по одной из прыгавших дробинок и немедленно вернулось назад, крепко сжимая добычу зубами.

Из глубины помещения донесся громкий шорох, сопровождаемый писком, и секунду спустя уже целая река этих

тварей вылилась в дверь. Лошадки, перепугавшись еще больше, отступили в сторону — и все мы последовали их примеру.

Твари между тем не обращали на нас ни малейшего внимания. Единственным, что их занимало, были пляшущие дробинки, за которыми они гонялись с таким вдохновением, словно ничего важнее на свете не существовало. Поглощенные этим занятием, они иногда натыкались друг на друга, но на драки не отвлекались. А темные шары все продолжали падать, разбрасывая свою начинку...

Хух приблизился ко мне и, подогнув ноги, опустился на живот. Затем он коснулся щупальцами пола и сказал:

— Ожидая наступления голодных времен, они делают запасы.

Я кивнул, сочтя это логичным. Темные шары были чем-то вроде стручков, наполненных семенами, и разбрасывание их являлось обычным способом размножения. Но не только! Стручки годятся и для использования в качестве оружия, в чем мы убедились! Дерево как будто знало о нас и, как только мы вошли в пределы его досягаемости, открыло огонь. Окажись мы чуть ближе к нему или на совершенно открытой местности — нам пришлось бы туго. Мое ребро все еще помнило полученный удар, а на щеке осталась царапина. Нет, это было просто невероятным везением — то, что поблизости оказалось здание!

Сара уселась на пол и положила ружье на колени.

— Как дела? — спросил я.

— Устала всего-навсего... Как я понимаю, у нас нет причин, по которым мы не могли бы здесь отдохнуть.

Оглядевшись вокруг, я увидел, что Тук уже слез со своей лошадки, а Смит все еще восседал в седле, задрав голову и слегка наклонив ее к плечу, словно прислушивался, — и по лицу его было разлито неимоверное счастье.

— Тук, — сказал я, — Не могли бы вы с Джорджем развьючить этих благородных скотин? А я пока поищу чего-нибудь горючего...

У нас, правда, имелся походный обогреватель — но стоило ли тратить драгоценное топливо, когда можно было раздобыть дров? К тому же костер — это такая штука, у которой можно посидеть и поговорить...

— Не могу стащить его, капитан! — чуть ли не плача, пожаловался Тук. — Он не слушается! Даже внимания не обращает!

— Что с ним?! Не ушибся ли он, случайно?

— Не думаю. По-моему, он наконец достиг своей цели. Добрался туда, куда стремился все это время.

— Вы имеете в виду голос?

— Да. Этот голос идет из здания, в котором мы сейчас находимся. Похоже, оно когда-то служило храмом...

Что-то церковное в наружном виде здания действительно было. Об интерьере же судить мы пока не могли. Только небольшая часть пространства у самой двери была освещена солнцем — остальное же тонуло в темноте...

— Так или иначе, — сказал я, — мы не можем на всю ночь оставить вашего приятеля в седле. Попробуем-ка стащить его вдвоем...

— А потом? — спросил Тук.

— Что потом?

— Ну снимем мы его сегодня — а завтра?

— Чертовски сложная проблема! А завтра, если он не избавится от своей новой привычки, мы опять посадим его в седло и как следует привяжем, чтоб не свалился!

— Вы хотите сказать, что повезете его дальше? Когда он находится там, куда страстно стремился большую часть своей жизни?

— А по-вашему, — заорал я, — мы должны из-за этого рыдающего идиота обосноваться здесь навсегда?!

— Должен напомнить вам, капитан, — с ядовитой отчетливостью сказал Тук, — что этот рыдающий идиот указал нам дорогу. Если б не он, то...

— Джентльмены! — поднявшись на ноги, перебила его Сара. — Умерьте свой пыл!.. Не знаю, капитан, понимаете ли вы это, но, возможно, мы уйдем отсюда не так-то скоро...

— Да? И что же нас задержит?

Она кивнула на дверь:

— Наш новый друг — дерево. Оно держит нас на мушке. Можете убедиться сами. Вся эта дрянь по-прежнему падает на скат. Без промахов причем. Попытка выйти наружу может стоить вам жизни. Даже маленькие юркие грызуны, собирающие семена, — и те несут потери...

Я увидел, что это действительно так. За дверью не утихала дикая пляска дробинок. Казалось, прыгает и дергается сама почва, на которой там и тут неподвижно лежали крошечные тельца.

— Дерево устанет, — сказал я. — Оно выдохнется. У него кончатся боеприпасы.

Сара покачала головой:

— Не думаю, капитан. Какова, по-вашему, высота этого дерева? Четыре мили? Пять? А крона его начинается уже в нескольких сотнях футов от земли. Представьте себе также и поперечник этой кроны, достигающий, возможно, мили. Сколько же стручков способен произвести такой исполин?..

Она была права в своих выкладках. При желании дерево могло держать нас взаперти как угодно долго...

— Доббин! Может, поведаешь, в чем тут дело? Почему этот чертов куст так разошелся?

— Я ничего вам не скажу, благородный сэр. Достаточно того, что я иду с вами и несу ваше имущество. На большее не рассчитывайте. Никакой информацией мы вам не поможем. Вы обращались с нами скверно и не должны ждать от нас ни малейшей сердечности...

Из темноты выкатился Хух, помахивая парой щупалец, увенчанных глазами. Последние возбужденно блестели.

— Майк, — прогудел он. — Странные мысли навеваются. О древних таинствах... О бесконечном времени и

неизведанном... Здесь присутствует нечто — и оно, это нечто, нуждается в каком-то существе...

— И ты туда же, — вздохнул я и снова посмотрел на Смита.

Тот сидел все так же, как изваяние, с замороженной гримасой счастья. Его уже не было с нами. Он находился в другом конце Вселенной...

— Место вообще-то спокойное, — продолжил Хух, — Но покой этот очень странного, пугающего свойства... Впрочем, это лишь мое ощущение. У меня, знаете ли, иные представления о местах, предназначенных для отдыха. Так или иначе, считаю своим долгом информировать вас на всякий случай...

— Ну что? — спросила Сара, — Снимаете вы Джорджа — или пускай себе сидит?

— Ему-то, конечно, все равно, — ответил я, — но лучше снимем.

Поднатужившись, мы с Туком стащили Джорджа с седла, отволокли к стене и прислонили рядом с дверью. Он был совершенно отключен — не сопротивлялся и не выказывал никакого интереса к происходящему.

Подойдя к одной из лошадок, я снял с нее сумку и, порывшись, извлек оттуда фонарик.

— Пошли, Хух. Поищем дров. Возможно, здесь завалялось что-нибудь из старой мебели...

И мы ступили в темноту, которая, как я скоро убедился, не была беспросветной, а только казалась такой оттуда, где все было залито солнцем. Какой-то ирреальный полумрак окружал нас — полумрак, похожий на дым или густой туман.

Разглядеть что-либо было почти невозможно. Неясные очертания предметов ничего не сообщали. Высоко над головой время от времени вспыхивал свет, проникавший сюда в щель или окно. Чуть в стороне от нас по-прежнему сновали заготовители семян. Я осветил их, и в ответ мне злобно сверкнуло множество маленьких красных глазок. Передернувшись, я направил луч вперед.

Что-то легонько стукнулось о мою руку. Я посмотрел вниз и увидел Хуха, с вытянутым ко мне щупальцем. Еще одно щупальце куда-то указывало.

Посмотрев в предложенную сторону, я обнаружил там нечто похожее на кучу хлама.

— Может быть, дрова? — предположил Хух, и мы решили проверить.

Куча оказалась куда более внушительной и отдаленной от нас, чем можно было подумать. Но мы все же добрались до нее и, осветив, стали рассматривать.

Там лежали просто замечательные дрова! Коротко поломанные доски — мебельные, о которых я и мечтал! Но было и кое-что еще. Были куски металла, ржавые и вполне сверкающие, — куски, которые когда-то, до того как их скомкали, скрутили и разломали, представляли собой инструменты. кто—то проделал большую разрушительную работу... Кроме досок и исковерканного металла в куче лежали странной формы деревянные кусочки, обвязанные волоконцами.

— Много ярости израсходовано на неодушевленные предметы, — оценил увиденное Хух, — Загадочно и вряд ли постижимо.

Протянув ему фонарик, который тут же обвился щупальцем, я присел и начал вытаскивать доски, наиболее пригодные для костра. Все они оказались сухими и увесистыми, и было их огромное множество. Случайно подобрав одну из обвязанных деревяшек, я хотел было отбросить ее, но потом передумал: нить могла пригодиться в качестве фитиля.

Охапка получилась нешуточная, и я, медленно поднявшись на ноги, накрыл ее, чтобы не развалилась, свободной рукой.

— Пойдешь с фонариком, Хух... У меня только две руки.

Ответа не последовало, и когда я посмотрел вниз, то обнаружил своего приятеля в полной неподвижности. Он замер в стойке, как охотничья собака, и два щупальца его

были направлены прямо вверх, в потолок — если таковой здесь имелся...

Задрав голову, я не увидел ничего, но почувствовал над собой пустоту, тянущуюся от моих ботинок до кончиков самых высоких шпилей. Эта пустота стремительно наполнялась шорохом, все более напоминающим хлопанье крыльев.

Шум неумолимо нарастал. Казалось, что где-то там, наверху, миллионы существ, невидимая их тьма, летят из ниоткуда в никуда и каждое новое мгновение над нами хлопают уже другие крылья...

Я напряг зрение, чтобы увидеть хоть что-то, но так и не увидел. Они летели слишком высоко, или были невидимками, или вообще не существовали... Но звук-то был! Обычный — не здесь и не сейчас, и необъяснимый сейчас и здесь — он ведь был!..

И вдруг все прекратилось. Мы стояли среди абсолютной, звенящей тишины.

— Здесь ничего не было, — прогудел Хух, опустив щупальца, — Было — где-то.

Как только он это сказал, я понял, что мы чувствовали одинаково. И что звук этих крыльев был неким пространственно-временным эхом. Но почему я так решил — было непонятно...

— Возвращаемся, — сказал я, — Всем нам уже давно пора подкрепиться. А также вздремнуть... А как же ты, Хух? Устроит ли тебя наше меню?

— Я в своем втором «я», — ответил он, и я вспомнил, что уже слышал об этом.

Его второе «я» было неприхотливо до крайности и еды не признавало.

Вернувшись, мы застали лошадок стоявшими плотным кругом, головами внутрь. Снятая с них поклажа лежала у стены, рядом с упорно счастливым Смитом, похожим на улыбавшуюся куклу. Там же лежал и безмозглый Роско. На них двоих было противно смотреть.

Солнце уже закатывалось, и за дверью было чуть светлее, чем внутри. Неутомимые грызуны все еще носились со своими драгоценными шариками.

— Стрельба утихла, — сказала Сара, — но возобновится, стоит вам высунуть нос.

— Вы, конечно, проверили.

— Да. Выглянула и быстро спряталась. Я ведь становлюсь ужасной трусихой, когда дело принимает такой оборот... Дерево способно видеть, капитан. Оно видит нас — я уверена в этом.

Я сбросил на пол принесенные дрова. Кастрюльки, кружки и кофейник, распакованные Туком, стояли наготове.

— Расположимся поближе к двери, — сказал я, — Чтоб не было так дымно.

Сара кивнула:

— Огонь и еда — что может быть лучше... Как я устала, капитан... А где Хух? Разве он...

— Он не ест и не пьет, потому как находится в своем втором «я». И давайте не будем развивать эту тему...

— О, отличные дрова! — воскликнул, присаживаясь на корточки, Тук, — Где вы это нашли?

— В куче хлама.

Я тоже присел и, вынув из кармана нож, расколол тонкую дощечку на щепки. Потянувшись за следующей доской, я снова ухватил ту, особого вида деревяшку и уже совсем собрался пустить ее в дело, когда Тук удержал мою руку:

— Секундочку, капитан!

Он взял эту ерунду и развернул ее так, чтобы она осветилась бледным светом, пробивавшимся в дверь. И только теперь я увидел, чем была эта деревяшка с привязанным к ней пучком не то соломы, не то сухой травы.

— Кукла! — удивленно воскликнула Сара.

— Нет, не кукла... — пробормотал Тук. Его руки дрожали, и он, стараясь унять дрожь, все крепче сжимал деревяшку, — Не кукла и не истукан... Вы посмотрите на лицо!

Даже в сумерках это лицо было удивительно различимым. Оно не походило на человеческое. На обезьянью мордочку — возможно, хотя и в этом я сомневался. Но, взглянув на него, я испытал настоящее потрясение. Человеческое или не человеческое — но каким это лицо было выразительным! Какая запечатлелась в нем безысходная тоска!.. Ничего себе безделушечка, подумал я... Нет, лицо вообще-то было сработано ничуть не изящней всей куклы, напоминающей кукурузную кочерыжку. Но каким-то непостижимым образом чьи-то руки, движимые бог знает кем, отразили в грубоватых чертах такое страдание, смотреть на которое без боли было просто невозможно...

Тук медленно поднял куклу и крепко прижал к груди. Он долго смотрел на нас, то на одного, то на другого, а потом закричал:

— Вы что, не видите?! До вас не доходит?!

Глава 6

Наступила ночь. Магический круг света, отбрасываемого костром, делал темень еще более густой и тяжелой.

За спиной у меня, поскрипывая, тихонько качались лошадки. Смит продолжал сидеть у стены. Мы уже пробовали его растормошить, но безрезультатно. Это был просто мешок, оболочка. Остальное витало неизвестно где... Выпотрошенный Роско посверкивал металлом. Тук со своей куклой, крепко прижатой к груди, неподвижно смотрел в темноту.

Чертовски удачное начало экспедиции, подумал я. Финиш на старте...

— Где Хух? — спросила Сара.

— Рыщет где-то. Он у нас беспокойный... А не вздремнуть ли вам, Сара?

— А вы будете сидеть, охраняя мой сон?

— Я не такой Ланцелот, каким выгляжу, и разбужу вас, чтобы тоже соснуть, — можете не сомневаться...

— Хорошо, чуть позже... Вы заметили, капитан, что эти стены из камня?

— Заметил — ну и что?

— Они не такие, как в городе. Камень — натуральный... Я в этом совершенно не разбираюсь, но он выглядит как гранит... А как вы думаете, из чего сделан город?

— Уж не из камня, — сказал я, — Это какой-то искусственный материал, химия. Его атомы сцеплены так, что никакая сила их не разорвет. Даже выстрелом из лазерного ружья не поцарапать этой дряни.

— Знаете ли вы химию, капитан?

Я покачал головой:

— Не настолько, чтобы это бросалось в глаза.

— Так вот. Те, кто построил это здание, не строили город. Они жили гораздо раньше.

— Кто знает... Мы же понятия не имеем, как давно стоит этот город. Мало-мальски заметная эрозия надкусит его через миллионы лет, если она вообще соберется...

С минуту мы сидели молча. Взяв щепку, я пошевелил ею горящие доски. Пламя вспыхнуло с новой силой.

— Ну а что утром, капитан?

— А что — утром?

— Что мы станем делать, когда наступит утро?

— Двинемся дальше, если дерево не будет возражать. Потом найдем кентавров, узнаем, имеется ли у них черепная коробка Роско, заполучив которую...

Сара кивнула в сторону Смита:

— Ну а с ним-то как?

— Может быть, он еще очнется к тому времени. Нет — так забросим его на лошадку. А Тука, если он тоже не собирается выходить из своего транса, я уж как-нибудь расшевелю.

— Но ведь Джордж уже нашел то, что искал!

— Давайте-ка вспомним, кто купил наш корабль и оплатил все счета! Кто потащил сюда Смита! И теперь вы хотите опустить лапки? Остановиться на полпути только из-за того, что какой-то придурок решил сойти на этой остановке?

— Не знаю… — сказала Сара, — Если он…

— Ладно! Давайте оставим его здесь, если он приехал!

— Нет, капитан! — испуганно воскликнула она. — Вы никогда не сделаете этого!

— Почему же?!

— Потому что это было бы бесчеловечно… Вы не повернетесь к нему спиной!

— Но он-то уже повернулся? Получил все, что хотел, — и повернулся…

— Вы уверены, что он получил?

С этими женщинами не соскучишься. Логики — никакой. Только что она мне втолковывала, будто Смит уже завершил свою программу, но стоило мне согласиться — у нее уже другое мнение.

— Я ни в чем не уверен.

— А собираетесь идти дальше и принимать решение за решением…

— Безусловно, — твердо сказал я, — Иначе мы будем сидеть здесь вечно. Ситуация требует действий. Скорее всего, нам предстоит еще долгий путь.

Я поднялся и подошел к двери. Не было видно ни луны, ни звезд. Белизна городских стен едва пробивала темноту. Разглядеть что-то еще было невозможно.

Дерево прекратило свою бомбардировку. Выполнив долг, убрались грызуны. Возможно, это был подходящий момент, чтобы улизнуть отсюда, — а возможно, и нет. Вряд ли темнота что-то значила для дерева, и вряд ли оно видело нас. Чувствовало, скорее… Обстрел закончился, как только дерево поняло, что мы боимся выйти, — и он возобновится, едва мы осмелеем. Могло оно и догадаться о нашей нелюбви к путешествиям в темноте. Идти вслепую действительно не стоило. Кроме того, мы были совершенно вымотаны и нуждались в отдыхе…

— Почему вы отправились с нами, капитан? — спросила Сара, по-прежнему сидя у костра, — Ведь веры в успех у вас не было с самого начала!

Я подошел к ней и уселся рядом.

— Вы забыли о всученных мне деньгах. Причина — в них.

— Только-то? Что-то не верится... Скорее, вы боялись, что никогда больше не вернетесь в космос. И будете пожизненно прикованы к Земле. Эта мысль терзала вас с первой минуты пребывания там.

— По-моему, вы хотите выведать совершенно другое, — сказал я. — А именно — что заставило меня искать убежища на Земле. Вы жаждете узнать, с каким таким преступником вам приходится странствовать. Как же так вышло, что вы не разнюхали все пикантные подробности? Ведь остальное — даже время моего приземления — было вам известно! Ну и шпики пошли. Дармоеды, самые настоящие.

— Я слышала многое, — невозмутимо ответила она. — И не могла определить, где выдумка, а где правда. Но одна из историй, самая нашумевшая, кажется мне подлинной... Скажите, Росс, это был обман? Лучшее надувательство всех времен и народов?

— Не знаю. Рекорды меня не занимают.

— Тем не менее вы вовлекли в это дело целую планету. Хотя — что же еще вовлекать охотнику вашего профиля... Была ли она действительно так хороша, как рассказывают, капитан?

— Мисс Фостер, — сказал я и вздохнул. — Она была восхитительна. Она была прекрасна, как Земля, еще не изведавшая ледниковый период.

— Тогда отчего же все расстроилось? Слухи, должна вам сказать, были самые противоречивые. Кто-то говорил, что там обнаружен вирус, кто-то нажимал на неустойчивый климат, а некоторые уверяли, будто планеты не существует вообще.

Я усмехнулся. Не знаю почему — но я усмехнулся. Хотя веселья не ощущал.

— Там был один изъян, — сказал я. — Небольшой... Планету населяли разумные существа.

— Но вы должны были заметить это!

— Не обязательно. Их было совсем немного, и обнаружение почти исключалось... Скажите, Сара, на что нужно обращать внимание, если вы ищете разум?

— Ну, не знаю...

— Я тоже, представьте!

— Но ведь вы...

— Я охотился за планетами, но не исследовал их! Охотник не в состоянии провести исследование планеты! У него нет соответствующего снаряжения! Он может составить лишь некоторое представление об объекте! Более того: результаты исследований, проведенных человеком на им же открытой планете, никто не примет всерьез! Он пристрастен! Планета должна быть зарегистрирована в законном порядке и...

— Вы, конечно, выполнили это требование. Иначе не смогли бы ее продать...

— Конечно, — кивнул я, — Солидная инспекционная фирма выдала мне сертификат. Все было сделано как полагается... Но! Я совершил одну ошибку. Я дал им сверху — переплатил, чтобы они как можно быстрее погрузили оборудование, отрядили людей и провернули все дело. Мне не хотелось, чтобы кто-то, открыв планету еще более привлекательную, повредил моему бизнесу.

— Это было маловероятным, не так ли?

— Да, вообще-то. Но вы должны понять, что можно рыскать по космосу десять жизней — и не встретить даже бледного подобия той планеты, на которую я наткнулся! Когда такое случается, ты становишься сам не свой! Ты просыпаешься по ночам — весь в поту! Ты знаешь, что это твой первый и последний шанс добиться успеха! Мысль о том, что все может рухнуть, непереносима для тебя!

— То есть вы спешили.

— Чертовски правильно подмечено! Я действительно спешил. Спешили также инспектора, отрабатывающие мою премию. Я не говорю, что они были небрежны, но и не исключаю этого. Однако будем справедливы... Разумные

существа занимали там небольшой участок джунглей, и разумность их отличалась скромностью. Если б кто-то миллион лет назад обследовал Землю, он бы тоже не обнаружил там людей... Существа моей планеты обладали интеллектом питекантропа и, как и положено питекантропу, держались в стороне от чужого глаза, а также не возводили небоскребов.

— Значит, все это только ошибка?

— Да, — ответил я. — Большая ошибка, всего лишь...

— А разве не так? — продолжала допытываться она.

— Так-то так, но попробуйте объяснить это миллиону поселенцев, понатыкавших там свои фермы и уже оценивших этот уголок по достоинству. Попробуйте объяснить фирме, торгующей недвижимостью, — после того, как этот миллион потребовал от нее возмещения всех убытков!.. А тут еще вспомнили о премии...

— Вы хотите сказать, что вас обвинили в даче взятки?

— Именно, мисс Фостер.

— Но этого не было? Я хотела сказать — это не было взяткой?

— Не знаю, — сказал я, — Для меня — нет. Предложив эти деньги, я рассматривал их не как взятку, а как доплату за срочность. Хотя — как мне теперь кажется — эти люди могли закрыть кое на что глаза, раз уж я такой славный парень...

— Так или иначе, вы перевели вырученные деньги на номерной счет одного из банков Земли. Что-то тут не вполне безупречно...

— За это пока не вешают, насколько мне известно. И в космосе такая операция — обычнейшее дело. Земля — единственная планета, где разрешены номерные счета, и банковская система ее достаточно совершенна. Чек, во всяком случае, там принимают к оплате повсеместно — не то что на других планетах...

Она улыбнулась:

— Возможно... Мне очень многое в вас нравится, капитан, но многое я и ненавижу... Что же вы решили насчет Джорджа — брать или не брать?

— Если он намерен продолжать в том же духе — мы похороним его. Без еды и питья он долго не протянет. Я, между прочим, не специалист по принудительному кормлению — а вы?

Она раздраженно мотнула головой и сменила тему разговора:

— Ну а с кораблем как?

— А как с кораблем? — поинтересовался я.

— Может быть, вместо того чтобы уходить из города, мы должны были вернуться на посадочное поле?

— Чтобы что? Постучать немного по корпусу? Разбить скорлупку кувалдой, которая у нас отсутствует?

— Но ведь рано или поздно корабль нам понадобится!

— Да, — сказал я, — Или нет. Узнаем позже, если узнаем... В любом случае не стоит надеяться, что грубый натиск опасен для этой глазури. Было бы так — кто-нибудь давно расковырял бы ее.

— Кто-то, возможно, и расковырял. А потом улетел. Просто мы не знаем этого.

— Не исключено. Но околачиваться в городе мы все равно не должны. Забавные рассказы о вибрации могут оказаться правдой.

— Значит, уходим, даже не попытавшись проникнуть в корабль?

— Мисс Фостер! Мы наконец-то напали на след вашего Лоуренса Найта! Ведь вы этого хотели, если не ошибаюсь?

— Да, разумеется. Но корабль...

— Выбирайте, черт возьми!

— Ищем Найта, — после некоторой паузы твердо сказала она.

Глава 7

Сара растолкала меня перед самым рассветом.

— Джордж исчез! Он был здесь еще минуту назад! И вот — нет!..

Я поднялся на ноги, стряхивая с себя остатки сна и все глубже проникая в причину такой напористой подачи информации.

Было темновато. Костер еле теплился и освещал чуть больше, чем самого себя. Джордж испарился. Место, куда его прислонили вечером, пустовало. Роско хранил нелепую позу. Сваленные в кучу припасы остались.

— Может быть, он проснулся и ему понадобилось выйти? — предположил я.

— Нет! — снова закричала она. — Не забывайте, что этот человек слеп! Он бы позвал Тука, чтобы тот вывел его! Но он никого не звал! И вообще не шевелился! Я бы обязательно услышала это, сидя здесь, у костра! Я оборачивалась и видела его всего за минуту до исчезновения!

— Ага... — сказал я, выслушав эти вопли, — А теперь успокойтесь — хорошо?.. Где, скажите-ка мне, Тук?

— Да вот он. Спит. — Она кивнула в сторону.

За Туком темнели силуэты лошадок. Бодрствующих, вероятно. Вероятно!.. Лошадки не спали наверняка! Зачем им спать! Они стояли и наблюдали!.. Не было видно Хуха.

Сара, конечно, права. Если бы Смит очухался от своей комы и захотел бы попить воды или облегчиться — он обязательно поднял бы крик, зовя преданного, безотказного Тука. И она услышала бы малейший шорох, произведенный им, — потому что тишина тут гулкая. Чирканье спички о коробок, шуршание одежды слышны с пугающей отчетливостью...

— Ну ладно, — сказал я, — Он исчез. И вы ничего не слышали. Что ж, будем искать! Только, пожалуйста, без паники. Для нее пока нет оснований...

Я зяб и вдобавок чувствовал себя абсолютно сбитым с толку. Мне было совершенно наплевать на Смита. Я почти радовался, что он пропал, и почти желал — чтобы окончательно. Это было бы для нас чудесным избавлением... Согреться никак не удавалось. Ледяной холод, казалось, шел у меня изнутри, и я мерз от собственного дыхания...

— Мне страшно, Майк, — прошептала Сара.

Я подошел к спавшему Туку и, наклонившись, увидел, что он лежит как-то не по-людски — приняв позу эмбриона и сжимая обеими руками куклу, пристроенную между коленями и подбородком. Он спал с этой ерундой, как спит с плюшевым мишкой младенец в своей кроватке!

Протянув руку, чтобы разбудить его, я замер в нерешительности. Как-то неловко было возвращать это свернувшееся калачиком существо в холодную и бессмысленную пустоту чужой планеты.

— В чем дело, капитан? — спросила Сара.

— Все в порядке, — ответил я и стал трясти костлявое плечо Тука.

Он проснулся, вяло потер глаза и еще крепче прижал к себе нелепую свою куклу.

— Исчез Смит, — сказал я, — Мы отправляемся искать его.

Тук сел и потер глаза еще раз. Казалось, он не проникся сказанным.

— Смит исчез! — повторил я энергичней, — Ушел! Понимаете?

Он медленно покачал головой:

— Сомневаюсь, чтобы он мог уйти. Его забрали.

— Забрали?! — закричал я. — Кто, черт побери? Кому он мог понадобиться?

Тук посмотрел на меня так снисходительно, что я едва не придушил его.

— Не понимаете... — сказал он, — Не понимали раньше — не поймете и позже... Это окружает вас, а вы не чувствуете. Потому что слишком грубы, материальны. Для вас существует лишь сила и сопутствующие ей доблести. Даже здесь вы...

Я ухватил его за край сутаны и поволок. В попытке высвободиться он поднял руки, и кукла упала. Пинком я послал ее в темноту.

— Ну?! Что же такое меня окружает — недоступное пониманию, а?!

От энергичных встряхиваний руки и голова его болтались как тряпичные, а зубы стучали.

— Оставьте человека в покое! — закричала Сара, вцепившись мне в руку.

И я оставил. Тук, пошатываясь, стоял перед нами.

— Что он вам сделал? — холодно спросила Сара, — Что он такое сказал?

— Вы слышали. Вы не могли не слышать. Он уверяет, что Смита забрали. А я не прочь узнать, кто и как это сделал! А также — куда и с какой целью его забрали!

— Я тоже не прочь узнать это, — сказала Сара.

Черт побери! Она, кажется, приняла мою сторону! И, между прочим, чуть раньше назвала меня «Майк», а не «капитан»...

Тук, скуля, побрел от нас подальше. Вдруг он рванулся и юркнул в темноту.

— Но-но! — крикнул я, бросаясь вслед, и тут же увидел его согнувшимся над своей драгоценной игрушкой. Мне оставалось лишь плюнуть с чувством — и вернуться к костру.

Поворошив угольки, я положил сверху пару досок. Языки пламени принялись их лизать.

Вскоре к костру подошли Сара с Туком и уставились на меня. Воззрился на них и я... Наконец Сара заговорила:

— Так мы будем искать Джорджа или нет?

— А где его искать? — спросил я.

— Там... — И она неуверенно махнула рукой в темную сторону помещения.

— Вы же не слышали, чтобы он уходил. Вы видели его сидящим — а потом это место опустело внезапно. Он исчез без малейшего шороха, хотя не мог просто так взять и уйти на цыпочках. Потому что слеп и даже не знал, где он находился... Проснувшись, он немедленно подозвал бы Тука... Ваше мнение, сэр! Вы, кажется, не договорили?

Тук в ответ лишь поджал губы.

— Вы должны мне верить, — сказала Сара, — Я не спала, даже не дремала. И все время была настороже. Все произошло именно так, как я рассказала.

— У меня нет оснований не доверять вам, Сара. Но вот Тук — по-моему, он что-то знает. Давайте-ка выслушаем его, прежде чем отправиться на поиски.

Я умолк. Молчала и Сара. Мы ждали. И вот Тук заговорил...

— Вы ведь знаете об этом голосе, — сказал он, — О голосе человека, которого Джордж называл своим другом. Этот друг был здесь. Прямо здесь. На этом самом месте.

— И вы полагаете, что друг прихватил Джорджа с собой?

Тук кивнул:

— Не знаю, каким образом это произошло, но почти уверен, что произошло именно так. И я рад за Джорджа. Наконец-то в его жизни произошло что-то хорошее — после всех этих лет... Он вам не нравился, я знаю. Он не нравился не только вам. Многие люди приходили в раздражение при одном его виде. Но у Джорджа была прекрасная душа. И врожденная деликатность.

Ах, еще и это, подумал я. Сохрани, Боже, от всех деликатных хлюпиков!..

— Ну что, капитан? — спросила Сара. — Как вам версия?

— Не знаю... Что-то в любом случае произошло. Это ли — я не уверен. Но Джордж не ушел. Он не мог сделать это самостоятельно.

— А кто, по-вашему, этот его друг?

— Он не «кто», а «что»...

И, сидя на корточках у костра, я вспомнил о хлопающих крыльях — там, в непроглядной выси пустынного здания...

— Что это? — тревожно спросил Тук, — Вы слышите?

Из темноты донеслось слабое тиканье. Затем оно стало усиливаться, словно приближаясь к нам. Мы напряженно вглядывались в ту сторону. Сара стояла с ружьем наперевес, а Тук — отчаянно прижимая к себе куклу, как спасительный амулет.

Источник тиканья я разглядел первым. И тут же закричал:

— Не стрелять! Это Хух!..

Он приближался к нам, и его многочисленные маленькие ножки, поблескивая в свете костра, дробно стучали по полу. Заметив наше напряженное внимание, он было замер, но тут же подбежал поближе и прогудел:

— Я знаю. Он ушел. Поэтому я поспешил обратно.

— Чего-чего?! — заорал я.

— Ваш друг ушел. Он сделался недосягаемым дня моего сознания.

— То есть тебе известно, в какой именно момент это произошло? Ты почувствовал?

— Все вы, — сказал Хух, — находитесь у меня в сознании. Даже когда я не вижу вас. Он выпал из сознания, и я, решив, что случилось большое несчастье, спешно вернулся.

— Как давно вы это почувствовали? — спросила Сара.

— Совсем недавно.

— Вы можете сказать, куда он ушел? И как?

Хух устало махнул щупальцем:

— Нет. Знаю только, что ушел. И что искать его не имеет смысла.

— Искать — здесь? В этом здании?

— Ни в здании, ни вблизи его, ни на самой этой планете, возможно, — сказал Хух, — Он исчез совсем.

Сара посмотрела на меня. Я пожал плечами.

— Почему так трудно, — воскликнул Тук, — поверить в то, что вы не можете потрогать или увидеть? Почему все загадки должны иметь ответ? Вы способны оперировать лишь понятными вам физическими категориями! Большего ваши скудные умишки объять не в состоянии!.. –

Вообще-то мне следовало поколотить его, но отвлекаться на это ничтожество в такой момент было бы непозволительной роскошью...

— Мы все-таки попробуем, — сказал я Саре, — Я не думаю, что мы обязательно найдем его, но...

— Да, нельзя не попытаться.

— Вы не верите тому, что я говорю? — удивился Хух.

— Не то чтобы не верим... — сказал я, — Ты, несомненно, говоришь правду, но у нашей расы существует такое понятие, как верность. Это трудно объяснить. Даже когда надежда потеряна, мы все равно надеемся. Нелогично, конечно...

— Нелогично, — согласился Хух, — Вне сомнений... Однако любопытное чувство. Восхитительное даже. Я отправляюсь на поиски вместе с вами.

— В этом нет нужды, Хух!

— Вы не хотите, чтобы я разделил вашу верность?

— Ну ладно. Так и быть. Пошли.

— Я тоже с вами, — встрепенулась Сара.

— А вот вы как раз-то и не с нами, — сказал я. — Остаетесь часовым.

— Но здесь же Тук! — воскликнула она.

— Неужели вы не понимаете, мисс Фостер, — обиженно заметил Тук, — что мне никогда не доверят ничего подобного! В то время как сами занимаются глупостями. Потому что существо это сказало чистую правду. Искать Джорджа — бесполезно.

Глава 8

Едва мы ступили в темноту, Хух сказал:

— Я вернулся с некоторой информацией, сообщить которую еще не успел. Вероятно, она пустяк в сравнении с печальным фактом исчезновения вашего товарища. Но может быть, заинтересует вас.

— Выкладывай, — сказал я.

— Информация касается семян... С этим слаборазвитым интеллектом связана какая-то тайна...

— Бога ради, без вступлений!

— Я несовершенен в ведении простой беседы, Майк. Вам следует это учитывать... И пожалуйста, поверните меня чуть—чуть...

Он действительно отклонялся куда-то в сторону, и легкая корректировка курса ему не мешала...

Мы подошли к массивной металлической решетке, лежавшей прямо на полу.

— Семена там, внизу, — сказал Хух, щупальцем указывая на решетку.

— Ну и что?

— Посмотрите, посмотрите... Осветите яму и посмотрите.

Я опустился на колени и, прижавшись лицом к металлическим прутьям, стал всматриваться.

Яма оказалась основательной. Луч света не достигал стен. Внизу лежали семена — огромная куча, намного больше, чем все это крысоподобие собрало накануне.

Я терпеливо искал что-нибудь этакое, удивившее Хуха, — но не находил.

Поднявшись на ноги и выключив фонарик, я так и сказал:

— Не вижу ничего особенного. Запас продовольствия — больше ничего. Крысы приносят сюда семена и сбрасывают их через решетку.

— Запас, но не продовольствия, — возразил Хух, — Не используемый в качестве продовольствия. Вот я смотрю... Я просовываю свой зрительный орган между прутьями... Я верчу им, исследуя этот колодец... И вижу, что пространство ограничено со всех сторон. Семена, упавшие туда, невозможно вытащить.

— Но там же темно.

— Для вас, но не для меня. Я могу приспосабливать свое зрение к темноте. Могу видеть сквозь семена — там глухое каменное дно. Я больше чем просто вижу! И я знаю, что там нет никаких отверстий и подходов! Наши маленькие сборщики урожая просто не смогут воспользоваться продуктами своего труда!.. Тут что-то другое...

Я еще раз прижался к решетке. Внизу лежала многотонная гора семян.

— Кроме этого склада здесь имеется кое-что еще, — протрубил Хух.

— Еще? — не без досады переспросил я. — Ты откопал что—то еще?

— Имеются кучи старых вещей, — невозмутимо продолжил Хух. — Вроде той, в которой вы нашли топливо... Видны также следы от мебели, на полу и стенах. Есть и место для поклонений...

— Алтарь, что ли?

— Об алтаре мне ничего не известно. Это место для поклонений. Святыня... А еще есть дверь. Она выходит...

— Куда выходит?

— Наружу.

— Что ж ты сразу не сказал! — заорал я.

— Из уважения к вашей озабоченности о пропаже известного лица.

— Ну-ка, веди меня туда!

— Но ведь прежде мы должны тщательно поискать вашего товарища! Мы прочешем — хотя и без малейшей надежды...

— Хух!

— Да, Майк?

— Ты сказал, что его тут нет! Это точно?

— Я уверен в этом. Но мы должны поискать его...

— Мы не будем искать, — сказал я. — Твоего слова для меня вполне достаточно...

Видел же он дно заполненного бункера, в конце концов! Носил же он нас в своем мозгу, и как только кто-то пропал — почувствовал это!.. И уж если он сказал: Смита здесь нет — значит, нет. Приходится согласиться...

— Мне бы не хотелось, чтобы вы...

— А мне хотелось бы побыстрей увидеть эту дверь, Хух!

И он засеменил вперед. Поправив ружье на плече, я поспешил за ним. Мы шли сквозь темень, гулко отвечавшую

на самый незначительный звук. Я оглянулся и увидел полоску света, лежавшую перед открытой дверью. Ее пересекла тень...

Вскоре свет позади сузился в желтую соломинку и на нас всей своей тяжестью навалилась пустота, упавшая из-под самой крыши.

Хух остановился. Я не видел стены, но она была впереди, всего в нескольких шагах. Темнота разорвалась. Хух, навалившись, открывал дверь. Все шире и шире.

Она не была широкой, эта дверь. Фута два. И высокой не была тоже. Пришлось даже нагнуться, чтобы пройти в нее...

Передо мной был снова красно-желтый ландшафт. Слева и справа тянулась ограда, сложенная из того же красного камня, что и все здание. Я видел далекие деревья и не видел того, которое нас обстреляло. Его заслоняло здание...

— Сможем ли мы вновь открыть эту дверь — снаружи? — спросил я.

Хух, придерживая дверь, внимательно осмотрел ее поверхность:

— Исключено, Майк. Не позволяет конструкция.

Отыскав поблизости небольшой булыжник, я выковырял его из грунта и подкатил под дверь — так, чтобы она не могла закрыться.

— Пошли. Разведаем местность. Держись позади меня...

Я направился влево, вдоль стены, и, дойдя до угла, осторожно выглянул. Дерево стояло на месте.

Оно увидело меня или каким-то образом почувствовало мое присутствие — немедленно! И открыло стрельбу.

Черные точки отделялись от него и со свистом неслись в мою сторону, быстро увеличиваясь в размерах.

— Ложись! — крикнул я, — Быстро! — И, отпрянув, рухнул на Хуха, уже припавшего к земле, — рухнул ничком, закрывая руками лицо.

Где-то в ногах уже хлопали долетевшие шары. Некоторые из них ударялись о стену, и освободившаяся начинка

тут же начинала свой пронзительно свистящий танец. Меня ужалило в плечо, а потом чувствительно ткнуло в бок.

После первой очереди я попробовал встать, но тут же упал: обстрел продолжался. Одно из семян царапнуло шею, и теперь она немилосердно горела.

— Хух! — заорал я, — Ты умеешь быстро бегать?

— Когда в меня швыряют такие предметы, я передвигаюсь стремительно.

— Тогда слушай!

— Внемлю, Майк!

— Оно стреляет очередями! В паузу, когда я крикну, постарайся добраться до двери! Держись как можно ближе к стене! Слейся с землей! Ты повернут в нужную сторону?

— Нет, в ненужную! Сейчас развернусь! — И он энергично закрутился подо мной.

Последовала новая очередь. Дробинки усыпали все вокруг. Одна из них угодила мне в ногу.

— Скажешь мисс Фостер, — продолжал я, — чтоб грузила все вещи на лошадок и немедленно снималась! Пора уносить ноги!

Тут разразился настоящий град. Семена колотили по стене и выбивали в земле воронки. Тугая струя песка едва не попала мне в голову.

— Пошел! — крикнул я Хуху, а сам, переключив лазер на максимальный режим и пригнувшись, бросился к углу здания.

Шквал визжащих дробинок обрушился на меня. Особенно чувствительными оказались удары в челюсть и в голень. Я пошатнулся и едва не упал. Хотелось оглянуться и посмотреть, как там дела у Хуха, но было не до того.

Между мною и деревом — я снова видел его — было мили три. Приклад ружья, нацеленного на черных мошек, слетевших и слетающих с дерева, вжался в плечо. Я спустил курок и стволом рассек воздух по короткой диагонали. Луч сверкнул и исчез.

Казалось, миллионы острых кулачков бьют меня, уже прильнувшего к земле, по голове и по плечам. Это шары, ударившиеся об угол, исправно высыпали свое содержимое...

Я с трудом поднялся на колени и посмотрел в сторону дерева. Раз-другой широко качнувшись, оно стало медленно падать. Протерев глаза от пыли, чтобы тут же их вытаращить, я злорадно наблюдал.

Поначалу дерево валилось очень неохотно, отчаянно пыталось устоять. Но вот верхушка сорвалась со своего поднебесья и торопливой дугой заскользила вниз.

Я встал, потер шею и с удивлением уставился на окровавленную ладонь.

Дерево грохнулось с такой силой, что земля подо мной затряслась. Вверх ударил гигантский фонтан пыли и мелких обломков.

Развернувшись, чтобы идти назад к двери, я споткнулся и вдруг почувствовал, как наполняется туманом и распухает моя голова. Я видел Хуха, стоявшего у двери, чуть в стороне, и крыс, поток которых заполнил весь проем — в высоту тоже. Гонимые своей безумной страстью к собиранию семян, они били оттуда мощной — как из пожарного рукава — струей...

Я упал — вернее, поплыл по реке пространства и времени. Я чувствовал, что падаю, но падение было удивительно медленным, и твердь, на которую мне полагалось упасть, падала тоже. Она уходила все дальше вниз, и я не успевал за нею... А потом она пропала вовсе, потому что — пока я падал — наступила ночь. Теперь я летел сквозь ужасающую, бездонную черноту... Спустя вечность темнота рассеялась, и я открыл глаза.

Надо мной было синее небо, с солнцем на краю. Рядом стоял Хух. Крысиное племя исчезло, а облако пыли все еще висело над поверженным деревом. Уходила ввысь каменная ограда, и звенела тишина.

Сев, я обнаружил, что на это нехитрое движение ушли почти все мои силы. Ружье валялось рядом, и я, протянув

руку, подобрал его. Беглого взгляда было вполне достаточно, чтобы увидеть всю безнадежность повреждений. Защитный экран был донельзя скомкан, а трубка сбита набок. Я пристроил безделушку на коленях — неизвестно зачем. Стрелять из этого ружья не рискнул бы сейчас ни один нормальный человек, а ремонт исключался...

— Я выпил все ваши жидкости! — радостно прогудел Хух, — Но потом вернул! Надеюсь, вы не сердитесь на меня?

— Еще раз, и помедленнее, — раздраженно сказал я.

— В этом нет необходимости! Все уже в порядке!

— А что в порядке?

— Я выпил ваши жидкости, но...

— Минуточку, черт побери! Какие такие жидкости?

— Соприкосновение с этими семенами наполнило вас смертоносным веществом, — объяснил он, — Смертоносным для вас, но не для меня.

— И ты выпил мои жидкости?

— Это единственное, чем можно было помочь... Процедура апробирована.

— Да хранит тебя Господь, аптечка ходячая! — растроганно воскликнул я.

— Не улавливаю смысла ваших слов... — огорчился Хух, — Я опорожнил вас, извлек примесь и вернул жидкости на место. Больше ничего... Ваш внутренний биологический насос едва не остановился. Я был очень обеспокоен. Я думал, что опоздал. Но оказалось — нет!..

Мое раздумье было глубоким, очень глубоким — но... Я не мог этого постичь! Это оставалось невозможным!.. И все-таки, как ни крути — я был хоть и слаб, но жив!.. В памяти всплывали моя распухшая голова и медленное, бесконечное падение... Что-то произошло... Эти ядрышки попадали в меня бессчетно, но их удары были не слишком серьезны... Один, впрочем, повредил кожу на шее — кровь на руке была именно от этого...

— Хух! — сказал я. — Считай меня своим должником!

— Ничего подобного! — фанфарно протрубил он, — Это я отдал вам свой долг! Ведь вы первым спасли мне жизнь, не так ли? Теперь же мы в расчете. Я очень боялся, что совершаю какой-то грех. Это могло оскорбить ваши чувства — такое бесцеремонное обращение с телом... Однако теперь я вижу, что происшедшее вас не ужаснуло!

Я поднялся не без усилий. Ружье, соскользнувшее с колен, было откинуто в сторону. Это футбольное движение едва не завершилось падением. Ноги держали меня не лучшим образом.

Хух наблюдал за мной, бодро вертя глазными щупальцами.

— Вы несли меня, Майк, но я не могу сделать того же. Лягте и вцепитесь в меня. У меня очень сильные ноги — я смогу вас тащить.

— Да ладно! — отмахнулся я. — Иди лучше вперед. Я уж как—нибудь своим ходом...

Глава 9

Тук корчил из себя мужчину. С помощью Сары он подсадил меня на Доббина, а затем настоял на том, чтобы вторую из ненавьюченных лошадок оседлала она. Сам же двинулся пешком.

Спустившись по скату, мы вскоре вышли на тропу. Тук, прижимая к груди куклу, энергично шагал впереди, а замыкалась процессия Хухом...

— Надеюсь, — сказал мне Доббин, — что вы не уцелеете. И я еще спляшу на ваших косточках.

— Взаимно, — буркнул я мрачно, думая больше о том, чтобы удержаться в седле. Слабость давала себя знать...

Тропа вела на небольшой холм, поднявшись на который мы увидели дерево — то самое, наше. Оно лежало в нескольких милях от нас и было намного крупнее, чем можно было предположить. Могучий ствол, расколотый с низу до середины, перекрывал тропу. Из огромных его трещин

выползали мерзкого вида твари, серые, отвратительно гадкие, покрытые слизью. Их выползло уже огромное множество, но множество это не переставало увеличиваться. Часть их, торопливо извиваясь, сползла на тропу и раздражала теперь мой слух пронзительными тонкими воплями.

Доббин, нервно дернувшись, испустил нечто вроде испуганного ржания.

— Вы еще пожалеете об этом! — крикнул он. — Никто не поднимал руку на дерево! Никогда его обитатели не спускались вниз!

— Ты, вонючка! — ответил я сердито. — Чтоб в меня стреляли и я не ответил!

— Придется идти в обход, — сказала Сара.

— Лучше вот там. — Тук указал на пень, косо срезанный лучом моего лазера.

— Вперед, — скомандовала Сара, кивнув ему.

Тук сошел с тропы, и лошадки последовали за ним. Почва была неровная, усеянная мелкими колючками и валунами с человеческую голову. Из красной, вперемешку с песком глины торчали острые осколки — как результат работы неких маленьких деятельных существ, целую вечность дробивших здесь камни.

Едва мы пустились в обход, масса серых слизняков, конвульсивно дергаясь, поползла нам наперерез. Они текли единым потоком, на бурлящей поверхности которого время от времени появлялись воронки водоворотов.

Тук, увидев это, прибавил шагу, а потом вовсе побежал, то и дело спотыкаясь и падая на камни и колючки. Выронив в конце концов свою куклу, он остановился, поднял ее и вымазал сочившейся из исколотых пальцев кровью.

Лошадки теперь тоже бежали быстрей, останавливаясь или умеряя свой бег, как только Тук растягивался в очередной раз.

— С этой ланью, — сказала Сара, — нам не успеть. Ну-ка, я спущусь...

— Только не вы! — возразил я и спрыгнул как мешок, хорошо еще, что на ноги, после чего, избежав падения носом в колючки, протрусил вперед и ухватил Тука за плечо.

— Садитесь на Доббина, — сказал я задыхаясь. — Дальше поведу я.

Когда он повернулся, в глазах его были слезы, а лицо сморщилось в гримасе ненависти.

— Вы никогда не даете мне шанса! Вы не даете его никому! Вы хотите заграбастать все!

— Садись на лошадку, сказано тебе, — ласково отвечал я. — Иначе побью, — И, не дожидаясь реакции, двинулся вперед, внимательно глядя под ноги и не срываясь на бег в отличие от Тука.

Ноги подкашивались, в желудке была странная пустота, а голова порывалась взмыть в небо и кружиться, кружиться... При этом мне все же удавалось ступать довольно уверенно, а также не упускать из виду это скользящее серое одеяло, которое продолжало вываливаться из поверженного дерева.

Оно скользило почти с той же скоростью, с какой продвигались мы, — делая встречу неизбежной. Правда, еще можно было прорваться сквозь наружные ряды, не дожидаясь подхода основной массы...

Писк, по мере того как сокращалось расстояние между нами, усиливался, становясь все более похожим на стоны пропащих душ.

Я оглянулся. Спутники дышали мне в затылок. В попытке оторваться от них я чуть не сломал шею и вынужден был вернуться к первоначальному темпу.

Мы могли бы вообще-то и вовсе обогнать завывающую орду, увеличив угол отклонения, но такая вероятность была слишком ничтожной, а времени потратилось бы уйма. Так что следовало настраиваться на неприятное...

Какую опасность представляют собой эти существа? Если серьезную, то гораздо больше надежды на наши ноги, нежели на баллистический пугач Сары...

На какое-то короткое время я было совсем поверил, что мы не пересечемся и эти миляги останутся с носом. Но я просчитался. Огромный зыбящийся ковер все-таки дотянулся до нас своим краем.

Они были маленькие, не больше фута в длину, и выглядели как вынутые из раковин улитки. Но в отличие от последних имели лица — карикатурные человеческие лица с бессмысленным или жалостливым взглядом. Пронзительный плач их превратился теперь в слова — или в полуслова. Во всяком случае, звуки, издаваемые ими, каким-то образом воспринимались именно как слова. Все эти существа вопили и рыдали об одном и том же, и слушать их было невыносимо тяжело...

«Бездомные! — кричали они на множестве наречий, — Вы сделали нас бездомными! Вы разрушили наш дом, и нет больше у нас дома! Что теперь ждет нас? Мы погибли! Мы голые! Мы голодные! Мы умрем! Мы не знаем никаких других мест! Мы не хотим их знать! Мы хотели так мало, нам нужно было так мало — и теперь вы отняли у нас это немногое! Какое право вы имели на то, чтобы лишить нас этого немногого? Какое право имели вы, имеющие так много? Что вы за существа, если бросаете нас в мир, которого мы не знаем, которого мы не хотим знать и в котором мы даже не можем жить? Вы можете, конечно, не отвечать! Но наступит время, когда вас призовут к ответу! И что вы тогда ответите?..»

Все подавалось, конечно, куда свободнее в структурном отношении — но крики и всхлипы, безжалостно бьющие нас, означали именно это... Истекающие слизью горемыки вовсе не надеялись на какую-то помощь с нашей стороны — им просто хотелось, чтобы мы осознали всю гнусность содеянного нами. Это присутствовало не только в их криках, но и в выражениях лиц — потерянных, безнадежных и сострадающих... Да, они сострадали! Они жалели нас, таких подлых и растленных, громящих чужие дома! И жалость эта была уже совершенно непереносима...

Еле отвязавшись от них, мы продолжили свой путь. Причитания становились все тише и тише, пока не смолкли совсем — или оттого, что мы ушли достаточно далеко, или действительно прекратились за окончательной бессмысленностью.

Но они продолжали звучать в моей голове! И сознание того, что простым нажатием курка я убил не только дерево, но и тысячи маленьких, беспомощных существ, сделавших его своим домом, становилось все явственней. Я поймал себя на том, что — вне всякой логики — отождествляю их со сказочными эльфами, которые, как мне рассказывали в детстве, живут в дуплах старых, величественных деревьев, растущих, как правило, за домом. Бог свидетель — эти бедолаги не напоминали эльфов...

Глухая злость поднималась во мне в противовес чувству вины. Я обнаружил, что пытаюсь оправдаться! Задача была из простейших, и все само раскладывалось по полочкам... Дерево пыталось убить меня и убило бы — не окажись рядом Хуха. А так как оно на меня покушалось, то убил я его в целях самозащиты. А выстрелил бы я, зная, что дерево является родным домом этих безутешно плачущих существ?.. Я убеждал себя в том, что нет, не выстрелил бы, но убеждал напрасно. Обмануть себя не получалось. Я выстрелил бы, выстрелил?..

Мы взбирались по крутому горному склону. Громадный пень срезанного мной дерева тоже поднимался из-за гребня... Тогда, стреляя, я стоял лицом к северу и целился в ту часть ствола, которая была обращена на запад. Нисходящая диагональ заставила дерево повалиться на восток. Если бы я в тот момент использовал свои мозги и начал бы резать с восточной стороны, оно, естественно, упало бы на запад. Оставив тропу свободной. О, непостижимая способность человека всегда избирать худшие варианты!..

Наконец мы вскарабкались наверх и могли теперь рассмотреть пень во всей его красе. Пень был как пень, хотя и

большой, но вот вокруг этого пня зеленела лужайка диаметром с милю...

На нее было больно смотреть — такой родной она выглядела, так напоминала любовно ухоженные газоны, которые люди почему-то норовили разбивать везде, куда их только заносило. Я никогда не задумывался над этим прежде, но теперь подумал и удивился: что же заставляет гуманоидов с Земли так настойчиво это делать? Чем так дорога человеку эта аккуратно подстриженная травка? Почему именно она?..

Лошадки растянулись длинной цепью вдоль всего гребня, и Хух, поднявшийся последним, остановился рядом со мной.

— Что там такое, капитан? — спросила Сара.

— Не знаю...

Можно было, конечно, сказать, что это лужайка, и на том закончить. Но некий инстинкт подсказывал мне: ничего подобного...

Глядя на нее, человек хотел побыстрее кинуться на эту травку, вытянуться на ней до хруста, закинуть руки за голову, прикрыть глаза шляпой и сладко вздремнуть. Даже теперь, когда отсутствующее дерево отбрасывало тень совсем в другом месте, лужайка манила! Что и настораживало... Слишком она манила, уж очень прохладной и знакомой казалась...

— Нам не сюда, — сказал я твердо и, взяв чуть влево, чтобы зеленая заплатка не мозолила глаза, стал спускаться.

Лужайка никак не реагировала, совершенно никак. Хотя я был готов к тому, что она выпустит в нас какую-то огромную и опасную штуку. Я даже представил себе, как трава свернется в трубочку и из открывшейся преисподней станут выскакивать чудища на любой вкус.

Однако ничего не произошло. Пень устремлялся в небо, насколько мог. Ствол, он же бывший дом маленьких существ, валялся полурасколотым. Лужайка зеленела.

Перед нами вновь лежала тропа, пыльной ниткой уходящая вдаль, в туманную неизвестность, к новым деревцам, проглядывающим на горизонте.

Я чувствовал, что походка моя начинает стремительно меняться. Нервное напряжение, все это время поддерживавшее меня, резко спало. И мне теперь приходилось не просто идти, но давать задание сначала одной ноге, потом другой, с трудом сохраняя вертикальное положение, удивляясь такому медленному приближению тропы...

Наконец мы ступили на нее, и я тут же уселся на большой валун. Лошадки замерли в строгом строю, а Тук устремил на меня ненавидящий взгляд, совершенно неуместный.

Это чучело восседало на Доббине в драной сутане и с нелепой куклой в руках. Оно выглядело как угрюмая девочка-переросток. Если б оно сунуло большой палец в рот, картина была бы почти совершенной. Но лицо, увы, не подходило. Вытянутое, очень смуглое, с огромными водянистыми глазами... Какая, к черту, девочка?..

— Вы, полагаю, — просипел Тук, — вполне довольны собой.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, — ответил я.

Это была истинная правда. Я действительно ничего не понял. Этот человек всегда находился вне пределов моего понимания.

— Вот что! — осуждающе воскликнул Тук, указав рукой на срезанное дерево.

— По-вашему, я должен был любоваться его снайперским искусством?

У меня не было никакого желания ругаться с ним: я чувствовал себя совершенно разбитым. Но было совершенно непонятно, отчего же он так скорбит. Ведь дерево стреляло и по нему!

— Вы погубили тех существ! — сказал он, — Вдумайтесь, капитан! Какое блестящее достижение! Уничтожено целое общество!

— Я не знал о них... — Можно было добавить, что, зная, я поступил бы так же. Но я не добавил.

— И это все, что вы хотите сказать по этому поводу?

— Да, — кивнул я, — Им просто не повезло.

— Оставьте его, Тук! — вмешалась Сара. — Он действительно не мог знать!

— А кто позволил ему притеснять всех подряд? — вскричал Тук. — Ежеминутно помыкать нами?

— Он не щадит прежде всего себя, — сказала Сара. — А в седло вас посадил только по причине вашей неуклюжести.

— Человек не может воевать с планетой! — возвестил окончательно распалившийся Тук, — Он должен уважать ее! Приспосабливаться к ней! А не переть напролом!

На том и порешим, подумал я... Уязвленные облегчились — жизнь продолжается...

— Тук! Уж и не знаю теперь, как вы к этому отнесетесь — но мне хотелось бы немного прокатиться, — сказал я, с трудом поднимаясь на ноги.

Он слез с Доббина как раз в тог момент, когда я подошел. Наши взгляды встретились. Ненависть, казалось, душила его со все возрастающим усердием... Тонкие губы шевельнулись, и он по-змеиному прошипел:

— Я переживу вас, Росс. После вашей смерти я буду жить еще очень долго. Здесь, на этой планете, вас настигнет то, на что вы напрашивались всю свою жизнь...

Сил, еле теплившихся во мне, хватило на то, чтобы швырнуть его наземь и полюбоваться, как он ползет на четвереньках к своей бесценной куколке. Хватило их и на то, чтобы осторожно взобраться на Доббина.

— А теперь веди нас, — сказал я Туку, — И помни: еще одна такая шуточка — и быть тебе битым...

Глава 10

Тропа вилась по иссохшей земле, то и дело ныряя в небольшие песчаные низины или лужи с потрескавшейся по

краям глиной, в которых неделями, а может быть, и годами копилась дождевая вода... Тропа взбегала на полуискрошенные горки и почтительно огибала странные куполообразные холмы.

К желто-красной земле примешивались черные вкрапления и прозрачные выступы вулканических пород. Далеко впереди, на голубом фоне неба, темнело грязно-фиолетовое пятно не то горной гряды, не то чего-то еще.

Растительность оставалась скудной, представленной все тем же чахлым колючим кустарником.

В безоблачном небе сияло солнце, но жарко не было — было просто тепло. Солнце выглядело менее ярким по сравнению с земным, быть может, из-за большей удаленности от планеты.

Некоторые горы были увенчаны конусообразными домиками — точнее, сооружениями, похожими на домики. Как будто кому-то понадобилось построить здесь временные жилища из плоских каменных плит, валявшихся вокруг. Домики были сложены всухую, без какого-либо скрепления — камни просто лежали один на другом. Некоторые из этих времянок уже превратились в бесформенную груду — другие только собирались.

А еще были деревья. Каждое стояло в гордом одиночестве, на расстоянии нескольких миль от другого. Мы не приблизились ни к одному из них.

Жизнь отсутствовала. Или скрывалась. Все выглядело мертвым, застывшим. Даже воздух, не знавший ветра...

Я ехал, крепко вцепившись в луку седла, и старался не свалиться в темноту, подступавшую всякий раз, когда о ней забывалось.

— С вами все в порядке? — тревожно спросила Сара.

Не помню, ответил ли я, увлеченный своим занятием, — может, и нет...

Был полдень, когда мы остановились. Не знаю, ел я или не ел. Скорее, ел. Помню другое...

Мы находились у одной из морщин, покрывавших эту странную поверхность, и я прислонился к земляной стене. Напротив была другая стена — быть может, точно такая же. И на ней, этой другой стене, я увидел пласты — различной толщины, от нескольких дюймов до четырех или пяти футов, и различной окраски... И я стал вживаться в эпохи. Я напрягал все свои силы, стараясь раствориться во времени, я надрывался и не мог бросить своего странного занятия. Я был обречен продолжать его, слабо надеясь, что в какой-то момент будет достигнута точка, за которой уже ничего нет и которая научит меня всему или хотя бы даст почувствовать это «все»...

Время стало вещественным. Оно превратилось в конкретный предмет, осязаемый и упоительно бесхитростный. Годы и эры не откатывались назад, но стояли передо мной в виде живой хронологической таблицы. За зыбкими делениями временной шкалы, как сквозь грязное оконное стекло, виднелась планета, какой она когда-то была, — и я расхаживал вдоль этого стекла, вдоль шкалы и вдоль времени...

Следующим из того, что я помню, было пробуждение. Время вдруг выгнулось, и сквозь него пролилась чернота ночи.

Я лежал между двумя одеялами и смотрел в небо. Это было невиданное, незнакомое мне небо. Оно озадачивало и ошеломляло.

А спустя минуту — как если б кто-то подсказал мне ответ — все вдруг стало понятным. Я знал теперь, что смотрю на мою Галактику. Над головой ярко сиял ее центр, а от него шли крученые ответвления и убегали окраинные сектора.

Я повернул голову и увидел над горизонтом сверкающие звезды сферических скоплений — или же, что представлялось маловероятным, более близкие звезды, соседствующие с той, вокруг которой вращалась планета с лежавшим под одеялом мной. Это были отверженные системы, покинувшие ее много эпох назад и обретшие наконец покой на темных задворках галактического пространства...

Всего в нескольких футах от меня догорал костер. Около него лежал кто-то скрюченный и накрытый одеялом. Чуть поодаль мерно качались лошадки. Тусклое пламя отражалось в их полированной шкуре...

Чья-то рука опустилась на мое плечо, и, дернув головой, я увидел Сару.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Великолепно! — ответил я.

И это было правдой. Я чувствовал себя здоровым и свежим. Моя голова была свободна от неприятных воспоминаний — как у первого человека совершенно нового мира...

Я сел.

— Где мы, Сара?

— В сутках пути от города, — ответила она. — Тук требовал, чтобы мы остановились гораздо раньше — из-за вас... Однако я решила иначе, подумав, что вы были бы против такой остановки...

Я покрутил головой:

— Нич-чего не помню!.. Так, значит, Тук требовал привала?

Она кивнула:

— Вы еле держались в седле и выглядели ужасно, хотя и отвечали на вопросы... То место, кстати, было совершенно непригодно для отдыха...

— А где Хух?

— Бродит. И заодно охраняет. Он сказал, что не нуждается в сне.

Я встал и потянулся с собачьей обстоятельностью. Самочувствие было восхитительным! Боже, как чудесно я себя чувствовал!

— А как у нас насчет еды, Сара?

Она поднялась на ноги и рассмеялась.

— Что это вас так развеселило? — спросил я.

— Вы, — ответила она.

— Я?!

— Да. Потому что поправились. А я очень волновалась. Мы все волновались...

— Это чертов Хух виноват. Вылакал мою кровь.

— Я знаю. Он объяснил мне, что иначе было нельзя.

— Непостижимо... — передернувшись, сказал я.

— Хух сам по себе непостижим...

— Да. И нам крупно повезло, что он с нами. Подумать только! Я чуть не оставил его там, в песках! И собрался уже! Нам ведь и без него было куда как весело...

— Если вы не дадите костру потухнуть, я приготовлю вам поесть, — деловито сказала Сара.

Рядом с костром лежала куча приготовленных веток. Я присел на корточки, подбросил несколько из них в огонь, и пламя ожило.

— Жаль, что у нас больше нет лазерного ружья. Без него мы слишком уязвимы...

— Но у нас есть мое ружье! — возразила она, — Достаточно мощное! В хороших руках...

— Вроде ваших.

— Вроде моих!

Куча одеял рядом с нами не шевелилась.

— Что Тук? — спросил я, кивая на эти одеяла, — Есть ли надежда на выздоровление?

— Вы слишком жестоки по отношению к нему. Нетерпимы... Он другой, поймите! Не такой, как вы или я... Вам, кстати, не приходило в голову, что мы с вами во многом похожи?

— Приходило, — сказал я.

Она принесла сковородку и, присев рядом со мной, поставила ее на угли.

— Мы-то с вами всегда прорвемся, Майк! Но вот Тук... Он может сломаться...

Я подумал о том, что, возможно, с исчезновением Смита жизнь Тука стала для него самого бессмысленной... Не потому ли он так носится с этой куклой? Лишь бы к чему-то прилепиться, что-то к себе прижать... Хотя куклу-то он

полюбил еще при Джордже... А если он знал или подозревал, что Джордж должен исчезнуть? Вполне возможно?..

— И еще одна вещь, о которой вам следует знать... — продолжила Сара, — Это касается деревьев. Вы увидите сами, как только рассветет... Наш лагерь разбит на холме, с которого просматривается довольно большая территория. И множество деревьев — двадцать или тридцать. Так вот. Это не какие-нибудь самосейки. Они посажены, вне всяких сомнений.

— Как фруктовый сад," вы хотите сказать?

— Да. Как фруктовый. С безукоризненной регулярностью. В шахматном порядке. Для кого-то когда-то это было действительно садом...

Глава 11

Мы продвигались все дальше и дальше.

День следовал за днем — а мы все шли и шли, с рассвета до глубоких сумерек. Погода стояла хорошая, без дождя и почти без ветра. Дожди здесь, судя по всему, вообще были редкостью.

Рельеф время от времени менялся. Бывали дни, когда нам приходилось то и дело карабкаться на крутые горы, чтобы тут же спуститься на истрескавшуюся, рваную равнину. Случались и другие дни — когда мы шли по земле настолько ровной, что чувствовали себя ползущими по огромному блюдцу с загнутым краешком-горизонтом.

То, что раньше казалось фиолетовым облаком, тяжело опустившимся вниз, стало теперь горной грядой, багровеющей вдали.

Обнаруживалась, хотя и довольно робко, жизнь. С холмов вниз проворно сбегали какие-то мелкие, возбужденно покрикивающие твари. Были и — как мы их прозвали — скороходы, державшиеся от нас на столь почтительном расстоянии, что как следует разглядеть их нельзя было даже в бинокль. Что-то скукоженное передвигалось неверным, но

очень широким шагом своих ходуль — с приличной скоростью, но не спеша... Мы видели также зверей (если это были звери) размером с волка, которые, условно говоря, бегали с неимоверным проворством. Глаз за ними не успевал. Это походило на какое—то пятно, с тихим свистом рассекавшее воздух и таявшее вдали. Подбираясь к нам иногда очень близко, беспокойства они не причиняли. Как и крикуны со скороходами...

Растительность изменилась тоже. Мы видели вьющуюся траву и жалкие кривульки деревьев, которые прижимались к подножиям холмов. Они напоминали пальмы, но очень отдаленно. Их ветки, подобранные нами для костра, были невероятно тверды и смолисты...

И конечно, никуда не делись исполинские деревья. Они по-прежнему подпирали небо. Теперь мы знали наверняка, что деревья эти были посажены сообразно четкому плану, как сад. Подходить к ним ближе чем на милю нам не хотелось. Сама тропа, казалось, избегает их. Иногда было видно, как они стреляют своими шарами — только не в нашу сторону...

— Такое впечатление, — сказала Сара, — что они не решаются напасть на нас. Зная, чем это чревато.

— Теперь — ничем... — заметил я, мысленно проклиная свое легкомыслие: на корабле осталось запасное лазерное ружье с полным комплектом запасных частей...

— Но они-то не знают об этом! — возразила Сара.

Мне бы ее уверенность...

Подчас, глядя в бинокль, мы снова видели множество крысоподобных существ, выныривающих из норок, расположенных в некотором отдалении от деревьев, и торопящихся собрать семена. Они бежали затем куда-то в сторону — очевидно, к своим тайникам, предназначенным для хранения этих запасов... У нас не было возможности исследовать хоть один такой тайник — мешали деревья...

Тропа тянулась вперед — то еле различимая, то широкая, как дорога. Казалось, некоторые ее участки в прошлом

использовались с особой интенсивностью... Так или иначе, мы следовали по ней без особых приключений и до сих пор не повстречали ни души...

Однажды тропу пересекло то, что когда-то могло быть брусчаткой. Оставшиеся камни были или расколоты, или выворочены, но располагались по отношению к тропе строго под прямым углом и тянулись дальше, насколько можно было видеть, по идеально прямой линии...

Мы держали совет. Дорога привлекала и даже казалась более важной, чем тропа, по которой мы шли до сих пор. Было несомненно, что в прежние времена дорога соединяла какие—то немаловажные пункты. Не то что наша петляющая тропка. Но последняя еще хранила следы движения, пусть и давнего! Дорога же ничего подобного не имела. Она просто существовала, в полустертом виде. И еще... Тропа вела на север — то есть туда, где, по нашим сведениям, водились кентавры. А дорога тянулась с востока на запад... Опять же, тропа была явно более древней. В некоторых местах — таких, где, сжатая с двух сторон, она не могла вилять, — грунт был протоптан на четырехфутовую глубину. Тропой пользовались не одно тысячелетие...

С некоторым сожалением мы приняли решение, основанное как на логике, так и на интуиции. Мы выбрали тропу...

Кто-то когда-то здесь жил. Кто-то, построивший город, проложивший дорогу и посадивший деревья... Но теперь город стоял безмолвным и пустым, а дорога превращалась в пыль. Почему?.. Вдобавок к этому неведомые кто-то перед уходом позаботились о том, чтобы любой прилетевший на планету не имел возможности ее покинуть... Конечно, посадка за чертой города не имела бы таких роковых последствий, и можно было бы спокойно взлететь снова, но ведь любой корабль наверняка не сядет нигде, кроме города, посылающего свои сигналы далеко в космос?..

В стороне от тропы все еще попадались каменные домики, похожие на ульи. Они по-прежнему лепились у горных вершин. Обследование их не дало ничего. Там не было даже мусора — одна пустота. И ни малейшего признака того, что когда-то в них жили. Ночевали — может быть... При всем невинном облике этих строений, нам никогда не приходило в голову останавливаться в них. Что-то мешало. Какой-то затхлый дух...

Потихоньку мы привыкали к такой бродячей жизни, осваивались в ней. Тук большую часть времени проводил в седле. Он был слишком неловок для хождения пешком. Мы с Сарой попеременно то ехали, то шли. Хух, бессменный замыкающий, подгонял лошадок. Такой порядок установился сам собою, без какой-либо предварительной договоренности.

Лошадки продолжали сердиться, и в конце концов мы прекратили с ними всякое общение. А вот с Туком я уже ладил. Уживался, во всяком случае. Этот тип все так же истово прижимал к груди свою идиотскую куклу и день ото дня все более уходил в себя. После ужина он сидел в сторонке, ни с кем не разговаривая и ничего не замечая...

Мы прошли уже огромный путь, но, казалось, ни к чему еще не приблизились. Мы углублялись и углублялись в неведомое, пока вроде бы безопасное...

Однажды, уже вечером, мы вышли на не то чтобы непроходимые, но достаточно развороченные земли, проковыляв по которым до ближайшего плоского места остановились, хотя до темноты еще было часа два.

Мы развьючили лошадок, и они немедленно отправились побродить, пользуясь счастливой возможностью не видеть нас хоть некоторое время. Хух, как всегда, отправился вместе с ними, чтобы потом пригнать обратно. Он прекрасно справлялся с ролью овчарки все эти дни.

Был разожжен костер, и Сара принялась готовить ужин. Тук и я отправились за хворостом.

Набрав каждый по полной охапке сухих веток, мы уже возвращались назад, когда услышали испуганное ржание и громкий стук качалок. Бросив свою ношу, мы побежали к стоянке и вскоре увидели лошадок, ошалело выскакивавших из узкого оврага. Они неслись как бешеные, не разбирая дороги, через горящие поленья, по сковородкам и котелкам, мимо Сары, еле успевшей отпрянуть, — к тропе, назад...

За лошадками следовал Хух. Скорость его была вполне достаточной, чтобы догнать беглецов, но он резко затормозил, поравнявшись с нами, и развернулся боком. Неподвижно стоя на своих крошечных ножках, он сверкнул — точно так же как тогда, в городе, — и голубая дымка окутала его. Все вокруг заплясало, а лошадки, кувырнувшись в воздухе, упали. Но вот они поднялись и побежали по тропе дальше! Хух сверкнул снова — в тот самый момент, когда лошадки уже достигли вершины холма. Их сдуло на ту сторону...

Ругаясь на чем свет стоит, я бросился вслед и, взбежав наверх, увидел... Лошадки были далеко. И ничто не могло их остановить. Они возвращались в город.

Подождав, когда они исчезнут из виду, я спустился назад.

Дымились раскиданные головешки, валялись погнутые котелки. Сара склонилась над Хухом, лежавшим на боку и похожим на бесплотный призрак. Он действительно был теперь призраком! Зыбкие очертания его тела свидетельствовали о том, что он застрял где-то между мирами...

Подбежав, я опустился на колени и протянул к нему руки — хотя, по правде говоря, был уверен, что ухватить мне будет нечего. Но было, было чего... Я поднял его, почти невесомого, и крепко прижал к себе.

— Мне так тяжко, Майк... — прогудел он еле слышно.

— Что с тобой, Хух? — закричал я. — Чем мы можем помочь тебе?

Он не ответил, и я посмотрел на Сару, по щекам которой текли слезы.

— О Майк... — только и могла выдавить она.

Тук стоял в нескольких шагах позади нее, с оброненной куклой у ног и с очень печальным лицом.

— Мне нужна жизнь... — прошелестел Хух, слабо шевельнувшись, — Разрешение взять немного жизни у вас...

После этих слов Тук торопливо вышел вперед и, наклонившись, решительно выхватил у меня Хуха. Затем он выпрямился, прижал свою новую куклу к груди, и его глаза грозно сверкнули.

— Только не вы, капитан! — прокричал он, — Вам нужна вся ваша жизнь! Мне же есть чем поделиться...

— Разрешение? — потусторонне прошептал Хух.

— Да, пожалуйста! — твердо ответил Тук, — Действуйте...

Сара и я, не дыша, наблюдали. Это заняло, наверное, всего несколько минут. Возможно, даже секунд, растянувшихся в часы. Ни один из нас не шевелился, и я чувствовал, что мои мускулы сводит судорогой... Постепенно Хух терял свою бестелесность и становился все более похожим на обычного себя.

Наконец Тук осторожно поставил Хуха на землю, а сам рухнул рядом. Когда я поднял его, он безжизненно повис у меня на руках...

— Одеяла! — крикнул я Саре. — Быстро!

Она разостлала несколько одеял, одно на другое, и я положил на них Тука, тут же хорошенько укрыв его. Затем я поднял валявшуюся в стороне куклу и положил ему на грудь.

Слабая рука медленно поползла вверх, он открыл глаза и улыбнулся мне:

— Спасибо, капитан...

Глава 12

Мы сидели у костра, и вокруг нас сгущалась тьма.

— Кости... — сказал Хух, — На земле были кости.

— Ты уверен? — спросил я. — Не было ли это чем-то другим? С какой стати лошадки испугаются костей?!

— Я уверен. Они могли видеть только кости, больше ничего.

— Возможно, это были не просто кости, а скелет существа, которого они боятся даже мертвого? — предположила Сара...

Где-то неподалеку перекликались, порою очень бурно, уже знакомые нам крикуны. Получив очередную порцию смолистых веток, огонь оживился. Налетевший ветерок раздул его еще больше.

Итак, мы сидели посреди этой унылой местности, понятия не имея, где окажемся завтра, куда выведет нас петляющая тропа — единственный ориентир — и не придется ли нам убегать ею, вслед за лошадками, в огромный белый город, не менее унылый... Но сейчас было лучше не думать об этом и оставить все как есть до утра.

Хух махнул щупальцем в сторону одеял и протрубил:

— Я жадный. Слишком много взял у него. Запас оказался не таким большим, как я предполагал.

— С ним будет все в порядке, — успокоила его Сара. — Он уже выпил чашку бульона и теперь спит.

— Ну зачем? — с досадой воскликнул я, — Зачем чертову остолопу понадобилось это? Ведь я был согласен! И Хух просил именно меня! В конце концов, мы с ним...

— Как вы не можете понять, капитан, — прервала меня Сара, — что Тук впервые получил возможность внести свою лепту в общее дело! До сих пор он чувствовал себя совершенно бесполезным! И вы, надо признать, очень постарались, чтобы он чувствовал себя именно так...

— Но давайте смотреть правде в глаза! — возмутился я, — Ведь от него до последнего времени действительно не было никакой пользы!

— И вы расстроились, когда он ее принес?

— Нет. Конечно нет. Я лишь обеспокоен тем, что он сказал: «Мне есть чем поделиться...» Какой смысл был вложен в эти слова?

— Не знаю, капитан. И это не так уж важно теперь. Есть проблемы посерьезней... Что нам делать без лошадок? Припасы придется оставить здесь. Мы возьмем лишь небольшую часть, главным образом — воду. Если, конечно, они не вернутся...

— Не вернутся, — сказал я. — Они ждали подходящего момента с тех пор, как мы покинули город. И улизнули бы уже давно, если б не Хух. Он держал их в узде.

— Врасплох застали, — подал голос Хух. — Я ударил по ним два раза, но ничего не добился.

— Жуткая мысль пришла мне в голову... — задумчиво сказала Сара, — Не исключено, что это хорошо отработанная процедура. Завести в глухомань и бросить... Пропадайте...

— С кем-то, возможно, тем бы и завершилось, но не с нами, — успокоил я ее, — Не с сидящими у этого костра.

Она посмотрела на меня очень пристально и серьезно:

— Не понимаю, это шутка или бодрячество?

— Это оптимизм, — ответил я, — Вы даже не представляете, как он бывает важен.

— По-моему, вы уже знаете, что нам делать. Вас озарило, и вы еле удерживаетесь от изложения своего гениального плана. Конечно, вам приходилось бывать и не в таких переделках! Но вы никогда не паниковали! Вы...

— Сара. Давайте поговорим утром...

Самым ужасным было то, что я оттягивал принятие решения. Такого со мной еще не случалось. Я всегда разбирался со своими проблемами немедленно. Может быть, эти неприветливые пространства со скрюченными деревцами так влияли на меня — подавляя, просачиваясь внутрь своей безысходностью? И я потихоньку растворялся в ландшафте, становясь маленькой, бесстрастной его частичкой?..

— Утром, — сказала Сара, — мы пойдем смотреть косточки.

Глава 13

Кости лежали примерно в полумиле от края оврага — там, где он круто поворачивал влево. Я ожидал увидеть несколько разбросанных костей, белеющих на фоне грязновато-коричневой земли. Но их была целая куча, тянувшаяся от склона до склона.

Это были крупные кости, диаметром в фут и больше. А ухмыляющийся череп, который, казалось, смотрит прямо на нас, своими размерами напоминал слоновый.

Все кости были пожелтевшими и полуискрошенными — солнце и непогода сделали свое дело. Часть их валялась чуть в стороне, когда-то, вероятно, обглоданная падальщиками.

За костями овраг резко обрывался. Крутой склон с торчавшими из него, как изюм, камешками и валунами нависал правильным полукругом. Камни лежали и у самого подножия этой земляной стены.

Место было достаточно мрачным. Тягостное чувство, вызываемое мертвой землей, предельно усиливалось этим ужасным скоплением костей.

Я чувствовал себя паршиво. Мне было не по себе — как никогда. Мучительно хотелось бежать отсюда куда глаза глядят. Казалось, что-то, происшедшее здесь, оставило после себя недобрую ауру, соприкасаться с которой не следовало никому.

И тут она обнаружила свой голос.

«Благородные дамы и господа! — услышали мы громкое и радостное приветствие, — Прошу вас сжалиться надо мной и вызволить меня отсюда, из неловкого и стеснительного положения, в котором я пребываю так долго!»

Даже если бы мне заплатили миллион, я не смог бы шевельнуться. Голос парализовал меня.

«Я у стены! За кучей камней, оказавшихся столь плохой крепостью, что все, кроме меня, погибли!»

— Возможно, это западня, — сказала Сара, и в голосе ее послышались металлические нотки, — Лошадки бежали оттого, что учуяли западню.

«Прошу вас! — продолжал пискливо умолять голос. — Здесь уже были другие, но они ушли! Вам нечего бояться!»

Я шагнул вперед.

— Нет, капитан! — закричала Сара.

— Если мы уйдем, — сказал я, — нас замучит любопытство...

У меня вовсе не было желания сказать это. Единственное, что я хотел, — повернуться и убежать. Но говорил уже не я, а кто-то другой вместо меня.

Подойдя к горе костей, я стал на нее карабкаться. Ноги скользили, не находя опоры: кости крошились и разъезжались под ними. Но я одолел подъем и перешагнул на другую сторону.

«О великодушное существо! — восторженно рыдал голос, — Исполненное сострадания, ты явилось освободить мою недостойную персону!»

Добежав до груды огромных валунов, каждый из которых был выше человеческого роста, я снова полез вверх. Голос приближался...

И тут я увидел источник писка, так напугавшего нас.

В тени, отбрасываемой стеной, светилась молочно-глянцевая лошадка. Она лежала на спине, зажатая между двумя камнями, и качалки ее были беспомощно устремлены в небо.

— Благодарю вас, любезнейший из любезных, — пропищала лошадка, — что не бросили меня! К сожалению, я не вижу вас, сэр, но по некоторым признакам могу заключить: вы гуманоид. Это лучшее из того, что я встречал. Гуманоиды милосердны и доблестны в равной степени.

Не зная, как еще выразить переполнявшую ее признательность, она помахала качалками...

Лошадка не была единственной вещью, обнаруженной мною у этой баррикады. С земли мне приветливо улыбался

череп гуманоида, там и сям валялись кости, куски ржавого металла.

— Давно ты тут? — задал я не самый умный и уж, во всяком случае, не самый важный вопрос.

— Мой досточтимый господин! — воскликнула лошадка, — Я потерял счет времени! Минуты тянутся как годы, и мне кажется, что с тех пор, когда я последний раз стоял на качалках, прошла уже целая вечность. Когда лежишь вверх ногами, ощущения притупляются... Здесь было много таких, как я, а также других. Все они или разбежались, или погибли. Перед вами все, что осталось от этой славной компании...

— Ладно, не переживай, — сказал я. — Мы вытащим тебя.

— Да я уж давно успокоился... Все это время я был погружен в свои мысли и фантазии о дальнейшей моей судьбе. Я понимал, что когда-нибудь камни превратятся в прах и то, из чего я сделан, переживет их. Но меня никогда не оставляла надежда на иной исход. Я ждал вмешательства доброго существа вроде вас...

Заметив своих спутников, перебиравшихся через первую преграду, и жестом подозвав их, я крикнул:

— Здесь только лошадка, человеческий череп и кой-какие косточки...

Мне даже в голову не приходило задуматься, отчего здесь умерли люди. Я радовался счастливо обретенной лошадке, навьючив которую мы могли теперь покинуть это проклятое место и двинуться дальше. Или вернуться в город...

Потребовалась сила троих — Хух стоял в сторонке и подбадривал нас криками, — чтобы откатить небольшой камень, прижимавший лошадку к валуну. Кроме того, нам пришлось еще перевернуть это незадачливое создание и поставить его на качалки.

Лошадка уставилась на нас чуть ли не надменно — но это, как я знал, означало всего лишь полное отсутствие мимических возможностей.

— Я Пэйнт! — представилась она. — Хотя иногда меня называют Старина Пэйнт. Второй вариант выходит за пределы моего ничтожного понимания. Ведь я не старше других лошадок. Все мы задуманы и собраны одновременно.

— Эти другие лошадки тоже были здесь? — спросила Сара.

— Нас было десять, — ответил Пэйнт, — Все, кроме меня, убежали. Причина, не позволившая мне это сделать, только что любезно устранена вами... Нас изготовили на далекой планете, название которой мне неизвестно, а потом привезли сюда. Двигаясь по тропе, мы были атакованы стаей хищников — и вот результат...

— Те, кто создал вас и привез сюда, были такими же, как мы?

— Да, такими же. Но они умерли, и говорить о них бесполезно.

— Почему они оказались здесь? — настойчиво продолжала Сара, — Что-нибудь искали?

— Одного из своих. Давно исчезнувшего гуманоидного индивида, о котором много рассказывалось.

— Лоуренса Арлена Найта?

— Я не знаю, — сказала лошадка, — Мне не говорили.

Глава 14

Мы решили двинуться дальше.

Обсуждение проходило у костра. Обсуждать, собственно, было нечего... Пэйнт покачивался рядом с кучей провианта. Тук, которого ничего не волновало, сидел себе, прижимая к груди куклу, и тоже качался из стороны в сторону. Их колебания подтачивали нервную систему.

Мы с Сарой приняли решение почти сразу и без всяких споров. Возвращаться в город не имело никакого смысла. Тропа вела себя довольно сносно и ничем серьезным пока не угрожала. Разве что случившимся с теми людьми. Но сам факт, что кто-то, пусть и давно, шел по тропе, преследуя

сходную с нашей цель, сам этот факт казался Саре доказательством правильности нашего выбора.

Но тут был нюанс, о котором я не мог умолчать.

— Найт наверняка мертв, — сказал я, — И вы это прекрасно знаете. Вы знали еще на Земле.

— Опять, да? — сердито воскликнула она, — Никак не остановитесь? С самого начала вы были против этой идеи! Зачем в таком случае отправились с нами?!

— Я же объяснял. Деньги.

— Тогда какая вам разница, жив он или мертв? Не все ли вам равно, найдем мы его или не найдем?

— Действительно, — согласился я. — Плевать мне на это...

— Однако вы хотите идти дальше? Я правильно поняла?

— Да, — сказал я, — Потому что впереди мы еще можем что—то обнаружить, но ничего не найдем, идя назад.

— Мы могли бы вернуть себе лошадок.

Я покачал головой:

— Обнаружив, что мы возвратились, они спрячутся вместе со своим гномом. Увидеть и тем более изловить их не будет никакой возможности. В этом городе можно спрятать целую армию.

— Именно эти лошадки, должно быть, и убежали когда-то от Пэйнта... А теперь увидели кости и вспомнили... Что вызвало шок...

— Их всего восемь, — сказал я. — С Пэйнтом получается девять. А он говорит, что их было десять. Где еще одна, спрашивается?

— Этого, возможно, мы не узнаем никогда...

Я не понимал, чего ради обо всем этом нужно болтать. Ведь так или иначе, но мы все равно двинемся дальше, в неизвестность, в надежде найти — быть может, уже скоро — что-то получше той неприветливой местности с ее костями и прочей прелестью... Конечно, сам факт, что люди, останки которых лежали там, в конце оврага, кого-то искали, вовсе не означал, что они шли верной дорогой. Возможно, они,

как и мы, тыкались наугад. Возможно, объектом их поисков был вовсе не Найт…

Мы сидели у костра и мозговали. Предполагалось взвалить на Пэйнта бесполезный скелет Роско, а также еду и воду, как можно больше. Тук и я должны были тащить на себе тяжелое снаряжение, а Сара — идти почти налегке, чтобы в любой момент иметь возможность защитить нас при помощи ружья. Хуху отводилась роль разведчика.

Нам пришлось еще раз спуститься в овраг, чтобы тщательно обследовать разрушенное укрепление. Мы обнаружили три человеческих черепа и полдюжины ружей, проржавевших настолько, что определение их типа стало невозможным. По воспоминаниям Пэйнта, людей было восемь. Количество разбросанных костей, казалось бы, подтверждало его слова. Но черепов было только три.

Вернувшись на стоянку, мы упаковали вещи, а также спрятали в расщелине ту часть припасов, которую невозможно было унести с собой. Мы старательно укрыли наш тайник ветками, но меня не оставляло ощущение, что такие меры предосторожности ничем не оправданы: тропа давно заброшена, и мы первые, кто идет по ней за последние сто лет…

День уже был на исходе, когда мы тронулись. Никто не хотел оставаться здесь ни минуты. Мы бежали подальше от этого проклятого места, чувствуя к тому же, что время не терпит.

Глава 15

На следующий день Хух наткнулся на кентавров.

Мы еще шли по всхолмленной местности, и казалось, будем идти вечно. Тук и я были нагружены тяжелыми тюками, а тропа то взбегала вверх, то ныряла.

Хух все время держался впереди. Видеть его мы могли лишь в те минуты, когда он задерживался на каком-нибудь возвышении, чтобы убедиться в нашей невредимости.

Незадолго до полудня мы заметили, что Хух разворачивается и спешит по тропе к нам. Обрадованный возможностью передохнуть, я тут же сбросил с себя ношу и остановился, поджидая его. Сара последовала моему примеру. Тук же хотя и остановился, но груз с плеч не снял. Согнувшись, он уставился в землю. После того как мы лишились лошадок, этот человек безвыходно погрузился в себя и почти не реагировал на внешние раздражители.

Скатившись к нам по тропе, Хух остановился.

— Лошадки, — прогудел он. — Их десять раз по десять. Они без качалок и с такими же, как у вас, лицами.

— Кентавры, — убежденно сказала Сара.

— Они играют, — продолжил Хух, — В низине. Играют в игру. Бьют по шару палками.

— Кентавры, играющие в поло! — радостно вскрикнула Сара, — Что может быть восхитительней!

Она подняла руку, чтобы отбросить со лба непокорный локон, и я вспомнил ту красотку, которая встретила меня в холле старинного дома, на далекой Земле — задолго до того, как пыль и усталость приглушили ее красоту...

— Как я понимаю, — сказал Хух, — вы их ищете. Рад был помочь.

— Спасибо тебе! — воскликнула она.

Я снова взвалил на спину тюк и сказал:

— Веди нас туда.

— Вы полагаете, капитан, что черепная коробка Роско по-прежнему находится у них? И они не потеряли ее, не разбили, не использовали каким-то образом? — недоверчиво спросила Сара.

— Вот поговорим с ними — и выясним.

— А как насчет памяти? — продолжала любопытствовать она. — Если мы добудем эту коробку и вставим в его голову, вспомнит ли он все, что было с ним раньше?

— Все, что он когда-либо знал, зафиксировано в мозге, — сказал я. — Роботы в отличие от людей не забывают ничего.

Была, конечно, вероятность, что на планете существует не одно племя кентавров и что обнаруженные Хухом игроки о мозге Роско даже не подозревают. Но об этом я предпочел не говорить... А еще они могли просто не отдать нам этот мозг, несмотря на то что пользы им от него — никакой...

Когда мы приблизились к вершине следующего холма, Хух сипло предупредил, что кентавры уже рядом.

Я не знаю почему, но мы тут же, не сговариваясь, пригнулись и лишь затем осторожно двинулись дальше.

Внизу лежало узкое, очень ровное песчаное пространство, покрытое хилой растительностью, а за ним начиналась красно-желтая пустыня.

Хух ошибся в своих расчетах: кентавров было там гораздо больше, чем десять раз по десять. Большинство их тесно окружало поле, которое было игровым лишь в силу того, что на нем в данный момент играли. Вообще же это был ровный кусочек пустыни с двумя рядами белых камней, служивших воротами.

Дюжина кентавров с длинными клюшками в руках яростно гоняли мяч. Туда-сюда. Это была крайне вульгарная, примитивнейшая версия благородной игры поло...

Вскоре матч завершился. Игроки легкой рысцой убежали с поля. Стали расходиться и болельщики.

За полем стояло несколько тентов — больших квадратов грязной ткани, поддерживаемых воткнутыми в землю палками. Кое-где между этими укрытиями от солнца лежали кучи каких-то пакетов — вероятно, с имуществом племени. Кентавры шатались вокруг, изображая что-то вроде праздничного гулянья.

— Что предпримем? — спросила Сара. — Спустимся к ним?

— Не все, — сказал Тук, внезапно вышедший из транса. — Лишь один из нас.

— И этим одним конечно же будете вы? — спросил я полушутливо.

— Конечно, — подтвердил Тук со всей серьезностью. — Если кого-то должны убить, то я первый кандидат.

— По-моему, они вряд ли станут кого-то убивать, — сказала Сара.

— По-вашему, — заметил я.

— Давайте взглянем на вещи трезво, — изрек Тук своим гнусным тоном, за который его следовало бы хорошенько выпороть. — Из всех нас у меня наименьшие шансы быть убитым. Я выгляжу скромным, безобидным и немного тронутым. На мне коричневая сутана и вовсе не ботинки, а сандалии...

— Эта братия, — перебил я его, — понятия не имеет ни о коричневых сутанах, ни о сандалиях! Еще меньше их будет волновать, умный вы или дурак! И если они склонны убивать, то...

— Но почему вы так думаете? — возмутилась Сара. — Они могут оказаться вполне дружелюбными существами!

— Да? Вам кажется, что они дружелюбны?

— Вообще-то не кажется, но ведь нельзя судить лишь по внешнему виду... А Тук, кстати, может подействовать на них умиротворяюще. Ничего не зная о коричневых сутанах и сандалиях, они, возможно, разглядят в нем чистоту души и добрые намерения...

Это звучало так, будто она говорила не о Туке, которого я знал как облупленного, а о ком-то другом.

— Идти — мне, — твердо сказал я ей, — И давайте оставим эту бесполезную болтовню. Они просто размажут вашего Тука по земле!

— А с вами это, конечно, исключено!

— Чертовски верно замечено! Исключено! Потому что я умею обращаться с...

— Капитан, — тихо перебил меня Тук, — Почему вы никогда не прислушиваетесь к голосу разума? Почему все время лезете на рожон? Вам хочется быть первым, да? Хорошо. Но учтите следующие два момента. Они, возможно, не тронут меня именно потому, что я отличаюсь от вас. У них просто

не будет того удовлетворения. Что за радость убить или покалечить жалкого и слабого? А я смогу выглядеть таковым... Во-вторых. Вы нужны больше, чем я. Если что-то стрясется со мной — это не будет иметь такого значения, как если прикончат вас.

Я уставился на него, ошеломленный такой откровенностью.

— Вы действительно имели в виду всю эту ерунду?

— А по-вашему, я бил на эффект? Будучи уверенным, что идти мне все равно не придется?

Я не ответил, потому что он был прав: именно так я и думал.

— Кто бы туда ни отправился, — сказала Сара, — он должен ехать на Пэйнте. Такие, как они, к всаднику отнесутся с гораздо большим уважением. И еще... На Пэйнте можно быстро убраться оттуда, если дела пойдут плохо...

— Майк! — взревел Хух. — В словах святого человека есть смысл!

— Ни черта! — огрызнулся я, — Платят за риск мне! И рисковать — тоже мне!

— Майк, — холодно сказала Сара. — Оставьте ваше ребячество. Кто-то должен спуститься туда, и этим кем-то могла бы быть даже я. Нас здесь трое. Хух — не в счет. Обсудим остальных.

— Вы думаете, это так просто? Спустился, поприветствовал — и все? Нужно еще выудить у них коробку! Тук может все испортить!

Мы пристально смотрели друг на друга.

— Ну хорошо, — буркнул я, — Бросим монетку. Согласны?

— У нее только две стороны.

— Вполне достаточно, Сара. Вы в этом не участвуете. Только Тук и я.

— Никаких монеток, — возразил Тук. — Идти — мне.

Сара снова посмотрела на меня.

— По-моему, мы должны согласиться с ним, капитан. Он хочет это сделать. Жаждет. И он справится.

— А как насчет заключения сделки?

— За эту коробку мы должны отдать все, что они попросят, — решительно сказал Тук.

— Вплоть до ружья, — добавила Сара.

— Ну уж нет! — возмутился я. — Ружье может понадобиться нам самим!

— Но коробка нам тоже нужна! — сказала Сара. — Без нее мы пропадем! Что касается моего ружья, то за все это время я выстрелила из него всего один раз и то безрезультатно!

— Вспомните о людях, оставшихся в овраге.

— Вспомнила. У них, кстати, было оружие. И что это дало?

— Все, что я могу сделать, — встрял Тук, — это выяснить, при них ли коробка и не желают ли они расстаться с ней. Собственно, торг начнется позже, и мы все примем в нем участие.

— Ладно, — сказал я, решив, что так будет действительно лучше. Пускай идет и все портит, вынуждая нас прекратить безнадежные поиски Лоуренса Арлена Найта и заняться более важными вещами. Ведь мы еще даже не пытались представить, каким образом нам покинуть эту планету...

Подойдя к Пэйнту, я развьючил его и положил на землю фляги с водой, а на них — Роско.

— Давай, приятель, — сказал я Туку.

Взобравшись на Пэйнта, он протянул мне руку. Я пожал ее, почувствовав в этих длинных тонких пальцах неожиданную силу.

— Удачи, — сказал я, и Пэйнт, перевалив через вершину, галопом пустился вниз. Мы наблюдали.

Желая Туку удачи, я имел в виду именно ее. Мне действительно хотелось, чтобы этому нелепому дурачку повезло. Один Бог знал, сколько удачи тут могло потребоваться...

Маленький и жалкий, он неловко подпрыгивал в седле в накинутом на голову капюшоне и развевающейся сутане.

Тропа повернула и резко пошла вниз — Тук исчез из виду и появился вновь лишь спустя несколько минут. Он уже приближался к беспорядочно кружившим кентаврам, один из которых поднял по этому поводу крик, — и все замерли, повернувшись к пришельцу.

Я смотрел не дыша. В любой момент стадо могло броситься на Тука и растоптать его. Но никто не бросился. Кентавры просто стояли и наблюдали.

Пэйнт все приближался к ним, а Тук подпрыгивал как кукла, одетая в коричневый лоскут...

— А где же его кукла? — спросил я почему-то шепотом, хотя кентавры не обратили бы внимания даже на мой крик: они были поглощены созерцанием Тука, — Кукла где? Неужели он оставил ее?

— Нет, — ответила Сара, — Кукла при нем. Он заткнул ее за пояс, чтобы руки были свободными.

— Ах ты боже мой!

— Вы упорно считаете, что для него это просто кукла и он таскает ее с собой исключительно ради забавы. Но вы ошибаетесь. Он видит в ней то, чего мы с вами разглядеть не в состоянии. Она для него не амулет вроде кроличьей лапки, а что-то гораздо более важное. Он обращается с ней нежно и благоговейно. Как если бы это была фигурка Мадонны...

Я почти не слышал ее последних слов, так как Пэйнт, приближавшийся к кентаврам, уже начал замедлять свой бег.

И вот футах в пятидесяти от стада лошадка замерла. Тук восседал на ней как истукан. Он даже не поднял руку в знак приветствия. Он ничего не сделал. Казалось, Пэйнт привез кентаврам мешок с подарками.

Я оглянулся. Сара смотрела в бинокль.

— Он разговаривает с ними? — спросил я.

— Непонятно, — ответила она, — Капюшон закрывает лицо.

То, что Тука до сих пор не убили, вселяло надежды...

Два кентавра, отделившись от стада, рысцой выбежали навстречу. Они приблизились к Пэйнту с двух сторон.

— Возьмите, — сказала Сара, протянув бинокль.

Теперь я отчетливо видел капюшон Тука и лица обоих кентавров. Это были грубые, волевые, гораздо более гуманоидные лица, чем можно было предположить. Похоже было, что кентавры слушают Тука, время от времени вставляя короткие реплики... И вдруг они зашлись громким презрительным хохотом, тут же поддержанным их соплеменниками.

Опустив бинокль и голову, я вслушивался в этот многоголосый, поддерживаемый эхом смех.

Лицо Сары недоуменно вытянулось.

— Что бы это значило? — спросила она.

— То, что старина Тук в очередной раз сел в лужу, — ответил я.

Смех ослабел, а потом умолк. Два кентавра снова беседовали с Туком. Я вернул бинокль Саре. Все интересующее меня можно было видеть и невооруженным глазом.

Один из кентавров развернулся и что-то крикнул стаду. Спустя мгновение вперед выбежал, неся что-то блестящее, его сородич.

— Что это у него? — спросил я Сару.

— Щит, — сказала она, не отрываясь от бинокля, — И что-то вроде перевязи. Да-да... Перевязь и меч. Все это вручается Туку...

Когда Пэйнт бежал обратно, солнечный свет отражался от оружия, стиснутого руками Тука, и кентавры издевательски гоготали. Он накатывал на нас могучими волнами, этот гогот.

Внезапно Пэйнт рванул бешеным карьером, и едва он исчез на изгибе тропы — мы с Сарой недоуменно переглянулись.

— Скоро все выяснится, — бодро сказал я.

— Боюсь, что эта ясность не обрадует, — ответила она. — Вероятно, мы совершили ошибку. Идти следовало вам. Но уж очень он хотел этого...

— Не пойму, с какой стати этот несчастный все-таки поперся туда?.. Бравада?.. Неужели он действительно...

— Нет, — мотнув головой, сказала Сара, — Никакая это не бравада... Тут все не так просто. Он вообще не прост, этот Тук...

— По-моему, его что-то гложет, но что?

— Он мыслит иначе, чем мы с вами, — продолжила Сара. — И видит все под другим углом... Что-то явно им движет, и это «что-то» — никак не страх, амбиция или зависть. Оно совсем другого порядка... Я знаю, что вы всегда считали его еще одним святошей, еще одним прохиндеем. Бродягой, прикрывающим свои комплексы мнимой религиозностью. Уверяю вас, он не из таких... Я знакома с ним гораздо дольше, чем вы, и...

Пэйнт, лязгнув качалками, остановился перед нами. На землю тяжело брякнулись меч со щитом, и на нас, полулежа в седле, вытаращился Тук.

— Ну, что с коробкой? — спросила Сара. — Она у них?

Тук кивнул.

— И они согласны продать ее?

— Ничего подобного, — прохрипел он, — За нее нужно сражаться. Это единственный способ...

— Сражаться?! — воскликнул я, — Мечом?!

— Мне дали его именно для этого, капитан. Я сказал им, что пришел с миром, а они ответили: «Мир — это трусость...»

Меня вынуждали вступить в бой немедленно, но я сказал, что должен удалиться для молитвы. Это их очень развеселило, однако уйти мне все-таки позволили...

Тук сполз с Пэйнта и сразу же повалился на землю.

— Я не умею драться! — пронзительно визжал он, — Я никогда этим не занимался! До сегодняшнего дня я не держал

в руках оружия! Я не могу, я отказываюсь убивать! Они сказали, что все будет честно — один на один, но...

— Но ты не мог драться, — закончил я.

— Конечно не мог! — взвилась Сара, — Потому что не имел понятия о том, как это делается!

— Хватит распускать слюни! — прикрикнул я на Тука. — Поднимайся-ка лучше на ноги, вытряхивайся из своего мешка!

— Вы?! — изумленно воскликнула Сара.

— А кто же еще, черт возьми? — яростно крикнул я. — Напортачено уже достаточно, так что самое время выпускать меня! Ведь вам нужна коробка, не так ли?

— Но ведь вы тоже не умеете обращаться с мечом!

— Конечно не умею! Хотя вы и держите меня за варвара...

Тук все еще лежал. Я нагнулся, рывком поставил его на ноги и заорал:

— Снимай сутану! Мы не должны заставлять их ждать! — Подавая пример, я стащил с себя куртку и стал расшнуровывать ботинки. — Сандалии тоже! Я должен выглядеть как ты!

— Они заметят подмену, — сказала Сара. — Вы ничуть не похожи на Тука.

— Я нахлобучу капюшон, и никто ничего не поймет! Да они, наверное, и не помнят уже, как он выглядит. А если и помнят, вряд ли станут возмущаться. Забава-то не отменилась! Жертва-то перед ними!

Сняв брюки, я увидел, что Тук валяется опять.

— Стащите с него сутану! — приказал я Саре. — Молитва затянулась. Кентаврам это может не понравиться. Они еще, чего доброго, явятся сюда.

— Давайте плюнем на все, — неожиданно предложила она. — Признаем свое поражение и отправимся по тропе назад.

— Они последуют за нами, — сказал я. — И убежать не удастся... Снимайте-ка лучше сутану...

Едва Сара приблизилась к нему, Тук ожил. Быстро развязав пояс, он вытряхнулся из своего облачения и бросил его мне.

Надев сутану и подпоясавшись, я накрыл голову капюшоном.

— Вы же никогда не имели дело с мечом! — продолжала увещевать меня Сара, — А они против вас выставят лучшего бойца!

— У меня есть одно преимущество, — сказал я, — Этот их герой будет уверен, что сражается с неумехой. Он не станет особенно осторожничать. Он, возможно, решит повыпендриваться, устроить что-то вроде шоу. И если мне удастся подобраться к нему...

— Но Майк...

— Сандалии! — крикнул я Туку и, немедленно получив их, обулся.

Он стоял в одних грязных трусах и был самым костлявым человеком из когда-либо мною виденных. Впалый живот, казалось, приклеился к позвоночнику, а ребра можно было пересчитать с большого расстояния. Что касается рук и ног, то это были самые настоящие прутики.

Нагнувшись, я поднял перевязь с мечом и надел на себя. Затем, вынув меч из ножен, внимательно его осмотрел. Он был тяжелым, слегка тронутым ржавчиной и не слишком острым. Вложив его обратно, я надел на руку щит.

— Удачи, Майк! — сказала Сара.

— Спасибо, — ответил я, хотя не чувствовал ни малейшей благодарности, одну лишь ярость.

Этот кретин подкинул мне паршивую работенку, справиться с которой было почти невозможно.

Я вспрыгнул на Пэйнта и, когда тот развернулся в нужную сторону, увидел подбежавшего Тука. Стоя по-прежнему в трусах, он протягивал мне свою куклу. Ударом ноги я вышиб у него эту деревяшку, и Пэйнт рванулся вперед.

Кентавры были на прежнем месте. Вопреки опасениям я не встретил их несущимися по тропе. Мое появление вызвало издевательски приветственный гул.

Спустившись вниз, Пэйнт бодро поскакал к стаду. Один из кентавров рысью выбежал навстречу и остановился прямо перед нами. В руке его был щит, такой же, как мой, а на перевязи, перекинутой через плечо, болтался меч.

— Вернулся? — удивленно сказал он, — Мы думали, что ты этого не сделаешь!

— Мое сердце по-прежнему исполнено миролюбия, — ответил я. — Это единственно достойное его наполнение.

— Мир — трусость, — презрительно возразил кентавр.

— Значит, вы настаиваете на поединке?

— Это единственно достойное занятие.

Он явно издевался надо мной.

— Кстати, о достоинстве, — сказал я, — Где гарантия того, что, убив тебя, я получу шар?

— Не забегаешь ли ты вперед?

— Но ведь кто-то из нас должен будет умереть?

— Это так, — согласился кентавр. — Только не кто-то, а ты.

— И все же, — настаивал я, — на случай, если ты ошибаешься, — как насчет шара?

— При неблагоприятном исходе поединка, если ты случайно останешься в живых, он твой.

— И мне будет позволено уйти?

— Ты оскорбляешь меня, — сказал он с нескрываемой злобой, — Ты наносишь оскорбление всей моей расе.

— Я не здешний и потому не знаю ваших нравов.

— Мы благородны, — выдавил он, скрипнув зубами.

— В таком случае перейдем к делу.

— Правила следующие... Сейчас мы должны разойтись и повернуться лицом друг к другу. Видишь вон тот кусок материи?

Из толпы кентавров торчала палка с привязанной к ней грязной тряпкой. Я кивнул.

— Когда этот флажок упадет — схватка начинается.

Я снова кивнул, отъехал чуть-чуть назад и, развернувшись, остановился. Мы смотрели друг на друга. Палка с тряпкой была все еще поднята. Кентавр обнажил свой меч. То же сделал и я.

— Ну, дружище Пэйнт, держись!

— Досточтимый сэр! — горячо воскликнул он, — Я сделаю все от меня зависящее!

Тряпка опустилась, и мы бросились друг другу навстречу. Копыта кентавра выбивали огромные комья земли, его меч и щит были вскинуты высоко над головой, и

он издавал воинственные вопли, слегка напоминавшие тирольское пение, но далеко не такие забавные.

Мы столкнулись уже через две секунды — и всю эту вечность мой мозг лихорадочно перебирал спасительные трюки, ни один из которых не был спасительным. В конце концов я понял, что нужно просто устоять против первого удара, и ухитриться нанести ответный. И тут же меня наполнила холодная сосредоточенность. Я думал теперь только об одном: побыстрее прикончить кентавра, пока он не прикончил меня.

Я видел, как неотвратимо опускается его меч, и знал, что мой меч уже занесен над его головой. Глаза кентавра, маленькие и блестящие, были слегка прикрыты, а на лице его застыла маска превосходства. Он не сомневался в победе. Он знал наверняка, что у меня нет ни малейшего шанса. Он не мог не заметить, что перед ним — профан.

Меч ударил по краю моего щита с такой силой, что рука тут же онемела. Соскользнув, он рассек воздух в дюйме от моего плеча. Как только это случилось, кентавр странно дернулся, затем взвился на дыбы, глаза его остекленели, рука, державшая щит, безвольно повисла и мой меч со всей силой, которая только у меня нашлась, раскроил его череп надвое и утонул в шее.

Перед этим я успел увидеть во лбу кентавра — прямо посередине — черную дыру, неизвестно откуда взявшуюся. Лезвие прошло точно через нее, словно она подсказала наиболее уязвимое место.

Глава 16

Черепная коробка была потрескавшейся и помятой. Ей досталось как следует.

— Возьмите, — сказал я, протянув ее Саре, — Ваш номер был чертовски опасен, должен сказать...

Ее страшно рассердил мой неласковый тон.

— Никакой опасности не было! Пуля летит туда, куда я целюсь! А целюсь я хорошо! Вы ведь убедились в этом?

— Убедиться-то убедился, — сказал я, еще не вполне пришедший в себя, — но два фута в сторону, и...

— Этого не могло произойти, потому что я целилась в...

— Знаю-знаю... В центр его лба.

Спрыгнув с Пэйнта, я снял сутану и бросил ее Туку, сиротливо стоявшему у самого уродливого деревца.

— А где, интересно, мои штаны? — спросил я.

— Там, — кивнула Сара в сторону, — Я сложила их поаккуратней.

Пока я одевался, она вертела коробку в руках.

— Не понимаю... — недоуменно сказала она. — Что они делали с ней?

— А что, по-вашему, должны были делать с ней варвары, играющие в поло?

— Неужели они использовали ее в качестве мяча?

Я кивнул.

— Теперь им снова придется гонять камешки. Бедняги ужасно расстроены.

Сверху, покинув свой наблюдательный пункт, спустился Хух.

— Отличное выступление, — похвалил он меня, — Особенно для того, кто впервые держит в руках такое оружие...

— Если кто-то и выступил отлично, так это мисс Фостер, — сказал я, — Это она подстрелила птичку.

— Не важно, Майк, кто. Дело сделано, и лошадки эвакуируются.

— Ты хочешь сказать, что они уходят?

— В настоящий момент идет построение.

Поднявшись к вершине, я увидел, что кентавры действительно выстроились в неровную колонну и уже движутся на запад. Это было приятное зрелище. Какими бы благородными ни были эти существа — ведь они все же отдали мне обещанную коробку, — их соседство беспокоило бы...

Вернувшись, я застал Тука и Сару за воскрешением робота. Мозг возвращался законному владельцу.

— Не поврежден ли он? — тревожно спросила Сара, — Все—таки столько вмятин...

Я мог только пожать плечами.

— Нам ведь не нужно, чтобы он помнил все, — успокаивала она себя. — Мы зададим ему всего несколько простеньких вопросов...

Тук протянул руку, и Сара отдала ему коробку.

— Вы знаете, как это делается? — недоверчиво спросил я.

— Думаю, что да, — ответил он, — Там есть специальные пазы, в которые она и вставляется.

Он запихнул коробку в голову Роско, для верности легонько прихлопнул ее ладонью и закрыл крышку.

Роско шевельнулся. До сих пор неподвижно лежавший на земле, он выпрямился и попытался встать. Голова его медленно поворачивалась, и взгляд задерживался на каждом из нас. Он осторожно поднял руку, затем другую, словно вспоминая забытые движения. Наконец послышался его скрипучий голос.

— Почему же, уже, ну же, хуже, стуже, — сказал он и посмотрел на нас, желая, вероятно, убедиться в том, что мы все прекрасно поняли.

Заметив на наших лицах некоторое недоумение, он заговорил вновь, теперь уже торжественно и медленно, специально для тупых:

— Кот! Бот! Вот! Год! Крот! Лот! Мот! Плот! Пот! Рот! Тот! Ход!

— Он спятил, — сказал я.

— Дятел, — ответил Роско.

— Он рифмует, — сказала Сара. — Больше ничего... Неужели больше ничего?

Я усмехнулся:

— А вы у него спросите!

— Роско! — крикнула она, — Ты помнишь хоть что-то?

— То-то, фото, нота, хота, рота, шпрота...

— Нет-нет! — остановила она его, — Не это! Ты помнишь, кто твой хозяин?

— Каин, — признался робот.

— О господи! Нужно было проделать такой путь и пройти через такие испытания, чтобы услышать вот это?!

— Роско! — строго сказал я, — Мы ищем Лоуренса Арлена Найта!

— Знай-то, рай-то, чай-то, дай-то...

— Заткнись! — заорал я. — Мы ищем Найта! Укажи направление, в котором нам следует идти!

— Лети, плети, мети, — ответил Роско и, повернувшись, показал рукой на север.

Глава 17

Итак, мы снова шли по тропе, все дальше и дальше на север.

Пустыня и холмы давно остались позади, и мы взобрались на огромное плато, за которым вдали, упираясь в небо, голубели горы.

Здесь была вода. Множество ее потоков стремительно и звонко бежало по выбитым в камне руслам. Мы спрятали свои ставшие теперь ненужными фляги в одном из каменных домиков, которые по-прежнему попадались на нашем пути.

Все наши тюки были теперь привязаны к могучей спине Роско. Я, слегка стесняясь своего вида, шествовал при мече и щите. Хотя это снаряжение было не очень-то к лицу взрослому человеку, во мне шевелилась какая-то атавистическая гордость — та, которую испытывал древний обладатель этого оружия.

То, что еще недавно было просто затянувшейся прогулкой, теперь обрело хоть какой-то смысл. Конечно, нельзя было утверждать, что Роско указал нам на север сознательно, хотя позже он повторял этот жест в точности, тем не менее мы больше не чувствовали себя слепыми котятами.

Растительность становилась все более разнообразной. Здесь были и трава, и цветы, и множество кустарников, и даже величественные рощи. Вдалеке же по-прежнему возвышались деревья-гиганты.

Становилось все прохладнее, и все сильнее дул колючий ветер.

Тут было множество диковинных грызунов, которые, сидя на задних лапках, приветствовали нас громким свистом. Иногда мы видели небольшие стада травоядных. Сара подстрелила одного из них, и мы, освежевав его и поджарив, бросили жребий, кому пробовать первым. В качестве испытателя я съел несколько кусочков мяса и не умер. Выждав некоторое время, Сара с Туком подкрепились тоже. Затем мы пополнили наши съестные припасы.

В окружающем присутствовало нечто исступленно мистическое, и временами мне казалось, что все происходит во сне. Само плато было здесь ни при чем — влияла каким-то образом вся планета. Я спрашивал себя: кто был здесь до нас и почему ушел? Зачем посажен фруктовый сад и построен белый город?..

Порою, сидя у костра, я удивлялся, глядя на Хуха, тем братским чувствам, которые успели нас связать. Он очистил мою кровь от яда, а позже попросил у меня жизнь взаймы — и я дал бы, не опереди меня Тук. Но, скорее всего, предложенная жизнь была воспринята Хухом лишь как заменитель моей...

Этот Тук уже даже не пытался делать вид, что он один из нас. Он разговаривал только со своей куклой и, поужинав, сразу отодвигался от нас, несмотря на холод. Его лицо все больше худело, и весь он ссыхался, становясь бледной тенью. Порой, обернувшись, я видел его и не узнавал. Впрочем, это стирание памяти провоцировалось скорее бесконечностью плато, по которому мы шли. Прошлое и настоящее, воспоминания и надежды нанизывались здесь на вечность, ужасающую и восхитительную...

Итак, мы ползли по плато. Пэйнт двигался почти бесшумно, если не считать случайных ударов его качалок о камни, торчавшие посреди тропы. Хух еле различимой точкой бежал впереди, хотя вряд ли мы нуждались теперь в разведчике. Серым привидением, закутанным в коричневую тряпку, плелся Тук. Бодро вышагивал, бормоча бесконечные рифмы, Роско, счастливый идиот. И я со своим бьющим по ноге мечом был, вероятно, под стать всей этой странной компании... А вот Сара держалась неплохо. В ее глазах снова появился тот блеск, который был в глазах хозяйки аристократического дома, встретившей меня в дверях и увлекшей внутрь, а потом — сюда...

Далекие горы постепенно теряли свою туманную голубизну, и мы уже видели их грозные детали — отвесные скалы и глубокие ущелья, поросшие густыми лесами, тянувшимися до самых вершин.

— У меня такое чувство, — сказала однажды Сара, сидя у ночного костра, — что мы почти пришли.

Я кивнул, так как сходное чувство было и у меня. Мне казалось, что мы совсем рядом — неизвестно, правда, с чем. Что где-то в этих приближающихся горах мы найдем то, что ищем. Я вовсе не думал, что мы найдем Лоуренса Арлена Найта, давно, по моим предположениям, умершего, но был почти уверен, что вот-вот тропа оборвется и мы увидим ту вещь, которая нам нужна. Что же такое было нам нужно — я понятия не имел. Но это незнание вовсе не подавляло радостного предвкушения... Вот такую странную логику навевало окружающее. Бесконечная — скорее всего — тропа услужливо заканчивалась чем-то восхитительным.

Над нами мерцало спиралями голубовато-белое галактическое ядро.

— Интересно, — продолжила Сара, — вернемся ли мы когда-нибудь назад? И если вернемся, то сможем ли рассказать обо всем? Найдем ли слова?

— Найдем. Огромный белый город. Пустыня. Плоскогорье. Горы.

— Нет, не то. Исчезает чудесная таинственность...

— Для красоты всегда не хватает слов. Как не хватает их для страха и для счастья.

— Наверное... — согласилась она, — Так как, по-вашему, вернемся мы или нет? Есть ли у вас какие-то соображения на этот счет?

Я покачал головой. Кой-какие мысли у меня, конечно, имелись, но не настолько яркие, чтобы излагать их.

— А знаете, — сказала Сара, — я ведь не очень и беспокоюсь... Мне это кажется чем-то несущественным. Здесь есть то, чего я не находила нигде. Не могу сказать, что именно. Я много думала над этим, но так ничего и не определила.

— Через пару дней все выяснится...

Я чувствовал себя околдованным почти в такой же степени, что и Сара. Хотя она, конечно, могла быть более чувствительной и видеть все не так, как я. Ведь человек даже не может предположить, какие образы возникают в чужом сознании, как работает чей-то мозг, что запечатлевается в нем и как толкует он эти впечатления...

— Возможно, завтра, — сказала она.

Кивнув, я посмотрел на этого большого ребенка, говорившего: завтра, возможно, будет Рождество.

Но «завтра» не стало ни концом тропы, ни Рождеством. Оно стало днем, когда исчез Тук.

Мы обнаружили его исчезновение уже после полудня и, сколько ни пытались, не могли вспомнить, был ли он с нами на полуденном привале. Мы знали наверняка лишь то, что еще утром он был.

Пришлось возвращаться по тропе назад. Мы искали его, но безрезультатно. Когда наконец стало смеркаться, мы устроились на ночлег.

Это было, конечно, странно, что никто из нас не помнил, когда видел Тука в последний раз. Я очень удивлялся, когда думал об этом. Намеренно он покинул нас или заблудился?

А может быть, просто растворился, как сделал это Джордж в ту памятную ночь, когда агрессивное дерево загнало нас в здание из красного камня?.. Отчужденность Тука — единственно из-за нее мы не почувствовали его отсутствия сразу. День ото дня он все больше отдалялся от нас, становясь почти невидимым призраком. Это последнее, а также магические чары земли, по которой мы полушли-полуплыли, — вот что сделало вполне возможной незаметность исчезновения...

— Нет смысла продолжать поиски, — сказала Сара, — Если б он был где-то здесь, мы уже нашли бы его. Если бы он только присутствовал здесь...

— По-вашему, он уже не присутствует? — удивленно спросил я.

Она покачала головой:

— Он нашел то, что искал. Как и Джордж.

— Вы имеете в виду куклу?

— Это символ. Точка концентрации. Магический кристалл. Некая пред-Мадонна. Талисман...

— О Мадонне вы уже говорили, — напомнил я.

— Благодаря своей необычайной чувствительности, — продолжала Сара, — Тук воспринимал пространственно-временное запределье. Несносный, гадкий в повседневности — да, я признаю это теперь! — он был вне ее совершенно другим. Именно о таких говорят: не от мира сего.

— Вы сказали однажды, что он не выдержит пути, сломается.

— Да, я помню. Мне казалось, что он слаб, но так только казалось. В нем была сила...

Слушая ее, я не переставал мучить себя вопросами. Куда же мог уйти Тук? Ушел ли он вообще или просто ссохся до критической точки? Не остался ли он рядом — невидимый, неслышимый, дергающий нас за рукава в попытке привлечь к себе внимание?.. Хотя Тук не стал бы дергать. Он бы плюнул на нас и отвернулся. Его могли трогать только

собственные тайные мысли. Ну, кукла еще... Исчезновение, вероятно, было для него желанным избавлением от нас...

— Вас теперь только двое, — сказал Хух. — Но не только. С вами друзья.

Я действительно забыл о Хухе, лошадке и роботе. Я думал о том, что нас, свалившихся сюда из бездонного космоса, ищущих здесь непонятно что, нас уже вдвое меньше...

— Хух! — сказал я, — Ты ведь что-то почувствовал, когда нас покинул Джордж? А теперь?

— Я ничего не слышал, Майк. Знаю только, что Тук ушел не сразу. Это тянулось долго, не один день. Он просто таял, становясь все меньше и меньше...

Вот так, подумал я. Все меньше и меньше. И даже неизвестно, был ли он с нами весь — хоть минуту...

Сара стояла рядом с гордо поднятой головой, словно бросала вызов в темноту кому-то или чему-то. Быть может, обстоятельствам, отнявшим у нас Тука. Мне уже не верилось, что в этом замешаны какие-то посторонние силы. Все сделали Тук и его башка...

Пламя вспыхнуло ярче, и я увидел слезинки, скатывавшиеся по щекам Сары. От прикосновения моей руки она вздрогнула, повернулась ко мне и вдруг — чего уж никак нельзя было предвидеть — уткнулась лицом в мое плечо. Я обнял ее, и она горько разрыдалась.

У костра неподвижно стоял бесстрастный Роско, и в тишине, прерываемой всхлипами Сары, я слышал: «предмет, привет, стилет, скелет, билет, галет...»

Глава 18

Мы прибыли следующим утром. Именно «прибыли», потому что никто не сомневался, что это место и есть цель нашего многодневного похода.

Поднявшись на небольшой холм, я увидел две огромные скалы, в щель между которыми ныряла наша тропа, и понял: перед нами вожделенные ворота.

Вдали высились горы, те самые, которые не так давно были похожи на размазанное фиолетовое пятно. Фиолетовость все еще оставалась, и это она отбрасывала на голубую землю, по которой мы шли, свою угрюмую тень.

Во всем — и в этих горах, и в воротах, и в ощущении того, что мы у цели, — во всем этом была такая завершенность, что я стал опасаться подвоха.

— Хух! — сказал я громко.

Он не откликнулся, хотя и стоял рядом с нами, также глядя на всю эту странную правильность.

— Пошли? — вопросительно предложила Сара, и мы двинулись по тропе вниз к огромному каменному порталу.

Приблизившись, мы увидели на одной из скал металлическую пластину с одним и тем же текстом, повторенным на множестве языков. Часть каракулей адресовалась к владеющим космическим арго. И вот что там было написано:

ВСЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ. МЕХАНИЧЕСКИЕ, СИНТЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ, ЭЛЕМЕНТЫ ЛЮБЫХ ГРУППИРОВОК — ВХОД ВОСПРЕЩЕН. ИНСТРУМЕНТЫ, ОРУЖИЕ ЛЮБОГО ВИДА НЕ ВНОСИТЬ.

— Ну и ладно, — сказал Пэйнт, — Я составлю компанию нашему неуклюжему генератору рифм. И присмотрю за оружием. Только прошу не задерживаться. После этой жизни вверх ногами мне страшно оставаться без биологических персон. Соседство настоящей протоплазмы успокаивает...

— То, что мы идем туда совершенно беззащитными, мне очень не нравится, — сказал я Саре.

— Но ведь мы уже у цели! — напомнила она. — Вряд ли следует нарушать вполне безобидное предписание! Ведь там мы будем в полной безопасности, Майк! Разве вы не чувствуете?

— Чувствую, чувствую... Но все же мне это не нравится. Я не стал бы так уж доверять своим чувствам. Никто не знает,

на что мы там напоремся... Кстати, если бы мы не обратили внимания на табличку, то...

«Би-ип!» — пискнула табличка, или скала, или неизвестно что. И мы прочитали следующее:

ЗА ПОСЛЕДСТВИЯ УМЫШЛЕННОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕ НЕСЕМ.

— Ишь ты! — сказал я, — И какие же, вонючка, могут быть последствия?

Пластина не удостоила меня ответом — на ней остался прежний текст.

— Вы как хотите, а я пошла, — сказала Сара. — Причем соблюдая все правила. Проделав такой путь, я не поверну назад.

— А кто собирается поворачивать?! — удивился я.

«Би-ип!» — пропищало снова, и на пластине появилась надпись:

БЕЗ ГЛУПОСТЕЙ, ВОНЮЧКА.

Сара прислонила свое ружье к скале, прямо под пластиной, и рядом положила патронташ.

— Идем, Хух! — сказала она.

«Би-ип!» — и пластина изобразила:

ЭТОТ МНОГОНОГИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БИОЛОГИЧЕСКИЙ?

— Знай же, вонючка! — яростно прогудел Хух. — Я высижен по всем правилам!

НО ТЕБЯ НЕСКОЛЬКО.

— Меня трое! — с достоинством ответил Хух. — Перед тобой мое второе «я». Оно выше первого, но во многом уступает третьему.

Текст исчез. Казалось, кто-то или что-то размышляет.
«Би-ип!» — прозвучало наконец, и появилась надпись:

НАШИ ИЗВИНЕНИЯ, СЭР. ПРОХОДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

Сара вопросительно посмотрела на меня:
— Ну?
Я бросил оружие на землю.

Она шла первой, и я не возражал. В конце концов, это были ее бенефис и ее денежки. Хух легко катился за ней. А я тащился сзади.

Мы спустились по тропе вниз почти в потемках — так как нависающие над нами скалы заслоняли свет. Мы прошли по канаве шириною около трех футов. Затем канава резко повернула и впереди вспыхнул свет.

Оставив за собой камни и темноту, мы ступили на обетованные пределы.

Глава 19

Перед нами был вид Древней Греции, о которой я читал в школе, когда нам прививалась любовь к истории Земли. В те годы я плевал и на колыбель человечества, и на ее содержимое. Но концепции этого древнего народа поразили меня своим совершенством... Потом я, конечно, забыл о них и никогда больше не вспоминал. И вот теперь передо мной снова лежал школьный учебник...

Тропа не кончилась. Под шум сверкавшего на солнце ручья, который нещадно грохотал по уступам, она бежала по долине.

Ландшафт был довольно суров, но каменистую почву то тут, то там оживляла зеленая заплатка с деревцом-загогулиной.

Тропа то приближалась к ручью, то отдалялась от него, огибая встречные камни. А в вышине, на почти

неприступных склонах, виднелись игрушечно маленькие, сложенные из мрамора, поразительные по благородству линий домики.

Даже солнце казалось здесь греческим — во всяком случае, именно таким я представлял его. Исчезла голубизна плато, исчезли мрачные тени, и был только чистый, безудержно льющийся на бесплодную почву солнечный свет.

Это было оно — место, которое мы искали, сами того не зная. Искомое могло оказаться и человеком, и вещью, и даже идеей. Мы тыкались наугад — и вот... Правда, в этой долине можно было обнаружить еще и человека или могилу его, а может быть, какие-то следы, способные нам поведать о случившемся с этим легендарным странником.

При одном взгляде на долину уже невозможно было подумать, что тропа, приведшая нас сюда, могла иметь какой-то другой конечный пункт.

С тех пор как мы вышли из холодного полумрака под эти греческие лучи, никто из нас еще не проронил ни слова. Слов просто не было. И когда Сара двинулась дальше, Хух и я молча последовали за ней.

Мы обнаружили узкую тропинку, тянувшуюся к первой из вилл, которая стояла на склоне горы, почти нависая над потоком. Чуть в стороне от тропинки стоял столб с прикрепленной к нему дощечкой. На дощечке было что-то написано, но что — мы не могли разобрать.

— Табличка с именем? — остановившись, спросила Сара.

Я кивнул. Это вполне могло быть именем какого-то существа, живущего там, наверху, на вилле.

Табличка-то была, но никаких признаков чьего бы то ни было обитания не проявлялось. Нигде никто не шевелился, не выглядывал ниоткуда и не летал над нами. Не было слышно жужжания насекомых или насекомоподобных. По-видимому и слышимому, единственными живыми существами здесь были мы.

— Да, — сказала Сара, — Скорее всего, это действительно табличка с именем...

— Допустим, — ответил я. — Допустим и пойдем дальше. Поищем табличку с именем Лоуренса Арлена Найта.

— Даже теперь вы не в состоянии отнестись к этому серьезно! — возмутилась она. — То, по-вашему, он уже умер, то и не жил никогда, то еще что-то...

— Я могу, конечно, ошибаться, Сара, но здесь нет ничего, представляющего для нас хоть какой-то интерес. И это была ваша идея...

— Против которой вы были с самого начала!

— Захвачен я ею не был, что правда — то правда...

— Мы проделали такой путь?.. — жалобно воскликнула она.

— Ладно. В конце концов, мы ничего не теряем. Давайте в самом деле пойдем и рассмотрим все надписи.

И мы пошли, то сбегая по скатам вниз, то карабкаясь вверх. Нам попадались столбики с табличками, на которых были начертаны неведомые нам знаки — если это вообще были знаки. Солнце палило, прозрачный поток разбивался о камни, и брызги искрились. Но все остальное сохраняло прежнюю неподвижность.

Очередная табличка крупными печатными — и главное, понятными — буквами извещала: ЛОУРЕНС АРЛЕН НАЙТ.

Это было, конечно, форменным безумием. Невозможно пересечь всю Галактику и наткнуться на того, кого искал. Невозможно найти человека, давно умершего. Невозможно оживить легенду... Тем не менее перед нами красовалась надпись: ЛОУРЕНС АРЛЕН НАЙТ...

И тут меня осенило! Это не жилище, а могила! Гробница!

— Сара! — воскликнул я, но она уже карабкалась вверх, возбужденно всхлипывая и радуясь счастливому итогу напряженных поисков...

А потом на крыльцо этого белоснежного строения, сверкавшего перед нами, вышел человек. Это был глубокий, но еще крепкий старик с серебристой бородой и широкими плечами. Белая хламида не вызывала никакого удивления. С такой осанкой можно было носить только хламиду.

— Сара! — снова крикнул я и вместе с Хухом поспешил за ней.

Она ничего не слышала. Она ни на что не обращала внимания.

— Гости?! — воскликнул старик, выкидывая руку в нашу сторону, — Мои соплеменники?! Мог ли я думать, что увижу их вновь!

Его голос рассеял мои последние сомнения. Это не было ни миражом, ни призраком. Это был просто человек, приветствующий нас своим глубоким басом.

Сара протянула ему обе руки, он сжал их — и они оба застыли, глядя друг другу в глаза.

— Вероятно, это был долгий путь, — пророкотал старик, — Очень долгий. Тропа длинна, трудна, и никто ничего не знает... Но вы-то как узнали?!

— Сэр, — все еще тяжело дыша, сказала Сара, — вы, должно быть, Лоуренс Арлен Найт, не так ли?

— Ну да! — подтвердил старик. — Он самый! А кого же вы предполагали тут увидеть!

— Кого?.. — задумчиво повторила Сара. — Конечно вас. Но мы могли только мечтать об этом...

— А кто эти ваши милые спутники?

— Капитан Росс и Хух, наш преданный друг, — представила нас Сара.

— Весьма польщен, сэр! — отвесив Хуху поклон, сказал Найт, после чего повернулся ко мне, и мы обменялись рукопожатиями. Пергаментную кожу его крепкой руки покрывало множество темных пятен.

— Добро пожаловать, капитан! Места хватит для всех! И для молодой леди, имени которой я, к сожалению...

— Сара Фостер, — торопливо сказала Сара.

— Подумать только! — воскликнул Найт, — Я больше не одинок! Как бы прекрасно все ни было, мне всегда не хватало звуков человеческой речи и человеческих лиц! Здесь, конечно, множество существ, добрых и тонко чувствующих, но потребность видеть сородичей неистребима!

— Как давно вы здесь? — спросил я, пытаясь вспомнить, на какую же глубину уходит в прошлое легенда об этом человеке.

— Когда ты используешь каждый день в полной мере, когда с вечера нетерпеливо ждешь утра — отсчет времени не ведется. Минута становится частью вечности... Я много думал об этом и должен сказать, что не уверен в реальном существовании времени. Это абстрактное понятие, грубая измерительная линейка, перспективная структура, существующая далеко не во всех умах — но в тех лишь, которым необходимо поместить себя в так называемые пространственно-временные рамки. Время как таковое прячется в вечности, и невозможно найти ни начала его, ни конца. Они не существовали никогда... Ну а в моем случае тщательное измерение нелепо нарезанных ломтиков вечности — работа вовсе бессмысленная. Да и не нарезаются ломтики...

Он все говорил и говорил, а я, стоя между двумя мраморными колоннами, бросал рассеянные взгляды вниз, на долину, и думал: уж не тронулся ли старик от своего одиночества?.. Правда, все здесь действительно наводило на мысли о вечном, даже олицетворяло его. Я, конечно, не знал, как должна выглядеть вечность, но казалось, что именно так...

— Простите мне такую бессвязность, — остановился вдруг Найт, — но беда в том, что во мне накопилось слишком много невысказанного... Однако не все сразу. Вы и так, я вижу, утомлены. Не угодно ли зайти в дом?..

И мы вошли, мы погрузились в это классическое, умиротворенное изящество.

В доме не было окон, и солнечные лучи косо лились сверху, освещая великолепные стулья и софу, письменный стол с деревянной шкатулкой и разбросанными листами бумаги на нем, изысканный чайный сервиз на столике поменьше.

— Прошу вас, садитесь! — сказал Найт. — Я надеюсь, вы сможете уделить мне какое-то время?

«Так ведь его не существует!» — мысленно возразил я.

— Конечно же сможете! — ответил он сам себе. — Ведь вы располагаете всем существующим временем! Пришедшему сюда уже некуда спешить! У него даже не возникает желания уйти куда бы то ни было?..

Его монолог был гладким и понятным, как в добротной пьесе. Причина, по которой открылись его речевые шлюзы, не представляла загадки тоже. Одинокий старик нежданно— негаданно получил возможность выговориться. И все же при всей этой ясности я чувствовал какое-то смутное беспокойство...

— И для вас здесь конечно же места хватит, — продолжал Найт. — Многие жилища пока пустуют, так как добраться сюда не так-то просто. Через пару деньков я покажу вам окрестности, и мы кое-кого навестим. Нанесем, так сказать, официальные визиты. Без этого не обойтись — этикет у нас чтут. Однако в дальнейшем вы будете совершенно избавлены от необходимости делать визиты, если они вам окажутся в тягость... Здесь, должен вам сказать, живет избранная публика, представители самых различных уголков Вселенной. Кого-то вы найдете забавными, кого-то — занудливыми, и в их поступках будет очень много непостижимого для вас. Порою вы даже будете неприятно шокированы. Старайтесь в таких случаях быть терпимыми к чужому своеобразию...

— А что это за место? — поинтересовалась Сара. — Как вы узнали о его существовании и как...

— Что это за место?.. — глубоко вздохнув, переспросил Найт и умолк.

— Да, что это за место, собственно? — настойчиво повторила Сара, — Как оно называется?

— Ну-у... Вы знаете, я никогда не интересовался этим. Не думал об этом и никого не спрашивал.

— То есть, прожив здесь столько времени, вы не поинтересовались, где вы находитесь?! — удивился я.

Он посмотрел на меня с таким испугом, будто я призывал его к восстанию.

— А зачем?! Зачем интересоваться?! Что мне в этом названии?!

— Простите, — сказала Сара, — Простите нас. Мы не хотели вас обидеть.

Она-то, может быть, и не хотела его обидеть, а вот я был не прочь. В этом случае, возможно, он разрешился бы хоть чем-то толковым...

— Вы упомянули о наполненности каждого вашего дня, — сказал я. — Какого она рода?

— Майк! — одернула меня Сара.

— Но я хочу знать! — воскликнул я, — Созерцает ли он целыми днями свой пуп — или же...

— Я пишу, — сказал Лоуренс Арлен Найт.

— Снова вынуждена принести свои извинения, сэр, — вмешалась Сара, — Допрос — не лучшая форма беседы.

— Не для меня, — сказал я, — Не для невежи, желающего получить несколько вразумительных ответов. Он говорит, что никто из попавших сюда не желает никуда уходить! Он говорит также, что его дни заполнены до предела! Так вот. Если нам суждено застрять здесь окончательно, я хотел бы узнать...

— Каждый, — мягко прервал меня Найт, — делает здесь то, к чему имеет склонность. И делает исключительно ради собственного удовлетворения. Других мотивов нет. Лишь радость, доставляемая хорошо сделанной работой. Нет никакого экономического или социального давления. Деньги, признание, слава — все это теряет здесь смысл. Твой судья — ты сам.

— И поэтому, значит, вы пишете?

— Я пишу, — ответил Найт.

— И что же такое вы пишете?

— То, что хочу. Я излагаю свои мысли, стараясь выразить их как можно точнее. Я пишу, и переписываю, и снова пишу. Мне хотелось бы запечатлеть весь опыт моей жизни и понять: что я за существо и почему я именно такой... Мне хотелось бы продолжить...

— Ну, и как успехи? — нетерпеливо спросил я.

Он кивнул на шкатулку:

— Все в ней. Все, что я пока успел. Работа отнимает достаточно много времени, но приносит несравненно больше наслаждения. Конечно, чтобы завершить этот труд — если только я успею его завершить, — понадобится не день и не два. Но ведь в моем распоряжении все существующее время?.. Тут у нас и рисуют, и сочиняют музыку, и исполняют ее, и занимаются такими вещами, о которых я и не подозревал прежде! Один из моих ближайших соседей, весьма необычное существо, разрабатывает невероятно сложную игру со множеством фигур и фишек, помещаемых на четырехмерную доску и...

— Перестаньте! — закричала Сара, — Вы не должны отчитываться перед нами!

Умолкнув, она испепелила меня взглядом.

— Ну почему же... — удивился Лоуренс Арлен Найт. — по-моему, это может представлять для вас определенный интерес... Здесь так много удивительного! И я прекрасно понимаю, сколько вопросов может возникнуть у только что прибывшего к нам...

— Майк, — сказал Хух.

— Тихо! — сердито прошептала Сара.

— Это трудно объять сразу, — продолжал Найт. — Очень трудно... Почти невозможно, например, уяснить себе даже то, что время здесь застыло и что — несмотря на регулярное появление и исчезновение света, благодаря которому мы получаем наши искусственные дни, — время неподвижно. «Вчера» едино с «сегодня» и «завтра». Мы погружены в неподвижный океан вечности, где исключена тирания минут и...

— Майк! — протрубил Хух, уже не сдерживаясь.

Я вскочил. Вслед за мной поднялась Сара. И едва мы это сделали, произошла странная перемена.

Мы стояли в грязной лачуге с дырявой крышей, кривыми стульями и треногим, прислоненным к стене столом,

на котором среди раскиданных бумаг стоял деревянный ящик.

— Это за пределами человеческого сознания, — продолжал разглагольствовать Найт, — Это действительно за его пределами... Мне иногда кажется, что кто-то когда-то и каким-то образом увидел это место, проникся его смыслом и назвал небесами...

Он был стар. Он был невероятно стар. Он был омерзительным живым трупом с ввалившимися щеками и гнилыми зубами. Сквозь огромную дыру его негнущегося от грязи халата видны были ребра, выпирающие как у истощенного коня. Руки его стали когтистыми лапами. Борода слиплась от слюны. И только в полузакрытых глазах была странная, неуемная живость...

— Сара!! — закричал я испуганно, увидев ее все так же почтительно, благоговейно внимающей звукам, извергаемым грязной развалиной, скукожившейся на колченогом стуле.

— Сейчас, Майк, — бросив на меня недовольный взгляд, сказала она.

Я понял, что перед ней все тот же, прежний Найт! Что она ничего не заметила и все еще находится во власти дурмана, заманившего нас сюда, в эту ловушку!

Теперь я действовал очень быстро, почти не размышляя. Ударив Сару по челюсти, безжалостно и точно, я подхватил ее, уже падающую, и перекинул через плечо. Взглянув мельком на Найта, я увидел, что он отчаянно пытается слезть со своего стула, в то время как рот его продолжает выплевывать слова.

— В чем дело, друзья мои? Может быть, я невольно обидел вас? Так трудно порою понять нравы некоторых людей... Одно неловкое слово и...

Отвернувшись, я увидел на столе все тот же деревянный ящик и протянул к нему руку.

— Майк! — умоляюще прогудел Хух, — Мы не можем медлить! У нас даже нет времени для приличествующих случаю церемоний! Бежим отсюда с максимальным проворством!

И мы побежали с максимальным проворством.

Глава 20

Мы мчались без оглядки. И только перед тем, как нырнуть в каньон, ведший к воротам, я все же оглянулся...

Сара, уже пришедшая в себя, визжала и молотила меня кулаками по спине. Но я крепко держал ее одной рукой, другою сжимая все же захваченный ящик.

Когда мы выбрались из каньона, Роско и Пэйнт стояли в тех же позах, в которых были оставлены. Прислоненное к скале ружье Сары и мой меч со щитом тоже никуда не делись.

Я сбросил Сару на землю без всякого почтения. Получив столько ударов руками и ногами, я мог себе это позволить.

Бледная от гнева, она так и осталась сидеть. Рот ее открывался и закрывался, но ничего, кроме «ты! ты! ты!», из него не вылетало. Всегда защищенная денежками, она, вероятно, впервые испытала такое унижение.

Я стоял, тяжело дыша от этого бешеного бега и от побоев этой сумасшедшей, стоял и думал о том, что увидел, оглянувшись...

— Ты ударил меня! — сложила наконец слова оскорбленная Сара.

Сложила и выжидающе умолкла. А выжидать было нечего. Я не знал, что ответить, и у меня не было сил на ответ. Наверное, Сара надеялась, что я стану все отрицать, и тогда на меня можно будет накинуться не только как на хулигана, но и как на лжеца.

— Ты ударил меня! — закричала она опять.

— Ты чертовски права. Ударил, — сказал я, — Потому что ты кое-что не видела и стала бы спорить со мной... Оставаться там было нельзя.

— Мы нашли Лоуренса Арлена Найта! — вскочив, возопила Сара. — Мы обнаружили райское место! После долгого пути мы нашли то, что искали! И теперь...

— Вина лежит на мне, благородная леди, — сказал Хух. — Я уловил это краешком моего третьего «я» и показал Майку. Моих сил не хватило на то, чтобы это увидели и вы...

— Ах ты, грязная скотина! — возмутилась она и пнула Хуха ногой.

Удар пришелся в бок — Хух перевернулся и стал беспомощно сучить своими маленькими ножками.

Сара тут же упала перед ним на колени и заплакала:

— Прости меня! Мне стыдно! Мне очень жаль, что так получилось! — А затем поставила пострадавшего на нош.

— Майк! — жалобно воскликнула она, — О Майк?.. Что же такое произошло с нами?

— Надули нас, вот что, — сказал я, — Других объяснений быть не может. Околдовали.

— Добрейшая! — воскликнул Хух, — Я не в обиде на вас! Такой реакции мне следовало ожидать!

— Видать, кидать, не дать, рыдать, — добавил Роско.

— Заткнись! — крикнул ему Пэйнт, — Свихнуться можно от твоей тарабарщины!

— Это была иллюзия, — сказал я Саре. — Там нет никаких мраморных вилл — одни лишь грязные лачуги. И ручей, который виделся нам прозрачным, на самом деле засорен отбросами. От него поднимается непереносимая вонь. А Лоуренс Арлен Найт — если это действительно он — имеет вид покойника, оживленного неизвестно каким способом...

— Нас совсем не оберегают здесь, — сказал Хух.

— Мы нарушители границы! Мы не должны улететь с этой планеты, потому что иначе расскажем о ней другим! Это же гигантская мухоловка! Как только мы оказались поблизости, она заманила нас своим сигналом! А потом нам подкинули другую мухоловку, поменьше, использовав нашу склонность к серьезному восприятию мифов.

— Но ведь Найт, — сказала Сара, — преследовал свой миф еще там, в пределах Галактики!

— Как и мы! Как и те гуманоиды, чьи кости лежат в овраге! Видишь ли, в ловушках для насекомых иногда используются запахи, имеющие почти неограниченный радиус действия. Здесь же вместо запахов — легенды.

— Но этот человек, Найт или не Найт, был явно счастлив! Полон жизни! Его дни были насыщены делом, и он был уверен, что попал именно туда, куда ему хотелось?.. Может быть, ты все-таки ошибся? Или Хух просто подшутил над тобой?

— Не подшутил, — сказал Хух, — а дал реальное изображение.

— Реальное? Если Найт счастлив, и у него есть дело, и жизнь его полна смысла, и время над ним не властно...

— Ты хочешь сказать, что мы могли остаться? — спросил я.

Она кивнула:

— Ведь там было место и для нас... Можно было бы поселиться в одном из этих строений и...

— Сара! Ты действительно хотела бы этого? Ты хотела бы улечься на это воображаемое облачко? И никогда больше не увидеть Землю?..

Она хотела что-то сказать, но передумала.

— Ведь нет же! — продолжал я. — Там, на Земле, тебя ждет твой дом, набитый охотничьими трофеями, — ты ведь у нас великий охотник! Гроза свирепых хищников! Эти шкуры и головы, собранные по всей Галактике, давали тебе известное положение, делали тебя романтической фигурой! Но вот беда — людям в конце концов это приелось! Они стали зевать! И чтобы их как-то взбодрить, ты решила поохотиться за чем—то совершенно иным...

Рука Сары, описав неотразимую дугу, звонко шлепнула меня по щеке.

Я усмехнулся.

— Теперь мы квиты!

Глава 21

Мы повернули назад и шли по той же тропе, которая привела нас сюда, — через голубое плато. Горы, фиолетовые гиганты, были теперь за нашими спинами.

Шума, который подняла Сара из-за всего случившегося, конечно, следовало ожидать... Я и теперь не был убежден, что она поверила всему сказанному мной, — скорее всего, не поверила. Мои слова остались для нее только словами, а покинутая долина — чудесным местом с мраморными виллами, весело журчащим ручьем и ярким солнцем. Если бы ей довелось побывать там снова, именно это она и увидела бы. Колдовство все еще действовало на нее...

У нас не было никакого плана, и нам некуда было идти. Желания снова увидеть пустыню не возникало. Огромный белый город тоже не манил. Не знаю, что думали Хух и Сара, но в моей голове была единственная мысль: уйти как можно дальше от этих ворот и от этой долины...

Я уже успел забыть голубизну плато, мшистые холмики, сладко пахнущий кустарник, ледяные ручьи и деревья, воткнутые в небо. То, что планета была закрытой, связывалось у меня каким-то образом именно с этими деревьями. Потому, может быть, что они обнаруживали чью-то работу? Ведь самостоятельно они никак не расположились бы с такой правильностью... Вместе с тем я ловил себя на мысли, что смотрю на эту правильность уже без прежнего недоумения, не пытаясь разгадать ее причину. Мозг защищал себя от непосильных вопросов...

Ночью, сидя у костра, мы вяло размышляли о наших перспективах. Надежды проникнуть в корабль вроде бы не было. Там, на поле, стояло с дюжину других кораблей, и, вероятно, не первый год. Их, должно быть, тоже пытались взломать, но ничто не говорило о хотя бы одной успешной попытке... Неясной оставалась судьба экипажей этих кораблей. Мы знали — в общих чертах, конечно — о случившемся с гуманоидами, чьи кости лежали в овраге. Мы могли также

предположить, что кентавры — мутировавшие потомки инопланетных существ, прилетевших сюда много веков назад... Планета довольно крупная, с гораздо большей по сравнению с Землей площадью суши. Пришельцы вполне могли отыскать на ней пригодную для себя нишу. А некоторые, возможно, поселились в городе, если только эти вибрации для них не смертоносны... Был еще один вариант. Экспедиции могли состоять только из мужчин — из самцов, точнее говоря. И они просто вымерли...

— Не исключено, — сказала Сара, — что кто-то из них живет там, в долине, как Найт.

Я кивнул. Долина была последней ловушкой. Если только гость не погибал по дороге, она захлопывалась за ним безотказно. Идеальны ловушки, из которых не хочется выбираться... Вряд ли, конечно, все прилетевшие искали то, что искал Лоуренс Арлен Найт, или то, что искали мы. Их могли привести сюда совершенно другие причины...

— Ты уверен, что действительно видел это? — спросила Сара.

— Ну что я должен сделать, чтоб ты мне поверила? — воскликнул я, — По-твоему, я просто хотел насолить тебе, да? Ты думаешь, что самому мне счастье противопоказано? Что после всех этих миль, которые...

— Да, конечно, — согласилась она, — У тебя не могло быть никакой другой причины... Но почему ты все видел, а я не видела?!

— Хух тебя все объяснил! Он мог предупредить только одного из нас. И он предупредил меня...

— Майк — часть меня, — сказал Хух. — Мы обязаны друг другу жизнью. Это нас связало. Его сознание всегда во мне. Мы с ним почти одно...

— Чудно! На дно! — торжественно произнес Роско.

— Уймись! — прикрикнул на него Пэйнт, — Перестань пороть эту чушь!

— Туш!

— Этот почти человек хочет поговорить с нами, — сказал Хух.

— Его мозг поврежден, — сказал я. — В этом вся беда. Кентавры...

— Нет, он пытается контактировать, — настаивал Хух.

Повернувшись к Роско, я очень внимательно на него посмотрел. Тот стоял прямо и неподвижно. Пламя костра играло на его металлическом корпусе. И тут я вспомнил, что ведь это он указал нам дорогу на север. Значит, он еще соображает? И возможно, сейчас что-то хочет сообщить нам, но не может?..

— Хух! Не можешь ли ты что-то извлечь из него?

— Не в силах, Майк.

— Да разве не ясно, что ничего из этого не выйдет?! — возмутилась Сара. — И что мы никуда отсюда не улетим... Так и останемся здесь навсегда...

— Можно попробовать еще один вариант, — сказал я.

— Знаю. Другие миры. Вроде песков, в которых мы уже побывали. Их тут, должно быть, сотни...

— И один из этих сотен, возможно...

Она покачала головой:

— Невозможно. Ты недооцениваешь существ, построивших этот город и посадивших деревья. Они знали свое дело. Каждый из миров изолирован не менее надежно, чем этот. Иначе все потеряло бы смысл.

— А не думаешь ли ты, что в одном из миров живут строители города?

— Не знаю. Но даже если живут — что с того? Они раздавят тебя, как букашку!

— Да... — согласился я. — Ну, так что же предпримем?

— Лично я могла бы вернуться в долину. Как не видевшая того, что видел ты. И вероятно, не способная увидеть.

— Если ты мечтаешь о такой жизни, то конечно...

— Конечно! Потому что жизнь в долине была для меня вполне реальной! Кстати, ты уверен, что теперешняя наша

жизнь реальна? Тебе известны какие-то критерии реального?

Ответить на этот вопрос было невозможно. Я не знал критериев реальности. Лоуренс Арлен Найт выбрал для себя псевдожизнь в ирреальной долине. И эта жизнь виделась ему такой же наполненной, как если бы она была реальной. И все обитатели долины пребывали в том же счастливом заблуждении... Интересно, а как объяснил Найт наш внезапный уход? Наверное, придумал какую-то хитроумно естественную причину, которая не могла бы вывести его из равновесия, не потревожила бы его сладкий сон...

— Пожалуй, ты могла бы там прижиться, — сказал я, — Но мне это не подходит...

Мы сидели у костра и молчали, потому что говорить было уже нечего. Спорить с ней, что-то доказывать мне не хотелось. Я понимал, что все это говорится не всерьез и к утру забудется. Восторжествует здравый смысл, и мы двинемся дальше. Только вот куда?..

— Майк, — тихо сказала она.

— Что?

— У нас с тобой могло бы что-то получиться — там, на Земле... Мы одного типа.

Я пристально вглядывался в ее лицо. Странная мягкость была в нем.

— Ты ничего не говорила, — строго сказал я, — И это не в моих правилах — приставать к нанимателям.

Я ожидал, что она взорвется, но обошлось. Даже не поморщилась.

— Ты прекрасно знаешь, Майк, что я говорила не об этом... Но путешествие все испортило. Мы слишком хорошо узнали друг друга. До отвращения хорошо... Прости, Майк.

— И ты прости меня...

Утром она исчезла.

Глава 22

— Ты ведь не спал! — накинулся я на Хуха. — Ты видел, как она уходила! И не разбудил меня!

— Для чего? Для чего я должен был тебя будить? Ты все равно не удержал бы ее!

— Я вбил бы немножко ума в ее голову!

— Ты не удержал бы ее, — повторил Хух, — Это судьба, Майк. Это ее собственная судьба. Вмешиваться нельзя. И у Джорджа своя судьба, и у Тука своя, и у нее. И моя судьба — моя, ничья больше.

— К черту судьбу, — заорал я, — если она такое вытворяет! Мало того, что исчезли Джордж с Туком, так теперь я еще должен идти и вытаскивать Сару из...

— Не должен! — зло прогудел Хух. — Не должен ты ее вытаскивать! У тебя мало понимания, Майк... Ты не понимаешь, что это дело — не твое...

— Но она сбежала от нас!

— Тогда Тук с Джорджем — тоже сбежали.

— С Джорджем и Туком было все по-другому....

— Мой друг! Друг мой! — воскликнул Хух, — Я рыдаю по тебе!

— Оставь эти идиотские сантименты, — сказал я раздраженно, — Не заставляй меня снова на тебя орать.

— Разве это так плохо? — удивился Хух.

— Не то слово.

— Я надеюсь дождаться, — сказал он.

— Чего? — спросил я, — Или ты о Саре? Разве не понятно, что я отправляюсь за...

— Не о Саре. О себе. Я надеюсь дождаться, но уже не могу ждать.

— Перестань говорить загадками. Что случилось?

— Сейчас я тебя покину, — сказал Хух. — Мне пора переходить в третье «я».

— Сколько я тебя знаю, Хух, столько ты талдычишь о своих номерных «я»...

— Да! У меня три фазы! — торжественно провозгласил он, — Сначала первая, затем вторая и в конце — третья...

— Минуточку, минуточку... Ты, значит, у нас вроде бабочки? Гусеница, куколка и...

— Я не знаю о бабочке.

— Но за свою жизнь ты бываешь тремя различными существами?

— Мое второе «я» продлилось бы чуть дольше, — грустно сказал он, — если бы я не потревожил третьего — для того, чтоб рассмотреть Найта.

— Прости, Хух!

— Ничего. Третье «я» — это радость. Оно очень желанно. Ожидание его переполняет меня счастьем.

— Ладно, черт побери. Если так, валяй в свое третье. Я не против.

— Третье «я» — это удаленность, Майк. Оно не здесь. Оно где-то... Не знаю, как тебе объяснить. Я горюю по тебе и горюю по себе. Меня печалит расставание. Ты дал мне жизнь, и я дал тебе жизнь. Мы очень сблизились. Мы шли с тобой рядом через все опасности и научились понимать друг друга без слов. Я бы разделил свою третью жизнь с тобой, но это невозможно...

Шагнув к нему, я упал на колени и протянул руки навстречу его щупальцам. Соприкоснувшись, мы стали одним целым. На какой-то миг я увидел потаенные пределы его сущности — то, что он знал, что помнил, на что надеялся, о чем мечтал... А еще на миг мне открылись его предназначение и непостижимая структура его общества... Этот гремящий поток информации и эмоций хлынул в мой мозг, тут же его переполнив...

А потом все исчезло. И рукопожатие тоже. И сам Хух. Я стоял на коленях с протянутыми в пустоту руками. В голове чувствовался холод, а лоб был в испарине. Ко мне возвращался этот голубой мир, этот потухший костер и этот дурацкий робот.

Поднявшись на ноги и оглядевшись вокруг, я попытался вспомнить, чем же таким особенным была только что наполнена моя голова. Но ничего я не вспомнил. Наверное, мозг упрятал это поглубже или вовсе стер. Наверное, он защитил себя от перегрузки...

Пошатываясь и спотыкаясь, я приблизился к темным угольками и, сев на корточки, поворошил их. Из глубины вскоре выглянула тлеющая головешка. Оставалось только подложить к ней тоненьких щепок — и вот уже закружилась струйка дыма и задрожал маленький огонек.

Сидя в тишине у костра, я подбрасывал в него сухие ветки и думал о своем одиночестве. Допрыгались, думал я... Из четырех человек и одной многоножки остался минимум... И никчемный робот в придачу... Я был близок к тому, чтобы пожалеть себя, но вовремя вспомнил, что это не первая передряга в моей жизни и что одиночество — мое привычное состояние... Из-за исчезновения Тука с Джорджем, конечно, не стоило горевать. Хух — другое дело. О нем можно было и всплакнуть. Не о нем, вернее, а о себе — ведь он-то переселился во что—то лучшее... Сара, так много значившая для меня, ушла — туда, куда ее тянуло... И тут я понял, что Джордж с Туком — они ведь тоже ушли, куда им хотелось! У каждого было "место куда уйти! У всех, кроме меня!

Как быть с Сарой? — думал я. Вернуться в долину и вытащить ее оттуда, терпя брыкание и вопли? Или сидеть на месте и ждать, когда она одумается и прибежит сама? Как же, прибежит... Или просто послать ее к черту и отправиться по тропе в сторону города?.. Последний вариант можно было избрать с совершенно чистой совестью. Свою работу, оговоренную контрактом, я выполнил. И даже лучше, чем можно было ожидать. Несмотря на всю сумасбродность затеи, мы нашли Лоуренса Арлена Найта. Все оказались правы, а я — не прав. За что и сидел теперь один как дурак, не зная, куда приткнуться...

Послышалось какое-то позвякивание, и, подняв глаза, я увидел, как ко мне подходит и подсаживается рядом Роско. Словно собирается предложить мне свою дружбу.

Усевшись поудобней, он протянул вперед руку, разровнял плоской ладонью землю перед собой, затем большим и указательным пальцами аккуратно поправил поникшую травку и еще раз провел рукой по только что разглаженной поверхности.

Я зачарованно наблюдал. Мне было интересно, что же он задумал, но спрашивать не имело смысла. Он разразился бы обычной чушью.

Выставив указательный палец, он нарисовал на земле короткую волнистую линию, а потом еще несколько непонятных знаков. Мне показалось, что он пишет какую-то математическую или химическую формулу вроде тех, что я видел, листая как-то один научный журнал.

Не в силах больше сдерживаться, я крикнул:

— Что это, черт бы тебя побрал?!

— Врал, драл, крал, трал, — традиционно начал он и вдруг продолжил уже не в рифму, но все так же, насколько я мог понять, бессмысленно: — Валентная связь функции волны равняется продукту функций асимметрично пространственной волны, а также функциям асимметричной волны, в то время как спин обеих асимметрично волновых функций...

— Стоп! — крикнул я, — В чем дело, Роско? Ты, измучивший нас своими идиотскими рифмами, говоришь теперь как заправский профе...

— Графе, дрофе, софе! — отозвался он радостно и снова углубился в работу.

Писал он уверенно, не раздумывая, с видимым знанием дела. Заполнив гладкое пространство своими символами, он тут же стер их и принялся писать снова.

Затаив дыхание, я ждал. Ситуация уже не казалась мне такой комичной, как вначале. Тут происходило что-то очень важное.

Внезапно пишущий палец замер.

— Пэйнт, — сказал Роско, не подкрепив это слово никакими рифмами. — Пэйнт, — повторил он.

Я вскочил на ноги, и робот поднялся тоже. По тропе, грациозно подпрыгивая, к нам спешил Пэйнт. Он был один, без Сары.

— Хозяин! — сказал Пэйнт, остановившись перед нами. — Я вернулся и жду ваших приказаний! Она сказала вам «до свидания», она велела передать: «Да благословит вас Всевышний». Не понимаю, что это значит... Она сказала: «Надеюсь, что он благополучно вернется на Землю». Не могли бы вы, сэр, объяснить смиренному существу, что такое Земля?

— Земля — это родная планета нашей расы, — сказал я.

— Не могли бы вы, доблестный сэр, взять меня с собой?

— Почему ты хочешь отправиться на Землю?!

— Вы милосердны, сэр, — ответил он. — Придя в страшное место, вы не убежали прочь. Я был в очень стесненном положении, но вы освободили меня, проявив изысканную любезность. Мне не хотелось бы расстаться с вами по собственной воле.

— Спасибо тебе, Пэйнт, — сказал я.

— Значит, я следую с вами до Земли?

— Нет, не следуешь.

— Но ведь вы сказали, сэр...

— Для тебя здесь есть еще кой-какая работенка, Пэйнт.

— С радостью отплачу вам за ваше доброе дело, сэр, но я так желал бы попасть с вами на Землю!

— Ты отправишься назад, — сказал я, — и будешь ждать Сару.

— Но она сказала «до свидания» очень понятно! Было похоже, что она прощалась!

— Ты будешь ждать ее! — повторил я, — Я не хочу, чтобы она не имела возможности вернуться.

— Вы думаете, что она захочет уйти оттуда?

— Не знаю.

— Но я должен ее ждать?

— Именно так.

— Я буду ждать! — жалобно воскликнул он, — Вы полетите на Землю, а я буду еще ждать! Буду ждать вечно, может быть! Если она вам нужна, добрейший сэр, то почему вы не вернетесь и не скажете ей это?

— Не могу. Хоть она и жуткая дура, у нее должен быть шанс. Как у Джорджа и Тука.

Сказав это, я удивился собственным словам. Решение, конечно, принять следовало. Но я принял его, совершенно не задумываясь, инстинктивно! Как будто это произошло не по моей воле, как будто это сделал некто, стоящий в сторонке. Хух, например... Я вспомнил о его просьбе не вмешиваться, не идти в долину, не вытаскивать Сару оттуда. Как же много оставил мне Хух перед своим уходом?.. Я вновь попытался что-то вспомнить, но кроме руки, обвитой щупальцем, память не предлагала мне ничего...

— Тогда я возвращаюсь, — сказал Пэйнт, — Возвращаюсь, полный грусти, но послушный. Там, конечно, не Земля — однако и не овраг...

Он повернулся, чтоб уже идти, но я, остановив его, приторочил к седлу ружье и патронташ.

— Оружие она оставила для вас, — сказал Пэйнт. — Ей оно не понадобится.

— Если уйдет оттуда — понадобится, — возразил я.

— Не уйдет. Вы знаете, что не уйдет. Когда она подходила к скалам, ее глаза сияли.

Я не ответил ему. Я стоял и смотрел, как он, повернувшись, удаляется по тропе — медленно, чтобы слышать, если его позовут назад. Но я не позвал его.

Глава 23

В тот вечер, сидя у костра, я открыл ящик, взятый со стола Найта.

За день мы прошли довольно солидное расстояние, хотя каждый шаг стоил мне немалых усилий. Что-то настойчиво и властно звало меня назад. Сопротивляясь, я пытался понять, кому же так хочется удержать меня. Саре? Или все же это не «кто», а «что»? Может быть, собственная мысль о необходимости вернуться и ждать?.. Я чувствовал вину перед Сарой, хотя прекрасно знал, что вовсе не бросил ее — так же как мы не бросили Джорджа и Тука. Мне казалось, я предал ее, но ведь не предал же?.. Больше всего меня беспокоило то, что она все-таки не поверила нам с Хухом, когда мы рассказали об увиденном в долине. Я должен был убедить ее не возвращаться туда! Но она предпочла фактам свою иллюзию, она не смогла и не захотела понять нас...

А может быть, это Хух тянет меня назад? Может быть, меня терзает именно то, что он успел перелить в мой мозг?..

Я еще раз попытался вытащить из подсознания хоть какой-то обрывок информации, но тщетно...

А если меня удерживает Пэйнт? Ведь я жестоко с ним обошелся, заставив делать мою работу. Не следует ли вернуться и все отменить?.. Я представил себе бедного Пэйнта, стоящего там, у ворот, тысячу, миллион лет — в ожидании невозможного...

Обуреваемый такими мыслями, я уходил по тропе все дальше и дальше.

Стороннему наблюдателю мы показались бы довольно странной парочкой: один тащился с нелепым мечом, другой с огромным горбом вещей, не переставая бормотать.

Когда мы остановились на ночлег, и я в поисках съестного стал рыться в одной из сумок — на глаза мне попался ящик Найта. Подумав, я отложил его в сторону, решив пока не отвлекаться.

Роско принес сухих веток и, пока я разогревал на костре ужин, без умолку гундосил — не рифмы на этот раз и не терминологическую белиберду.

— Имея глаз один, ты устреми его в молитве к небесам, — сказал он вдруг. — И солнце одноглазо, однако же весь мир обозревает!

— Роско, — сказал я, опасаясь, что он вот-вот свихнется окончательно. — Извини, но я ничего не слышал. Задумался. Мне хотелось бы узнать...

— И кроткими они бывают... — продолжил он, — Под гнетом бед душа томится. И мы бы плакали, когда б такой нам груз...

— О боже! — закричал я. — Поэзия! Уравнений и бессмысленных рифм тебе было мало!

Медленно поднявшись на ноги, он вдруг запрыгал в лязгающей жиге, весело при этом горланя:

— Сгоряча меня ударив, ты сказала: добрый день! все давно уже остыло! надо раньше приходить! видно, раньше не пришел, потому что не хотел! потому что где-то, видно, пообедать ты успел?..

Внезапно остановившись, он сосредоточенно посмотрел на меня и сказал:

— Пел, сел, мел.

Я облегченно вздохнул. Это было, по крайней мере, что-то привычное.

Сумерки сгустились, и над головой снова расцвела Галактика, сначала центральное ядро, а потом тонкие спиральные нити.

Дым от костра, едва поднявшись, подхватывался ветром и исчезал в темноте. Где-то кто-то кудахтал, а прямо под ногами, в траве, сновала невидимая мелюзга.

А не Шекспира ли декламировал этот Роско? Слова вроде бы похожи... Хотя, конечно, я не специалист... А если Шекспира — откуда Роско его знает? Может быть, во время долгого полета, а потом, идучи по тропе, Найт читал это вслух?..

Поужинав, я помыл посуду в ручье и отложил ее в сторонке до утра. Роско, сидя у костра, водил пальцем по земле.

Взяв деревянный ящик Найта, я открыл его. Внутри оказалось множество бумажных листов, взяв первый из которых я прочитал:

«Голубой и высокий. Чистый. Совершенно голубой. Звук воды. Звезды над головой. Земля оголена. Смех в вышине. Голубой смех. Мы действуем неразумно. Думаем, не размышляя...»

Почерк был неразборчивый и очень мелкий. Я с трудом разбирал слова.

«...мелко. Нет ни начала, ни конца. Бесконечность и более того. Голубая бесконечность. Бегущие ни за чем. Небытие есть пустота. Пустота есть отсутствие. Беседа — пустота. Поступки — пустота. Где найти то, что не пусто? Нигде, напрашивается ответ. Высокое, голубое, пустое...»

Это было еще почище тарабарщины Роско. Я скользнул взглядом по странице и увидел все то же. Вытащив из ящика целую кипу листов, я поднес к глазам тот, на котором была пометка: «стр. 52», и прочитал следующее:

«...что далекое есть удаленное. Расстояния глубокие. Не малые, не большие, а глубокие. Некоторые без дна. И не могут быть измерены. Нет такой палки, чтоб измерить. Фиолетовые расстояния самые глубокие. Никто не преодолеет фиолетовое расстояние. Оно ведет в никуда. Ему некуда вести...»

Я положил листы обратно и закрыл ящик. Я думал об этом психе, живущем в своей заколдованной греческой долине. И о Саре, живущей теперь там же. О Саре, которая ничего не знала и не желала знать.

Мне захотелось вскочить и закричать. Я еле удерживался от того, чтобы не побежать назад. Но я удерживался. Потому что впервые в жизни думал о ком-то, кроме себя... Вернувшись в долину, Сара сделала свой выбор. Ее влекло туда, где

она надеялась обрести счастье. Счастье... Найт ведь тоже был счастлив, когда писал эту чушь! Укутанный в кокон своего счастья, он считал жизнь вполне удавшейся и даже не подозревал, что все это — обман...

Был бы сейчас рядом Хух! Хотя можно было не сомневаться, что он посоветовал бы не лезть в чужие дела. И добавил бы что-то о судьбе. А что такое судьба? Заложена ли она в генах или только записана на звездах? И неужели все наши поступки предопределены?..

Острое чувство тоски вновь охватило меня, и я придвинулся поближе к костру — словно его тепло могло меня защитить... Из всех моих спутников со мной остался только Роско, и он никак не мог нарушить моего одиночества. Он был по-своему тоже одинок...

Сара, Джордж, Тук и Хух — все они достигли своей еле угадывавшейся цели, осуществили свою мечту. Где-то глубоко внутри они уже знали, где им следует искать, куда идти... А я — знаю?..

Как ни пытался я определить это, ничего не вышло.

Глава 24

Утром мы нашли куклу Тука. Она лежала футах в шести от тропы, на самом видном месте. Было непонятно, как мы не заметили ее раньше. Я попробовал выяснить, не здесь ли мы искали пропавшего Тука, но в памяти моей не застряло никаких ориентиров.

До сих пор мне как-то не приходилось особо всматриваться в эту куклу. Мой взгляд слегка задержался на ней лишь раз — в ту самую ночь, когда мы оказались загнанными в краснокаменное здание. Теперь же у меня была возможность рассмотреть ее основательно, проникнуться всей печалью этого грубо вырезанного лица.

Сработавший куклу был либо дикарем, совершенно случайно придавшим ее лицу такое выражение, либо искусным мастером, сумевшим простейшими средствами передать

болезненную растерянность мыслящего существа перед загадками Вселенной.

Лицо было не совершенно гуманоидным, но — достаточно. Его даже можно было принять за человеческое, искаженное, правда, каким-то особым знанием — не тем, к которому стремишься, но тем, что обрушивается на тебя...

Я попытался выбросить ее — и не смог. Кукла как будто приросла ко мне, она явно не собиралась меня отпускать. Прижимая ее к груди одной рукой, другою я пытался отбросить ее в сторону, но обе руки не слушались меня.

Это было так же, как с Туком, если не считать, что он был добровольной жертвой и видел в кукле какую-то привлекательность, какое-то значение... Но я же всего этого не видел! Возможно, она давала ему то, что он искал, возможно, он видел в ней что-то спасительное — Мадонну, как сказала Сара? Но я-то не видел в ней Мадонну!..

И вот я шел теперь, прижав проклятую куклу к себе и лопаясь от злости на самого себя, уподобившегося презренному Туку...

Мы по-прежнему шагали по голубому плато, и горы позади нас опять превращались в облака. Я размышлял над тем, не была ли зацикленность Найта на голубизне, обнаружившая себя в первых же строках его рукописи, отражением, эхом того, что мозолило сейчас мои глаза. Он шел к долине этой же дорогой, и по ней же Роско, брошенный у ворот, добрался затем до города и стал пленником гнома — на свою голову...

Спустя несколько дней — скорее от скуки, чем из любопытства, — я опять вытащил рукопись. Я начал с первого листа и прочитал ее всю — не залпом, конечно, это не было захватывающим чтением...

Я корпел над ней, как корпит ученый над каким-нибудь древним свитком, обнаруженным в монастыре. Меня занимала не столько информация, сколько стремление понять, что же подвигнуло человека на такой грандиозно-

бессмысленный труд. Мне хотелось пробраться сквозь весь этот бред к рациональной крупице, которая все же могла остаться в Найте.

Но там не было ничего. Рукопись была абсолютно непроходимой и непостижимой ни для кого, кроме конгениальных идиотов. Слова в им угодном порядке просто вылезали из Найта — и его нисколько не заботило их значение…

Кажется, на десятую ночь, в двух сутках пути от пустыни, я добрался наконец до той части рукописи, в которой брезжил некоторый смысл…

«И эти существа ищут голубое и фиолетовое знание. Они ищут его по всей Вселенной. Они заманивают все, что может быть познано. Не только голубое и фиолетовое, но весь спектр. Они вытаскивают знание с уединенных планет, затерянных в глубинах пространства и времени. Извлекают из голубизны времени. С помощью деревьев они ловят его и хранят до поры золотистого урожая. Огромные фруктовые сады. Мощные деревья, уходящие на мили в голубизну. Впитывающие мысль и знание так же, как где-то впитывается золото солнца. И это знание — их плоды. Плод — это не только плод. Плод — питание для тела и для мозга. Он круглый, длинный, твердый и мягкий. Он голубой, золотистый и фиолетовый. Иногда красный. Он созревает и падает. Его собирают. Потому что сбор урожая — это уборка, а плодоношение — это рост. Оба золотисто-голубые…»

И опять он скатывался в бессмыслицу, в которой цвет, форма и размер играли главную роль, как и в большей части рукописи…

Я прочитал этот абзац снова, затем внимательно просмотрел предыдущие листы в надежде найти хоть какое-то разъяснение того, кем являлись упомянутые «эти существа», но не нашел.

Убрав рукопись в ящик, я присел к костру и глубоко задумался. Был ли привлекший мое внимание кусочек всего

лишь диковинной фиоритурой помраченного рассудка? Или это просветление, застигшее Найта в момент писания вывихнуто—мистических откровений? А что, если Найт вовсе и не сумасшедший и вся эта белиберда — не более чем камуфляж, под которым скрывается вполне трезвое послание? Вариант, конечно, притянутый — будь Найт настолько в здравом уме, чтобы осуществить такое, он давным-давно ушел бы из долины и попытался бы убраться с самой планеты, унося в Галактику все то, что ему здесь открылось... Но если это все же послание, каким образом он получил такую информацию? Имелась ли в городе запись, которая могла бы что-то поведать ему? Или он разговаривал с кем-то или чем-то, поделившимся знанием истории фруктового сада? А может быть, это Роско все раскопал? Ведь он телепатический робот...

Роско, совсем не похожий на телепатического, сидел на корточках рядом со мной и, бормоча, чертил свои бесконечные формулы.

Я хотел было задать ему парочку вопросов, но передумал. Что мог сообщить мне этот контуженный?..

Утром мы двинулись дальше и на второй день подошли к нашему тайнику, откуда, восполнив съестные припасы, продолжили свой путь уже по пустыне.

Мы быстро миновали поле, где я сражался с кентаврами, и овраг, где был обнаружен старина Пэйнт. Нам попадались следы наших костров, и под ногами снова была красно-желтая земля. Вдалеке кричали знакомые крикуны и бегали какие-то странные существа, которых в прошлый раз мы не видели... Никто не мешал нам продолжать свой путь.

Я видел рядом с собой — призрачно — нашу старую компанию: Сару верхом на Пэйнте, Тука, путающегося в своей длинной коричневой сутане и ведущего за руку Джорджа Смита, Хуха, бегущего впереди... Временами я начинал верить, что все они действительно были со мной, но даже тогда, когда я был уверен в обратном, мне хотелось обмануть

себя... Смущала, впрочем, одна деталь. Тук нес куклу, прижимая ее к груди, — и ту же куклу в кармане своей куртки нес я.

Она не была больше приклеена к моей руке. Я мог избавиться от нее, но не делал этого. Я каким-то образом знал, что должен нести ее... По ночам я сидел и смотрел на это творение — с отвращением и умилением одновременно. С каждым разом отвращения становилось все меньше.

Сидя у костра, я или любовался куклой, стараясь при этом постичь ее тайну, или читал рукопись, все такую же глупую... Но почти в самом конце ее мне попалось еще одно откровение.

«Деревья — это высота. Деревья тянутся ввысь. Никогда не удовлетворены. Никогда не останавливаются. Написанное мною о деревьях и поглощенном знании — правда. Вершины туманны, голубой туман. Сказанное мною о деревьях и поглощенном знании — правда...»

Преследовалась ли этим цель подкрепить и подтвердить то, что было сообщено многими страницами раньше? Еще один проблеск здравомыслия? Хотелось верить...

Следующей ночью я закончил чтение. А на третий день после этого мы увидели город. Он был похож на заснеженную гору.

Глава 25

Дерево по-прежнему лежало там, куда его повалил луч. Пень вздымался вверх, как огромное копье. Листва на ветвях пожухла, обнажив мертвый скелет сучьев.

Поодаль виднелось здание из красного камня, в которое мы когда-то были загнаны внезапно начавшимся обстрелом. Глядя туда, я почти услышал хлопанье невидимых крыльев.

От дерева разило резким отвратительным запахом, и когда мы подошли к пню, я увидел, что зеленая лужайка уже

осела, превратившись в зловонную яму. В маслянистой жидкости, наполнявшей ее, плавали покрытые слизью скелеты — странного вида, но несомненно скелеты...

Это не были останки тех существ, которые, безутешно рыдая, обвиняли нас в жестокости, — но и те, без сомнения, погибли тоже. Усохших, их, вероятно, уже давно унес ветер...

И все это сделал я. Они погибли от моей руки. Убив дерево, я ненароком убил многих и многих... Но ведь не я же первый начал! Дерево напало на нас! И у меня были все законные основания дать ему отпор! Это соответствовало моим убеждениям, в конце концов! Если кто-то был груб со мной — я никогда не оставался в долгу!.. Кстати, на протяжении всего дальнейшего пути — туда и обратно — ни одно дерево не попыталось обстрелять нас. Словно их всех предупредили: не связывайтесь с этим парнем: неприятностей не оберетесь!.. Не зная, что я уже безоружен, они вели себя самым примерным образом...

Роско тронул меня за плечо, и, обернувшись, я увидел, что он указывает куда-то вдаль.

Их было много там, целое стадо. И они были пугающе узнаваемы. Эти монстры напомнили мне об огромных костях, виденных в овраге.

Они бежали на задних лапах, удерживая равновесие при помощи мощных хвостов, выброшенных назад. Их когтистые передние лапы были угрожающе подняты. На мордах застыла удовлетворенная ухмылка. Возможно, они преследовали нас уже долгое время, до поры до времени держась на расстоянии...

Гигантские уродливые твари стремительно приближались. Я знал, что им ничего не стоит разделаться со мной, и вовсе не хотел дожидаться этого. Я бросился в сторону города.

Щит оттягивал руку, и я отшвырнул его в сторону, после чего, все так же на бегу, принялся расстегивать пояс. Меч

больно бил по коленям, и в конце концов, о него же и споткнувшись, я кубарем покатился по тропе вниз.

И тут ко мне протянулась рука, ухватила за перевязь и слегка приподняла. С этого момента я просто висел и смотрел то на землю, прыгающую у самого носа, то на размытое пятно, каким выглядели ноги Роско. Бог мой, как он бежал?..

Я старался вывернуть голову таким образом, чтобы можно было определить наши быстро меняющиеся координаты. Но что-либо разглядеть было невозможно... Висеть становилось не очень удобно, но я не жаловался. Это было доплатой за скорость...

И вот под меня влетел тротуар, и я был бережно поставлен на ноги. Немного кружилась голова, и пошатывало, но эта узкая улочка, по которой мы шли много дней назад, была узнана сразу же.

За спиной послышался злобный рев, и я увидел, как наши преследователи отчаянно пытаются пролезть между зданиями. Теперь мне стало понятным, отчего в этом городе такие узкие улицы.

Глава 26

Призрачные корабли по-прежнему стояли на белом посадочном поле, как на дне гигантской чаши, стенками которой был город. Поле было все таким же стерильно чистым и безмолвным. Ничто не шевелилось. Не было ни малейшего ветерка...

Ссохшееся тело гнома неподвижно висело на конце веревки, накинутой на толстую балку. Склад выглядел так же, как и прежде: горы ящиков, тюков и пакетов. Лошадки отсутствовали.

В огромной комнате, выходившей на улицу, я обнаружил все те же каменные плиты и рядом с ними — тот же диск управления. Одна из плит светилась изображением какого-то кошмарного мира. Это было похоже на рождение

планеты: полурасплавленная, медленно пульсирующая поверхность, лопающиеся пузыри, струи пара, вулканы, извергающие пламя и дым.

Роско снял с себя поклажу и положил ее за дверь. А потом опустился на корточки, и палец его задвигался по полу, не оставляя следов. Сам он, к моему удивлению, хранил молчание.

Я разломал деревянную скамейку, прихваченную со склада, и разжег на полу костер. Я был дикарем, очутившимся в пустом городе исчезнувшей расы. Еще один дикарь болтался на веревке в соседней комнате. А искусственный разум бился над проблемой, никому — в том числе и ему — не известной...

Да, это было маловероятно — чтобы Роско осознавал то, что делал. Он не мог быть запрограммирован на все эти вычисления... А что, если кентавры, выбив из его мозга весь здравый смысл, еще и вколотили в него гениальность?..

Солнце уже миновало свой зенит, и нижняя часть улицы стала темной. Лишь закинув голову, можно было видеть освещенные лучами верхние этажи. Слышно было, как там шумит ветер...

Почему же он опустел, этот город? Что произошло, что могло выгнать отсюда его обитателей? А может, они не были выгнаны? Может быть, город был просто средством для достижения цели, достигнув которой все ушли добровольно? На другую планету, скажем, влекомые уже новой целью... Может быть, цель эта заключена в посадке деревьев? Или в посадке и длительном уходе — пока те достигнут определенных размеров? Это могло занимать века, даже тысячелетия. Предварительное исследование почвы, сама посадка, множество вспомогательных работ... Затем рытье ям для хранения семян, разведение маленьких грызунов-сборщиков... Все это стоило бы труда и траты времени, если деревья действительно были посажены с той целью, на которую в своей рукописи намекал Найт. Если каждое дерево — принимающая станция, которая отлавливает информацию

— возможно даже, на психоволновом уровне — по всей Галактике, обрабатывает ее и хранит до того момента, когда «садоводы» придут и соберут плоды. И Все—таки в каком виде информация хранится в этих семенах? Может быть, она заложена в комплекс ДНК-РНК — причем с совершенно особыми свойствами кислот, позволяющими хранить не только биологическую информацию...

Я даже вспотел от размышлений... Значит, в ямах, куда грызуны сбрасывают семена, хранится уму непостижимое богатство? И любой, овладевший техникой извлечения, может вытащить из этих семян весь интеллектуальный потенциал Галактики?.. Да, если бы кому-то удалось опередить хозяев этого сада, он собрал бы богатый урожай... Видно, такая вероятность и побудила садоводов закрыть планету. Утечка информации исключена...

Как часто они сюда приходят?.. Вполне возможно, что раз в тысячу лет. За это время уж наверняка в Галактике выдумается что-то стоящее. А может быть, они уже не приходят? Может быть, с ними что-то стряслось? Или они уже отказались от проекта, сочтя его неэффективным? За тысячелетия, прошедшие, возможно, со времени постройки города, они могли стать достаточно зрелой или дряхлой расой, чтобы взирать теперь на все это садоводство как на детские шалости...

Устав от долгого сидения на корточках, я протянул руку к полу, чтобы, оперевшись, усесться поудобней. Рука неожиданно наткнулась на куклу. Я не поднял ее — я просто провел ладонью по ее печальному лицу и неожиданно понял, что существа, посадившие на этой планете деревья, не были здесь первыми. До них планету населяла другая раса, построившая храм из красного камня. Тогда же была вырезана и кукла. Это было не меньшим достижением, чем посадка деревьев и строительство города. Большим, возможно...

Но теперь здесь не осталось никого, кроме меня, представителя еще одной расы, не такой, возможно, великой, какие водились в этих местах, но и не самой задрипанной. Я был

здесь и знал о сокровищах. Я знал о том, что можно было продать! Найт, конечно, тоже знал — раз написал... Но, погруженный в свои иллюзии, на все прочее плюнул... Дурак! Упустить такой шанс!

Может, он просто понял, что с этой планеты невозможно удрать? А я вот не понял. Не понял я, что какая-то садоводческая шайка может меня здесь удержать! Мне вот только перекусить, немного отдохнуть — и я займусь всеми этими мирами. Хоть Сара и утверждала, будто они тоже изолированны, — проверить не помешает. А вдруг в одном из них меня поджидает корабль?..

Поразмыслив над тем, что же делать с гномом, я решил не делать ничего. Если б я его снял, было бы неизвестно, что делать дальше. Его последняя воля была мне тоже неизвестна. Может, он хотел висеть вечно?.. Однако я не мог понять, почему он это сделал. Я понимал только, что способ, избранный им, доказывает: он был гуманоидом. Никто, кроме гуманоидов, не вешается...

Я посмотрел на Роско. Тот прекратил свои вычисления и теперь просто сидел, вытянув вперед ноги и неподвижно глядя в пространство. Как будто на него вдруг обрушилась какая-то ошеломляющая истина и он ее переваривал.

Глава 27

Сара была права: эти миры не предлагали выхода.

Я просмотрел их все. Я спал урывками — и лишь из опасения, что, утомленный, не смогу правильно оценить увиденное. Я не спешил и потратил гораздо больше времени, чем это было необходимо.

Какое-то время ушло на то, чтобы выяснить принцип работы колеса, при помощи которого вызывался каждый из миров. Покончив с этим, я тут же принялся за дело, ни на что больше не обращая внимания.

Роско не отвлекал меня. Большую часть времени он отсутствовал. Мне казалось, что он бродит по городу, но о цели этих прогулок я как-то не задумывался...

Нельзя было, конечно, утверждать, что ни в одном из миров не было той техники, которую я искал. Ведь мне был виден только небольшой кусочек каждого. Проникнув же в какой-либо из них, я почти наверняка застрял бы там окончательно. Без Хуха и летающего на колесе существа мы бы никогда не выбрались из мира барханных песков...

Ни на одной из картинок я не увидел даже малейшего признака разумной жизни. Все они были до ужаса примитивными, эти миры. Буйство джунглей, ледяная пустота, а то и вовсе — процесс образования планетной коры.

Некоторые из них демонстрировали мне плотную атмосферу с клубами газов, от одного вида которых я чуть не задохнулся. Были и уныло-мертвые — с громадными голыми равнинами, освещенными тусклым кроваво-красным солнцем. А один предстал в виде обугленной черноты — всего, что осталось после вспышки его светила...

С какой целью, спрашивал я себя, были прорублены двери во все эти миры? Ведь если они предназначались для простого перемещения на другие планеты, то наверняка я не увидел бы сейчас ни шлака, ни джунглей. Двери выходили бы, скажем, на окраину города или хотя бы деревеньки... Может быть, они служили лишь для избавления от незваных гостей? Но в таком случае одного или, самое большое, дюжины таких миров было бы вполне достаточно! А тут — сотни?.. Конечно же, в этом была какая-то логика, но я уловить ее не мог. Наверное, она располагалась вне человеческой досягаемости...

Итак, я просмотрел их — и легче мне не стало. Мне стало еще хуже, так как, принимаясь за эту работу, я питал надежду. А теперь надежда испарилась.

Я подошел туда, где должен был гореть костер, — но он не горел. Пепел был совершенно холодным. Роско, которого я не видел уже несколько дней, не было...

Может, он ушел от меня? Или просто бродит, не чувствуя необходимости вернуться?

Усевшись перед кучкой холодного пепла, я стал смотреть в темень улицы. Не конец ли это? — подумалось мне. Или человек еще что-то может сделать?..

Скорее всего, возможности не исчерпались. Где-то в этом городе могла отыскаться дорога или ключ к разгадке всех тайн... Где-то на этой планете, идя на восток или на запад, а может быть, на юг, но никак уж не на север, — где-то можно было найти ответ на все вопросы... Но я не хотел ничего искать. Я не хотел даже шевелиться. Я был готов сдаться.

— Вот и все, гном, — сказал я...

Это было не все, конечно. Я знал, что просто малодушничаю. Сгущаю краски. Я знал, что поднимусь и пойду, как только придет время... А пока я просто сидели жалел себя. Себя и всех остальных. Почему я жалел Смита, Тука и Сару — было непонятно. Они получили то, чего хотели...

Снаружи мелькнула тень, черным по серому, и мне стало страшно. Я сидел и ждал нападения. У меня все-таки был меч, и хотя владел я им неважно — сразиться мог...

Это нервы, подумал я тут же. Кто в этом пустом городе может на меня напасть? В городе, где могут двигаться только тени...

Но эта тень двигалась слишком энергично! Свернув с дороги, она поднялась по скату к двери и...

Я увидел перед собой Роско и очень обрадовался. Когда он подошел ближе, я поднялся ему навстречу.

Он остановился в дверях и, тщательно артикулируя, сказал:

— Вы пойдете со мной.

— Роско! — воскликнул я. — Спасибо тебе, что вернулся! Что-нибудь случилось?

Он постоял с минуту, вперив в меня свой глупый взгляд, а потом сказал все так же осторожно:

— Если математика дейст... — Тут он запнулся, но вскоре продолжил: — Была неисправность. Я устранил ее. Ее устранение пошло мне на пользу...

Он говорил теперь гораздо лучше, но чувствовалось, что это стоит ему больших усилий.

— Успокойся, Роско, — сказал я, — Не следует так напрягаться. У тебя прекрасно получается!

Но он не собирался успокаиваться. Его переполняло то, что он должен был сказать. Оно наконец-то имело возможность вырваться наружу.

— Капитан Росс, — сказал он, — Все это время я опасался. Я опасался, что никогда не решу эту задачу. На планете существуют две вещи, настолько сходные по интенсивности, что мне никак не удавалось разделить их... тих, чих, лих...

— Ради бога, успокойся! — воскликнул я, схватив его за руку, — Не нужно торопиться! У тебя есть время! Я выслушаю все!

— Благодарю вас, капитан, — с усилием сказал Роско, — за ваше терпение и уважение.

— Мы проделали большой путь, Роско. Теперь мы отдыхаем. Так что не торопись. Если у тебя есть какие-то соображения насчет этой планеты — выкладывай. Тем более что у меня они отсутствуют.

— Это структура, белая структура. Из нее сделан город, ею покрыт космодром и запечатаны корабли...

Он остановился и молчал так долго, что я начал за него беспокоиться. Но он заговорил опять:

— В обычном веществе связь атомов затрагивает только внешние слои, понимаете?

— Смутно, но понимаю, — ответил я.

— В этом белом веществе связь простирается гораздо глубже электронных орбит... Вы улавливаете смысл?

Я открыл рот от изумления, хотя из сказанного понял совсем мало.

— Все силы ада, — сказал я, — не смогли бы разрушить эту связь.

— Совершенно верно, — кивнул Роско. — Именно так и было задумано... А теперь пойдемте, капитан, если вы не против...

— Минуточку! — протестующе вскричал я, — Ты еще не все сказал! Ведь речь шла о двух вещах?

Он пристально посмотрел на меня, а потом спросил:

— Что вы знаете о реальности, капитан?

Это был глупый вопрос.

— Когда-то я мог ее отличить. Теперь — не знаю... — туманно ответил я.

— Эта планета, — сказал Роско, — состоит из пластов реальностей. Здесь по крайней мере две реальности. Но может быть, и намного больше.

Он говорил теперь свободно, хотя изредка и запинался.

— Но как, — спросил я, — ты узнал все это?! Про связь и про реальность!

— Я не знаю, — ответил он. — Я только знаю, что я это знаю. А теперь пойдемте, пожалуйста!

Развернувшись, он двинулся по скату вниз. Я последовал за ним. Мне нечего было терять. Нельзя было, конечно, исключать, что все им сказанное — вдохновенная чушь, но мне ничего не оставалось, как ухватиться за эту соломинку!

Мысль о более прочной атомной связи, несмотря на необычность, выглядела вполне здравой. Но эта многослойная реальность была совершенной ерундой...

Выйдя на улицу, Роско повернул в сторону космодрома. Он не бормотал себе под нос и шел таким целеустремленным шагом, что я едва поспевал за ним. Он изменился — в этом не было сомнений, но не являлись ли эти изменения лишь новой фазой его сумасшествия?..

Когда мы вышли на космодром, уже было утро. Солнце находилось в полпути от зенита, и молочно-белое поле блестело так ослепительно, что корабли едва можно было разглядеть.

Роско двигался все быстрее, и я уже перешел на легкую трусцу. Мне хотелось спросить, к чему такая спешка, но я не был уверен, что он ответит.

Долгое время казалось, что в своем марш-броске мы ничуть не продвигаемся вперед, но потом, довольно внезапно, городские стены отступили назад, а корабли приблизились.

У основания нашего корабля я вскоре разглядел какое-то приспособление. Это была несуразного вида штуковина с зеркалом и тем, что я сначала принял за блок питания, а также со множеством проводов и трубок. Довольно небольшая по размерам — фута три в высоту и примерно столько же в длину и ширину, — издалека она выглядела как куча хлама. При ближайшем рассмотрении впечатление менялось. Штуковина становилась похожей на нечто, построенное маленькими детьми из опять-таки различного хлама.

Я смотрел на нее, не в силах вымолвить ни слова. Из всех глупостей, виденных мною когда-либо, эта была вне конкуренции... Значит, пока я в поте лица своего просматривал эти чертовы миры, умница робот носился по городу, подбирал все, что валяется, — и вот, построил монумент...

Роско между тем опустился на корточки и протянул руку к панели управления — той самой, которую я принял за другое.

— А теперь, капитан, — сказал Роско, — если математика права...

Он что-то нажал, что-то повернул — и замерцали стеклянные трубки, и послышался звук, подобный звуку бьющегося стекла. Белое вещество отделялось от корпуса корабля, и множество осколков падало на грунт.

Корабль стоял свободный.

Я замер. Я не мог шевельнуться. Дурацкая машина сработала! Непостижимо! Я не мог в это поверить! Роско не мог этого сделать! Нескладный, бормочущий Роско, которого я знал, не мог этого сделать! Все это мне только снилось...

Роско встал и подошел ко мне. Он взял меня за плечи и посмотрел в глаза.

— Получилось, — сказал он, — И с ним, и со мной. Освободив корабль, я освободил и себя. Я вновь цел и невредим. Я такой, как прежде.

И действительно, он выглядел так, хотя я и не знал, каким он был прежде. Ему уже не было трудно говорить. Он стоял и двигался естественно — как человек, а не как лязгающий робот.

— Мое сознание было помрачено, — продолжал он, — из-за всего случившегося со мной. Из-за изменений в моем мозгу, которых я не мог постичь и не знал, как использовать. Но теперь, использовав их и доказав, что они пригодны, я стал самим собой...

Мое оцепенение прошло, и я уже изготовился бежать к кораблю, но Роско, вцепившись в плечи, не отпустил меня.

— Хух говорил с вами о судьбе, капитан... Те, кто движет мирами, кем бы они ни были, вершат наши судьбы с безграничным разнообразием. Как еще объяснить то, что грубые удары по моему мозгу так изменили, так усовершенствовали его, дав способность понимать?..

Я стряхнул с себя его руки.

— Капитан, — сказал он.

— Да.

— Вы ведь даже сейчас в это не верите! Вы продолжаете считать меня дурачком! Я, вероятно, был дурачком. Но сейчас — нет?..

— Конечно нет! — воскликнул я. — Не знаю, как и благодарить тебя, Роско, за...

— Не нужно благодарить, капитан. Мы ведь друзья. Вы освободили меня от кентавров. Я освобождаю вас от этой планеты. Это не может не сделать нас друзьями. Мы не раз сидели у костра. Это должно сделать нас...

— Замолчи! — крикнул я. — Избавь меня от этих чертовых сантиментов! Ты как Хух! Даже хуже!

Обогнув нелепое сооружение, я ступил на трап корабля. Роско шел следом.

Усевшись в кресло пилота, я протянул руку и нежно погладил приборную панель.

Наконец-то. Мы могли взлететь хоть сию же минуту. Мы могли покинуть эту планету, унося с собой секрет ее сокровищ. Каким образом их можно будет превратить в деньги — я еще не знал. Но знал, что найду способ. Когда у человека есть товар, он находит способ продать его.

И это был итог?.. Я мог теперь что-то продать — и все?.. Продать еще одну планету, а также информацию, хранившуюся здесь в виде семян, деревья, улавливающие знания, маленьких грызунов, огромные ямы с зерном?..

И это все, что здесь было? Это не все. Здесь человек мог просто исчезнуть — или растаять, как растаял Тук... Но исчезнув или растаяв — куда эти люди делись?.. Переместились ли они в другую реальность? А может быть, в другую жизнь, как это сделал Хух?..

Здесь была другая культура — до той, что построила город. Именно эта, более ранняя, культура воздвигла храм и вырезала куклу, торчавшую сейчас из кармана моей куртки. Могла бы эта культура, если б она еще существовала, раскрыть секрет того, как человек может растаять?..

Роско говорил о многослойной реальности. Не в ней ли все дело? И если в ней, то существует ли такая расщепленность только на данной планете? Вообще-то я считал все эти разговоры о многослойной реальности бредом, но Роско мог снова оказаться правым...

Я хотел побыстрее убраться с этой планеты — и я мог это сделать. Мне оставалось только задраить люк и включить двигатели. Это было таким простым делом — и все же я колебался. Сидя в кресле пилота, я продолжал тупо смотреть на приборы... Почему мне не хотелось улетать?

Из-за остальных? Ведь нас было четверо, когда мы прилетели...

Я сидел в этом кресле и пытался быть честным с собой. Но мне было трудно быть честным...

Тук с Джорджем были недосягаемы. Хух тоже. Не было смысла разыскивать их. Но оставалась еще Сара. До нее можно было добраться, и я мог, я все еще мог вернуть ее...

Я вновь боролся с собой. Я чувствовал странное жжение в глазах и понимал, что это слезы.

«Сара! — думал я, — Зачем ты ушла туда? Почему ты не можешь вернуться и улететь вместе со мной на Землю? Почему я не могу прийти и забрать тебя?»

Мне вспоминалась та последняя ночь, когда мы сидели у костра и она сказала, что мы могли бы поладить, не случись этой идиотской сделки... Почему глупая легенда оказалась правдой и все испортила?..

Я вспомнил тот первый день, когда она встретила меня в холле своего дома и мы прошли в комнату, где нас ждали Тук и Джордж.

Тук и Джордж недосягаемы... Хух тоже... И Сара. Потому что я никогда не решусь на это... Кто ещё?..

Поднявшись с кресла, я прошел в заднюю часть кабины, открыл металлический ящик и вынул оттуда запасное лазерное ружье.

— Мы возвращаемся, Роско.

— Возвращаемся? За мисс Фостер?

— Нет. За Пэйнтом.

Глава 28

Это было чистым безумием. Ведь речь шла всего лишь о лошадке. Пэйнт все еще лежал бы вверх качалками в своем овраге, если бы не я. Сколько раз я мог его спасать?..

Он сказал, что хотел бы отправиться на Землю, но что он знал про Землю? Он никогда там не был! Он даже не знал, что такое Земля. И он хотел туда, пока я не сказал ему, что это такое.

И все же я не мог стереть воспоминание о нем, медленно спускающемся по тропе и ждущем, что я позову его... Я помнил и то, как храбро вел он себя во время поединка с

кентавром. Все лавры, правда, достались потом Саре, изрядно укоротившей эту схватку...

— Я бы хотел, — сказал Роско, шагая рядом со мной, — разобраться наконец с этой концепцией множественно-реального. Она, несомненно, уже сидит в моей голове — но если б можно было туда заглянуть?.. Это как головоломка из миллиона кусочков, составив которую удивляешься: почему ты не видел всего этого с самого начала?..

Было бы лучше, подумал я, если б он вернулся к бормотанию. Не так отвлекал бы. А то ведь приходится слушать — на случай, если вдруг будет сказано что-то существенное...

— ...Способность эта новая, — не умолкал между тем Роско, — и весьма своеобразная. Чувство окружающего — я бы так ее назвал... Независимо от того, где находишься, ты чувствуешь и знаешь все, что происходит вокруг...

Я не обращал на него особого внимания, так как мне было о чем подумать...

Уверенности в том, что мы уцелеем и на этот раз, быть не могло. Самым разумным было бы следующее: закрыть входной люк и оставить эту планету далеко позади. Правда, если уж я собрался разбогатеть, мне следовало набрать полный карман семян — чтобы тщательно их исследовать...

А вообще-то я мог улететь с чистой совестью. Я отработал свои деньги. Цель путешествия была достигнута, и каждый получил то, что хотел.

Много раз я готов был вернуться к кораблю, но каждый раз будто кто-то подталкивал меня широкой ладонью в спину.

Когда мы вышли из города, там не было даже следа тех ужасных тварей, которые недавно преследовали нас. Я был почти уверен, что они станут поджидать, и почти хотел этого. Имея лазерное ружье, разделаться с ними не составило бы труда. Но никого там не было.

Мы пошли мимо красного здания, спящего на солнце, мимо дерева, протянувшегося по земле на многие мили, и мимо зловонной ямы, окружавшей косо срезанный пень.

Путь казался не таким длинным, как во время нашего первого путешествия. Мы шагали очень быстро, хотя никакой необходимости в этом не было.

Ночью у костра Роско разравнивал кусочек земли и решал бесконечные уравнения, бормоча что-то — наполовину для меня, наполовину для себя. И каждый раз, когда он вот так писал и бормотал, я, сидя с ним рядом, пытался понять: почему мы здесь, а не в миллионах миль отсюда, в космосе. И однажды я понял, что виноват в этом не только Пэйнт, но и Сара. Это она тащила меня через эти пустынные мили. Это ее лицо с вечно падающим на глаза локоном, с полоской грязи, размазанной по щеке, пристально глядящее на меня, видел я в пламени костра.

Иногда я вытаскивал из кармана куклу и сидел, уставившись на ее лицо — на это страшное, искаженное лицо — для того, возможно, чтобы заслонить другое лицо, или же в безрассудной надежде, что деревянные уста разомкнутся и я услышу ответ.

Спустя много дней мы поднялись на гребень горы и увидели перед собой унылые всхолмленные земли, на которых нас бросили лошадки, где мы нашли гору костей и Пэйнта.

Тропа сбегала вниз, пересекала равнину и, затейливо покрутившись, терялась среди холмов.

Далеко впереди по тропе навстречу нам двигалась маленькая блестящая точка. Я наблюдал, недоумевая. Вскоре стало видно, что движется она резкими скачками.

— Это Пэйнт, — сказал Роско.

— Но Пэйнт не вернулся бы без... — И, не договорив, я побежал по склону вниз, размахивая руками и крича. Роско следовал за мной.

Она увидела нас тоже и помахала в ответ — маленькая заводная кукла.

Пэйнт мчался как ветер. Его качалки едва касались земли. Мы встретились на равнине, и как только он

затормозил, на меня, как в недавние добрые времена, набросилась разъяренная Сара.

— Ты все это сделал! — кричала она. — Из-за тебя я не смогла остаться там! Ты все изгадил! Как я ни старалась, мне не удалось забыть сказанное тобой и Хухом! Ты на это и рассчитывал! Ты был настолько уверен в этом, что заранее прислал мне Пэйнта!

— Сара! — вставил я наконец слово, — Ради бога, будь благоразумна!..

— Молчи! Ты все испортил! Ты разрушил все волшебство и...

Она вдруг умолкла, и лицо ее исказилось так, будто она пыталась сдержать слезы.

— Нет... — выдохнула она. — Не ты один... Все мы, с нашими мелочными спорами, с...

Шагнув вперед, я обнял ее. Она прижалась ко мне, ненавидя, возможно...

— Майк, — сказала она мне в ключицу, — у нас ничего не выйдет. Не стоит даже пытаться. Они не позволят нам сделать этого.

— Ничего подобного! Корабль в порядке! Роско его почистил! Мы возвращаемся на Землю!

— Если великодушный сэр бросит туда взгляд, — сказал Пэйнт, — он поймет, о чем речь... Нас преследуют. Они идут по нашим торопливым следам. Их становится все больше и больше.

Я резко повернулся и увидел на горизонте огромное стадо тех самых тварей, кости которых валялись в овраге.

Их были сотни, тысячи. Они уже не бежали — крались, отпихивая друг друга. Они не шли — текли, появляясь все в новых местах.

— Сзади — тоже, — сказал Роско.

Я обернулся и увидел их на только что покинутом нами гребне.

— Ты нашел куклу... — сказала Сара.

— Какую куклу? — спросил я, думая о другом.

— Куклу Тука, — Она вытащила ее из моего кармана, — Знаешь, пока она была у Тука, я так и не рассмотрела ее...

Мягко оттолкнув Сару, я поднял ружье.

— Здесь их слишком много! — предупредил Роско, хватая меня за рукав.

Я грубо вырвался:

— По-твоему, я должен стоять и хлопать глазами?

Они все прибывали и прибывали. Со всех сторон. Мы были в центре стада.

Эти твари были теперь совершенно спокойны. Они знали, что могут расправиться с нами в любой момент.

Роско вдруг упал на колени и принялся разглаживать землю.

— Какого дьявола?! — заорал я.

Нас окружали монстры-людоеды — Сара любовалась куклой, робот выписывал уравнения...

— Мир порою имеет мало смысла, — сказал Пэйнт, — но когда вы и я начеку...

— Отстань! — крикнул я, так как решал уже сугубо практические вопросы.

Всех их достать, конечно же, было невозможно. Но большую часть — без труда. Я мог сжечь их в хрустящую корочку и отбить у оставшихся весь аппетит. Они ведь никогда не видели лазерного ружья — оттого такие храбрые...

Но понимал я и то, что их слишком много...

— Капитан Росс! — звонко крикнул Роско, — Кажется, получилось!

— Рад за тебя, — сказал я.

Сара, пятясь, приблизилась ко мне вплотную. На плече ее висело ружье, а к груди она прижимала куклу.

— Сара... — сказал я, и у меня, как у стеснительного подростка, перехватило дыхание. — Сара, если мы выберемся отсюда, начнем сначала? Можем мы начать так, словно я все еще вхожу в ту самую дверь? Ты была одета в зеленое платье...

— И ты влюбился в меня, — продолжила она. — А потом обидел и стал насмехаться, а я высмеивала тебя в ответ... И все расстроилось...

— А может быть, не все?

— Ты просто хулиган! — сказала она. — Ох, как я ненавидела тебя! Мне казалось, что я могу проломить тебе череп! И при этом я любила каждую минуту, проведенную с тобой...

— Так, — сказал я решительно. — Когда они бросятся на нас — пригнись. Я буду стрелять во всех направлениях и так быстро, как...

— Есть другой путь, Майк... Путь, которым воспользовался Тук... Кукла... Древняя раса сделала ее. Раса, которая понимала...

— Вздор! — вскричал я, — Тук обыкновенный идиот!

— Нет! Он все понимал! Он знал, как пользоваться куклой! Джордж тоже кое-что умел — даже без куклы... Хух бы понял...

Хух... Многоногий бочонок с головой в щупальцах и тремя жизнями, исчезнувший навсегда в своей третьей фазе... Да, если б он был сейчас здесь, он бы знал...

Едва я подумал об этом — он появился, бьющий ключом у меня в мозгу, такой, каким я узнал его в то мгновение, когда руки и щупальца сплелись и мы стали как одно существо... Все это вернулось сейчас, все это я узнал и почувствовал счастье и страх, который всегда сопутствует постижению... И я был наполовину я — наполовину Хух. Не только Хух, но и все остальные. Ведь Хух дал мне способность сливаться с разумом других... Интересен был мне и я сам — с забытыми гранями, с неизмеримыми глубинами...

Интуиция Сары, символика куклы, философские искания Пэйнта, смысл уравнений Роско... И этот момент познания себя, когда полумертвый-полуживой я увидел пласты и время, проступившее на пластах... Теперь там было иное. Множество миров и множество уровней чувствительности, проявляющихся в определенные пространственно-

временные промежутки. Подсчитать их было нельзя — можно было только увидеть и почувствовать и просто знать, что они там есть... Древние жители этой планеты знали — до того как были уничтожены садоводами, — знали и чувствовали не до конца и вырезали на лице куклы удивление и чуть-чуть ужаса от знания... Джордж Смит знал, возможно, намного лучше, чем все остальные, а Тук, со своим парящим в вышине сознанием, был близок к истине задолго до того, как нашел куклу... В Роско знание было вколочено молотками кентавров, и он не подозревал о многом из того, что знал... И теперь все это в моем мозгу сошлось вместе...

Кольцо ужасных тварей все сжималось — и вот в неудержимой атаке они подняли огромное облако пыли... Но все это было не опасно для нас, поскольку происходило в другом мире и в другом времени. Все, что нам понадобилось сделать, — это маленький шажок.

Неизвестно, каким образом, но, исполненные таинственной веры, мы все сделали этот шаг в безграничную неизвестность...

Место напоминало гобелен и вызывало ощущение ирреальности, хотя и очень доброжелательной.

Казалось, здесь всегда тишина и покой, и населяющие этот мир — молчуны, и лодка на воде никогда не поплывет, и деревня, река, небо, деревья, облака, люди, собачки — все это элементы произведения искусства, созданного столетия назад и не тронутого временем.

Легкая желтизна неба повторялась отражением в воде, домики были коричневыми и красными, зелень деревьев была именно той зеленью, которую ожидаешь увидеть на ковре... И все же мы чувствовали человеческое тепло и приветливость, а также то, что, спустившись, мы навсегда там и останемся. Перспектива не огорчала.

Мы стояли на горе над деревней и рекой и были тут в полном составе. Не было только куклы. Она осталась позади — возможно, для кого-то еще. Оружия мы тоже не взяли —

ни Сара, ни я. В этот мир нельзя было приносить подобные вещи.

— Майк, — тихо сказала Сара. — Вот оно — то место, которое искали мы и искал Найт. Он не нашел его, потому что не нашел куклу. Или по другой причине...

Я привлек ее к себе, обнял и поцеловал. В глазах ее светилось счастье.

— Мы не вернемся, — сказала она. — Мы не будем думать о Земле.

— Мы не можем вернуться, — сказал я, — Отсюда нет выхода...

Деревня и река лежали внизу, поля и леса тянулись до горизонта. Я знал каким-то образом, что этот мир бесконечен и что время здесь не движется.

Где-то тут были Смит с Туком, а может быть, даже и Хух. Но мы вряд ли смогли бы отыскать их. Расстояния здесь были огромными, а путешествовать не хотелось.

Ирреальность исчезла, но гобелен все же остался. Лодка с мелькающими веслами плыла по реке. Дети и собаки, вопящие и лающие, бежали нам навстречу. Жители деревни повернули к нам головы, а некоторые приветливо махали рукой.

— Пошли знакомиться? — предложила Сара.

И мы все четверо спустились вниз, к новой жизни.

ПРИШЕЛЬЦЫ

Глава 1

Лоун-Пайн, Миннесота

Джордж, парикмахер, яростно щелкнул ножницами.

— Послушай, Фрэнк, — обратился он к человеку, сидевшему в кресле, — я не понимаю, что с тобой происходит. Я читал твою статью про этих защитников природы, о том, что они собираются устроить в резервации. Но тебя это, похоже, не слишком волнует, а?

— На самом деле не слишком, — спокойно ответил Фрэнк Нортон. — Это не так уж и страшно. Если кому-то не хочется платить за лицензию в резервации, он может ловить рыбу в другом месте, только и всего.

Нортон был издателем, редактором, управляющим и распространителем лоун-пайнской газеты «Сентинел» — един в четырех лицах — и работал напротив парикмахерской, через улицу.

— А меня это бесит, — не унимался парикмахер. — Ни к чему разрешать этим краснокожим распоряжаться охотой и рыбалкой в резервации. Как будто эта земля не часть штата Миннесота, не часть наших Соединенных Штатов. Теперь белому человеку нельзя пойти на рыбалку с обычной лицензией штата; надо, видите ли, купить лицензию у племени в резервации. И этому племени позволено будет устанавливать собственные правила, да? Нет, зря это придумали.

— Нам-то с тобой все равно, — сказал Нортон. — Если захочется порыбачить, вон форельный садок в реке за городом. В омуте ниже моста такие рыбины попадаются — закачаешься!

— Нет, тут дело в принципе! — ответил парикмахер. — Эти чудаки заявляют, что краснокожие, видите ли, хозяева этой земли. Хозяева! Каково! Это не их земля. Просто мы

позволили им жить там. Теперь, если пойдешь в резервацию, они заставят тебя платить за рыбу или за дичь; много платить заставят. Их лицензия наверняка будет дороже государственной. Они установят свои правила, ограничения... И нам придется жить по их законам — а что ты им докажешь? Вот увидишь, как они будут куражиться над нами.

— Зря ты себя заводишь, Джордж, — сказал Нортон. — Не думаю, что они станут куражиться над кем-нибудь. Ведь они заинтересованы в том, чтобы к ним приходило побольше людей. Они постараются сделать все, чтобы привлечь побольше рыбаков. Ведь это же их деньги...

Джордж снова щелкнул ножницами.

— Эти чертовы краснокожие! Вечно талдычат о своих правах. И важные такие стали! Называют себя коренными американцами. Они, видите ли, больше не индейцы, а коренные американцы, не иначе! А мы, видите ли, отобрали у них землю!..

Нортон рассмеялся.

— Ну раз уж ты заговорил об этом, то, по-моему, мы на самом деле отобрали у них землю. И неважно, что ты по этому поводу думаешь, — они на самом деле коренные

американцы, Джордж. Если им нравится называть себя именно так, то у них есть все права на это. Они жили здесь испокон веков, а мы пришли и отобрали их землю; так было, и ты сам это знаешь.

— Мы имели право на это, — сказал Джордж. — Эта земля пропадала. Они ее не использовали. Разве что собирали иногда дикий рис или подстреливали какую-нибудь утку или бобра, чтобы шкуру содрать. А по-настоящему не использовали. Да они и не умели этого. А мы — умели! Поэтому мы пришли и нашли этой земле применение. Я тебе точно говорю, Фрэнк! Мы имели право взять землю и использовать ее. Мы имеем право на любую землю, которая пропадает без толку. Но сейчас нам этого не позволяют. Ты глянь, что у нас за рекой. Какие деревья! Громадные, прямые! Они же там стоят с тех пор, как Христос младенцем был; стоят и ждут, что кому-то пригодятся. Когда-то лесорубы их прозевали — и они так и стоят, как стояли с сотворения мира. Тысячи акров леса стоят и ждут! Миллионы кубических футов ждут, чтобы их распилили! И есть лесопромышленные компании, которые хотели бы этим заняться. Они обратились в управление округа, чтобы им дали право снять этот урожай. Думаешь, дали? Черта с два! Судья сказал, что это первозданная природа, и с топором туда — ни-ни! Лесное ведомство постановило, что эти тысячи акров леса, видите ли, национальное достояние и должны быть сохранены для потомков. Наследие, потомки!.. Как мы до этого дошли?

— Не знаю, — сказал Нортон. — По-моему, это нормально. Ведь хорошо стоять здесь и смотреть на дикую природу за рекой. И выбраться туда, побродить — тоже хорошо. Тишина, покой, торжественность какая-то... Хорошо, что у нас есть такое место.

— А мне плевать на это! — сказал парикмахер. — Я тебе говорю, все это мура: нас попросту дурят. Дурят все эти занюханные благодетели. У них, видите ли, душа болит; вечно они вопят, что мы должны, мол, помогать бедным, угнетенным краснокожим, должны беречь леса, не загрязнять

воздух... Мне плевать на все, что они там болтают; краснокожим нужно обижаться только на себя. Они же все лентяи. Они все вместе не отработали честно ни одного нормального рабочего дня; ни одного на всех, это я тебе говорю. Только лежат и стонут. И вечно с протянутой рукой. Вечно кричат, что мы им должны. И сколько им ни дай — все мало; все кричат, что должны еще. А я говорю, что мы им ничего не должны, кроме хорошего пинка в их ленивую задницу. У них был шанс — они его не использовали. Слишком тупы были или слишком ленивы. Им же принадлежала вся эта чертова страна, до того как белые пришли, а они ничего хорошего не сделали из нее. А теперь мы заботимся о них; но чем больше для них делается — тем больше они хотят. Теперь уже не просят — требуют... Каждый из них только этим и занимается: требует что-нибудь такое, чего у него нет. А какое право они имеют требовать? Что они о себе возомнили? Вот запомни. Еще с этим делом не успеют покончить, как краснокожие из резервации потребуют отдать им всю северную Миннесоту, а может, и кусок Висконсина в придачу. Вот увидишь. В точности как сейчас в Блэк-Хилсе. Мол, Блэк-Хилс и Бигхорн принадлежат им; какие-то там, мол, договоры есть столетней давности или того больше. Мол, мы отобрали у них землю, и никаких прав на нее у нас нет. В Конгресс бумагу какую-то накатали, в суд подали — отдавайте, мол, Блэк-Хилс и Бигхорн. И теперь, чего доброго, какой-нибудь судья скажет, что у них и в самом деле есть права на те земли; а в Конгрессе полно умников, которые работают на них и твердят, что у них, мол, законные права... А белые вложили в эти земли годы труда и миллионы долларов, чтобы сделать из них что-нибудь стоящее! Когда там краснокожие хозяйничали, там только бизоны паслись. — Он взмахнул ножницами и добавил: — Вот погоди, увидишь. У нас то же самое будет.

— Беда с тобой, Джордж, — сказал Нортон. — Ты же фанатик.

— Можешь называть меня как хочешь, — ответил парикмахер. — Мы старые друзья, я не обижусь. Но я знаю, что прав. И не боюсь говорить вслух, что думаю. Когда ты называешь кого-нибудь фанатиком — это значит только, что вы с ним думаете по-разному. Тебе просто больше нечего сказать, и ты начинаешь обзываться.

Нортон не ответил. Парикмахер тоже умолк и принялся за работу.

Два квартала магазинов и деловых контор городка Лоун-Пайн дремали в предвечернем тепле. День был ясный, из тех, что бывают ранней осенью. Вдоль улицы стояло несколько автомашин. Три собаки исполняли ритуал взаимного приветствия, словно трое старых друзей, встретившихся на перекрестке. Стиффи Грант, оборванный местный бродяга, сидел возле дверей единственной в городке скобяной лавки на бочонке из-под гвоздей и старательно курил сигару; ему повезло — он нашел ее в канаве почти целой. Салли, официантка из Пайн-кафе, не спеша подметала тротуар перед своим заведением — так не хотелось уходить из-под теплого осеннего солнца. В конце восточного квартала показалась машина Кермита Джонса, банкира; он торопился на станцию обслуживания.

...Джерри Конклин, студент-лесоустроитель, заканчивавший Миннесотский университет, припарковывался у въезда на мост, который соединял берега Пайн-Ривер ниже городка. Джерри достал зачехленную удочку и начал ее собирать. Несколько месяцев назад он останавливался на станции обслуживания в Лоун — Пайне по дороге в лесничество, и ему сказали, что в заводи ниже моста попадаются форели — размеров невероятных. Будучи заядлым рыболовом, он не забыл разговора, но до сих пор ему не удавалось проверить, так ли это. Но сегодня, по дороге из лесничества, где он провел несколько дней, изучая экологию девственного соснового леса, он сделал крюк в несколько миль и завернул к этой заводи.

Взглянув на часы, он обнаружил, что времени осталось совсем мало, всего полчаса. У Кэти было два билета на симфонический концерт. Дирижировал какой-то гастролер — он забыл его имя, — и Кэти уже несколько недель с ума сходила, дожидаясь концерта. Он не очень любил такую музыку, но Кэти — другое дело; если он опоздает в Миннеаполис, к ней потом не подойдешь — обидится.

...А в парикмахерской Джордж говорил Нортону:

— Ты уже сдал на почту свои газеты? Хорошо, когда впереди свободная неделя.

— Ошибаешься, — ответил Нортон. — Это ж не просто — щелкнул пальцами, и газета готова, даже если она выходит раз в неделю. Надо собрать рекламные объявления, написать тексты, отредактировать, набрать, сверстать... Чтобы выпустить газету раз в неделю — всю неделю надо крутиться.

— Я все время удивляюсь — и чего ты здесь торчишь? — недоумевающе сказал Джордж. — Неужто некуда податься молодому газетчику вроде тебя? Да хоть бы в Миннеаполис подался; тамошние газеты за тебя ухватятся, только слово скажи.

— Ну, не знаю... — протянул Нортон. — Мне и здесь хорошо. Сам себе хозяин, собственное дело. Доход, правда, невелик, но хватает... У меня в Миннеаполисе есть друг, редактор, завотделом репортажа в «Трибьюн». Молод для этой должности, но управляется. Джонни Гаррисон...

— Могу спорить, что он бы тебя взял, — сказал Джордж.

— Может быть. Не знаю. Но первое время было бы трудно. Ведь надо же знать, как делается газета в большом городе. Но я про Джонни. Так вот, зарабатывает он, конечно, гораздо больше меня — завотделом, понятное дело, — но у него там свои трудности. Он, например, не может закрыть контору с обеда и пойти на рыбалку, как бы ему ни хотелось. Он не может взять выходной и наверстать недоделанное потом. У него дом заложен, куча долгов, семья уж больно дорого обходится. Ему приходится каждый день подолгу

трястись в общественном транспорте, чтобы добраться на работу, — и так же назад, домой. И ответственность у него большая... И пьет больше нашего. Ему приходится делать очень много такого, чего делать не хочется; приходится встречаться с людьми, которых он не хочет видеть. Вкалывает с утра до ночи и еще тащит свои заботы домой...

— Конечно, тут есть свои недостатки, — кивнул парикмахер. — А в какой работе их нет?

...В стекло с тупой настырностью колотилась жужжащая муха. Стойка позади кресла была уставлена разнообразными бутылками; ими редко пользовались, и они давно превратились в украшение витрины. На стене над стойкой висело ружье тридцатого калибра.

Служащий бензоколонки вставил заправочный пистолет в бак подъехавшей машины и, обернувшись, взглянул на небо.

— Боже мой! Кермит, гляньте-ка, что это такое?!

Банкир посмотрел вверх.

Очень низко в небе висела какая-то большая черная штуковина. Она бесшумно парила в воздухе, медленно снижаясь и закрывая уже полнеба.

— Наверное, НЛО, — сказал служащий. — В первый раз вижу. До чего громадный. Боже мой! Никогда не думал, что они такие огромные.

Банкир не ответил. Он так испугался, что не мог ни говорить, ни пошевелиться.

Вдруг раздался крик Салли, официантки. Она бросила свою щетку и, беспрерывно вопя, кинулась бежать, сама не зная куда.

Стиффи Грант, удивленный криком, кое-как поднялся с бочонка, с трудом выбрался на улицу — и увидел черную громаду, висевшую в небе. Он так задрал голову, что потерял равновесие, которое было не слишком устойчивым: он только что прикончил бутылку самогона, который Эйб Паркер гнал где-то в лесу. Еще вчера бутылка была полной. Стиффи сделал несколько шагов назад — и уселся на

середине улицы; потом ценой неимоверных усилий вернулся в вертикальное положение и тоже побежал. Сигара выпала у него изо рта, но он не стал подбирать ее — он о ней попросту забыл.

Парикмахер Джордж прервал работу и подскочил к витрине. Мимо в панике промчались Салли и Стиффи. Он бросил ножницы, подбежал к стене за стойкой, схватил ружье, зарядил его и кинулся к двери. Нортон поднялся с кресла.

— Что случилось, Джордж? В чем дело?

Парикмахер не ответил. Дверь за ним захлопнулась. Нортон распахнул дверь и вышел на тротуар. Джордж бежал вниз по улице, а заправщик с бензоколонки мчался ему навстречу.

— Туда, Джордж! Туда! — закричал он на бегу. — Оно там, возле реки!

Джордж ринулся напрямик через пустырь. За ним побежали Нортон и служащий бензоколонки, а Кермит Джонс, банкир, поспешал сзади, пыхтя и отдуваясь.

Нортон выбежал с пустыря на низкую насыпь из гравия, тянувшуюся вдоль берега. Черный ящик свалился прямо на мост. Он был огромным и закрыл собой весь мост, от одного берега до другого. В ширину ящик был поменьше. Черной громадой он высился над рекой... На первый взгляд, совершенно гладкая продолговатая конструкция. Просто ящик. Такой черный, что подобного цвета Нортон никогда не видел.

Бежавший впереди парикмахер остановился, поднял ружье и прицелился.

— Стой, Джордж! — закричал Нортон. — Стой! Не надо!

Раздался выстрел — и почти в тот же миг из ящика, лежавшего поперек реки, возник луч ослепительного света. Он попал в Джорджа, тот вспыхнул, потом пламя пропало, и парикмахер мгновенно превратился в головешку, гротескный черный пень в форме человека. Ружье в его руках стало вишнево-красным и согнулось, ствол повис, словно вареная макаронина... А потом парикмахер Джордж упал на землю и

рассыпался. Из кучки, уже не имевшей никакого сходства с человеком, потянулись кверху струйки вонючего дыма.

Глава 2

Лоун-Пайн

У Джерри Конклина клевало. Он дернул удочку, но на ней ничего не оказалось. Форель — а судя по всплеску, рыба была очень крупная — в последний момент сорвалась с крючка.

«Да, — подумал Джерри, — рыба здесь большая. Тот парень на бензоколонке правду сказал: в заводи форель что надо».

Сквозь деревья, растущие вдоль реки, ярко светило солнце. На воде, испещренной пятнами теней от листвы, плясали крошечные блики, отражаясь от мелкой ряби на поверхности заводи.

Конклин снова насадил муху и опять забросил удочку, целясь чуть дальше того места, где его только что постигла неудача.

Внезапно стало темно. Заводь поглотила тень, словно между ней и солнцем появился какой-то крупный объект.

Конклин инстинктивно пригнулся. Что-то ударило сверху по удочке; он ощутил рукой вибрацию и услышал треск ломающегося бамбука. «Бог ты мой, — подумал он, — восемьдесят долларов удочка, первая и единственная роскошь, какую я мог себе позволить».

Он оглянулся и увидел черный прямоугольник, падавший прямо на него. Прямоугольник ударил в берег позади, и он услышал звук ломающегося металла; это была его машина.

Выбираясь на берег, он споткнулся и упал на колени. Зачерпнул воды в болотные сапоги, выронил удочку... А потом, не понимая, что делает, бросился бежать по воде вдоль берега вниз по течению, спотыкаясь и скользя на гладких камнях. В сапогах было полно воды.

Одним концом черный прямоугольник обрушился на дальний берег. Заскрипели и затрещали деревья, раздался скрежет металла — это развалился мост. Оглянувшись назад, Джерри увидел, что в омуте плавают сломанные стволы.

Он не удивился происшедшему. В инстинктивном порыве поскорее убраться отсюда, в сумасшедшей сумятице мыслей не оставалось места удивлению. Он выбрался на солнечный свет и понял, что невредим. Высокие берега спасли его. А черный предмет лежал поперек реки, упираясь в берега, но не мешая течению.

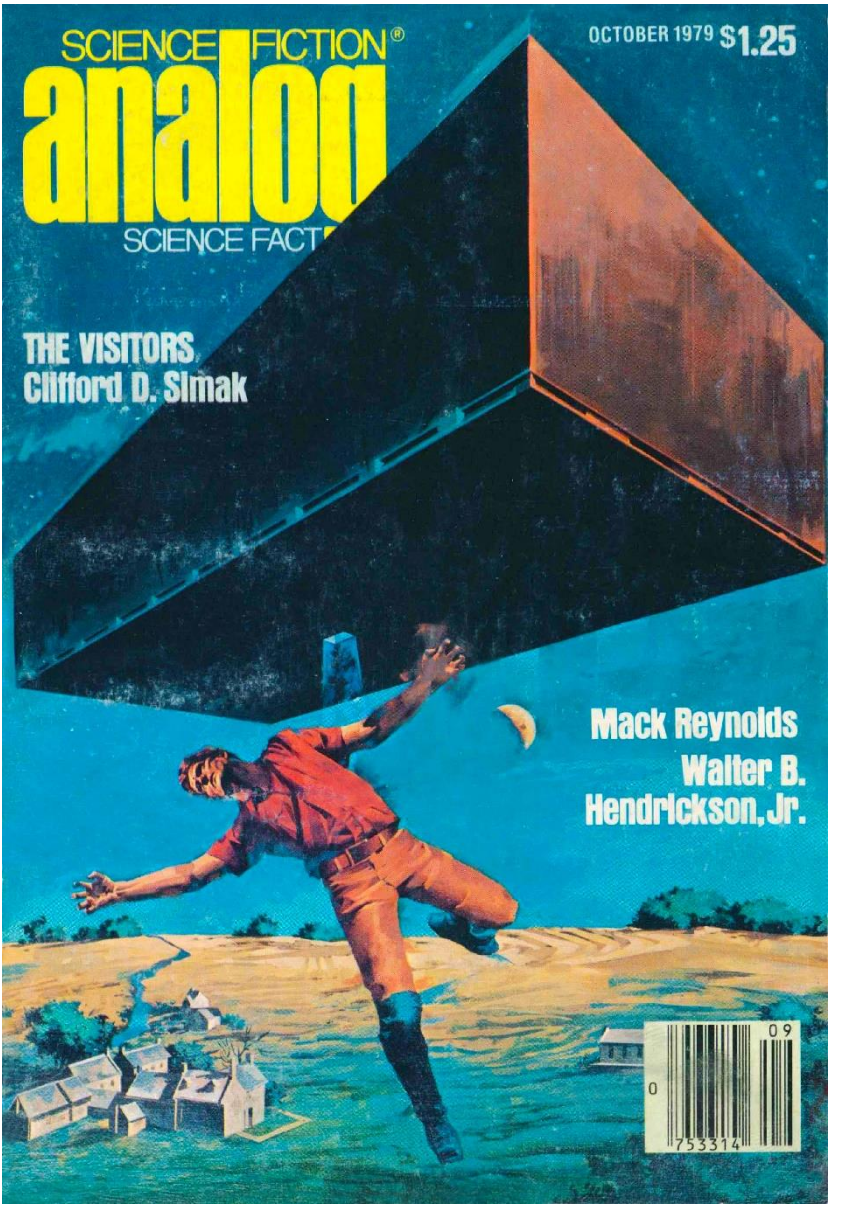
Глубокое место кончилось, и Джерри шагнул в поток: ниже омута течение было быстрым. Здесь он оглянулся и впервые смог оценить размеры того, что упало поперек реки. Оно возвышалось над водой, словно многоэтажное здание. «Футов сорок, — подумал он, — а может, и все пятьдесят, а в длину раза в четыре больше».

Откуда-то издалека донесся резкий хлопок, вроде выстрела, и в тот же миг из одной точки на этой громадной черной массе вспыхнул ослепительный свет и погас.

«Боже мой, — подумал он, — удочка пропала, машину раздавило, я здесь застрял... А Кэти!.. Надо как-то выбраться отсюда и позвонить ей».

Джерри повернулся и стал карабкаться на крутой берег. Это оказалось нелегко. Сапоги мешали ему, но снять их он не мог: туфли были в машине, а машина, судя по всему, лежала теперь расплющенная под этой громадной штуковиной, упавшей на мост.

Что-то со свистом рассекло воздух, и его грудь обвило что-то, похожее на удавку. Непонятно, откуда взялась эта гибкая, тонкая штуковина — не то проволока, не то веревка. Джерри в панике попытался сбросить ее, но не успел ухватиться за нее, как его подняло вверх. Он увидел под собой реку и зелень вдоль берегов. Он хотел крикнуть, но веревка — или проволока, или что это было — так сжимала грудь, что он не мог вздохнуть.


SCIENCE FICTION®
analog
SCIENCE FACT
OCTOBER 1979 $1.25
THE VISITORS
Clifford D. Simak
Mack Reynolds
Walter B.
Hendrickson, Jr.
09
0
753314

Вдруг он очутился в темноте, и на груди уже не было той штуки, что тащила его. Он стоял на четвереньках. Под ним было что-то плотное — плотное, но не твердое, словно толстый, мягкий ковер.

Он стоял на четвереньках, скрючившись, стараясь побороть охвативший его страх. Во рту было горько, и он старался сглотнуть, затолкать горечь обратно. Казалось, кишки скрутились в твердый круглый клубок; он тщетно пытался немного расслабиться.

Поначалу вокруг было совсем темно, но вскоре Джерри стал различать слабый, странный, жутковатый свет, голубоватый, призрачный. Освещение, конечно, не из лучших, мутноватое, приходилось напрягать зрение, пытаясь хоть что-нибудь увидеть. Но все-таки здесь оказалось не совсем темно, а это означало, что он не ослеп.

Джерри поднялся на колени и попытался понять, куда попал. Это было не так просто: на фоне голубого мерцания беспрерывно сверкали какие-то вспышки, так быстро и мимолетно, что он не мог определить, ни какого они цвета, ни откуда исходят. При свете вспышек появлялись какие-то очертания, каких он никогда прежде не видел. «И самое странное, — подумал он, — что это только очертания». Между вспышками он все время видел нечто такое, что мог сопоставить с виденным прежде, — это были ряды каких-то круглых предметов. Поначалу он принял их за глаза; они поворачивались, следя за ним фосфоресцирующим взглядом, словно глаза зверей в ночной темноте, когда луч света застает их врасплох. Однако он почувствовал, что это не глаза и не из них исходил слабый, голубой, постоянный свет. Но глаза это были или нет — они непрерывно следили за ним.

Воздух вокруг был сухой и горячий, но в нем было необъяснимое ощущение влажной затхлости; быть может, дело было в запахе. Странный запах. Не сильный, не удушающий — но неприятный. Джерри никак не мог определить его. Казалось, он проникает сквозь кожу и пропитывает тело,

становится частью существа. Это был не аромат и не запах гнили... Совершенно не похоже ни на что, с чем приходилось сталкиваться раньше.

«Дышать можно, но кислорода маловато», — подумал он. Он заметил, что дышит очень глубоко и часто.

Сначала он подумал, что попал в какой-то туннель. Почему это пришло ему в голову, он и сам не знал; должно быть, потому, что, оглядевшись, он увидел вокруг обширное пространство, похожее на мрачную пещеру. Он попытался увидеть, что там вдали, но из этого ничего не получилось; голубой свет был тускловат, а непрерывное мерцание мешало смотреть.

Джерри медленно и осторожно поднялся на ноги, почти уверенный, что ткнется головой в потолок. Но оказалось, что можно стоять во весь рост.

Где-то в глубине сознания возникло слабое-слабое подозрение — но ему уж очень не хотелось с этим мириться, и он изо всех сил заталкивал это чувство назад, стараясь избавиться от него. Но мало-помалу, пока он стоял, оцепенев, в этом голубоватом мерцающем свете, подозрение росло и все больше овладевало им, он почувствовал, что вынужден будет его принять.

Внутренний голос говорил ему, что он находится внутри огромного черного ящика, упавшего поперек реки. Веревка — проволока, щупальце — вылетела из этого ящика. Схватив его, щупальце закинуло его сюда, пронеся каким-то образом сквозь стену, — и вот он здесь, внутри.

Сбоку раздался какой-то странный звук; не то глотал кто-то, не то шлепал... Вглядываясь в темноту, он понял, что звук доносился снизу. Он нагнулся, чтобы разглядеть получше, — это оказалась рыба; судя по форме и размеру, радужная форель. В длину она была дюймов шестнадцать, крупная... Он попытался взять ее, но она выскользнула из рук и снова забилась на полу.

«Ну, — сказал он себе, — давай-ка посмотрим на вещи трезво. Давай отойдем в сторонку и посмотрим, пристально

и внимательно. Давай не будем спешить с выводами, а попробуем быть объективными.

Первое. С неба упало нечто большое и черное, свалилось на мост и, судя по звуку, который он слышал, раздавило его машину.

Второе. Он находится в месте, которое может оказаться внутри этой упавшей штуки. Скорее всего так оно и есть. Это место не похоже ни на что, когда-либо виденное.

Третье. Здесь не только он, но и рыба».

Он заложил эти пункты один за другим в компьютер своего мозга и постарался сопоставить их. Получалось, что он каким-то образом оказался внутри космического пришельца, который собирает и исследует фауну не известной ему планеты.

Сначала он, потом рыба... А через какое-то время появятся, наверное, кролик, белка, енот, медведь, олень, рысь... «Скоро здесь соберется множество всякой живности, — подумал он, — повернуться негде будет».

Светящиеся кружочки, следившие за ним, могли быть рецепторами. Они, наверное, следили за ним и регистрировали каждое его движение, каждое колебание в мозгу, каждую эмоцию; они извлекали из него информацию и складировали где-то в ячейках памяти, с помощью какого-нибудь кода, описывали его химическими уравнениями, определяли, что он собой представляет и каковы его вероятный статус и предназначение в экологии этой планеты.

А может быть, этим занимаются не только те кружочки? Быть может, вспыхивающие огни и механизмы за ними тоже входят в ту же систему?

«Я могу и ошибаться», — подумал он. Когда он сможет как следует подумать обо всем случившемся, он обязательно поймет, что ошибался... Но все-таки было лишь одно объяснение тому, что произошло. Он видел, как опустилась эта черная громада, его схватили и выдернули из реки, он помнил, как под ним бежала вода, когда его подбросило в воздух, помнил деревья вдоль берегов, помнил, как увидел

городок Лоун-Пайн над рекой. Он четко помнил все это — а потом темнота, какое-то помещение, похожее на пещеру, — и больше ничего он не знал. Невозможно было представить ничего иного, кроме того, что он внутри черной штуковины, упавшей с неба на мост.

Если все на самом деле так, если он не ошибся, это значит, что объект, упавший с неба, живой или по крайней мере управляется кем-то живым; и не только живым, но и разумным.

Он с удивлением обнаружил, что изо всех сил инстинктивно сопротивляется этой мысли, потому что в контексте человеческого опыта было совершеннейшим безумием поверить, что какие-то пришельцы высадились на Земле и тотчас поймали его.

Джерри удивился, когда обнаружил, что весь его страх исчез. Вместо него в душе появился какой-то мрачный холод, который был, пожалуй, хуже, неприятнее страха.

«Разум, — подумал он. — Если здесь есть разум, то должен быть какой-то способ установить связь, взаимопонимание...»

Он попытался заговорить, но слова не шли с языка. Он постарался снова, на этот раз получилось, но только шепотом. Он попробовал еще раз — и его голос зазвучал громко, загудел в пустоте пещеры.

— Хэлло! — кричал он. — Есть здесь кто-нибудь? Есть кто-нибудь вокруг?

Он подождал, ответа не было. Он закричал снова, на этот раз громче, взывая к разуму, который должен был его услышать. Слова отдавались эхом, постепенно затихая. По-прежнему за ним следили кругляши, похожие на глаза. По-прежнему струился слабый свет. Но ответа не было. Ни от кого, ни от чего.

Глава 3

Миннеаполис, Миннесота

Кэти Фостер сидела за машинкой в отделе новостей и печатала очерк. До чего бестолковый очерк, до чего бестолковый народ! И какого черта Джонни послал ее туда? Ведь были же другие задания, где не пришлось бы иметь дела ни с придурочной чушью, ни со слащавым мистицизмом, от которого ее тошнило. «Любящие»... Так они называли себя. У нее до сих пор стояла перед глазами их дремотная невинность во взгляде, а в ушах звучали мягкие, вкрадчивые, напыщенные слова.

Любовь — это все, любовь все побеждает, любовь всеобъемлюща... Тьфу! Все, что должен делать человек, — это любить кого-нибудь или что-нибудь, долго и сильно, и тогда любовь вернется. Любовь — величайшая сила Вселенной, вообще единственное, о чем стоит говорить, любовь — альфа и омега всего сущего. И отзываться на любовь должны не только люди, не только живое. Если ты полюбишь что бы то ни было — будь то вещество какое-нибудь или энергия, — оно вернет тебе твою любовь и сделает для тебя все, что ты захочешь, вплоть до нарушения всех эмпирических законов — на самом деле этих законов, может быть, и не существует, сказали они ей, — сделает все, что захочешь: пойдет куда угодно, останется где угодно. Независимо от того, возможно это или нет, с обычной точки зрения. Но, чтобы достичь этого, надо постараться понять живое существо, или вещество, или энергию и полюбить так, чтобы тебя заметили, чтобы могли ответить на твою любовь.

Все это ей рассказывали торжественно, излучая глазами невинность. Сейчас вся беда в том, объясняли они, что нет достаточного понимания. Но понимание можно приобрести через любовь. Если любовь будет достаточно сильна и глубока, чтобы принести понимание, то человек на самом деле станет властелином Вселенной. Но такое владычество не должно быть самоцелью, оно должно усовершенствовать

понимание и усилить любовь ко всему, из чего состоит Вселенная.

«Чертов университет, — подумала Кэти, — настоящий инкубатор для таких вот чокнутых — или жуликов? — которые изо всех сил ищут какой-то смысл в совершеннейшей бессмыслице. И занимаются этим, чтобы просто уйти от реальности».

Она посмотрела на стенные часы. Уже почти четыре, а Джерри до сих пор не позвонил. Он обещал, что позвонит, когда поедет в город. Если они опоздают на концерт по его вине, она с него скальп снимет. Ведь он же знает, как она ждала этого концерта, несколько недель о нем мечтала. Конечно, Джерри не очень любит такую музыку — но ради нее может он хоть раз сделать то, что ей хочется, даже если ему придется мучиться весь вечер? Она для него многое делала; ходила туда, куда вовсе не хотелось. Но она же ходила, раз он так хотел... Боже праведный, даже на соревнования по борьбе ходила, по борьбе!

«Странный он человек, — думала Кэти, — странный, временами просто невыносимый... но все равно славный парень. Вечные его деревья! Джерри просто живет ради них. Господи, как может взрослый человек так зациклиться на деревьях? Бывает страсть к цветам, к зверям, к птицам... У Джерри это деревья. Малый просто спятил от своих деревьев. Он их любит, он их как будто понимает; иногда даже кажется, что он с ними разговаривает».

Она выдернула из машинки законченную страницу, вставила чистый лист и снова забарабанила по клавишам, кипя от негодования. Когда она сдаст очерк, то попросит Джонни засунуть его в ящик поглубже, а еще лучше — выкинуть в мусорную корзину, не то кто-нибудь его разыщет, когда для газеты будет не хватать материала.

У противоположной стены сидел за столом Джон Гаррисон, завотделом репортажа, и огладывал кабинет. Большинство столов пустовало, и он вспоминал, кто где. Фримен — на собрании комиссии по делам аэропорта; там, скорее

всего, ничего интересного не произойдет, но из-за всей этой суматохи вокруг новых взлетно-посадочных полос редакция новостей просто обязана была послать туда своего человека. Джей — в Рочестере, в клинике Майо, где разработали какой-то новый способ лечения рака. Кэмпбелл до сих пор торчит в муниципалитете, в комиссии по благоустройству; там сегодня разговор о парках; тоже, наверное, ничего интересного, как и в аэропорту. Джонс в Южной Дакоте, по поводу индейских требований в отношении Блэк-Хилса, собирает материал для воскресного выпуска. Найт на суде по поводу убийства Джонсона. Уильямс в пригородном поселке Уэйзате, интервьюирует ту старую деву, которая хвасталась, что ей 102 года (наверное, все-таки поменьше). Слоун увяз в Уиноне, там у них нефть разлилась.

«Боже, — подумал Гаррисон, — что я буду делать, если вдруг появится что-нибудь стоящее, на большой материал?» Впрочем, он знал, что это маловероятно. С самого утра день был неудачный, и улучшения не предвиделось.

— Что получается из бюджета, Джим? — спросил он у своего помощника Джима Гоулда.

Гоулд посмотрел на лист бумаги в своей машинке.

— Маловато, — сказал он. — Здесь немного, Джонни. Действительно, совсем немного.

Зазвенел телефон. Гоулд взял трубку.

— Это тебя, Джонни. Вторая линия.

Гаррисон поднял трубку и нажал кнопку.

— Гаррисон.

— Джонни, это Фрэнк Нортон. Из Лоун-Пайна, помнишь?

— Конечно, Фрэнк! — обрадовался Гаррисон. — Хорошо, что ты позвонил. Я только вчера разговаривал здесь с друзьями о тебе. Рассказывал, как ты замечательно устроился. Сам себе хозяин, форель под боком, почти прямо в городе... Если я на днях подрулю к тебе порыбачить — как ты?

— Джонни, — сказал Нортон, — кажется, у меня есть кое-что для тебя.

— Похоже, ты взволнован, Фрэнк. Что случилось?

— Очень может быть, что к нам тут пришелец из космоса прилетел. Я пока не уверен...

— Кто к вам прилетел?! — Гаррисон подпрыгнул в кресле.

— Не знаю, — сказал Нортон. — Что-то свалилось с неба, очень большое. Упало поперек реки. От моста ничего не осталось, снесло начисто.

— Оно еще там?

— Там. Сидит, где село десять-пятнадцать минут назад. Огромное. Огромное и черное. Город на ушах стоит, все в панике. Один человек убит.

— Убит? Как убит?

— Он выстрелил в эту штуковину. А она выстрелила в него. Спалила его дотла. Я видел, как это случилось. Он еще стоял, а из него дым валил.

— Боже мой! — воскликнул Гаррисон. — Вот это материал! Как снег на голову.

— Джонни, — сказал Нортон. — Я еще не знаю, что происходит. Это произошло недавно, тут пока трудно что-нибудь понять. Я думал, может, ты захочешь прислать кого-нибудь, сфотографировать.

— Слушай, Фрэнк, — сказал Гаррисон, — я тебе скажу, что собираюсь делать. Я сразу же этим займусь. Но сначала ты расскажешь кому-нибудь из моих ребят все, что знаешь, со всеми подробностями. Все, что произошло. А потом трубку не вешай. Я раздобуду фотографа и еще чего-нибудь придумаю.

— Хорошо. Буду на проводе.

Гаррисон прикрыл ладонью трубку и протянул ее Гоулду.

— Это Фрэнк Нортон, — сказал он. — Хозяин и редактор еженедельной газеты в Лоун-Пайне, мой старый друг, вместе в школе учились. Он говорит, у них там что-то свалилось с неба. Один человек погиб. Свалилось минут пятнадцать назад или около того. Ты сейчас запиши все, что он расскажет, а потом попроси, чтобы подождал меня у телефона. Мне надо еще с ним поговорить.

— Хорошо, — сказал Гоулд. — Запишу. — Он взял трубку. — Мистер Нортон, я Джим Гоулд, помощник редактора...

Гаррисон повернулся на стуле к Энни Датгон, секретарю редакции.

— Энни, свяжись с ребятами в аэропорту. Узнай, можно ли заказать спецрейс, вылет немедленно. Лететь — куда же лететь, черт возьми, чтобы попасть в этот Лоун-Пайн?

— Бемиджи, — сказала Энни. — Это ближе всего.

— Отлично. Значит, потом свяжешься с Бемиджи и закажешь машину напрокат. Попозже мы им еще раз позвоним и уточним время, а пока организуй в принципе.

Энни принялась крутить телефонный диск.

Гаррисон поднялся со стула, оглядел редакцию и ужаснулся тому, что увидел.

В одном углу, углубившись в свою писанину, сидел Финли — совершеннейший щенок, в худшем смысле этого слова, у него еще молоко на губах не обсохло. Сэндерсон — немногим лучше, и никак ее не отучить от манеры вечно острить, где не надо. «Господь свидетель, — подумал он, — в один прекрасный день ей придется поменять свое поведение или оказаться на улице». Джемисон? Нет, слишком туго соображает. Когда надо глубоко копать — незаменимый человек, но для горящего материала не годится.

— Кэти! — закричал он.

Удивленная Кэти прекратила печатать, поднялась и пошла к редакторскому столу, стараясь выглядеть спокойной. Джерри до сих пор не позвонил, а очерк казался ей чем дальше, тем глупее. Если придется пропустить концерт!..

Гоулд «висел» на одном телефоне — слушал, иногда вставлял словечко, беспрерывно стучал на машинке, делал пометки, Энни занимала другой... Гаррисон снова сел за стол и поднял трубку, набрал номер.

— Это Гаррисон, — сказал он. — Нам нужен хороший фотограф. Кто у вас там под рукой? Где Аллен? Это командировка. Важная. Срочность чрезвычайная. — Какое-то время он слушал. — О, черт побери! Значит, Аллена нет? У нас

такая работа, что нужен как раз он. Где он? Вы можете с ним связаться? — Снова пауза. — Ой, верно, я забыл, что он в отпуске. Ладно. Присылайте его.

Он положил трубку и повернулся к Кэти.

— У меня есть кое-что для тебя.

— Не сейчас, — сказала она. — Не сегодня. Сегодня никаких сверхурочных, я уже почти весь день отработала. И у меня билеты на концерт. Симфонический.

— Боже мой, девочка, это может быть очень важно! Самое важное задание в твоей жизни! Может быть, это первый пришелец из космоса...

— Пришелец из космоса?

— Ну, может быть. А может, и нет. Мы пока не знаем...

Гоулд протянул ему трубку.

— Минутку, Фрэнк. Подожди. Я сейчас.

— Самолет будет ждать, — сказала Энни. — Готовый к вылету. И машина в Бемиджи.

— Спасибо, — сказал Гаррисон и повернулся к Гоулду. — Что у тебя?

— Отличный материал. Солидный. Масса фактов, море подробностей. Звучит очень впечатляюще. Что-то у них там спустилось с неба.

— Стоит туда поехать?

— По-моему, да, — сказал Гоулд.

Гаррисон повернулся к Кэти.

— Мне очень не хочется тебя просить, Господь свидетель, но больше никого нет. Нет никого, все заняты. Ты с Уайтом полетишь в Бемиджи. Там вас будет ждать машина. Очерк свободный, это я тебе обещаю. Пиши, что хочешь. Вы должны быть в Лоун-Пайне часам к шести, даже раньше. До восьми позвони. Тогда мы успеем сделать первый выпуск с твоим материалом.

— Хорошо, — сказала Кэти. — Если ты купишь мои билеты на концерт. Ни за что не соглашусь туда лететь, да еще и платить за это.

— Ладно, я их покупаю, — сказал Гаррисон. — Как-нибудь спишу эти деньги на расходы редакции. Сколько?

Он вытащил из кармана кошелек.

— Тридцать.

— Не многовато? Ведь ты заплатила меньше.

— Это как раз столько, сколько ты заплатил бы сегодня. Места хорошие.

— Ладно, ладно, — согласился он, отсчитывая банкноты.

— А если позвонит Джерри Конклин, пусть кто-нибудь ему расскажет, что произошло. Мы с ним должны были встретиться вечером. Обещаешь?

— Обещаю, — сказал Гаррисон, отдавая ей деньги. Он взял со стола трубку. — Извини, Фрэнк, у меня тут были срочные дела. Ты слушаешь? Мои люди будут у тебя около шести. Я им велел найти тебя. Но как это получилось? Ведь у тебя своя газета. Зачем отдавать все это нам?

— Моя газета сегодня вышла, — сказал Нортон. — Следующий номер только через неделю, а такие новости ждать не могут. Я хочу, чтобы ты был здесь первым. Несколько минут назад в город прибыли две патрульные машины полиции штата. Больше ничего нового.

— Ты сможешь держать нас в курсе дел, пока мои не доберутся? — спросил Гаррисон. — Если что-нибудь случится, позвони.

— Обязательно, — ответил Нортон.

Глава 4

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

День выдался трудный. На послеобеденном брифинге газетчики накинулись на него, словно хотели сожрать живьем. Вопросы главным образом касались требований Ассоциации коренных американцев вернуть объединенным племенам Блэк-Хилс в Южной Дакоте и район Бигхорн в Монтане, хотя было довольно много шума и по поводу энергетической ситуации, особенно в связи с предложениями

правительства о развитии солнечной энергетики в юго-западной пустыне и его запросом о выделении крупных сумм для разработки криогенных систем передачи электроэнергии. Журналисты бушевали, возмущенные неудовлетворительными ответами. «Но это, — сказал себе Дейвид Портер, — в порядке вещей». В последние несколько месяцев он внушал представителям прессы то ярость, то отвращение. И теперь он каждый день ждал, что какие-нибудь объединения прессы потребуют его отставки.

...В телетайпном зале висела тишина, почти не нарушаемая стрекотанием аппаратов, стоявших вдоль стены. Они словно переговаривались между собой, беспрерывно выплевывая мировые новости. Маршия Лэнгли, его помощница, уже собиралась уходить: рабочий день кончался. На селекторе впервые за весь день погасли мигающие лампочки. Было время сбора информации. Последние вечерние газеты уже ушли в типографии, в редакциях утренних готовили материал.

В помещение стали вползать тени. Портер протянул руку и включил настольную лампу. При ярком свете на столе обнаружилась такая груда бумаг, что он застонал. Настенные часы показывали почти 5.30. Он обещал заехать за Элис в 7.30, так что времени на бумажную работу оставалось совсем немного. Кто-то из подруг Элис нашел в Мэриленде новый ресторан, и Элис вот уже несколько недель время от времени вспоминала об этом. Нынче вечером они собирались поехать туда. Он потянулся в кресле и подумал об Элис Дэйвенпорт. Ее старик, сенатор, никогда не проявлял к Портеру особой симпатии, но и не возражал, чтобы они встречались. «Ну что ж, молодец старый сыч, — подумал Портер, — это его украшает». А Элис — замечательная девушка, даром что у нее такой отец. Красивая, умная, веселая, образованная, много знает, собеседница отличная... Один только недостаток: вечно она влезает в какие-нибудь общественные проблемы, и тогда у нее нет других тем для разговора, кроме очередного увлечения. Как раз сейчас она носилась с

требованием индейцев вернуть Блэк-Хилс и Бигхорн и страстно доказывала, что надо их отдать объединенным племенам. Несколько месяцев назад были черные в Южной Африке. «Все это, — угрюмо подумал Портер, — от слишком прилежного изучения никудышных дисциплин». Впрочем, она не всегда садилась на своего конька, может быть, и сегодня не будет. В последние несколько месяцев они провели вместе не один хороший вечер; когда она снимала свой плащ крестоносца — становилась отличной подругой, лучшей не пожелаешь.

«Так, — подумал он, — если сейчас навалиться, то где-то через полчаса удастся хоть чуть-чуть разгрести этот завал на столе». Быстрее не выйдет. Но полчаса — нормально. Еще останется время заехать домой, принять душ, побриться и переодеться. Хоть раз в жизни он приедет к Элис вовремя. Но прежде всего надо выпить кофе.

Портер встал и пошел через зал.

— Ты не знаешь, — спросил он Маршию, — у нас кофе не остался?

— Должно быть, остался, — ответила она. — Там и сандвичи могут быть, но уже зачерствели, наверное.

— Кроме чашки кофе мне ничего не надо, — проворчал он.

Он дошел до середины зала, как вдруг один из телетайпов ожил. Громко и требовательно зазвенел звонок, словно требуя внимания.

Портер повернулся и быстро пошел назад. Это был телетайп Ассошиэйтед Пресс. Он подошел к телетайпу и склонился над ним, опершись на аппарат руками. Принтер тянул по бумаге линию сводки новостей. Потом пошло:

«Экстренное сообщение. В Миннесоте с неба спустился крупный неизвестный объект».

Телетайп умолк, принтер еще дрожал.

— Что это такое? — спросила Маршия. Она стояла у него за спиной.

— Не знаю, — ответил Портер. — Должно быть, метеорит.

— Ну, давай, давай, пиши дальше! — обратился он к телетайпу. — Расскажи, что там такое.

На его столе заверещал телефон.

Маршия подошла и взяла трубку.

— Хорошо, Грейс, — сказала она. — Я ему передам.

Телетайп снова ожил.

«Может быть, что сегодня у городка Лоун-Пайн в Северной Миннесоте приземлился первый пришелец из дальнего космоса...»

Рядом раздался голос Маршии:

— Грейс звонила. Президент хочет тебя видеть.

Портер кивнул и отвернулся от машины. В это время застучали остальные телетайпы, но он вышел из зала, спустился по лестнице и пошел дальше по коридору.

Когда он вошел в приемную, Грейс показала головой на дверь.

— Заходи. Он тебя ждет.

— В чем дело, Грейс?

— Я толком не знаю. Он сейчас разговаривает с начальником штаба. Что-то о новом спутнике, который только что обнаружили.

Портер прошел через приемную к двери, постучал, потом повернул ручку и вошел.

Президент, Хэрберт Тэйн, только что положил телефонную трубку. Он указал Портеру на кресло.

— Это был Уайтсайд, — сказал он. — Рвет и мечет. Похоже, что станции слежения обнаружили на орбите что-то новенькое. Если верить генералу, оно такое огромное, что просто жуть берет. Он говорит, это не наше. И очень не похоже на советское. Слишком велико. Ни нам, ни им вытащить такое на орбиту не под силу. Нет таких носителей. Седой на ушах стоит.

— Что-нибудь из космоса? — спросил Портер.

— Этого Седой не сказал. Но именно это у него на уме. Он уже готов заварить страшную кашу. Он появится у нас, как только доберется сюда.

— Что-то не то упало, не то приземлилось — я пока не знаю — на севере Миннесоты, — сказал Портер. — Когда вы позвонили, как раз пошла информация по телетайпу.

— Ты думаешь, это как-то связано?

— Не знаю. Об этом еще рано говорить, мы еще не знаем, что произошло в Миннесоте. Я видел только начало сообщения. Может быть, это всего лишь крупный метеорит. В любом случае что-то там с неба свалилось.

— О боже! Дейв, у нас и без того забот хватает, — сказал президент.

— Совершенно с вами согласен, сэр, — кивнул Портер.

— Как прошел брифинг?

— Они обложили меня, как волка. В основном Блэк-Хилс и положение в энергетике.

— Но ты удачно отделался от них?

— Сэр, у меня работа такая. Я честно зарабатываю свои деньги.

— Да, — сказал президент. — Я в этом не сомневаюсь. И, думаю, это нелегко.

Раздался стук, дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула Грейс, размахивая листом бумаги, сорванным с телетайпа.

— Маршия принесла мне вот это...

— Дай сюда, — приказал президент.

Она подошла к шефу и отдала ему бумагу. Он быстро прочитал и перебросил лист через стол Портеру.

— Совершеннейшая бессмыслица, — пожаловался он. — Большой черный ящик сидит на мосту. Метеорит может быть большим и черным ящиком, как ты думаешь?

— Вряд ли, — сказал Портер. — Метеорит рухнул бы с ужасным шумом. И кратер вырыл бы огромный.

— И все что угодно, — заметил президент, — тоже рухнуло бы с шумом и вырыло бы кратер. Что бы ни упало. Скажем, сломавшийся спутник.

— Я себе именно так и представляю, — сказал Портер. — Они должны падать быстро и делать воронку. Если большие, конечно.

— Этот вроде большой...

Они смотрели друг на друга через стол.

— Так ты думаешь... — начал президент, но замолчал, не договорив.

На президентском столе загудел аппарат внутренней связи. Президент нажал кнопку.

— В чем дело, Грейс?

— Это генерал Уайтсайд.

— О'кей, соедини.

Прикрыв трубку рукой, он сказал Портеру:

— Должно быть, Седой услышал об этом происшествии в Миннесоте.

Он произнес в трубку несколько слов, потом сидел, слушал. Человек на том конце линии говорил быстро и возбужденно.

Наконец президент сказал:

— Ну хорошо. Давайте не будем паниковать. Если появится что-нибудь новое, дайте мне знать.

Он положил трубку и повернулся к Портеру. — Он в это верит. Ему позвонил кто-то из Национальной гвардии Миннесоты. Сказал, что штуковина опустилась и села. Это не авария, а приземление. Она еще там, размером с порядочное здание, совершенно черная, похожа на большой ящик.

— Интересно, — сказал Портер. — Все называют ее большим ящиком.

— Дейв, — спросил президент, — что мы предпримем, если окажется, что это на самом деле пришелец из космоса?

— Будем импровизировать, — ответил Портер. — Будем действовать по обстоятельствам. Только не паниковать и не дергаться.

— Позарез нужны факты. И срочно.

— Конечно. Кое-что мы узнаем из информационных телеграмм. Надо забросить туда исследовательскую группу, и как можно скорее. Связаться с ФБР в Миннеаполисе.

— Район надо оцепить, — добавил президент. — Нельзя допустить, чтобы туда хлынули толпы любопытных. — Он нажал кнопку внутренней связи. — Грейс, дайте мне губернатора в Сент-Поле. — Потом посмотрел на Портера. — Чего я боюсь, так это паники.

Портер взглянул на часы.

— Через час, даже меньше, пойдут первые вечерние информационные программы по телевидению. Может быть, уже сейчас дают экстренные сообщения. Новость разлетится очень быстро. У меня, наверное, все телефоны трезвонят. Всем нужно знать реакцию Белого дома. Хотя они сами, наверное, знают больше нас.

— Маршия еще там?

— Она чуть не ушла, но теперь наверняка там. И не уйдет, на нее можно положиться, профессионал.

— Нам может понадобиться какое-нибудь заявление.

— Пока нет, — сказал Портер. — Не надо торопиться, не будем стрелять навскидку. Надо сначала узнать побольше...

— Надо сказать что-нибудь людям. Чтобы они знали: мы делаем все возможное:

— Сейчас им будет не до нас, — сказал Портер. — Их пока будет интересовать не то, что делаем мы, а что происходит там. Слишком ошеломляющая новость.

— Может быть, собрать брифинг?

— Может быть. Если к утру будет что сказать. Если я правильно понял, об этом непонятном объекте никто не знает, кроме Уайтсайда и нас с вами. Ну и наблюдатели, разумеется; но они болтать не станут.

— Все равно это станет известно, — сказал президент. — Рано или поздно все вылезает.

— Я бы хотел, чтобы люди узнали о происшедшем от нас, — сказал Портер. — Ни к чему создавать впечатление, будто

мы что-то утаиваем. Об этом уже много лет кричат поклонники НЛО. Что от них информацию засекречивают.

— Согласен, — сказал президент. — Наверное, лучше, чтобы ты созвал брифинг. Иди и начинай. А потом приходи назад. У меня могут быть люди, но ты заходи сразу, как только освободишься. К тому времени может появиться еще какая-нибудь информация.

Глава 5

Лоун-Пайн

Рыба куда-то пропала. Кролик ускакал было в темноту, а теперь возвращался, осторожно, не спеша, принюхиваясь. «Бедный кролик озадачен, — подумал Джерри, — наверное, размышляет, куда он попал и что за лужайка такая странная». Енот пытался раскопать пол, шумно нюхал его... Ондатра исчезла.

Джерри уже предпринял осторожное исследование, стараясь не слишком удаляться от того места, куда его забросило, чтобы иметь возможность возвратиться. Однако он ничего не обнаружил. Стоило приблизиться к одной из теней, что возникала в мерцающем свете, — и тень тут же исчезала, отодвигаясь от него и растекаясь по плоскому полу. Он присмотрелся к кругляшам, которые принял за глаза. Поначалу ему показалось, что они расположены на какой-то стене, но теперь выяснилось, что это не так: они словно висели в воздухе. Он попробовал коснуться их рукой — не получилось. Рука прошла насквозь, ничего не ощутив при этом, а «глаза» по-прежнему висели, излучали все тот же мягкий свет и следили за ним.

Джерри показалось, что он видит немного лучше; быть может, потому, что глаза уже привыкли к слабому неровному освещению.

Несколько раз Джерри пытался заговорить. С кем — он и сам не знал. Но ощущал чье-то невидимое присутствие. Однако никакого ответа не было. Не было ни малейшего

признака, что его услышали, что кто-нибудь, или что-нибудь, вообще знает о его присутствии. Вот только это чувство, что за тобой непрерывно следят... У него не было ощущения, что предполагаемый наблюдатель враждебен, угрожает чем-то — любопытствует, не более. Загадочный запах не исчезал, но он уже успел привыкнуть и почти не обращал внимания на него.

Как ни странно, страха он больше не испытывал, и дурные предчувствия оставили его. Вместо них пришли фаталистическое оцепенение и удивление, что такое могло произойти. «Почему, — спрашивал он себя, — это невероятное происшествие случилось именно со мной?» Время от времени он вспоминал о Кэти и концерте, но изменить что-либо был не в силах, и тогда эти мысли вытеснялись более насущными, о его нынешнем положении.

Временами он ощущал какое-то движение, словно вся конструкция, ставшая его тюрьмой, куда-то перемещалась. Пару раз она закачалась и задергалась, будто пришла в движение. Однако Джерри остался спокоен. «Вероятно, — думал он, — это просто реакция организма на непривычные условия».

Но самое главное, он не мог определить, что это — конструкция или организм? Это было непонятно как в тот момент, когда «оно» свалилось с неба, так и теперь. Может быть, это машина, запрограммированная на приспособление к любым условиям и ситуациям. Но что-то в ней казалось живым. Он не знал почему, но инстинктивно чувствовал.

Несмотря на то что никаких доказательств не было, Джерри все больше и больше утверждался в мысли, что за ним наблюдает живое существо, некий разум. Едва приземлившись, пришелец из космоса тут же начал исследовать жизнь на незнакомой планете; человек, кролик, рыба, енот, ондатра... Джерри не сомневался, что по этим пяти экземплярам можно получить какую-то предварительную

информацию, а может быть, даже общее представление о принципах эволюции земной жизни.

«Да, „оно“ живое, — решил он. — Огромный черный ящик — живое существо». Почему он так решил, он и сам не знал; такая убежденность показалась ему странной. Он пытался разобраться, откуда это пришло, — и вдруг словно чей-то голос прозвучал, точно в мозгу сверкнула молния прозрения — пришло и новое знание: «это» похоже на дерево. «Да, — подумал он, — в нем ощущается то же самое, что я чувствую в любом дереве». Мысль была нелепой, черный ящик не имел ничего общего с деревом, но ощущение не проходило: штуковина, в которую он попал, чем-то похожа на дерево.

Он постарался избавиться от этой мысли, выкинуть ее из головы — уж больно дурацкой, даже сумасшедшей она казалась, — но не смог. Мало того, к ней присоединилась еще одна, тоже ниоткуда: какая-то расплывчатая мысль о доме. Что означала сия новая идея, он не понимал. Значит ли это, что здесь он дома? Такое предположение возмутило его. Ну уж нет! Что угодно, только не дом.

Он стал размышлять, каким образом возникла такая странная мысль. Может быть, некая чужая жизнь — если это жизнь — пытается связаться с ним? И внушает ему разные представления, пытаясь навести мост между разными интеллектами? Если дело обстоит так — а в это трудно было заставить себя поверить, — что имел в виду пришелец? Какая связь между деревом и домом? На что «оно» рассчитывает, внушая такие идеи? Какие ассоциации ему нужны?

Размышляя, он заметил, что все больше и больше свыкается с мыслью, что черный ящик — пришелец из космоса, причем не только живой, но и разумный.

Почва для такого предположения была подготовлена давно. Уже много лет говорили и писали о том, что в один прекрасный день на Земле может появиться какой-нибудь представитель внеземной цивилизации; гадали, что произойдет при этом, какова будет реакция серой,

безграмотной толпы. Так что идея была не нова; за долгие годы она успела овладеть общественным сознанием.

Прыг, прыг... кролик приблизился вплотную. Прижавшись к полу, вытянул шею и понюхал носки болотных сапог. Енот прекратил свои попытки расковырять пол и вразвалочку убежал. Ондатра не возвращалась.

«Братья наши меньшие, — подумал Джерри, — братишки мои, попали вы вместе со мной в утробу к этому чужому существу, которое считает нашу Землю чужой планетой — и вот изучает нас...»

Внезапно что-то обвилось вокруг него. Его оторвало от пола и швырнуло в стену, но он не ударился о нее. В стене приоткрылась щель, и он вылетел наружу.

Теперь он падал. В темноте почти ничего не было видно, но он различил под собой что-то темное и закрыл лицо руками. Он рухнул на дерево; ветви торчали кверху, но оказались гибкими и смягчили падение. Он вытянул одну руку, пытаясь за что-нибудь ухватиться, а другой по-прежнему закрывал лицо. Под руку попалась какая-то ветка, он схватился за нее, но она согнулась. Тогда он вытянул другую руку, уцепился за толстый сук и смог удержаться.

Какое-то время Джерри висел, раскачиваясь, на суку и жадно вдыхал знакомый аромат соснового леса. Дул несильный ветер, и вокруг слышалось нежное шептание хвои.

Он был счастлив: наконец-то ему удалось выбраться из этой штуковины. «Хотя, — подумал он, — „выбраться“ — это совсем не то слово». Ведь его попросту выкинули. Они — или оно — взяли от него все, что было нужно, и вышвырнули его вон. Наверное, еще раньше точно так же выкинули рыбу, а скоро выкинут и всех остальных: кролика, енота и ондатру.

Глаза немного привыкли к темноте, и он осторожно пополз по суку к стволу дерева. Обхватив ствол руками и ногами, он решил немного отдохнуть. Ветви были так густы, что Джерри не имел ни малейшего представления, на какой высоте находится, земли не было видно. «Не очень высоко, — подумал он, — ведь я падал из ящика высотой около

сорока футов, еще сколько-то пролетел по воздуху, пока не свалился на дерево».

Он начал медленно спускаться. Это оказалось нелегко, особенно в темноте, приходилось пробираться между многочисленными ветвями. «Дерево, — решил он, — не слишком большое, невысокое. Ствол около фута в диаметре, хотя книзу становился потолще».

Наконец он коснулся ногами чего-то твердого, от неожиданности колени у него подогнулись. Он пощупал ногой поверхность, чтобы убедиться, что это на самом деле земля, потом отпустил ствол и стал пробираться сквозь чащу.

Он пытался увидеть хоть что-нибудь, но темнота была слишком густая. Он помнил, что оставил машину где-то рядом, недалеко от дороги, и очень удивился, даже испугался, обнаружив, что понятия не имеет, куда идти.

Он прошел чуть-чуть, надеясь выбраться на открытое место, где можно было бы хоть что-нибудь увидеть. Но не прошел и нескольких футов, как снова запутался в ветвях какого-то дерева. Попробовал в другом направлении — то же самое. Он припал к земле и стал всматриваться вверх, надеясь разглядеть очертания штуковины, упавшей с неба, но ничего не увидел.

Он подумал, что отсюда должны быть видны огни городка. Но как ни старался — не заметил ни единого огонька, хоть Лоун-Пайн не мог быть далеко. Он решил сориентироваться по звездам — но их тоже не было: то ли небо затянуло, то ли лес был слишком густой.

«Боже, — подумал он, — это ж надо заблудиться в лесу в какой-нибудь миле от города! Какой-никакой, но все-таки город...» А он сидит тут, скрючившись от холода, и не знает, куда идти.

Стало холодно. И к утру еще похолодает, так что ночевать в лесу, дожидаясь рассвета, — удовольствие небольшое. «Можно было бы разжечь костер», — подумал он, но вспомнил, что у него нет спичек. Он не курил, а потому никогда не носил с собой спички. «Однако холод — это еще не все, —

сказал он себе. — Надо как-то добраться до телефона и как можно скорее. Надо позвонить Кэти и объяснить, что его задержало. Она там, наверное, с ума сходит».

Он вспомнил правило для заблудившихся: двигайся под уклон. Двигаясь под уклон, обязательно доберешься до какой-нибудь воды, а вода рано или поздно приведет к людям. Отсюда он может выйти к реке, а по берегу реки — на дорогу. Или можно попробовать перебраться через реку — тогда он окажется совсем рядом с Лоун-Пайном. В этом было мало привлекательного — реку он не знал, и попытка может оказаться опасной, если он попадет в омут или на стремнину.

А вдруг он сможет найти штуковину, в которой сидел? Если это удастся — можно найти дорогу, ведущую к мосту. Да, но реку все равно не удастся перейти, ведь моста больше нет. А может быть, это чудо так и лежит на мосту? Ему казалось, что он ощущает ее присутствие, но он не был в этом уверен.

«Я должен быть совсем рядом с этим ящиком», — подумал Джерри. Его не могло выкинуть оттуда слишком далеко. Он был твердо уверен, что ящик где-то совсем рядом, не дальше тридцати футов.

И он пошел — точнее, попытался пойти. И никуда не пришел. Он натыкался на деревья, путался в ветвях и кустарнике, спотыкался о валежник... Он не мог пройти в одном направлении больше нескольких футов. Он совершенно заблудился и понятия не имел, где находится.

Устав от бесплодных попыток, он сел на землю, прижавшись спиной к стволу ели. Ее нижние ветви росли совсем рядом с землей, и он сидел, словно в низкой палатке. «Боже, — подумал он, — никогда бы не поверил, что можно так заблудиться в темноте».

Отдохнув немного, он встал и снова двинулся наугад. Временами он спрашивал себя: не пора ли бросить это бесполезное занятие, устроиться где-нибудь под елью и дождаться рассвета? Но не мог заставить себя сделать это: ведь каждая попытка могла оказаться счастливой... Вдруг он

найдет черную штуковину, или дорогу, или что-нибудь еще, что подскажет ему, где он находится.

И тут он обнаружил тропинку. Он не рассчитывал найти тропинку, но это было лучше, чем ничего, и он решил держаться ее. Тропинка — или чей-то след — наверняка выведет его куда-нибудь, если только он не потеряет ее в темноте.

Он не увидел тропинку, а нашел ее случайно, когда, споткнувшись обо что-то, упал прямо на нее. Лесная дорожка была утоптанной — он убедился в этом, ощупав ее руками. По обе стороны плотно росли деревья и кусты.

Был единственный способ не потерять тропу — двигаться по ней на четвереньках, все время нащупывая руками. Джерри так и сделал: он медленно пополз по ней на четвереньках, не зная, где находится и куда идет.

Глава 6

Лоун-Пайн

— Я не знаю, где они, Джонни, — говорил в телефон Фрэнк Нортон. — Они не появлялись. Ты сказал — в шесть, и я с тех пор жду их. Может быть, пробка на дороге?

— Какого черта? — заорал Гаррисон. — С каких это пор у вас появились пробки на дорогах?

— Хуже, чем в день открытия рыболовного сезона, — ответил Нортон. — После того как радио и телевидение дали экстренные сообщения, все бросились к нам. Дороги, ведущие в город, забиты машинами. Полиция пытается заблокировать нас, и патрулям приходится нелегко.

— Сейчас уже поздно фотографировать, — сказал Гаррисон. — Так ты говоришь, эта штуковина куда-то поехала?

— Совсем недавно. Двинулась через мост по дороге, что ведет в лес. Сейчас уже темно. Нет никакой возможности хоть что-нибудь отснять. Но я сделал несколько снимков, пока она еще была здесь.

— У тебя есть снимки? Так какого черта ты молчишь?

— Джонни, их немного. И не такие, как получились бы вашими камерами, профессиональными. Обыкновенный туристский аппаратик. Я отснял две пленки, но не уверен, что там есть на что посмотреть.

— Послушай, Фрэнк! Есть ли какая-нибудь возможность переправить пленки нам? Ты вообще согласен продать их мне?

— Продать? Если они тебе нужны, Джонни, они твои. Я хотел бы только получить несколько фотографий, вот и все.

— Не валяй дурака, — сказал Гаррисон. — Эти пленки стоят денег. Больших денег. Если ты отдашь нам пленки, я пришлю тебе отсюда все, что только можно привезти. Есть ли возможность доставить их? Быть может, кто-нибудь согласится смотаться к нам на машине? Я не хочу, чтобы ты сам срывался с места. Мне бы хотелось, чтобы ты оставался там, пока не появятся Кэти и Чет.

— Тут есть паренек, который работает на заправочной станции. У него мотоцикл. Он довезет быстрее, чем кто-либо другой, если только не свернет себе шею по дороге.

— Ему можно доверять?

— Абсолютно, — сказал Нортон. — Он у меня иногда работает, разные поручения выполняет время от времени. Мы с ним друзья.

— Скажи ему, что, если он привезет нам пленки до полуночи, получит сотню. Мы придержим выпуск, чтобы фотографии пошли в утренних газетах.

— По-моему, сейчас парнишка как раз на заправке. Я с ним свяжусь. Он найдет кого-нибудь — или я найду, — чтобы его подменить. Да, черт подери, я сам его подменю, если надо будет.

— А газетчики в городке не появлялись? Или ребята с телевидения?

— Не думаю. Телевизионщиков я бы увидел. Дулут наверняка кого-нибудь послал, и когда они появятся, скорее всего меня будут искать. Но пока никто не показывался. Дорожная полиция нас надежно заперла, в город удалось

пробраться немногим. В основном тем, кто побросал свои машины на шоссе возле постов и пришел пешком, но сейчас подходят все новые. Дороги забиты машинами. Так что в этой ситуации мотоцикл даже лучше машины. Паренек, о котором я говорил, и по кювету поедет, даже по полю, если надо будет.

— Так ты это сделаешь?

— Сразу же. Если не найду того парня, то пошлю кого-нибудь другого. Только одно, Джонни. Как население воспринимает это происшествие?

— Пока не знаю, — сказал Гаррисон. — Слишком рано. Я послал своего человека поговорить с людьми. В барах, у театральных входов, просто на улицах — узнать, что они думают об этом. Он собирает материал для очерка о реакции первого встречного. А почему ты спрашиваешь?

— Мне звонили из Вашингтона. Начальник штаба сухопутных сил, так он сказал. Назвался, но имя я не расслышал. Однако генерал. Это я слышал точно.

— Пока реакция Вашингтона неизвестна, — сказал Гаррисон. — Им нужно время, чтобы сориентироваться. Ты все-таки считаешь, это может быть чем-нибудь из космоса?

— Оно сдвинулось с места и поехало, — сказал Нортон. — Перебралось через реку и заехало в лес, довольно далеко. Может быть, оно живое, или очень сложная, совершенная машина, или машина, управляемая каким-то интеллектом. У нас здесь никто не сомневается. Все уверены, что это пришелец из космоса. Тебе самому надо было бы увидеть, Джонни. Если бы увидел — тоже поверил бы.

Дверь в комнату отворилась, и на пороге показалась незнакомая женщина, за ней следовал мужчина, увешанный фотографическим снаряжением.

— Минутку, — сказал Нортон. — Кажется, это твои. Только что вошли. — Он обратился к женщине: — Вы Кэти Фостер?

Кэти кивнула.

— А вот этот навьюченный парень — Чет Уайт, — сказала она.

— Фрэнк, — позвал Гаррисон.

— Да?

— Дай мне поговорить с Кэти, будь добр.

— Конечно, — сказал Нортон. — А я займусь пленками. — Он протянул Кэти трубку. — Джонни на проводе.

— Вы что-то сказали про пленки? — спросил Чет.

— Ага. Я тут две пленки успел отщелкать, пока эта штуковина не уехала за мост. Пока ее еще было видно.

— Так ее больше нет?! — взвыл Чет.

— Она укатила. Через мост и по дороге в лес. К ней сейчас не добраться. И слишком темно, чтобы рассмотреть отсюда.

— Вы посылаете пленки Джонни?

— У меня тут есть человек с мотоциклом. Он их отвезет.

— Это хорошо, — сказал Чет. — На машине не пробраться. Черт бы побрал ваши дороги. В жизни не видел такого столпотворения. Пришлось идти пешком мили две, наверное, не меньше. А машина где-то там осталась.

— До скорого! — сказал Нортон, выскакивая за дверь.

Тем временем Кэти говорила по телефону:

— Джонни, это ужасно! Все стараются попасть сюда. Полиция не пропускает. Машин скопилось столько...

— Ладно, — сказал Гаррисон. — Вы добрались. Там и оставайтесь. Раздобудьте, что сумеете. Поговорите с людьми, узнайте их впечатления. Как принял это город? Что это такое, по их мнению? Ты знаешь, что нам нужно.

— Джонни, Джерри не звонил?

— Какой Джерри?

— Черт возьми, Джонни, я же говорила тебе перед отъездом! Джерри Конклин, я с ним должна была встретиться сегодня. Я же все тебе объяснила.

— Теперь вспомнил. Извини. Я сейчас спрошу, подожди минутку.

В трубке было слышно, как он орал: «Кто-нибудь говорил по телефону с парнем по имени Джерри Конклин?!

Приятель Кэти». Ему что-то отвечали, но Кэти не разобрала. Гаррисон взял трубку.

— Нет, Кэти. Он не звонил.

— Черт бы его побрал!

— Смотри, — сказал Гаррисон, тотчас забыв о Джерри Конклине, — сейчас четверть восьмого. Для первого выпуска нам придется обойтись тем, что у нас уже есть. Фрэнк держал нас в курсе, и мы знаем, что эта штуковина уехала за реку. Позвони мне через пару часов. Жаль, что вы застряли на шоссе. Хорошо, что добрались.

— Джонни, что еще происходит? Расскажи.

— Губернатор загнал в Лоун-Пайн чуть ли не половину полиции штата. Объявил мобилизацию Национальной гвардии. Пока никто не знает, что происходит. Похоже, это на самом деле какой-то корабль из космоса, но никто не может сказать наверняка.

— Если Джерри позвонит, ты объясни ему все.

— Конечно, — сказал Гаррисон.

— Я тебе позвоню... Постой! Мне кажется, что все линии будут забиты, по телефону не дозвонишься. Посади кого-нибудь на релейную связь, и пусть позвонят сюда в девять тридцать или около того. Если с первого раза не получится, пусть пробуют еще и еще. У тебя есть номер этого телефона?

— Прекрасно. Там найдется кто-нибудь, чтобы сидел у телефона и держал линию для тебя?

— Кого-нибудь найду, — сказала Кэти. — Сколько я могу заплатить им? Какой суммой мы вообще располагаем?

— Чем меньше, тем лучше. Но трать, сколько потребуется.

— Хорошо, — сказала Кэти. — До связи.

Едва она повесила трубку, вошел Нортон.

— Джимми уехал с пленками, — сообщил он. — Его приятель подменил.

— Быстро вы управились, — сказал Чет.

— Мне повезло. Джимми был на месте, а его приятель как раз болтался рядом.

— Вот что, — сказала Кэти. — Джонни будет звонить около половины десятого, и надо, чтобы кто-нибудь был у телефона и держал линию, пока я не вернусь. Может оказаться, что прорваться будет трудно.

— Пожалуй, я знаю такого человека, — сказал Нортон. — Я только что видел его на улице. Старый чудак, Стиффи Грант. Он что угодно сделает, чтобы заработать на бутылку.

— На него можно положиться?

— Если пообещаете на бутылку — конечно.

— Сколько я должна буду ему заплатить?

— Да пару долларов.

— Передайте ему, что он получит пять. И велите, чтобы никого не подпускал к телефону. Ни за что, ни при каких обстоятельствах.

— Вы можете на него положиться. Дед сообразительный, если объяснить — усвоит. К тому же сейчас он трезв, так что все поймет.

— Не знаю, что бы мы без вас делали, — сказала Кэти.

— Все нормально, — сказал Нортон. — Мы с Джонни старые друзья, вместе в школе учились.

— Эта штуковина раздавила автомобиль, — сказал Чет. — Он еще там?

— Насколько я знаю, там, — ответил Нортон. — Его полицейский стережет. Приказано не убирать, пока кто-нибудь не появится.

— А кто должен появиться?

— Не знаю, — сказал Нортон.

— Ну, пошли, — сказала Кэти. — Я хочу посмотреть на эту машину. Может, сделаем пару снимков.

— Идите прямо по улице, — сказал Нортон, — к реке. Это недалеко. Увидите полицейскую машину с красными фонарями — там и найдете то, что вам надо. А я пока займусь Стиффи, приведу его сюда, а потом догоню вас.

Пройдя всего квартал, они увидели впереди красные мигалки полицейской патрульной машины. Когда подошли поближе, из тени навстречу шагнул полицейский.

— Мы из газеты, — сказала Кэти, — «Трибьюн», Миннеаполис.

— Можно ваше удостоверение?

Кэти достала из сумки бумажник и протянула полицейскому пресс-карточку. Он вытащил из кармана фонарик и направил луч на нее.

— Кэтрин Фостер? Я читал ваши репортажи.

— Со мной Чет Уайт, — сказала Кэти. — Наш фотограф.

— О'кей. Только смотреть тут не на что. Эта штуковина убралась за реку.

— А что с машиной? — спросил Чет.

— Машина еще здесь.

— Что, если мы сделаем несколько кадров?

Полицейский заколебался. Потом сказал:

— Я думаю, можно. Только не трогайте ее. Ребята из ФБР просили оставить все, как было.

— А что им нужно? — спросила Кэти. — При чем здесь ФБР?

— Этого я не знаю, мэм, — ответил полицейский. — Но так мне сказали. Их тут несколько человек.

Они обошли патрульную машину и прошли немного вперед по дороге. Смятая машина лежала возле моста. Точнее, там, где когда-то был мост. Она была сплющена так, словно побывала под прессом.

— В ней кто-нибудь был? — спросила Кэти.

— Нам кажется, нет, мэм, — ответил полицейский.

Чет лазил вокруг машины, щелкая вспышкой.

— Что за машина? — продолжала Кэти — Не установили? А номерные знаки?

Полицейский пожал плечами.

— Наверное, есть, но их не видно. Это «шевроле». Не новая. Насчет модели я не уверен.

— Не представляете, кто мог в ней приехать? Что с ним могло случиться?

— Наверное, кто-нибудь остановился порыбачить в омуте у моста. Здесь встречаются огромные форели. Говорят, люди часто сюда приезжают.

— Но если так, — сказала Кэти, — вам не кажется, что водитель уже должен был бы объявиться и рассказать, что приключилось?

— Как раз это и странно, — ответил полицейский. — Но может быть, он в реке? Когда эта штуковина упала, мост развалился. Человека могло ударить бревном.

— А его кто-нибудь искал?

— Наверное, — сказал полицейский. — Я не знаю.

— А вы видели то, что упало? — спросила Кэти.

— Очень недолго, пока не стемнело. Когда я сюда прибыл, оно уже было за рекой. Вон там. Несколько сот футов от того берега. Стояло там неподвижно. Большое.

— Оно стояло на дороге?

— Вообще-то на дороге. Только оно широкое, в несколько раз шире дороги. Оно снесло несколько деревьев.

— А сейчас? Так там и стоит?

— Я почти уверен. Если бы оно поехало дальше, то повалило бы еще деревья, было бы слышно. А с тех пор, как я здесь, все тихо.

— А что там выше? Выше по дороге, я имею в виду.

— Лесной заповедник, мэм. На том берегу нетронутый лес, древние сосны. Громадные. Иным по несколько сот лет. Эта штуковина застрянет там. Она не пролезет между деревьями. Ей просто там не поместиться.

— А вы не заметили в ней признаков жизни?

— Нет, этого не видел. Просто громадный черный ящик. Вроде большого неуклюжего танка, только еще больше. Но гусениц у нее вроде нет. Не могу представить, как она двигается.

— Значит, у вас такое впечатление? Большой танк?

— Знаете, нет. Скорее похоже на большой черный ящик. Большущий продолговатый ящик, который кто-то покрасил в невероятно черный цвет.

— Как можно перебраться через реку?

— И не пытайтесь, мэм. Тут у моста глубоченный омут, а выше и ниже его страшное течение.

— А на лодке?

— Можете поспрашивать местных. Вероятно, через омут можно перебраться на лодке. Если только лодка найдется.

— Да здесь у каждого есть лодка, — вмешался Чет.

— Но лучше не пытаться, — сказал полицейский. — Мне надо спросить по рации. Вероятно, мне не разрешат вас пропустить.

— Но как же попасть туда?

— Только не по дорогам. Дороги все перекрыты.

— А что будет с теми, кто живет за рекой?

— Там никого нет. Только лес, девственный лес. На много миль вокруг. Там никто не живет.

— Сержант, — сказала Кэти, — могу я узнать ваше имя? Можно мне процитировать что-нибудь из того, что вы мне сказали?

Сержант с явным удовольствием назвался.

— Но с цитатами поаккуратней, пожалуйста, — попросил он.

Глава 7

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Портер смотрел, как журналисты входят в зал. Сегодня они выглядели не такими агрессивными, как обычно. Несмотря на то что время для брифинга было позднее, их оказалось больше, чем он ожидал.

Они вошли и расселись в безмолвном ожидании. — Я должен извиниться перед вами за столь поздний час, — начал он, — быть может, нам стоило подождать до утра. Но я подумал, что многие из вас хотят узнать то, что известно нам. Хотя может оказаться, что мы с вами знаем практически одно и то же. Итак, мы знаем, что у городка Лоун-Пайн на севере Миннесоты с неба спустился какой-то объект. По

северной окраине городка течет Пайн-Ривер; данный объект опустился таким образом, что перекрыл реку от одного берега до другого. Примечательно, что он в точности сел на мост, соединявший эти берега. Мост оказался разрушен, и раздавлена автомашина, припаркованная возле моста. По-видимому, в тот момент в машине никого не было. Незадолго до наступления темноты объект переместился на другой берег реки, где, насколько нам известно, и находится в настоящий момент. Очевидно, надо сказать еще об одном. Имеет ли это отношение к объекту, упавшему в Миннесоте, или нет — мы не знаем, но станциями слежения на околоземной орбите обнаружен неизвестный объект очень внушительных размеров. Это все.

Первый вопрос задал представитель «Таймс» из Нью-Йорка:

— Господин секретарь, вы сказали: «внушительных размеров». Можете ли вы уточнить эти размеры и охарактеризовать орбиту?

— Мистер Смит, — ответил Портер, — пока точные размеры неизвестны, но речь может идти о нескольких милях в диаметре. Что до орбиты, я полагаю, это так называемая синхронная орбита. Она расположена на высоте около двадцати тысяч миль, ее скорость соответствует скорости вращения Земли. В настоящий момент, насколько я знаю, объект висит где-то над штатом Айова.

— Дейв, — спросил журналист из чикагской «Трибьюн», — что значит «станциями слежения обнаружен»? Значит ли это, что станции слежения обнаружили объект, когда он уже был на орбите, или его заметили еще до того, как он вышел на нее?

— Если я правильно понял, его обнаружили уже на орбите. Всего несколько часов назад.

— Верны ли наши предположения, что это космическая база, с которой прилетел объект, упавший возле Лоун-Пайна?

— Я думаю, что ваши предположения, — сказал Портер, — ваше личное дело. Я считаю, что пока слишком мало информации для выводов подобного рода. Если развить вашу догадку, то следует предположить, что и новый объект на орбите, и тот, что упал в Миннесоте, появились из дальнего космоса. А этого мы пока не знаем.

— Но если оценить массу объекта на орбите, судя по его размерам, — по-видимому, можно исключить вероятность запуска его с Земли.

— Мне тоже так кажется. Но, как я уже сказал, это нуждается в уточнении.

Вашингтонская «Пост»:

— Вы сказали, что миннесотский объект переместился. Если я правильно понял, он упал поперек реки. А потом переместился на другой берег.

— Именно так.

— Не можете ли вы объяснить, как он переместился? Как бы вы описали его способ движения?

— Мне нечего сказать, Джо. Как он движется, я не знаю. Единственное, что мы знаем, — что он каким-то образом двигался. Именно так. Очевидно, он двигался без помощи извне, сам. Вы должны иметь в виду, что в момент перемещения там не оказалось ни одного квалифицированного наблюдателя. Вся наша информация основана на свидетельствах нескольких горожан, которые утверждают, что видели то-то и то-то.

— Вы можете дать нам более подробное описание объекта? Более конкретное, чем то, которое мы уже получили? Что-нибудь еще, кроме большого черного ящика?

— Боюсь, что не могу. На сей счет у нас нет никакой новой информации. Насколько нам известно, ни одной фотографии пока не сделано. Он упал вечером. И через несколько часов стало совсем темно.

Ассошиэйтед Пресс:

— Вы все время говорите «не знаю», и я прекрасно понимаю, что сейчас на самом деле никто ничего не может знать

наверняка. Но из всего того, что уже известно, можно сделать вполне оправданный вывод, который просто напрашивается и состоит в том, что мы имеем дело с инопланетным разумом. У вас нет никаких комментариев?

— Я постараюсь ответить вам честно, — сказал Портер, — не прибегая к обычному «не знаю». Эта штуковина опустилась на шоссе, отсюда можно заключить, что она сумела выбрать удачное место приземления. Она переместилась, по всем данным, самостоятельно. Следовательно, на борту есть либо какой-то интеллект, либо какая-то машина, управляемая сенсорными датчиками. Как вы все знаете, один человек выстрелил в нее из ружья — она ответила выстрелом, и человек был убит. Значит, она способна защищаться. Все эти факты вы, без сомнения, сопоставили сами, их просто невозможно проигнорировать. Но кроме этого мне больше нечего сказать. Все сказанное еще не дает оснований для каких-либо окончательных выводов. С выводами придется подождать, пока не наберется достаточно информации.

— У меня сложилось впечатление, что вы исключаете возможность земного происхождения объекта на орбите, — сказал представитель Эн-би-си. — А он не может быть каким-нибудь новым экспериментальным космическим кораблем?

— Я полагаю, при нынешних обстоятельствах можно допустить все что угодно. Мне очень жаль, если у вас создалось впечатление, будто я вообще что-либо исключаю. Но меня заверили, что объект не наш.

— А если чей-нибудь еще?

— Очень сомнительно.

— Значит, вы утверждаете, что это космический пришелец.

— Нет, Карл, это вы утверждаете. Я этого не сказал.

— Можно мне вмешаться еще раз? — спросил представитель «Нью-Йорк таймс».

— Разумеется, мистер Смит.

— Вы не могли бы вкратце сообщить, что делает правительство? Проводились ли какие-либо переговоры с другими правительствами? Как я понял, район Лоун-Пайна блокирован. Это сделано федеральными властями?

— Насколько я знаю, пока никакие переговоры ни с кем не проводились. Позже, возможно, такие переговоры будут проведены, но прежде всего нам надо понять, с чем мы имеем дело. Район блокирован властями штата. Губернатор советовался с президентом, но президент не имеет никакого отношения к оцеплению района. Я предполагаю, что некоторые федеральные организации пошлют туда своих наблюдателей, но до сих пор никаких сведений по этому поводу у меня нет.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Смит.

— Но вы, наверное, согласитесь, — вступил в разговор корреспондент «Лос-Анджелес таймс», — что если данный объект или объекты — один на земле и другой на орбите — окажутся внеземными, то дело коснется не только нас, но и всего международного сообщества?

— Я не могу позволить себе подменять государственного секретаря, — заметил Портер. — Но должен признать, что в вашем вопросе есть определенная логика.

— Позвольте мне несколько развить эту тему, — подхватил представитель «Канзас-Сити стар». — Если будет установлено, что объект, опустившийся у Лоун-Пайна, на самом деле корабль из дальнего космоса или хотя бы из Солнечной системы — давайте предположим такое, — какова будет позиция нашей страны? Будет ли предпринята какая-то попытка установить контакт с тем разумом, который может оказаться на борту?

— Мы не пытались заглядывать так далеко, — сказал Портер. — Поскольку пока нет никаких свидетельств...

— Но если в течение ближайших дней такие свидетельства появятся — разработана ли программа нашего поведения?

— Если вы спрашиваете, собираемся ли мы избавляться от любых пришельцев любыми способами, то я так не думаю. Я высказываю неофициальную точку зрения, это моя позиция, но она основана на том, что я знаю о подходах нашего правительства к любым проблемам. Да, действительно, кто-то выстрелил в объект, когда тот приземлился. Но это была единичная акция какого-то безответственного гражданина, вероятно ошеломленного тем, что он увидел. Я надеюсь, что остальные будут себя вести разумнее.

— И как, по-вашему, должны вести себя разумные люди?

— Я думаю, — ответил Портер, — что разумный человек мог бы попытаться установить какой-то разумный контакт. Скорее всего, поначалу весьма ограниченный. Но после того как такой контакт был бы установлен, мы могли бы перейти к чему-то еще. Однако мне кажется, что вы меня вынудили выйти за пределы моих полномочий. У меня нет никаких оснований для формулировки официальной точки зрения по данному вопросу. До сих пор такая возможность даже не обсуждалась. По крайней мере, насколько мне известно.

— Вы, конечно, понимаете, — сказал журналист Эн-би-си, — что, если все это действительно так и мы действительно вступили в контакт с интеллектом откуда-то из космоса, это может оказаться наиболее значительным событием во всей истории человечества?

— Я полагаю, что вы правы, — ответил Портер. — Но снова я выступаю только от своего имени. Как я уже сказал, данная проблема пока не обсуждалась. Наша оценка ситуации еще не продвинулась настолько далеко.

— Мы поняли, Дейв, — сказал представитель Эн-би-си. — Мы просто задаем вопросы, которые приходят в голову.

— Спасибо, — поблагодарил Портер.

— Давайте перейдем к более конкретным вопросам, — предложил корреспондент «Балтимор сан». — Скажите, какие шаги может предпринять администрация? Ближайшие.

— Я полагаю, это будет наблюдение. В течение ближайших двадцати четырех часов мы задействуем как можно

больше квалифицированных наблюдателей. Вероятно, среди них будет много ученых со всей страны, а не только представители правительства. Что до всего остального — все будет зависеть от развития событий. Я сомневаюсь, что кто бы то ни было может предсказать события, которые произойдут даже в ближайшие часы.

— И снова об объекте на орбите, — сказали из «Детройт ньюс». — Не может ли оказаться, что эта крупная масса, которую там увидели, — всего-навсего скопление космического мусора? Ведь мы набросали туда очень много всякого хлама. Не могла ли она каким-то образом сконцентрироваться в результате взаимного притяжения?

— Такое объяснение в принципе не исключено, — ответил Портер. — К сожалению, в физике я не силен и не могу сказать, возможно ли это. У нас данный вопрос не поднимался. Вероятно, космическое агентство имеет какие-то соображения на сей счет.

— А мы не могли бы послать туда кого-нибудь, чтобы посмотреть на объект поближе? Это не обсуждалось?

— По-видимому, пока еще нет. Возможно, будет послан один из космических челноков с орбитальной станции. Технически это осуществимо, тут сомнений нет. Такая возможность будет рассмотрена в дальнейшем.

— Если бы выяснилось, что нас на самом деле посетили инопланетяне, — сказал комментатор Си-би-эс, — как, по-вашему, это может повлиять на нас, на человечество? Само осознание, что там, наверху, кто-то есть...

— Повлияет, надо полагать, весьма существенно, — ответил Портер, — но здесь я вынужден воздержаться от комментариев. Это вопрос к социологам.

— Господин секретарь, — снова взял слово корреспондент «Нью-Йорк таймс», — мы чрезвычайно признательны вам за то, что вы сочли возможным встретиться с нами в столь поздний час. Вы, конечно же, будете держать нас в курсе событий.

— Разумеется, мистер Смит, — подтвердил Портер.

Он смотрел, как журналисты выходят из зала. Маршия поднялась из-за своего стола и подошла к нему.

— Мне кажется, все прошло удачно, — сказала она.

— Сегодня они не за скальпами приходили, — ответил Портер. — Все это дело может стать политическим чуть погодя. Но пока оно слишком новое, чтобы иметь политическую окраску. Подожди. Дай этим ребятам на Холме несколько дней — начнется и политика.

Он подошел к своему столу и сел, наблюдая, как Маршия собирается и уходит. Стало тихо. Только где-то далеко звонил телефон, да чьи-то гулкие шаги раздавались в пустом коридоре.

Он поднял трубку и набрал номер Элис.

— Я так и думала, что ты сейчас позвонишь, — сказала она. — Не отходила от телефона. Ну, как прошло?

— Неплохо. Как видишь, цел. Сегодня меня не грызли.

— Бедный Дейв! — сказала она.

— Да нет, все нормально. Я сам на это напросился. Мне же платят.

— Врешь ты все. Ни на что ты не напрашивался.

— Ну, может, и не напрашивался. Но подпрыгнул, как только появился шанс поработать.

— Ты не заскочишь к нам? Я бы приготовила чего-нибудь выпить.

— Боюсь, что нет, Элис. Мне сейчас надо быть здесь. По крайней мере какое-то время.

— Ну ладно. Потом. Подожди минутку, там батюшка руками машет. Он хочет с тобой поговорить.

— Давай. Я всегда рад возможности побеседовать с сенатором.

— Доброй ночи, дорогой. Вот папа.

В трубке загудел голос сенатора:

— Дейв, что там происходит? Телевидение только об этом и говорит, но — черт их дери — они сами не знают, в чем дело. Кажется, вообще никто не знает, в чем дело. К нам на самом деле из космоса пожаловали?

— Мы знаем об этом не больше, чем на телевидении, — ответил Портер. — Только еще одна новость: станции слежения нашли кое-что новое на орбите.

И он рассказал сенатору о загадочном объекте.

— Так, может быть, в этом на самом деле что-то есть, — сказал сенатор. — Не похоже на то, что показывали в кино и по телевизору, в их дурацких фильмах. Пока никаких карликов, верно?

— Да, никаких карликов. Нам придется привыкнуть к мысли, что если там кто-нибудь и есть — они могут оказаться совершенно не похожими на людей.

— Если там кто-нибудь есть.

— Именно так.

— Мы, американцы, слишком быстро делаем выводы. У нас много воображения и мало здравого смысла.

— Пока страна воспринимает это спокойно. Никакой истерии. Никакой паники.

— Но пока, — сказал сенатор, — не случилось ничего такого, из-за чего можно впадать в истерику. Но очень скоро какие-нибудь кретины начнут распускать дурацкие слухи. Еще одно, Дейв.

— Да?

— Мы не собираемся вмешивать в это дело других?

— Простите, я не понял.

— Мы будем обращаться к другим странам? Мы собираемся делиться с ними?

— Не пойму, о чем вы, сенатор. Пока ведь нечем делиться.

— Боже мой, Дейв! А если появится? Раз пришельцы сели у нас в Миннесоте — мы должны хвататься за них! Подумай, новый разум, новая технология!..

— Теперь понял, — пробормотал Портер.

— Мы, по крайней мере, должны первыми увидеть, чему можно у них научиться. Быть может, это нечто такое, что перевернет все вверх дном.

— Вы представляете себе, каким трудным может оказаться общение с ними? Если там вообще кто-нибудь есть, в этой упавшей штуковине.

— Конечно. Я это прекрасно знаю. Я все понимаю. Но у нас же лучшие в мире ученые, у нас есть мозги!

— Это пока не обсуждалось, — сказал Портер.

— Ты там подкинь идею. Я постараюсь сам увидеться с президентом, но если бы ты мог замолвить словечко...

— Замолвлю, — согласился Портер. — Только не знаю, как его примут.

— Словечко, — сказал сенатор. — О большем я не прошу. Только одно слово, пока вы там не разбежались во все стороны. Будешь еще разговаривать с Элис?

— Если она хочет.

Элис взяла трубку, поболтали еще немного, потом попрощались. Портер повернулся в кресле и увидел, что в дверях стоит человек.

— Хэлло, Джек! — сказал он. — Давно ты там стоишь? Заходи, присаживайся.

— Только несколько минут, — ответил Джек Кларк. Кларк был помощником президента по военным вопросам.

— Только что разговаривал с сенатором Дэйвенпортом, — сообщил Портер.

— Что его интересует?

— Любопытство одолело, — усмехнулся Портер. — Необходимо было с кем-нибудь поговорить. Нынче ночью много таких, кто ищет, с кем бы поговорить. Боюсь, что в стране может стать неспокойно. Пока волноваться не из-за чего, но ощущение противное. Ощущения — настроения — размышления... Люди станут задавать вопросы, начнутся поиски души.

— К тому же до сих пор нет никаких доказательств, что это просто-напросто кусок космического хлама или какая-нибудь безобидная железяка.

— Нет, Джек. — Портер покачал головой. — Эта чертовщина двигается.

— Может быть, машина?

— Может быть. Но и этого вполне достаточно. Даже более чем.

Кларк подошел и сел рядом.

— Как президент? — спросил Портер.

— Пошел наверх. Спать. Не думаю, что ему хорошо спится сегодня. Взволнован. Его неизвестность угнетает. Да, наверное, она всех угнетает.

— Ты только что сказал, что это всего лишь машина. Почему ты так упорно отрицаешь возможность присутствия интеллекта, Джек?

— Убей, не знаю. Наверное, ты прав: просто упорствую. Эта идея интеллекта меня пугает. В последние годы было столько ажиотажа по поводу НЛО, столько болтовни... Наверное, сейчас практически у каждого есть какое-то свое представление о них.

— Но эта штуковина — не НЛО. В привычном смысле слова. Никаких признаков, связанных с обычными представлениями. Никаких огней, никакого шума, никакого вращения...

— В том-то и дело, — сказал Кларк. — Если появятся доказательства, что эта штука живая или там есть кто-то живой, — половина населения сойдет с ума от страха, а другая половина будет уверена, что наступил золотой век. Очень мало найдется здравомыслящих людей, способных к адекватному восприятию.

— Если окажется, что мы имеем дело с внеземным разумом, — сказал Портер, — у федерального правительства, особенно у военных, будет много хлопот. Придется отчитываться. Ведь уже столько лет твердят, что военные засекречивали сведения о НЛО.

— Боже мой, — вздохнул Кларк. — Неужто ты думаешь, что мне это не пришло в голову? Первым делом об этом подумал, едва услыхал.

— Скажи, только правду. Засекречивали?

— Откуда я знаю?

— А кто знает? Черт возьми, Джек, если я представляю администрацию в этом деле, я должен знать.

— Я полагаю, разведка, — сказал Кларк. — ФБР или ЦРУ.

— Скажет мне кто-нибудь правду при нынешних обстоятельствах?

— Сомневаюсь, — ответил Кларк.

Глава 8

Миннеаполис

— Кэти еще не подошла? — спросил Гаррисон Джима Гоулда.

— Нет, — сказал Гоулд. — Стиффи Грант сидит на телефоне. Поначалу он много рассказывал, но теперь уже иссяк, все рассказал, что знал. Подробно описал этот объект, рассказал, как его восприняли в Лоун-Пайне. Я передал все это Джексону. Он уже сдал очерк, только что.

Гоулд поднял трубку:

— Мистер Грант, вы еще здесь?

Послушал несколько секунд, потом положил трубку на стол.

— Сидит. Никуда не делся.

Гаррисон сел к столу и взял верстку, оставленную дежурным редактором на пишущей машинке. Развернув первую полосу, он увидел броский заголовок: «КОСМИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ПРИЗЕМЛИЛСЯ В МИННЕСОТЕ».

Вся страница была посвящена космическому объекту. Передовая, заметка о том, как отнеслись к событию в Лоун-Пайне, продиктованная Нортоном, материал из офиса губернатора штата, объявление начальника дорожной полиции, информация из вашингтонского бюро газеты, большая статья Джея Келли с рассуждениями о возможности существования разумной жизни во Вселенной и о том, насколько вероятно — или невероятно — появление одной из таких живых форм на Земле, и, наконец, карта с изображением Лоун-Пайна.

«Для начала неплохо, — подумал Гаррисон. — Теперь бы еще что-нибудь от Кэти и эти фотографии Фрэнка...»

— Что слышно о парне с пленками? — спросил он Энни.

— Он звонил десять минут назад. Из Аноки. Он там останавливался, чтобы заправиться.

Гаррисон посмотрел на стенные часы напротив — 10.05. Чтобы проявить пленки и сделать пару отпечатков, оставалось еще много времени.

— Приятель Кэти не звонил? — спросил он. — Когда она подойдет к телефону, первым делом о нем спросит.

— Еще нет, — сказала Энни. — Я только что заглядывала в ее почтовый ящик. Думала, может, кто-нибудь говорил с ним и оставил ей записку. Но там ничего нет.

— А может, ты сама ему позвонишь? Ты знаешь, как его зовут?

— Да. Джерри Конклин. Он в университете учится. Должен быть в студенческом справочнике.

Гаррисон оглядел редакцию. Теперь здесь было полно народу, не то что днем. Большинство из сотрудников, судя по всему, уже закончили все дела и готовы были разойтись по домам. Джей, к примеру, с утра уехал в Рочестер за материалом о лечении рака, вернулся, написал репортаж, потом еще эту статью о возможности жизни во Вселенной — и до сих пор торчал в редакции. Да и остальные болтались тут же, явно без дела, но на всякий случай — вдруг понадобятся. «Хорошая команда», — подумал Гаррисон. Но, черт побери, это они зря; сделали всю работу — пора по домам.

— Я забыл одну вещь, — сказал он помощнику. — Мы не позаботились о ночлеге для Кэти и Чета. Куда они денутся ночью? В Лоун-Пайне есть что-нибудь?

— Небольшой мотель, — ответил Гоулд. — Энни заказывала комнаты.

— Энни обо всем думает, молодец.

— Когда она позвонила, ей ответили, что комнаты уже заказаны. Нортон позаботился.

— Хорошо, — успокоился Гаррисон. — Значит, с этим порядок.

К его столу подошел Хэл Рассел из редакции новостей.

— Джонни, из Вашингтона передали новый материал. Белый дом объявил, что на орбите обнаружен неизвестный объект. Очень больших размеров. Есть подозрения, что он имеет касательство к Лоун-Пайну. Может быть, космическая база.

Гаррисон уронил голову на руки.

— Эта ночь когда-нибудь кончится? — трагически спросил он. — Нам же для этого материала надо место на полосе освобождать! Уберите с первой страницы губернаторский материал, все остальное переставьте и сократите. Новой информации отведите столько же места, сколько первой. А в той надо переписать начало, чтобы увязать их друг с другом.

— Там только что началось, — сказал Рассел. — Семьсот пятьдесят слов. Нам места не хватит. Придется выкидывать что-нибудь еще или допечатывать второй вкладыш.

— Смотри, Хэл, тут масса хлама, без которого можно обойтись. Выкидывай. Прогонишь новую верстку — сразу неси мне.

— Конечно, Джонни, — сказал Рассел.

— Я пробовала дозвониться до Джерри Конклина, — вмешалась Энни. — Телефон не отвечает. Странно... Что с ним могло случиться?

— Когда Кэти вернется, она с него шкуру спустит, — заметил Гоулд. — Не хотел бы я быть на месте того, кто ее разозлит. Даже если она далеко.

По проходу между рядами столов ковылял длинный неуклюжий Эл Лэтроп, главный редактор. Он держал верстку, вид у него был озабоченный. Подойдя к столу Гаррисона, он остановился и посмотрел на Джонни с высоты своего роста.

— Не знаю, — громыхнул он басом. — Мне это не нравится. Мы ведем себя так, словно та штуковина в Лоун-

Пайне на самом деле прилетела из космоса. Что-то вроде пришельца.

— Но она и впрямь прилетела из космоса, — сказал Гаррисон. — Спустилась с неба и приземлилась. Мы же об этом говорили.

— Я представлял себе наши материалы несколько иначе. Тут явно подразумевается, что это инопланетный разум. Какой-то НЛО.

— Перечитай еще раз, — сказал ему Гаррисон. — Внимательно перечитай. Нами об этом нигде не сказано. Мы только передаем то, что слышали от других. Если они верят в НЛО или что-то вроде того — мы так и пишем. Но кроме того...

— А очерк Джея?

— Это вообще. Отвлеченные рассуждения. У Джея так и сказано. Если в космосе существует интеллект, то на что он может быть похож, какова вероятность, что они прилетят к нам... Такие статьи пишутся уже много лет. В журналах, в газетах... И на телевидении, и на радио было много похожего. У Джея оговорки почти в каждом втором абзаце. «Если это случится... — пишет он. — Если объект в Лоун-Пайне окажется связан с внеземной цивилизацией. Если...»

— Джонни, нам необходимо быть осторожными. Мы можем вызвать панику.

— Мы и так осторожны. Мы дали объективный репортаж, ни на дюйм лишнего...

Зазвонил телефон, Энни взяла трубку.

— Ну ладно, — сказал Лэтроп. — Давай и дальше будем осторожными. Давай держаться в рамках репортажа.

— Это из фотолаборатории, — сказала Энни. — К ним только что пришел этот парень с пленками.

Гоулд протянул Гаррисону трубку своего телефона.

— Только что подошла Кэти, — сказал он.

Гаррисон взял трубку.

— Кэти, подожди минутку. — Он прикрыл трубку рукой и сказал Гоулду: — Скажи ребятам на выпуске, что у них будут

фотографии. Пара на первую полосу и, может быть, несколько внутрь. Загляни в лабораторию, посмотри, что там у них. Если снимки хорошие, скажи ребятам, чтобы освободили для них целый разворот. В газете много мусора, его можно выкинуть, но чтобы для фотографий место нашлось.

Он посмотрел, как Лэтроп уходит по проходу между столами, сжимая в руке газету, и сказал в трубку:

— Все в порядке, Кэти. Я тебя слушаю. Что у тебя?

— Прежде всего Джерри. Он не звонил?

Глава 9

Лоун-Пайн

Просыпаться было очень трудно. Кто-то стучал в дверь. За окнами едва занималась ранняя заря; ее слабый свет пробивался сквозь занавески. Кэти на ощупь отыскала незнакомую лампу на незнакомом ночном столике у кровати. Даже в темноте было видно, как неуютна эта мерзкая комната. «Где я, черт побери?» — подумала Кэти. И вспомнила: Лоун-Пайн.

Лоун-Пайн, и кто-то колотит в дверь.

Она нашла выключатель и повернула его. Потом сбросила одеяло, нащупала ногами тапочки на полу, подхватила халат, лежавший в ногах кровати, и торопливо надела его.

Стук не прекращался.

— Успокойтесь! — крикнула она. — Уже иду!

Запахнув халат поплотнее, чтобы согреться, она зашаркала к двери, потянула задвижку, открыла...

На пороге стоял Фрэнк Нортон.

— Мисс Фостер, — сказал он. — Мне ужасно не хотелось будить вас в такую рань, но у меня новость для вас. Эта штуковина, что упала с неба вчера, валит деревья и пожирает их.

— Ест деревья?

— Именно так, — кивнул он. — Валит и заглатывает. Большие деревья.

— Будьте добры, разбудите Чета, — попросила она. — Он в соседней комнате, номер три. Я сейчас выйду.

Нортон направился к фотографу, и Кэти закрыла дверь. В комнате было до ужаса холодно. При дыхании изо рта вырывались облачка пара.

Дрожа от холода, она сбросила халат, оделась и подошла к зеркалу, чтобы наскоро причесаться. Да, выглядит она не блестяще. Ну и черт с ним. Как еще может выглядеть человек, когда его выдергивают из постели в такой час!

«Нортон, наверное, свихнулся, — подумала она. — Не может быть, чтобы та штуковина за рекой пожирала деревья. Это, должно быть, шутка — однако Нортон не похож на человека, который стал бы тратить время на розыгрыш. Но с какой стати чудо за рекой стало жевать деревья?»

Когда она вышла в коридор, Чет уже ждал ее, весь увешанный снаряжением.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал он. — Даже в такой ранний час.

— Пошел ты!..

— Извините меня, — вмешался Нортон, — что поднял вас до рассвета. Но мне показалось, что вас надо было предупредить. Я не сразу решился — сомневался, наверное, целых полминуты.

— Все в порядке, — успокоила его Кэти. — У нас работа такая.

— В городе появились еще журналисты, — сказал Нортон. — Прибыли ночью. Траубридж из миннеаполисской «Стар», кто-то из «Канзас-Сити стар» и пара из Де-Мойна, из «Реджистер» и «Трибьюн». Все привезли с собой фотографов. Наверное, днем еще кто-нибудь появится.

— Как они сюда добираются? — удивился Чет. — Ведь дороги-то забиты.

— Дорожная полиция их разгрузила, — объяснил Нортон. — Они развернули и отослали всех любопытных. На дороге осталось несколько машин. Ваша, наверное, тоже среди них. Полицейские сдвинули их на обочину. Всюду патрули, но

журналистов пропускают и еще кое-кого. А прочую публику гонят.

— С телевидения кто-нибудь появился?

— Несколько бригад, — сказал Нортон. — Такой тарарам устроили. Хотят попасть на ту сторону реки, но туда никак не добраться.

— А лодки?

— Они ищут. Но здесь мало у кого есть лодки. А какие есть — те на озерах; на реке ими никто не пользуется.

По дороге к реке им встретились всего несколько человек. «Все, наверное, там, на берегу, — подумала Кэти. — Смотрят, как та штуковина жует деревья».

Не успели они выйти к реке, как вдалеке раздался треск упавшего дерева, потом какой-то хруст, который усилился и стих.

— Это та штуковина жует деревья? — спросила Кэти.

— Именно, — ответил Нортон. — Она валит дерево, хватает...

— Но там же деревья огромные! — перебил его Чет.

— Она и сама не маленькая. Подождите, сейчас сами увидите.

У разрушенного моста собралась порядочная толпа. На дороге расположились три бригады телевизионщиков. Сплющенной машины уже не было. На обочине стоял автомобиль полиции штата, на капот лениво облокотились двое полисменов. Вчерашнего сержанта Кэти не заметила.

А за рекой лежал загадочный «объект». Кэти изумленно ахнула. Ей рассказывали, что он большой, но такой громадины она не ожидала увидеть. Большинство деревьев было выше ящика, но он доходил им до половины и даже больше. Громадный и черный. Никогда в жизни Кэти не видела такого черного цвета. Но кроме этого ничего особенного в нем не было. Он был абсолютно гладким, и никаких антенн из него не торчало. Ничего похожего на то, что показывали в телевизионных программах о НЛО и летающих тарелках. Просто длинный, громадный черный ящик. Странно, но он

не вызывал чувства опасности. Ошеломляли только размеры, но страха не ощущалось.

Одно из деревьев медленно наклонилось и с треском рухнуло. Образовался уже целый завал из упавших деревьев. Из ящика доносился непрерывный шум. Вероятно, там древесина перемалывалась, пережевывалась, усваивалась. Упавшее только что дерево словно ожило и задвигалось взад-вперед. А потом потихоньку стало подтягиваться к машине.

— Эта чертова штуковина засасывает их и сгрызает, — сказал Нортон. — С тех пор как это началось, примерно с полчаса назад, она уже продвинулась вперед почти на свою длину. Мне кажется, футов на триста, даже больше.

— А зачем она это делает? — спросила Кэти. — Пытается прогрызть дорогу через лес?

— В таком случае ей придется поработать, — сказал Нортон. — Лес тянется миль на двадцать, если не больше, и повсюду такой же густой.

Кэти стояла и наблюдала. Однако смотреть было, собственно, не на что. Огромный черный ящик валил и заглатывал деревья, и больше ничего не происходило. В этом медленном, целеустремленном движении Кэти почудилось что-то зловещее. Казалось, штуковина ощущает свою силу и совершенно уверена в том, что воспрепятствовать ей невозможно.

Кэти подошла к полицейской машине.

— Да, мисс? — сказал один из дежурных. — Можем ли мы вам чем-нибудь помочь?

— Машина, — произнесла она. — Здесь лежала смятая машина. Куда она делась?

— Приехал грузовик и забрал ее. Документы у водителя были в порядке, так что мы ему отдали. Мы уточнили по рации — нам сказали, что все в порядке.

— А кто отдал такое распоряжение?

— Этого я не могу вам сказать, мисс.

— ФБР?

— Простите, мисс, на эту тему я разговаривать не могу.

— Ладно, — сказала Кэти, — нет так нет. А вы можете сказать, что будет дальше?

— Скоро прибудут армейские инженеры и наведут временный мост. Мы их ждем с минуты на минуту. Один из этих сборных мостов, если я правильно понял.

Подошел Чет.

— Я снял все, что можно было снять отсюда. Надо бы подобраться поближе. Мы с Траубриджем и еще с несколькими это дело обговорили. Похоже, что реку можно перейти вброд. Течение ниже омута быстрое, но там не слишком глубоко. Во всяком случае, так говорят местные. Возьмемся за руки, построимся цепью и будем друг друга страховать.

— Реку переходить нельзя, — сказал один из полицейских. — У нас приказ. Чтобы через реку никто не переправлялся.

— Если вы пойдете, — заявила Кэти, — то я с вами.

— Черта с два, — отрезал Чет. — Ты останешься здесь и будешь караулить снаряжение; его придется оставить на этом берегу. Я возьму только одну камеру и несколько запасных кассет.

— Чет Уайт, — сказала Кэти. — Я пойду с вами. Если другие пойдут, то пойду и я.

— Задницу промочишь. А вода холодная.

— Я уже промачивала. И мерзла. Мне не привыкать.

— Кроме того, — продолжал Чет, — эти сопляки с телевидения намереваются тащить с собой все свое железо. И хотят, чтобы мы им помогли. А барахло их очень тяжелое.

Полицейский подошел к ним вплотную.

— Вы не пойдете через реку, — сказал он. — У нас приказ.

— Покажи-ка мне свой приказ! — потребовал Чет.

— Письменных приказов у нас нет, — ответил полицейский. — Только устные, по рации. Через речку никто не пойдет.

Подошел Траубридж, из миннеаполисской «Стар».

— Я слышал, о чем вы говорили, — сказал он полицейскому. — Чтобы нас остановить, вам придется применить силу. Но вы же не станете этого делать, верно?

К первому полицейскому присоединился второй.

— Черт бы вас побрал, газетчиков, — сказал он. И обратился к напарнику: — Свяжись по рации. Скажи им, что тут происходит.

Подошел еще один из журналистов.

— Я Дуглас, из «Канзас-Сити стар», — представился он полицейскому. — Мы понимаем, у вас приказ. Но и вы нас поймите, нам необходимо на тот берег. Это наша работа. Там федеральная земля. Вы — полиция штата. Так что без постановления суда...

Полицейский не ответил.

Дуглас повернулся к Кэти.

— Вы твердо решили идти с нами?

— Вы правы, черт возьми, — сказала Кэти. — Твердо.

— Тогда будьте рядом со мной. И держитесь крепко.

— Благодарю вас, сэр.

— На, держи, — сказал Чет, протягивая ей свой фотоаппарат. — Повесь на шею. Я буду помогать этим соплякам с их железом.

— А куда ты денешь остальное барахло? — спросила она.

— Все, что не сможем взять с собой, оставим тут на дороге. Полиция присмотрит.

— Еще чего захотел! — отозвался полицейский.

Он отвернулся и пошел к своей машине, где его товарищ разговаривал по рации.

— Зря вы полицейских обидели, ребята, — сказал Нортон.

— Мы потом извинимся, — ответил Чет. — Черт их дери, нам работать надо.

— Существуют правила пересечения противопожарных полос и всякого такого.

— Но это же не полоса, — возразил Чет. — Это речка.

— О'кей, — сказал Нортон. — Я пойду с вами. Возьму Кэти за другую руку. Мы с «Канзас-Сити» присмотрим, чтобы она не утонула.

Один из полицейских вернулся.

— Можете переходить, — сказал он. — С нашей стороны больше никаких возражений не будет. Но на вашу ответственность. Ищете приключений на свою задницу! — Он посмотрел Дугласу в лицо. — Это тоже можете написать.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Дуглас. — Непременно напишу, с превеликим удовольствием. Спасибо.

Они начали строиться в цепь на берегу. Кто-то кричал, толкался. Траубридж сбежал с дороги вниз и принялся командовать.

— Кончай базар! — закричал он. — В цепь становись! Беритесь за руки. Не спешите. Вдохните поглубже. Вода холодная, так что яйца прихватит... — Вдруг он обратил внимание на Кэти. — Извини, Кэти.

— Не бери в голову, — сказала она. — Ничего такого, что я не слышала раньше, ты сказать не сможешь.

Цепь вошла в воду.

— Боже! — простонал один из телевизионщиков. — Вода просто ледяная!

— Спокойно, — ответил кто-то. — Не обращай внимания, дружище.

Они медленно двигались вперед. На самом глубоком месте вода доходила до пояса высокому мужчине.

Войдя в воду, Кэти заскрипела зубами. Но постепенно она забыла о холоде: все ее внимание было поглощено каменистым дном. Одна рука Кэти утонула в огромной ладони Дугласа, другую, словно клещами, сжимал Нортон.

Те, что первыми добрались до противоположного берега, стали помогать остальным.

Стуча зубами, Кэти вскарабкалась на берег. Фотоаппарат Чета болтался у нее на шее. Чет помог ей преодолеть последние футы и забрал у нее камеру.

— Побегай маленько, — велел он. — Побегай, попрыгай — подвигайся. Согреешься. Ты похожа на крысу-утопленницу.

— Ты тоже, — ответила Кэти. — Да и все остальные не лучше.

Некоторые уже бежали вверх по пологому склону. Она побежала вслед за ними. Слева возвышался этот непонятный объект; казалось, что огромная черная стена уходит прямо в небо. Треск падавших деревьев и шум внутри объекта, жевавшего их, здесь слышались громче, чем на том берегу.

Фотографы разбежались вокруг ящика, нацелив свои камеры.

Вблизи ящик впечатлял еще больше. Здесь обнаружились его истинные размеры. Покачиваясь, он медленно двигался вперед, не обращая никакого внимания на людей, суетившихся вокруг. Во всяком случае, было незаметно, чтобы он обращал на них хоть какое-то внимание. То ли не замечал, то ли игнорировал. «Как будто нас нет, — подумала Кэти. — Словно мы не стоим того, чтобы нас заметили. Суматошатся там какие-то букашки...»

Она осторожно подошла к задней стене ящика и попыталась рассмотреть, как он движется. Ни гусениц, ни колес — ничего такого, на чем он мог бы двигаться. Казалось, что у него вообще нет никаких движущихся частей, более того, создавалось впечатление, что он даже не касается земли. Кэти решила подкрасться поближе и попробовать просунуть под него руку, но в последний момент испугалась. Этак можно и без руки остаться.

Она обнаружила, что ящик — на самом деле не совсем ящик. Боковая стена поднималась отвесно кверху. Но задняя (она подумала, что, может быть, и передняя тоже) слегка изгибалась наружу, так что в нижней части, возле самой земли, получалось нечто вроде округлого выступа. Почему-то — Кэти не могла понять почему — эта штуковина напомнила ей черепаху.

Кэти потихоньку пошла следом, но вдруг обо что-то споткнулась и чуть не упала. Что бы это могло быть? Приглядевшись, она увидела, что зацепилась за что-то белое, гладкое, торчавшее из земли. Она присела на корточки, смахнула с его поверхности землю, мох и хвою — это оказался пень. Низкий, не выше двух дюймов, очень ровный, свежий пень.

Ошеломленная, она провела по нему ладонью. Капельки выступившей смолы запачкали ей руку. Значит, ящик не ломает деревья, а срезает их возле самой земли и сталкивает своим весом, так, чтобы они падали перед ним.

«А это означает, — сказала она себе, — что машина занята не прокладкой лесной дороги. Значит, она специально создана для такой работы». Пока Кэти размышляла, задний край черепахоподобного панциря вдруг вздрогнул и поддался кверху, словно автоматическая дверь гаража в ответ на сигнал.

Он приподнялся на пять-шесть футов, и из-под него выпали три белых... тюка? Что-то непонятное, похожее на тюки хлопка. И вместе с ними вылетело облако опилок и сосновых игл, похожих на массу, которую выбрасывает газонокосилка.

Потом заслонка в задней стене объекта снова опустилась.

«Что бы это могло быть? — подумала Кэти. — Мусоропровод?» Однако ей не доводилось видеть мусоропровод, из которого вылетают спрессованные белые тюки и сыплются опилки.

Она осторожно подошла к одному из тюков, протянула руку — но сразу отдернула, вдруг испугавшись чего-то. Страшно было его касаться. Обругав себя за трусость, она снова протянула руку. Белая масса была плотно упакована, спрессована, но не перевязана ни проволокой, ни вообще чем бы то ни было. Кэти попробовала расковырять ее пальцами. Масса оказалась упругой и не поддавалась. Но Кэти удалось оторвать маленький кусочек непонятного материала.

Материал оказался очень похожим на хлопок. Совсем как вата. «Забавно, — подумала Кэти. — Эта штуковина глотает деревья и выплевывает хлопковые тюки».

Из-за реки донесся металлический скрежет. Оглянувшись, она увидела, что к остаткам моста задним ходом подъехал большой грузовик, оборудованный подъемным краном. Стрела подняла с его платформы какую-то длинную деревянную конструкцию. На платформе лежало еще несколько таких же. «Наверное, это те самые армейские инженеры, — подумала Кэти. — Со сборным мостом. Быть может, нам не придется идти назад вброд, уж очень это неприятно. Интересно, сколько времени им надо, чтобы навести мост?» Она надеялась, что не слишком много. Снова лезть в ледяную воду совершенно не хотелось.

Она услышала за спиной шаги, обернулась и увидела Чета. Тот бежал к ней во весь дух, а за ним мчались другие.

— Это что за чертовщина? — спросил он задыхаясь. — Откуда взялись эти тюки?

— Наше чудо только что их выплюнуло, — ответила Кэти.

Чет быстро поднял камеру и начал фотографировать, остальные последовали его примеру. Телевизионные бригады работали как бешеные, торопливо устанавливая технику. У некоторых были небольшие ручные камеры, а другие возились с треногами и электрооборудованием.

Кэти потихоньку отошла. Ей совершенно нечего было здесь делать. «Чертовски обидно», — подумала она. Дневные газеты здесь обанкротились. Все это появится в вечерних и в телевизионных новостях, раньше, чем «Трибьюн» выйдет в свет. «Так случается, — философски сказала она себе. — Где-то выигрываешь, где-то проигрываешь. И тут ничем не поможешь».

«Что все это значит? — размышляла она. — Чудовище, похожее на ящик, пожирает деревья, а потом с другого конца из него вываливаются тюки чего-то непонятного, похожего на хлопок. И еще груды мусора, который, по всей видимости, является не чем иным, как побочным продуктом

такого древоедства. Похоже, тюки получились из съеденной древесины. Но что в них? Что это за белый материал?» Ей казалось, что она должна это знать, и она лихорадочно рылась в памяти, пытаясь отыскать в ее глубинах нужную информацию. Где-то там оно должно быть; должно было застрять с того времени, когда она отчаянно сражалась с биологией в колледже, терпя одно поражение за другим. Да, естествознание и математика не были ее любимыми предметами и всегда ей не давались.

И вдруг ее озарило. Целлюлоза! Может быть, это целлюлоза? Ей смутно припомнилось, что деревья частично состоят из целлюлозы. Вероятно, все растения включают в себя целлюлозу. Но сколько? Достаточно для того, чтобы стоило трудов жевать деревья и извлекать из них целлюлозу? А целлюлоза похожа на хлопок? И если это на самом деле целлюлоза, на кой черт она громадному черному ящику?

Размышляя, Кэти шаг за шагом отступала назад, закинув голову и не отрывая взгляда от черной громады, стараясь лучше рассмотреть ее и оценить размеры и вес.

Внезапно она уперлась спиной в дерево. Опустив голову и оглядевшись, она обнаружила, что стоит на краю просеки, которую выгрызла в лесу черная громада. И оттуда из-за спины, из лесных зарослей, донесся тихий голос:

— Кэти? Кэти, это ты?

Она сразу узнала голос и мгновенно обернулась с бьющимся сердцем.

— Джерри? Джерри, что ты тут делаешь?

Проклятый идиот, стоит и радуется, что подкрался и напугал! Улыбается!.. Он почему-то был в болотных сапогах, лицо поцарапано, шерстяная рубаха изодрана в клочья.

— Джерри!.. — повторила она, не веря своим глазам.

Он прижал палец к губам.

— Тихо! Иди сюда.

Она бросилась в его крепкие объятия.

— Тихо! — шепнул он. — Тихо. Давай отойдем подальше.

И потянул ее в глубь леса, под укрытие зарослей.

Она подняла на него глаза, чувствуя, как по щекам текут слезы.

— Почему тихо, Джерри? Я так рада тебя видеть, я так тебя ждала, я в редакции просила тебе передать, меня сюда послали...

— Тихо, — повторил он. — Нельзя, чтобы меня видели.

— Я ничего не понимаю, — запротестовала она. — Почему нельзя, чтобы тебя видели? Как ты вообще здесь очутился?

— Я оставил машину у моста и пошел ловить рыбу в омуте. А эта штуковина свалилась и раздавила машину.

— Так это была твоя машина?

— А ты ее видела? Я думал, что ее раздавило.

— В лепешку. Ее увезли.

— Кто увез?

— Не знаю. Просто увезли, и все. Может быть, ФБР.

— Ах, черт!

— Почему?

— Как раз этого я и боялся. Они найдут номерные знаки. И выйдут на меня.

— Джерри! Почему ты прячешься? Что случилось?

— Я был внутри этой штуковины. Меня что-то схватило и затянуло к ней в брюхо.

— Внутри? А как же ты выбрался?

— Она меня выкинула. Я упал на дерево, это меня и спасло.

— Ничего не понимаю. Зачем она тебя схватила?

— Может быть, хотела выяснить, что я собой представляю. Не уверен. Я вообще ни в чем не уверен. Я ночевал в лесу выбраться не мог. Замерз чертовски, до полусмерти. Сидел под елочкой и думал.

— И до чего же ты додумался? Расскажи.

— Я понял, что мне нельзя становиться одним из психов, побывавших на летающей тарелке.

— Это не тарелка, Джерри.

— Нечто вроде тарелки. Оно из космоса. И оно живое. Я это точно знаю.

— Ты знаешь...

— Да, знаю. Сейчас некогда рассказывать.

— Но почему бы тебе не пойти сейчас со мной? Я не хочу, чтобы ты мотался по лесу один.

— Те люди на просеке — журналисты, не так ли?

— Конечно.

— Они меня на части разорвут. Начнут допрашивать.

— Нет. Я им не позволю.

— А возле моста полицейские.

— Да. Двое.

— Скорее всего, они ждут меня. Они, наверное, поняли, что кто-то оставил машину, а сам пошел рыбачить. А я в болотниках — видишь? Они меня по сапогам сразу узнают.

— Ладно, — сказала она. — Ладно. Но что ты собираешься делать?

— Я уже кое-что разведал. Когда я увидел, что у моста стоит полиция, то понял: здесь переправляться нельзя. Но ниже по течению есть мелководье, примерно в четверти мили отсюда, там можно перейти вброд. Как раз у дальней окраины города. Ты могла бы там меня встретить.

— Если ты так хочешь, Джерри, — встречу. Но мне все-таки кажется, что ты мог бы пойти вместе со мной.

Он покачал головой.

— Я об этом тоже думал. И представляю, что произойдет, если хоть кто-нибудь узнает, что я был внутри этой штуковины.

— Так что давай встретимся попозже. А сейчас — иди, пока тебя не хватились.

— Сначала поцелуй меня, — сказала Кэти. — Бревно несчастное! Ты меня даже не поцеловал...

Глава 10

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Дейв Портер вошел в зал заседаний и увидел, что все уже собрались. Некоторые только что зашли и рассаживались по местам. Во главе стола сидел президент. Генерал Уайтсайд, начальник штаба армии, — справа от него. Джон Хэммонд, шеф канцелярии, — слева.

Джек Кларк, помощник президента по военным вопросам, сидел у другого конца длинного стола напротив президента. Он выдвинул один из свободных стульев, приглашая пресс-секретаря сесть рядом.

— Что у вас нового, Дейв? — спросил президент.

— Ничего, сэр. Наверное, все уже знают, что наш пришелец жрет деревья и превращает их в тюки целлюлозы.

— Да. Эту новость, я полагаю, знают все. Ее сообщили рано утром. Больше ничего?

— Поступает масса материалов, — ответил Портер, — но ничего существенного. Большое внимание привлекает новый объект на орбите.

— Ну ладно, — сказал президент. — Попробуем обмозговать все, что нам известно о ситуации. Если не возражаете, начните вы, генерал.

— Пока все как будто спокойно, — произнес Уайтсайд. — Публика проявляет большой интерес, но паники нигде не наблюдается. Пока. Однако любая мелочь может вызвать панику, поскольку все взвинчены. Я бы сказал, напряжение нарастает, и очень быстро, но пока под контролем. Несколько эксцессов с душевнобольными... В некоторых колледжах состоялись демонстрации, но вполне мирные, даже веселые. Детвора пар выпускает. В Миннесоте дорожная полиция штата контролирует ситуацию. Лоун-Пайн охраняется. Похоже, что население воспринимает это вполне лояльно. Кое-кто требует, чтобы их туда пропустили, но таких немного. Губернатор привел в готовность Национальную гвардию, но нужды в ней пока нет.

— Патрульная служба допустила в Лоун-Пайн прессу. Несколько фотографов и репортеров с утра перешли вброд реку и крутились возле пришельца. Ничего не произошло. Он занимался своим делом. Должен признаться, мы были весьма озабочены вчерашним убийством парикмахера. Но больше никаких проявлений враждебности не отмечалось. Насколько мне известно, сейчас там задействована бригада агентов ФБР из Миннесоты. Возможно, директор имеет какие-нибудь сведения от них?

— Только предварительные данные, Генри, — ответил Тимоти Джексон, директор ФБР. — У них сложилось впечатление, что пришелец не несет на себе никакого вооружения. Ничего такого, в чем можно было бы распознать оружие. На его поверхности вообще ничего нет, ни сверху, ни с боков.

— Но как же он убил парикмахера? — спросил президент.

— Это мы и сами хотели бы знать, — сказал Уайтсайд. — Но пока ни малейшей зацепки.

— Стив, вы послали туда своих людей, не так ли? — спросил президент.

— Сейчас уже должны быть на месте, — ответил доктор Стивен Аллен, советник по науке. — Я с минуты на минуту жду вестей от них. Но должен вас предостеречь от чрезмерных надежд. Скорее всего, никаких потрясающих открытий или объяснений в ближайшее время не

предвидится. По-видимому, мы имеем дело с чем-то таким, что далеко выходит за пределы нашего обычного опыта.

— Вы полагаете, — вступил в разговор Маркус Уайт, государственный секретарь, — что мы имеем дело с чем-то из космоса? Быть может, с внеземной цивилизацией?

— Любая новизна всегда провоцирует преувеличения, — ответил Аллен. — Должен признаться, что такое искушение есть. Хочется сказать, что это внеземной разум. Однако у нас нет никаких доказательств, что так оно и есть на самом деле. Нельзя отрицать, что он прибыл из космоса, и — как я сказал — это нечто, по-видимому, не вписывается ни в какие наши представления. Но мне — как ученому — не хотелось бы делать каких-либо выводов, по крайней мере до того, как появятся хоть какие-нибудь достоверные данные.

— Вы заняли возмутительную позицию, — промолвил госсекретарь.

— Вы ошибаетесь, Маркус. Я просто воздерживаюсь от окончательных выводов. Не похоже, чтобы эта штука имела земное происхождение, но пока мы попросту ничего не знаем. Но что бы то ни было — меня радует, что до сих пор оно не проявило стремления причинить какой-либо вред. Пока, во всяком случае, ведет себя вполне дружелюбно.

— Уничтожение леса не так уж дружелюбно, — возразил Уильям Салливен, министр внутренних дел. — Поймите, господин президент, земли, которые разоряет пришелец, — заповедные. Район первобытного, девственного леса. Один из немногих, где сохранилась нетронутая природа, один из самых обширных. Несколько тысяч акров, на которых деревья — главным образом белая сосна — стоят, как стояли еще до появления европейцев в Америке. Поверьте, это настоящая трагедия.

— Мне кажется, — сказал Хэммонд, — что, если кто-то или что-то валит деревья и извлекает из них целлюлозу, это можно рассматривать как проявление интеллекта.

— Хорошо запрограммированная машина вполне способна управиться с такой работой, — заметил советник по науке.

— Но кто-то, или что-то, должен был машину запрограммировать.

— Это верно, — вставил Аллен.

— По-моему, гибель нескольких деревьев — мелочь по сравнению с происходящим, — сказал госсекретарь. — Не стоит их оплакивать.

— Это вы так думаете, — ответил министр внутренних дел, — и может быть, вы правы. Но с моей точки зрения, это не мелочь. Я не могу с вами согласиться. Дело даже не в деревьях, а в том, что пришелец ведет себя как хозяин, и это меня тревожит. Представьте себе, что кто-то зашел в сад и рубит яблоню, которую хозяин заботливо выращивал много лет, или снимает весь урожай. И это не акт вандализма, вот в чем ужас! Этот «кто-то» действует так, словно имеет законное право рубить яблоню и грабить сад.

— Мы зря тратим время, дискутируя о таких пустяках, — сказал госсекретарь. — Мы должны выработать позицию — позицию государства. Мы должны заложить основы какой-то политики. Если наш пришелец, лесоруб миннесотский, окажется представителем внеземной цивилизации, нам совершенно необходимо иметь политику, определяющую наше отношение к нему. Ведь мы не можем быть уверены, что он один. Вероятно, он только разведчик, а остальные ждут его сведений, чтобы прилететь следом. Если это произойдет, то выработка политики приобретает первоочередную важность. Мы должны иметь какое-то представление, как вести себя по отношению к ним. Я не предлагаю немедленно приняться за детальную разработку, хотя бы потому, что мы пока не знаем, что может произойти. Но какие-то общие контуры мы просто обязаны наметить. Если мы этого не сделаем, то выяснится, что в каждом отдельном случае мы реагируем на конкретную, единичную ситуацию, и не всегда в наших наилучших интересах.

— Вы говорите так, словно эта штуковина в Миннесоте олицетворяет собой новое государство, — заметил Уайтсайд. — Новую нацию. Но это не нация и не государство. Мы даже не знаем, что это такое. И как прикажете определять нашу политику, если мы не знаем, что это такое? Меня как военного главным образом занимает наша способность защититься от него.

— Защититься? — переспросил Уайт. — Пока у нас нет никаких оснований защищаться.

— Есть еще одна сторона дела, о которой стоит поговорить, — вступил в разговор Лесли Лоуган, представитель ЦРУ. — Безопасность.

— Что вы имеете в виду? — спросил госсекретарь.

— Если миннесотский объект как-то связан с внеземным разумом, — ответил Лоуган, — если мы обнаружим, что он явился с другой планеты, где условия совершенно не похожи на земные, если факторы его эволюции существенно отличаются от всего того, что мы знаем на Земле, — то, вероятно, мы сможем узнать от него очень много нового. Может случиться, что нам придется иметь дело с неизвестной цивилизацией и с неизвестными технологиями. Если бы мы смогли перенять что-либо у этой цивилизации, то, несомненно, нашли бы этому применение для наших собственных нужд, в интересах национального процветания и национальной безопасности. Принимаясь за изучение загадочного объекта — что бы мы ни делали, — мы постоянно должны помнить об этом. По моему мнению, было бы чрезвычайно неразумно делиться любым таким знанием со всем миром. Мы должны немедленно предпринять шаги, исключающие утечку полученной нами информации. То, что мы можем узнать, не должно послужить чужим интересам.

— Пока, — сказал госсекретарь, — приземлился только один пришелец. Могут приземлиться и другие. Если это произойдет, то не исключено, что другие приземлятся в других государствах. И, если ситуация будет развиваться именно так, мне кажется, что нам не удастся скрыть что-

либо существенное. Я полагаю, лучше было бы поделиться с миром всем тем, что нам удалось бы приобрести. Если мы поделимся своими знаниями, то сможем рассчитывать на более сильную позицию для участия в тех открытиях, которые могут быть сделаны другими. Разумеется, при условии, что пришельцы появятся и у них.

— Прежде всего мы не знаем, — заявил Лоуган, — будут ли приземляться новые пришельцы. Такое предположение заводит нас слишком далеко. А если и будут — то не так уж много в мире стран, обладающих таким же научным потенциалом, как мы, необходимым для получения знаний.

— Может быть, вы и правы. Но позиция, которую вы предлагаете, произвела бы чрезвычайно отрицательное впечатление в мире — если, делясь полученной информацией, мы проявим чрезмерную избирательность, если откажемся публиковать ее — впечатление будет очень плохое. Если мы вообще хоть что-нибудь обнаружим.

— Что-нибудь наверняка обнаружим, — заметил советник по науке.

— Какие-нибудь общие сведения можно и обнародовать, — согласился представитель ЦРУ. — Жест в сторону общественного мнения, если вы считаете, что это нам на пользу. Но я убежден, что торопиться с этим не следует и необходимо проявлять крайнюю избирательность.

— Весь мир уже заинтригован, — сказал госсекретарь, — и я уже получил несколько осторожных запросов. Сегодня утром звонил сэр Бэзил, из британского посольства. Завтра можно ждать звонка от Дмитрия. А потом и от остальных. По моему мнению, международный климат будет гораздо здоровее, если мы будем действовать открыто с самого начала. Надо полагать, очень скоро будет высказано мнение, что это дело не наше внутреннее и касается всего международного сообщества. Я за то, чтобы послать приглашение ученым с мировым именем из разных стран принять участие в наших наблюдениях, исследованиях и оценках.

Представитель ЦРУ покачал головой.

— Абсолютно не согласен, — сказал он. — Абсолютно.

— Энди, а что вы можете сказать по этому поводу? — спросил президент.

— Так сразу — ничего, — ответил Эндрю Роллинз, министр юстиции. — Насколько я помню, в международном праве нет ничего, что было бы приложимо к данному случаю. Может быть, где-нибудь, в каком-нибудь из международных договоров что-то похожее упрятано. Вы должны дать мне несколько дней.

— Вы говорите как законник, — заметил госсекретарь.

— А я и есть законник, Маркус.

— В таком случае вы просто сошли с ума. Не как законник — как человек. Что вы сами-то думаете? Если ваши мысли окажутся не в ладах с вашими драгоценными кодексами, мы не станем вас к ним привязывать.

— Меня поражает, — сказал Роллинз, — что мы с вами говорим тут о наших интересах, о мировых интересах, о том, какой должна быть наша политика... Но никто даже на минуту не задумался об интересах нашего гостя. Он прилетел к нам. Не знаю, хорошо это или плохо — но прилетел. И пока мы не знаем, с чем он прилетел, пока он не вынуждает нас вести себя иначе — я думаю, что мы должны вести себя как радушные хозяева и оправдать его за недостаточностью улик.

— Энди, — улыбнулся госсекретарь, — это как раз то, что я все время хотел сказать. Но у вас получилось лучше.

— Но он же пиратствует в заповеднике! — воскликнул Салливен.

— Я согласен, мы обязаны быть гостеприимными хозяевами, — сказал Уайтсайд, — но я по-прежнему настаиваю на том, что нельзя терять бдительности. Мы должны быть настороже, готовы ко всему. Мы не знаем, с чем имеем дело.

— Вы все еще думаете, что мы будем вынуждены обороняться? — спросил госсекретарь.

— Этого я не сказал, Маркус. Я сказал, что мы должны быть готовы ко всему.

— На брифинге сегодня было несколько вопросов по поводу нового объекта на орбите, — заговорил Портер. — Хотели знать, собираемся ли мы послать к нему космический челнок с орбитальной станции, чтобы исследовать. Я ответил, что данный вопрос рассматривается. А как сейчас? Решили что-нибудь? Я помню, такой разговор был.

— Челнок может стартовать в течение часа, — сказал Джон Крауэлл из НАСА. — Нужен только приказ президента. На станции все подготовлено, и экипаж уже ждет.

— Насколько трудным может оказаться это предприятие? — спросил президент.

— Трудностей никаких, — ответил Крауэлл. — И станция, и объект находятся на синхронных орбитах, а расстояние между ними меньше тысячи миль. Использовать челнок, чтобы посмотреть на объект поближе, конечно, стоит. На станции есть телескоп, но — сами понимаете — маломощный, не то что настоящие астрономические стекла. Однако и с его помощью оказалось возможным получить кое-какую информацию. Объект гораздо крупнее, чем предполагалось: около двадцати миль в диаметре и порядка пяти в толщину. Имеет форму диска. И похоже, что это не сплошное, не монолитное тело, а скорее скопление каких-то более мелких элементов.

— У всех на уме, конечно, одно и то же, — снова заговорил Портер. — Что объект на орбите связан с нашим пришельцем. Что он может быть какой-то базой, космическим крейсером...

— Я думаю, надо послать челнок, — сказал президент. — Послать и узнать, что это такое. — Он обратился к Крауэллу: — Как по-вашему, опасность есть?

— Никакой особой опасности я себе представить не могу, — ответил Крауэлл. — Но когда имеешь дело неизвестно с чем, конечно, ничего нельзя исключить полностью.

— Как относятся к этой идее остальные? — спросил президент. — Кто-нибудь видит какие-либо осложнения?

— Осложнения могут возникнуть, — сказал министр юстиции, — но сделать это все равно нужно. Мы должны знать, что там такое и как нам с ним обойтись. Я думаю, пилоту следует приказать соблюдать чрезвычайную осторожность. Чтобы ничего там не потревожить. И никаких подвигов.

— Согласен, — сказал госсекретарь.

— Я тоже, — сказал министр внутренних дел.

И все сидевшие вокруг стола выразили свое согласие.

Глава 11

Лоун-Пайн

Когда Кэти спустилась с холма за мотелем, Джерри уже перебрался через реку и ждал ее. Он сидел возле сливовых деревьев, росших небольшой группкой, расположившись так, чтобы за густыми ветвями его нельзя было заметить со стороны моста, примерно в четверти мили выше по течению.

Кэти обошла деревья, увидела его и бросила на землю пару туфель.

— Ну, можешь скинуть свои сапоги, — сказала она. — Надеюсь, купила подходящий размер.

— Я ношу восьмой, — отозвался Джерри.

— А эти восемь с половиной. Я не могла вспомнить размер, а может, и не знала никогда. Но лучше большие, чем маленькие. Тут полно зевак, возле полицейских все время кто-нибудь слоняется. Без сапог на тебя никто не обратит внимания.

— Спасибо, — поблагодарил Джерри. — Сапоги меня просто замучили.

Она подошла и села рядом. Он обнял ее за плечи, притянул к себе и наклонился, чтобы поцеловать.

— Слушай, тут чудесное местечко, — сказала она. — Давай никуда не пойдем. Посидим, поговорим. У меня к тебе куча вопросов. Утром ты не дал мне и слова сказать. Ну а теперь давай рассказывай.

— Ну, я говорил, что был внутри этой штуковины. Но я там был не один. Была еще рыба, кролик, енот и ондатра.

— Ты сказал, что они хотели изучить тебя. И всех остальных они тоже изучали?

— Я так думаю. Представь себе, что ты чужак и спускаешься на незнакомую планету. И тебе хочется узнать, что там за жизнь...

— Почему бы тебе не начать с самого начала и не рассказать мне все по порядку, подробно.

— Ты же меня перебивать будешь. Вопросами своими.

— Не буду. Я сижу, молчу и слушаю.

— Но ты не будешь писать обо мне статью?

— Это зависит от того, что ты мне расскажешь. И можно ли будет об этом написать. Но если ты скажешь «нет» — не буду. Я, конечно, могу с тобой поспорить, но если ты все равно скажешь «нет» — честное слово, не буду.

— Прекрасно. Вчера я приехал сюда, потому что мне сказали, что в омуте у моста попадаются радужные форели. Я знал, что у меня всего полчаса на рыбалку, потому что концерт, на который ты собиралась...

— Так ты помнил о концерте?

— Еще бы не помнить! Ведь ты меня столько терроризировала...

— Ну ладно. Рассказывай дальше.

Он рассказал все с начала до конца, и она на самом деле почти не перебивала.

— Почему же ты не вернулся в Лоун-Пайн вчера вечером? — спросила она, когда Джерри закончил свой рассказ. — Ты же знал, что реку можно перейти вброд.

— Вчера не знал. Я это выяснил уже утром. А вечером я заблудился и всю ночь не знал, где нахожусь. Когда меня выкинуло, было уже темно, и я совершенно дезориентировался. Я даже не мог найти ту штуковину, которую ты называешь пришельцем. Нашел что-то похожее на тропинку, но идти по ней можно было только на четвереньках, нащупывая ее руками. Когда пытался идти по-человечески, все

время натыкался на деревья. Так и полз. Надеялся, что она меня куда-нибудь выведет. А она взяла да и кончилась посреди леса. И тогда я понял, что придется дожидаться утра, и забрался под елочку. У нее ветви до земли доставали, так что ветра под ней не было, но все равно холодно. А костер развести спичек не было.

— И там ты просидел до рассвета?

— Ну да. А потом услышал, что деревья валятся, и этот шум, когда пришелец грызет деревья. Я, конечно, не знал, что он пришелец. Я вообще ничего не знал, что там происходит. Ведь лес заповедный, деревья трогать нельзя. Но в тот момент я об этом не думал, честно говоря. Думал только, что там окажется кто-то, кто объяснит мне, как добраться до Лоун-Пайна.

— А потом ты увидел полицейских возле моста и испугался?

— Точно. Так что я разведал речку вниз по течению и нашел брод. А потом услыхал голоса на берегу и пошел посмотреть. И встретил тебя.

— Но я до сих пор так и не поняла, — сказала она, — почему ты не хочешь, чтобы кто-нибудь знал о том, что ты был внутри пришельца.

— Так и не поняла? А ты подумай — у меня же нет ни малейшего доказательства, что я на самом деле там был. И пришлось бы мне стать еще одним придурком, который старается нажиться на истории с приземлением летающей тарелки. Мало таких, что ли? Сейчас, наверное, по всей стране народ взбаламучен.

— Это верно, — согласилась Кэти. — Быть может, в Вашингтоне больше всего. Я тебе говорила, что здесь люди из ФБР. А сегодня днем еще и научные наблюдатели появились, целая команда.

— Если кто-нибудь узнает, что я был там, внутри, — продолжал Джерри, — они меня поймают и начнут допрашивать. Я, конечно, мог бы все им честно рассказать, но мне же нечем доказать, что не вру. Я буду чувствовать себя дураком,

а они, скорее всего, мне не поверят, а потом, рано или поздно, история попадет в газеты, и одни будут уверены, что я все это выдумал, а другие — что еще хуже — поверят.

— Да, я тебя понимаю, — сказала Кэти.

— То, что я мог бы сказать, никому не поможет. А уж если они уцепятся, то не отпустят. Начнут допрашивать, переспрашивать, пытаясь поймать на каком-нибудь вранье. Чего доброго, еще в Вашингтон потащат, а мне над диссертацией работать надо.

— Да, — согласилась Кэти, — ты прав, наверное. Не знаю. Я думаю, что, возможно, ты принял правильное решение.

— Ты имеешь в виду, что не будешь спорить, писать обо мне или нет?

— Пожалуй, я бы и не решилась, — сказала она. — Получилась бы чистейшая ерунда — голая сенсация без капли доказательств. Ничего, на что можно опереться, кроме твоих слов. Представляю, что сказал бы Эл Лэтроп.

— Кто такой Эл Лэтроп?

— Наш главный редактор. Он верит только документам. Такой материал он бы ни за что не пропустил. Скорее всего, даже Джонни не пропустил бы. Сам-то восхитился бы, конечно, но он же знает, что Лэтроп...

— Ну и слава богу, — сказал Джерри. — Я думал, мне с тобой драться придется.

— Но обидно до чертиков, — сказала Кэти. — Такой бы материал получился! Боже, какой это был бы материал! Его бы по всей стране разнесли, все газеты напечатали бы, миллионы людей прочитали бы, и ты бы сразу стал героем.

— А может, и вруном?

— Может, и так, — согласилась она.

Она прижалась к нему, положив голову ему на плечо. «До чего же здесь хорошо», — подумала она. Солнце уже опускалось к западу, но еще пригревало, на небе не было ни облачка. Впереди журчала вода, перекатываясь через каменистую отмель, а на том берегу осиновая роща сияла золотом осенних листьев на фоне мрачноватой зелени сосен.

— Но ты понимаешь, что рано или поздно они до тебя доберутся? — спросила она. — Как только расковыряют твою машину и найдут номерные знаки или определят номер мотора.

— Да, конечно, — ответил он. — Но я должен выиграть время. Мне надо успеть подумать. Как-то сориентироваться, чтобы знать, что делать. А, может быть, к тому времени вопрос, кому принадлежала машина, уже не будет никого интересовать.

— Но даже когда они узнают, что она твоя, — сказала Кэти, — не стоит упоминать, что ты был внутри пришельца. Никто никогда и не спросит об этом. Никому в голову не придет, что такое возможно. Все, что тебе нужно, — выждать, пока шум поутихнет, хоть немножко. Вполне вероятно, что пришелец задаст им всем работу для ума. В ближайшие дни тебе надо подать заявление о выплате страховки. К тому времени мы, быть может, узнаем, кто забрал автомобиль и зачем.

— Это может и подождать. У меня другая проблема. Мне надо как-то попасть в университет.

— Где-то через час Чет поедет в Бемиджи. У него есть несколько готовых пленок; он их хочет передать на самолете в Миннеаполис. Паренек с автозаправочной станции сегодня утром пригнал нашу машину. Она осталась на шоссе, когда мы попали в пробку, полиция никого в Лоун-Пайн не пропускала, доехать было невозможно — и наша машина так и стояла на обочине с тех самых пор. Ты можешь доехать с Четом до Бемиджи и сесть на самолет.

— Так у меня же нет денег на билет!

— Ерунда. У меня есть. Мне в «Трибьюн» целую пачку дали на командировку.

— Я их тебе, конечно, верну; но, может быть, придется подождать. Ничего?

— Не надо. Я как-нибудь спишу их на командировочные расходы. Если не все сразу, то часть при следующей поездке куда-нибудь.

— Ужасно не хочется уходить, — сказал он. — Здесь так хорошо, спокойно... Как только вернусь — буду сидеть и ждать, что вот-вот зазвонит телефон или кто-нибудь хлопнет по плечу.

— Ну, это сразу. Может быть, у них будут другие дела, поважнее.

— Когда Чет уедет?

— Не сейчас. Мы побудем здесь какое-то время.

— А когда ты вернешься в газету?

— Понятия не имею. Надеюсь, слишком долго здесь торчать не придется. Я все время думаю о том, что ты сказал. Ощущение дома... Ты сказал, что пришелец внушил тебе мысль о доме. Что это, по-твоему?

— Я тоже все время об этом думаю, — сказал он. — Интересно и непонятно. И совершенно неожиданно. У меня это все время вертится в голове, но я ничего не могу придумать.

— На самом деле странно.

— Тут все достаточно странно. Если бы это случилось не со мной, я бы сказал, что такого быть не может.

— А какое-нибудь общее впечатление у тебя создалось? Ты догадываешься, что такое этот пришелец?

— Ты знаешь, я был сбит с толку. Я пытался выяснить, что это такое: то ли машина, управляемая неким интеллектом, то ли что-то живое. То так кажется, то эдак... И ничего в голову не приходит. Но эти мысли меня преследуют. Вот если бы рассказать обо всем, что я увидел и почувствовал, кому-нибудь из ученых, экзобиологу — подробно, во всех деталях, — может быть, он заметил бы нечто такое, что я упустил.

— Но как раз этого ты не хочешь, — вздохнула Кэти. — Ни с кем не хочешь разговаривать, прячешься.

— Я не прячусь, — возразил Джерри. — Я не хочу, чтобы на меня глазели, не хочу, чтобы меня допрашивали в правительственных инстанциях, чтобы надо мной потешались. Не хочу уподобиться ребенку-фантазеру, которого насмерть

забивают взрослые, не имеющие воображения и не способные себе ничего представить.

— Может быть, через пару дней наш пришелец просто-напросто возьмет и улетит. — Кэти старалась его утешить. — И мы его больше не увидим. Ведь он мог остановиться у нас по дороге куда-нибудь.

— Не думаю, — покачал головой Джерри. — Не знаю почему, но не думаю.

— В университете есть один человек, — сказала Кэти. — Доктор Альберт Барр, экзобиолог. Его не очень знают, но несколько статей он напечатал. Может быть, ты поговоришь с ним? Примерно год назад Джей писал очерк о нем. Похоже, он толковый малый.

— Может быть, я разыщу его, — ответил Джерри.

Глава 12

Космос

— Ты что-нибудь видишь? — спросил командир челнока второго пилота. — Приборы говорят, что мы совсем близко, но я ничего не вижу. Должно же хоть что-то быть — блик, отсвет... Солнце прямо за нами, видимость отличная.

— Ничего не вижу, — отозвался второй. — Минуту назад показалось, будто что-то есть, но теперь снова ничего.

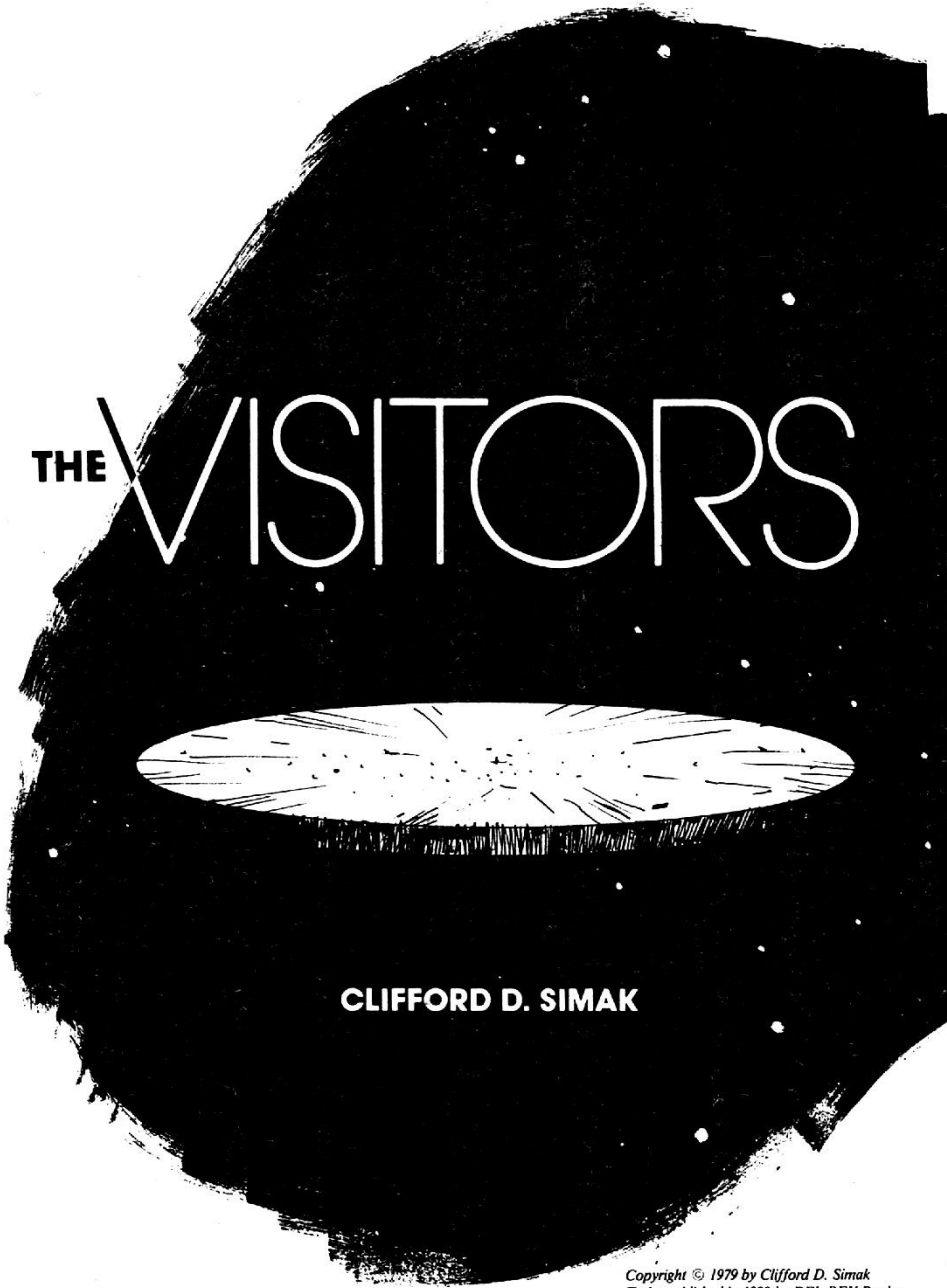
— Чертовски не хочется столкнуться с этой проклятой штукой, — сказал командир. — Свяжись-ка со станцией, проверь, где мы.

Второй пилот взял микрофон.

— Станция, Станция, я Челнок. Вы можете сказать, где мы находимся?

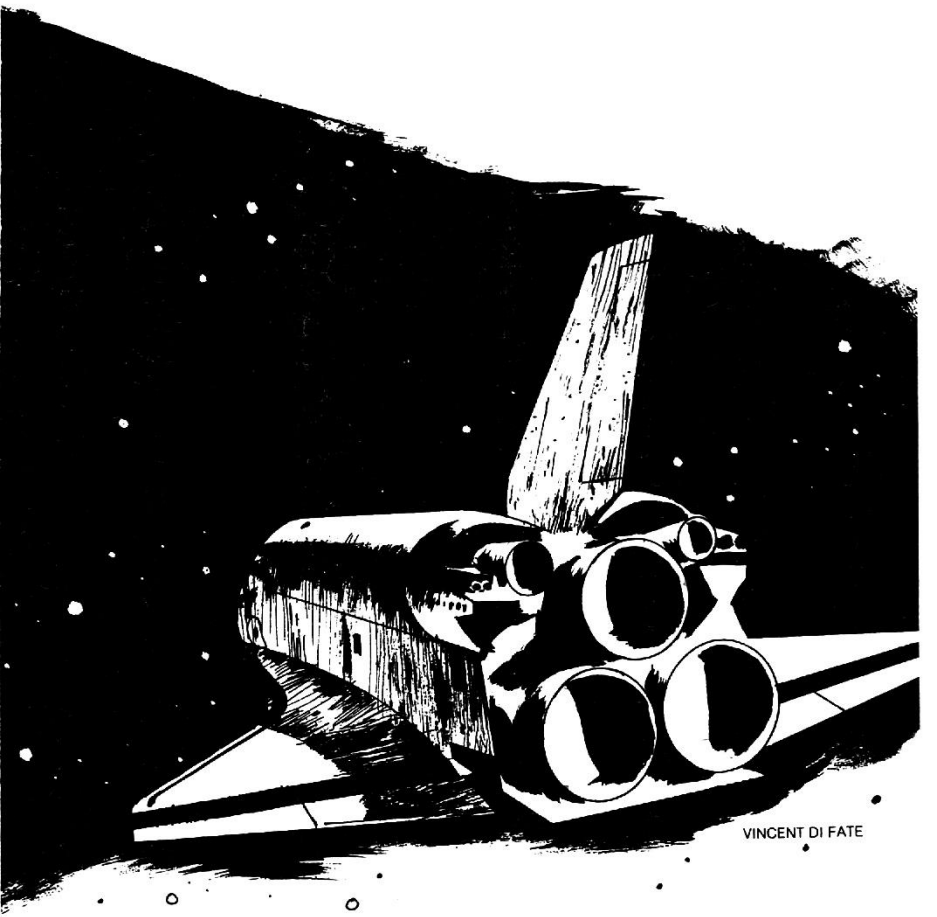
— Челнок, — раздался голос в наушниках, — на нашем экране вы прямо перед объектом. Вы его не видите? Вообще не замечаете?

— Абсолютно.



Copyright © 1979 by Clifford D. Simak
To be published in 1980 by DEL REY Books.

— Измените курс, — приказала Станция. — Возьмите левее. Вы слишком близко. Попробуйте подойти с другой стороны.



— Меняю курс, — ответил командир. — Обойдем и попробуем зайти против солнца.

Внезапно второй пилот схватил его за плечо:

— Боже мой! — воскликнул он. — Ты видишь? Ты только посмотри!

Глава 13

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Снова, как всегда, Дейв Портер ощущал гордость. Его радовало, что это чувство не проходит. Он гордился, что Элис Дэйвенпорт рядом, что их видят вместе, что эта блестящая, прекрасная женщина находит время для него. Они сидели друг против друга за столиком в одном из дальних уголков уютного вашингтонского ресторана со свечами на столах и с тихой музыкой, доносившейся откуда-то издали. Она подняла свой стакан и посмотрела сквозь стекло на Дейва.

— Наверное, все не так уж плохо, — сказала она — Ты выглядишь не таким измотанным, как в последнее время. Сегодня все в порядке?

— Брифинг прошел отлично, — ответил он. — Никто на меня не набрасывался — мы теперь друзья. Почти. Не было ни одного неприятного момента, хорошо бы и дальше так. Я сказал президенту, что на этот раз мы ничего не должны скрывать, ни о чем не умалчивать. Вот на встрече с президентом и его командой было порой неприятно. Некоторые из этих негодяев настоящие параноики.

— Хотят придержать информацию о происходящем?

— Не совсем так. Хотя я подозреваю, кое-кто из них был бы счастлив, если бы я на это пошел. Но дело в другом. Салливен расшумелся из-за нескольких поваленных деревьев — будто эти деревья так уж много значат. Госсекретарь все время твердил, что надо немедленно выработать политику по отношению к пришельцу, ЦРУ рекомендовало держать в тайне все, что мы можем от него узнать, а Уайтсайд беспокоился, сможем ли мы защититься от него.

— Дейв! Ты сказал: «Президент и его команда» — будто ты сам не в команде президента. Ты их не любишь? Тех, кто вокруг президента.

— Дело не в том, люблю я их или нет. Мне приходится с ними работать. Но я буду работать так, как считаю нужным. Чем дальше, тем яснее, что иначе нельзя. А некоторых я

люблю. Скажем, Джек Кларк, помощник по военным вопросам, мне очень нравится. Мы с ним часто беседуем с глазу на глаз.

— Фактически мы совершенно не знаем, что собой представляет наш гость в Миннесоте, — сказала Элис.

— Не знаем, — согласился он. — Не имеем ни малейшего понятия. Совершенно ясно, что он явился из космоса, но это все, что мы знаем. Однако некоторые, включая советника по науке, отказываются признать даже это. В том, что никто ничего не знает, удивительного нет. Он приземлился чуть больше суток назад. Будет большой удачей, если нам станет хоть что-то известно, скажем, через неделю. А ведь может понадобиться и несколько месяцев.

— Если он пробудет здесь до тех пор.

— Разумеется. Он может и исчезнуть через пару дней. Если это случится — нам будет о чем рассуждать и спорить в течение многих лет. Будем строить догадки. Высказывать запоздалые предложения по поводу того, как нам следовало бы его принять!.. Но я надеюсь, он пробудет здесь достаточно долго, так что мы успеем узнать хоть что-нибудь.

— Знаешь, чего я боюсь? — сказала Элис. — Боюсь, что, если он не улетит, мы разозлимся на него из-за этих деревьев или из-за чего-нибудь еще. Дейв, мы не можем позволить себе возненавидеть эту штуковину. Нельзя допустить, чтобы ненависть ослепила нас. Мы можем ее не любить, но должны уважать как новую, неизвестную нам форму жизни.

— Так сказал бы настоящий антрополог, — заметил Портер.

— Можешь меня подкалывать, но именно так должно быть. Ради нашего же блага. Возможно, во Вселенной есть другая жизнь. А если есть жизнь, то должен быть и разум, но маловероятно, что таких разумов много.

— Элис, ведь мы еще не знаем, живая ли эта штуковина, о разуме пока и речи нет.

— Должен быть разум. Она опустилась на дорогу — значит, выбирала посадочную площадку. Она валит деревья и

вырабатывает целлюлозу. Все свидетельствует о том, что разум есть. Должен быть.

— Запрограммированная машина...

— Не верю, — возразила Элис. — Для этого нужно слишком многое. Машина должна быть запрограммирована на миллионы самых разнообразных условий и ситуаций. Вряд ли такое возможно. Когда пришелец приземлился, у него не могло быть представлений о неизвестной планете. Разве что весьма общие, не более того. Но даже если он всего лишь машина — хоть и трудно в это поверить, — кто-то должен был заложить в нее программу действий. Так что без разума тут не обойтись.

— Я знаю. Теперь ты будешь твердить об этом без конца.

— Ты никуда не денешься от того, — сказала Элис, — что здесь присутствует разум. Мы шарахаемся от этой мысли из-за предубеждений — и только. Этот большой черный ящик живым быть не может, говорим мы. На Земле такого существа нет, следовательно, он не может быть живым... совершенно нелогично. Далее. Он вырабатывает целлюлозу — а зачем ему целлюлоза? Мы из нее делаем бумагу, может быть, еще что-нибудь, не знаю, я в бумажном деле не специалист. Но раз он не собирается делать бумагу, то в его действиях тоже нет смысла. Так нам кажется. Но это нам только кажется, Дейв. Кто-нибудь подумал, что ему целлюлоза, может быть, нужна для других целей? Быть может, для него целлюлоза — сокровище, деревья — дар божий, как для нас золото или алмазы. Быть может, он скитался в космосе несколько световых лет, пока не нашел планету, где есть целлюлоза. В Галактике, должно быть, не так уж много планет, на которых растут деревья или что-нибудь похожее.

— Мне кажется, что ты меня к чему-то подводишь, — заметил Портер.

— Да, подвожу, — согласилась Элис. — К исторической параллели, из которой можно извлечь очень ценный урок. Нечто свалилось нам на голову и берет что хочет, не спрашивая у нас разрешения, не обращая на нас никакого внимания, —

точно так же вели себя белые, появившись в Америке, в Африке или где бы то ни было. Так же самонадеянно, так же бесцеремонно, как мы.

— Боюсь, то же самое скажут и другие. Ты сказала первой, но появятся и другие. Индейцы прежде всего.

— Коренные американцы, — поправила она.

— Хорошо, будь по-твоему. Коренные американцы.

— И еще одно, — продолжала она. — Мы должны приложить все усилия, чтобы наладить контакт с нашим пришельцем. Он может столько нам поведать! Быть может, такое, о чем мы никогда не задумывались и не имеем ни малейшего понятия. Новые точки зрения, новые перспективы... Быть может, это изменит нашу жизнь, даже перевернет. Мне все время кажется, что когда-то где-то мы свернули на неверную дорогу. Быть может, пришелец вернет нас на правильный путь?

— Я согласен с тобой. Но как ты представляешь себе разговор с ним? Чтобы объясниться — тут пальцами не обойтись. Наши переговоры должны быть содержательными. А это может оказаться нелегко — если мы вообще сможем както с ним заговорить.

— Это потребует времени, конечно! Но надо запастись терпением. Мы должны дать ему — и себе — шанс. Главное — не делать ничего такого, чтобы он улетел. Мы должны постараться задержать его здесь, что бы он у нас ни брал.

— Пока никто его не гонит, Элис. Да если бы нам и захотелось — как это сделать?

Глава 14

Лоун-Пайн

Посреди ночи Кэти проснулась. Она лежала, скрючившись под одеялом и стараясь спрятаться от мрака и холода, которые словно давили на нее в неуютной комнате мотеля.

«Холод, — подумала она. — Холод и мрак». И с удивлением поняла, что думает не о тех холоде и мраке, что царят

в крохотной комнатке, а о мраке и холоде, которые преодолел пришелец, чтобы добраться до Земли.

Приснился он ей, что ли? И сон превратился в первую мысль при пробуждении? Если так, то больше из того, что снилось, она не помнила ничего.

Однако мысли о пришельце и леденящей пустоте дальнего космоса не отступали. «Из каких далей он явился? — спрашивала она себя. — Через световые годы, сквозь всепоглощающую тьму с неясными светлячками далеких неизвестных солнц. Что его заставило пуститься в путь? Душевная пустота, такая же безграничная, как пустота межпланетного пространства? Голод, не похожий на голод обитателей планеты Земля? А может быть, желание отыскать Землю или другую планету, похожую на Землю? Почему именно Земля или планета, похожая на Землю? Потому что на ней растут деревья? — Она покачала головой. — Нет. Должно быть что-то другое, что-то большее.

А может быть, он просто исследует Галактику? Составляет карту? Или летит по какой-нибудь не очень точной схеме, которую вычертил другой путешественник; летит, выполняя какую-то миссию, которую человеческий разум даже не в состоянии понять?..»

«Холод и мрак», — снова подумала Кэти. И удивилась — отчего эти два слова неотступно крутятся в голове? Ведь там не только холод и мрак. Там еще одиночество. Ощущение своей затерянности и ничтожности в бесконечном пространстве, у которого нет и не может быть не только сочувствия, но даже внимания. Великое, беспредельное безразличие, не замечающее, что кто-то движется сквозь него. «Какое же существо, — думала Кэти, — способно выстоять перед лицом великого безразличия? Какое существо могло бы броситься в эту бездну небытия? Какие причины могли заставить его устремиться в бесконечную пустоту? Наверное, у него была какая-то цель. Но если этой целью была Земля, то, отправляясь в путь, он не мог знать, что достигнет ее.

Никто, даже в самом ближайшем космосе, не может знать о Земле или хотя бы подозревать о ней».

«Бедный, одинокий, — думала она. — Бедный, испуганный древоед. Бедное создание, прилетело из такого далека!.. На Землю. Из Великого Безразличия».

Глава 15

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Портер уже надел пижаму и стал стелить постель, когда вдруг зазвонил телефон. Он взглянул на часы на ночном столике — было почти два.

— Это Джек, — раздался голос с того конца провода. — Джек Кларк. Я тебя не разбудил?

— Через минуту уже разбудил бы.

— Дейв, по-моему, это важно. Ты не можешь приехать в Белый дом? Мы будем ждать в твоем кабинете.

— Кто это мы?

— Я, НАСА, советник по науке и Уайтсайд.

— Президента не будет?

— Он спит. Мы не хотим его будить. Надо кое-что обсудить.

— Что именно?

— Это не телефонный разговор. Повторяю, это важно.

— Я буду через десять минут. Может, через пятнадцать.

— Вот еще что. Быть может, стоит позвать и шефа канцелярии? У тебя нет возражений?

— Хэммонда? Конечно. Обязательно пригласи его.

— Ну хорошо. Ждем тебя.

Портер повесил трубку. Что за чертовщина, что там случилось? Кларк был взволнован и озабочен — это было слышно по голосу. Быть может, другой этого и не заметил бы, но он заметил. Он знал Джека Кларка достаточно давно.

Он взглянул на постель. Сейчас бы залезть под одеяло — и ну его к черту, этого Кларка и всех остальных вместе с ним. Бог свидетель, ему необходимо отдохнуть. За последние

двадцать четыре часа он почти не спал... Но он прекрасно знал, что только примеряет эту мысль. Через пятнадцать минут он будет идти по коридору к пресс-бюро, так что надо снимать пижаму. Что он и сделал — и пошел к шкафу за носками.

Прежде чем сесть в машину, он немного постоял, глядя в небо. Где-то к северу, не слишком близко, слышался гул самолета, шедшего на посадку. Он попытался разглядеть мигающие огни на борту, но их не было видно. На улице шуршали опавшие листья, ветер гнал их вдоль тротуаров.

Когда он вошел в пресс-бюро, все уже собрались и ждали его. Не было только Хэммонда. У стены потихоньку стрекотали телетайпы. Из кухни принесли кофе, на одном из столов сверкал кофейник, и аккуратно выстроились белые чашки.

Уайтсайд занял место за столом Портера и раскачивался в его кресле, Крауэлл из НАСА и доктор Аллен сидели на небольшом диване. Кларк разливал по чашкам кофе. Быстрым размашистым шагом в комнату вошел Хэммонд.

— Что произошло? — спросил он. — Судя по вашему голосу, Джек, что-то важное.

— Я не знаю, насколько важное, — ответил Кларк. — Это надо обсудить. Челнок вышел на связь с орбитальной станцией, и оттуда мы получили сообщение.

— Что там?

Кларк показал на Крауэлла. Все повернулись к нему.

— Новый объект в космосе, — сказал Крауэлл, — как многие из нас, наверное, предполагали, но не хотели говорить вслух, совершенно очевидно связан с пришельцем, опустившимся в Миннесоте.

— И какая между ними связь? — спросил Хэммонд.

— Это вообще не объект в буквальном смысле слова. Это скопление пришельцев — сотни, может быть, тысячи. Никто не подсчитывал, сколько их там может быть.

— И скопление имеет форму колеса?

Крауэлл кивнул.

— Мы знали это и без челнока. Изображения телескопа свидетельствовали об этом. Наблюдатели видели не монолитный объект, а скопление дискретных частиц.

— Это не дискретные частицы, — сказал Кларк.

— С расстояния в тысячу миль они казались именно такими.

— Они по-прежнему сохраняют ту же форму? — спросил Хэммонд. — Я имею в виду, скопление не рассыпается? Они не начали разлетаться?

— Уверенности в этом нет, — сказал Крауэлл. — Экипаж челнока говорит, что на краю там что-то происходит. Пришельцы — слово очень неуклюжее, но я не знаю, как их называть по-другому, — так вот, пришельцы на краях диска вроде бы расположены уже не так плотно, как раньше. Означает ли это, что «рой» начал распадаться, — мы не знаем. Если предположить аналогию с пчелиным роем, то такая ситуация нормальна. В пчелином рое основная масса пчел располагается плотно друг к другу, но всегда есть какое-то количество особей, которые летают вокруг основной массы в поисках места, куда можно было бы пристроиться. То же самое может происходить и с нашим «роем» на орбите. Ребята на челноке не уверены. Им было плохо видно.

— Плохо видно? — удивился Уайтсайд. — Что же им могло помешать?

— В космосе вообще трудно обнаружить объект, — сказал Крауэлл. — Нет фона, на котором его можно рассмотреть. Виден лишь отраженный свет.

— Но там же солнце, — упорствовал Уайтсайд. — Рой должен отражать солнечные лучи.

— Ничего подобного, генерал. Никаких отражений. И это наталкивает меня на мысль, что мы имеем дело с черными телами.

— Черные тела? Я где-то об этом слышал, но...

— Тела, которые поглощают всю энергию, в данном случае — солнечную. Абсолютно черное тело поглощает всю энергию без остатка, ничего не отражая.

— Разумеется! — воскликнул Аллен. — Я должен был догадаться. Более того, должен был знать! При полете в пространстве нужно немало энергии. И вот таким образом эти штуковины ее добывают. В космосе энергии немного, но они извлекают ее отовсюду. Они используют излучение далеких солнц, как бы слабо оно ни было. Кое-что они могли получить от столкновений с микрометеоритами. Это кинетическая энергия, но, возможно, они способны преобразовывать ее в другие формы. Еще космические лучи — в них очень много энергии... Другие типы радиации... Они поглощают все. Своего рода энергетические губки.

— Вы в этом уверены, доктор? — сухо спросил Хэммонд.

— Ну... Не совсем, конечно... Конечно же, я в этом не уверен. Но гипотеза разумная. Может быть, именно так они и работают. Машина, летящая во Вселенной, должна иметь какие-то источники энергии, достаточной, чтобы продолжать полет. — Аллен повернулся к Крауэллу. — Еще до того, как вы сказали, что представляет собой объект на орбите, я предполагал, что мы обнаружим нечто подобное. Мои люди в Лоун-Пайне сообщают, что пришелец посылает модулированные сигналы, а это должно означать, что он с кем-то поддерживает связь. Я подумал, с кем он может общаться. Наиболее вероятный ответ — с кем-то из себе подобных. Никто другой не смог бы расшифровать галиматью, которую он посылает.

— Это значит, — сказал Уайтсайд, — что он рассказывает родственничкам на орбите, какие замечательные леса он здесь нашел. Приглашает их не стесняться и разделить с ним трапезу. В ближайшее время должны появиться и другие. Свалятся к нам в леса, повяжут салфетки — и поехали!

— Опять ты торопишься с выводами, Генри, — сказал Хэммонд. — Мы не можем быть уверены в этом.

— Но такое очень даже вероятно, — угрюмо возразил генерал. — И нельзя закрывать на это глаза. Бог ты мой, ну и дела! Ситуация просто ужасная.

— Что еще обнаружили ваши люди? — спросил Аллена Портер.

— Немного. Пришелец не из металла — в этом мы уверены. Что за материал, мы не знаем. Пытались взять образцы...

— То есть ваши люди подошли прямо к нему и стали его корябать?

— Черт возьми, дружище, да они его всего облазили! Они осмотрели каждый дюйм его поверхности. Он не обращает на них ни малейшего внимания. Даже ухом не ведет. Пасется себе и пасется... Валит лес.

— Боже милостивый, что же это такое? — воскликнул Кларк.

Никто не ответил.

— Меня поражает другое, — сказал Крауэлл. — Каким образом «рой» попал на орбиту? Чтобы разместить объект на орбите, требуется какое-то время. Пока он попадет именно туда, куда надо, и приобретет именно ту скорость, какую надо, он успеет сделать несколько витков вокруг Земли. Если бы новый объект, этот «рой», проделывал какие-нибудь маневры, перед тем как обосноваться на орбите, наши станции слежения поймали бы его гораздо раньше. Но ведь не поймали! Когда они его обнаружили, он уже был на орбите. И тут еще одно. Чтобы вот так сразу попасть на орбиту, он должен был иметь представление о планете, вокруг которой собрался крутиться. Очень многое должен был знать: скорость вращения, период обращения, гравитационные параметры... Это относится к любой орбите вообще, а для синхронной орбиты точность предварительных расчетов должна быть и вовсе немыслимой. Но он, очевидно, прилетел и сел — на нужной высоте, при нужной скорости. Как это можно было сделать — представить себе не могу. По-моему, вот так, экспромтом, это попросту невозможно.

— Итак, все дурные новости мы знаем, — заключил Хэммонд. — Что же теперь делать? Мы ведь ради этого и собрались, не так ли? Чтобы наметить какой-то план действий.

Утром я хотел бы иметь возможность сказать президенту, что у нас есть какие-то идеи.

— Первое, что надо сделать, — сказал Уайтсайд, — предупредить всех губернаторов, чтобы привели в готовность Национальную гвардию.

— И вся страна сойдет с ума от страха, — возразил Хэммонд.

— А соседи за рубежом начнут нервничать, — добавил Кларк.

— Что, если разослать распоряжение тайно? — спросил Уайтсайд. — Чтобы губернаторы были готовы поднять гвардию в любой момент.

— Это просочится, — сказал Портер. — Секретность — вещь немыслимая, когда в дело вмешаются сорок восемь губернаторов. Даже пятьдесят, если вы собираетесь привлечь и Аляску с Гавайями; а если их обойти, то они, пожалуй, возмутятся. Губернаторы же политики, и среди них немало болтунов, к тому же у них штат сотрудников...

— Дейв прав, — заметил Хэммонд. — Начнется утечка информации.

— Если до этого дойдет, — сказал Портер, — населению следует не только сказать, что мы делаем, но и объяснить, почему мы это делаем. Через несколько дней так или иначе все станет известно, поэтому лучше нам сказать все сразу. Чтобы информация исходила от нас, а не от кого-нибудь другого.

— Ну а если не Национальная гвардия, что мы можем сделать? — спросил Уайтсайд.

— Вы упорно считаете их врагами, — сказал Аллен.

— В любом случае это потенциальные враги, — ответил генерал. — Пока нам известно о них недостаточно, мы можем считать их потенциальной угрозой. Но если они вторгнутся к нам, то автоматически станут противником.

— Может быть, следует ознакомить с ситуацией кое-кого из наших зарубежных друзей? — спросил Хэммонд. — До сих пор мы от этого воздерживались; но если «рой» начнет

садиться на Землю, то дело коснется не только нас. Пожалуй, мы просто обязаны известить остальных о том, что происходит.

— Президенту следовало бы присутствовать при нашем разговоре, — сказал Уайтсайд.

— Нет, — ответил Хэммонд. — Пусть поспит. Ему необходимо отдохнуть. День будет трудный.

— А почему мы думаем, что только мы послали челнок исследовать этот «рой»? — спросил Портер. — У Советов тоже есть орбитальная станция. Они тоже могли послать челнок. Мы объявили о новом объекте уже больше суток назад, у них было достаточно времени.

— Не уверен, конечно, — покачал головой Хэммонд, — но, по-моему, это маловероятно. Их станция далеко от нашей, полет челнока занял бы больше времени. Принципиальной роли это, конечно, не играет, но я все-таки не думаю. Хотя бы потому, что у них меньше оснований реагировать подобным образом. Пришелец все-таки в нашей стране, а не у них.

— А что это меняет? — спросил Кларк.

— Не хотелось бы прийти к ним со словами: «Послушай, приятель, у нас там какие-то штуки над головой повисли», — ответил Портер, — если есть хоть какие-то основания думать, что они знают столько же, сколько мы, а может быть, и больше.

— По-моему, твои возражения чисто теоретические, — заметил Хэммонд.

— Может быть, — согласился Портер. — Но все-таки не хочется выглядеть глупее, чем на самом деле.

— Давайте вернемся к проблеме обороны, — заговорил Уайтсайд. — Национальную гвардию вы отвергли. Тогда надо готовить подразделения регулярной армии.

— Если только это можно сделать без огласки, — заявил Хэммонд. — Если ты гарантируешь, что утечки не будет.

— Постараюсь.

— Меня беспокоит возможность паники, — сказал Хэммонд. — До сих пор все было хорошо; но тронь нечаянно не

ту кнопку — и страна может пойти вразнос. Все эти годы было столько разговоров, столько споров об НЛО, что все уже созрели.

— Мне кажется, все разговоры об НЛО теперь нам как раз на руку, — ответил Портер. — Идея о возможном посещении Земли посланцами других миров успела превратиться в банальность. Многие привыкли к мысли, что рано или поздно это произойдет. И соответственно более или менее готовы к этому. Шок будет не таким уж сильным. Некоторые полагают, что нам было бы на пользу, если бы они прилетели... У нас уже нет той психологии, как в «Войне миров» Уэллса. Или, во всяком случае, та психология уже не так сильна. Философски мы уже подготовлены...

— Может быть, ты и прав, — перебил Кларк. — Но стоит только какому-нибудь идиоту сказать что-нибудь не то — и может паника подняться.

— Согласен, — сказал Хэммонд. — Может быть, твой подход верен, Дейв. Скажи людям все, что мы знаем. Пусть у них будет время обдумать ситуацию. И тогда, если появятся другие пришельцы, люди будут уже как-то подготовлены, привыкнут к этой мысли. Время от времени вставляй что-нибудь утешительное, пару слов — только не переиграй. Тогда у всех нас будет время серьезно подумать. Подумать и поговорить.

— Значит, договорились, — заключил Кларк. — Извещаем о ситуации военные круги. В отношении Национальной гвардии пока ничего не предпринимаем, но готовы поднять ее по всей стране в любой момент. Всерьез обсуждаем, не пора ли поставить в известность другие правительства и провести с ними консультации. Людям скажем все, что только сможем. Как насчет ООН?

— Давайте пока ООН в это дело не вмешивать, — сказал Хэммонд. — Они очень скоро сами заявятся с требованиями. Ну и, конечно, хозяин должен одобрить наши решения. Через пару часов он встанет, так что долго ждать не придется. А когда начнем действовать, надо будет делать это быстро.

— Джон, я хотел бы связаться со своими ребятами сразу же, — сказал Уайтсайд. — Думаю, никто из вас возражать не будет. Это все свои люди, моя семья, так сказать.

— Никаких возражений, — ответил Хэммонд. — Это твое дело.

— Я полагаю, станция продолжает наблюдение, — обратился Аллен к Крауэллу. — Они дадут нам знать, если что-нибудь начнется? Или покажется, будто что-то начинается.

— Разумеется. Мы будем знать в ту же минуту.

— Что, если кто-нибудь из наших друзей проявит воинственность и предложит закинуть туда атомную бомбу и взорвать ко всем чертям этот «рой»? — спросил Уайтсайд. — Или, еще хуже, сделает это сам?

— Генри, у тебя на уме ужасные вещи, — сказал Хэммонд.

— Но это может случиться, — настаивал генерал, — с перепугу.

— Будем надеяться, что этого не произойдет, — заметил Портер.

— По-моему, это маловероятно, — поддакнул Хэммонд. — Но, может быть, стоит разбудить госсекретаря? Надо ему обо всем доложить. Может быть, он будет завтракать с президентом. Он и еще кое-кто. Министр юстиции, к примеру. Я их вызову.

— Так у нас все? — спросил Крауэлл.

— Пожалуй.

— Едва ли стоит возвращаться и ложиться спать, — сказал Кларк. — Через пару часов утро.

— А я и не собираюсь, — ответил Портер. — У нас в курилке очень даже уютный диванчик, есть где вытянуться. Точнее, не один, а два. Хочешь ко мне присоединиться?

— Пожалуй, — сказал Кларк.

Глава 16

Лоун-Пайн

Стиффи Грант прошаркал в Пайн-кафе и взгромоздился на табурет у стойки. На стук двери из кухни выглянула Салли.

— Так это ты с утра? — спросил Стиффи. — Я думал, с утра Джуди работает.

— Джуди простыла. Я ее подменяю. Кроме них двоих в кафе никого не было.

— А где все? — спросил Стиффи. — Сейчас в городе столько народу...

— Дрыхнут еще, — ответила Салли. — Те, что здесь. А многие остановились в Бемиджи и теперь ездят взад-вперед. Здесь им места не хватило.

— Те двое из «Трибьюн» здесь, — сказал Стиффи. — Парень с фотоаппаратом и девчонка, которая пишет.

— Так они ж рано приехали, когда в мотеле еще были места.

— Хорошие ребята, — сказал Стиффи. — Настоящие белые ребята. Девчонка дала мне пять долларов только за то, что по телефону ответил, а после трубку подержал, чтобы линию не заняли. А вчера фотограф выставил мне бутылку за то, что я посмотрел, что творится за рекой, пока он спал. Мы с ним так договорились: если вдруг что — я сразу бегу и подымаю его, бужу, значит... Только ничего не случилось, так я и просидел. А бутылка классная, не то что ваша дешевка.

— Хорошие люди эти приезжие, — сказала Салли. — Мелкую сдачу почти никто не берет. Не то что наши — чаевых никогда не дождешься.

— Однако они немного узнали, — рассуждал Стиффи. — Похоже, они толком ничего и не знают про ту штуковину. Эти парни из Вашингтона крутятся вокруг нее, крутятся — и ни фига. Я с одним намедни говорил. Он копался в мусоре, который выкидывает эта штуковина после белых тюков. Уж

так он разволновался. Говорит, нашел там что-то важное, но-я не шибко понял. В том мусоре, говорит, нету сосновых семян. Шишки, мол, все поразломаны, а семян нету вовсе, куда-то подевались. Это, мол, неестественно, говорит. Он думает, что штуковина зачем-то собирает семена. Я ему говорю, может, она их ест, как белки. А он головой качает. Не верит.

— Что тебе принести, Стиффи?

— Наверное, несколько оладий.

— Сосиски, бекон?

— Не-е! Это мне не по карману — слишком дорого. Просто оладьи. И сиропа побольше. Я люблю, когда много сиропа.

— Вот он, сироп, в кувшине. Лей, сколько хочешь.

— А, ну хорошо. И масла побольше. Плесни чуток лишнего. Только не бери с меня денег за это.

Салли сходила на кухню, передала заказ повару и вернулась.

— А пришелец уже далеко в лес забрался? — спросила она. — Я его давно не видела.

— Больше чем на милю, однако. Идет и идет, день и ночь. И все выплевывает белые тюки, каждые несколько минут. Они так и валяются на просеке. Я все удивляюсь, на фига ему это надо. Не понимаю. И вообще ничего не понимаю.

— Должна быть какая-то причина.

— Может, и есть. Только я не понимаю. И еще удивляюсь, почему он выбрал нас, почему именно к нам прилетел.

— Ну куда-то он должен был прилететь. Прилетел к нам... Если он искал деревья, то выбрал хорошее место.

— Должно быть, лесничие не слишком-то обрадовались, — пробурчал Стиффи. — Они с этим лесом носятся, как курица с яйцом. Не понимаю, чего в нем такого. Деревья как деревья, лес как лес...

— Это же заповедник, — сказала Салли. — Островок первобытной природы!

— Да знаю. Дурость все это.

Глава 17

Лоун-Пайн

Пришелец начал пухнуть. Со всех сторон появились какие-то бугры и шишки, но он по-прежнему валил лес и жевал деревья — и все так же, через определенные промежутки времени из него вываливались тюки целлюлозы и вылетали кучи мусора.

— Мы не знаем, что происходит, — пожаловался Кэти один из полицейских. — Может быть, кто-нибудь из вашингтонских знает, но я сомневаюсь. Они ничего не говорят, так что не поймешь, знают они что-нибудь или нет. Эти бугры мы увидели сегодня утром. Наверное, еще с ночи стали расти, да они и теперь растут и стали гораздо больше.

— Я хочу подойти поближе. Вы меня пропустите? — спросила Кэти. — Некоторые из наших уже там.

— Только будьте поосторожнее, — ответил полицейский. — Слишком близко не подходите. Нам бы не хотелось, чтобы с людьми что-то случилось.

— Пришелец никому не сделал ничего плохого, — сказала Кэти. — Мы тут с тех самых пор, как он появился, — а он нас даже не замечает.

— Кто знает, что у него на уме? — произнес полицейский. — На вашем месте я бы судьбу не испытывал. Он же убил человека, помните?

— Так тот же стрелял в него.

— Так-то оно так, но я ему все равно не доверяю. Не слишком доверяю, так скажем. Чужак он.

Кэти с полицейским стояли на полдороге между пришельцем и рекой. Теперь через реку можно было перейти: армейские инженеры навели временный мост. На длинной просеке, сделанной пришельцем, очень аккуратно, на одинаковом расстоянии друг от друга лежали белые тюки и кучи опилок.

— Мы держим зевак на том берегу, — сообщил полицейский. — Пропускаем только официальных представителей и прессу. Вы-то сами за себя отвечаете. Вам это объяснили.

— Конечно.

— Не понимаю, — сказал полицейский, — как они сюда попали. Человек двести собралось, наверное. Мы же все дороги перекрыли, но они все равно каким-то образом пробираются.

— Бросают машины перед вашими постами и идут лесом, — сказала Кэти. — Чтобы задержать всех, надо устроить сплошное оцепление.

— Наверное, — согласился полицейский. — Надоедливый народ.

— Вон идут Фрэнк Нортон и Чет, мой фотограф, — сказала Кэти. — Как только подойдут, мы с ними подберемся к нему поближе.

Полицейский пожал плечами.

— Пожалуйста! Но будьте осторожны. Что-то должно произойти, и мне это не нравится. Носом чую — что-то будет.

Кэти подождала Нортона и Чета, и они втроем пошли по просеке.

— Джерри попал на самолет? Все нормально? — спросила Кэти.

Чет кивнул.

— Успел. Мы приехали за несколько минут до отлета. Пленку я ему отдал. Он обещал передать. Я все хотел тебя спросить — как он здесь оказался? Мне помнится, что он вроде потерялся, и ты его разыскивала.

— У него машина сломалась, и он пришел в Лоун-Пайн, чтобы позвонить. И тут мы встретились. Он не знал, что я здесь, и я ничего не знала.

— Славный парень.

— Это точно.

— Однако не слишком разговорчивый. Всю дорогу молчал.

— Он всегда молчит, — сказала Кэти.

Они подошли к группе журналистов, собравшихся под боком у пришельца.

— Ты с Джонни сегодня разговаривал? — спросила Кэти.

— Да, — ответил Чет. — Интересовался, как там моя пленка. Он сказал, что ее уже понесли в лабораторию, что времени еще уйма.

— Он не говорил, что пришлет кого-нибудь вместо меня?

— Ни слова. А ты думала, пришлет?

— Не знаю, — сказала Кэти. — Ведь есть и другие, кто мог бы сделать эту работу лучше. Джей, например. Джонни ткнул в меня пальцем, потому что в тот момент в редакции больше никого не оказалось.

— Думаю, тебе не стоит тревожиться. Джонни порядочный парень. Пока ты делаешь свое дело, он тебя отсюда не заберет.

— Если он кого-нибудь пришлет, я пошлю его к черту! Это мой материал, Чет, и я хочу, чтобы он моим и остался.

— Будешь драться за него?

— Да, черт побери!

— Смотри-ка, — сказал Нортон. — Кто-то написал на пришельце номер. Сто один. Ну вон, на боку, спереди.

Кэти пригляделась. Зеленая краска, цифры около фута в высоту, чуть побольше.

— Интересно, кто это сделал?

— Кто-нибудь из этих вашингтонских чудаков, — фыркнул Чет. — Тоже мне наблюдатели, ученые. Все им надо пронумеровать для отчета.

— Смешно выглядит.

— Мы же не знаем, как они работают, — сказал Нортон. — Быть может, у них были серьезные основания, чтобы его написать.

— Наверное, — согласилась Кэти.

— Что вы думаете про эти шишки? — спросил Нортон. — Что это может быть — есть какие-нибудь идеи?

Кэти покачала головой.

— Представления не имею. А жаль, обидно. Он был такой аккуратный, гладкий, симметричный... А теперь весь какой-то шишковатый.

— Ты так говоришь, будто он раньше был красивым.

— Не красивым, а симпатичным. Такие и должны прилетать из космоса: аккуратные, гладкие, четкие — ничего лишнего.

— Боже милостивый! — воскликнул Нортон. — Вы только посмотрите!

Один из самых крупных бугров на боку у пришельца вдруг раскрылся, и оттуда показалась маленькая копия пришельца. Она была трех-четырех футов в длину, но кроме размеров — это была абсолютная копия большого черного ящика. И стенки у него были гладкие, без бугров. У всех на глазах отверстие становилось все больше, и вдруг оттуда выскочил маленький черный ящик — ящичек — и свалился на землю. Упал, покатился, встал прямо... Он был не такого черного цвета, как большой пришелец, и блестел, словно мокрый. Какое-то время он постоял неподвижно, потом покрутился на месте — и поехал к задней стене пришельца, словно поплыл, плавно и бесшумно.

Люди расступались, чтобы дать ему дорогу.

— Ложись! Убирайтесь из кадра! — бешено вопил оператор с телевидения. — Ложись, черт побери! Вы мне дадите снимать?!

Уступая дорогу малышу, Кэти подумала: «Так вот оно что! Теперь все ясно. Она живая. Не машина, а живое существо. Живое существо, детишек рожает!»

Стал лопаться еще один пузырь, и оттуда показался очередной малыш. А пришелец не обращал ни малейшего внимания на происходящее и по-прежнему валил лес.

Первый малыш объехал пришельца сзади и направился к целлюлозному тюку. Приподнявшись, он набросился на него, разрывая на куски и поглощая целлюлозу точно так же, как его «мама» глотала деревья.

Чет бросился туда с камерой. Остановился, чуть присел и начал щелкать, время от времени передвигаясь, ища удобный ракурс. Фоторепортеры бегали, толкались, пытаясь снимать с наиболее выгодных точек. Вокруг новорожденного создания образовалось почти сплошное кольцо.

— Как я сразу не догадался? — сказал человек, стоявший рядом с Кэти. — Увидел пузыри, сразу должен был сообразить, что это почки. Следовательно, вопрос, который все мы себе задавали...

— Верно, — перебила Кэти. — Она живая.

Он посмотрел на нее, словно только что заметил. И поднял руку к виску, приветствуя ее.

— Квин, — сказал он, — «Нью-Йорк таймс».

— Фостер, «Миннеаполис Трибьюн», — представилась Кэти.

— Так значит, это вы появились здесь раньше всех?

— Вечером в тот день, когда она приземлилась.

— Вы понимаете, — сказал он, — что мы пишем репортаж века? Если не всех времен.

— Я об этом не думала, — ответила Кэти. Немного помолчала и призналась: — Извините, мистер Квин, я вам соврала. Конечно же, я об этом думала.

На просеке было уже несколько младенцев. Они бешено носились в поисках тюков — есть хотели, — а следом за ними бегали репортеры.

Но один из новорожденных никуда не бежал. Он лежал, дрожа и дергаясь, как животное, которое судорожно пытается подняться на ноги. Он лежал возле пришельца, но тот, казалось, не обращал на него никакого внимания.

«Он упал на бок, — догадалась Кэти. — Бедный малыш упал на бок и не может встать на ножки». Как она до этого додумалась, ей самой было непонятно. По правде сказать, додуматься было непросто, даже невозможно, потому что никаких ножек не было, коробочка была со всех сторон одинаковая, и никто не смог бы сказать, где у нее бок, где верх, где низ.

Она быстро шагнула вперед, нагнулась, подхватила малыша и повернула его на другую грань. Он дернулся, будто встряхнулся, и побежал к тюкам.

Выпрямившись, Кэти вытянула руку и похлопала пришельца по боку, по этой огромной амбарной стене.

— Мать, — сказала она тихонько. Сказала, собственно, самой себе, ведь не могла же стена ее слышать. — Мать, я помогла твоему малышу встать на ножки.

Вдруг под ее ладонью что-то шевельнулось, на поверхности стены, ставшей теплой и мягкой, образовалась складка и сжала ей руку, сильно, но бережно. Потом складка исчезла и стена снова стала гладкой и твердой.

Кэти стояла как громом пораженная, не в силах поверить тому, что произошло.

«Она меня заметила! — подумала Кэти с восторгом. — Она знает, что я здесь. Она знает, что я сделала. Она хотела пожать мне руку. Она благодарила меня!»

Глава 18

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

— Что ты знаешь об этих щенках? — спросил президент.

— Щенках, сэр? — удивился Портер.

— Да, пришелец в Миннесоте как будто ощенился.

— Я знаю только то, что знают все, — сказал Портер. — Пока четырнадцать и еще несколько на выходе.

— Ничего себе, семейка!

— Может быть, вы знаете об этом больше, чем я, — сказал пресс-секретарь. — У доктора Аллена там свои люди, так что он, вероятно, вам докладывал.

— Да, конечно. Но доктор Аллен — старая баба, а его наблюдатели — ученые зануды. Они ничего не скажут, пока не разложат все по полочкам. Потому что стоит им ошибиться — и их любимые коллеги поднимут их на смех, житья не дадут. А когда наконец скажут — ничего нельзя будет понять, потому что в докладе будет полно ученой

терминологии, разных «если» и «может быть» и всяческих двусмысленностей. Так и не поймешь, что они имеют в виду.

— Но невозможно предположить, что доктор Аллен недостаточно компетентен, — возразил Хэммонд. — Это ученый высочайшего класса, у него репутация...

Президент махнул рукой.

— О, конечно же, он компетентен, и его коллеги преисполнены всяческого почтения к нему, но он не тот человек, с которым мне хотелось бы иметь дело. Я люблю людей прямых, которые четко и прямо говорят все, что думают. А Аллен часто говорит так, что я вообще не понимаю, о чем идет речь. Мы с ним разговариваем на разных языках.

— Ну а если отвлечься от его терминологии и двусмысленностей? — спросил Хэммонд. — Что он думает по этому поводу?

— Он озадачен, — ответил президент. — Поражен. Мне кажется, что, когда все это началось, он был уверен, что пришелец — машина, а теперь ему, по всей вероятности, придется признать, что он все-таки не машина, а живое существо. История с кутятами изнасиловала его бедную научную концепцию. По правде сказать, меня не слишком занимает его мнение, потому что еще на этой неделе он успеет пару раз его изменить. Меня гораздо больше интересует, что говорит по этому поводу население.

— Слишком рано, — сказал Портер. — Пока еще нет достоверных сведений, и мы не можем оценить реакцию. Волнений не замечено. Если что-нибудь и происходит, то пока подспудно, в душах. Люди еще переваривают все это, еще не разобрались — и не проявят своих чувств, пока не разберутся. Но у меня такое ощущение...

Он умолк и посмотрел на Хэммонда и госсекретаря.

— Ну! Давай дальше, — сказал президент. — Какое ощущение?

— Это, может быть, глупо... Или прозвучит глупо...

— Давай, не стесняйся. Пусть будет глупо. Я выслушиваю чертовскую уйму глупостей, и некоторые из них идут мне на

пользу. Во всяком случае, это останется между нами. Джон и Маркус возражать не станут, они свои глупости уже высказали.

— Ощущение вот какое, — начал Портер. — Я, конечно, не уверен, но у меня такое чувство, что эти кутята, как вы их называете, могут сделать пришельца более близким людям. Наша страна весьма неравнодушна к материнству.

— Об этом судить не берусь, — вмешался Маркус Уайт, госсекретарь, — но мне по-настоящему страшно. Мало того что у нас сотни, быть может, тысячи тварей висят над головой, так еще и эта начала плодиться. Что, если все они прилетят и начнут плодиться?

— Об этом никто сейчас думать не станет, — заметил Портер. — Не сейчас. Не сразу. Благодаря детенышам мы выиграем время.

— Маркус, — сказал президент, — я знаю, вы разговаривали с русским. Что он сказал?

— Немного. Впечатление такое, что он ждет инструкций из Москвы. А Москва еще, может быть, и сама не знает, какой линии придерживаться. Говорил он много, но все вокруг да около, ничего конкретного. Намекнул, что его правительство может потребовать, чтобы их допустили к исследованиям нашего пришельца. Я не стал ему говорить, какой может быть наша политика. Но для начала, на всякий случай, сказал, что пока мы считаем это нашим внутренним делом. Лично я по-прежнему думаю, что нам стоит пригласить зарубежных специалистов. Это нам ничем не угрожает, зато могло бы способствовать созданию лучшего международного климата.

— То же самое вы говорили и вчера, — сказал президент. — С тех пор я тщательно обдумал ваше предложение. Мне не хочется его принимать.

— Иван боится, что с помощью пришельца мы обнаружим нечто такое, что даст нам оборонное преимущество, — объяснил Хэммонд. — Потому посол и добивается, чтобы с ними тоже считались. По-моему, мы должны

воздерживаться от каких-либо обещаний, пока не будем иметь хоть какое-то представление о том, что можем получить.

— Я говорил с Майком в ООН, — сообщил президент, — как раз перед вашим приходом. Он предупредил, что нам придется выдержать тяжелый бой, чтобы удержать ООН от объявления всей этой истории международным делом. Наши младшие братья в Африке и Азии и некоторые добрые друзья в Южной Америке полагают, что данное событие выходит за рамки национальных интересов. Утверждают, что появление космического пришельца касается всего человечества.

— Ну, какое-то время мы сможем от них отбиваться, — сказал Хэммонд. — Они мало что могут сделать — разве что общественным мнением пригрозят. Ну, будут принимать резолюции, пока не посинеют, но провести их в жизнь у них никаких возможностей нет.

— Какое-то время мы эту линию выдержим, — сказал президент. — Но если на нас начнут валиться новые пришельцы, ситуация может измениться.

— Господин президент, вы даже не станете рассматривать мое предложение о международном сотрудничестве в изучении пришельца? — спросил госсекретарь.

— Пока нет, — ответил президент. — Пока, Маркус. Эта тема не закрыта, нам еще придется вернуться к ней. Но надо подождать: посмотрим, что будет дальше.

— Для нас жизненно важно, — сказал Хэммонд, — узнать намерения пришельцев. В чем их задача? Почему они здесь? На что рассчитывают? Что собой представляют? Это банда кочевников, ищущих, где и чем поживиться, или исследовательская экспедиция? Может быть, они посланцы какой-то далекой цивилизации, уполномоченные вступить в контакт с земным разумом, а может быть, пиратская эскадра. Мы должны это выяснить, чтобы выработать соответствующую линию поведения.

— Это будет не так-то просто, — заметил Портер.

— Придется постараться, — ответил Хэммонд. — Я не знаю как, но придется. В ближайшие дни ребята Аллена могут раздобыть какие-нибудь факты, что-нибудь существенное... Все, что нам нужно, — это немного времени.

На столе загудел телефон внутренней связи, президент снял трубку. Послушал секунду, сказал: «Соедините», — снова стал слушать... Лицо его постепенно мрачнело.

— Спасибо, — сказал он наконец. — Держите со мной постоянную связь.

Он положил трубку и оглядел присутствующих.

— Похоже, что мы уже опоздали, — сказал он. — Это Крауэлл из НАСА. У него донесение со Станции. Похоже, что «рой» на орбите начал распадаться.

Глава 19

Лоун-Пайн

— А они симпатичные, — сказала Кэти.

— Не вижу ничего симпатичного, — ответил Чет. — Маленькие черные ящички носятся вокруг.

Они на самом деле носились от тюка к тюку и аккуратно заглатывали их до последнего клочка целлюлозы. Они не ссорились, не дрались, потому что с рождения были хорошо воспитаны. Если один из них трудился возле тюка, то другой не пытался пристроиться рядом, а искал следующий тюк. Малыши уже съели несколько тюков, но их оставалось еще очень много. Тюки аккуратно лежали на просеке, сделанной взрослым пришельцем, длиной более мили, а он уходил в лес все дальше, время от времени выбрасывая очередные порции «корма».

— Мне кажется, что они растут, — заметила Кэти. — Такое может быть? Они кажутся больше, чем какой-то час назад.

— Вряд ли, — сказал Чет. — Они же пасутся всего несколько часов.

— Мне тоже кажется, что они подросли, — поддержал Кэти Квин из «Нью-Йорк таймс». — Я думаю, это возможно. У них, должно быть, чрезвычайно эффективная система метаболизма. Гораздо более эффективная, чем у любого из земных обитателей.

— Если они уже растут, — рассудила Кэти, — то не пройдет и нескольких дней, как они тоже смогут валить лес и заготавливать целлюлозу.

— Тогда скоро здесь будет пустыня, — добавил Нортон.

— Я полагаю, — сказал Квин, — нашим лесникам есть о чем подумать. Им придется как-то отреагировать. В настоящее время эта штуковина как бы наш гость. Но сколько можно терпеть гостя, который съедает все, что попадается на глаза?

— Или щенится на полу у вас в гостиной, — подхватил Нортон.

— Проблема в том, — сказал Чет, — что мы не знаем, как себя вести. Ведь эту штуковину не шуганешь из лесу, как свинью из огорода.

— Что бы вы ни говорили, — заявила Кэти, — а малыши мне нравятся. Они так торопятся, им так хочется есть.

Она попробовала узнать того малыша, которому помогла «встать на ножки». Но попытка не увенчалась успехом: они выглядели совершенно одинаковыми, и отличить одного от другого было невозможно.

Она все время вспоминала тот момент, когда, подняв малыша, протянула руку, чтобы погладить его мать. В памяти сохранилось ощущение мягкого прикосновения невероятно твердой шкуры, ласкового пожатия, почти поцелуя, когда руку обволокла неожиданно возникшая складка.

«Я не могу поверить, — говорила она себе, — что такое создание способно причинить кому-то вред. Чем бы оно ни было, но если оно так реагирует... Однако что это было? Жест одобрения? Благодарность за оказанную услугу? Проявление дружелюбия одной жизни по отношению к другой? Или оно просило прощения за причиненные неприятности?»

«Вот если бы можно было, — думала она, — включить это в репортаж, который через пару часов придется диктовать по телефону в „Трибьюн“. Но нельзя, ни в коем случае. Если Джонни не выбросит этот эпизод, то на выпуске все равно не пропустят, ни за что не пропустят. Это считается вмешательством репортера в материал. И нет никаких доказательств, никаких документов... Интересно, как можно задокументировать рукопожатие с внеземным существом?..»

— Кому-нибудь удалось хоть что-то узнать у правительственной комиссии наблюдателей? — спросил Нортон у Квина.

— Немного, — ответил тот. — Они измерили наружную температуру пришельца. По-моему, пытались нащупать пульс, но не признаются в этом. Они установили, что поверхность не из металла, но из чего — неизвестно. Как он движется, тоже непонятно, нет ни колес, ни гусениц. Просто плывет в нескольких дюймах над землей, словно гравитации для него не существует. Один из наблюдателей сказал

было, что пришелец, наверное, умеет контролировать и использовать гравитацию — так коллеги его чуть не растерзали за вольнодумство. И еще они обнаружили, что он посылает какие-то сигналы. Вот, пожалуй, и все.

— Я не уверен, — сказал Чет, — что им удастся узнать еще что-нибудь. Я не могу себе представить, за что там можно зацепиться.

— У них свои методы, — возразил Квин. — Что-нибудь еще они, конечно, узнают, но, вероятно, далеко не все, что нам нужно. Может быть, мы имеем дело с чем-то таким, что совершенно не укладывается в наши представления. Может быть, нам придется изменить образ мыслей, чтобы хоть что-нибудь понять.

Вдруг стало тихо. Грохот и хруст, с которыми пришелец пожирал деревья, прекратились. И снова возникли привычные звуки: птичье щебетание в лесу, шум ветра в вершинах деревьев, журчание и плеск речной воды.

Репортеры и фотографы на просеке разом повернулись. Ничего не происходило. «Может быть, — подумала Кэти, — она решила отдохнуть? Но почему? С тех пор как началась эта странная жатва, она ни разу не останавливалась, а продолжала неустанно косить деревья...»

Внезапно пришелец начал подниматься в воздух. Сначала медленно, потом все быстрее. Он поднялся над соснами и повис — и все это без единого звука. Ни рева моторов, ни шума пропеллеров. Ни пламени, ни дыма — никаких признаков действия какого-либо двигателя. Он просто всплыл над деревьями и повис, так же бесшумно, как и поднялся. В лучах заходящего солнца ярко выделялись цифры — «101», — написанные зеленой краской на черном-черном боку.

Медленно — казалось, что его просто сносит ветром — он начал двигаться к востоку, одновременно поднимаясь все выше и выше. Набрав скорость, он изменил направление и полетел на юг.

«Итак, она улетела, — подумала Кэти, — и оставила нас. Прилетела, побыла немножко, припасла еды для детишек — и снова в путь. Цель достигнута, задача исполнена...»

Она стояла и смотрела, пока крошечная точка не исчезла из виду. Потом взглянула на просеку, показавшуюся ей опустевшей, словно рядом не стало любимого друга.

Малыши, оставленные пришельцем, по-прежнему носились вокруг и жадно поедали целлюлозные тюки. Один из наблюдателей деловито писал на них номера. На этот раз краска была не зеленая — красная.

Глава 20

Миннеаполис

Было уже далеко за полночь, когда Джонни Гаррисон наконец ушел с работы. Он ехал по 12-й автостраде домой, на запад, и старался расслабиться. Оказалось, что расслабиться не так-то легко. Он убеждал себя, что беспокоиться больше не о чем. Последний выпуск готов, Гоулд будет в редакции, пока не начнут печатать, и сможет просмотреть первые оттиски. Хороший парень этот Гоулд, на него можно положиться: если случится что-нибудь неожиданное — он справится. Впрочем, ничего неожиданного случиться не должно. В самый последний момент они сократили материал на первой полосе, чтобы поместить бюллетень НАСА, в котором говорилось, что новый объект на орбите, по-видимому, начал распадаться. Кроме бюллетеня, ничего так и не появилось. Никаких официальных сообщений.

Когда Гаррисон позвонил в вашингтонское бюро газеты и застал там Мэттьюса (такое случалось, когда ждали срочных и важных новостей), тот был взволнован и зол.

— Эти ублюдки обо всем знали уже несколько часов назад, — раздраженно сказал он. — Я уверен, что знали, но придерживали сообщение. Ждали, пока этот вышивальный кружок в Белом доме сообразит, каким образом его преподнести. В конце концов они решили, что информация должна

исходить из НАСА, а не из Белого дома. В Белом доме просто не знают, что делать. Все до смерти перепуганы. Я пытался найти Дейвида Портера, но он неуловим. И его сотрудники тоже. Я думаю, что у Дейва хлопот полон рот. Два последних дня он потратил на то, чтобы убедить нас, будто у Белого дома никаких секретов нет и не будет.

— Что там происходит? — спросил Гаррисон.

— Они не справляются, Джонни. Они боятся ошибиться. У меня такое чувство, что в президентской команде идет беспрерывная грызня: они без конца спорят и не могут прийти к общему мнению. Ситуация совершенно новая и необычная, она не имеет прецедентов. Все весьма непросто. Это тебе не положение в энергетике.

— Положение в энергетике тоже непростое.

— Ну тебя к черту, Джонни! Ты же знаешь, что я имею в виду.

— Да, пожалуй, знаю, — согласился Гаррисон.

Движения на шоссе почти не было, изредка мимо проносились случайные машины. В некоторых придорожных кафе еще горел свет, да слабо мерцали огоньки бензоколонок. А к северу от шоссе, раскачиваясь на ветру, тускло светили уличные фонари, обозначая контуры пригородного района.

«Мы все сделали правильно», — думал Гаррисон, перебирая в памяти события последних двух дней. То, что послали Кэти с Четом в Лоун-Пайн сразу после приземления, было верным шагом — это уже окупилось. Кэти молодец. Он вспомнил, что у него было поползновение послать туда Джея — теперь он радовался, что не сделал этого. Быть может, Джей сделал бы работу чуть получше — но не настолько, чтобы это оправдало потерю доверия Кэти. «Редактор должен не только добывать материалы для газеты, — напомнил он себе, — он должен еще и коллектив создавать».

«Ну а кроме того, — думал он, — мы держались в рамках объективности. Мы писали о том, что видели, мы играли честно. Мы не допускали никакой сенсационности — только

строгий, ответственный отчет о происходящем. А ведь бывали моменты, когда было трудно не перейти границу между ответственностью и сенсационностью».

Небо было безоблачным. Яркая полная луна уже прошла половину пути. Здесь, за пределами освещенного городского центра, на небосклоне светились мириады звезд. Холодный, резкий ветер задувал в машину через опущенное стекло слева. Гаррисон размышлял, не выпить ли чего-нибудь крепенького перед сном. Джейн, конечно, не спит. Наверное, лежит в постели и ждет звука подъехавшей машины на дорожке у дома. А потом она обязательно встанет и встретит его на пороге. Он растрогался, подумав, что все эти годы Джейн ждала его в любой поздний час. Детишки уже давно спят, и дом кажется пустым без их беготни... Было бы неплохо посидеть немного с Джейн в гостиной и выпить.

Луна перед ним вдруг исчезла. «Облако?» — подумал он, удивленно всматриваясь в ветровое стекло. По спине побежали мурашки. Облако было какое-то не такое. Облако не может опускаться сверху, оно не может двигаться так быстро. У облаков неясные очертания, облака не бывают такими черными, такими отчетливыми, такой правильной формы... Он убрал ногу с акселератора и начал притормаживать. Мрак, поглотивший луну, заслонил звезды, сиявшие над горизонтом прямо перед ним. Гаррисон съехал на обочину и остановился. Впереди, примерно в полумиле, черный предмет — он не мог быть облаком! — опустился на дорогу.

Он открыл дверь машины и вышел. Подъехала еще одна машина и остановилась рядом. В правое окно высунулась женская голова.

— Что случилось? — взволнованно спросила женщина. — Что это там впереди?

— Я думаю, еще один пришелец, — ответил Гаррисон. — Такой, как на севере.

— О боже мой! — закричала женщина. — Едем отсюда, быстрее!

Copyright © 1979 by Clifford D. Simak
To be published in 1980 by DEL REY Books.

— Успокойся, Глэдис, — сказал мужчина за рулем. — Может быть, это не пришелец.

Он выбрался из машины и подошел к Гаррисону, который стоял впереди, освещенный фарами обеих машин. Они посмотрели на темную махину на дороге.

— Вы уверены? — спросил мужчина.

— Не совсем, — ответил Гаррисон. — Но похож. Мне вдруг пришло в голову, что это может быть один из них.

— Большущий какой! — удивился мужчина. — Я читал и фотографии видел, но и представить себе не мог, что он такой громадный.

Он действительно был громадный. Опустившись на дорогу, он перегородил обе полосы движения и зеленую зону между ними. Черный, прямоугольный, неподвижный, он смутно вырисовывался на фоне темного неба, закрывая звезды.

Женщина тоже вышла из машины и приблизилась к ним.

— Поворачивай — и поехали отсюда! — велела она. — Не нравится мне это.

— Черт возьми, Глэдис! — возмутился мужчина. — Прекрати свой кошачий концерт! Бояться совершенно нечего. Тот, на севере, ни разу никого не обидел.

— Он человека убил — этого тебе мало?

— Но человек в него выстрелил. Мы же не стреляем... Мы вообще не собираемся его тревожить.

«Это пришелец», — подумал Гаррисон. Прямоугольный, массивный, как на фотографиях, — он выглядел точь-в-точь как описывала Кэти. Только вот размеры... Гаррисон не ожидал, что он так велик.

Подъехали еще две машины и остановились, люди высыпали на дорогу и подошли к троице. Еще один автомобиль проехал мимо, но останавливаться не стал, а, развернувшись, с ревом умчался назад по встречной полосе.

Заявление НАСА утверждало, что объект на орбите, по-видимому, начал распадаться. «Он не просто распадается, — подумал Гаррисон. — Черт побери, пришельцы начинают спускаться с орбиты на Землю. Вон, расселся поперек дороги — наверняка это один из многих. Должно быть, они разлетелись по всему миру. Первое приземление в Лоун-Пайне было, наверное, лишь пробной попыткой, разведкой». Лоун-Пайнский пришелец все время посылал какие-то сигналы собратьям, остававшимся в космосе, а теперь началось массовое вторжение. Если это можно назвать вторжением.

Гаррисон подумал, что это, может быть, не вторжение в буквальном смысле слова. Разведка? Или просто визит, посещение? Разумные инопланетяне залетели поздороваться?

Он пошел по дороге в сторону пришельца. Оглянувшись, он увидел, что за ним следует еще один любопытный. В темноте Гаррисон не рассмотрел, кто именно. Он подумал, что надо подождать попутчика, но потом решил, что не стоит. Ему не хотелось вступать в бессмысленную болтовню, отвечать на дурацкие вопросы. Как вы думаете, почему он сел именно здесь? Чего ему надо? Что это вообще такое? Как вы думаете, откуда он прилетел?

Гаррисон пошел быстрее, почти побежал. Не доходя нескольких ярдов до громадной черной массы, он свернул направо, вышел на обочину и пошел вдоль стены. У него не было никаких сомнений в том, что это пришелец. Огромный, черный, совершенно гладкий продолговатый ящик. Пришелец не двигался. И не издавал ни единого звука. Подойдя поближе, Гаррисон коснулся его ладонью. Шкура оказалась твердой, но это не была твердость металла. Она была теплой, словно кожа живого существа. «Будто человека потрогал, — подумал Гаррисон. — Словно погладил кота или собаку. Шкура жесткая, но теплая — значит, это живое существо».

Он постоял, приложив ладонь к теплому боку пришельца, — и вдруг ощутил какой-то странный холод. По всему телу пробежал омерзительный озноб, он почувствовал, что лицо у него словно окаменело. Но одновременно с этим ощущением в голове лихорадочно заметались мысли: что это за холод, откуда он и почему? Это не страх, понял он, не ужас, не паника, не стремление бежать отсюда, не желание закричать, не слабость в коленях — а просто ужасный холод, не только телесный, но и душевный, холод в мозгу, который мозг не в силах осознать.

Он медленно убрал руку — ее ничто не держало.

Он опустил руку, но с места не двинулся. И почувствовал, что холод уходит. Он медленно вытекал из тела, пока не исчез совсем; осталось только воспоминание о нем.

«Прикосновение к неизвестности, — подумал он, — нет, тут нечто большее». Скорее, столкновение с чем-то таким, чего он не в силах понять, чего, наверное, не смог бы понять никто. Прикосновение, в котором слились холод и бесконечность глубокого космоса, сияние дальних солнц и тьма планет, не похожих на Землю, и непостижимость жизни, рожденной во тьме тех планет. Казалось, он очутился в таком месте, которого не знал и, наверное, никогда бы не узнал, сколько бы времени ни провел там. «Непостижимость, вот что это такое», — подумал он.

Однако проклятая штуковина выглядела так обычно, в ней не было ничего захватывающего — кроме размеров.

Он отошел назад, чтобы получше рассмотреть громадную черную стену, возвышавшуюся над головой. Но черт возьми! — он вдруг обнаружил, что ему хочется снова приблизиться к ней и коснуться ладонью, чтобы снова ощутить то тепло и тот холод.

Но он не подошел к пришельцу и не положил на него ладонь. Он сделал еще несколько шагов назад, потом повернулся и пошел обратно. Не бегом, нет — он был твердо уверен, что бежать нет смысла, — а широким быстрым шагом, стараясь уйти как можно скорее.

На шоссе неподалеку от пришельца остановилось еще несколько машин, и кучка людей, стоявших на дороге, заметно выросла. Человека, шедшего за ним, он не увидел. Впрочем, если бы и увидел, все равно бы не узнал, потому что посмотрел на него тогда лишь краем глаза.

Один из мужчин шагнул ему навстречу.

— Что вы видели? — спросил он. — Там что-нибудь происходит?

— Почему бы вам не взглянуть самому? — резко ответил Гаррисон и быстро пошел к своей машине.

«Странно, совсем не заметно паники», — подумал он. Если кто-то и боялся, то не показывал виду. Почему эти пришельцы совершенно не возбуждают страха? Может быть, потому, что большой черный ящик совсем не похож на космического пришельца. Он совершенно не совпадал с общим представлением о том, что должно прилететь из космоса. Для людей, выросших на идиотских выдумках телевидения и кино, происходящее должно выглядеть слишком обыденным.

Его автомобиль стоял с выключенными фарами и работающим мотором. Он сел в машину, проехал чуть-чуть вперед, потом свернул налево, перебрался через зеленую полосу на другую сторону шоссе и поехал назад, на восток. Примерно через милю свернул на вспомогательную полосу и подъехал к придорожной телефонной будке.

Гоулд ответил почти сразу, голос у него был взволнованный.

— Хорошо, что ты позвонил, — сказал он. — Я сам хотел тебе звонить, но боялся, что ты уже спишь.

— А зачем ты хотел звонить?

— Ты знаешь, еще один пришелец приземлился. На этот раз к нам. Сидит на одной из взлетных полос в аэропорту.

— Тут еще один, — сказал Гаррисон. — Опустился на двенадцатую автостраду, примерно в миле к востоку от Ридждейлского торгового центра. Перекрыл дорогу.

— Так ты сейчас там?

— Да. Он приземлился примерно в полумиле впереди меня. Я лучше приеду в редакцию. Может быть, это не единственные приземления в нашем районе. Ты можешь кого-нибудь послать сюда для наблюдения?

— Не знаю. Сейчас поищу. Здесь был Джей, но я послал его в аэропорт. И фотографа с ним.

— Что происходит в аэропорту?

— Пока ничего. Пришелец дремлет, никого не беспокоит, но диспетчеры чувствуют себя неуютно. Сейчас полетов почти нет, но через несколько часов будет много. А пришелец

на полосе означает, что на эту полосу самолеты садиться не смогут.

— А что сообщают? Больше никто не прилетал?

— Отдельные сообщения есть. Ничего конкретного, никаких подтверждений. В Техасе кто-то позвонил в полицию и сказал, что пришелец приземлился... Еще одно сообщение из Нью-Джерси... Только свидетельства очевидцев, ничего официального пока не поступало.

— Я боюсь, что это «рой» начал опускаться к нам с орбиты.

— Послушай, Джонни, почему бы тебе не поехать домой и не отдохнуть хоть немного? Можно же как-то объехать этого пришельца. Мы пойдем в печать не раньше чем через двадцать часов.

— Нет. Если понадобится, я пойду вниз к медикам и прилягу у них на кушетке на пару часиков. Но это потом. От Кэти есть что-нибудь?

— Ничего. А почему ты решил, что она станет звонить? Она, наверное, давно спит.

— Я думаю, когда позвонит, надо сказать ей, чтобы возвращалась. В Лоун-Пайне уже все кончилось. Теперь главное начнется здесь. Если в Лоун-Пайне снова появится что-нибудь интересное, Нортон даст знать. А Кэти нам нужна здесь. Она единственная что-то знает об этих штуках.

— О'кей. Я передам ей, если позвонит.

— До встречи.

Гаррисон повесил трубку, порылся в кармане, нашел еще одну монету, бросил в автомат и набрал номер.

— Джонни, я жду тебя, — сказала Джейн. — Когда ты приедешь?

— Я ехал, но случилось непредвиденное.

— Так ты приедешь?

— Пока нет. Прямо передо мной на дорогу приземлился пришелец. Мне надо вернуться в редакцию. Джим говорит, что еще один сел в аэропорту.

— Ты сказал, что он сел прямо на автостраду?

— Именно так. Чуть к востоку от Ридждейла.
— Джонни, так это же всего четыре-пять миль от нас!
— Да, я знаю. Но тут совершенно нечего...
— Джонни, — сказала она, — это так близко. Я боюсь.

Глава 21

Соединенные Штаты

Пришельцы приземлялись всю ночь, словно птицы в гнезда, но они не были птицами и садились на совершенно незнакомую, чужую для них местность. Они искали в темноте — хотя для них темноты не существовало — и находили удобные посадочные площадки. Им никто не мешал, потому что среди ночи им никто не мог помешать. Они поддерживали связь друг с другом, и о впечатлениях одного сразу становилось известно остальным.

Они приземлялись в болотистой дельте, где Миссисипи впадает в залив, и на просторных равнинах Техаса, в пустынях американского Юго-Запада и на песчаных пляжах Флориды, на пшеничных полях Запада и на кукурузных — Центральных штатов, на общинных лугах Новой Англии, на хлопковых плантациях Юга. Они садились на бетон крупных аэропортов и на асфальт автомобильных дорог, пересекающих континент. На Западном побережье и в лесах Орегона, в Вашингтоне и Мэне, Огайо и Индиане.

Они опускались совершенно бесшумно, только ветер посвистывал. Они мягко садились, потом приподнимались на пару дюймов и повисали над поверхностью. Они не потревожили почти никого из тех миллионов людей, над которыми пролетели. Их видели только те, кто случайно оказался рядом, когда пришельцы попадали в аэропорты или на автострады.

На экранах локаторов командования стратегической авиации они выглядели, как снег: пушистые, мерцающие хлопья. Но наблюдатели у экранов были готовы увидеть

такое, и единственная их забота состояла в том, чтобы не прозевать за этими хлопьями какие-нибудь другие объекты.

Когда они приземлялись в лесу, то тотчас же принимались вырабатывать целлюлозу. В Вирджинии, неподалеку от Вашингтона, один из них вместо деревьев начал поедать дома. Другой, в Орегоне, упал прямо на лесопромышленный склад и набросился на штабеля бревен. Но большинство приземлилось не в столь благодатных местах; те просто стояли и ждали.

Глава 22

Миннеаполис

Когда Гаррисон вошел в редакцию, Гоулд говорил по телефону. Кроме него в комнате были три корректора и два сонных, замученных младших редактора.

Гоулд повесил трубку и сказал:

— Звонил какой-то сумасшедший. Сказал, что группа «Любящих» — так они себя называют — собирается в аэропорт. Они усядутся перед пришельцем и будут его любить до посинения. Это не те психи, о которых писала Кэти?

— Они самые. Отчет Кэти уже перепечатан?

— Я его не видел. Знаю только, что она над ним работала.

— Наверное, он у нее в машинке. Она как раз печатала его, когда я послал ее в Лоун-Пайн. Но раз уж я здесь — почему ты не уходишь?

— Ни за что, — ответил Гоулд. — Такого я не пропущу даже за миллион долларов.

— Ладно. Раз уж ты так настроен, давай подумаем, что нам надо сделать. Быть может, в ближайшие часы придется вызвать кого-нибудь из наших. Кого, как ты думаешь?

— Джей сейчас в аэропорту, — начал перечислять Гоулд. — Я поймал Слоуна — он собирался уходить — и послал его на двенадцатую автостраду. Джонс только что вернулся из Южной Дакоты, ему надо написать отчет о Блэк-Хилсе, эту историю с индейцами, для воскресного номера.

— Давай отложим все индейские дела, — сказал Гаррисон. — Это может подождать — и без них хлопот предостаточно. Джонс отлично пишет, так что может понадобиться. Он уже отоспался, вызови его через пару часов.

— Еще Фримена можно задействовать, — сказал Гоулд. — Тем более что у него связи в администрации штата. Скорее всего, губернатор поднимет гвардию. Надо, чтобы кто-нибудь сидел здесь за столом и следил за действиями администрации штата. Я позвонил в дорожную полицию, они уже действуют. Наверное, выставят посты в три ряда вокруг пришельца на двенадцатой. И в аэропорту тоже, но там собственная служба безопасности, так что много помощи им не потребуется.

— У них возникнут серьезные проблемы в час пик, верно?

— У них уже сейчас проблемы. Не так-то просто управляться с воздушными перевозками, когда одна полоса вышла из строя.

— Как ты думаешь, почему эта штуковина села в аэропорту?

Гоулд покачал головой.

— А почему другая села на автостраду? И вообще, почему они садятся, где им вздумается? — Он протянул руку и взял лист бумаги, вырванный из телетайпа. — Вот смотри. Сводка по всей стране. В основном заявления очевидцев, но некоторые уже проверены и подтверждены. Отовсюду. Шоферы грузовых автомобилей, люди, ехавшие ночью домой, сторожа — короче, разные ночные совы.

— Вроде нас с тобой, — усмехнулся Гаррисон.

— Верно. Вроде нас.

— Надо, чтобы кто-то занимался официальными инстанциями, — сказал Гаррисон. — И местными, и федеральными. Хорошо бы охватить все, но уж во всяком случае те, которые могут быть вовлечены в это дело. Уильямс может связаться с местным ФБР. От них трудно чего-то добиться, но если кто и добьется — то только Уильямс. Он умеет с ними разговаривать, как никто другой.

— А Кэмпбелл мог бы поговорить с кем-нибудь в университете, — добавил Гоулд. — Физики, психологи, инженеры, народ, связанный с космонавтикой... Может быть, кто-нибудь из них объяснит, что происходит. Может быть, кто-то из социологов или психологов расскажет, как случившееся подействовало на людей — или подействует... И нельзя забывать о Церкви. Это событие как-нибудь влияет на религиозное мышление? По-моему, должно.

— Наверное. Но надо быть поосторожнее с источниками. Некоторые из церковников готовы трепаться на любую тему, не задумываясь, нести что попало.

— Этим мог бы заняться Робертс, — предложил Гоулд.

Зазвонил телефон, Гаррисон поднял трубку.

— Это ты, Джонни? — раздался голос Кэти. — Что ты там делаешь в такое время?

— У нас тут несколько твоих пришельцев появилось. А как ты? Мы собирались тебе звонить, но решили, что ты спишь.

— Я и спала. Но Стиффи стал колотить в дверь и разбудил.

— Какой Стиффи?

— Ну, тот старик, что дежурил у телефона в первый день. Помнишь?

— Теперь вспомнил. А зачем он колотил в дверь?

— Он, бедняга, проснулся и увидел их.

— Кого?

— Новых пришельцев. Штук двенадцать или больше, целая эскадрилья. Они сели за рекой, в заповеднике. Выстроились в шеренгу, валят деревья и делают целлюлозу.

— А почему Стиффи?

— Я дала ему пять долларов за услуги, а Чет подарил бутылку. Он теперь наш на всю жизнь.

— Вы с Четом нужны здесь, Кэти. Мне кажется, рано утром из Бемиджи полетит самолет. Вы сможете на него успеть?

— Он улетает в шесть или около того. Времени еще вагон. Мы успеем взглянуть на новых пришельцев. Стиффи сейчас поднимает Чета.

— О'кей. Если успеете. Но не опоздайте на самолет. Похоже, у нас тут такая каша заваривается.

— Я дам Стиффи еще пять.

— Дай ему десять, — сказал Гаррисон. — Нортон будет присматривать за пришельцами, чтобы в случае чего сообщить нам, и Стиффи может ему понадобиться.

Глава 23

Соединенные Штаты

Просыпаясь, люди включали приемники, чтобы узнать, какая сегодня будет погода. Но прогнозов погоды не было. По всем программам передавали репортажи: наполовину новости, наполовину изумленные комментарии.

Люди слушали и ощущали первые слабые уколы страха. Миннесотский пришелец — это была новость, принесшая с собой легко подавлявшееся волнение. Но он был один, побыл немножко и улетел, и, если не считать новорожденных, на том все дело и кончилось. А теперь вдруг на Землю спустилась целая орда. Вели они себя прилично, не причиняли никому особых хлопот — но теперь всех занимал вопрос: кто они такие и что им нужно на Земле?

Люди пошли на работу, но целый день проговорили с коллегами о загадке пришельцев. Слухи накапливались, и беспокойство все нарастало по мере того, как различные предположения добавляли все новые основания для этого беспокойства, а иной раз и для настоящего страха. Работалось плохо.

Один фермер в Айове, не потрудившийся включить с утра радио, вышел на заре из дома, чтобы заняться своими обычными делами, и едва не окаменел, увидев громадный черный ящик, лежавший у него на поле. Придя в себя, он бросился в дом, взял двенадцатизарядное ружье и насыпал

полные карманы патронов. Потом завел небольшой трактор, подъехал к полю, оставил трактор за оградой, а сам перелез через нее и пошел к пришельцу. Тот никак не отреагировал на его появление. Фермер осторожно обошел вокруг пришельца. Тот ничего не делал, просто лежал и все. Фермер дважды прицеливался, но так и не решился стрелять. Неизвестно, что можно ожидать от этой штуки. В конце концов, обойдя вокруг пришельца еще раз, он забрался на трактор и укатил.

...Оглянувшись, пилот авиалайнера увидел в нескольких милях от себя пришельца. Он толкнул в плечо напарника.

— Глянь-ка!

— Параллельным курсом идет, — сказал тот.

— Я думал, они все внизу. На земле.

Черный ящик двигался с той же скоростью и в том же направлении: не приближался и не удалялся, не обгонял и не отставал. Будто приклеился.

...В одном из негритянских кварталов на перекрестке стоял человек и, подняв руки над головой, кричал:

— Наши братья из космоса пришли спасти нас! Они нисходят, чтобы восстать против тех, кто держит нас в оковах! Воспрянем, братья! Ибо помощь пришла наконец!..

Вокруг него собралась толпа; все слушали проповедь сумасшедшего. Одни ухмылялись, другие хмурились — но никто не верил, ибо люди с улицы вообще никому не верили. Однако они ощущали в нем первобытную ярость и заражались этим чувством, приходили в отчаяние от безысходности своей жизни — через час там начались грабежи и поджоги.

...В одной из деревень Новой Англии кто-то (потом его так и не нашли) забрался в церковь и зазвонил в колокол. Любопытные пришли узнать, в чем дело. И многим из них показалось, что это хорошо и правильно, что надо быть именно в церкви, когда на Землю спускаются пришельцы. И они вошли в церковь, и пастор, тоже поспешивший к храму, застал их уже там. Ему тоже показалось, что сейчас следует

быть в церкви, и он собрал прихожан к молитве. И в других деревнях, в других церквах тоже звонили колокола, и собирался народ, чтобы быть вместе и молиться. По всей стране к церквам сходились люди, вдруг вспомнившие о Боге.

...В одном районе национальные гвардейцы окружили пришельцев. Собрались тысячи зевак, чтобы посмотреть на них, и дорожной полиции пришлось нелегко. А в некоторых местах, словно патрулируя, пришельцы летали над дорогами всего в нескольких сотнях футов. Чтобы взглянуть на них, водители останавливались где попало, в результате возникали пробки... Было много аварий.

Глава 24

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

— Уайтсайд полагает, мы должны провести эксперимент, — сказал президенту Уинстон Мэллори, министр обороны. — Как эти твари реагируют на огонь. При сложившихся обстоятельствах я бы рекомендовал дать ему добро. Пока пришелец был один, особого смысла в такого рода эксперименте не было — но теперь, когда они вторглись...

— Я не согласен с термином «вторжение», — перебил госсекретарь. — Их приземлилось довольно много, но нет ни одного случая какого бы то ни было насилия. Они не убивают наших граждан и не жгут города.

— Они сожрали новостройку за Потомаком, — вмешался Уильям Салливен, министр внутренних дел. — Один из них проглотил лесоторговый склад на Западном побережье. Они поедают наши леса: в Мичигане, в Мэне, в Миннесоте, в Вашингтоне, в Орегоне...

— Но они же никого не убили, — возразил госсекретарь. — Единственное, что они сделали, украли немножко целлюлозы. Они же не...

— Минуточку, Маркус, — сказал президент. — Я хочу побольше узнать об эксперименте с оружием. Что предлагает Уайтсайд? Двинуть против них танки?

— Ничего подобного, — ответил Мэллори. — Просто эксперимент, только и всего. Нам надо знать, как они среагируют. Вы помните, в Миннесоте человек стрелял в тамошнего пришельца и был убит ответным выстрелом. У него было охотничье ружье тридцатого калибра. Дело в том, что мы не имеем ни малейшего представления, как это произошло. На пришельце нет никакого вооружения, вообще ничего снаружи нет. Но когда человек в него выстрелил...

— Так вы хотите еще раз выстрелить из тридцатого калибра с дистанционным управлением и попытаться определить, каким образом пришелец реагирует на выстрел?

— Так точно. Мы будем использовать высокоскоростные камеры. Некоторые из них делают до тысячи кадров в секунду. Таким образом мы сможем проследить пулю в полете, зарегистрировать момент попадания и увидеть, что при этом происходит. Исследование пленки...

— Ясно, понял, — сказал президент. — Если вы уверены, что генерал ограничится тридцатым калибром...

— Он ограничится тридцатым калибром. Единственное, чего хотим и мы, и он, — это получить хоть какое-то представление о том, как пришелец стреляет в ответ. Когда мы узнаем это, нам будет за что уцепиться.

— Это необходимо?

— Так точно. Это необходимо.

— Но ради бога, скажите Генри, чтобы не зарывался. Пусть предпримет все меры предосторожности, какие только возможны. И только один выстрел — чтобы получить необходимые данные.

— Зарываться он не станет. Я с ним уже говорил.

— Маркус сказал очень важную вещь, — продолжал президент. — Ведь на самом деле, кроме случая с целлюлозой, ничего не произошло. Конечно, происшествие с новостройкой в Вирджинии неприятно...

— Могли быть жертвы, — добавил Салливен. — Просто по счастливому совпадению получилось так, что в домах в тот момент никого не было, — люди вовремя выбрались. А они

же спали, и многие могли погибнуть. А аэропорты! Уселись, понимаешь, на полосах, заблокировали их... Если произойдет какая-нибудь авария — сколько будет пострадавших? И еще, насколько я знаю, они летают около самолетов, словно изучают. До сих пор ничего не случилось, но в любую минуту может случиться.

— Так что ж мы должны делать, по-вашему? — спросил госсекретарь. — Артиллерию выкатывать?

— Нет, конечно. Но что-то делать надо. Не можем же мы сидеть сложа руки.

— Мы подняли Национальную гвардию, — сказал президент. — Каждый пришелец окружен пикетами, публику к ним не подпускают. Таким образом, вероятно, удастся предотвратить инциденты.

— А что, если наши пришельцы примутся за другие новостройки? — спросил Салливен. — Что, если они въедут в дачные поселки, в пригороды и начнут сносить дома, чтобы переработать их в целлюлозу? Что мы тогда будем делать? Что станем делать с бездомными?

— Но ничего такого пока не произошло, — возразил Маркус Уайт. — Вирджиния — единичный случай. И пришелец, проглотив несколько домов, прекратил свое занятие, словно понял, что совершил ошибку.

— Мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям, — сказал президент. — Сейчас самое главное — сделать все возможное, чтобы побольше узнать о них.

— Меня удивляет, — сказал Уайт, — что они приземляются только в Соединенных Штатах. Лишь в Канаду залетели несколько. В Европе — ни одного. В Африке — ни одного. Только у нас. Почему? Почему именно у нас?

— Позволю себе высказать предположение, — вступил в разговор Стивен Аллен, советник по науке. — Давайте поставим себя на место пришельцев. Ну, скажем, мы послали экспедицию на какую-то планету. Полдюжины кораблей или сотню — неважно. Мы ищем что-то конкретное, как эти создания, по-видимому, ищут целлюлозу. Мы не слишком

много знаем о планете, к которой летим. Что-то нам известно по инструментальным наблюдениям с некоторого расстояния, но это все. Тогда мы посылаем один корабль вниз, на планету, чтобы исследовать на месте, как там и что. На планете несколько материков — мы выбираем для начала один из них, наудачу. Корабль опускается и находит как раз то, что нам нужно. И при этом обнаруживает, что местное население настроено дружественно. На первый взгляд на исследуемом материке ничего опасного нет, а это нам и нужно. Мы выяснили, что данный материк безопасен, о других же мы просто ничего не знаем...

— Что ж, вполне правдоподобно, — сказал президент. — Вы не согласны, Маркус?

— Согласен. Такая мысль не приходила мне в голову. Я полагал, что пришельцы должны были бы захотеть обследовать всю планету.

— У вас есть еще что-нибудь? — спросил президент советника по науке.

— Потрясающая загадка, — ответил Аллен. — Как бы противно мне ни было даже думать об этом, но, по-видимому, не исключено, что пришельцы каким-то образом управляют гравитационным полем. Они парят в нескольких дюймах над земной поверхностью. Тот, что улетел вчера из Миннесоты, похоже, поднялся в воздух без помощи каких бы то ни было двигателей. Они подлетают к земле медленно, словно планируют перед приземлением — но, чтобы планировать, нужны крылья, а крыльев у них нет.

— У вас такой тон, будто вы сердитесь на них за это, — заметил министр обороны.

— Я на самом деле рассержен, — ответил Аллен. — Любой ученый был бы взбешен на моем месте. Мы говорим о гравитационных волнах, подразумевая, что они сродни электромагнитным. Мы ищем эти волны, но до сих пор никто не мог сказать, как же их искать. Мы и сейчас не уверены, что используем нужные методы для их обнаружения. И до сих пор так ничего и не обнаружили. Многие ученые

утверждали — а некоторые и сейчас утверждают, — что гравитационных волн вообще не существует. При нынешнем положении вещей, даже если бы мы сумели их обнаружить, — это представляло бы исключительно теоретический интерес. Ни у кого нет ни малейшего представления, как их можно было бы использовать практически.

— Ваши люди сейчас работают с пришельцами, не так ли? — спросил министр обороны. — Еще есть надежда что-нибудь выяснить. Ведь они появились всего пару дней назад.

— Там не только мои люди, — сказал Аллен. — Я задействовал в исследованиях всех квалифицированных специалистов, каких только смог найти. Я в контакте с целым рядом университетов и институтов. Через несколько дней в нашем распоряжении будет колоссальный научный потенциал. Беда в том, что нам практически не с чем работать. Все, что мы можем, — только наблюдать. Стоим рядом и смотрим. Если бы можно было поработать хотя бы с одним как следует, быть может, нам и удалось бы обнаружить что-нибудь существенное. Но в настоящее время это совершенно немыслимо. К тому же может оказаться в высшей степени опасным предприятием. Было предложение попытаться работать с одним из новорожденных в Миннесоте. Но я решительно отказался. Слишком опасно. Если младенец запищит, что ему больно, взрослые могут прийти ему на помощь. Уверенности, правда, нет, но лучше не рисковать.

— Вы сказали, университеты и институты... — произнес Уайт. — Я полагаю, что вы имели в виду только нашу страну. А нельзя ли все-таки пригласить ученых из других стран?..

— Маркус, — резко перебил президент, — давайте не будем возвращаться к этой теме. В настоящее время это наше внутреннее дело. И пришельцы помогли нам оставить его таковым, поскольку прилетели только к нам.

— В Канаде тоже несколько приземлилось, — вставил Уайт.

— С Канадой мы договоримся. До сих пор у нас это получалось. Мне известно, что русские хотят присоединиться к исследованиям, но я против.

— Небольшое русское представительство, для видимости, могло бы быть полезно, — сказал министр обороны. — Если мы будем держать их на расстоянии, если мы оградим их от...

— Надеюсь, Уинстон, у вас на уме не то, чего я боюсь? — спросил президент.

— Мне пришло в голову, — начал Мэллори, — если нам покажется, что мы обнаруживаем нечто такое, что может нарушить баланс...

— А если мы на самом деле обнаружим нечто такое, что нарушит баланс, как вы говорите, и поделимся с ними, это будет означать лишь новый виток гонки вооружений. Кто-нибудь думает иначе?

— Я не сказал «поделимся», — возразил Мэллори. — Я сказал «для видимости». Чтобы спасти их национальную гордость.

— Я согласен с Уинстоном, — сказал Уайт. — Мы можем помочь сохранить лицо нашим друзьям.

— То, о чем вы сейчас рассуждаете, — это покровительство, — заговорил Хэммонд, до сих пор сидевший молча. — Они это сразу же почувствуют и откажутся. Это хуже, чем совсем ничего. Они ничего не смогут понять, потому что, если бы ситуация была обратной, они вели бы себя с нами точно так же. Так что ваш план никуда не годится. Мы должны либо играть в открытую, либо не играть вовсе. Или приглашаем их как равных, или все оставляем себе. Но надо иметь в виду: может оказаться, что делиться будет нечем. Вообще нечем. При всем моем уважении к доктору Аллену я смею предположить, что мы не найдем в чертовой штуковине ничего полезного.

— В таком случае, — рассудил Уайт, — не будет никакого вреда, если мы допустим к исследованиям русских. Наши

взаимоотношения значительно улучшатся, а если ничего не обнаружим — это нам ничего не будет стоить.

— Маркус, — сказал президент, — вы предлагаете сыграть на преимуществах — а вам не кажется это опасным?

— Давайте не будем об этом, — предложил Мэллори. — Я сожалею, что вообще заговорил на эту тему. Просто мысль мелькнула в голове.

— Меня смущает, — сказал Уайт, — что наши друзья и союзники предлагают помощь, обещают сделать все, что только смогут. По-видимому, они вполне искренни...

— Я в этом не сомневаюсь, — перебил Хэммонд.

— Единственное, что я могу им сказать, — продолжал Уайт, не отреагировав на замечание Хэммонда, — что, может быть, мы обратимся к ним позже, поскольку в данный момент просто не представляем себе, с чем имеем дело.

— Я полагаю, — сказал президент, — надо все так и оставить. Давайте не будем пока о других странах и поговорим о нашей. Были небольшие волнения. Грабежи и поджоги в Чикаго, Нью-Йорке, Сент-Луисе. Есть еще какие-нибудь новости, Дейв?

— Ничего серьезного, — ответил Портер. — Нам повезло. Надо было подготовить страну. Надо было созвать прессу, когда «рой» на орбите начал распадаться. Надо было предупредить население.

— Ты все еще переживаешь из-за этого?

— Да, господин президент, переживаю, очень. Мы оплошали. Позволить НАСА обнародовать то скудное сообщение было попросту трусливо.

— Дейв, мы это обсудили...

— Да, знаю. И вы были не правы.

— Но ты же согласился с нами.

— Нет. Я был против. И даже несколько человек присоединились ко мне.

— Их было немного.

— Сэр, нельзя руководить работой прессы, опираясь на большинство при голосовании. Все вы знаете свою работу,

но и я знаю свою. Ничего страшного еще не произошло, нам повезло. Очень надеюсь, что и завтра в этот же час я смогу сказать то же самое. Я боюсь религиозных волнений. Каждый сумасшедший сейчас проповедует. Евангелисты созывают молитвенные собрания. Каждая деревенская церквушка полна поющих и пляшущих людей. В Миннеаполисе группа хиппи второго поколения пыталась прорваться через полицейские кордоны. Они собирались сесть на взлетной полосе и устроить для пришельца, который там приземлился, демонстрацию своей любви.

— Не думаю, что стоит слишком тревожиться из-за таких мелочей, — сказал Хэммонд.

— Вокруг кипят страсти, — возразил Портер. — Кипят вовсю, но пока не выплеснулись. Я надеюсь, что их удастся как-то сдержать. Страсти самые разные. Это и подспудные страхи, которые могут выйти наружу, и религиозный экстаз, который может стать совершенно неуправляемым. Мы на грани чего-то такого, что может привести к уличным беспорядкам. Достаточно того, чтобы какой-нибудь компании рабочих в пивной надоели пляски восторженных фанатиков, приветствующих пришествие золотого века...

— Вы преувеличиваете, — сказал Хэммонд.

— Хорошо бы, — вздохнул Портер.

— Мне не нравится это настороженное ожидание, — заговорил Салливен. — По-моему, мы должны действовать. Что-то предпринимать. Показать людям, что мы, по крайней мере, хоть что-то делаем.

— Мы подняли Национальную гвардию, — сказал президент. — Мы послали исследователей.

— Это пассивные действия, — возразил Салливен.

— Беда в том, — произнес президент, — что любое наше действие может оказаться неверным.

Глава 25

Миннесотский университет

— Мисс Фостер позвонила и сказала, что вы хотели встретиться со мной, но никаких подробностей не сообщила. Она только намекнула, что речь будет идти о пришельцах. — Доктор Альберт Барр отвернулся от Джерри Конклина и обратился к Кэти: — Вы меня уверяли, что это не интервью для вашей газеты.

— Да, — подтвердила Кэти. — Это не интервью. А в подробности я не вдавалась, потому что Джерри сам все должен рассказать.

— Это меня беспокоит с тех самых пор, как случилось... — сказал Джерри.

— Расскажите, пожалуйста, что же случилось, — попросил Барр. — Начните с самого начала.

Он откинулся на спинку кресла и стал рассматривать своих посетителей с каким-то лукавым выражением. Он был совсем седой, но выглядел гораздо моложе, чем думала Кэти, и сложен был как футболист. В открытое окно кабинета доносился шум студенческого городка: звонкий девичий смех, громкая перепалка студентов, звук заведенного мотора и визг шин по асфальту. Заходящее солнце пробивалось сквозь ветки березы, украшенные ярким осенним убранством, и на окнах плясали светлые зайчики.

— Может быть, вы читали о машине, которую раздавило, когда у Лоун-Пайна приземлился первый пришелец, — сказал Джерри.

— Уж не ваша ли это была машина? — спросил Барр.

— Моя. Я остановился у моста и пошел ловить рыбу. Мне говорили, что в омуте под мостом водятся радужные форели...

Пока Джерри рассказывал, Барр ни разу его не перебил. Временами казалось, что он вот-вот о чем-то спросит, но он молчал.

Когда Джерри закончил, экзобиолог сказал:

— Вы знаете, я хотел бы уточнить несколько моментов. Но прежде всего скажите, пожалуйста, почему вы решили прийти ко мне? Чего вы от меня ждете?

— Меня мучают две вещи, — ответил Джерри. — Ощущение дома. Пришелец думал о доме или меня заставил думать о доме — почему? Зачем?.. Я и так и сяк кручу — нет в этом никакого смысла, не вижу я его. Я убежден, что он внушил мне мысль о доме. Такая мысль не могла возникнуть у меня сама по себе. А мысль была настоящая — не мимолетное впечатление — и долго не проходила. Как будто пришелец — или кто-то внутри пришельца — заставлял меня думать о доме.

— Вы хотите сказать, что он использовал телепатию?

— Я не знаю, что он использовал. Если вы думаете, что он говорил со мной или пытался заговорить, — этого не было. Наоборот, я пытался с ним заговорить. Глупо, наверное, но в тех обстоятельствах мне это глупым не казалось. Ведь я был неизвестно где, я ничего не понимал — и, естественно, хотел получить хоть какую-то информацию и выяснить, что происходит. И я постарался заговорить с ним, установить какой-то контакт. Я подозревал, что никакого контакта не получится, но...

— Вы не замечали у себя телепатических способностей?

— Никогда в жизни. За мной такого не водилось. Я вообще на такие темы не задумывался. По-моему, я не телепат.

— И все-таки он говорил с вами. Или вам показалось, что говорил.

— Доктор Барр, этого я не утверждал, — возразил Джерри. — Не было момента, чтобы мне показалось, будто пришелец со мной говорит. Не было никаких содержательных сообщений, ни слов, ни картин — ничего такого не было. Ничего похожего. Только ощущение дома, непреодолимое чувство дома.

— Вы уверены, что это чувство шло от пришельца?

— Откуда ж еще ему взяться? Даю голову на отсечение, что само по себе такое чувство возникнуть не могло. Для этого не было ни малейших оснований. Там было о чем подумать.

— Но вы сказали — две вещи. Что еще?

— Мне показалось, что пришелец — дерево. Или очень похож на дерево.

— Это когда вы узнали о целлюлозе?

— Нет, целлюлоза здесь ни при чем. Дело в другом. Просто было какое-то ощущение чего-то знакомого, когда я спрашивал себя: что это такое? И вот...

— Вы заканчиваете лесоустроительный факультет. И должны знать о деревьях очень много.

— Он влюблен в них! — вмешалась Кэти. — Иногда мне кажется, что он с ними разговаривает.

— Она преувеличивает, — сказал Джерри. — Но я на самом деле знаю о них достаточно много, и, пожалуй, можно сказать, что я их люблю, хоть это не совсем то слово. Есть люди, которые сходят с ума по зверюшкам, некоторые любят цветы, некоторые — птиц... А я люблю деревья.

— Вы недавно употребили слова «знакомое», «ощущение чего-то знакомого» — что побудило вас сказать именно так?

— Ну, наверное, так оно и было... Вероятно, я ощущал что-то знакомое, хоть в тот момент и не осознавал этого. Когда я попал туда, то страшно испугался — до смерти, до крика, хотя и не кричал. Но очень скоро — гораздо скорее, чем можно было ожидать, — страх прошел. Во всяком случае, прошел животный страх. Я был напряжен, словно заморожен, но страх исчез. Я даже стал осматриваться, но он меня выкинул.

— Вы, наверное, знаете, — сказал Барр, — что экзобиолог — довольно странный зверь. На самом-то деле их вообще не существует. Скорее, это специалисты разных областей знания — по большей части биологи, — которые ради собственного любопытства задались вопросом: что за жизнь могла бы возникнуть в условиях, отличных от земных? Так что

экзобиологию нельзя считать настоящей, точной наукой. Понимаете?

— Да, конечно, — ответил Джерри. — Но любой экзобиолог, по крайней мере, задумывается о том, что можно обнаружить в космосе и на других планетах.

— Да, — согласился Барр, — с такой оговоркой, как мы только что приняли, я согласен, что ваше предположение о разумном древообразном организме вполне правдоподобно. В последние двадцать лет, или около того, появились утверждения ботаников, что в определенных случаях растительная жизнь проявляет способность к ощущению, к восприятию и даже к выражению своих ощущений и чувств. Давно известно, что некоторые люди обладают особым даром общения с растениями: у них все цветет буйным цветом, а у других те же растения хиреют и гибнут. Так вот, эти люди утверждают, что с растениями нужно ласково говорить, тогда они и растут хорошо. Если растения на самом деле обладают такой чувствительностью, то отсюда недалеко и до настоящего разума и настоящего сознания. А вы бы не могли подробнее рассказать, каким образом вы пришли к тому, что пришелец может быть растениеподобным, сродни дереву?

— Не знаю, не уверен, — сказал Джерри. — Когда я смотрю на дерево или работаю с деревьями, у меня возникает какое-то особое чувство. Ощущение некоего родства, хоть это и странно звучит...

— И вы думаете, что у вас могло появиться то же чувство родства с пришельцем?

— Нет, не родства. Пришелец слишком чужой, чтобы почувствовать его родным. Быть может, я понял, что свойства, которые я чувствую в деревьях, присущи этому пришельцу. Но они как-то сдвинуты... Не как у земного дерева. Это чужое дерево, не с Земли.

— Кажется, я вас понимаю, — сказал Барр. — Вы говорили об этом с кем-нибудь еще?

— Нет. Кто-нибудь еще поднял бы меня на смех. Вы — нет. И я вам благодарен.

— Правительство хотело бы это знать. Федеральные наблюдатели и те, кто занят исследованиями пришельцев, были бы благодарны за любые данные.

— У меня же нет никаких данных, — возразил Джерри. — А раз нет, они станут их вытряхивать из меня, решив, что где-то в подсознании есть информация, о которой я сам не знаю... А то еще хуже — решат, что я еще один псих с летающей тарелки и пытаюсь заработать на пришельцах.

— Понятно, — сказал Барр. — Будь я на вашем месте, я тоже поостерегся бы.

— Так вы мне верите?

— А почему бы мне вам не верить? У вас нет причин сочинять подобную историю. Вам нужно было поделиться с кем-то, кто поверил бы вам и принял все так, как есть. Я рад, что вы пришли именно ко мне. Вряд ли смогу вам помочь, но я рад. А вот насчет ощущения дома, мыслей о доме... Я все время думаю об этом. Может быть, вы что-то неправильно поняли?

— Я уверен, что было мощное принуждение думать о доме.

— А я не уверен. Может быть, пришелец вообще не разговаривал с вами и не пытался ничего внушать. Вы могли подключиться к его собственным мыслям. Тут два варианта: либо вы все-таки немного телепат, хотя сами об этом не подозреваете, либо эмоциональный сигнал пришельца настолько мощный, что ни один человек не может не отреагировать. Мне кажется, что эта мысль — «в эфире», так сказать, — относилась не к вашему, а к его дому.

Кэти тихо охнула.

— Вы имеете в виду, здесь, на Земле? Что он думал о Земле как о доме?

— Посудите сами, — сказал Барр. — Он прилетел бог знает откуда, преодолел невообразимые расстояния в поисках планеты, где можно осесть, в поисках дома, который мог бы

заменить прежний, по каким-то причинам утраченный. И, может быть, Земля именно такая планета. Здесь он может почковаться и кормить малышей. Здесь он может жить так, как раньше. И он говорит себе: «Дом! Дом! Наконец-то я нашел дом!»

Глава 26

Соединенные Штаты

Пришельцы наблюдали. Некоторые из них, приземлившись, так и остались лежать. Другие через некоторое время поднялись в воздух и начали знакомиться со страной. Они летали над заводами, кружили над городами, над обширными пространствами фермерских земель… Всегда соблюдая безопасную дистанцию, они сопровождали самолеты… Они патрулировали автодороги, выбирая участки с наиболее интенсивным движением, двигались вдоль извилистых рек, наблюдая за лодками и судами.

Третьи отыскивали леса, чтобы подкормиться. Заодно они съели несколько лесопромышленных складов. В районе Сент-Луиса три пришельца приземлились на стоянку старых автомобилей, проглотили десяток-полтора развалюх и улетели. Однако кроме того, что они ели деревья, старые автомобили и пиломатериалы на складах, вреда от них не было. Большинству людей, которым пришлось с ними столкнуться, они причиняли только незначительные неудобства; ни один человек не погиб. Правда, пилоты продолжали нервничать, когда рядом с самолетом повисали пришельцы… Дорожные происшествия — как правило, несерьезные — пошли на убыль: водители привыкли к виду громадных черных ящиков, летавших над шоссе. В конце концов на них почти перестали обращать внимание.

И все-таки кое-какие хлопоты они причиняли. Национальная гвардия была приведена в состояние боевой готовности, были задействованы дополнительные патрули на

дорогах, и вообще из-за пришельцев множество людей занимались не своими делами, и это стоило больших денег.

В некоторых крупных городах, где экономическая и социальная ситуация была весьма напряженной, возникли беспорядки. Как обычно в таких случаях, имели место грабежи и поджоги. Несколько человек были ранены, несколько убиты. В некоторых студенческих городках молодежь организовала демонстрации, которые прошли мирно, даже весело. Зато религиозные фанатики оккупировали перекрестки, парки, церкви и залы. В некоторых районах религиозный энтузиазм охватил значительную часть населения. Газеты и телевидение высказывали сотни самых различных предположений, большинство из которых не выдерживало мало-мальски серьезной критики.

Пошли слухи — всегда что-то происходило «где-то», а не здесь, причем индекс абсурдности был пропорционален расстоянию, — и уже начали принимать форму зародыши будущих легенд.

Все чаще возникал «феномен очевидца», их свидетельства приходили со всех концов страны, моментально подхватывались и использовались для новых культов, которые возникали как грибы после дождя. Многие заявляли, что «были там» — впрочем, никто не мог объяснить, как он туда попал, — и что там, внутри пришельцев им показали «такое!..» (или рассказали, или внушили — разумеется, каждый врал по-своему). И «это» они должны передать своим братьям землянам. Приверженцы новых культов, да и не только они, верили этим россказням — одни больше, другие меньше, — но большинство принимали их с насмешкой. Вспоминали, что и раньше, когда появлялись НЛО — или считалось, что появлялись, — всегда находились такие, кто вступал в контакт с экипажами летающих тарелок.

Однако все это было явно выдумано, и население понемногу начинало осознавать факт, который отрицанию не поддавался. На Землю вторглись существа из космоса — и не

происходило ничего такого, о чем долгие годы писали фантасты.

Как было написано в редакционной статье одной газетенки из Теннесси, то был своего рода космический пикник.

Один фермер из Восточной Айовы только что закончил вспашку поля, 160 акров, как вдруг появился пришелец. И начал летать вдоль поля, аккуратно разворачиваясь на противоположных концах, так низко, что почти касался свежевспаханной поверхности. Фермер стоял возле навеса для машин и наблюдал.

— Могу поклясться, — сказал он на следующий день журналисту, приехавшему взять у него интервью, — было похоже, что эта штуковина что-то сажает или сеет. Я вспахал, а она сеет. Может быть, она ждала, когда я кончу пахать? Потом она уселась рядом на лугу, а я пошел посмотреть, что она сделала. На самом деле она что-то сеяла или нет. Так она же меня не пустила! Чертова штуковина всплыла и двинулась на меня. Не нападала, нет, и даже двигалась не слишком быстро, но было ясно как день, что мне на поле делать нечего. Чтобы не подходил, значит. Я несколько раз пытался — и все время она меня отгоняла. Честно скажу вам, мистер, мне с ней спорить не хотелось: она гораздо больше меня. Весной, когда придет время сажать, попробую еще раз. Быть может, к тому времени она куда-нибудь улетит или потеряет к моему полю интерес. Придется подождать, там видно будет.

Репортер присмотрелся к черной громаде, лежавшей на пастбище.

— Мне кажется, на ней что-то нарисовано, — сказал он. — Вы подходили к ней ближе — не заметили, что это такое?

— Да! Ясно как день, — сказал фермер. — Номер «сто один» зеленой краской. Я удивляюсь, какому дураку это понадобилось?

В одном небольшом городе в Алабаме строительство стадиона вызывало множество споров в течение нескольких лет. Спорили, где строить стадион, каким он должен быть и

так далее. В конце концов удалось договориться, и стадион был построен. И хотя многие были разочарованы, потому что получилось не так, как им хотелось бы, — стадион стал предметом гордости горожан. Все было готово к торжественному открытию. Гвоздем программы должен был стать футбольный матч. Стадион не просто убрали — вылизали. Зеленел ковер игрового поля (не искусственный, настоящий), автостоянки блестели чистеньким асфальтом, на флагштоках развевались разноцветные флаги... Красота!

Накануне торжественного открытия в небе появился громадный черный ящик и медленно, плавно и грациозно опустился в чашу стадиона, зависнув над поверхностью игрового поля, словно зеленый ковер был специально выращен и подстрижен для того, чтобы стать посадочной площадкой для черных ящиков, спускающихся с неба.

Когда поутихли первые страсти, официальные комитеты и группы заинтересованных горожан собрались на совещание: что делать? Кое-кто надеялся, что пришелец посидит на стадионе несколько часов и улетит. Но этого не случилось. Пришелец остался на стадионе. Торжественное открытие пришлось отменить, а игру перенести, что нарушило священный график футбольной лиги.

Люди все совещались, время от времени кому-нибудь приходила в голову какая-нибудь идея, но никто так и не придумал ничего толкового. Все пребывали в тихом отчаянии.

Помощники шерифа, охранявшие стадион, задержали и взяли под стражу группу футбольных болельщиков, которые хотели проникнуть на спортивную арену с ящиком динамита.

В Пенсильвании пришелец сел на картофельное поле. Хозяин натаскал к нему под бок громадную кучу дров, облил керосином и поджег. Пришелец не возражал.

Глава 27

Лоун-Пайн

Салли, официантка Пайн-кафе, принесла Фрэнку Нортону яичницу с ветчиной и присела за его столик поболтать. Дверь открылась, и в кафе ввалился Стиффи Грант.

— Иди сюда, Стиффи, — позвал его Нортон. — Садись, я тебя завтраком угощу.

— Как это благородно с твоей стороны, — сказал Стиффи. — Если не возражаешь, я тебя послушаюсь. Я ходил в лес смотреть наших пришельцев. Далековато, конечно, к тому же я пошел туда до рассвета, чтобы успеть до прихода туристов. А то они так мешают. Я хотел поглядеть, может, пришельцы начали почки выпускать, как тот, первый.

— Ну и как? — спросила Салли.

— Пока нет. По-моему, у них это займет немножко больше времени, чем у того. Но со дня на день могут начать. Они уже много понаделали тюков с этой белой дрянью. Не могу вспомнить, как она называется.

— Целлюлоза, — подсказал Нортон.

— Верно, — согласился Стиффи. — Так она и называется.

— С каких это пор тебя пришельцы заинтересовали? — спросила Салли.

— Не знаю, — ответил Стиффи. — Наверное, с самого начала, когда еще первый прилетел. Можно сказать, оказался замешан в это дело. Там была девчонка-журналист из Миннеаполиса, и в первую ночь я дежурил у телефона, чтобы она могла поговорить со своим шефом, когда вернется из лесу. Потом я же ей сказал, когда второй прилетел. Я как раз глаза продрал — поддатый был, — гляжу, летят. Прилетели и сели. Ну, подумал я, надо ей рассказать. Правда, боялся будить среди ночи, старый негодяй. Думал, попрет она меня. Но все-таки пошел. Ничего, обошлось, не поперла... А потом даже десять долларов дала. Она и тот парень с фотоаппаратом — хорошие были ребята.

— Хорошие, — согласилась Салли. — Да они все хорошие были. Жаль, что уехали. Конечно, и сейчас многие приезжают на малышей посмотреть. Иногда и к тем новым ходят... Но они не такие, как репортеры. Просто зеваки, бездельники. Иногда зайдут — кофе с пончиком или бутерброд, вот и все. Обедать не приходят и сдачу никогда не оставляют. Наверное, им кажется, что в таком тихом месте это ни к чему, тем более что покупают мало.

— Поначалу я каждый день ходил смотреть на пришельцев, — сказал Стиффи, — потому что, если бы у них что-нибудь произошло, я бы тотчас пошел девчонке рассказать. Наблюдать, значит, ходил. Так мне тогда казалось. А теперь я думаю, что дело было вовсе не в этом. Не это главное. Мне просто нравится на них смотреть. Я раньше думал, что это чужие твари и нечего им тут делать. А теперь не думаю. Они ведь, как люди. Я их больше не боюсь, как поначалу. Я прямо подхожу к ним и кладу руку на бок — а шкура теплая, живая...

— Если ты собираешься завтракать, — перебил его Нортон, — то скажи Салли, чего тебе принести. Я уже тебя обогнал.

— Ты сказал, что заплатишь?

— Сказал.

— Фрэнк, а с чего это вдруг...

— Считай, что это был внезапный порыв, о котором я уже пожалел. Так что если не поторопишься...

— Ну тогда много оладий, к ним глазунью из пары яиц, — сказал Стиффи. — И, если есть, пару сосисок. И, пожалуй, еще несколько кусочков бекона и пару кусочков масла...

Глава 28

Где-то в штате Юта

— Если эти ученые засранцы не поторопятся со своими дурацкими инструментами и не успеют поставить все как надо — солнце зайдет, и ни фига с их экспериментом не получится, — сказал сержант.

— Они хотят сделать все как надо, — ответил полковник. — Им нельзя ошибиться. Надо, чтобы получилось с первого раза, второй попытки не будет. Может быть, вам так не кажется, сержант, но это задание чрезвычайной важности. Из самого Вашингтона. Поэтому все должно быть тип-топ.

— Но, сэр, вы только посмотрите, что они делают! Нацелят свои камеры, поглядят в них, снова нацелят... И так уже несколько часов! Словно старые девы на прогулке. Нарисовали мелом крест у пришельца на заднице, прицелились... Я же сам это ружье наводил и знаю, что прицел точный. Пришелец ни разу не шевельнулся — чего ж тут еще проверять? И почему ружье? Почему не попробовать что-нибудь посерьезнее? Вряд ли будет толк, если кинуть пулю тридцатого калибра такой дуре. Это ж ей как укус комара!

— Если честно, сержант, — сказал полковник, — я сам удивляюсь. Но в приказе именно так. Даже точнее: тридцатый калибр со ста ярдов. Только это — и больше ничего. Должно быть ружье тридцатого калибра, сто ярдов, и чтобы все камеры и приборы стояли так, как хочется этим джентльменам...

Он прервал разговор, увидев, что к ним подходит один из ученых, до сих пор возившийся с камерами.

— Можете начинать, полковник, — сказал он, подойдя ближе. — Только перед выстрелом проследите, пожалуйста, чтобы в радиусе по крайней мере двухсот ярдов никого из

людей не было. Не исключено, что будет серьезный ответный удар.

— Надеюсь, ваш электронный прибор сработает? — спросил сержант. — Ружье выстрелит?

— Несомненно, — невозмутимо ответил ученый.

— Давайте, сержант, убирайте людей, — распорядился полковник. — Надо поскорее кончать с этим делом.

Сержант пошел, на ходу выкрикивая команды.

— Камеры готовы? — спросил ученый техника-оператора.

— Закрутятся по той же команде, по которой выстрелит ружье, — ответил оператор. — Чертову прорву пленки намотал. Эти камеры ее просто-таки жрут.

— Полковник, — сказал ученый, — нам тоже пора уходить.

Пришелец стоял неподвижно, как простоял уже много часов, на песке, согретом осенним солнцем. Крест, начерченный мелом, ясно выделялся на черной шкуре.

— Меня просто поражает, — сказал полковник, — как спокойно он стоял все время, пока мы тут вертелись, подготавливая выстрел. Он вообще знает о нашем присутствии?

— Я уверен, что знает, — ответил учёный. — Но у меня такое чувство, что это его совершенно не волнует. Он испытывает к нам что-то вроде пренебрежения.

Ученый повернулся лицом к пришельцу. Полковник последовал его примеру и крикнул:

— Сержант! Люди в укрытии?

— Так точно, сэр!

Сержант подал знак человеку из Вашингтона, тот поднял крошечный приборчик, зажатый в руке, и нажал кнопку.

Ружье выстрелило — и пришелец ответил ослепительной вспышкой, поглотившей ружье на треноге. Полковник прикрыл глаза ладонью — таким ярким был этот свет. Опустив руку, он увидел, что и ружье, и тренога раскалились добела. Вся конструкция медленно оседала на землю, а куст полыни возле нее рассыпался в пепел.

Полковник взглянул на пришельца. Тот стоял все так же, будто ничего не случилось, — только белого креста больше не было.

Глава 29

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Сенатор Дэйвенпорт расхаживал по комнате со стаканом в руке.

— Черт возьми, Дейв, — сказал он Портеру, — вы же там должны что-нибудь предпринять! Нельзя же сидеть и смотреть, как эти твари лезут нам на голову!

— Но, папа, — вмешалась Элис, — они вовсе не лезут на голову. Собственно, они вообще ничего еще не сделали.

Сенатор остановился, разглядывая дочь, потом рявкнул:

— Ничего не сделали!.. Они истребляют наши леса, они глотают лесные склады, они уже до автомобилей добрались...

— Ну-да, — сказала Элис. — Старый, подержанный хлам, который какой-то торгаш собирался всучить не подозревающей подвоха публике...

— Этот торгаш заплатил за них немалые деньги, — перебил ее отец. — Он брал их для дела. Он освободил для них место на своей стоянке. Он, может быть, уже знал, кому их продаст, и рассчитывал на прибыль... Он честно заработал эту прибыль... А теперь?!

— Вы говорите, администрация должна что-то предпринять, — сказал Портер. — Но что, по-вашему, мы должны делать?

— Откуда я знаю, черт возьми! — заревел сенатор. — Я не президент и не советник президента. Если бы у меня и был для него совет, он бы меня все равно слушать не стал. Но я же не знаю, что происходит. И никто не знает. Вот ты пресс-секретарь — почему ты мне не говоришь, что происходит? Сколько информации ты придерживаешь?

— Нет у меня никакой информации, — возразил Портер. — Мне просто нечего сказать.

— А этот ваш советник по науке? Сколько у него людей, сколько миллионов он уже угробил на свои исследования!.. Как же это получается, что он до сих пор так ничего и не узнал? Я слыхал, что сегодня армия проводила какой-то эксперимент с оружием. Ты мне можешь сказать, что из этого получилось?

— Я не знаю, — сказал Портер.

— Дейв, ну а если бы знал — хоть я уверен, что ты и в самом деле знаешь, — если бы знал, сказал бы?

— Может быть, и нет, — ответил Портер.

Сенатор повернулся к Элис.

— Вот видишь! Чего еще ждать от этой банды в Белом доме!

— Но Дейв сказал, что не знает, — возразила Элис.

— Он сказал, что, если бы и знал все равно не сказал бы!

— Ты должен похвалить его за откровенность, папа.

— Откровенность! Какая это, к чертям собачьим, откровенность?! Это наплевательское отношение, вот что это такое! И самонадеянность!

— Мне очень жаль, что я показался вам самонадеянным, сенатор, — сказал Портер. — И жаль, что мне на самом деле нечего сказать. Постарайтесь простить меня. Дело в том, что вы сами знаете столько же, сколько и я. А что касается каких-то действий, которые надо предпринять, — Элис права. Эти твари, как вы выразились, не сделали пока ничего такого, что потребовало бы ответных действий. А если бы и сделали — что мы можем предпринять? Они, знаете ли, крупноваты для того, чтобы с ними ссориться. У меня есть подозрение, что попытка выгнать их может оказаться опасным предприятием, даже если бы и понадобилось их выгонять.

— Они разоряют страну, — пробурчал сенатор. — Эти пришельцы уже достаточно себя показали. Они пожирают наши лучшие леса, и строительная промышленность очень скоро

это почувствует. Множество лесопромышленных складов уже истреблено, и это только начало. Пиломатериалы и так достаточно дороги, а теперь станут еще дороже. Новые дома станут расти в цене, а они и так уже не по карману большинству семей. Если пришельцы не прекратят пасти самолеты, авиакомпании начнут сокращать рейсы. Некоторые из них уже поговаривают об этом. Слишком велика вероятность аварий, страховые компании это понимают и собираются повысить стоимость страховки. А авиаторы уже вопят, что страховые сборы их разоряют, поэтому нового повышения они попросту не выдержат.

— Скорее всего, ситуация выправится, — сказал Портер. — В ближайшее время все образуется. В данный момент все это выглядит особенно страшно, публика взбудоражена и склонна преувеличивать возможные последствия. Дайте время...

— Я сомневаюсь, что со временем что-нибудь улучшится, — перебил его сенатор. — Ты думаешь, публика успокоится, а вот я в этом не уверен. Скорее наоборот. Эти новые культы, эти пророки на каждом углу... Черт с ними, с культами — хоть это штука достаточно скверная, но мы их переживем: большинство понимают, что это психи, и знают, чего от них можно ожидать. Настоящая опасность — возрождение евангелизма, возврат к средневековому мышлению. Из истории известно, что в те времена бывали всплески религиозного помешательства. Крестьянин бросал землю, ремесленник бросал мастерскую — и уходили: у них, видите ли, духовное пиршество. То же самое начинается и теперь. Бизнес и промышленность уже страдают от массовых прогулов, а кто на месте — тот работает кое-как. Это дорого обходится.

— Ну вот, приехали, — сказала Элис. — В итоге все свелось к доллару. Наши бизнесмены и промышленники теряют деньги. Или боятся, что потеряют.

— А что в этом плохого? — спросил сенатор. — Деньги — основа нашего экономического строя. И хоть ты можешь думать иначе — нашего общественного строя тоже... Я тебе

говорю, страна начинает скатываться в пропасть. А чудаки в Белом доме даже не понимают этого.

— Мы понимаем больше, чем вам кажется, сенатор, — возразил Портер. — Но мы настроены не так пессимистично, это верно. Кроме того, есть другие дела, требующие внимания в первую очередь.

— Какие другие?

— Ну, например...

— Стой! — торжествующе закричал сенатор. — Я знаю! Я же все время чувствовал, что ты что-то не договариваешь. Ты что-то скрываешь.

— Сенатор, уверяю вас...

— Но ты же что-то скрываешь, верно? Вы что-то скрываете! Вы узнали о пришельцах нечто такое, чего нельзя обнародовать.

— Мне ничего об этом не известно, — заявил Портер.

Сенатор сел в кресло и проглотил остаток своего коктейля.

— Ну и не говори, — сказал он. — Я и не хочу ничего знать, пока не придет время. Пока не будут знать все. Вы что-то прячете. Это хорошо. Не распространяете, бережете... Я знаю, наш прекраснодушный госсекретарь мечтает поделиться нашими открытиями с кем угодно, включая Ивана. Мы не можем себе позволить делиться...

— Сенатор, вы ошибаетесь. Жестоко ошибаетесь. Мы ни черта не знаем.

— Молодец, — обрадовался сенатор. — Именно так и должен говорить настоящий джентльмен. Я знал, что в тебе это есть. Я знал, что на тебя можно рассчитывать: ты не проболтаешься. — Он посмотрел на часы. — Уже поздно. Задержал я вас своими проповедями. Вы с Элис опоздаете в ресторан.

Глава 30

Лоун-Пайн

Один из пришельцев отстал от остальных. Он стоял неподвижно и ничего не делал. Остальные, по обе стороны от него, продолжали валить лес, оставляя за собой ровные ряды целлюлозных тюков.

Выйдя из-за деревьев на просеку и увидев такую картину, Стиффи Грант остановился как вкопанный. Он сдвинул шляпу на затылок и вытер пот со лба. — Что за чертовщина? Ответа не было.

Он с трудом сфокусировал глаза. Стоит... Он полез в задний карман брюк, достал бутылку, отвинтил колпачок и приложил ее к губам, запрокинув голову. Отхлебнув, он внимательно посмотрел, сколько осталось. Грустно: раза на два, не больше. Конечно, это не бог весть что — самое дешевое пойло, какое только можно купить, — но когда кончается, все равно грустно, и Стиффи огорчился. Он аккуратно завинтил колпачок, сунул бутылку обратно в карман и похлопал по ней, чтобы убедиться: бутылка в безопасности.

Потом, стараясь не упасть (упадешь — бутылку разобьешь), он пошел выяснить, в чем дело. «Может, он устал?» — подумал Стиффи. Хотя за все время, что Стиффи видел пришельцев, ни один из них ни разу не остановился отдохнуть и не проявил никаких признаков усталости.

Сегодня Нортон заплатил за его завтрак — это значит, что у него хватит денег на такую же бутыль. Это хорошо. Приятно знать, что впереди тебя ждет что-то хорошее. Нет, что бы вы ни говорили, Нортон хороший парень, свой.

Пришелец, который стоял на месте, оказался гораздо дальше, чем показалось Стиффи сначала, но Стиффи упорно пробирался к нему по просеке, осторожно обходя белые тюки, и наконец добрался.

— Ну, что с тобой, дружище? — спросил он, подойдя и положив ладонь на шкуру пришельца.

Чтобы удержать равновесие, Стиффи сильнее оперся о пришельца — и почувствовал что-то неладное. Что-то было не так, как всегда, и Стиффи не сразу понял, что именно.

Потом понял: пришелец был холодный. Не было того приятного, дружеского тепла, которое Стиффи всегда ощущал, прикасаясь к любому из них. Он изумленно покачал головой и убрал руку. Прошел с десяток шагов — метра три — и снова коснулся пришельца. Шкура была холодной, тепло не ощущалось.

Он поковылял дальше, время от времени прикладывая ладонь к шкуре. Везде все тот же каменный холод. Он прислонился к пришельцу спиной и сполз на землю.

Холодный и неподвижный. И не висит над поверхностью, а стоит на земле.

«Может быть, это смерть? — подумал Стиффи. — Может ли пришелец умереть? Холодный и неподвижный — это похоже на смерть. Если он умер — то почему? Что с ним случилось? И еще: если сейчас он мертвый, значит, раньше был живой...» Впрочем, тут ничего нового для Стиффи не было. Ему всегда казалось, что пришельцы живые. Не только живые, но и друзья. Когда он задумывался об этом, то удивлялся: у него уже давно не было друзей. «Странно, — думал он, — что я нашел себе друга среди чужого народа».

Притулившись к холодному пришельцу, Стиффи не закрывал лица и не вытирал слез, стекавших по небритым щекам. Сидел и горько плакал: оплакивал ушедшего друга.

Глава 31

Миннеаполис

Эл Лэтроп, главный редактор, сидел за столом совещаний на месте председательствующего, лениво постукивая карандашом. «С чего это нас сюда позвали?» — удивилась Кэти. Их было трое: она, Джей и Джонни. То, что Джонни здесь, — естественно, но остальным-то что тут делать? За все время работы в «Трибьюн» ее никогда не приглашали в этот

кабинет. Здесь заведующие разных редакций собирались на ежедневные летучки, обсуждали материалы и решали, что с ними делать. Но совещания всегда проводились в конце рабочего дня, а сейчас было едва за полдень.

— Я пригласил вас, — начал Лэтроп, — чтобы поговорить о пришельцах. Нам надо выработать долгосрочный план освещения этой проблемы. С тех пор как она появилась, вы поработали, прямо скажем, неплохо. Взвешенно, объективно — хорошо поработали, молодцы. Я полагаю, так и надо продолжать. Но сейчас пора подумать, не стоит ли давать материал более развернуто. Джонни, ты был связан с этим с самого начала, с тех пор, как в Лоун-Пайне появился первый пришелец. У тебя нет каких-нибудь идей по поводу дальнейшей работы?

— Знаешь, Эл, может, следует не торопиться, а продолжать свою линию? То есть пока не пытаться выходить за рамки строгого репортажа: только факты, какие нам удастся установить, — сказал Гаррисон. — Сначала мы имели дело с такой информацией, которая сама по себе была сенсационной. Естественно, что наша установка состояла в том, чтобы не выходить за пределы точного репортажа. Сами новости, простое их изложение, уже имели достаточный заряд. По-моему — наверное, и остальные так думают, — не надо было разводить такую писанину, чтобы этот заряд увеличивать. В этом не было никакой нужды. Джей написал несколько обзорных статей, но и он не вдавался в рассуждения сверх того, что уже писалось раньше, до появления пришельцев. Его статьи были направлены только на то, чтобы как можно мягче напомнить читателям, что старые концепции могут оказаться кстати. Но кроме этого — мы твердо держались в границах чистого репортажа.

— Но сейчас, — сказал Лэтроп, — публика в основном ситуацию освоила. Многим вся эта история не нравится, многим ее трудно принять. Но почти все уже понимают, что от этого никуда не денешься — пришельцы здесь и здесь останутся, по крайней мере какое-то время. И, по-моему, пора

приняться за более серьезную работу. Скажем, представить вероятные последствия...

— Чтобы дать нашим читателям пищу для размышлений, — добавил Гаррисон.

— Вот именно. Подбросить им несколько вопросов, над которыми стоит подумать.

— То, что ты говоришь, Эл, — сказал Гаррисон, — вполне логично. И время для этого придет. Но мне все-таки кажется, что пока рано за это приниматься. Такие вещи можно писать только после долгого и тщательного размышления. Без хорошей подготовки начинать нельзя. Надо иметь какую-то информацию, хотя бы какой-то намек на информацию, прежде чем начать писать что-либо в этом роде. Конечно, информация не обязательно должна быть стопроцентно достоверной, как факты, идущие в репортаж, — согласен, — но нельзя брать ее с потолка. Иначе мы можем такого насочинять... А потом окажется, что мы не угадали.

— А я и не сказал, что надо начинать тотчас же. Я вовсе не имел в виду, что вы приметесь писать, едва выйдете отсюда, и станете высасывать материал из пальца. Но об этом надо подумать, надо заранее представить себе, какие материалы нам могут понадобиться в ближайшее время. У нас в газете масса народу, потратившего уйму времени на наблюдение за пришельцами и писание о них. И кое у кого должно было сложиться впечатление о том, с чем мы имеем дело. Кэти, вы с Джеем, вероятно, знаете больше, чем все остальные из нашей газеты. У вас есть какие-нибудь соображения по поводу сложившейся ситуации? Прежде всего скажите, как вы относитесь к пришельцам? Какие чувства они у вас вызывают?

— Они мне симпатичны, — ответила Кэти.

— Вот как? Это несколько неожиданно, честно вам скажу. Но продолжайте, пожалуйста. Расскажите, чем они вам так симпатичны.

— Хотя бы тем, что они нам не докучают, — сказала Кэти. — Конечно, кое-где они натворили дел, но ничего плохого не сделали. По-настоящему плохого.

— В Лоун-Пайне был убит человек.

— Он напал первым. Он выстрелил в пришельца. А с тех пор ни одного подобного случая не было. Пришельцы оказались порядочными людьми.

— Людьми?!

— Конечно! Они на самом деле люди. Только не такие, как мы. Они разумны. И по-моему, у них есть нравственное чувство.

— Может быть, ты права, — сказал Джей, — но мне кажется, что нас они за людей не считают. Они нас игнорируют. И не демонстративно — они попросту уверены, что мы не заслуживаем их внимания. Иногда кажется, что они нас даже не видят.

Кэти открыла было рот, но вовремя спохватилась. «Если бы только можно было сказать им! — подумала она. — Но нет, нельзя. Не только о Джерри, но даже и о рукопожатии, которое мне довелось испытать. Хотя это было гораздо больше, чем рукопожатие: в простом рукопожатии не бывает столько понимания и тепла».

— Вы хотели что-то сказать? — спросил Лэтроп.

Она покачала головой.

— Только то, что мне они кажутся людьми. Мне хотелось бы объяснить это, но я не могу. Не могу точно определить, что именно чувствую.

— А я вот о чем думаю, — сказал Джей. — Эти создания прилетели из дальнего космоса. Почти очевидно, что целлюлоза им необходима для того, чтобы кормить молодняк, а потому они едят деревья. Вероятно, какую-то часть целлюлозы они усваивают сами, но этого мы не знаем. Однако я о другом. Скорее всего, они не из Солнечной системы. Ни на одной планете нашей системы нет деревьев и ничего похожего тоже нет. Это значит, что они прилетели из другой системы; с планеты, которая кормила их целлюлозой. Если так

— им пришлось лететь несколько световых лет, а может быть, очень много световых лет: ведь маловероятно, что в каждой системе есть планета, которая могла бы обеспечить их целлюлозой, которую они искали. Такая планета должна была чем-то напоминать Землю, хоть сходство могло быть и не полным...

— Джей, — перебил его Гаррисон, — короче. Ты о чем?

— О многом, — сказал Джей. — Но самое главное, что меня занимает, — время. Они должны были лететь очень долго. Физики утверждают, что ни одно тело не может двигаться со скоростью, большей скорости света, и, скорее, всего, не может к ней даже приблизиться. А это значит, что наши пришельцы летели к нам много тысяч лет. Пока они добрались до Земли...

— Чтобы решиться на такое путешествие, они должны были попасть в отчаянное положение, — сказала Кэти. — Что-то должно было заставить их броситься в космос на поиски другой планеты, хотя они не знали, где ее искать, а может быть, и вообще не надеялись найти. Но им нужна была целлюлоза, чтобы кормить малышей. Не будет целлюлозы — не будет потомства. Они стояли перед угрозой вымирания.

— Вы выступаете, как защитник на процессе, — пошутил Лэтроп.

— Может быть, она права, — сказал Джей. — Сценарий, который она набросала, может оказаться близким к истине. Быть может, им пришлось исследовать несколько звездных систем, прежде чем они нашли такую, где есть планета, которая их устраивает. И если это так, то наши пришельцы — раса долгожителей. Они живут невероятно долго.

— Ты говорил, что надо развивать тему, — обратился Гаррисон к Лэтропу. — Кэти и Джей подали идею, которая может лечь в основу такой статьи. Может, пусть сами и напишут?

Лэтроп пожал плечами.

— Не вижу смысла. Это же сплошная теория, никаких фактов. Будет отдавать сенсационностью.

— Согласен, — сказал Гаррисон. — Но то же самое можно сказать обо всем, что мы могли бы написать. Все было бы основано исключительно на предположениях. У нас нет ничего, на что можно опереться. Поэтому самое лучшее — писать только о том, что можно увидеть. Если мы начнем теоретизировать, то сразу обнаружим, что наши теории не к чему привязать. Мы не можем претендовать на понимание происходящего, поскольку имеем дело с формой жизни, настолько не похожей на нашу, что у нас нет никакой основы для понимания. Кэти уверена, что пришельцам пришлось искать такое место, где они смогут выкармливать малышей. Вполне логично — но с нашей точки зрения. А какова точка зрения самих пришельцев? Может быть, их концепции не имеют ничего общего с нашими. Их интеллект, их мировоззрение, их стиль жизни — если позволить себе использовать эти термины — могут быть совершенно непостижимы для нас. Скорее всего, так оно и есть.

— Возможно, ты прав, — сказал Лэтроп. — Единственное, чего я хочу, — чтобы все мы были осмотрительны. Мы не можем позволить себе ни капли сенсационности. Кстати, Мэтьюс из вашингтонского бюро сегодня утром сказал мне, что ходят слухи о каком-то эксперименте, который военные якобы проводили с одним из пришельцев. Что-то с оружием. Есть что-нибудь об этом? Хоть что-нибудь?

Гаррисон покачал головой.

— Мэттьюс звонил полчаса назад. Сегодня этот вопрос был задан на брифинге в Белом доме, и Портер ответил, что ничего не знает.

— Ему можно верить?

— Трудно сказать. До сих пор казалось, что он честен. Говорят, что в Белом доме идет отчаянная война: Портер настаивает, чтобы вся информация о пришельцах была открыта, но несколько человек требуют ее придержать. Если эксперимент с оружием был, то проводили его военные. Не

исключено, что результаты будут засекречены. Поэтому Портер вынужден молчать.

— А что еще?

— Не много. Ничего, кроме обычных новостей о пришельцах. Несколько дней назад один появился на ферме в Восточной Айове и начал летать взад-вперед над свежевспаханным полем, словно засеивал его. Потом уселся рядом на лугу и теперь никого к полю не подпускает. Отгоняет всех, кто пытается подойти. Похоже, это наш старый приятель.

— Что вы имеете в виду? Какой приятель?

— На нем номер зеленой краской: сто один.

Кэти вздрогнула и выпрямилась в кресле.

— Так это же она, та, что первой прилетела в Лоун-Пайн! Один из наблюдателей написал на ней номер. Это у нее родились малыши.

— Она?

— Ну детишки-то были, верно? Не «он» же их рожал! Так что в моей книжке это «она». Но как я пропустила этот материал?

— Его не было в газете, — сказал Гаррисон. — Завалялся и попал в мусорную корзину, а я нашел и вытащил. Сегодня вечером мы его дадим в набор. Не знаю, как это случилось.

— Ну нельзя же допускать таких вещей! — возмутился Лэтроп. — Это же отличный материал, мы должны были его использовать...

— Все бывает, Эл. Не часто, но бывает. Это как раз такой случай. Но я вот подумал, не слетать ли Кэти в Айову. Ознакомиться с ситуацией. Быть может, пришелец ее запомнил.

— Но это же смешно, — возразил Лэтроп. — Ни один из них ни разу не обратил внимания на людей.

— А откуда это известно? — спросил Гаррисон. — Конечно, ни один не подошел и не поздоровался, но это вовсе не значит, что они не замечают людей. Кэти провела в Лоун-Пайне несколько дней, так что...

— Ну а если «сто первый» ее запомнил, что толку? Едва ли у него можно взять интервью. Нет никакой возможности получить от них информацию. Никакой.

— Я знаю, — сказал завредакцией репортажа. — Но у меня предчувствие. Я думаю, что идея неплохая.

— Ну что ж, давайте. Репортаж — ваша епархия. Если у вас предчувствие...

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвался Джим Гоулд.

— Джонни! — закричал он. — Фрэнк Нортон на проводе! Стиффи Грант только что нашел мертвого.

— Какого мертвого?

— Мертвого пришельца.

Глава 32

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Портер взял трубку.

— Дейв, — сказал президент, — ты можешь ко мне зайти? Я хочу, чтобы ты тоже послушал.

— Сию минуту, — ответил Портер.

Он положил трубку и поднялся с кресла. Маршия Лэнгли, его помощница, подняла голову от стола и вопросительно взглянула на шефа.

— Не знаю, — сказал Портер. — Скорее всего, какая-нибудь неприятность.

Войдя в приемную, он показал на дверь президентского кабинета.

— Кто там у него?

— Генерал Уайтсайд, — ответила Грейс.

— Только Уайтсайд?

— Только Уайтсайд. Пару минут назад зашел.

Портер постучался и открыл дверь. Президент стоял, опершись на угол стола, Уайтсайд сидел в кресле у стены.

— Заходи, Дейв, — сказал президент. — Тащи сюда кресло. У генерала чрезвычайно интересные новости для нас.

— Благодарю вас, сэр.

Президент обошел стол и уселся за него.

— Я слышал, тебе сегодня трудно пришлось с прессой, — обратился он к Портеру.

— Они хотели узнать об эксперименте с оружием. Я сказал, что ничего об этом не знаю.

Президент кивнул.

— Правильно. И как у тебя прошла эта ложь во спасение? Совесть не мучает?

— Сэр, — сказал Портер, — говорить можно и нужно почти обо всем. Но я полагал, что эксперимент в любом случае секретен, даже если речь не идет о безопасности страны...

— Хорошо, что вы об этом подумали, — буркнул Уайтсайд.

— Ну а раз так, я решил, что сказать об этом можно будет не скоро.

— Потому я тебя и позвал, — сказал президент. — Я тебя уважаю и не хочу, чтобы тебе приходилось работать в вакууме. Когда ты услышишь, что расскажет Генри, у тебя не останется возражений относительно секретности этой информации.

Он повернулся к Уайтсайду.

— Генри, вы не откажетесь рассказать еще раз?

Генерал устроился в кресле поудобнее и начал:

— Я думаю, вы оба знаете, в чем состоял эксперимент. Мы установили ружье тридцатого калибра и снимали траекторию пули, тысячи кадров в секунду.

— Да, знаем, — кивнул президент.

— Это было невероятно, — сказал Уайтсайд.

— О'кей, Генри. Продолжайте.

— Когда пуля ударилась в пришельца, шкура его вогнулась. Но пуля ее не пробила. Только ямку сделала. Как кулаком стукнуть в подушку. Как пальцем щеку надавить. Почти в тот же момент ямка выровнялась, и в том месте, где она была, возник ослепительный луч. Он попал в ружье и расплавил его. Забавно, что сама пуля назад не полетела, а

отскочила, как мячик от стенки, и упала. Мы потом нашли ее на земле.

Генерал замолчал, переводя дыхание.

— Наши люди говорят — то есть наши ученые говорят, — что пришелец превращает кинетическую энергию снаряда в потенциальную. И делает это таким образом, что потом может ее использовать. Не совсем понятно, как это происходит, но впечатление такое, будто пришелец поглотил потенциальную энергию, подверг ее анализу и ответил более сильной вспышкой энергии — потому ружье и расплавилось. Он попал точно в ружье. Ученые говорят, это произошло потому, что вмятина имела параболическую форму, а ось параболоида совпала с траекторией снаряда. Вмятина тут же выровнялась, но форма ее была настолько точной, что он выбросил эту энергию в какой-то новой форме точно туда, откуда вылетел снаряд. Они что-то говорили о волновом импульсе, об отраженной волне — тут я ничего не понял. Но самое главное в том, что пришелец возвращает энергию снаряда — или больше энергии снаряда — оружию, из которого он вылетел. И при этом возврат энергии происходит по траектории снаряда. Даже если бы траектория была навесной — если, например, стреляли из мортиры, — ответный импульс энергии все равно в точности следовал бы траектории снаряда.

Он умолк, снова переводя дыхание и глядя то на одного слушателя, то на другого.

— Вы понимаете, что это означает?

— Идеальная защитная система, — сказал президент. — Ты кидаешь другому то, что он кинул в тебя.

Уайтсайд кивнул.

— И притом в другой форме. Вероятно, здесь имеют место разные формы энергии. Во всяком случае, так думают ребята из лаборатории. Это совсем не обязательно тепловой удар. Это может быть и какое-то излучение, например гамма-лучи. Пришелец умеет превращать кинетическую

энергию в потенциальную, и у него широкий выбор дальнейших превращений.

— Кто кроме нас троих знает об этом? — спросил президент.

— Эксперимент видели многие. Техники, охрана и так далее. О том, что я вам сейчас рассказал, знают только трое, больше никто.

— Вашим людям можно доверять?

— Можно. Они не болтливы.

— Я думаю, что в целях безопасности, — сказал президент, — нам не следует распространяться об этом. Эксперимента не было! Будем твердо стоять на своем: его не было. Ты сможешь выдержать, Дейв? Я знаю, как ты себя чувствуешь, когда приходится лгать...

— Хоть это мне и не нравится, — сказал Портер, — придется с вами согласиться. Но нам трудно будет избежать огласки. Кто-нибудь обязательно проболтается: не солдаты, так технический персонал. Нельзя ли поступить как-то по-другому? Например, сказать: да, такой эксперимент был, но результаты его неясны...

— Мой вам совет, — произнес Уайтсайд, — похороните это дело.

— Дейв, — сказал президент, — я никогда не просил тебя покрывать нас. А сейчас прошу. Был, конечно, случай, когда «рой» на орбите начал разваливаться. Вероятно, тогда я ошибся. Ты хотел полной открытости... Конечно, лучше было тогда дать слово тебе, а не ограничиться заявлением НАСА. Моя вина. Но сейчас другое дело.

— У нас могло бы появиться преимущество, — сказал Уайтсайд. — То самое, которого сейчас нет. Если мы сможем понять, как он это делает.

— Можно обратиться к Аллену...

— Господин президент, — сказал Уайтсайд. — Мне бы не хотелось. Может быть, в конце концов он и помог бы нам получить ответ. Конечно, было бы хорошо, если бы при этом он не знал всех подробностей. Но еще лучше вообще не

говорить ему ничего. Сейчас об эксперименте знают шесть человек. Это уже много, но тут ничего не попишешь. Давайте ограничимся этой шестеркой. Аллен тряпка и болтун. Он помешан на мысли, что всякое научное знание должно быть всеобщим. Люди, которых он собрал для своих исследований, работают без контроля со стороны спецслужб и...

— Не надо ничего объяснять, — перебил его президент. — Вы совершенно правы. Аллена будем держать в стороне.

— Мои люди считают, — сказал генерал, — что пришельцы вообще не представляют собой опасности. То есть не являются противником. Они считают, что пришельцы поглощают энергию из всевозможных радиационных излучений, из мельчайших частиц вещества, или из крупных частиц, которые могут столкнуться с ними... В этом случае они превращают кинетическую энергию частиц в потенциальную, часть ее поглощают — сколько им нужно, — а лишнюю выбрасывают. Нечто вроде предохранительного клапана для сброса избыточной энергии.

— Вы использовали пулю тридцатого калибра, — сказал президент. — Ваши люди пробовали выяснить, снаряд какой мощности мог бы выдержать пришелец?

— Я думаю, ядерный заряд мог бы его уничтожить, — ответил генерал. — Похоже, что ничем иным его не взять. Вмятина от пули была совсем крошечной. При более тяжелом снаряде вмятина будет глубже, но и отдача окажется гораздо большей. Пришелец, с которым мы работали, по-видимому, вообще не заметил выстрела. Когда пуля ударила его, он даже не вздрогнул. Перед выстрелом он просто стоял и ничего не делал. Во всяком случае, ничего такого, что могли бы заметить. И после выстрела стоял точно так же. Мне бы хотелось попробовать что-нибудь потяжелее: постепенно наращивать калибр оружия.

— Этого делать нельзя, — предостерег Портер. — От вашей секретности ничего не останется. Сейчас у нас еще есть возможность откреститься от одного эксперимента. Но если их станет больше — у нас никаких шансов не останется.

— Это верно, — сказал президент. — Пока придется удовлетвориться тем, что есть. Главное сейчас — выяснить, что представляют собой пришельцы. Как они устроены. Как они действуют, если так можно сказать. Быть может, Аллен в ближайшее время обнаружит что-нибудь, что сможет пролить свет на эту тайну.

— Ему же не с чем работать, — сказал Портер. — Все, что могут его люди, — стоять рядом и наблюдать.

На президентском столе загудел телефон внутренней связи. Президент нахмурился и нажал кнопку.

— Грейс, я, кажется, предупреждал...

— Простите, сэр. Я подумала, что, может быть, вы захотите знать. Здесь доктор Аллен. Говорит, что должен немедленно вас видеть. Кажется, в Миннесоте кто-то обнаружил мертвого пришельца.

Глава 33

Миннеаполис

Потолок и стены словно давили на него — странное ощущение. Никогда прежде он не испытывал подобного. Впервые за все время, что он прожил здесь — долгие два года, — он заметил, как мала его комнатка, как убога и какой в ней кавардак. Заметил и грязные окна, и потеки на стенах.

Он отпихнул бумаги на угол стола и подошел к окну. Ребятишки играли в какую-то игру, состоявшую из крика и беготни и не имевшую никакого смысла ни для кого, кроме них... Какая-то старуха ковыляла по разбитому тротуару, волоча большущую сумку... На ступенях соседнего ветхого дома сидел ленивый пес... На обычном месте, прижавшись к бордюру, стояла старая колымага с помятыми крыльями...

«Что за чертовщина творится со мной?» — подумал Джерри. Но, задавая этот вопрос, он уже знал, в чем дело.

Все эта история с пришельцем. Она не давала ему покоя с тех самых пор, как произошла. С тех самых пор он постоянно чувствовал себя не в своей тарелке. Постоянная

тревога не давала ему заниматься, изводила с утра до ночи. Он был сам не свой. Он не мог сосредоточиться на диссертации, а ее надо писать... Он просто обязан ее написать!

Может быть, лучше решиться и рассказать о случившемся соответствующим властям? Рассказать — и избавиться от всего... Может быть, тогда он освободится от наваждения, сможет отгородиться от воспоминаний, сможет работать... Но это было невозможно. Он убеждал себя, что отказывается от этого потому, что не хочет показаться смешным. Но, возможно, существовала и другая причина. Хоть он и не мог понять, в чем она состоит. Раньше он думал, что ему станет легче, если он расскажет обо всем Барру. Не помогло. Экзобиолог и не думал потешаться над ним, но все равно не помогло. А он рассказал все-все, без утайки, как на исповеди, — все равно не помогло.

А теперь об этом просто невозможно рассказать. Теперь, когда прошло уже столько времени, — уж он точно окажется в числе придурков, которые утверждают, что пришелец забирал их к себе. С тех пор как появились пришельцы, таких стало полным-полно... Нет. Раньше рассказать о происшедшем было трудно, а теперь — и вовсе невозможно.

Хотя, по всей вероятности, ему все равно это предстоит. Ведь рано или поздно следователи, забравшие его машину, определят номерной знак или номер мотора и найдут его. Быть может, уже определили. Он не сделал ничего, чтобы отыскать машину, а, наверное, надо было. Наверное, надо было, но он не мог ни на что решиться. Надо было обратиться в страховую компанию. Но что бы он им сказал? Одно время он хотел заявить, что машину украли, но не поддался искушению. И правильно сделал, а то могло бы быть хуже.

Он отошел от окна и вернулся к столу. Сел, придвинул к себе бумаги. Как бы там ни было, но сегодня он должен что-то сделать. Хотя бы немного. Часов в шесть зайдет Кэти, и они пойдут куда-нибудь обедать.

«Кэти...» — подумал он. Интересно, что бы он без нее сейчас делал? Это ее сила и спокойствие, преданность, любовь и забота помогли ему прожить последние дни.

Зазвонил телефон, он взял трубку.

— Извини меня, Джерри, — сказала Кэти. — Я не приду к тебе сегодня. Я уезжаю. Снова в Лоун-Пайн.

— О черт! А я сижу и мечтаю, как увижу тебя вечером... Что там опять стряслось?

— Они нашли мертвого пришельца. Наверное, опять исследователи из Вашингтона набегут... Надо было кого-то послать, и Джонни выбрал меня.

— Мертвый пришелец? Что с ним случилось?

— Никто не знает. Его уже нашли мертвым. Стиффи Грант нашел. Ты его должен помнить, я вас знакомила.

— Конечно помню. А как Стиффи определил, что пришелец мертв?

— Он холодный. Они всегда были теплые, а этот холодный. И не висит над землей, а стоит на грунте.

— И теперь они собираются разрезать его на куски и посмотреть, как он устроен.

— Наверное, что-то в этом роде, — согласилась Кэти.

— Мне это противно.

— Мне тоже. Но это логично.

— Когда ты вернешься?

— Не знаю. Наверное, через день-два... Я сразу же дам тебе знать.

— Я так надеялся, что мы сегодня увидимся.

— Я тоже, Джерри. Очень надеялась. И мне очень жаль.

— Ничего не поделаешь! У тебя работа... У меня, кстати, тоже. Надо что-нибудь написать, а то диссертация стоит. Попробую.

— И еще, Джерри. Нашу «сто первую» нашли.

— Сто первую?

— Ну да! Ты что, не помнишь? Я тебе рассказывала, как один из вашингтонцев написал зеленой краской номер на самом первом пришельце. Сто один.

— Да, рассказывала. Так, значит, его нашли? Где?

— На ферме возле маленького городка в Айове. Дейвис Корнерс. Фермер думает, что она что-то посадила или посеяла у него на поле, и теперь караулит его. Когда фермер подходит к полю, она его отгоняет.

— Что же он там мог посеять?

— Может быть, и ничего. Но фермер так думает. Джонни собирался послать меня туда, но тут появилось это дело в Лоун-Пайне.

— А зачем он собирался тебя туда послать? Что ты смогла бы там сделать?

— У Джонни бывают предчувствия. Он руководит редакцией по наитию. И иногда его предчувствия сбываются. Знаешь, есть такое, что можно назвать интуицией журналиста. Это действительно предчувствие. Но мне пора. Самолет уже ждет, а Чет стоит рядом и переминается с ноги на ногу.

— Ты мне нужна, Кэти.

— Ты мне тоже. Давай работай. Чтобы к моему возвращению много-много сделал.

— Я постараюсь. Спасибо, что позвонила, Кэти.

Он положил трубку. И остался сидеть у стола; просто сидел и ничего не делал. Комната снова стала давить. И снова полезли в глаза грязные окна и потеки на стенах.

«„Сто первый“, — думал он. — Сидит где-то в Айове и караулит поле. А с какой стати в Айове? В Айове же нет деревьев — во всяком случае, их там немного. Это не Миннесота, там нет лесов. Фермер подумал, что „сто первый“ что-то посадил или посеял у него на поле. А что он мог посадить?» Джерри помотал головой. Нет, наверное, фермер ошибся.

Он встал из-за стола и принялся ходить по комнате из угла в угол, с пугающей отчетливостью вспоминая те часы (или минуты?), что провел внутри «сто первого». Перед глазами снова возникли светящиеся диски, бледный голубой свет, странное мерцание... «Там было что-то, — думал он, — что я должен был понять. И понял бы, если бы пробыл там чуть подольше».

Если бы он пробыл там подольше, если бы мог снова с ним заговорить...

«Стоп! — сказал он себе. — А не дурак ли я? Называть это разговором просто идиотство. Я ведь с ним не разговаривал. Это он мне внушал, навевал какие-то впечатления, и только. Ощущение дома, ощущение чего-то, связанного с деревьями...

И нет никакой уверенности, что это на самом деле исходило от „сто первого“, а не возникло у меня в голове... Почему возникло?..»

Он снова сел за стол, подвинул к себе бумаги, взял ручку — но работать не мог. Из-под пера вместо букв лезли какие-то непонятные закорючки и спирали. Он стал всматриваться в них, пытаясь разобрать, что они означают, но не сумел. Это было так непонятно и неприятно, что он разозлился... В голове была полная каша.

«А может быть, — подумал он, — ответ как раз там, на ферме в Айове?» Но это же чистейшее безумие! Ну поедет он в Айову, придет на поле — а пришелец прогонит его так же, как фермера... Он фантазировал и прекрасно понимал это — но такое понимание не помогало: фантазия не отпускала его. Он должен попасть в Айову. Да, теперь он был уверен: надо ехать в Айову! Хотя у него не было ни малейшего понятия, что он будет там делать.

Он снова поднялся из-за стола и зашагал по комнате, стараясь избавиться от наваждения. Но оно не проходило, оно стучало в мозгу молотом. Ему надо понять, а это единственная возможность, какую он мог себе представить. Только так он может получить ответ. Конечно, может ничего и не получиться, но нельзя упускать такой шанс. Надо попробовать. Надо подчиниться предчувствию. Кэти сказала, что Джонни Гаррисон работает по интуиции и иногда его предчувствия оправдываются...

Он боролся с этой мыслью до самого вечера, но так и не смог одолеть ее. Ему надо ехать в Айову... Он хочет ехать в Айову, но ведь у него нет машины. Но если попросить у

Чарли, тот, наверное, даст. Не может же он не позволить взять его машину на день-два!..

Вытерев со лба внезапно выступивший пот, он поднял трубку и начал набирать номер Чарли.

Глава 34

Лоун-Пайн

Через бинокль было видно, что на том берегу возле мертвого пришельца копошится кучка людей. Что они там делали, Кэти разобрать не могла. Единственное, что ей удалось рассмотреть, — они каким-то образом (пилами, что ли? — удивилась она) отрезали куски от мертвого тела. Наверное, брали образцы, чтобы отвезти в Вашингтон или еще куда-нибудь на исследование. Они возились с каким-то оборудованием, но на таком расстоянии невозможно было рассмотреть, что именно они делали. Кэти пыталась найти кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить, но это ей не удалось. Меры безопасности были приняты строгие. Мост, построенный армейскими инженерами, перекрыли гвардейцы. Кроме того, гвардейцы патрулировали берега, задерживая всякого, кто пытался перебраться через реку.

Остальные пришельцы не обращали никакого внимания на то, что происходило возле их мертвого собрата. Они продолжали валить деревья и выплевывать целлюлозные тюки. Некоторые из них почковались, и уже около дюжины малышей носились вокруг, жуя целлюлозу.

Кэти опустила бинокль и положила его на колени.

— Видно что-нибудь? — спросил Нортон.

— Я ничего не могу разобрать, — Кэти подала ему бинокль. — Хочешь посмотреть?

— Даже если я что-нибудь и увижу, все равно, наверное, ничего не пойму, — сказал Нортон. — Я думал, что они постараются перетащить пришельца куда-нибудь. Хотя бы в университет в Миннеаполис. Но, должно быть, эта штуковина слишком тяжела. Наверное, тонны и тонны весит.

— Может быть, когда-нибудь и перетащат... Если я не ошибаюсь, необходимо как можно быстрее получить образцы тканей — если это можно назвать тканями. То, что они там достают.

Нортон поднял бинокль к глазам и долго смотрел. Потом отдал его Кэти.

— Я никогда не видела такой секретности, — сказала Кэти. — И никогда не видела, чтобы меры принимались так быстро. Мы с Четом появились здесь всего через несколько часов после твоего звонка, но все уже было перекрыто. Обычно в таких случаях организуют хоть какую-то связь с общественностью, чтобы хоть как-то объяснять, что происходит. А здесь ничего. Даже нет никого, кто сказал бы, что никакой информации не будет. Просто заперли дверь и не пускают.

— Наверное, в Вашингтоне находят это важным. Совершенно секретно...

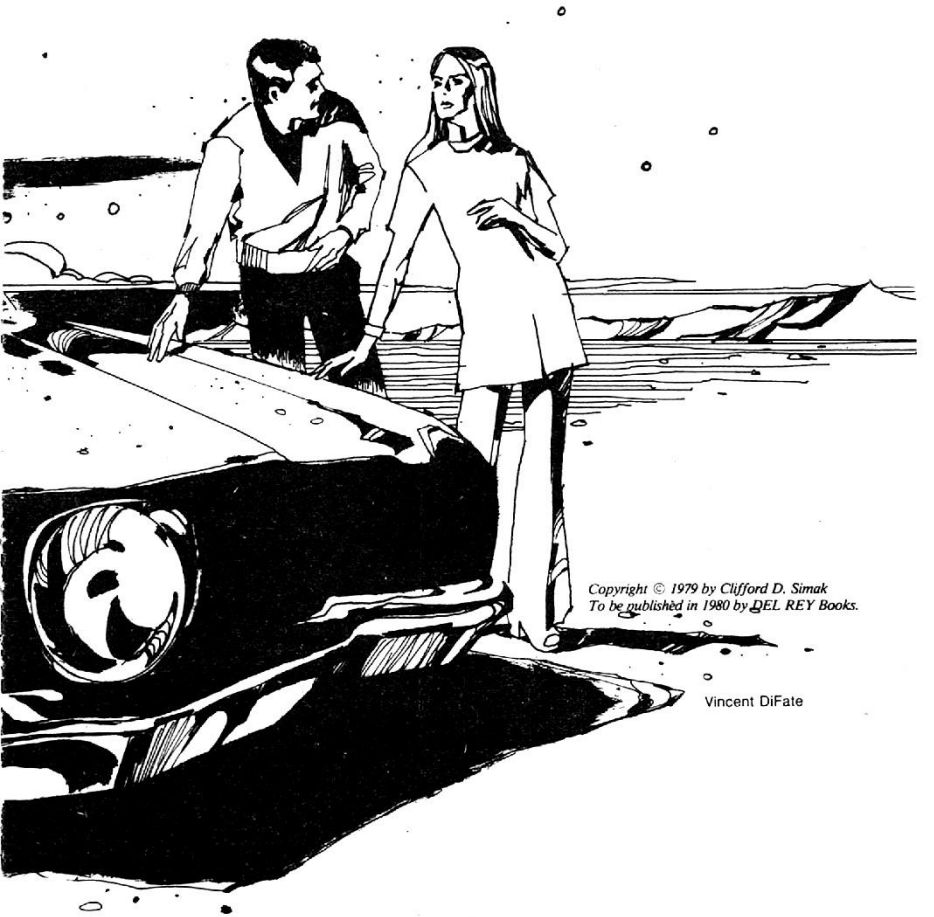
— Конечно, — сказала Кэти. — Ну а кроме того, еще и спешка. Кто мог ожидать, что пришелец умрет и появится такая возможность? Когда мы напишем, какие меры безопасности здесь приняли, правительство начнет возмущаться. Скажет, что мы преувеличиваем.

— Очень скоро Лоун-Пайн будет кишеть газетчиками, — сказал Нортон. — Как в прошлый раз. Может, кому-нибудь удастся что-то проведать.

— Я уже пробовала, — вздохнула Кэти. — Одни гвардейцы — морды кирпичом, — которые никого никуда не пускают. «Не положено!» — вот и весь разговор. Даже офицеров нет. Уж эти-то разговаривают, чтобы показать, какие они важные, если нет другой возможности. Хоть немножко, да скажут. Знаешь, Фрэнк, я удивляюсь, какого черта я здесь торчу. С тем же успехом могла бы сидеть у себя в редакции. Я же здесь ничего не делаю — и не сделаю. Не знаю, что я скажу Джонни, когда позвоню. Может быть, кто-то другой смог бы раздобыть информацию. Может быть, Джей...

— А что Джей? Ты же сама говоришь, что здесь не с кем разговаривать.

— Зло берет, — сказала Кэти. — Хоть бы слухи какие-нибудь были! Когда такая секретность — всегда ходят слухи. Кто-нибудь что-нибудь услышит и начинает плести. А здесь даже этого нет. Стиффи тоже ничего не знает. Я надеялась, что хоть он что-то услышит и расскажет. Ну, присочинит, конечно... И Салли ничего не знает. Если бы знала, если бы



хоть что-то услыхала — обязательно рассказала бы, я уверена.

— Тебе надо подольше побыть здесь, — сказал Нортон. — Если проторчишь здесь достаточно долго...

— А мы с Джерри собирались сегодня пойти пообедать... — вздохнула Кэти. — Оба так мечтали об этом. Мы давно уже никуда не ходили — по-настоящему, не так, чтобы пирожок укусить в какой-нибудь забегаловке. Бедняга Джерри, ему сейчас очень плохо. Шесть студенческих лет с хлеба на воду перебивался, за какую только работу ни брался, чтобы хоть

какие-то денежки водились — сколько там ему нужно-то?.. И живет в какой-то конуре... Я думала, нам надо пожениться. Тогда у него, по крайней мере, было бы приличное жилье... Но ему этого не надо. Он не хочет, чтобы женщина его содержала. Гордость мужская. Это хорошо, что он такой, я его за это уважаю, но все равно мне его жалко... А если он узнает, что я его жалею, — это еще хуже, так что показывать нельзя... Вот я и не показываю. Мы могли бы, конечно, и так пожить. И, может быть, это было бы легче для нас обоих... Но мы не хотим. Ничего плохого в этом нет, многие так живут, но нам не хочется. Даже не знаю почему. Это не для нас. Вот мы и договорились...

— Скоро все уладится, — сказал Нортон. — Еще чуть-чуть — и он станет доктором, получит работу...

— Не знаю, зачем я тебе это рассказываю. Ведь не надо, а оно само из меня лезет... Фрэнк, для чего я это тебе рассказываю?

— Не знаю. — Нортон пожал плечами. — Но я рад, что ты со мной поделилась. Если тебе хоть немного стало легче, я рад.

Какое-то время они сидели молча. Потом Нортон сказал:

— Через пару дней, в конце недели, я возьму несколько дней отпуска. Я так делаю каждую осень, обычно пораньше. Нынче меня пришельцы задержали. Закину каноэ на крышу машины и поеду в заповедник. Остановлюсь где-нибудь у речки, в красивом месте, и поплыву. Нечто вроде прощания с осенней природой, пока погода позволяет. Просто гребу и смотрю по сторонам. Любуюсь. Не суечусь, никуда не тороплюсь... И никакой работы, разве что порыбачу иногда. Но главное — любуюсь.

— Как хорошо... — вздохнула Кэти.

— Я вот о чем подумал. Почему бы тебе не позвонить Джерри и не пригласить его сюда? Скажи Джонни, что берешь отпуск, и составите мне компанию в походе. Отключитесь от всех дел, от всех забот... И вам откроется прекрасный мир.

— Это было бы замечательно, — согласилась Кэти. — Но мы не можем. Я уже использовала весь отпуск в июне, а у Джерри диссертация горит.

— Жаль, — сказал Нортон, — Было бы чудесно поехать с вами.

— Мне тоже жаль, — отозвалась Кэти. — Спасибо тебе.

Глава 35

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Президент вошел в пресс-бюро, когда Портер уже собирался домой. Пресс-секретарь удивился.

— Как поздно вы работаете, сэр, — сказал он, поднимаясь из-за стола.

— Ты тоже, — ответил президент. — Я увидел у тебя свет и решил заглянуть.

— Я вам нужен?

— Только для того, чтобы выслушать меня, Дейв. Мне нужен человек, с которым можно отвести душу.

Президент подошел к дивану у стены, уселся, вытянул ноги и положил руки под голову.

— Дейв, — спросил он, — все это на самом деле происходит или мне снится страшный сон?

— Боюсь, что происходит, — сказал Портер. — Хотя иногда я задаю себе тот же вопрос.

— Ты представляешь себе, к чему это идет? Каким должен быть логический конец?

Портер покачал головой.

— Нет, сэр. В данный момент ничего не могу вам сказать. Но у меня такое чувство... Я верю, что в конце концов все образуется. Самые скверные ситуации улаживаются рано или поздно.

— Ко мне с утра до ночи ломится разный народ, — пожаловался президент. — Советуют, что я должен сделать. Что я, по их мнению, должен предпринять. Много всевозможных глупостей, хотя тем, кто их предлагает, они, вероятно,

таковыми не кажутся. У меня целая гора писем, призывающих объявить День молитвы. Звонят люди, которых я всегда считал вполне здравомыслящими, и тоже предлагают провести день молений. Разрази меня гром, если я сделаю это! Конечно, бывало, что президенты объявляли такой день, призывали народ к совместной молитве, но только в тех случаях, когда возникала настоятельная необходимость. Сейчас я такой необходимости не вижу.

— Причина в религиозной лихорадке, которая началась с появлением пришельцев, — сказал Портер. — Когда люди не знают, что делать, они обращаются к вере. Или к тому, что им кажется верой. Это мистический отход в царство ирреальности. Попытка хоть как-то объяснить необъяснимое, то, что мы объяснить не в состоянии. Поиск какого-то символа, который смог бы увязать наши понятия с явлениями, выходящими за их пределы.

— Я все прекрасно понимаю, — сказал президент. — И даже могу посочувствовать. Но сейчас объявить День молитвы — значит еще обострить проблему, с которой и так непросто. Честно говоря, я не знаю, что делать, но мне не страшно. Может, я не прав, Дейв? Я должен испытывать страх?

— Не думаю, — покачал головой Портер. — Бояться вроде бы нечего. На самом-то деле людьми, настаивающими на дне молений, движет потребность заставить всех остальных хотя бы притвориться, что и они переживают то же самое.

— Последний час или около того, — сказал президент, — я старался просто посидеть спокойно, наедине с собой, и попытаться понять, с чем мы имеем дело. Думал, что если сумею это понять, то смогу и решить, что делать. Первое, что я себе сказал: в настоящий момент нам не угрожает ни насилие, ни принуждение. Пришельцы — надо отдать им должное — до сих пор вели себя очень порядочно. Мне кажется, что они стараются понять, что представляет собой наше общество. Хотя многие его стороны им, конечно же, постичь нелегко. Но если я прав, если они на самом деле стараются

понять, — это должно означать, что они хотят вписаться в наше общество. Хотят действовать в рамках его, насколько им удастся. Я в этом, конечно, не уверен, но так, по крайней мере, все выглядит. И это меня несколько успокаивает. Конечно, в любой момент может произойти что-нибудь такое, что все изменит. В Алабаме полиция арестовала группу помешанных, которые пытались пробраться на стадион с ящиком динамита. Подозреваю, что они хотели взорвать пришельца.

— Даже если бы они и забрались на стадион, вряд ли у них что-нибудь получилось бы, — сказал Портер. — Судя по всему, чтобы потревожить пришельца, нужно что-нибудь посерьезнее, чем ящик динамита.

— Ты прав, Дейв. Если данные эксперимента у Уайтсайда точны, то ты прав, а я думаю, что они точны... Но дело в другом: это был бы обдуманный, целенаправленный агрессивный акт, который мог бы изменить отношение пришельцев к нам. Пока мы не узнаем больше, чем знаем сейчас, — мы не можем позволить себе никакого насилия. Даже ненамеренного, неумышленного. У меня такое чувство, что если пришельцы будут отвечать насилием, то дадут нам сто очков вперед. Мне совсем не хочется конфликтовать с ними.

— Нам на самом деле надо узнать о них гораздо больше, — согласился Портер. — Что там Аллен делает с мертвецом? У вас есть какие-нибудь сведения от него?

— Только то, что работа ведется. Он проводит предварительные исследования на месте. Когда закончат, может быть, удастся перевезти покойника в другое место, где можно будет работать в более благоприятных условиях.

— Его перевезти — не шутка...

— Мне сказали, что это можно сделать. Армейские инженеры обещали помочь. Они все рассчитают и подготовят.

— А есть какие-нибудь данные о причине смерти?

— Забавно, что ты об этом спросил, Дейв. Этот вопрос одним из первых пришел мне в голову. Когда кто-то умирает — хочется спросить, почему это случилось. Мы все

неравнодушны к вопросам жизни и смерти. Я сразу вспомнил Уэллса: у него марсиане погибли, потому что оказались беззащитными перед земными микробами. Я подумал, может быть, и пришельца погубил какой-нибудь вирус, бацилла, грибок... Но причина его смерти совершенно не интересует доктора Аллена. Похоже, он об этом вообще не подумал. Во всяком случае, ничего не сказал. Он был в восторге, что один из них попал-таки ему в руки. В этом парне что-то есть — меня иногда мороз пробирает, когда гляжу на него. Честное слово, иногда кажется, что он вообще не человек. Слишком уж он ученый. Для него ученые — особое братство, отделенное от всего прочего человечества. Опасная установка, она меня беспокоит. Не исключено, что Аллен со своими людьми обнаружит что-нибудь такое, чего совсем не надо рекламировать. Я постарался объяснить ему это, и он вроде понял, но я не уверен. Я знаю, что ты об этом думаешь, Дейв, но...

— Если информация засекречивалась в интересах национальной безопасности, — сказал Портер, — я никогда не был против. Я возражаю против секретности ради самой секретности. Я уверен, что данные о мертвом пришельце следует рассортировать. Конечно, что-то публиковать не надо. Но часть информации вполне можно обнародовать. И если таких сведений наберется достаточно много, средства массовой информации будут довольны. Кто-то может заподозрить, что мы сказали не все, но им не на что будет жаловаться. Кто меня беспокоит — так это люди, занятые в исследованиях. Пресса может добраться до кого-нибудь из них.

— Я предупреждал Аллена. Никого со стороны у него сейчас нет, там работают только его люди. Он клянется, что на них можно положиться. Маловероятно, что кто-нибудь сможет хотя бы подойти к ним близко, не то что заговорить. Лоун-Пайн заблокирован так, что туда и змея не проползет.

Президент встал с дивана и направился к двери, но потом вернулся и снова сел.

— Мне другое не нравится, — сказал он. — Эти чертовы Объединенные Нации. Они жмут на нас, чтобы заставить признать событие с пришельцами международным делом. Ты, разумеется, в курсе.

Портер кивнул.

— Сегодня мне на брифинге подкинули несколько острых вопросов. Был момент, когда я катался по тонкому льду.

— Собираются вынести на голосование резолюцию, — сказал президент. — И она наверняка пройдет, черт побери. У нас нет никакой возможности ее задержать. С нами будет полдюжины правительств, не больше. Мы, конечно, нажмем на все рычаги, но шансов почти никаких. Все наши младшие братья, за которых мы распинаемся, желая им помочь, будут голосовать против нас.

— Ну, принять резолюцию они могут. Но им трудно будет провести ее в жизнь.

— Конечно. Но вид у нас будет непрезентабельный. Престиж наш упадет, и весьма.

— Может быть, сейчас стоит наплевать на престиж. Это наше дело. Пришельцы к нам прилетели.

— Наверное, ты прав, Дейв. Но есть и другие точки зрения. Госсекретарь в ужасе от такой перспективы.

— Он всегда в ужасе.

— Знаю. Но не только он и не только резолюция ООН подпортят нам настроение. Тут еще «зеленые» поднялись на защиту наших заповедных лесов... Лесопромышленники вопят... Фермеры, у которых пришельцы сидят на полях, начинают беспокоиться... Весь деловой мир в шоке. На товарных биржах скачки сумасшедшие. Иногда я ловлю себя на мысли, что лучше бы они прилетели к кому-нибудь другому. Знаю, что не надо бы мне так думать, но все равно в голове вертится: почему мы? Почему не Европа, не Южная Америка или хотя бы, господи прости, не Советский Союз?

— Я вас очень хорошо понимаю, — сказал Портер. — Это слишком большая...

— Если бы я мог хоть когда-нибудь чего-нибудь добиться, — перебил его президент. — Если бы не приходилось драться за каждый дюйм прогресса. Взять хотя бы энергетический проект. Вполне разумный проект, все это можно сделать. Я мог бы привести сотни инженеров высочайшего класса, которые поклянутся, что этот план осуществим. Солнечная энергетика в пустынях Юго-Запада, несколько миллионов, чтобы довести до ума системы криогенной передачи и аккумуляции... Энергии хватило бы на всю страну, а система передачи способна распределять и хранить энергию практически без потерь. Но Конгресс видит все в ином свете. Почему? А черт их знает! Да нет, я тоже знаю: половина сидит в кармане у энергетических корпораций, а другая половина такие тупицы, что можно только удивляться, как они до дома добираются из Капитолия.

— Когда-нибудь, — сказал Портер, — они все равно к этому придут. Рано или поздно, но им придется понять...

— Конечно, — сказал президент. — Когда-нибудь. Я могу тебе сказать, когда это случится. Когда бензин будет стоить пять долларов галлон, и тебе придется выстаивать полдня в очереди, чтобы получить по норме свои три галлона. Когда ты начнешь замерзать зимой, потому что не сможешь себе позволить сжечь достаточно природного газа, чтобы обогреть дом. Когда у тебя на весь дом будет единственная лампочка в двадцать пять свечей, чтобы не платить за электричество так много...

Глава 36

Айова

Солнце уже село, на землю постепенно спускались сумерки, когда Джерри Конклин свернул на заправочную станцию.

— Залейте бак и масло проверьте, пожалуйста, — попросил он служащего.

Пока тот возился с машиной, Джерри вышел к дороге. Бензозаправка располагалась на окраине одного из тех маленьких поселочков, через какие он проезжал по дороге сюда. Небольшой, тихий торговый центр, обслуживающий окрестные фермы. Городок, такой же, как все другие, состоял из нескольких рядов небольших аккуратных домиков и крошечного делового квартала. В некоторых домах уже зажглись огни, движения на дороге почти не было. Поселок погрузился в вечернюю тишину, лишь изредка нарушаемую лаем собаки.

Джерри стоял возле дороги, оглядывая ее в обе стороны. Чувство боли не проходило. «Глупо, — говорил он себе, — глупо было сюда ехать». Его погнала в путь какая-то иррациональная сила, которую он сам не мог объяснить. Он должен был с самого начала знать, что из поездки ничего не выйдет. Глупо было думать, что «сто первый» его узнает — хотя, быть может, все-таки узнал?.. Но если и узнал, Джерри это ничего не дало.

...Несколько раз сбившись с дороги и отыскав ее только с помощью местных жителей, он подъехал наконец к той самой ферме.

Фермер был дома и бродил по двору с молотком и гвоздями, поправляя деревянную изгородь.

— Да-а! Так там и сидит, поле караулит, — сказал он Джерри. — Но тебе нет смысла туда идти. Можешь, конечно, попробовать, но я и так знаю, что будет. Я бы сам с тобой сходил, но у меня, видишь, работа. Чушки забор разнесли. Надо починить, а то их не удержишь — все норовят удрать.

Джерри пошел к полю. Старина «сто первый» сидел на лугу неподалеку от вспаханной полосы. Он не шевельнулся, чтобы прогнать Джерри. Просто сидел — и все. Джерри подошел к нему, обошел вокруг, глядя на него и пытаясь восстановить в памяти, как он выглядел, когда впервые опустился на мост. Воспоминание о том, как «сто первый» лежал поперек реки, как летели бревна и доски разбитого моста, было ярким и четким; но Джерри все равно трудно было

узнать в этом пришельце того, прежнего. Теперь он казался как будто меньше, хотя — Господь свидетель — он был достаточно велик.

Джерри обошел вокруг него, потом подошел вплотную и положил на него ладони, ощущая приятное тепло. Потом похлопал по шкуре, легонько стукнул кулаком... Пришелец словно не замечал его.

— Скажи мне, — попросил Джерри, — скажи, что я должен узнать.

«Сто первый» не ответил. И вообще не обращал на него внимания. Но Джерри был уверен, что тот знает о его присутствии. Почему появилась такая уверенность — он сказать не мог.

Джерри провел около пришельца много времени. Разговаривал с ним, гладил — но тот не реагировал. В конце концов Джерри медленно пошел прочь, то и дело оборачиваясь. И всякий раз он видел, что «сто первый» по-прежнему неподвижен.

«Однако он меня не прогнал, — думал Джерри. — Ведь он прогонял всех, кто приближался, а меня не тронул. Даже не попробовал. Это уже само по себе может быть свидетельством того, что он меня узнал...»

— Мистер, — сказал служащий бензозаправки, вытащив щуп, — вам нужна кварта масла.

— Хорошо, залейте, — согласился Джерри. — Этому автомобилю всегда нужна кварта масла.

Он заплатил, сел в машину, выехал на дорогу и направился в сторону городка.

Но, добравшись до делового центра, он покружил по улицам — и повернул обратно.

Он снова поехал на ферму, хотя ему было совершенно непонятно, зачем он туда направляется. «Быть может, это простое упрямство, — думал он, — отчаянное нежелание сдаться, настырная, дурацкая уверенность, что от „сто первого“ все-таки удастся добиться ответа». Он повернул назад не потому, что так решил, — он ничего не взвешивал, не

спорил сам с собой, он даже не знал, что едет назад, пока не обогнул деловой квартал и не увидел, что возвращается туда, откуда только что приехал. Будь что будет — он не пытался бороться с собой.

Он решил больше не заезжать на ферму. Хотя хозяин держался очень приветливо, Джерри заметил, что его слегка уязвило, когда пришелец не стал отгонять приезжего. Джерри показалось, что по лицу фермера пробежала тень мрачного подозрения.

«Собственно, — подумал он, — мне и не нужна ферма. Оставлю машину на проселочной дороге и прогуляюсь с полмили. Когда я туда приеду, будет уже темно, так что вряд ли попадусь кому-нибудь на глаза. Вечер ясный, скоро выйдет луна, так что будет достаточно светло, чтобы добраться до „сто первого“».

На пути к ферме ему несколько раз начинало казаться, что он заблудился. Однако он запомнил несколько ориентиров — ветхий железный мостик через ручей, одинокий дуб возле старого стога — и, увидев их, успокаивался. Вскоре после десяти вечера он нашел ту самую проселочную дорогу, проехал по ней примерно милю и остановился. По его расчетам, отсюда можно было добраться до пришельца, не сбившись с пути.

То ли ему повезло, то ли расчет оказался точнее, чем он думал, но очень скоро он рассмотрел в темноте и фермерский дом, и черную громаду «сто первого» на лугу. Однако он оказался дальше, чем предполагал Джерри. Конклин направился к нему, то и дело спотыкаясь на стерне. Пару раз пришлось перелезать через изгородь из колючей проволоки. В темноте это было довольно неприятно. К ночи стало прохладно. Джерри застегнул пиджак и поднял воротник, чтобы защититься от ветра. Слева, в овраге, временами ухала сова, словно проверяла голос, а когда ветер менял направление — слышался отдаленный собачий лай.

Вокруг не было ни души, но в самой пустоте, казалось, таилась какая-то угроза. У Джерри было ощущение, что из-

под земли внезапно может что-то выскочить. Хотя он совершенно не представлял себе, что бы это могло быть.

Казалось, он шел уже целую вечность. Временами ему чудилось, что он вообще никуда не шел, а шагал на одном месте. Чтобы избавиться от ужасного ощущения, он заставил себя побежать — но, несколько раз споткнувшись, снова перешел на шаг. И вдруг, неожиданно, он очутился у цели; перед ним, озаренная лунным светом, возвышалась громада «сто первого».

Он проковылял последние несколько ярдов и привалился к пришельцу, прячась от холодного северо-западного ветра. У него возникло странное желание свернуться калачиком и никуда не уходить, словно он добрался до какого-то убежища, где ему надо остаться. Но он знал, что это глупо. И остался стоять, припав к пришельцу головой и переводя дыхание.

Немного постояв так, он поднял голову и посмотрел на звезды. Их спокойное мерцание резко обрезалось кромкой черной стены. Чувство одиночества не проходило. Одиночества и потерянности. Джерри надеялся, что оно исчезнет, когда он доберется до пришельца. Но вот добрался — а все по-прежнему.

«Ну вот я снова здесь, — подумал он. — Вернулся. Повторил ту же самую глупость, которую уже совершил сегодня. Такую же глупость я сделал и дома, когда позвонил Чарли и спросил, нельзя ли взять его машину».

Но ведь он был так уверен!.. Это чувство существовало вне логики, за пределами каких-либо резонов.

Наконец он отдышался. Потом отступил от пришельца, медленно повернулся к нему спиной и неохотно сделал первый шаг, собираясь вернуться к машине, стоявшей у проселка.

Но в тот момент, когда он сделал этот шаг, на него обрушилось нечто змееподобное, сжало ему грудь, словно железным обручем, и рвануло вверх. Он успел увидеть голые осенние поля, залитые бледным лунным светом, извилистый

ручей, блеснувший меж деревьев, и свет окон фермерского дома поодаль...

А потом он снова очутился в странной темноте, не черной, а синей, снова ощутил запах влажной затхлости в сухом, горячем воздухе. Снова вокруг быстро мерцали какие-то неясные вспышки, освещая непонятные тени, мелькавшие так быстро что он не успевал их рассмотреть. На него опять смотрели ряды круглых глаз. «Словно я и не уходил отсюда», — подумал он.

Упав на колени, он медленно поднялся на ноги — но чуть не рухнул снова: от потока ураганных чувств, навалившихся непонятно откуда, закружилась голова. Он снова опустился на колени и уперся в них руками, чтобы не упасть ничком.

И все это время в нем бились странные чувства, грохотали в мозгу. Их было так много и они были так сильны, что он не мог от них отгородиться и был не в состоянии понять, что они несут в себе.

«Ну, успокойся, — прошептал он. — Хватит. Отпусти меня».

В голове стало тихо, и он покачнулся, словно внезапно лишился какой-то опоры.

Потом те же чувства пришли снова, но на этот раз потише, крадучись, как кошка, подбирающаяся к птице.

Глава 37

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

— Папа, — сказала Элис. — Мне не нравится то, что я слышала.

Сенатор Дэйвенпорт, развалившийся в кресле, посмотрел на нее поверх стакана с виски.

— И что же такого ты слышала, дорогая моя? — громыхнул он.

— Все эти разговоры на Холме — не громко, а так, по коридорам, — о том, что надо избавиться от пришельцев. Подлые разговоры. Что надо опрыскать деревья, которые они

едят, какой-нибудь психодислептической заразой... Что стоит потратить миллионы, чтобы вывести какую-нибудь бациллу или грибок, которые были бы смертельны для них... Что гораздо полезнее истратить миллионы не на их изучение, а на то, чтобы избавиться от них и вернуть все на круги своя, словно их и не было...

— Ты знаешь, до меня доходили такие слухи, — произнес сенатор неожиданно мягко. — Это называется биологическое регулирование. Не война против них, а биологическое регулирование.

Он повернулся в кресле и посмотрел на Портера.

— Быть может, наш друг из Белого дома что-нибудь расскажет нам об этом?

— Пожалуй, я лучше воздержусь, — сказал Портер.

— Ты знаешь, — сказал сенатор, — похоже, что некоторые из ребят слегка завелись. Пока они только болтают промеж себя, но скоро могут и перейти к делу.

— По-моему, об этом рано даже задумываться, — возразил Портер. — Все разговоры о том, чтобы уничтожить пришельцев, несколько преждевременны. Говорят, что надо, мол, вывести какую-нибудь болячку, которая будет избирательно поражать только их. Но я уверен, что они только болтают. Ни у кого нет ни малейшего представления, как к этому подступиться. Прежде всего надо знать, что представляют собой пришельцы и как функционируют их жизненные системы. Без такого знания невозможно подобрать ключ: совершенно непонятно, как они будут реагировать. Ну и с избирательностью тоже не просто. Кто поручится, что новая болячка окажется такой привередливой: станет кушать только пришельцев, а от нас с вами откажется? Может случиться, что человечество окажется истребленным вместе с пришельцами, а то и раньше их.

— В любом случае эта идея чудовищна, — вмешалась Элис. — Ведь пришельцы ничего плохого нам не сделали, нам не на что обижаться.

— Вот тут я не уверен, — возразил сенатор. — Поговори с любым защитником природы. Они все в панике. Они уверены, что если не будут приняты меры, то эти твари уничтожат последние заповедники. Вот тебе и жалоба. Или возьми президента какой-нибудь лесопромышленной компании, у которого побывал в гостях наш большой черный друг... Зашел этак и позавтракал: парочку складов, ням-ням — и нету... Или поговори с каким-нибудь работником авиакомпании, который поседел за последние дни: все время ждет, что его самолет столкнется в воздухе с пришельцем... Или с диспетчером аэропорта, которому некуда принимать рейсы, потому что на полосе гость сидит...

— Это все интересы меньшинства, — сказала Элис. — Отдельные группировки пытаются навязать свои интересы всем остальным.

— Странно слышать это от тебя, дочка, — сказал сенатор. — Мне всегда казалось, что ты болеешь за интересы меньшинства. Бедные, угнетенные негры, бедные, угнетенные индейцы...

— Это разные вещи, — возразила Элис. — Мои меньшинства — культурные меньшинства. А твои — экономические. Бедные, угнетенные бизнесмены, которым вдруг причинили какой-то ущерб.

— Защитники природы вовсе не бизнесмены, — не согласился сенатор. — У них нет никаких экономических интересов, одни эмоции. И они по природе бузотеры, от рождения.

— Мне начинает казаться, — сказал Портер, — что отношение к пришельцам меняется. Поначалу они вызывали взволнованное любопытство. Теперь, когда к ним уже привыкли, они начинают раздражать. Теперь они превратились просто в черные глыбы. Торчат в ландшафтах там и сям или летают над головами... И хоть по мелочам, но мешают некоторым в их повседневных делах. Через несколько месяцев — может быть, даже недель — это раздражение, пока слабое, может перерасти в неприязнь, а потом и в ненависть. И не потому, что они затрагивают чьи-то интересы, а просто есть

такая штука — общественное мнение. Если такое на самом деле произойдет, будет скверно. Нам просто необходимо запастись терпением и временем, чтобы выяснить, что они собой представляют и как нам следует вести себя с ними.

— В Миннесоте работает Аллен, — сказал сенатор. — У него что-нибудь получается?

— Я ничего не знаю, сенатор. Ничего определенного. Он до сих пор не дал даже предварительного отчета, если вы это имеете в виду. Но ходят слухи, что пришельцы — растения. Во всяком случае, принадлежат к царству растений.

— Растения? Боже мой, это же совершенно немыслимо!

— Совершенно с вами согласен, сенатор. Я пытался выяснить, откуда пошел такой слух, но мне не удалось.

— Говорят еще, что они умеют управлять силой тяжести, — сказал сенатор. — Это очень интересно. Этому мы могли бы найти применение.

— Эти разговоры возникли оттого, что они держатся в нескольких дюймах над землей, как бы плавают, висят, а когда перемещаются — не используют никаких движителей, — сказал Портер. — Во всяком случае, движителей в нашем понимании у них нет. На самом деле, конечно, никто ничего не знает. И потому идея о гравитационном контроле — соломинка, за которую ухватились в попытке хоть что-то объяснить... Ведь они опровергают все законы физики, какие нам известны.

— Вы оба все время говорите о том, что мы можем получить от пришельцев, — вмешалась Элис. — А вам не приходит в голову, что и они могут думать о нас точно так же: что они могут получить от нас?

— Разумеется, — сказал отец. — Они получают целлюлозу. Не такая уж большая плата за гравитационный контроль, если мы сможем научиться у них.

— Они еще несколько автомобилей съели.

— Ну, это ерунда. Всего несколько штук, и только один раз. А больше такого не было. Больше они машин не трогали.

— Интересно, — сказала Элис, — зачем им понадобились те машины? И я не понимаю тебя, папа. Сначала ты набрасывался на них: леса уничтожают, страну разоряют и все такое.

— Я пересмотрел свою позицию, — заявил сенатор. — Я начинаю видеть весьма заманчивые перспективы, если мы сумеем правильно разыграть свои карты. — Он повернулся к Портеру. — Я все время слышу разговоры о каком-то эксперименте, который якобы проводили с пришельцем наши военные. Эта история все время плавает вокруг, но ничего толком не ясно. Ты об этом что-нибудь знаешь?

— То же, что и вы, — ответил Портер. — Тоже все время слышу эту историю и тоже ничего не могу понять.

— Ничего конкретного? Никаких деталей?

— Абсолютно.

— У этих созданий должна быть какая-то защитная система, — сказал сенатор. — В космосе они наверняка подвергались опасностям, хоть я не могу себе представить, каким именно. Хотелось бы узнать, как они защищаются.

Глава 38

Миннеаполис

Редакторы сидели на совещании в кабинете у главного. Через полуоткрытую дверь доносились стук пишущих машинок и голоса.

— У нас есть материал об индейцах в Блэк-Хилсе, Джей написал, — сказал Гаррисон. — Надо бы дать его поскорей.

— Я думал, ты его придерживаешь для воскресного номера, — удивился Лэтроп.

— Так оно и было. Но там уже места не осталось, а если задержать его дольше, он устареет. Есть еще энергетическая тема, Джемисон работал несколько недель. Выяснял, чем может обернуться для нас настоящий энергетический кризис. Хорошая работа. Он переговорил с массой людей. Докопался до всего. Статья длинная, но похоже, что сегодня ее

можно поместить. Новостей сегодня немного, так что ее можно дать по верху первой полосы.

— О пришельцах ничего интересного нет?

Гаррисон посмотрел на Гоулда. Тот пожал плечами.

— Ничего особенного. Тема начинает приедаться.

— Это верно, — согласился Гаррисон. — Мне тоже кажется, что такого воздействия, как в первые дни, материалы о пришельцах уже не имеют. Читатель начал от них уставать. Мы тему разрабатывали вовсю, но это имеет смысл до тех пор, пока читатель заинтересован. Но если мы будем продолжать в том же духе, пришельцы ему поперек горла встанут.

— Что твоя Кэти? До сих пор в Лоун-Пайне торчит?

— Торчит, — подтвердил Гоулд. — Что из этого выйдет, пока не ясно. До сих пор ничего не вышло. Никто ничего не может узнать ни там, ни в Вашингтоне. Никогда не видел, чтобы так аккуратно все скрывали.

— Похоже, там происходит что-то по-настоящему серьезное, — сказал Гаррисон. — Иначе к чему вся эта секретность? Но мы, по всей вероятности, так ничего и не узнаем, пока кто-нибудь не решит заговорить.

— А что в вашингтонском бюро?

— Они тоже ничего не могут разузнать, — сказал Хэл Рассел, работавший с корреспондентскими пунктами газеты. — Пару часов назад я разговаривал с Мэттьюсом. Он говорит, ничего. Абсолютно ничего. Или никто ничего на самом деле не знает, или молчат как рыбы. Ходят какие-то слухи, но ничего такого, о чем можно написать. Если кто-то что-то знает — то, наверное, лишь несколько человек. В Вашингтоне, если хотя бы десять человек что-то знают, кто-нибудь обязательно проболтается. Утечка всегда бывает.

— Так зачем же вы держите Кэти в Лоун-Пайне? — удивился Эл Лэтроп. — Если Вашингтон молчит, есть ли у нее какие-нибудь шансы?

— Кэти чертовски хороший репортер, — сказал Гаррисон. — У нее не меньше шансов раскопать что-нибудь, чем у вашингтонского бюро.

— По-моему, надо вызвать ее сюда, — сказал Лэтроп. — С этими отпусками, если вдруг что-нибудь возникнет, у нас может оказаться слишком мало людей. Здесь от нее будет больше пользы.

— Как вам угодно, — мрачно и с неожиданной злостью сказал Гаррисон.

— Если вас по-прежнему интересует проблемная статья о пришельцах, — сказал Гоулд, — у Джея есть интересная мысль. Он на днях разговаривал с одним парнем из университета, тот работает над проблемами коренных американцев. Так вот, этот парень проводил параллель: мы и пришельцы — индейцы и белые, когда белые впервые появились в Америке. Он сказал, что индейцы в итоге проиграли потому, что технологии белых опрокинули индейские технологии, и в результате индейцы утратили свою культуру. Поражение индейцев началось в тот день, когда первый индеец захотел поменять свой каменный томагавк на стальной топорик. И уж так ему нужен был этот стальной топорик, что он готов был продать свои природные ресурсы, несмотря на явную несправедливость сделки.

— Такой материал был бы косвенной пропагандой, — сказал Лэтроп. — Вам с Джеем следовало бы это знать.

— Джей не собирался писать его только с индейской точки зрения, — возразил Гоулд. — Он намеревался поговорить с экономистами, с историками, с другими людьми...

Лэтроп покачал головой.

— Сейчас, когда муссируется эта история с индейцами в Блэк-Хилсе, нам лучше держаться подальше. Как бы хорошо ни было написано, при всей объективности, нас все равно обвинят в пристрастности.

— Ну ладно, — сказал Гоулд. — Это так, к слову. Просто мысль интересная.

Глава 39

Айова

Волны плескались и набегали на берег. Дикс-Лэндинг, расположенный на речной террасе в нескольких футах над водой, состоял из нескольких полуразвалившихся домиков. За ними высились утесы Айовы. Ближе к другому берегу находился остров. Он отгораживал рукав реки; точнее, один из многих ее рукавов, потому что здесь Миссисипи, разбежавшись по широкой пойме, превращалась в водяные джунгли. На востоке синели скалы висконсинского берега.

Джерри стоял на берегу и смотрел, как снизу подходит небольшая гребная лодочка, чихая маленьким подвесным мотором. Лодчонка неуверенно поднималась по протоке, с трудом преодолевая сильное течение. На корме сидел человек. Один.

У причала человек направил лодку к берегу, к шатким мосткам. Пока он вылезал из лодки и привязывал ее, Джерри рассмотрел, что он старше, чем показалось сначала. Буйная шевелюра была совсем седой и плечи сутулые, но двигался он с веселой живостью, словно юноша.

Он прошел по мосткам, вышел на берег и поравнялся с Джерри.

— Вы Джимми Квин? — спросил Джерри.

— Да. А вы кто?

Джимми остановился и посмотрел на него яркими синими глазами. От глаз к вискам по загорелой коже разбегались светлые морщинки.

— Меня зовут Джерри Конклин. Мне сказали, что вы должны скоро появиться. Если я правильно понял, вы хорошо знаете эти места.

— Еще бы! Я здесь с самого младенчества лазил. Меня речной крысой прозвали — так оно и есть, наверное. С тех пор как ходить научился, я всю жизнь в этих дебрях. На самом деле — дебри, доложу я вам. Озера, болота, протоки, острова... Я тут знаю все, на много миль вверх и вниз по

течению. Я тут и охотился, и рыбачил, и капканы ставил — во всех уголках побывал. Ну а чем я вам могу быть полезен?

— Насколько я знаю, где-то здесь приземлились несколько пришельцев. Где-то в пойме.

— Пришельцы? Какие пришельцы? А-а, понял! Я это слово слышал. Вы о тех черных ящиках, да? Про них еще говорят, что они с неба опускаются.

— Да, я про них, — подтвердил Джерри. — Вы их видели, верно?

— На Гусином острове, — сказал Квин. — Большой остров, посреди поймы, мили четыре отсюда вниз по реке, может, пять. Там я их и видел, троих. Не знаю, может быть, там уже никого и нету. Я их видел только издали, только верхушки над лесом. Дело уже было к вечеру, так что я задерживаться не стал. Ну а если бы и не к вечеру — все равно, наверное, не стал бы. Жутковатые они, доложу я вам. Какие-то не наши. Смотришь на них — и мороз по коже. Я поначалу не сообразил, что это за чудо такое. А потом вспомнил, что это, должно быть, те самые пришельцы. А вы как узнали? Я никому про них не рассказывал. Надо мной бы смеяться стали. Люди и так думают, что я ненормальный. По правде сказать, может, они и правы. Слишком долго я пробыл на реке.

— А вы бы не согласились отвезти меня к ним?

— Не сейчас, — сказал Квин. — Не сегодня. Скоро ночь, а на нашей реке ночью делать нечего. Моторишко у меня — вы сами видели; на таком моторе до Гусиного быстро не доберешься. Нас в пути темнота застанет.

— Ну так завтра... Или даже послезавтра. Есть еще один человек, который захочет поехать с нами. Мне нужно время, чтобы найти того человека. А потом ей еще надо будет добраться сюда из Миннеаполиса.

— Женщина?

— Да, женщина.

— А чего надо женщине от этих пришельцев?

— Быть может, сегодня во всем мире нет человека, который знал бы о них больше, чем она.

— Черт побери! — удивился Квин. — Никогда не знаешь, чего можно ожидать от женщины. Ну а если я вас туда отвезу, что-нибудь мне перепадет?

— Мы вам заплатим.

— Наличными?

— Наличными.

— Так вы хотите подойти поближе к этим штуковинам? Если они еще там. Вы знаете, они ведь и улететь могли...

— Мы хотели бы подойти поближе.

— Знаете, мистер, я к ним близко не пойду. Я вас туда отвезу, а после подожду, чтобы назад отвезти. Но близко к ним подходить мне не хочется.

— Вам и не надо будет идти с нами. Только покажите их. Это все, больше от вас ничего не потребуется. И подождать, чтобы увезти нас оттуда.

— Так вы дайте мне знать, когда я вам понадоблюсь. Я обычно на реке весь день. К вечеру возвращаюсь.

— Договорились, — сказал Джерри.

Глава 40

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

— Это только предварительный отчет, — сказал Аллен, советник президента по науке. — Скоро будут уточненные данные.

— Значит, вы кое-что выяснили, — сказал президент.

— Да, кое-что. Кое-что. Невероятно, трудно поверить... Мне нелегко было заставить себя поверить. Но вот анализы. Против фактов не попрешь. И нет никаких оснований сомневаться в полученных результатах.

— У вас не совсем здоровый вид, доктор, — сказал Уайтсайд.

— Есть от чего заболеть, — согласился Аллен. — Это опрокидывает все научные знания, которые у нас есть. Ничего подобного мы и представить себе не могли. Эти проклятые создания сделаны из целлюлозы.

— Целлюлозы? — спросил президент. — Белое волокнистое вещество?

— Когда пришельцы ее обрабатывают, она уже не белая и не волокнистая. — Аллен оглядел кабинет. — Нас здесь четверо. Кто-нибудь еще придет?

— Сейчас никого больше не будет, — сказал президент. — Попозже, когда мы будем знать больше, может быть, вам придется поговорить и с другими людьми. Пока нас только четверо. У генерала Уайтсайда особые интересы, он должен знать о ваших открытиях. А Дейв здесь потому, что он знает почти все, что знаю я сам. Все, что вы здесь сейчас расскажете, — строго конфиденциально. Я полагаю, ваши сотрудники тоже не проболтаются.

Аллен напрягся.

— Посвящены всего четверо моих сотрудников. Они все понимают.

— Почему всего четверо? — спросил Уайтсайд. — Ведь работало гораздо больше.

— Все остальные — вспомогательный персонал: отбирали образцы на миннесотском пришельце и так далее. А в лабораторных исследованиях были заняты только четыре человека. Только они знают то, что я собираюсь вам рассказать сейчас.

— О'кей, доктор, — сказал президент. — Начинайте.

— Так вот. Это создание состоит из целлюлозы. Но целлюлоза совсем не та, которую мы знаем. Чтобы точно описать ситуацию, пришлось бы использовать сугубо специфическую терминологию.

— Мы бы ее все равно не поняли, — сказал президент. — Постарайтесь как-нибудь упростить, доктор.

— Постараюсь, как смогу. То, что я скажу, будет упрощено сверх меры, и за счет этого сверхупрощения, возможно, будут допущены кое-какие неточности. Но вы получите представление о том, что мы обнаружили. Итак, изнутри пришелец состоит из целлюлозы, сжатой до невероятной плотности. Плотность структуры такова, что

выдерживает нагрузку на сжатие до нескольких тонн на квадратный дюйм. Это кажется совершенно невозможным, но вот цифры. Как это сделано, за счет какого процесса — мы не имеем ни малейшего понятия.

— Вы говорите «изнутри», — перебил Уайтсайд. — Значит ли это, что структура поверхности отличается от внутренней структуры?

— Да, генерал, отличается. Коренным образом. Это можно назвать целлюлозно-силиконовым полимером, в котором как-то — мы не знаем как — сочетаются кремний-кислородные и гидроксильные связи, то есть связи между атомами водорода и кислорода. В целлюлозе очень много кислорода. Кремний-кислородные связи бывают разных типов, и дело еще осложняется тем, что тут задействована смесь их обоих. В некоторых случаях доходит до тетраэдрической структуры, тут силикат сродни минералу: структура похожа на структуру полевого шпата и кварца... Трудно точно сказать, с чем мы имеем дело. Тут есть несколько связей, разного типа, и в результате получается то, что мы предварительно назвали полимером.

— Если я правильно понял, шкура у этого создания должна быть твердой как камень, — сказал Портер.

— Если в обыденных терминах — я как раз об этом и говорю, — согласился Аллен. — Твердость камня, может быть, даже больше, но при этом она податлива, упруга и эластична. При нормальных условиях камень нельзя смять. А этот материал можно. Он может деформироваться, а потом восстановить прежнюю форму. В нем сочетаются твердость, эластичность и невероятная жаропрочность. Мы пытались представить себе, для каких условий необходимы такие качества. Это, разумеется, только теоретические построения, но они вполне правдоподобны. Если эти создания могут существовать в обширных пределах межзвездного пространства, им необходимо получать откуда-то какую-то энергию. Высокая термостойкость означает, что они в состоянии впитывать энергию, и очень много энергии, быть может, при

столкновении с частицами космической пыли. Эти частицы, как бы ни были они малы, какую-то энергию в себе несут. Но энергию кинетическую. Нам кажется, что кожа этих созданий способна преобразовывать кинетическую энергию в потенциальную. Быть может, даже преобразовывать ее в любую форму, какая нужна в данный момент. Время от времени они могут сталкиваться с более крупными частицами вещества. Такое столкновение вызывает вмятину на коже, при этом кожа вбирает в себя столько энергии, сколько может воспринять, а что не может — отражает, когда вмятина выравнивается. По сути, она таким образом отсеивает ту энергию, которую не может усвоить. Вмятина на коже образует отраженную волну энергии, отбрасывает ее, как поверхность зеркала отбрасывает солнечный свет.

Портер украдкой посмотрел на Уайтсайда. Генерал застыл в кресле, и казалось, что у него вот-вот отвиснет челюсть.

Аллен тяжело вздохнул.

— У нас есть некоторые основания предполагать, — сказал он, — я не могу вдаваться в это так подробно, как мне хотелось бы, потому что в обыденных терминах это объяснить невозможно, — но у нас есть основания думать, что эта шкура устроена таким образом, что может изменять гравитационный поток. А из этого следует, что пришельцы, по-видимому, могут управлять силами тяготения: гравитация может не только притягивать их, но и отталкивать. Если дело обстоит так — тогда понятно, каким образом они могут висеть над поверхностью грунта. И такой гравитационный контроль может объяснить, хотя бы частично, каким образом они путешествуют в космосе. Включившись на источник гравитации в том направлении, куда им нужно двигаться, они движутся в нужном направлении. Включившись на другой позади себя, они отталкиваются от него.

Аллен умолк и оглядел всех по очереди. Потом заговорил снова:

— Вот такие дела. Звучит совершенно безумно. И мне все время кажется, что это безумие. Мы говорим, чужаки. Это все совершенно нам чуждо. Но мне вот что спать не дает по ночам: если они настолько чужды нам в плане физическом — что в плане ментальном? Есть ли надежда, что мы сможем когда-нибудь понять их? Есть ли надежда, что они смогут когда-нибудь понять нас?

— Быть может, интеллектуальный разрыв не так велик, как физический, — сказал Портер. — Похоже, что они уже немало успели понять. Они каким-то образом усвоили очень многое из того, чего не надо делать. И до сих пор строго придерживаются основных правил человеческого поведения.

— Надеюсь, что вы правы, — сказал Аллен. — Очень надеюсь. — Он обратился к президенту: — Через пару недель мы, вероятно, будем знать больше. Может выясниться, что некоторые из наших сегодняшних представлений неверны. Может быть, нам придется изменить некоторые предположения. Может быть, мы натолкнемся на какие-то новые важные данные. Все, что нам известно сегодня, я вам в общих чертах изложил. Конечно, тут еще можно было распространяться до бесконечности, но вряд ли это имеет смысл. — Он поднялся с кресла. Потом, чуть поколебавшись, сказал: — Есть еще одно дело. Вероятно, не особо важное, но интересное. Помогает понять пришельцев. Вы, конечно, слышали о «сто первом».

Президент кивнул.

— Самый первый, кто приземлился в Лоун-Пайне. Кажется, сейчас он в Айове.

— Совершенно верно, — подтвердил Аллен. — Стережет поле, которое фермер только что вспахал. Фермер утверждает, что пришелец летал над полем взад-вперед, словно что-то сеял. Если кто-нибудь приближается, пришелец его отгоняет. Однако одному из наших наблюдателей удалось пробраться на поле, и его не прогнали. Он обнаружил, что пришелец посадил семена сосны. Раньше он удивлялся, что в отходах, которые выбрасывают пришельцы, проглотив

дерево, практически не было семян Теперь мы знаем почему. Пришельцы отделяют семена и намерены их высаживать.

— Вырастить сосны, с самого начала... — сказал президент. — Это много времени займет. «Сто первый» надолго выйдет из игры, если будет охранять свои посадки.

— Может быть, и нет, — возразил Аллен. — Наш наблюдатель обнаружил, что некоторые семена уже проросли. Специалисты-лесники говорят, что так быстро это произойти не могло. Мы полагаем, что «сто первый» каким-то образом обработал семена, чтобы ускорить процесс прорастания, а может быть, и последующего роста.

— Это ставит перед нами новую проблему, — сказал Уайтсайд. — Сотни, может быть, тысячи пришельцев начнут захватывать поля, засевать их и сгонять законных владельцев. Фермеры этого не потерпят.

— Вы знаете, — сказал президент, — поначалу у меня пришельцы вызывали какую-то тошноту, вроде морской болезни. Наверное, отчасти, а может быть, и целиком это потому, что я, по сути, сугубо политическое животное. Так устроен. Все мои нервные окончания функционируют политически. Я вздрагиваю при каждой угрозе. Я и сейчас чувствую, что стоит мне допустить какую-нибудь ошибку — и история с пришельцами политически меня убьет. Но чем дальше — тем больше мне кажется, что мы с ними, с пришельцами, можем ужиться. Кажется, что они мыслят, как мы. Если бы только нам удалось войти в контакт с ними, я уверен, можно было бы достичь взаимопонимания. И тот факт, что «сто первый» сажает сосны, подтверждает мое впечатление. Раз он сеет, значит, они одобряют сельское хозяйство и сохранение ресурсов. В этом плане их мышление тоже параллельно нашему.

Аллен хотел что-то сказать, но заколебался.

— Вы хотели что-то сказать, — заметил президент.

— Верно, — согласился Аллен. — Но я подумал, стоит ли, однако не нашел причин, почему бы не стоило. Быть может,

это и несущественно, но меня заинтриговало. Вы помните, что первый пришелец, опустившись в Лоун-Пайне, сел на машину и раздавил ее?

— Помню. Слава богу, в машине никого не было. Мы думали, что стало с хозяином, почему он, или она, не объявился?

— Совершенно верно, — подтвердил Аллен. — Если помните, мы забрали машину.

— И это помню, — сказал президент.

— Ну так теперь мы знаем хозяина. По номерному знаку. Хозяин машины — молодой человек, студент лесоустроительного факультета Миннесотского университета. Его зовут Джерри Конклин. Через несколько дней после инцидента он снова появился в Миннесоте. Насколько нам известно, он никому не сказал о потере машины. Он даже заявления не подал в страховую компанию. Какое-то время он вел себя обычно, насколько нам известно, но теперь, когда мы узнали о нем, он исчез. ФБР его разыскивает.

— Что вы надеетесь узнать, когда найдете его? — спросил Уайтсайд.

— Понятия не имею. Но согласитесь, его реакция кажется несколько странной. Должна быть какая-то причина, почему он ничего не сказал. И странно, что он не заполнил страховое заявление. Он даже не поинтересовался, кто забрал его машину. Я не могу избавиться от ощущения, что он может знать нечто такое, что было бы нам полезно.

— Когда найдете его, — сказал президент, — а я не сомневаюсь, что найдете, — вы с ним полегче. По-моему, то, что он не хотел рассказывать, — не преступление.

Глава 41

Миннеаполис

Телефон разрывался. Не успев закрыть за собой дверь квартиры, Кэти с порога бросилась к нему.

— Джерри, это ты? Ты где? Ты так взволнован — или расстроен... Что с тобой? В чем дело?

— Я ищу тебя уже сто лет! — сказал Джерри. — Домой звонил, на работу звонил... В редакции мне сказали, что ты в Лоун-Пайне, я давай туда звонить, там говорят, что уже уехала...

— Я только что вернулась. Прямо сейчас из аэропорта. Ты в городе? Тебя плохо слышно, и какой-то шум на линии.

— Я в Айове В местечке под названием Дикс-Лэндинг. Это на Миссисипи, напротив так называемых Уиннишикских долин. Слыхала когда-нибудь?

— Дикс-Лэндинг точно не слыхала. Уиннишик — вроде когда-то попадалось на слух, кто-то говорил. Но что ты там...

— Кэти, я был на той ферме в Айове. Я разговаривал со «сто первым». Он снова меня забирал внутрь...

— Она тебя запомнила?

— Наверное. Мы по-настоящему не разговаривали. Но он мне сказал. Показал. И у меня было впечатление, что это важно. Но для кого важно — для нас или для «сто первого» и остальных пришельцев, — тут я не уверен, не знаю.

— А при чем тут Дикс-Лэндинг? И Уиннишик?

— Он сказал мне, где это. Показал, куда надо ехать. Я не знаю, что здесь. То есть на самом деле, конечно, знаю, хотя бы частично. Здесь есть такое место — Гусиный остров. Там на острове три пришельца. Но я не знаю, почему это важно. Знаю только, что важно. Это мне «сто первый» внушил. Что я должен попасть туда. Я хочу, чтобы ты была со мной, Кэти. Если здесь что-то важное, надо, чтобы ты была в курсе с самого начала. Ты же с самого начала во всей этой истории с пришельцами.

— О'кей, — сказала Кэти. — Я выезжаю тотчас же. Расскажи, как добираться до этого Дикого Лэндинга. Я буду через несколько часов.

Глава 42

Миннеаполис

Четверо суток они просидели на полосе, и наконец бдение кончилось. «Любящие» — те, что прорвались на летное поле, когда туда приземлился пришелец, — стояли молча, потрясенные, и смотрели, как он медленно поднимается и уплывает в небо.

— Ничего у нас не вышло, — сказал один из них, худой юноша с длинными волосами и лицом аскета.

— Нет, получилось, — возразила тоненькая девушка, стоявшая рядом с ним. — Он почувствовал нашу любовь. Я знаю, он почувствовал.

— Но он не подал никакого знака. Он нас не взял. Других брали...

Охранник, один из тех, кто стоял в оцеплении вокруг пришельца, сказал, ни к кому не обращаясь:

— Все, ребята. Давайте расходиться, все кончилось. Почему бы вам не пойти по домам?

— Потому что мы и так дома, — торжественно ответил юный аскет. — Земля — наш дом. Вселенная — наш дом.

— Не понимаю я этих чудаков, — сказал охранник своему товарищу. — А ты понимаешь? Это ж надо — просидеть здесь столько дней с дурацкими мордами!..

— Нет, — ответил другой. — Я тоже не понимаю. Да и не старался понять.

— Ну ладно, братцы, давайте расходиться, — обратился первый к компании «Любящих». — Спектакль окончен, ребята. Вам тут больше делать нечего.

Толпа начала понемногу рассасываться, люди медленно брели к выходу с летного поля.

— Не надо было их сюда пускать, — сказал второй охранник. — Это против всех правил. Кого-нибудь и убить могло.

— Да нет, никакой опасности не было, — ответил первый. — Полоса была закрыта. А если бы их не пустили, нам пришлось бы с ними воевать все эти дни. Мы бы их отсюда, а

они сюда. Комиссия правильно решила: так оно спокойнее. Надо отдать должное этим чудакам: как только их сюда пустили, они вели себя очень пристойно. Никаких хлопот с ними не было.

— Они были заняты, — сказал второй. — Они ж его любили, понимаешь ты это? Демонстрировали ему свою любовь. Ты когда-нибудь видал такую дурость?

Тем временем пришелец превратился уже в крошечную точку на западном горизонте...

В редакции новостей «Трибьюн» Гоулд положил телефонную трубку.

— Тот, что на двенадцатой автостраде, тоже снялся, — сказал он Гаррисону. — Поднялся и улетел примерно в то же самое время, что и тот, из аэропорта.

— Как по сигналу, — усмехнулся Гаррисон. — Интересно, что они затеяли?

— Начинается вторая фаза, — сказал Гоулд.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, первая фаза была, когда они прилетели и начали с нами знакомиться. Теперь это уже позади. Теперь будет что-нибудь новенькое.

— С чего ты взял?

— Не знаю, Джонни. Так, размышляю...

— А может быть, они закончили здесь свои дела и собираются куда-нибудь дальше? Может, поднимаются в космос, снова строятся и собираются лететь в дальние края? И мы их никогда больше не увидим.

В редакцию, шаркая, зашел Хэл Рассел.

— Свежие новости с телетайпа. Они улетают отовсюду. Не только от нас.

— Позвони-ка в Лоун-Пайн, — велел Гаррисон Гоулду. — Узнай, что там у них творится.

Гоулд принялся крутить телефонный диск.

— А что еще хорошего? — спросил Гаррисон у Рассела. — Какие-нибудь соображения? Намеки?

— Ничего. Только то, что они улетают. Все улетают. Отовсюду.

— Черт побери! — воскликнул Гаррисон. — И что прикажете с таким материалом делать? Здесь репортаж... Репортаж!.. Кто-то должен это раскопать, и я хотел бы, чтобы это были мы. Я знаю, что материал отличный, но как к нему подобраться?!

— Джей и Кэти, — подсказал Рассел. — Они знают о пришельцах больше всех. У них могут быть какие-нибудь идеи.

— Кэти нет. Уехала на какую-то охоту, дикие гуси. Звонила мне вчера вечером. Сказала, у нее что-то наклевывается, из чего может получиться отличный материал. Что именно, говорить не захотела. Сказала, что я должен ей верить. Эл наизнанку вывернется, когда узнает. Он практически приказал мне вызвать ее из Лоун-Пайна. А она опять исчезла.

Он оглядел редакцию.

— Где Джей, черт побери? Его нет на месте. Кто-нибудь знает, куда подевался Джей? Энни, ты не знаешь?

Секретарша покачала головой.

— Он не отметился. Понятия не имею.

— Мало ли, может, в туалет вышел, — предположил Рассел.

Гоулд положил трубку.

— В Лоун-Пайне пришельцев тоже не осталось. Только малыши бегают, тюки подъедают.

— Что думает Нортон по этому поводу?

— Нортона нет, я со Стиффи разговаривал. А Нортон сегодня утром поехал в заповедник кататься на каноэ. Своя рука владыка, сам у себя отпуск взял.

Глава 43

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Портер подождал, пока журналисты рассядутся, и сказал:

— Никакого заявления я сделать не могу. Полагаю, большинство из вас знают, что пришельцы исчезли. Вероятно, большая часть ваших вопросов будет касаться этой темы. Я, конечно, постараюсь ответить, но сомневаюсь, что смогу хоть как-то удовлетворить вас.

— Мистер Портер, — начал представитель «Нью-Йорк таймс», — один из вероятных ответов состоит в том, что пришельцы ушли обратно в космос. Такой ответ, наверное, каждому приходил в голову. Возможно, они собираются лететь дальше. Вы не могли бы дать нам какие-либо сведения, подтверждающие такую вероятность?

— Нет, мистер Смит, — сказал Портер. — Та же мысль появилась и у нас. НАСА беспрерывно отслеживает ситуацию, но пока никаких сведений нет, ни о чем. Наша орбитальная станция работает круглосуточно, вероятно, советская тоже, но от них нет никаких вестей. Однако надо иметь в виду, что у них под контролем громадное пространство. Единственная возможность что-либо увидеть появится только в случае, если пришельцы снова соберутся в компактную массу, как это было при их появлении.

— А если советская станция что-нибудь обнаружит, они сообщат нам?

— Уверенности у меня, конечно, нет, но я думаю, сообщат.

— Дейв, — вступил в разговор корреспондент «Вашингтон пост», — вопрос может показаться каверзным, но я надеюсь...

— «Пост» никогда не задает каверзных вопросов, — сказал Портер.

Взрыв хохота заглушил недосказанный вопрос. Портер поднял руку, призывая к тишине.

— Продолжайте, пожалуйста. Я заранее заявляю, что вопрос не каверзный.

— Так я вот что хотел спросить. Я думаю, ни для кого не секрет, что появление пришельцев поставило перед правительством целый ряд неприятных проблем, политических и

иных. Скажите, пожалуйста, их исчезновение облегчит вам жизнь?

— Я ошибся, — вздохнул Портер, — вопрос действительно каверзный. Однако я постараюсь ответить как можно откровеннее. Мне кажется, что исчезновение пришельцев вовсе не означает, что мы их никогда больше не увидим. Такое предположение явно преждевременно. Вероятно, они попросту перенесли базы своих операций в более удаленные и безлюдные места. Что до того, вздохнет ли администрация с облегчением, узнав, что они улетели, — тут я вам ничего сказать не могу. Не стану отрицать, что пришельцы доставили нам немало волнений. На нас свалилась проблема, с какой никто никогда не сталкивался. Прецедента, который мог бы помочь, как вы знаете, не существует. Мы не знали, как вести себя с ними... Мы испытывали некоторые затруднения в оценке того, как они повлияют на разные слои населения... Временами, позволю себе признаться, мы были в полной растерянности. Но в общем и целом, мне кажется, мы справлялись с ситуацией не самым худшим образом. Это первая часть моего ответа. А вторая состоит в том, что в течение последних дней мы пришли к достаточно твердому убеждению, что наш народ смог бы ужиться с пришельцами и что они могли бы принести нам кое-какую пользу. Если пришельцы на самом деле нас покинули — я лично буду считать, что мы стали беднее. Быть может, мы могли бы многому у них научиться.

— Вы сказали, мы могли бы многому у них научиться, — сказал журналист «Канзас-Сити стар». — Вы не разъясните, что имеете в виду?

— Только то, — ответил Портер, — что в их лице мы имели дело с неизвестной расой, которая могла бы научить нас новым для нас технологиям, открыть какие-то новые, свежие перспективы, могла бы, возможно, продемонстрировать новые подходы, новый способ мышления, о котором мы и понятия не имеем.

— А вы не могли бы поконкретнее? Доктор Аллен уже несколько дней работает с мертвым пришельцем. Может быть, он уже получил какую-нибудь конкретную информацию, которая будет нам полезна?

— Ничего достоверного у него пока нет, — сказал Портер. — Я уже рассказывал вам несколько дней назад, что структура этих созданий основана на целлюлозе, но в такой форме, которой мы не знаем и, по всей вероятности, в ближайшее время не узнаем. Если нам удастся разгадать секрет этой целлюлозы, если удастся воспроизвести тот процесс, посредством которого она образуется в организме пришельцев, — мы могли бы использовать целлюлозу в качестве заменителя многих невосстановимых сырьевых ресурсов.

— Чуть раньше вы предположили, что пришельцы, может быть, переместились в более удаленные районы. Вы имеете в виду, что они попрятались? — спросили из «Чикаго трибьюн».

— Этого я не говорил, Гарри. Вы же знаете, что не говорил.

— Но по-другому это понять невозможно. Как вы думаете, с какой стати они стали бы прятаться?

— Прежде всего, я не говорил, что они прячутся. Но если они на самом деле прячутся, то мой ответ — понятия не имею.

— Мистер Портер, — сказал корреспондент «Нью-Йорк таймс», — кажется, по крайней мере на первый взгляд, вполне вероятным, что пришельцы перешли ко второй фазе своей операции. Сначала они посвятили какое-то время изучению нас. Теперь они сделали следующий ход, исчезли и, быть может, готовятся к...

— Мистер Смит, вы хотите, чтобы я теоретизировал по поводу теорий? — перебил его Портер. — Вы же прекрасно знаете, что на такие вопросы я не отвечаю. Действительно, ваша теория кажется вполне правдоподобной, — во всяком случае на первый взгляд, как вы сами сказали, — но у меня

нет никакой информации, которая давала бы мне право ответить на ваш вопрос.

— Благодарю вас, сэр. Я полагал, что этот вопрос задать нужно.

— Я рад, что вы его задали, — ответил Портер.

— Дейв, по-моему, нам не надо уходить от данного вопроса, — сказал представитель «Милуоки джорнэл». — Вопрос хороший. Я собирался задать такой же. Эти твари нас изучили. Быть может, гораздо лучше, чем мы можем себе представить. Может быть, у них уже достаточно информации, чтобы решить, каким должен быть их следующий шаг.

— Я не ставил под сомнение ценность подобного вопроса, и мистер Смит это прекрасно знает, — ответил Портер. — Я согласен, что такое предположение мы должны иметь в виду. Но я не считаю себя вправе пытаться отвечать на него, поскольку не имею необходимой информации. И кроме того, у меня есть одно возражение. Такая точка зрения предполагает, что пришельцы что-то замышляют против нас, что у них есть какие-то враждебные намерения и они разрабатывают стратегию проведения их в жизнь. До сих пор они никакой враждебности не проявляли.

— Но мы же не знаем, в чем состоят их намерения.

— Совершенно верно. Не знаем.

— Меня заинтриговали ваши слова — «более удаленные районы», — сказал журналист «Лос-Анджелес таймс». — Вы полагаете, господин секретарь, в Соединенных Штатах так уж много удаленных районов?

— Вы знаете, я уже жалею, что употребил эти слова, — сказал Портер. — Мне кажется, все вы слишком близко приняли их к сердцу. Я хотел сказать только то, что пришельцы могли покинуть наиболее заселенные районы. Может быть, они сейчас появляются где-то в других местах, но мы об этом пока не знаем. Что до вашего вопроса по поводу удаленных мест — я полагаю, их еще вполне достаточно. Еще существуют обширные лесные массивы в Новой Англии, в северной Миннесоте, в Висконсине и Мичигане... Такие же

районы есть и в других штатах... Немало удаленных районов в горах, например в Скалистых, да и пустыни на юго-западе тоже забывать не стоит.

— Мне кажется, вы убеждены, что они на самом деле не исчезли, не улетели в космос, — сказал корреспондент «Вашингтон пост». — Почему вы так уверены в этом?

— Я не думал, что мое личное отношение проявилось так отчетливо, — сказал Портер. — Это не официальная позиция, и я прошу вас четко это оговорить, если вы будете ссылаться на меня. Мне лично кажется, что пришельцы вряд ли так скоро покинули бы планету, где они нашли естественные ресурсы, которые им, очевидно, нужны. По всей вероятности, во Вселенной не так уж много планет, на которых они могли бы найти столь богатый источник целлюлозы, как наши леса.

— Так вы полагаете, что, обнаружив такую планету, они должны побыть на ней подольше?

— Это моя личная точка зрения. Она может и не совпадать с точкой зрения администрации.

— Все эти дни администрация проявляла спокойствие и, пожалуй, даже оптимизм. Надо полагать, временами приходилось очень нелегко, но тем не менее нотка оптимизма сохранялась. Скажите, пожалуйста, если можно, этот оптимизм не был показным?

— Вы хотите спросить, было ли это политической игрой или мы на самом деле испытывали оптимизм, не так ли?

— Спасибо, Дейв, вы очень верно уточнили мой вопрос.

— Я думаю, — сказал Портер, — что при любых обстоятельствах мы постарались бы сохранить оптимистическую ноту по сугубо политическим соображениям. Но могу сказать вам совершенно честно, что ситуация на самом деле не казалась нам чрезмерно угрожающей. Так что оптимизм не был наигранным. Пришельцы никакой враждебности не проявляли. Нам казалось, что они стараются определить, как им себя вести по отношению к нам. Они почти не нарушали наших основных правил поведения. Казалось, они

стараются вести себя достойно. По-моему, в Белом доме сложилось впечатление, что они не стали бы умышленно вредить нам. Конечно, не исключено, что какой-то вред мог быть нанесен и неумышленно.

— Ваши слова звучат так, словно вы считаете это маловероятным.

— Да, — сказал Портер. — Я считаю это маловероятным.

Глава 44

Айова

Уже больше получаса они продирались сквозь заболоченные заросли: деревья, лианы и кустарник. Местность была коварной: сухие участки то и дело перемежались открытой водой и пятнами трясины. До сих пор не было никаких признаков травянистой степи, приподнятой над низменным периметром острова, о которой говорил им Квин. Он сказал, что как только они преодолеют заболоченный лес — увидят степь.

Иногда, когда деревья вокруг чуть-чуть расступались, становились видны неподвижные силуэты пришельцев. В первый раз путешественники увидели их, когда подъезжали к острову.

— Они еще там, — сказал Квин. — Я думал, может, уже улетели. Сегодня говорили по радио, что они отовсюду улетают.

Наконец начался пологий подъем. Идти стало легче. Под ногами больше не хлюпало, и кустарник стал пореже, хотя деревья вокруг по-прежнему стояли стеной.

— Похоже, мы почти пришли, — сказал Джерри.

И на самом деле они наконец пришли. Перед ними расстилалось пространство, поросшее травой. Выйдя из леса, оба остановились в изумлении.

На широкой поляне, на некотором расстоянии друг от друга стояли три пришельца — но не они привлекли внимание людей.

Между пришельцами аккуратными ровными рядами стояли автомобили или то, что было похоже на автомобили. У них были двери и сиденья, и рулевые колеса, и у каждого впереди горела фара — почему-то только одна... Но вот колес не было.

— Машины... — изумилась Кэти. — Джерри, это действительно машины, только у них нет колес.

— Что бы это ни было, — ответил Джерри, — они продолжают их делать. Делать, строить, рожать — называй как хочешь.

Длинные, ровные ряды автомобилей настолько захватили внимание Кэти, что она не успела присмотреться к самим пришельцам. Теперь, посмотрев на них, она увидела, что все три покрыты буграми, которые по форме отличались от тех, какие она видела, когда пришельцы рожали малышей. Эти были продолговатые и покрупнее.

На пришельце, стоявшем ближе к ним, один из бугров лопнул, и из него показалась очередная штуковина, похожая на автомобиль. Несколько секунд она сверкала влажным блеском, но вскоре высохла и оказалась желтой. Яркой, сияющей желтизны.

— Эта желтая, — сказал Джерри. — Ты заметила, что машины разных цветов? Красные, зеленые, серые — какие хочешь, на выбор.

Желтый автомобиль медленно вылез и упал вниз. Сначала он завис в нескольких дюймах над землей, потом развернулся и быстро заскользил к ближайшему ряду. Поравнявшись с ним, он встал в общий строй по соседству с зеленой машиной.

— Здорово! — восхитилась Кэти. — Погляди-ка, они разных цветов!

— Я тебе только что об этом сказал, — буркнул Джерри. — Ты не слышала.

— Это не могут быть машины, — сказала Кэти. — Я знаю, они выглядят как машины, но не может же быть, чтобы это были настоящие машины. Зачем пришельцам машины?

— Не знаю, — сказал Джерри. — Но выглядят как машины. Машины будущего. Голубая мечта автоконструктора, желающего привлечь внимание публики. У них, конечно, нет колес, но им они и не нужны — они ведь плавают, парят. Эти машины — если это на самом деле машины — должны работать на том же принципе, что и сами пришельцы. Ведь они дети пришельцев, хоть и несколько другой формы.

— А с какой стати они взялись рожать детей в форме машин? Зачем им машинообразные малыши?

— Быть может, — сказал Джерри, — это на самом деле машины, и предназначены они для нас.

— Для нас?

— Подумай, Кэти. Подумай как следует. Пришельцы прилетели сюда и нашли то, что искали. Они нашли деревья, из которых могут получать целлюлозу. Может быть, эти машины — плата за деревья?

— Но это же нелепо. С какой стати нам платить? Они пришли, нашли деревья и взяли. И могли бы продолжать в том же духе. А если они для нас, как ты говоришь, — зачем нам так много машин? Мы их за всю жизнь не используем. Здесь их, наверное, сотня, а то и больше.

— Так речь и не идет о нас с тобой. Я обо всех. О всей стране.

— Но они не могут сделать столько, чтобы всем хватило.

— Не скажи. Здесь всего три пришельца, и они здесь никак не больше недели. И за это время уже наплодили больше сотни машин. А если тысяча пришельцев, или десять тысяч, поработают с полгода...

— Пожалуй, ты прав, — согласилась Кэти. — Они могут понаделать массу машин. А ведь это «сто первая» велела тебе ехать сюда. Она знала, что ты здесь увидишь. Она хотела, чтобы ты нашел эти машины.

— Может быть, не только «сто первая». Пришельцы хотели, чтобы мы их нашли. И «сто первая» говорила от имени всех. Скорее всего, каждое из этих созданий знает, что делают остальные. Что-то вроде способа общения пчел.

Когда «сто первая» впервые приземлилась, она стала посылать сигналы остальным. Они разговаривают друг с другом.

— Ты думаешь, пришельцы хотят, чтобы мы рассказали об этом?

— Нас используют, — сказал Джерри. — Очень может быть, что нас используют как рекламных агентов. Ну а еще мы можем быть для них командой испытателей. Я не знаю. Может быть, они хотят, чтобы мы посмотрели, можно ли использовать эти машины. Может, они сами не уверены. Они знают о нас очень много, но, может быть, не уверены, что достаточно. Когда на автозаводе выпускают новую модель, ее обязательно испытывают...

— И они выбрали тебя, потому что ты для них особенный, — предположила Кэти. — Ты самым первым побывал внутри одного из них, а может, и единственным. Все эти истории о других, которых брали...

— Но «сто первая» тебе руку пожимала, не забудь.

— Да, конечно. Но откуда она могла знать, что я буду здесь с тобой?

— Может, и не знала. А может быть...

— Что?

— Кэти, эти создания могут оказаться гораздо умнее, чем мы в состоянии представить себе. Быть может, они нас читают как книгу.

— Ты знаешь, мне вдруг страшно стало, — сказала Кэти. — Все внутри дрожит. Раньше я никогда их не боялась, а теперь страшно. У меня такое чувство, что это ловушка. Какая-то волчья яма, в которую мы падаем, — и сами не знаем, что падаем.

— Может быть, и ловушка, — согласился Джерри. — Но машины они делают для нас. Машины, которые парят над землей, а может быть, даже летают. Дороги не нужны, поезжай, куда хочешь. Бензин не нужен. Они будут вечными, никаких ремонтов... И пришельцы дают их нам в уплату за деревья. В уплату за целлюлозу, которая дала им возможность снова иметь малышей и избавила от угрозы вымирания.

Если бы тебе угрожало такое, ты не стала бы делать машины — или что-нибудь еще — для того, кто тебя спас?

— Я не могу за тобой угнаться, — сказала Кэти. — Никак не могу поверить, что это на самом деле машины и что они на самом деле для нас. Ты говоришь так, будто совершенно уверен в этом. Почему?

— Может быть, потому, что «сто первая» мне это внушила. В тот момент я просто не понял, а сейчас до меня доходит. Знаешь, похоже на правду. Получается вполне резонно. Они на нас посмотрели. И увидели, что нам нужно, чего мы хотим. Они нас читают, как книгу, Кэти. Они знают, что мы собой представляем. Знают, чем нас купить. Они знают, за что мы готовы душу продать, и...

— Жестокие слова, Джерри.

— Нет. Просто я понимаю, что происходит. И понимаю, что мы не в силах остановить процесс. Если мы сейчас повернемся и уйдем — это ничего не изменит. Кто-нибудь другой все равно обнаружит машины. А может быть, надо, чтобы их обнаружили? Может быть, в конце концов это к лучшему? Но уж больно они ловкие... Все человечество, по сути, торгаши, но тут мы нашли отличную для себя пару.

— Мы тут стоим болтаем, — сказала Кэти, — стараемся уговорить себя поверить в эту сказку. А я все равно не могу поверить, что это машины. Вот не верю, и все тут.

— Пойдем посмотрим, — сказал Джерри. — Посмотрим, что, это такое.

Глава 45

Миннеаполис

У Гоулда сегодня был выходной, поэтому Джей, вернувшись с обеда, подошел к его столу и уселся в его кресло. Гаррисон бесцельно рисовал какие-то закорючки на старой газете. Энни сидела в углу и чистила апельсин. Бутерброд она уже съела и теперь священнодействовала с апельсином, превращая его кожуру в произведение искусства.

— Что-нибудь интересное есть? — спросил Джей у Гаррисона.

Гаррисон покачал головой.

— У нас ничего. И, наверное, нигде ничего. Хэл сказал, сообщений о пришельцах никаких. Кто-то их вроде видел — в Техасе и Монтане, но данные не проверены.

— Подождем, — сказал Джей. — А что еще остается? Мы сделали все, что могли. Обзвонили дюжину разных людей в штате. Просили, чтобы нам дали знать, если что-нибудь появится. Редакторы еженедельников, шерифы, бизнесмены, мэры... Друзья. Если они что-нибудь услышат, то сообщат нам.

— А я все время стараюсь придумать что-нибудь, — сказал Гаррисон. — Должно же быть что-то, чего мы не сделали. Могли, но не сделали, не догадались.

— Это не твоя проблема, Джонни. Не только твоя.

— Да знаю!.. Но, черт побери, я хотел бы быть тем человеком, который найдет ответ. Какой-нибудь маленький ключик: куда они подевались?

— И почему?

— Ну да, конечно. Но это могло бы и подождать. Прежде всего мы должны их найти. Что-нибудь на первую полосу. Мне кажется, это может быть северная Миннесота, там леса дикие. Они могли там спрятаться...

— Или в Канаде. Или на Тихоокеанском побережье, на севере, — сказал Джей. — Таких мест, где они могли бы зарыться, очень много.

Зазвенел телефон. Энни отложила апельсин и подняла трубку.

— Джонни, это тебя. Кэти.

Гаррисон схватил трубку, сделав знак Джею, чтобы тот взял трубку Гоулда.

— Кэти! Где ты, черт побери? Что у тебя?

— Я в Айове. Место называется Дикс-Лэндинг. На Миссисипи. Я тут с Джерри.

— Какой еще Джерри?

— Да ты должен помнить! Большой ребенок, с которым я собиралась на концерт, ты еще билеты у меня купил.

— А-а! Вспомнил. И что же ты делаешь в Айове?

— Мы нашли трех пришельцев, Джонни. На Гусином острове...

— К черту все остальное, давай про пришельцев. Что они делают?

— Автомобили.

— Кэти, брось дурацкие шутки. При чем тут автомобили? Я тебя серьезно спрашиваю. У меня и так день сумасшедший, мне не до шуток. Давай рассказывай серьезно.

— Совершенно серьезно, Джонни. Они делают автомобили. Мы взяли два. Прилетели на них с Гусиного острова. У меня желтый, у Джерри красный. Ими очень просто управлять...

— Ты сказала «прилетели»? Вы что, на автомобилях прилетели?

— На них можно летать. Колес у них нету. Они парят, как пришельцы. На них ездить нетрудно, надо только чуть-чуть привыкнуть. Мы с Джерри потратили не больше часа, чтобы освоить их. Там такие штучки нажимаешь, и все. Ничего сложного. И летишь, как на самолете. И совершенно безопасно. Если вздумаешь воткнуться во что-нибудь, они сами поворачивают. Ты ничего не делаешь, они сами...

— Кэти, — сказал Гаррисон, — скажи мне правду, бога ради, у вас на самом деле есть эти машины?

— Кэти, это Джей, — сказал Джей в свою трубку. — Я на линии вместе с Джонни. Ты ведь не шутишь, правда? У вас на самом деле есть эти машины?

— Вы, как всегда, правы. Они у нас на самом деле есть.

— Кэти, возьми себя в руки, — попросил Гаррисон. — Сама подумай, что ты городишь. Для чего им автомобили?

— Этого мы не знаем, — сказала Кэти. — То есть наверняка не знаем, не уверены. Но нам кажется, что в уплату за лес, который они берут. Но мы не уверены, только

предполагаем. Кажется, они не имели ничего против, когда мы улетели на этих двух.

— И теперь, когда они у вас...

— Мы летим к вам. Часа через три-четыре будем. Может быть, даже раньше. Мы еще не знаем, насколько они быстроходны. Дорога нам не нужна, мы полетим вдоль реки на север.

— О боже, Кэти, но ведь этого не может быть! Ты говоришь, они делают машины...

— Ну, может быть, это и не машины. Я не знаю, правильно ли их называть машинами...

— Кэти, не клади трубку, подожди, — сказал Джей.

Он положил трубку на стол и прикрыл ее ладонью, глядя на Гаррисона.

— Джонни, Кэти чертовски хороший репортер, — сказал он.

— Я знаю. — Гаррисон тоже прикрыл трубку ладонью. — Но боже мой, у меня в голове не укладывается! А что, если окажется, что все не так?

— У нас еще пять часов до верстки. К тому времени она уже будет здесь и напишет материал. Мы вызовем фотографа и сделаем снимки. Мы успеем.

Гаррисон кивнул. Он убрал ладонь с трубки и заговорил снова:

— Хорошо, Кэти, мы тебя ждем. Мы ничего не станем предпринимать, пока ты не появишься. Фотографы будут готовы. Вы сможете посадить эти штуковины на крышу?

— Не знаю. Наверное, сможем. Ими очень легко управлять.

— Кэти, а на чем они работают? — вмешался Джей. — Бензин вам нужен? Или что-то другое?

— Ничего. Их сделали пришельцы. Машины летают так же, как и они. Непонятно как. Джерри думает, что на самом деле они тоже пришельцы, только в форме машин. Там сейчас около сотни таких, может, больше. Мы взяли только две. Они их быстро рожают. Три пришельца пробыли на острове

всего неделю и нарожали больше сотни машин. Может, даже меньше чем за неделю.

— Хорошо, — сказал Гаррисон. — Мы пока это придержим. Пока материал исключительно наш. Посмотрим, что будет дальше. Будьте осторожны. Не рискуйте. Ты нам тут нужна целой и невредимой.

— До скорого, — сказала Кэти.

Гаррисон положил трубку и ошалело посмотрел на Джея.

— Ну и что ты об этом думаешь?

— Думаю, что мы только что купили первый стальной топорик. Вместо каменного томагавка.

Гаррисон проворчал что-то невнятное, потом сказал:

— Да, помню. Помню, как ты говорил об этом. Нам надо было дать тот материал, когда ты его предложил.

— Я и сейчас могу его написать.

— Нет, — сказал Гаррисон. — Нет, черт побери! Теперь все будут писать что-нибудь в этом роде. Сейчас надо писать о другом. Что будет с автомобильной промышленностью, если пришельцы не угомонятся и понаделают своих автомобилей столько, что их хватит на каждого человека в стране? Что будет со всеми теми, кто потеряет работу в Детройте и на других заводах? Что будет с нефтяной промышленностью, когда никому не станет нужен бензин? Что будет с автосервисом, с людьми на заправочных станциях? Что будет, когда нам станет не нужно строить дороги? Что будет с финансовыми компаниями, которые живут за счет автомобиля и всего остального, что с ним связано? И что будет, когда пришельцы, понаделав достаточно автомобилей, чтобы хватило каждому, примутся плодить холодильники, кондиционеры, духовки? Как будут регистрировать эти бесплатные автомобили? Как будут за них брать налоги? И самое скверное то, что пришельцы делают все это не для того, чтобы нам навредить. Никакой враждебности к нам у них нет, только благодарность... Если бы они взялись работать с правительством, пошли бы по правительственным каналам...

— Скорей всего, — перебил его Джей, — они даже не подозревают о существовании правительства. Они могут вообще не знать, что такое правительство. По всей вероятности, у них нет политических понятий. Они посмотрели на нас и поняли, как наилучшим образом могут заплатить нам за съеденные деревья. Но они смотрели на людей, а не на правительство. Надо думать, они не представляют себе, что они с нами делают, потому что ничего не знают о сложной экономической структуре, которую мы создали у себя. Может быть, они не представляют себе иной экономической системы, кроме простого бартера. Ты даешь мне что-нибудь, я дам тебе что-нибудь взамен. И самое скверное — люди купятся на это. Как только люди узнают о бесплатных машинах, как только они начнут их получать, никто — ни в правительстве, ни где бы то ни было — не посмеет ни пальцем пошевелить, ни слово сказать против пришельцев.

— Теперь ясно, почему они попрятались, — сказал Гарриссон. — Они делают машины, и никто им не мешает. Иначе их осаждали бы толпы страждущих поскорее ухватить машину. А теперь тысячи пришельцев плодят автомобили в глухих местах. Как ты думаешь, сколько времени им может понадобиться, чтобы обеспечить нас машинами?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Джей. — Я даже не уверен, что ты угадал, догадка, впрочем, хорошая... Но я очень надеюсь, что это будут только автомобили. Быть может, мы сумеем это пережить, если они ограничатся автомобилями.

Глава 46

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

— Дейв, мы можем быть абсолютно убеждены в достоверности последних новостей? — спросил президент. — Это настолько фантастично... Просто невозможно поверить. То есть... сами факты, в отрыве от контекста.

— Я был в таком же состоянии, когда поступили первые сведения, — сказал Портер. — Так что я начал искать источник информации. Позвонил в «Трибьюн» в Миннеаполис, говорил с редакцией репортажа. Редактор Гаррисон мне все рассказал. Мне неловко было звонить ему — словно покушаюсь на неприкосновенность газеты. Но я чувствовал, что обязан это сделать. Гаррисон воспринял мой звонок спокойно.

— Так сведения верны?

— В принципе, да. Гаррисон рассказал, что поначалу сам не мог поверить — пока не приземлились те две машины. После того как позвонил его репортер, он сидел долго пораженный и повторял себе снова и снова, что этого не может быть, что там какая-то ошибка, что он что-то неправильно понял...

— Но теперь он больше не сомневается? Уверен?

— Теперь он уверен. У него есть те машины. У него есть фотографии.

— Ты видел фотографии?

— «Трибьюн» пошла в набор меньше получаса назад. Материал застал врасплох всех, включая их собственную службу новостей. Пока фотографии придут из «Трибьюн», пройдет какое-то время, их же еще надо передать... Но скоро они будут у нас.

— Но эти машины... — сказал президент. — Почему именно машины? Почему не что-нибудь фантастическое? Почему не бриллиантовые ожерелья? Не ящики шампанского? Не меховые шубы?

— Пришельцы хорошие наблюдатели, сэр. Они изучали нас несколько дней...

— И увидели массу машин. Почти у каждого. А у кого ее нет, тот о ней мечтает. У кого есть, но старая, тот мечтает о новой. Старые машины. Побитые машины. Изношенные машины. Аварии на дорогах — машины разбиваются, и люди гибнут. Пришельцы все это увидели. И вот они дарят нам машины, которые никогда не выйдут из строя, которым не

нужен бензин, не нужны дороги, которые никогда не попадут в аварию, потому что сами сворачивают при опасности столкновения... Ни техобслуживания, ни ремонтов, ни покраски...

— Это еще не факт, сэр, а только предположение.

— Автомобиль для каждого?

— Это тоже еще не факт. Так кажется Гаррисону. Так кажется его репортеру. Однако, насколько я понял, публикация в «Трибьюн» старательно обходит эту тему, хотя та и напрашивается из контекста.

— Дейв, мы погибли. Если у каждого будет машина — это взорвет экономику ко всем чертям. Раз ты говоришь, что это напрашивается из контекста, я собираюсь объявить мораторий на всю финансовую деятельность. Устроим этакие каникулы: биржи закрыты, банки закрыты, все финансовые учреждения закрыты — чтобы вообще никаких сделок, никакого движения. Что ты об этом думаешь?

— Мы выиграем немного времени... Но, может быть, больше ничего. Да и то всего несколько дней. Вы же не можете продержать такой мораторий больше нескольких дней.

— Но если завтра утром биржи откроются...

— Вы правы. Необходимо что-то предпринять. Быть может, вам стоит поговорить с министром юстиции, с директором Резервного фонда, еще с кем-нибудь...

— Кроме отсрочки это нам ничего не даст, — сказал президент, — я с тобой полностью согласен. Но нам нужна отсрочка, нужно какое-то время, чтобы дух перевести. Чтобы дать людям время переварить новости. Чтобы поговорить между собой. Пару дней назад я сказал тебе, что у меня такое чувство — нет оснований для страха. Помнишь? Но черт возьми, Дейв, теперь я близок к панике!..

— Глядя на вас, этого не скажешь.

— Паника — такая вещь, которую мы не можем себе позволить. Я имею в виду ее внешние проявления. Политика — хорошая тренировка собственных чувств. У меня сейчас все кишки переворачиваются, но я не могу допустить, чтобы это

было заметно. А мы скоро окажемся на кресте. Конгресс, пресса, деловой мир, профсоюзные лидеры — все будут кричать, что мы должны были предвидеть такую ситуацию и предотвратить ее.

— Страна это переживет, сэр.

— Страна-то переживет, а вот я не переживу. Скверно все обернулось. До сих пор я надеялся, что смогу претендовать на следующий срок.

— Вы и сможете.

— Для этого нужно чудо.

— Прекрасно. Мы сотворим это чудо.

— Вряд ли, Дейв. Постараться, конечно, надо. Прежде всего следует разобраться, что происходит. Скоро придут Аллен и Уайтсайд, Грейс пытается найти Хэммонда. Надо, чтобы он тоже принял участие. Он очень здравый человек, Хэммонд. Он может справиться с этими финансовыми каникулами. С Маркусом поговорим попозже, он тоже будет нужен. И другие тоже подключатся. Господь свидетель, мне сейчас нужен каждый человек, который может хоть что-нибудь посоветовать. И ты тоже, пожалуйста, держись поблизости.

— Мне скоро придется брифинг провести. Мои ребята уже стучатся в двери.

— Задержись немного, — попросил президент. — Быть может, через пару часов у нас уже будет что им сказать. Если сейчас выйдешь к ним с пустыми руками, они тебя до смерти заклюют.

— Они меня в любом случае заклюют. Но это хорошая мысль: подождать немного. Я совсем не рвусь на эту встречу.

На президентском столе загудел селектор. Раздался голос Грейс:

— Генерал Уайтсайд и доктор Аллен.

— Пусть заходят, — сказал президент.

Указав вошедшим на кресла, он тут же спросил:

— Вы уже слышали? Когда я разговаривал с вами, все было еще слишком запутанно, потому я не мог рассказать.

Оба кивнули.

— У меня радио в машине, — сказал Аллен.

— А я, — сказал генерал, — включил телевизор после вашего звонка.

— Стив, что вы об этом думаете? — спросил президент. — Похоже, нет уже никаких сомнений, что пришельцы делают автомобили. Что это за автомобили, по-вашему?

— Насколько я понял, — ответил советник по науке, — с помощью почкования. Таким образом они создают своих младенцев, придавая им собственную форму. Но, вероятно, им ничто не мешает повторять форму автомобилей.

— Кто-то из них съел несколько автомобилей, — напомнил генерал. — В Сент-Луисе вроде.

— Я не уверен, что это как-то связано, — сказал Аллен. — Конечно, они могли проанализировать, исследовать те автомобили, раз уж переварили их; но новые, которые они делают, похожи на съеденные, очевидно, только внешне.

— Тогда зачем же они проглотили те, в Сент-Луисе? — спросил генерал.

— Не берусь объяснять, — сказал Аллен. — Все, что я знаю, — автомобили, которые создают пришельцы, — тоже пришельцы. На самом деле это не

автомобили, а пришельцы в форме автомобилей. Вероятно, их можно использовать в качестве автомобилей, но это дела не меняет. Это биологические, а не механические средства передвижения.

— Репортер, обнаруживший эти машины — сказал президент, — по-видимому, считает, что их делают из благодарности. Добровольное пожертвование, дар народу планеты, которая дала им целлюлозу.

— Тут я ничего не могу сказать, — ответил Аллен. — Вы говорите так, будто знаете, как мыслят эти чертовы твари. Я бы не рискнул рассуждать подобным образом. Мы уже сколько времени возимся с мертвым — и до сих пор понятия не имеем о его анатомии, о том, как он функционировал. Даже в физическом плане, не говоря уж о ментальном. В таком же положении был бы человек из средневековья, пытающийся понять, как и почему работает сложный компьютер. У них нет ни одного органа, который можно было бы сопоставить с человеческим. Мы совершенно сбиты с толку, не за что ухватиться. Я надеялся, что нам удастся установить, от чего он умер. Это тоже не получилось. Пока мы не узнаем, как функционировал организм, нет никакой надежды установить ни причину смерти, ни что-либо еще.

— Значит, по-вашему, нет шансов установить с ними контакт? — спросил президент. — Если бы нам удалось поговорить с ними, хотя бы жестами, хотя бы...

— Шансов никаких, — твердо сказал Аллен. — Абсолютно никаких.

— Вот если бы пришельцы обратились к нам, — сказал президент. — И попробовали бы дать нам понять, что им нужно...

— Вы имеете в виду правительство? — спросил Аллен.

Президент кивнул.

— Никто не может осознать, — сказал Аллен, — подлинной, абсолютной чужеродности этих созданий. Они настолько не похожи на нас, что мы просто не в состоянии постичь эту разницу. По моим представлениям, все они —

единый организм, как в улье или в муравейнике, в котором все знают — или видят, или ощущают — все, что знает-видит-ощущает любой другой, все они. Такому сообществу правительство не нужно. У них никогда и мысли о правительстве не возникало. Вероятно, они вообще не знают, что такое правительство, потому что у них никогда не было необходимости в таком образовании.

— Надо что-то делать! — воскликнул генерал. — Мы должны защищаться! Мы должны как-то действовать.

— Забудьте об этом, — сказал президент. — Здесь, в кабинете, несколько дней назад вы сказали мне, что пришельцы способны выдержать все, кроме ядерного взрыва. Так получалось по вашим расчетам. Но мы же не можем использовать атомные...

Аллен напряженно выпрямился в кресле.

— Так значит, эксперимент все-таки был, — сказал он. — Я все время что-то слышал об этом, но полагал, что, если бы это было правдой, меня бы поставили в известность. Объясните, пожалуйста, почему меня не поставили в известность? Ваши открытия могли бы пролить свет...

— Потому что эксперимент — не ваше дело, — отрезал генерал. — Потому что он засекречен.

— Пусть так, — возразил Аллен, — но это может оказаться важным, вы должны были...

— Успокойтесь, джентльмены, — сказал президент. — Приношу вам свои извинения. Моя вина, проболтался. — Он посмотрел на Аллена. — Но вы ничего не слышали, разумеется.

— Конечно, господин президент. Я никогда не слышал того, что вы только что сказали.

— Но факт остается фактом, — продолжил президент, — мы не можем использовать атомные...

— Если бы мы могли собрать всех пришельцев вместе, — перебил его генерал, — то, может быть...

— Но этого мы сделать не можем, — возразил президент. — Мы даже не знаем, где они, кроме нескольких. Скорее

всего, они рассеялись по всей стране и плодят проклятые автомобили...

— Это неизвестно, сэр.

— Разумеется. Но предположение вполне правдоподобное, — сказал президент, — что, впрочем, вполне понятно. Не могут же они сидеть у всех на виду и лепить свои машины. Люди бросились бы за машинами и затоптали бы их.

— А может быть, — сказал Уайтсайд с надеждой, — может быть, им не хватит леса, а? Ведь сколько леса надо съесть, чтобы понаделать автомобилей!

— Маловероятно, — ответил Аллен. — В Северной Америке очень много лесов. Ну а если они вдруг начнут испытывать недостаток в древесине, то остается еще весь остальной мир, включая экваториальные джунгли. И еще не забывайте, что они возобновляют леса: взамен съеденных сажают новые. Номер «сто первый» уже засадил участок в Айове.

— Меня другое волнует, — сказал президент. — Если они начнут использовать пахотные земли под лесопосадки, то мы можем столкнуться с продовольственным кризисом. Конечно, у нас громадные запасы зерна, но они быстро кончатся, если так пойдет.

— Здесь есть и другая опасность, — добавил Аллен. — Может случиться, что если возникнет продовольственный кризис, то пришельцы станут делать продовольствие. И мы все окажемся фактически на пособии.

— Разговор у нас получается очень интересный и, может быть, даже по существу, — сказал президент, — но мы так ни до чего и не договорились. А надо решать, что предпринять прямо сейчас.

— Я вот о чем подумал, — сказал Портер. — Когда я разговаривал с Гаррисоном, он назвал одно имя. Джерри Конклин, если не ошибаюсь. Этот Конклин первым узнал о машинах, но он просил его не раскрывать, потому его имя в репортаже не упомянуто. Мне кажется, я это имя уже слышал. Мне кажется, оно как-то связано с пришельцами.

Аллен насторожился.

— Конечно связано, — подтвердил он. — Это тот самый человек, чья машина была раздавлена, когда первый пришелец приземлился в Лоун-Пайне. Тот самый, который исчез, когда мы пытались его найти. И тут он опять объявился. Все это очень странно.

— Наверное, стоит пригласить его сюда и поговорить с ним, — предложил Уайтсайд. — Возможно, парнишка знает что-нибудь такое...

— Минутку, — перебил его Аллен. — Мы выяснили кое-что еще. Конклин — друг, кажется, близкий друг сотрудницы «Трибьюн». По-моему, ее зовут Кэти.

— Кэти Фостер, — сказал Портер. — Это она нашла машины, она писала репортаж.

— Наверное, надо позвать сюда обоих, — сказал Уайтсайд. — Пусть ФБР их доставит.

— Только не ФБР, — покачал головой президент. — Нам ни к чему такая неучтивость. Мы их пригласим в качестве гостей Белого дома. Пошлем за ними самолет.

— Но, сэр, — запротестовал генерал, — этот человек уже исчезал. Он может опять исчезнуть.

— Мы примем меры. Дейв, ты сделаешь приглашение?

— С удовольствием, — ответил Портер.

Глава 47

Миннеаполис

Паренек из типографии сгибался от груза бумаг, зажатых под мышкой. Он кинул на стол Гаррисону оттиск и заторопился дальше.

Гаррисон развернул газету на первой полосе и быстро просмотрел ее. Она была почти такой же, как при первом наборе, только теперь на ней красовался новый материал. Он положил газету на стол и залюбовался им. Материал состоял из двух колонок и сопровождался рисунком с

изображением пульта управления пришельца-автомобиля. Гаррисон начал читать первый абзац:

«Если вы окажетесь в числе тех счастливцев, кто вскоре получит автомобиль-пришельца, — не ломайте голову над его устройством. Управлять им весьма легко. Чтобы включить его, вы нажимаете первую кнопку справа. (Кнопка „А“ на рисунке.) Чтобы двинуться с места, нажимаете кнопку „Б“. Скорость регулируется поворотом диска на пульте управления: по часовой стрелке быстрее, против часовой стрелки медленнее. Против часовой стрелки до упора — остановка. Подъем регулируется рычажком справа от панели. Хотите подняться — поднимите рычажок кверху. Хотите опуститься — опустите рычажок. Кнопки, диск и рычажок подъема никак не обозначены и не градуированы. Вы должны просто запомнить, для чего служит каждый из них. Но их так мало, что управление не составляет ни малейшего труда...»

Гаррисон пропустил середину и остановился на последнем абзаце:

«Быть может, вам стоит вырезать эту заметку вместе с рисунком. И положить ее в бумажник или кошелек. И тогда, если в одно прекрасное утро вы обнаружите один из этих автомобилей припаркованным возле вашего дома...»

— Это была отличная идея, — сказал Гаррисон Гоулду. — Это напрямую связывает читателя с машиной. Такое каждый прочтет. Здорово ты придумал.

— Конечно, черт возьми, — засмеялся Гоулд. — Пора мне отрабатывать зарплату.

По проходу между столами прошаркал Хэл Рассел. Остановился и сказал Гаррисону:

— Еще пришельцы нашлись. Одна группа в Айдахо и еще одна в Мэне.

— И все лепят машины, — сказал Гоулд.

— И все лепят машины, — подтвердил Рассел.

— Они начинают проявляться, — сказал Гаррисон. — Завтра обнаружится, наверное, очень много.

— Дело в том, что люди кинулись их искать, — сказал Рассел.

— Еще бы! — сказал Гоулд. — Представляете себе, у каждого в гараже новая машина...

— Следующий материал у нас может быть про распределение машин, — предположил Гаррисон. — Люди просыпаются, а у них под окном автомобили стоят, новехонькие.

Гоулд покачал головой.

— Может быть и иначе. Будем жребий тянуть. Что-то вроде национальной лотереи. Или они просто выкинут машины куда-нибудь на поле или на городские пустыри — и мы будем за них драться. Автомобиль-пришелец — приз самому быстрому, самому сильному, самому подлому.

— У тебя чертовски странные идеи возникают, — вставил Гаррисон.

— Для себя я хочу голубую, — продолжал Гоулд. — Жена никогда не позволяла мне голубую. У нас всегда были только красные машины, она любит красное.

— А может быть, их будет столько, — предположил Рассел, — что вам обоим хватит: тебе голубую, а ей красную.

— В таком случае у нас будет две красные. Она ни за что не даст мне взять голубую. Этот цвет кажется ей слюнявым.

— Кто-нибудь из вас пробовал прикинуть? — спросил Гаррисон. — Могут ли пришельцы на самом деле изготовить столько машин? У нас когда-нибудь была достоверная цифра, сколько их может быть на Земле?

— Насчет достоверной цифры я не знаю, — сказал Рассел, — но несколько тысяч, по-видимому, есть. Кэти сказала, что три пришельца за неделю, даже меньше, сделали больше сотни машин. Ну, пусть неделя, пусть будет ровно сто. Больше тридцати в неделю получается на одного. Умножь на пять тысяч пришельцев — получается сто пятьдесят тысяч машин в неделю. Может оказаться даже больше, но и так полмиллиона в месяц набежит.

— У нас населения двести пятьдесят миллионов, — сказал Гаррисон.

— Так не каждому же нужна машина. Из двухсот пятидесяти миллионов младенцев сколько? И несовершеннолетних? Им никто машин не даст. А еще не забывай малышей-пришельцев, что подрастают у нас. Через год, а может, и через полгода, они тоже смогут делать машины. Насколько я помню, ребятишек пришельцы рожали пачками. Скажем, у каждого пришельца в среднем по десять ребятишек. Где-то через год они станут выдавать по несколько миллионов машин в месяц.

— Верно, — сказал Гаррисон. — Верно. Похоже, что это на самом деле может получиться.

— А потом, — сказал Гоулд, — они начнут делать пиво. С пивом им будет проще, чем с автомобилями. Скажем, по ящику в неделю на каждого взрослого мужского пола. Мне бы ящика в неделю хватило, пожалуй.

— А еще жареные сосиски и соленое печенье, — добавил Рассел. — Если уж пиво, то придется им и закуску делать. Иначе какое же пиво...

Зазвонил телефон, Энни подняла трубку.

— Джонни, это тебя. Ко второму аппарату.

Гаррисон нажал кнопку и взял трубку.

— Гаррисон. Редакция репортажа.

— Это Портер вас тревожит. Из Белого дома. Я уже звонил вам сегодня.

— Да, я помню. Чем могу быть полезен?

— Мисс Фостер случайно нет поблизости?

— Сейчас посмотрю.

Он поднялся и увидел Кэти за столом. Он помахал трубкой над головой и рявкнул:

— Кэти! Тебя! Возьми вторую трубку!

Глава 48

Лес

Нортон притормозил каноэ несколькими ударами весла, глядя на картину, открывшуюся за поворотом. Там, прямо

перед ним, над густой сочной зеленью сосен вздымались пять прямоугольных черных башен.

«Пришельцы», — сказал он себе. Но что делать пришельцам в этом медвежьем углу? Однако, чуть подумав, он сообразил, что это вовсе не так уж и странно. Наверное, немало больших черных ящиков приземлилось в таких местах, где их трудно найти.

Он рассмеялся про себя и направил каноэ к берегу сильными резкими гребками. Солнце уже садилось, и он искал место для ночлега. «Это место ничуть не хуже любого другого», — подумал он. Сейчас он вытащит каноэ на берег и пойдет посмотреть на пришельцев. А потом разведет костер и устроится на ночь... Он с удивлением обнаружил, что присутствие пришельцев его радует. «Что-то в них есть симпатичное, — подумал он, — словно добрых соседей встретил, которых не рассчитывал застать».

Он вытащил каноэ на пологий галечный берег и направился через лес в сторону пришельцев. Теперь он думал о том, что не удивительно найти их в таком уединенном месте — удивительно другое. Удивительно, что нет никакого шума. Они явно не валили и не глотали деревья. Скорее всего, уже насытились целлюлозой, наделали малышей и теперь попросту отдыхают, закончив все дела.

Он вышел на открытое место, расчищенное пришельцами, и резко остановился в изумлении. Прямо перед ним стоял дом. Какой-то очень странный дом — кособокий, пьяно валившийся на одну сторону, — как будто строитель схалтурил и бросил его не доделав. Сразу за ним стоял еще один. У этого углы были ровные, но все равно что-то было не в порядке. Нортон не сразу сообразил, в чем дело, потом понял: окон не было.

А позади домов стояли пришельцы, так близко друг к другу, что производили впечатление группы зданий в деловом центре какого-нибудь города.

Нортон стоял в замешательстве. Ни один нормальный человек не стал бы забираться в такую глушь, чтобы

построить два дома, а потом бросить их и уйти. Ни один строитель не стал бы лепить один дом кособоким, а другой без окон. Но даже если бы нашелся такой чудак — здесь же не было дороги, чтобы возить материалы на эту площадку!

Сосны тихо перешептывались на ветру. По ту сторону открытого пространства, на котором стояли эти странные домики и группа пришельцев, промелькнула на фоне густых зеленых крон небольшая, яркая птица. Кроме ветра, шумевшего в соснах, и этой мгновенной яркой вспышки — птицы, ничто не нарушало окружающего безмолвия и покоя. Тишина и гнетущая торжественность девственного леса подавляли все чувства, даже удивление по поводу присутствия пришельцев и этих непонятных домов.

Нортон с трудом заставил себя двигаться — и пошел к первому из домов, к кособокому. Передняя дверь была открыта, но он не сразу решился войти. Ему почудилось, что строение может рухнуть, стоит ему перешагнуть через порог. Но в конце концов он рискнул — и оказался в холле, откуда можно было пройти на кухню и в комнату, которая, по-видимому, должна была бы служить гостиной. Он пошел в кухню. Ступал очень-очень осторожно: боялся, что из-за любого резкого движения все может обвалиться. Хоть дом был чудной, кухня оказалась обычной. Возле одной стены стояли электрическая печь и холодильник. Вдоль другой были расставлены и развешаны кухонные шкафы с ящиками и отделениями для посуды, кухонный стол. Все было на месте, вплоть до мойки и раковины.

Нортон включил плиту и подержал руку над конфоркой. Конфорка быстро нагрелась, он ее выключил. Потом отвернул кран над раковиной. Оттуда побежала тоненькая струйка, но почти тотчас прекратилась. Он открыл кран посильнее. В трубе захлюпало, забулькало, потом хлынула вода, но снова перестала. Он закрыл кран.

Он прошел в гостиную. Там все было в порядке, только окна как-то не на месте. Дальше располагались три спальни, и в них тоже все было обыкновенно, если не считать каких-

то несообразностей в размерах, которые его удивили. Он попытался сообразить, что не так, но не сумел определить эту странность.

Выйдя из дома, он испытал облегчение. И по дороге к следующему — тому, что без окон, — все пытался понять, что же не так в этом доме, что ему показалось таким странным. Окна косые, и спальни какие-то необычные, и кран на кухне не работает — это все не то. Должно быть еще что-то важное. И вдруг вспомнил: там ванны нет. В этом кривом доме нет ванны! Он остановился и стал вспоминать каждый свой шаг. Не может ли быть, что он ошибся? Совершенно невероятно, чтобы кто-то построил дом без ванной комнаты. Но нет, так оно и было. Он осмотрел дом очень внимательно, не мог он не заметить ванной комнаты. Если бы она была — он бы ее увидел.

Дверь второго дома была закрыта, но отворилась мягко и бесшумно, стоило ему повернуть ручку. Из-за отсутствия окон внутри было темно, но не настолько, чтобы нельзя было осмотреться. Он быстро осмотрел дом. В нем были четыре спальни, небольшой кабинет, кухня, гостиная и столовая — и две ванные комнаты, одна из них возле хозяйской спальни. В первом доме полы были деревянные, а здесь покрыты коврами. На стенах, там, где должны быть окна, висели гардины. Он проверил оборудование кухни. Все работало. Плита сразу нагрелась, едва он включил конфорки; вода из крана текла; когда он открыл холодильник, в лицо ему дохнуло морозом. В обеих ванных краны тоже работали, и унитазы ополаскивались.

Все было в идеальном порядке. Но почему кто-то построил идеальный дом без окон? Кому это нужно? Забыл, что ли?

И вообще, кто его строил?

Строил ли его кто-нибудь вообще?

А что, если пришельцы...

При этой мысли он похолодел, дыхание перехватило.

Если это пришельцы — все становится на свои места. Ни один человек не стал бы строить два дома посреди дремучего леса. Да это и невозможно практически.

Но пришельцы? Зачем пришельцам строить дома? Или учиться строить дома? Ведь было совершенно ясно, что дома странные, что их строил кто-то такой, кто не вполне знает, как это делается. Наверное, тот кривой дом был первой попыткой. Этот, где он находится сейчас, — уже вторая. Здесь все гораздо лучше получилось, только что окон нет.

Он стоял посреди кухни, потрясенный, боясь поверить, все еще сомневаясь. Действительно, единственный разумный ответ состоял в том, — как бы ни трудно было принять его, — что домики сделали пришельцы. Но отсюда следовал другой вопрос, на который ответить было еще труднее. Зачем пришельцам строить дома?

Он на ощупь пробрался через гостиную в холл и вышел наружу. На поляну легли длинные тени. Верхушки сосен, словно зубья пилы, врезались в багровое вечернее солнце. Нортон поежился от подступившего холода.

Он провел ладонью по стене — ощущение было неожиданное. Присмотревшись, он увидел, что это не сруб: тут не было отдельных брусьев, вся стена казалась единым, монолитным куском, словно из пластмассы.

Он начал медленно отходить от дома, не отворачиваясь от него. Внешне, если не считать отсутствия окон, дом был в полном порядке. Это была почти точная копия тех домов, каких полно в любом пригороде.

Он внимательно рассматривал дом от крыши до фундамента — фундамента не было. С самого начала он этого не заметил; никакого фундамента вовсе не было. Дом висел над землей на высоте в полфута.

«Висит, — сказал себе Нортон. — Висит, в точности как пришельцы. Теперь уже не осталось никаких сомнений в происхождении этих домов».

Он зашел за угол дома. Вон они стоят, пришельцы, словно группа затемненных зданий на центральной

площади какого-то футуристического города; нижняя часть погрузилась в сумеречную тень леса, верхняя освещена слабеющими лучами заходящего солнца.

И от них приближался еще один дом, паря примерно в футе над землей, призрачно белея в наступавших сумерках.

Нортон испуганно подался назад, готовый броситься бежать. Дом подплыл и остановился, словно подыскивая место для себя. Потом медленно, величественно придвинулся к двум уже стоящим и замер. Теперь они, все три, стояли в ряд; чуть ближе друг к другу, чем на обычной улице, но очень похоже на улицу.

Нортон медленно шагнул по направлению к третьему дому, и в этот момент в нем зажегся свет. Через окно он увидел внутри стол в столовой, уставленный посудой. Там было стекло и фарфор; и два подсвечника со свечами: подходи и зажигай. В гостиной мерцал экран телевизора, а напротив стояла тахта; по комнате расставлено множество стульев, а возле стены — антикварный шкаф с изящными фигурками под стеклом.

Изумленный, он хотел отвернуться — и в этот момент заметил тени на занавесках кухонного окна. Словно там кто-то двигался, словно кто-то собирал обед, чтобы отнести в столовую, к накрытому столу.

Вскрикнув от ужаса, он бросился бежать к реке, к своему каноэ.

Глава 49

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

Когда Портер позвонил, дверь открыла Элис. Она схватила его за руку, втащила внутрь и закрыла за ним.

— Я знаю, — сказал он, — что время совсем не подходящее, и мне некогда, но мне очень хотелось тебя увидеть, а увидеть сенатора я просто обязан.

— Папа уже и стаканы наполнил, — сообщила Элис. — Он тебя ждет. Дрожит от нетерпения, хочет узнать, что тебя

заставило выскочить к нам посреди ночи. Ты ведь, наверное, по горло в делах государственной важности.

— Дел на самом деле много, — ответил Портер. — Разговоров много. А что из этого получается, честно говоря, не знаю. Ты слышала о моратории на деловую деятельность?

— В последних новостях по телевизору. Папа возмущен.

Но сенатор, когда он вошел к нему в комнату, вовсе не казался возмущенным и встретил его весело и радушно, протянул стакан и сказал:

— Вот видите, молодой человек, мне даже спрашивать не надо. Я уже успел изучить ваши вкусы относительно выпивки.

— Благодарю вас, сенатор. Это мне сейчас очень кстати, — сказал Портер, принимая стакан.

— У тебя было время поужинать? — спросила Элис.

Он посмотрел на нее, словно удивился вопросу.

— Ну так как же? Ужинал?

— Ты знаешь, забыл, — сказал Портер. — Мне было не до того. Из кухни что-то приносили наверх, но в тот момент я был занят с прессой, а когда вернулся, все уже съели.

— Так я и думала, — вздохнула Элис. — Как только ты позвонил, я сразу сандвичей приготовила и кофе сварила. Сейчас что-нибудь принесу.

— Садись, Дейв, — сказал сенатор. — Сядь и расскажи, что у тебя на душе. Неужели я чем-то могу помочь Белому дому?

— Вероятно, можете, — сказал Портер. — Но это вам решать. Заставлять вас никто не намерен. Захотите или нет — вам решать, это дело вашей совести.

— Вам, наверное, нелегко пришлось, — предположил сенатор. — Да и сейчас несладко. Не скажу, что согласен с президентским мораторием, но что-то делать надо, я понимаю.

— Мы не очень представляли себе, какова может быть мгновенная реакция, и побаивались ее, — сказал Портер. — Эта передышка даст здравомыслящим людям время подумать, чтобы не впадать в панику.

— Доллар полетит к чертям на всех иностранных биржах, — произнес сенатор. — К завтрашнему вечеру он может превратиться в бумажку, что бы мы тут ни предпринимали.

— С этим мы ничего поделать не можем, — сказал Портер. — Но если у нас будет шанс выиграть пару раундов здесь, дома, то доллар снова пойдет вверх. Так что настоящая опасность не на заморских биржах, а у нас: Конгресс, пресса и общественное мнение.

— И вы хотите с ними управиться, — добавил сенатор. — По-моему, здесь годится только один способ. Не отступать. Не поддаваться.

— А мы и не собираемся, — угрюмо сказал Портер. — Мы не намерены жалеть, что неправильно себя вели. И никаких извинений не будет.

— Это мне нравится, — кивнул сенатор. — Я могу не одобрять многое из того, что у вас происходит, но такое проявление мужества — это хорошо. В том положении, в котором мы очутились, правительству нужна крепкая сердцевина.

Элис принесла тарелку с сандвичами и чашку кофе, поставила их на стол перед Портером.

— Ешь. Даже не пытайся разговаривать. Разговорами займемся мы с папой. Их у нас много.

— Особенно у моей дочери, — уточнил сенатор. — Из нее так и сыплется. Для нее подобное положение дел вовсе не бедствие, не то что для нас. Ей кажется, что в этом шанс для нового начала. Вряд ли надо говорить, что я с ней совершенно не согласен.

— Ты ошибаешься, — сказала она отцу. — А ты, — обратилась она к Портеру, — наверное, думаешь так же? Вы оба ошибаетесь! Быть может, это самое лучшее из всего, что когда-либо случалось с нами. Это может нас встряхнуть. Влить струю здравого смысла в наше национальное сознание. Избавить нас от технологического синдрома, который управляет нашей жизнью вот уже больше ста лет. Покажет нам, что наша экономическая система слишком чувствительна, слишком неустойчива, потому что основана на фундаменте,

который с самого начала никуда не годился. Что есть и другие ценности, кроме бесперебойной работы машин...

— Ну, допустим, это нас перевернет, — перебил сенатор, — допустим, освободит от того, что ты называешь тиранией технологии, даст тебе шанс нового начала — и что ты будешь делать с этим шансом?

— Мы бы перестали быть крысами, — сказала она. — Ведь социально и экономически — мы крысы, крысиная раса. И стали бы людьми и смогли бы работать ради общих целей. Мы бы положили конец бешеной конкуренции, которая нас убивает.

— Без возможности персонального успеха, к которому толкает наша технология и построенная на ней экономическая система, нет повода резать другому глотку, чтобы продвинуться самому. Вот что сейчас делает наш президент, вводя мораторий, хотя сам, быть может, и не знает об этом. Он дает деловому миру и вообще всем людям страны передышку, за время которой можно нащупать дорогу назад к здравому смыслу. Хоть шаг назад к здравому смыслу. А если бы времени было побольше...

— Давай отложим этот спор, — перебил ее сенатор. — Мы все обсудим как-нибудь попозже. Я тебе все объясню.

— Со своим обычным помпезным изяществом, да? Со всегдашней убежденностью в собственной правоте...

— Дейв должен возвращаться, — сказал сенатор. — Он нужен в Белом доме. И у него какой-то груз на душе.

— Извини, дорогой, — обратилась она к Портеру. — Мне не надо было вмешиваться. Мне можно услышать то, что ты собираешься сказать сенатору?

— Ты никогда не мешаешь. — Портер прикончил второй сандвич. — И, конечно, я хотел бы, чтобы ты услышала, что я скажу сенатору. Только ты возненавидишь меня за это. Не надо, ладно? Я буду говорить откровенно. Белый дом хочет использовать сенатора.

— Звучит как-то гнусно, — поморщился сенатор. — Мне не хочется, чтобы меня использовали, хотя это, конечно,

составная часть политики: чтобы ты других использовал, и чтобы использовали тебя. Ну а конкретно?

— Мы продержимся, — сказал Портер, — во всяком случае, думаем, что продержимся, если нам удастся хоть на время избавиться от Холма. Время — единственное, что нам нужно. И не так уж много — всего несколько дней.

— У вас же там свои люди, — удивился сенатор. — С какой стати вы пришли ко мне? Вы же знаете, что я не очень расположен к вам.

— Наши люди сделают, что смогут, — сказал Портер. — Но как раз это дело им поручить нельзя. Если оно будет связано с ними, то станет припахивать грязной политикой. Если вы возьметесь — не станет.

— А скажите на милость, с какой стати я должен вам помогать? Я сопротивлялся почти всем законопроектам, какие вы вносили в сенат. Бывали времена, когда Белый дом говорил обо мне в очень неприятных тонах. Я просто не вижу, какие у нас могут быть общие интересы.

— Надо думать об интересах страны, — сказал Портер. — Один из результатов сегодняшнего происшествия будет состоять в том, что на нас снова надавят, еще сильнее, чем прежде, требуя, чтобы мы обратились за помощью со стороны. На том основании, что ситуация касается не только нас, что она международная, что все прочие государства должны быть привлечены и должны работать вместе с нами. ООН кричит об этом с самого начала...

— Я знаю, — сказал сенатор. — И не согласен с ООН. Это не их собачье дело.

— У нас слишком много поставлено на карту, — продолжал Портер, — чтобы позволить этому произойти. Я должен затронуть тему сугубо конфиденциальную, совершенно секретную. Вы хотите это услышать?

— Не уверен. А почему вы хотите, чтобы я услышал?

— Нам нужно, чтобы пошел слух.

— По-моему, это низко, — вмешалась Элис.

— Я не стал бы реагировать так резко, как моя дочь, — сказал сенатор, — но ощущение у меня примерно такое же. Правда, тебя лично я не обвиняю, Дейв. Вероятно, ты говоришь не от своего имени.

— Вы же знаете, что это действительно так, — согласился Портер. — Во всяком случае, не только от своего. Хотя я бы...

— Так вы хотите сообщить мне что-то такое, что я потом должен распространить, верно? Вы полагаете, что я смогу организовать как раз такую утечку информации, какая вам нужна; в нужных местах и нужным людям, чтобы от нее было как можно больше пользы. Не так ли?

— Ну, вы это изложили несколько грубовато... — начал Портер.

— Дейв, весь наш разговор в принципе грубоват.

— Я не имею ничего против слов, к которым вы прибегли, — сказал Портер. — Я не хочу их смягчать и не хотел бы, чтобы вы смягчали. Если вы скажете «нет» — я поднимусь и уйду. Ни спорить, ни убеждать не стану. И потом не буду иметь никаких претензий к вам. Мне было специально поручено не настаивать, не требовать от вас каких-либо действий. У нас нет никаких возможностей давить на вас, а если бы и были — к ним не стали бы прибегать.

— Папа, — сказала Элис, — хоть это и низко, но он очень честен с тобой. Он разыгрывает свою грязную политику очень откровенно.

— Пару дней назад мы говорили о преимуществах, которые могли бы дать нам пришельцы. Меня увлекла тогда идея гравитационного контроля. Я сказал, что если бы мы могли овладеть им...

Портер покачал головой.

— Нет, сенатор, дело не в этом. Я не хочу вводить вас в заблуждение. Я хочу быть с вами совершенно честным. Я уже сказал, что мы хотим использовать вас для утечки информации. Чтобы вы нечаянно обронили словечко на Холме определенным людям. Случайное словечко — и все...

— Ты называешь это случайным словечком?

— Именно так, сенатор. И все. Чтобы услышали два-три человека — разумеется, не кто попало. Называть имена мы не хотим. Вы сами знаете, кого выбрать.

— Пожалуй, знаю, — согласился сенатор. — Вам не надо ничего мне говорить. Но ответь мне на один вопрос.

— Да, конечно.

— Был эксперимент с оружием?

— Был. Результаты засекречены.

— Значит, нам надо сохранить контроль над пришельцами.

— Я полагаю, сэр.

— Ну что ж, — сказал сенатор. — По здравом размышлении мне кажется, что совесть у меня вполне чиста. И задача моя совершенно ясна. Ты мне, естественно, ничего не говорил. Просто проговорился нечаянно, я даже и внимания не обратил поначалу.

Глава 50

Соединенные Штаты

В одном доме, за завтраком, шел такой разговор:

— Слушай, Герб, я ведь всегда тебе говорила, что пришельцы могут что-нибудь хорошее сделать. Я тебе всегда говорила, а ты не соглашался. А вот теперь они будут нам бесплатные машины давать!

— Бесплатного ничего не бывает. В нашем мире ничего не бывает бесплатно. Так или иначе — все равно придется платить.

— Но в газете так написано!

— Ничего не знает твоя газета. Она так только думает. В статье написано, что, может быть, это так. Может быть... И я не стану рассчитывать ни на какую бесплатную машину, пока не увижу, что она стоит под окном.

— И бензин ей не нужен... Даже дорога не нужна. Можешь летать на ней, если захочешь.

— Там обязательно будут какие-нибудь недоделки. Подожди, увидишь. Во всех новых моделях всегда так бывает. А тут еще летать... Только попробуй — шею свернешь.

— Ты никогда ничему не веришь. Ничему хорошему. Ты просто циник. Ты веришь только плохому. А в газете написано, что пришельцы делают это из благодарности.

— Но скажи, Лиза, что я такого сделал для пришельцев? С какой стати они должны быть мне благодарны? Я ради них и пальцем не пошевелил.

— Они не тебе благодарны, Герб. Не тебе лично. Да если бы ты вдруг кому-нибудь помог — тот бы от изумления сразу окочурился. Никто и не ждет от тебя никакой помощи. От тебя дождешься... Легче подохнуть... Пришельцы благодарны всем нам. Потому что мы живем на этой планете, просто потому, что мы здесь. Они хотят что-нибудь сделать для нас. Не для тебя, а для всех людей.

А на улице негритянского квартала был разговор таким:

— Эй, послушай, ты слыхал про машины?

— Какие машины?

— Те, что пришельцы собираются нам раздать.

— Никто никаких машин нам раздавать не собирается.

— А в газете написано.

— Это не про нас, друг. Быть может, кому другому они и достанутся. А нам ни фига. Нас, как всегда, надуют.

— А вдруг на сей раз получится? Эти-то, пришельцы, они же другой народ. Может, они нас облапошивать не станут.

— Послушай, дорогой, выкинь это из головы. Нас всегда облапошивают.

В Детройте, в семье сборщика автомобилей:

— Джо, ты думаешь, это правда? Я про машины...

— Не знаю. Откуда мне знать? Так в газете написано, но она может и ошибаться.

— Ну а если не ошиблась? Что, если машины на самом деле появятся?

— Боже мой, Джейн, ну откуда мне знать?!

— Да ты же работу потеряешь. Масса людей работу потеряют. Форд и Крайслер, и другие компании не смогут работать, если появятся бесплатные машины.

— Да может, машины-пришельцы никуда не годятся. Чуть проедут и остановятся, а уж если остановятся, то их и с места не сдвинешь. Как ты их чинить станешь? Скорее всего, это просто треп, рекламная выдумка. Сомневаюсь, чтобы их делали пришельцы. Их кто-то другой мастерит, а ребята из рекламы состряпали эту историю, чтобы привлечь внимание. Иногда рекламную братию так заносит... Быть может, это как раз такой случай.

— Тебе нельзя терять работу, Джо. Мы не можем себе этого позволить. Надо платить за дом, за машину, и ребятишкам нужна одежка на зиму...

— Да не расстраивайся ты так, Джейн. Сколько уже было модных иностранных машин, а конвейер все крутится.

— Но они не иностранные. И к тому же бесплатные.

— Ничего бесплатного не бывает, — сказал Джо.

На биржах, в банках, в деловых конторах царила паника. На иностранных валютных рынках доллар заметно упал в цене. Правительства Англии и Франции проводили срочные консультации. Западная Германия официально призвала страны мира оказать Соединенным Штатам общую поддержку. Что происходило за стенами Кремля — было неизвестно; иностранные корреспонденты, даже те, кто проработал в Москве уже много лет, не имели ни малейшего понятия, что там происходит.

На Капитолийском холме в Вашингтоне, среди всеобщей сумятицы, начало формироваться мнение, что следует провести закон, который запрещал бы гражданам страны принимать какие-либо подарки от внеземных субъектов. И расходились слухи.

— Что вы знаете о слухах по поводу какого-то эксперимента? — спросил сенатор Нокс сенатора Дэйвенпорта, когда они встретились за пределами палаты. — Как будто военные стреляли в пришельца...

— Очень мало, — ответил Дэйвенпорт. — До меня тоже только слухи дошли.

— Интересно, каким образом информация просочилась? — сказал Нокс. — Такие вещи должны быть строго секретными.

— Быть может, за этим ничего и нет, — предположил Дэйвенпорт.

— Мне что-то трудно поверить, — возразил Нокс. — Скорее, эксперимент на самом деле проводился. Я начинаю склоняться к мысли, что нам следует поддержать правительство в вопросе о пришельцах. Независимо от того, что в других вопросах мы его не поддерживаем. Если мы хоть что-то от пришельцев получили...

— Пожалуй, вы правы, — сказал Дэйвенпорт. — Мне тоже кажется, что надо поддержать. Хотя я и не уверен, что слухам можно доверять.

— Но если есть хоть малейшая вероятность, что они небезосновательны, — сказал Нокс, — этого достаточно, чтобы сделать все, что в наших силах. Нельзя подводить страну, когда речь идет о национальной безопасности.

А на маленькой речке в дремучих лесах Миннесоты Фрэнк Нортон изо всех сил гнал свое каноэ. Он торопился к мосту, возле которого оставил машину.

Глава 51

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

— Мистер Конклин, вы рассказали нам невероятную историю, — сказал советник по науке.

— Я пришел сюда с этой историей не по своей воле, — ответил Джерри. — Если бы не Кэти и не Гаррисон из «Трибьюн», я бы отказался. Они убедили меня, что приехать к вам — мой гражданский долг. Потому я приехал и рассказал все, что мог, а верите вы мне или нет — ваше дело.

— Мистер Конклин, — сказал президент, — никто из присутствующих не проявил к вам недоверия. Что до меня, я готов поверить всему, каждому вашему слову.

— Я хотел бы заметить, что история гораздо больше чем просто невероятная, — сказал Портер. — По-моему, доктор Аллен, вы чрезвычайно неудачно выбрали слово. То, что рассказал нам мистер Конклин, объясняет, каким образом он смог попасть именно в то место, где пришельцы делают автомобили.

— Никто другой этого не знал и рассказать ему не мог. Та старая речная крыса знала, что пришельцы приземлились на Гусином острове, но он не знал, что они там делают. И ни за какие деньги не согласился бы пойти туда и разузнать. Он их боится до смерти.

— Я не хотел, чтобы у вас сложилось впечатление, будто я вам не верю, — сказал Аллен Конклину.

— Но мне показалось, что не верите, — ответил Джерри.

— Вы знаете, молодой человек, — обратился к Джерри Уайтсайд, — я бы сказал, нужна изрядная смелость, чтобы вот так сидеть и рассказывать, как вы нам. Вы собирались держать язык за зубами, и я вас очень хорошо понимаю. Думаю, я на вашем месте вел бы себя так же.

— Самое главное, о чем он нам рассказал, — заговорил президент, — возможность какого-то контакта с пришельцами. Коммуникация возможна, но это односторонний разговор, и на условиях пришельца. Пришелец — когда у него возникает необходимость — может говорить с нами. Мы с ним заговорить не можем.

— Я просил «сто первого» что-нибудь мне сказать, — возразил Джерри. — И, по-видимому, он меня понял.

— А вы не пробовали говорить с ним и дальше? — спросил президент.

— Конечно, пробовал, сэр. Я спрашивал, почему он показал мне, куда идти, что я там найду, почему он хочет, чтобы я туда пошел...

— И он вам не ответил?

— Не только не ответил, но еще и выкинул меня. Правда, на этот раз не так грубо, как в первый, когда я упал на дерево. На сей раз он опустил меня на землю достаточно мягко.

— Наверное, на этот раз он хотел быть уверен, что вы сможете пойти туда, куда он вас послал.

— Вероятно, так, господин президент, — сказал Джерри, — но я думаю, что здесь есть и другая причина. В первый раз я был просто чуждым организмом, одним из многих, с которыми он хотел ознакомиться. Во второй раз я был — чуть было не сказал «другом», но это, конечно, не так. Скорее, знакомым, что ли. Он меня уже знал. И мог использовать.

— И сможет использовать в будущем.

— В этом я не уверен. Твердо могу вам сказать — я не намерен еще раз охотиться за «сто первым».

— А если мы вас попросим?

— А на кой черт это нужно? — вмешался Уайтсайд. — Он же нам рассказал, как обстоят дела. Мы пришельца ни о чем не спрашиваем, он сам нам говорит, что хочет. При таких условиях разговора получиться не может. Он говорит с нами — если это можно назвать разговором, — а мы с ним вообще не говорим.

— Рассказывали, — сказал президент, — что и других людей пришельцы поднимали к себе.

— Я думаю, эти россказни можно в расчет не принимать, — возразил Аллен. — Уже много лет ходят легенды о людях, которые побывали на НЛО. Насколько мы можем судить, в основном это было связано с различными культами, и все служило саморекламе. То, что им говорили на НЛО — по их словам, — такая немыслимая, невообразимая чепуха, настолько пропитано сугубо человеческим мышлением — хоть и нездоровым, но совершенно человеческим, — что сразу становится ясно, что все это выдумка. При действительном контакте с внеземным разумом результат не может быть ориентирован только на людей. Концепции такого разговора — если не все, то многие — должны ставить нас в

тупик. Это еще недостаточно сильное слово. Значительную часть услышанного мы должны просто не понимать.

— Так вы полагаете, что все нынешние рассказы о контактах с пришельцами либо религиозные фантазии, либо откровенная ложь? — спросил Портер.

— Определенно, — подтвердил Аллен. — Я уверен, что мистер Конклин — единственный, кого на самом деле брали внутрь. То, что он нам рассказывает, вполне соответствует нашим представлениям о таких контактах. — Он повернулся к Джерри. — Слов не было, не так ли? Я понял, что слов не было.

— Совершенно верно, — сказал Джерри. — Только картины в мозгу. Иногда отдельные мысли. Но я не могу сказать, чьи они были: мои или чьи-то еще.

— Ну хорошо. Предположим, что вы снова пошли к «сто первому». Вы сказали, что не пойдете, и я не думаю, что пойдете, — но предположим. Как вы полагаете, он стал бы брать вас к себе снова?

— Только в том случае, если бы ему было что мне сказать. Только если бы у него была работа для меня.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Я очень четко ощущаю, что он меня использовал.

— Но мисс Фостер рассказывала о рукопожатии со «сто первым».

— Это было больше чем рукопожатие, — сказала Кэти. — Более интимно. Скорее, поцелуй. В тот момент я не поняла, что это было. Я сразу подумала о рукопожатии, потому что так это было проще описать. Рукопожатие благодарности, признательности, быть может, одобрения... Чтобы дать мне почувствовать, что она знает о моем существовании, знает, что я присутствую там... Но теперь я считаю, что это было нечто большее. Я уверена, что это был знак настоящей любви. И мое впечатление усилилось, когда они стали делать машины. Они не хвастаются. Не стараются напугать нас, произвести на нас впечатление... Не угрожают

демонстрацией своей мощи. И даже не платят нам за то, что мы позволили им есть деревья. Это проявление их глубокой любви к нам. Ну, вроде Деда Мороза. Вроде того, как мы делаем подарок ко дню рождения близкому другу. Как молодой человек покупает розы своей девушке.

— Вы произнесли прекрасную речь в их защиту, — сказал президент. — Но если так будет продолжаться, они нас погубят.

— Но, господин президент, ведь покупают же любящие матери конфеты своим детишкам, не зная, что конфеты портят зубы. Им не сказали — они и не знают. И с пришельцами то же самое. Это только незнание, ничего больше. Они стараются нас порадовать, не представляя себе, чего это нам будет стоить.

— Быть может, вы и правы, мисс, — промолвил Уайтсайд. — Но они меня пугают. Я по-прежнему думаю, что, если хорошо разместить несколько...

— Генри, — резко одернул его президент, — не здесь, пожалуйста. Позже, если вы настаиваете, мы поговорим об этом, но не здесь, не сейчас.

— Давайте вернемся к вопросу о контакте, — продолжил Аллен. — По-видимому, чтобы говорить с человеком, пришелец должен поднять его к себе. Мистер Конклин, можете вы себе представить какой-либо способ, чтобы побудить пришельца поднять к себе меня или, скажем, президента?

— Они не станут вас поднимать, — ответил Джерри. — Они просто проигнорируют вас. Что бы вы ни делали, они не обратят на вас внимания.

— Боюсь, что вы правы, — сказал Аллен. — Это у них очень хорошо получается. Они нас игнорируют с самого первого дня. Я не раз пытался представить себе, как они нас воспринимают. Иногда мне кажется, что мы для них не то симпатичные зверюшки, не то маленькие несчастные создания, с которыми надо быть поосторожнее и не наступить ненароком. Но на самом деле, вероятно, и то, и другое неверно. Мисс Фостер, очевидно, думает, что они нас очень любят. В

конце концов, мы позволили им опуститься на планету, где есть целлюлоза, спасающая их от полного исчезновения. Целлюлоза позволила им иметь потомство, а без потомства их раса в конечном итоге должна была вымереть. Если предположить, что они обладают человеческими эмоциями — в чем я сомневаюсь, — то они должны испытывать признательность. При всем моем уважении к мнению мисс Фостер мне не кажется, что они так уж благодарны. Дело в том, что у нас нет возможности помешать им съедать деревья. Я склонен думать, что ими движет не признательность, а непреодолимая деловая этика, хотя они могут и не считать ее таковой. Я знаю, что изложил свое мнение очень неуклюже. Мне кажется, они одержимы потребностью честно и сполна платить за все, что взяли. Мне кажется, именно так они и делают.

— Так к чему же мы пришли? — задумался президент. — По-видимому, существует объективная вероятность, что со временем мы смогли бы заговорить с нашими пришельцами. Но, очевидно, это потребует много времени, очень много, и гораздо больше терпения, чем у нас есть сейчас. Единственное, чего нам не хватает, — время. Что скажут остальные? По-вашему, это правильная оценка?

— Я подписываюсь, — сказал Уайтсайд. — В том-то и дело, что у нас нет времени. Все наше время вышло.

— Мы сможем это перенести, — сказал президент, словно разговаривая сам с собой. — Мы должны это перенести. Если больше ничего не произойдет, если не будет ничего, кроме автомобилей, то мы выкарабкаемся. Мне звонили сегодня несколько человек. Деловой мир нас поддержит, и даже Конгресс намерен сотрудничать с нами в гораздо большей степени, чем я предполагал. — Он повернулся к Портеру. — Из того, что я слышал, можно заключить, что ты разговаривал с Дэйвенпортом. Верно?

— Разговаривал, — ответил Портер. — Дружеский обмен мнениями.

— Ну что ж, — сказал президент. — Кажется, все. Разве что, — он повернулся к Кэти и Джерри, — вы захотите что-нибудь добавить.

— Ничего, господин президент, — сказал Джерри.

Кэти покачала головой в знак согласия.

— Мы вам благодарны за то, что приехали к нам, — сказал президент. — Вы нам очень помогли. Теперь проблемы, стоящие перед нами, стали гораздо яснее. Вы можете быть уверены, что все рассказанное вами останется внутри этих стен.

— Я вам очень признателен, — сказал Джерри.

— Самолет ждет вас. Вас отвезут на аэродром в любое время, как только захотите. Если вам захочется побыть в Вашингтоне день-два...

— Господин президент, нам надо возвращаться, — сказала Кэти. — У меня работа, у Джерри диссертация.

Глава 52

Миннеаполис

— У нас тут словно на поминках, — сказал Гоулд. — Мы тонем в новостях чрезвычайного значения. Весь чертов мир летит в тартарары. Доллар уже почти ничего не стоит. Иностранные правительства вопят о катастрофе. Дипломаты молчат как рыбы. Весь деловой мир побледнел от ужаса. Ведь это наша пища, хлеб наш насущный — где же радость газетчиков, переполненных новостями, где ликование?..

— Слушай, ты бы заткнулся, — попросил Гаррисон.

— Белый дом выражает уверенность, — не унимался Гоулд. — Говорит, что мы выдержим. Молодцы ребята! Отличный образец художественного свиста...

Гаррисон повернулся к Энни.

— Ты имеешь какое-нибудь представление, когда могут появиться Кэти и Джерри?

— Через пару часов. Они, наверное, как раз сейчас вылетают. Но у Кэти ничего для нас не будет. Она звонила и сказала, что никакого материала не привезет.

— Так я и думал, — вздохнул Гаррисон. — Все равно, конечно, надеялся...

— Ты кровопийца, — сказал ему Гоулд. — Ты высасываешь своих людей до последней капли.

— Все выходит не так, как надо, — сказала Энни.

— Ты о чем? — спросил Гаррисон.

— О пришельцах. Все совсем не так, как в кино.

— Да. В кино все получается как надо. И главное — вовремя. Когда все потеряли всякую надежду, и кажется, что никаких шансов уже не осталось. А ты не думаешь, что теперь как раз вовремя...

— На это не надейся, — перебил его Гоулд.

— Посмотри, — сказал Гаррисон, — это реальность. Это все действительно происходит. Это не какая-нибудь фантазия, сочиненная каким-нибудь дураком продюсером, в глубине души уверенным, что счастье свято...

— Хоть бы они с нами заговорили! — сказала Энни.

— Хоть бы они улетели ко всем чертям! — возразил Гоулд.

Зазвонил телефон.

Энни взяла трубку, послушала пару секунд и положила ее на стол.

— Это Лоун-Пайн, мистер Нортон. На третьем проводе. Он говорит что-то странное. Что-то у них там не в порядке.

Гаррисон схватил трубку.

— Фрэнк, что у вас там? Что случилось?

Голос Нортона был почти неузнаваем:

— Джонни, я только что вернулся из похода. И увидел газеты на столе. Неужели это правда? Про автомобили?

— Боюсь, что правда, Фрэнк. Но ты не отчаивайся. Что тебя так взволновало?

— Джонни, там не только автомобили.

— Не только? Что ты имеешь в виду?

— Они делают дома. Учатся делать дома. Пробуют.

— Ты имеешь в виду дома, в которых могут жить люди?

— Именно. Вроде того, в каком живешь ты. В каких живет масса людей.

— Где они этим занимаются?

— В заповеднике. Посреди леса. Спрятались — решили, наверное, что там их никто не увидит.

— Слушай, Фрэнк, переведи дух и расскажи с самого начала. Все, что видел.

— Хорошо, — сказал Нортон. — Так вот: я пошел на каноэ вверх по реке...

Гаррисон внимательно слушал. Гоулд неподвижно сидел напротив и не сводил с него глаз. Энни достала из ящика стола пилку и принялась шлифовать ногти. Так продолжалось некоторое время, потом Гаррисон сказал:

— Постой, Фрэнк. Это слишком хороший материал, чтобы его мог написать кто-нибудь другой с твоих слов. Там все слишком личное. Я бы хотел, чтобы ты сам его написал для нас. С очень личной точки зрения, точь-в-точь как ты мне сейчас рассказывал. От первого лица — от начала до конца. Я видел, я сделал, я подумал. Можешь ты это сделать? Хочешь ты это сделать? И как твоя собственная газета?

— Моя газета выйдет не раньше чем через три дня, — сказал Нортон. — Да черт с ней, я могу и пропустить неделю. Меня тут не было, так объявлений и не набралось. У меня есть еще пара банок фасоли на полке, так что если и пропущу неделю — с голоду не умру.

— Тогда садись и пиши, — сказал Гаррисон. — Три или четыре колонки. Если не хватит — пиши больше, сколько надо. Как только закончишь — хватай трубку и звони в редакцию репортажа. Продиктуешь свой материал. У меня тут есть люди, которые смогут записать стенографически. И вот еще, Фрэнк...

— Да?

— Ты не стесняйся. Расправь крылья!

— Но, Джонни, я тебе не все сказал. Я подходил к ним поближе. Понимаешь, в последнем доме, в котором горел свет и вся обстановка...

— Ну? Что с этим домом?

— Понимаешь, дом только что подъехал. Пришельцы его только-только закончили. Но когда я посмотрел на него, увидел тени на кухне. И тени двигались. Понимаешь, так, будто кто-то ходит по кухне и готовит обед. Я клянусь тебе, Джонни, на кухне были люди! Боже мой, неужели они и людей делают?

Глава 53

Де Сото, Висконсин

Пятьсот с лишним миль — кусок порядочный. А уж если боишься поддать газу своей развалюхе, если она дребезжит и скрипит, чихает и кашляет, и каждый ее хрип может оказаться последним — тем более. Человек из Южной Дакоты, проделавший как раз такой путь, добрался наконец до городка Де Сото, зажатого между нагорьем и рекой. Он попытался найти место, где поставить машину, но во всем городе его не оказалось. Единственная длинная улица была сплошь забита автомобилями и людьми, вокруг толчея, беготня, ругань... И у него возникло ужасное подозрение, что все эти люди тоже приехали сюда за новыми машинами.

В конце концов ему удалось выбраться на какую-то гравийную дорогу, уходившую за город, на восток, вверх по узкой долине. Здесь тоже стояло немало машин: пришлось проехать не меньше полумили от последнего дома на окраине городка, пока он не нашел место, чтобы припарковаться. Он вылез из машины и потянулся, пытаясь расслабить болевшие мышцы. Не только мышцы болели — он устал до полусмерти, до полного изнеможения. И есть хотелось страшно, и спать... Но это все потом. Прежде всего он должен получить свою машину. Когда будет машина — можно будет позволить себе и поспать, и поесть.

Но что надо делать, чтобы получить машину, он не имел ни малейшего представления. Все, что он знал, — что на реке неподалеку от городка находится какой-то остров, на котором есть машины. «Наверное, — подумал он, — надо было ехать в Дикс-Лэндинг в Айове». Но на карте дороги, ведущие туда, показались слишком ненадежными. Потому он и решил, что проще будет добраться до этого городка в Висконсине, лежащего прямо напротив Дикс-Лэндинга. Он знал, что надо как-то перебраться через реку, чтобы попасть на остров. Быть может, удастся нанять лодку? Он размышлял, сколько может стоить такое удовольствие, и надеялся, что сумма будет не слишком астрономической. Денег у него было немного. Впрочем, он ведь может и переплыть реку... Хотя теперь он в этом сомневался. Он был отменным пловцом, но сейчас, по дороге, насмотрелся на Миссисипи. Очень широкая река, и течение сильное.

Он плелся по дороге, обходя рытвины; под ногами хрустел сыпучий гравий. Впереди шли еще несколько человек, но он не старался их догнать, не пытался поравняться с ними, потому что, с тех пор как попал сюда, чувствовал странное замешательство. Быть может, не стоило сюда приезжать? Но когда он собирался, идея казалась безупречной. Господь свидетель, машина нужна ему позарез, а это единственный способ ее приобрести. Ему ни на мгновение не пришла в голову мысль, что и другие могут помчаться сюда с теми же намерениями. Он, конечно, не знал, но ему казалось, что так оно и есть, что все эти люди в городе именно с тем сюда и приехали. Правда, оставалось единственное утешение: машин должно быть много. По телевизору рассказывали, что когда пришельцев с автомобилями обнаружили, они уже успели понаделать больше сотни. Вполне разумно было предположить, что после того сообщения они продолжали делать машины, так что теперь их должно быть гораздо больше сотни. Может, уже штук двести. А может, и еще больше... Правда, в городке народу много, но все равно, если там стоят и ждут больше двухсот машин, то должно

хватить и ему. Самая большая проблема — перебраться через реку, но, когда придет время, он что-нибудь придумает.

Он дошел до окраины городка и потащился дальше, к деловому кварталу, выходившему на реку. Быть может, там он найдет кого-нибудь, кто скажет ему, что делать. К этому времени должны уже были разработать какую-то процедуру получения машин.

На тротуаре перед баром стояла кучка людей, и он подошел к ним. Рядом, на проезжей части улицы, стояли три пустые машины дорожной полиции. А на железнодорожной насыпи, проходящей вдоль берега, толпились люди. Они стояли, повернувшись спиной к городу, словно рассматривали что-то на реке.

Извинившись, дакотец тронул за рукав одного из стоявших на тротуаре.

— Авария была, что ли? — спросил он, показав на патрульные машины.

— Не было никакой аварии, — ответил тот. — То есть утром была, но в последние несколько часов ничего не было.

— Ну а чего ж тогда полиция здесь делает?

— Ты, наверное, только что подъехал? — спросил местный.

— Это верно. Из Южной Дакоты. Рэпид-Сити знаешь? Ну, я не совсем из Рэпид-Сити — наш городок поблизости, чуть к востоку. Зараз всю дорогу проехал, остановился только бензина залить.

— Куда ж ты так торопился?

— Знаешь, я хотел успеть сюда, пока машины не кончились.

— Ни одной еще не забрали. Они все там, на острове.

— Значит, успел.

— Куда успел?

— Успел. Значит, получу машину.

— Да ничего ты не получишь. И никто не получит. Видишь, прислали полицию штата — они реку перекрыли.

Говорят, еще и гвардейцы появятся. Они на катерах реку патрулируют, чтобы ни сверху, ни снизу никто не подъехал.

— Но почему? По телевизору говорили...

— Что говорили по телевизору, мы знаем. И про газеты тоже знаем. Бесплатные машины каждому. Но через реку на остров ты не доберешься.

— А остров там?

— Где-то там. Я точно не знаю. Там островов полно.

— Но что случилось? Почему полиция...

— Банда каких-то идиотов залезла в лодку. Набилось больше, чем лодка могла вместить, а они все лезли. А лодка-то возьми да перевернись посреди реки... Так идиоты проклятые почти все и потопли.

— Но кто-то же мог бы организовать переправу и...

— Вообще-то, конечно, могли бы, — сказал местный, — но только что ты тут ни делай — все без толку. Тут же ни одного нормального человека нет, все с ума посходили. Каждому вынь да положь новую машину. Нет, полиция правильно делает. К реке никого подпускать нельзя. Если бы не они, тут трупов было бы гораздо больше.

— А тебе машина не нужна?

— Конечно нужна. Но сейчас никаких шансов нет ее получить. Может, попозже...

— А мне машина нужна сейчас, — сказал человек из Южной Дакоты. — Позарез нужна. Ведь я же на своем драндулете до дома не доеду.

Он перебежал через дорогу, поднялся на железнодорожную насыпь и, растолкав людей, пробрался сквозь толпу. Внезапно он оступился, упал — и покатился вниз. Почти у кромки воды он остановился. Открыв глаза, он увидел над собой огромного человека в полицейской форме.

— И куда же ты собрался, сынок? — участливо осведомился тот.

— Мне нужна машина, — сказал дакотец.

Полицейский покачал головой.

— Я умею плавать, — забормотал дакотец. — Я запросто переплыву эту реку. Дайте мне попробовать. Дайте мне...

Полицейский подхватил его и поставил на ноги.

— Слушай, сынок. Слушай внимательно. Я тебе дам уйти подобру-поздорову. Давай-ка, забирайся обратно наверх. Но если ты мне еще раз на глаза попадешься, я тебя в клетку запру.

Дакотец стал торопливо карабкаться на насыпь под беззлобные шутки толпы.

Глава 54

Миннеаполис

— Насколько мы можем верить Нортону? — спросил Эл Лэтроп. — Он ведь не из наших сотрудников.

— Я за него ручаюсь, как за себя, — ответил Гаррисон. — Мы с Фрэнком давние друзья. Еще в школе вместе учились, и с тех пор не расставались надолго. Он прирожденный газетчик. И оттого, что забрался в Лоун-Пайн, он хуже не стал. Мы здесь работаем каждый по своей специальности: кто-то пишет, кто-то редактирует, кто-то верстает, кто-то материалы подбирает. У каждого своя задача. Фрэнк все делает сам. Каждую неделю он начинает с нуля. Он собирает новости, и достает рекламные объявления, и пишет, и редактирует, и верстает. Если нужна большая редакционная статья, то он ее сочиняет сам — и не только это...

— Не продолжай, Джонни, — прервал его Лэтроп. — Я только хотел узнать твое отношение к нему.

— Если Фрэнк говорит, что видел, как пришельцы делают дома, значит, пришельцы делают дома. И его репортаж очень убедителен, в нем масса подробностей.

— Мне кажется невероятным, — произнес Лэтроп, — что у нас снова эксклюзивный материал. Получается два подряд. Только что были автомобили, а теперь дома — и снова мы.

— Как раз об этом я хотел с вами поговорить, — сказал Гаррисон. — Я думаю, прежде чем давать его в печать, нам надо поставить в известность Белый дом. Я разговаривал с пресс-секретарем. Похоже, что он очень приличный человек. Я мог бы с ним связаться.

— То есть ты хочешь их предупредить? — испуганно спросил Лэтроп. — Рассказать им об этих домах? Но зачем, Джонни? Какого черта...

— Быть может, я ошибаюсь, — сказал Гаррисон, — но мне кажется, администрация сейчас в очень трудном положении и...

— Это им на пользу, — перебил Лэтроп. — Так им и надо, ублюдкам. Не в пришельцах дело — тут они вели себя вполне грамотно, — но почти во всем остальном они действовали заведомо неправильно, с тупостью и упрямством. Немного смирения пойдет им на пользу. Мне совсем не хочется их прикрывать.

Гаррисон помолчал минуту, подыскивая слова, потом сказал:

— Дело не в администрации, а в интересах страны. Белый дом настроен решительно: они намерены преодолеть кризис. Может быть, они в состоянии это сделать. То есть были в состоянии. Пока не появились дома, у них был какой-то шанс. Но дома их погубят. Автомобили — уже достаточно скверно, но дома...

— Понимаю, — перебил Лэтроп. — Ты имеешь в виду, что сначала рухнула автомобильная промышленность, а теперь рухнет и строительная. Доллар обесценится напрочь, финансы полетят окончательно, и так далее. Но мы все равно должны опубликовать этот материал. Даже если бы мы хотели его скрыть — а мы не хотим, — это нечто такое, что скрыть не удастся.

— Так ведь я не публикацию ставлю под вопрос, — возразил Гаррисон. — Разумеется, мы должны напечатать репортаж. Вопрос в другом: дадим ли мы правительству возможность подготовиться? Или бьем информацией меж глаз,

внезапно? Ведь если они будут знать заранее, то, может быть, сумеют воспользоваться временем, чтобы как-то поменять свои установки, чтобы покрепче стоять на ногах, когда все станет известно всем.

— Общая идея, — сказал Лэтроп, — состоит в том, что нам надо отказаться от монополии на пришельцев и привлечь к этому делу весь мир. Я не считаю ее правильной. В конце концов, на нас пришелся удар вторжения, мы больше всех пострадали. И если от вторжения могут возникнуть какие-то преимущества — они тоже должны принадлежать нам. Пришельцы сами нас выбрали, мы их не приглашали и не заманивали к себе. Почему они выбрали нас, не знаю. Я не знаю, почему они не сели где-нибудь в Европе или в Африке. Но ООН с самого начала вопит...

— Мне тоже было бы обидно, если бы пришлось вмешивать другие страны, — сказал Гаррисон. — Но как бы дело ни обернулось — я считаю, что мы должны дать правительству хотя бы несколько часов, чтобы они могли обдумать новую ситуацию.

— Они смогут сориентироваться, если их предупредить. Быть может, они ничего и не станут менять. Я не знаю. Да и не наше дело это решать. Наша проблема в другом. Мы постоянно говорим об ответственности в обращении с информацией. Мы считаем себя институтом, служащим интересам общества. Мы не делаем умышленно ничего такого, что может повредить системе нашего общества или разрушить ее. Мы постоянно твердим о том, что наша задача — искать правду и доносить ее до людей... Это совсем не так трудно, кстати, если только удается установить, в чем же она состоит. Но существует нечто такое, что выходит за пределы голой правды, самой по себе. Это нечто — наша власть, наша сила... И мы обязаны использовать свою силу мудро и осмотрительно. Если бы мы придержали наши новости ради очередной сенсации...

— Черт побери, Джонни, я хочу очередную сенсацию! — воскликнул Лэтроп. — Я обожаю сенсации. Я в них купаюсь,

кувыркаюсь — и наслаждаюсь этим купаньем-кувырканьем. Послушай, откуда мы знаем, что в Белом доме не случится утечки? В Вашингтоне не существует понятия тайны, если только кто-нибудь не налепит на нее специальную печать.

— Вряд ли им самим желательна такая утечка, — возразил Гаррисон. — Они постараются, чтобы все было тихо, пока сами не просчитают, что делать, как себя вести, какие принять меры. Ведь как только все станет известно — на них обрушится такая гора новых проблем!.. Так что они заинтересованы в тайне еще больше, чем мы. Им дорога будет каждая минута из того времени, что мы им дадим.

— Ну, не знаю, — сказал Лэтроп. — Право, не знаю, стоит ли впутывать Вашингтон. Мне надо подумать. И поговорить с издателем.

Глава 55

Борт самолета, на пути к Миннеаполису

— Все будто сговорились считать их людоедами, — сказала Кэти. — Мерзкие, гнусные чудовища спустились с неба, чтобы всячески нам вредить. Но я-то знаю, что это не так. Я прикоснулась к «сто первой». Не только к шкуре ее, но и к душе. К живой душе. Это ведь было не просто прикосновение, это был настоящий контакт. Когда я рассказала об этом президенту, он сказал: очень интересно. Врет он, ничуть ему не интересно. И никому из них не интересно. Единственное, о чем они способны думать, — их драгоценная экономика. Конечно, им хочется знать, есть ли какой-нибудь способ заговорить с пришельцами. Но они хотят заговорить только для того, чтобы убедить их не делать то, за что они принялись.

— Но ты же должна и президента понять, — возразил Джерри. — Ты должна понять, что у администрации...

— Слушай, а тебе никогда не приходило в голову, что президент может быть не прав? Что все мы не правы? И то, как мы живем, неправильно, и уже давным-давно...

— Ну конечно, — сказал Джерри. — Все мы делаем ошибки.

— Да я другое имела в виду. Я не о том, что мы сейчас делаем что-то неправильно. Мы живем неправильно с давних — давних времен. Может быть, если бы можно было вернуться далеко назад, мы сумели бы обнаружить, в какой момент начали жить не так, как надо. Я слишком плохо знаю историю, потому не могу даже предположить, когда это случилось. Но где-то, давным-давно, мы свернули на неправильную дорогу и пошли по ней, и уже не было пути назад. Совсем недавно, пару недель назад, я интервьюировала в университете компанию странных ребят. Прямо помешанные какие-то — они себя называют «Любящие». Они мне сказали, что любовь — это все, начало и конец всего сущего, что все остальное — вообще ни к чему. Смотрели на меня большими, круглыми, невинными глазами... И в глазах светились невинные души — а мне было худо. Я чувствовала себя такой же обнаженной, как их души. Мне их было и жалко, и злилась я на них. Пришла я к себе, начала писать материал — и чем дальше писала, тем хуже и хуже мне становилось. Потому что они были не правы, ужасно не правы. Они в стороне от общей дороги, так далеко, что кажется — потерялись они, заблудились... Но, может быть, они ошибаются ничуть не больше, чем все остальные? Дело в том, что мы настолько привыкли к нашей неправоте, что считаем ее истиной. Быть может, их любовь с большой буквы тоже неправильна. А деньги с большой буквы, алчность — лучше, что ли?.. Послушай, Джерри...

— Так ты думаешь, что пришельцы пытаются вернуть нас на правильный путь?

— Нет, не думаю. Мне это и в голову не приходило. Они не могут знать, что с нами творится. А если бы и знали, могли бы не принять близко к сердцу, могли бы решить, что это наше личное дело и их не касается... Они и сами могут быть не правы в том, что делают. Скорее всего, так оно и

есть. Но то, что они делают, верно или нет, может показать нам нашу неправоту.

— По-моему, — сказал Джерри, — ни в одном случае, ни при каких обстоятельствах нельзя однозначно определить, что правильно, а что нет. Мы с пришельцами очень далеки друг от друга. Они прилетели бог знает откуда. Их стандарты поведения — а у них, конечно же, должны быть стандарты — не могут быть такими же, как у нас. А когда сталкиваются лбами два общества с разными стандартами, то одно из них — а может быть, и оба — испытывает раздражение. При самых лучших намерениях с обеих сторон какие-то трения неизбежны.

— Бедные создания, — сказала Кэти. — Они прилетели из такого далека. Они столько вытерпели. Они так рисковали. Нам надо было подружиться с ними, а мы кончим тем, что возненавидим их.

— Ну, не знаю, — сказал Джерри. — Кое-кто, может быть. Люди, обладающие какой-то властью, любого сорта, возненавидят их за то, что они отбирают эту власть. Но за автомобили, а может, и еще за что-нибудь народ, безликая масса, будет плясать для них на улицах.

— Ну да, какое-то время попляшут. А потом тоже возненавидят.

Глава 56

Вашингтон, федеральный округ Колумбия

— В соответствии с новой информацией, — сказал Маркус Уайт, госсекретарь, — я полагаю, нам пора пересмотреть нашу позицию.

— Насколько надежна эта информация? — спросил Портера Джон Хэммонд, глава канцелярии Белого дома. — Нам не надо ее проверить?

— Мне кажется, мы могли бы ее проверить, — ответил Портер.

Президент беспокойно шевельнулся в кресле.

— Дейв прав, — сказал он. — Мы ее уже проверяем. Мы послали людей в Лоун-Пайн. Нортон их проводит. Национальная гвардия предоставила вертолет, чтобы доставить группу на место. Все держится в тайне. Гвардейцы даже не знают, зачем они туда летят. Скоро мы узнаем, что там происходит.

— Я думаю, можно считать, что информация вполне надежна, — сказал Портер. — Я разговаривал с Гаррисоном в Миннеаполисе. Его трудно заподозрить в легкомыслии. Обратите внимание, он вовсе не обязан был нас предупреждать. У него был эксклюзивный материал, он мог бы придержать его до публикации.

— Так почему же он этого не сделал? — спросил Уайтсайд.

— Он хотел дать нам шанс. Сказал — ему кажется, что он должен предупредить нас, что нам может понадобиться какое-то время, чтобы освоиться с ситуацией, прежде чем он опубликует материал.

— Он просил вас соблюдать тайну? — спросил Уайтсайд.

— Особо не распространялся об этом. Сказал только, что надеется, мы его прикроем. Я пообещал. И полагаю, так мы и сделаем. Нам это нужно не меньше, чем ему. К тому моменту, как разразится эта история, мы должны знать, что собираемся говорить и делать. Нам очень кстати время, которое он нам подарил.

— Не нравится мне это, — сказал Уайтсайд. — Ну совершенно не нравится.

— А кому же нравится, Генри? Никому из нас не нравится, — сказал президент.

— Я не это имел в виду, — сказал Уайтсайд.

— Я знаю, что ты имел в виду. Просто истолковал твои слова помягче.

— По-моему, — сказал Аллен, советник по науке, — мы можем считать сообщение из Лоун-Пайна чистой правдой. На первый взгляд оно может показаться не вполне правдоподобным, но если вдуматься — вовсе нет. Если пришельцы могут делать автомобили, то они могут делать и дома. Это,

конечно, несколько сложнее, но принципиальной разницы тут нет. Я лично считаю, что они вполне способны на это.

— Но дома! — воскликнул Уайтсайд. — Автомобили — одно дело, дома — другое. Автомобили они могут раздать. Как они собираются раздавать дома? Начнут строить новые жилые районы, занимая под них сельскохозяйственные земли и промышленные окраины? Или станут сносить уже готовые жилища и заменять их своими?

— Да какая, к чертям, разница, как они собираются это делать? — спросил Хэммонд. — Что бы они ни делали — угроза налицо. В нашей стране строительной индустрии больше делать нечего.

— Я говорил, — сказал президент, — что уничтожение автомобильной промышленности мы сумеем пережить. Теперь не знаю, переживем ли еще и это. Беда в том, что растет всеобщий страх, он разъедает всю экономику, словно раковая опухоль. Если друг за другом рушатся автомобильная и строительная промышленности — кто может чувствовать себя в безопасности?

— А что происходит с автомобилями на Миссисипи? — спросил Хэммонд.

— Дела скверные, — ответил Портер. — Все пути к Гусиному острову мы перекрыли, но собираются толпы. Рано или поздно неизбежны инциденты. Десятка полтора людей уже погибли. Лодка, переполненная страждущими получить машину, перевернулась и затонула. Я уверен, что такие случаи будут повторяться. Невозможно удержать людей, которые рвутся к бесплатной машине. Эти жадные ублюдки принесут нам немало хлопот.

— Это единичная ситуация, — напомнил Уайт. — Нам нельзя тратить время на подобные случаи. Мы должны выработать политику! Когда новости распространятся, у нас уже должно быть хотя бы начало какой-то политики. Мы обязаны объяснить стране и всему миру, что мы намерены делать.

— Нам трудно будет терять положение в мире, — сказал президент. — Что бы мы ни делали, трудно придется. Мы всегда были гордым народом. Мы не привыкли отступать.

— Какой-то чертов идиот распустил на Холме слух, что мы провели эксперимент с оружием и теперь скрываем результаты, — сказал Уайтсайд. — Что у нас что-то наметилось. Очень скоро это дойдет до Ивана. А стоит ему слегка разволноваться — одно нажатие кнопки...

— Этот слух, — сказал президент, — откуда бы он ни исходил, помог нам получить поддержку Конгресса. Если бы не слух, никто не знает, что бы они натворили.

— Все уже позади, — настойчиво перебил Уайт. — Об этом пора забыть. Что сделано — то сделано, тут уж ничем не поможешь, с этим придется жить. Но я говорил вам с самого начала, что мы сами не справимся. Если мы поведем себя разумным образом, то нас поддержит весь мир. Мы не успели зайти настолько далеко, чтобы потерять его расположение.

— Даже России? — спросил президент.

— Я не знаю, что они сделают, чтобы помочь нам. Может быть, гораздо больше, чем мы можем рассчитывать. Если мы будем вести себя разумно, они, по крайней мере, уберут палец с кнопки, о которой говорил Генри.

— Ну и что дальше? Говорите все, что думаете. Каким вам представляется выход из положения?

— Я убежден, что мы должны признать в принципе, что пришельцы представляют собой международную проблему, что мы должны обсудить обстановку, сложившуюся у нас, с другими государствами. Я думаю, большинство крупных государств понимает, что ни одна нация, будь то мы или кто другой, не может удержать такую ситуацию в пределах своей территории, что в конечном итоге она перешагнет любые границы и в конце концов превратится в международную. Я полагаю, что нам пора обратиться за помощью ко всему миру, ко всем, кто готов оказать нам какую бы то ни было поддержку.

— Маркус, вы уже говорили с кем-нибудь из этих людей?

— Неофициально. В основном говорили они, я больше слушал. Те, с кем я разговаривал, убеждены, что все происходящее сейчас у нас в ближайшем будущем ожидает и их, если только проблему — или проблемы — не удастся решить.

— Какого рода сотрудничество вы имеете в виду? Это нам надо знать. Если мы собираемся обращаться за помощью — мы должны знать, на что можем рассчитывать.

— Франция и Британия готовы принять любое участие. Любым возможным способом. В частности, они обещали всеми средствами поддержать доллар. Япония то же самое. Скандинавы ждут только нашего слова. Западная Германия уже подготовила валютную помощь на случай необходимости.

— Иностранная валютная помощь? Для нас?

— Именно так, сэр. Что в этом страшного? Мы долгие годы тащили на себе полмира. Мы восстановили Европу после Второй мировой войны. Это всего лишь возврат долга. Они в такой же опасности, как и мы, и они это знают. Мир не может допустить, чтобы мы рухнули. Нас поддержат даже страны ОПЕК.

Президент оглядел сидящих вокруг стола, осунувшееся лицо казалось лицом больного.

— Боже мой! — простонал он.

— И речь идет не только о том, чтобы спасти нас от гибели, — продолжал госсекретарь. — Речь идет о том, чтобы выработать совершенно новую систему, какой никогда прежде не существовало. Новые политические схемы, новые финансовые концепции, быть может, полная реорганизация всей экономической структуры. Не только для Соединенных Штатов, но и для всего мира. Пришельцы подошли вплотную к тому, чтобы разрушить нашу страну. Но в то же время они изменили обстановку во всем мире, и мы должны найти какой-то способ справиться с новой ситуацией. Поймите, ничего того, что было еще вчера, — никогда уже больше не будет. Вероятно, самое первое, что нам предстоит — и может

быть, самое трудное, — честно проанализировать все происшедшее. Прежде чем приниматься за оценку последствий, мы должны осознать, что произошло.

— Вы весьма красноречивы, Маркус, — сказал Хэммонд. — А другие нации — люди, с которыми вы говорили так неформально и неофициально, — осознают все факторы, какие вы сейчас обрисовали нам?

— По всей видимости, да, — сказал госсекретарь. — Во всяком случае, они мыслят в том же направлении.

— Но эксперимент наш! — воскликнул Уайтсайд. — Ведь мы же на пороге... Неужели теперь от всего отказаться? Быть может, мы как-то сможем придержать свои открытия?

— Не думаю, Генри, — тихо сказал президент. — Ты же слышал, что сказал этот человек: новый мир и новый уклад, новые правила жизни в этом мире. Для таких старых, покрытых шрамами волков, как мы с тобой, привыкнуть к такому миру — трудная задача. Но в его словах есть логика. Наверное, кое-кто из нас — а может быть, и большинство — уже думали о чем-то подобном, только не могли заставить себя признаться вслух.

— Но как мы со всем этим справимся, — сказал Хэммонд, — ума не приложу.

— Не только мы, — поправил госсекретарь. — Весь мир. Это не только наше дело, оно касается всех. Если мир сейчас не объединится, то нам конец. Всем.

Глава 57

Миннеаполис

Гоулд читал рукопись Нортона. Подняв голову, он посмотрел через стол на Гаррисона.

— Последний абзац.

— Что с последним абзацем?

— Где он рассказывает, как увидел на кухне тени, будто люди ходят. И он думает: «Боже мой! Неужели они и людей делают?»

— Замечательный абзац! В нем же вся соль, ты пойми. От него же мороз по коже.

— А ты Лэтропу показывал? Именно этот абзац?

— Кажется, нет... Не помню. Там было много другого...

— А Портеру сказал?

— Портеру не сказал. Он бы со страху из штанов выскочил.

— Нортону могло и показаться. Людей он не видел. То, что он видел — или думает, что видел, — всего лишь тени на занавесках. Впрочем, тени тоже могли померещиться.

— Дай-ка, — сказал Гаррисон, протянув руку. Гоулд передал ему лист.

Гаррисон внимательно прочитал абзац, перечитал еще раз, потом взял толстый черный редакторский карандаш и старательно его перечеркнул.

СОДЕРЖАНИЕ

МОГИЛЬНИК 5
ИГРУШКА СУДЬБЫ 191
ПРИШЕЛЬЦЫ 382